

КОННЕКТОГРАФИЯ

**БУДУЩЕЕ ГЛОБАЛЬНОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

ПАРАГ ХАННА

Annotation

Эта книга о будущем, о значении стремительно развивающегося мира без границ, в котором на первый план выходят коммуникации всех типов, соединяющие страны и континенты. Книга будет полезна всем, кто интересуется геополитикой, экономикой, футурологией.

PARAG KHANNA
CONNECTOGRAPHY:
MAPPING THE FUTURE OF GLOBAL CIVILIZATION

RANDOM HOUSE

NEW YORK
ПАРАГ ХАННА
КОННЕКТОГРАФИЯ
БУДУЩЕЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Издано с разрешения Random House, a division of Penguin Random House LLC

На русском языке публикуется впервые

Ханна, Параг

Коннектография. Будущее глобальной цивилизации / Параг Ханна ; пер. с англ. Э. Кондуковой ; [науч. ред. Р. Хусаинов, В. Шульпин].

Эта книга о будущем, о значении стремительно развивающегося мира без границ, в котором на первый план выходят коммуникации всех типов, соединяющие страны и континенты. Параг Ханна не только

познакомит вас с новыми методами картографии, но и покажет совершенно новую карту мира — построенную на инновационных принципах.

Книга будет полезна всем, кто интересуется геополитикой, экономикой, футурологией.

© Parag Khanna, 2016 This translation is published by arrangement with Random House, a division of Penguin Random House LLC

«Коннектография» опередила время и обозначила будущее геополитическое поле боя и новые способы перетягивания каната. Эрудиция и дар предвидения Ханна впечатляют... Книгу обязательно нужно прочитать следующему президенту.

Чак Хейгел, бывший министр обороны США

Попасть туда, куда вы хотите, вам поможет хорошая карта. В «Коннектографии» Параг Ханна исследует политический, экономический и технологический ландшафт и аргументированно объясняет, почему погоня за конкурентной связанностью — с городами и цепями поставок как ключевыми звеньями — стала новой гонкой вооружений XXI века. Этот инновационный подход — захватывающее дополнение к нашим непрекращающимся дебатам о геополитических проблемах и будущем глобализации.

Доминик Бартон, управляющий директор McKinsey & Company

Эта книга поистине монументальный труд, в котором умело сочетаются внимание к деталям и широкий взгляд на вещи. Ее ключевой тезис: инфраструктура — это судьба. Следите за цепями поставок, описанными в книге, и узнаете, каким будет наш мир.

Кевин Келли, соучредитель журнала Wired

Параг Ханна применил знания о связанности в новой неизведанной области, составив целый атлас о том, как старые и новые связи преобразуют материальный, социальный и интеллектуальный мир. Это глубокое, всеобъемлющее размышление о значении быстроразвивающегося мира без границ. «Коннектография»

объясняет, почему прошлое больше не пролог к будущему. Никто лучше Парага Ханна не продемонстрирует вам все возможности нового гиперсвязанного мира.

Мэтью Барроуз, директор инициативы Стратегического прогнозирования Атлантического совета США и бывший консультант Национального совета по разведке США

Чтение «Коннектографии» — настоящее приключение. Глубокие профессиональные знания Парага Ханна позволили ему написать всеобъемлющую увлекательную книгу, основанную на географии, но при этом затрагивающую все сферы, объединяющие людей во всем мире. Глубокий анализ коммуникаций, логистики и многих других важных областей вызывает искреннее восхищение. Книга полна поразительных фактов, которых мы обычно не замечаем, и отражает результат многочисленных путешествий автора по миру. Рекомендованный им перечень сайтов и инструментов для составления карты самый обстоятельный из тех, что я когда-либо видел. Эта книга — бесценный источник информации для бизнесменов, ученых, людей искусства и представителей других сфер деятельности.

Марк Мобиус, председатель правления управляющей компании Templeton Emerging Markets Group

«Коннектография» представляет читателю новый увлекательный взгляд на общество, выходящий за рамки общепринятых понятий и подходов. Книга показывает мир как живую, реально существующую среду — потоки людей, идей и материалов, формирующие нашу постоянно меняющуюся реальность. «Коннектографию» обязан прочитать каждый, кто хочет получить представление о будущем человечества.

Алекс «Сэнди» Пентланд, профессор Массачусетского технологического института (медиалаборатория)

Новая книга Ханна — блестящее исследование геополитики цепей поставок и влияния пересечения технологий и географии на глобальную политическую экономику. Это интеллектуальное явление, блистающее оригинальными взглядами, стимулирующими утверждениями, малоизвестными фактами и тщательно обоснованными прогнозами. Весьма полезное чтение для желающих понять суть современного мирового порядка и китайского проекта «один пояс, один путь», вытеснившего проект США по восстановлению равновесия в Азии,

став выигрышной стратегией интеграции всех экономик Евразии под патронатом Китая.

Чаз Фриман — младший, бывший председатель ассоциации China Policy в США и бывший посол США в Саудовской Аравии

Ханна описывает ближайшее будущее, в котором инфраструктурные и экономические связи вытесняют традиционные геополитические координаты как основные средства навигации по нашему миру, убедительно излагая свое видение. «Коннектография» не менее увлекательна и экспрессивна, чем древние карты, из которых он черпал вдохновение.

Сэр Мартин Соррелл, основатель и CEO компании WPP

Новая книга Парага Ханна — бесценный путеводитель по изменчивым, запутанным мирам геополитики начала XXI века — от Лагоса, Мумбаи, Дубая и Сингапура до Амазонки, Гималаев, Арктики и пустыни Гоби. Провокационный пересмотр принципов современного капитализма основан на мегаинфраструктуре планетарного масштаба, межконтинентальных каналах связи и транснациональных цепях поставок, а не на традиционных политических границах.

Нейл Бреннер, директор лаборатории проблем урбанизации в Высшей школе дизайна при Гарвардском университете

Параг Ханна переосмысливает мир сквозь призму глобально связанных сетей цепей поставок. И хотя этот мир все еще полон опасностей — как старых, так и новых, — именно он способен обеспечить стабильность и устойчивое развитие.

Джон Аркилла, военный аналитик, профессор Школы переподготовки морских офицеров США

В современном мире есть множество глобальных географических регионов, не соответствующих традиционной геополитике государств. В «Коннектографии» Параг Ханна представляет не только новые методы картографии, но и совершенно новую карту мира — построенную на инновационных принципах, полезную и завораживающую.

Саския Сассен, профессор социологии Колумбийского университета

Айеше, единственному компасу, который мне нужен

ПРОЛОГ

Когда ты страстно чем-то увлечен, естественное желание — «заразить» этим своих детей. Я с детства собирал глобусы, карты и прочие географические артефакты. Поэтому неслучайно то, что в перерывах между написанием многих глав этой книги я вместе с дочкой собирал карту мира из тысячи фрагментов. Карта представляет собой проекцию Меркатора, названную так в честь фламандского географа XVI века, который для удобства навигации грубо исказил на картах масштаб высоких широт. Так что реакция моей дочери: «Гренландия такая большая!», вполне закономерна, как и вопрос, почему остров окрашен в оранжевый цвет? Легче всего было собирать Африку: пятьдесят четыре страны в виде отдельных пазлов с характерными особенностями вроде контрастных национальных цветов и названий городов. Огромные океаны мы оставили напоследок: это нудная, кропотливая работа с сотнями схожих фрагментов, различающихся лишь оттенками голубого. Параллельно мы выясняли, где находятся самые глубокие океанические впадины и самые высокие подводные горные хребты, нередко выступающие над поверхностью воды в виде островов, на которых живут люди.

Составив карту, мы осторожно наклеили на нее широкую прозрачную защитную пленку и повесили на стену. Немного отступив и взглянув на нее, я тут же представил, как когда-то континенты объединялись в один суперконтинент Пангея, и вообразил, как за следующие 50–100 миллионов лет они снова сгруппируются вокруг Арктики и сольются в другой суперконтинент под названием Амазия¹.

Но что, если мы соединяем континенты уже сегодня? Как будет выглядеть планета Земля с разветвленной удобной транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктурой, не оставляющей в мире изолированных уголков? Для обозначения такого мира я придумал термин — «коннектография».

Эта книга об ошеломляющих последствиях взаимосвязанности практически всех аспектов нашей жизни завершает трилогию о будущем мировом порядке. Первой была книга «Второй мир»² — обзор новой геополитической ситуации, в которой несколько супердержав борются за влияние в крупных регионах мира, раздираемых противоречиями. Я утверждал: «Когда-то колонии завоевывали — сегодня страны покупают». Чтобы извлечь максимальную выгоду, мудрые государства практикуют многовекторное

сотрудничество со всеми супердержавами, не создавая прочных союзов. Во второй книге трилогии «Как управлять миром»³ исследуется глобальная картина мира, Новое Средневековье, где, несмотря на борьбу за сферы влияния, правительства, компании, общественные объединения и прочие игроки сотрудничают в рамках так называемой мегадипломатии для решения глобальных проблем. Книга завершается призывом к «всеобъемлющей свободе через стремительно расширяющиеся добровольные связи» как пути к новой эпохе Возрождения. В «Коннектографии», заключительной части трилогии, рассказывается, как преодолеть этот путь — интеллектуально и буквально.

Дорожная карта книги включает несколько взаимосвязанных тем. Во-первых, связанность заменила разобщенность как новая парадигма глобальной организации мира. Общество переживает фундаментальные преобразования, и сегодня инфраструктура говорит об устройстве мира больше, чем политические границы. На достоверной карте мира должны быть нанесены не только страны, но и мегагорода, автомагистрали, трубопроводы, железные дороги, интернет-кабели и прочие символы зарождающейся глобальной сетевой цивилизации.

Во-вторых, сегодня децентрализация — самая могущественная политическая сила: в мире повсюду разваливаются империи и власть перетекает из столиц в провинции и города, стремящиеся к автономии в финансовых и дипломатических вопросах. Но у децентрализации есть один важный спутник — агрегация. Чем меньше политические образования, тем сильнее их стремление влиться в крупные объединения, чтобы выжить. Эта тенденция наблюдается во всем мире — от Восточной Африки до Юго-Восточной Азии — по мере формирования новых региональных объединений в результате создания общей инфраструктуры и институтов. К примеру, Северная Америка действительно превращается в объединенный суперконтинент.

В-третьих, меняется характер геополитической конкуренции, перерастая из войны за территории в войну за связанность. Конкуренция за связанность напоминает затяжную борьбу за глобальные цепи поставок, энергорынки, промышленное производство, финансовые потоки, технологии, знания и таланты. Это переход от войны между системами (капитализм против коммунизма) к войне *внутри* одной коллективной логистической системы. Хотя угроза

военных столкновений остается, затяжная борьба становится повседневной реальностью — и выиграть можно только путем эффективного планирования экономики, а не ведения военных действий.

По всему миру строятся тысячи новых городов и создаются специальные экономические зоны (СЭЗ), чтобы помочь региональным сообществам закрепиться на карте глобальной борьбы. Еще один способ этого добиться — учреждение инфраструктурных союзов: физическое взаимодействие через границы и океаны, тесные партнерства в цепи поставок. Реализация этой стратегии Китаем возвела инфраструктуру в ранг глобального блага наравне с гарантиями безопасности от США. Геополитика в связанном мире смещает акценты на системы материальной и виртуальной инфраструктуры.

Связанность — ключевой фактор глубинного перехода к более сложной глобальной системе. Экономики более интегрированы, население более мобильно, киберпространство сливается с физической реальностью, а изменения климата вносят коррективы в наш образ жизни. Интенсивные — и часто неожиданные — потоки обратной связи между этими явлениями невозможно расшифровать. И хотя связанность делает мир более сложным и непредсказуемым, одновременно она создает основу для его устойчивости.

Именно в сложные времена люди больше всего хотят знать, что будет дальше. Лучшее, что мы можем предпринять, — это взяться за разработку возможных сценариев. Во времена холодной войны они помогли понять, как стабильность может внезапно мутировать и перерасти во враждебность, а мир — уступить место войне. Сегодня сценарии показывают, каким будет мир в условиях нехватки электроэнергии, обострения борьбы за природные ресурсы, усиления миграционных процессов, введения ограничений, перенасыщения развивающихся рынков, перераспределения капитала, неравенства, порождающего масштабные политические волнения, или очередной попытки правительств повысить уровень жизни и количество рабочих мест. Нетрудно найти подтверждение любой из этих тенденций.

Таким образом, хорошие сценарии содержат не столько прогнозы, сколько процессы: чем разнообразнее перспективы, тем качественнее сценарий. Когда «смерть глобализации» и «век гиперглобализации» предсказываются с одинаковой уверенностью, составление адекватного

прогноза — это не вопрос выбора из двух возможных сценариев, оптимистичного или пессимистичного, а разработка нескольких вариантов развития событий. Сегодня нам не приходится выбирать между тяжбой сверхдержав, глобальной взаимозависимостью и мощными частными сетями — все эти явления существуют одновременно.

Я объединил в этой книге элементы сотен сценариев с результатами собственных исследований и наблюдений за два десятилетия поездок во многие уголки мира и анализа глобальных событий. Благодаря феноменальным улучшениям в области визуализации данных некоторые из этих результатов отражены в уникальных картах и графических изображениях, использованных в книге и приложении Connectivity Atlas, доступном по адресу <https://atlas.developmentseed.org/>. Какой бы облик ни приобрел мир в ближайшие десятилетия, хорошая карта по-прежнему будет нужна.

ПРИМЕЧАНИЯ К КАРТАМ

Первые известные географические карты — древняя вавилонская карта мира (Imago Mundi) и карта Земли древнегреческого философа Анаксимандра в виде омываемого водой круга с центром в Дельфах⁴ — датируются VI веком до нашей эры. Впоследствии греческий астроном Птолемей разработал сетку координат — долготы и широты, — исчисляемых в градусах, что позволило гораздо точнее определять местоположение объекта. Тем не менее византийские и исламские карты очень долго оставались скорее теологическим, чем географическим артефактом из-за ориентированности на святые для этих религий места. Благодаря Крестовым походам и освоению Великого шелкового пути европейские ученые уточняли географические и климатические данные и ежегодно составляли около тысячи обновленных *mapra mundi* (карт мира). Карты великого энциклопедиста XV века Леонардо да Винчи содержали элементы современных атласов с цветами и затенением для отображения особенностей рельефа местности.

Однако, несмотря на развитие техники изготовления карт, объем представленной на них информации все еще был ограниченным. В течение многих десятилетий после первого кругосветного плавания Фернана Магеллана (1519–1522) на карты продолжали наносить рисунки морских чудовищ и латинскую фразу *hic sunt dracones* («Здесь

живут драконы») на территории Восточной Азии. На картах Африки середины XVII века по-прежнему красовались расплывчатые наброски обезьян и слонов, что свидетельствовало о недостатке знаний о доколониальном обществе в Южном полушарии. На Западе почти ничего не знали о Гавайях и островах в южной части Тихого океана вплоть до путешествий Джеймса Кука в середине XVIII века. На тот момент наиболее важными обозначениями на картах были морские течения, во многом определявшие маршруты мореплавателей.

Современные карты не содержат искажений, присущих их предшественницам. Например, проекции Галла — Петерса и Хобо — Дайера используют равновеликие методы масштабирования, позволяющие соизмерять площади континентов, чтобы, скажем, Гренландия не казалась такой же, как Африка, площадь которой в четырнадцать раз больше. Но, несмотря на это, современные карты, особенно политические, не отражают реального положения вещей, хотя мы и приписываем им невероятную точность, забывая, что карты один из ключевых инструментов пропаганды в истории.

Карты обманчивы и опасны. Конкурентная картография — это многовековая борьба, поскольку картографы продвигают националистическую версию реальности. То, что отражено на карте, существенно влияет на формирование нашего мировоззрения. На картах Израиля границы государства нанесены как юридически установленные, в то время как его соседи либо вообще не указывают Израиль на своих картах, либо называют Палестину «оккупированной территорией». В 2014 году даже издательство HarperCollins выпустило «Ближневосточный атлас» без Израиля, чтобы пощадить чувства покупателей на арабских рынках. Индия и Китай продолжают выпускать карты с противоречивым расположением своих границ в нескольких секторах, где до сих пор периодически происходят столкновения. Google Earth до настоящего времени при разработке карт придерживалась нейтралитета, показывая спорные территории как таковые. Но когда в 2010 году Google Earth ошибочно приписала часть русла реки Сан-Хуан Коста-Рике, Никарагуа чуть было не объявила войну одной из немногих стран в мире, у которых нет армии!

Увы, границы меняются так часто, что уже сами по себе становятся лучшим напоминанием о том, что в мире нет ничего постоянного. Действительно, со временем даже краеугольные культурные символы,

которые мы ассоциируем с направлениями компаса, изменили свое значение. Тридцать лет назад Восток означал Советский Союз, а холодную войну часто называли «конфликтом между Востоком и Западом». Но сегодня уже никто не скажет «Восток», подразумевая Россию. *Настоящий* Восток — это ориентирующаяся на Китай Азия, где проживает более половины населения планеты и сосредоточена треть мировой экономики. Аналогично термин «Запад» использовался для обозначения лишь иудео-христианских стран Западной Европы или, в более широком смысле, стран — членов НАТО. Но сегодня, говоря о Западе, мы подразумеваем почти тридцать стран Европейского союза, а также Северную Америку и весь Южноамериканский континент — третий столп западного мира [1]. И в самом деле, благодаря действиям многих стран прежнего Юга, то есть «третьего мира», таких как, например, Индия, обогнавшая по темпам роста экономики стран Запада, дипломатический союз Южного полушария практически распался. «Старым миром» некогда называли Европу, а «новым» — Америку. Теперь Запад стал «старым миром», а Азия — «новым». Увидев по приезду в Сингапур, насколько стремительно развивается Азия, один журналист глубокомысленно произнес: «М-да, нынче современность начинается на Востоке и распространяется на Запад». В новом поколении появилась ранее не существовавшая идентичность — «северяне», это люди, рожденные в Арктике, на территориях выше 66-го градуса северной широты, численность населения которых растет по мере потепления планеты.

Карты — самый древний пример инфографики, но без учета инфраструктуры они теряют ценность. По мнению Кеничи Омае, ведущего консультанта в области стратегического менеджмента, карты — это «картографические иллюзии», поскольку они в очень малой степени отражают нашу способность преодолевать географические расстояния с помощью технологий. В приличном обществе замалчивание расценивается как ложь, то же можно сказать о картах. Завершая всестороннее исследование истории картографии, британский историк Джерри Броттон указывает на парадокс: «Мы никогда не познали бы мир без карт, но они не могут достаточно точно его представить» [2]. Но мы можем хотя бы попытаться. Мир нуждается в картах как никогда, но более качественных, чем раньше. Карты эволюционировали от предметов искусства и теологических

артефактов до коммерческих и политических объектов; теперь они должны точно отображать демографию, экономику, экологию и инженерные технологии.

В начале холодной войны 64-й топографический инженерный батальон армии США исследовал сильнопересеченную местность (джунгли и минные поля) от Либерии до Ливии и от Эфиопии до Ирана, чтобы составить более точные карты для военных операций и размещения складов боеприпасов. К началу войны во Вьетнаме эти карты постепенно были заменены спутниками — настоящая революция в картографии, позволяющая взглянуть на карты как на живое, движущееся изображение мира. В отличие от двумерного изображения на бумаге, в трехмерных изображениях, на цифровых экранах или голограммах мы видим мир с пронизывающими его взаимосвязями и тенденциями. Картография совершила рывок от рентгена до магнитно-резонансной томографии (МРТ).

Лучшие карты сочетают физическую географию с линиями связи, созданными человеком. Это постоянно обновляемые мгновенные снимки, отображающие особенности земной поверхности и фактическую силу тяжести. Каждый раз при обновлении на них появляются новые месторождения природных ресурсов, объекты инфраструктуры, демографические тенденции и прочие изменения. Программа мониторинга авиарейсов GeoFusion, доступная пассажирам компании British Airways, использует данные системы WorldSat в режиме реального времени, чтобы в мельчайших деталях показать коричнево-зеленую почву сельскохозяйственных угодий, зубчатый профиль горных хребтов и обширные серые пятна городов. Сенсорный экран позволяет увеличивать или смещать изображение. Рекомендую установить это приложение на iPad ваших детей, чтобы они могли убедиться, что земля круглая, а не плоская.

При прокладывании пути в GeoFusion становится очевидно, что разделение мира на отдельные политические образования глубоко вторично по сравнению с ростом популярности урбанизированных прибрежных территорий. К 2030 году более 70 процентов жителей планеты переберутся в города, расположенные в радиусе 70 километров от побережья морей или океанов. Хотя тенденция селиться в долинах плодородных рек и на океанских побережьях известна с древних времен, плотность населения, экономическая мощь и политическое

влияние современных прибрежных мегаполисов превращает их — в большей степени, чем многие государства, — в ключевые единицы человеческой организации.

Для нас как урбанизированного биологического вида изображение городского ландшафта на основе баз данных не менее важно, чем правильное отображение размеров городов. В 1980-х годах компании, развивавшие технологию GPS, начали методично объезжать и геокодировать дороги по всему миру, создавая базы данных для навигационных инструментов, ныне присутствующих на приборной доске практически каждого нового автомобиля. Google вскоре присоединилась к проекту, добавив в базу данных множество спутниковых снимков улиц. Сегодня цифровым картографом может стать кто угодно: карты переместились из энциклопедии Britannica в вики-энциклопедию. Например, OpenStreetMap организовала миллионы людей на съемку видов улиц с возможностью отмечать на них любые объекты, сообщать местные новости и делиться актуальной информацией — от простой передачи данных до доставки продовольствия в районы гуманитарных катастроф⁵. Теперь мы можем вставить в трехмерную карту обновленные снимки от двух десятков спутников компании Planet Labs размером с обувную коробку каждый и исследовать как природный ландшафт, так и планы городов.

Все это само плывет нам в руки. Сегодня карты Google — наиболее загружаемое приложение, отображающее реальную ситуацию куда лучше, чем компания Rand McNally⁶. С расширением глобальной сенсорной сети под названием интернет всего (интернет вещей плюс интернет людей) карты будут постоянно обновляться, предлагая анимированные картины мира, актуальные событиям текущего момента — включая пять тысяч самолетов в воздухе и более десяти тысяч кораблей, бороздящих моря и океаны во всех направлениях⁷. Это артерии и вены, капилляры и клетки мировой экономики в рамках инфраструктурной сети, которая в итоге станет не менее эффективной, чем человеческое тело.

Картографическая революция практически не оставляет места воображению. Подводные видеокамеры передают точное изображение океанических горных хребтов и впадин, месторождений полезных ископаемых, рифовых систем, быстро увеличивая обследованную на данный момент площадь морского дна, доля которой составляет

менее 0,05 процента. Система LIDAR, использующая лазеры для выявления и исследования изменений в атмосфере, а также поиска залежей полезных ископаемых глубоко под землей, позволяет составлять точные карты размещения природных ресурсов. Объединение демографических данных, климатических прогнозов и сейсмических моделей показывает, что более половины населения планеты проживает в азиатских странах Тихоокеанского бассейна вдоль вулканического пояса Тихого океана (Кольца огня) — в этой зоне находятся три четверти действующих сегодня на земле вулканов, происходит более 80 процентов самых мощных землетрясений и ускоренными темпами повышается уровень мирового океана. Мы не менее драматично, чем в лучших голливудских фильмах, можем анимировать будущее, а возможно, и саморазрушение.

Отображение сложной динамики во взаимодействии трех главных сил, формирующих облик планеты — человека, природы и технологий, — потребует нового вида географической грамотности. От глубин дождевых лесов Амазонки до центральных районов пустыни Такла-Макан в Китае — в мире еще немало мест, где память старейшин племени или особая интуиция кочевников, позволяющая ориентироваться в джунглях или в перемещениях песчаных дюн, — лучшая «живая карта». Но такие навыки умирают вместе с их владельцами, и нам приходится все больше полагаться на технологии. Новое поколение карт и моделей — нечто большее, чем набор красивых цифровых путеводителей. Они должны стать чем-то вроде средоточия информации об окружающей среде, политике, экономике, культуре, технологиях и социологии [3] и основываться на изучении *связей*, а не *разделения*. Нам не нужно пользоваться статичными политическими картами мира, когда у нас есть QWERTY-клавиатура, программы распознавания речи, сенсорные интерфейсы и видеосвязь в режиме реального времени.

Нынешние «цифровые аборигены» — их еще называют миллениалами (или поколением Y) и поколением Z — нуждаются в новой инструментарии. Сегодня население планеты молодо как никогда: 40 процентов землян моложе 24 лет, а это означает, что у них нет личных воспоминаний о холодной войне или колониализме. Согласно опросу компании Zogby Analytics, эти «первые глобалисты» определяют связанность и устойчивость как свои основные ценности.

Им не свойственны автоматическая лояльность к местной власти и чувство безопасности из-за наличия границ между странами. Например, в Америке миллениалы-латиноамериканцы высказались за полную нормализацию отношений с Кубой; миллениалы из Южной Кореи выступают за воссоединение с Северной Кореей. Они считают себя хозяевами своей судьбы и ратуют за мир без границ. К 2025 году все население планеты, скорее всего, получит доступ к мобильной связи и интернету. И по мере роста такой связанности мы должны корректировать наши карты.

ЧАСТЬ I

СВЯЗАННОСТЬ — ЭТО СУДЬБА

ГЛАВА 1

ОТ ГРАНИЦ К МОСТАМ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА

Давайте совершим кругосветное путешествие, не используя самолет. Если мы рано утром выедем из Эдинбурга, столицы Шотландии, то прибудем на вокзал Юстон в Лондоне около полудня, прогуляемся вдоль Британской библиотеки и перекусим на отреставрированном в викторианском стиле вокзале Сент-Панкрас, где сядем на поезд «Евростар», следующий по подземному туннелю через Дуврский пролив (Па-де-Кале) в Париж; затем на скоростном поезде TGV доберемся до Мюнхена и далее на немецком ICE — до Будапешта. Оттуда идущий вдоль Дуная ночной поезд доставит нас в Бухарест, откуда еще один ночной поезд следует по Черноморскому побережью в Стамбул. Там, где когда-то скрипучий паром был самым быстрым способом пересечь Босфорский пролив, чтобы попасть из Европы в Азию, сегодня можно пройти по одному из подвесных мостов или прокатиться на поезде через подводный туннель «Мармарай» и далее в Иран. У нас есть еще два варианта: отправиться по реконструированной Хиджазской железной дороге, пересекающей Юго-Восточную Турцию, остановиться в Дамаске и Аммане, а затем продолжить путешествие в Медину; или через Израиль и Синайский полуостров добраться до Каира, а оттуда по модернизированной «Красной линии» — железной дороге, которую начали строить британские колонизаторы в конце XIX века, — до Кейптауна. Но вернемся к Ирану. Из Тегерана мы продолжим путь на восток по новой, скоростной, построенной китайцами железной дороге,

проложенной через Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан и крупнейший торговый центр Казахстана Алма-Ата, а оттуда — до самой большой провинции Китая Синьцзян и ее столицы Урумчи и далее через Сиань до Пекина.

Из Парижа можно выбрать и другой маршрут — взять билет на ночной поезд до Москвы, а оттуда доехать по легендарной Транссибирской магистрали до Владивостока и далее в Пхеньян или Сеул или немного раньше пересесть на поезд до Пекина, следующий через Маньчжурию или Монголию. Если предпочитаете путешествовать в тропических широтах, то поезжайте на юг по самой протяженной скоростной железной дороге, пересекающей горную провинцию Юньнань и ее столицу Куньмин. Оттуда можно направиться прямо в Лаос и его столицу Вьентьян, а затем в Таиланд и его столицу Бангкок или проехать вдоль побережья Южно-Китайского моря через Ханой и Хошимин (Вьетнам), затем через столицу Камбоджи Пномпень и попасть в тот же Бангкок. Далее выбор маршрута невелик: придется спуститься на юг полуострова Малакка до Куала-Лумпура и Сингапура — самой южной точки материковой Азии.

Естественно, море нас не остановит, и мы продолжим путешествие на поезде через подземный туннель под стратегическим Малаккским проливом на самый большой остров Индонезии Суматру, а оттуда по мосту через Зондский пролив в столицу Индонезии Джакарту, расположенную на самом густонаселенном (свыше 150 миллионов человек) в мире острове Ява. Проехав чуть дальше, мы окажемся на пляжах острова Бали, откуда на круизном лайнере можно добраться до Австралии. Если мы выберем самые скоростные маршруты и нигде не опоздаем на пересадку, то объедем всю Евразию — от Шотландии до Сингапура и чуть дальше — примерно за неделю.

Но это только половина пути. Вместо Австралии из Пекина мы отправимся на север через Владивосток и Восточную Сибирь. Если вы любите суши, то мы могли бы переехать по мосту на остров Сахалин, а оттуда по подземному туннелю — на самый северный японский остров Хоккайдо, а затем постепенно пересекли бы всю Японию на скоростных поездах «Синкансен». Добравшись до Кюсю, мы проедем по 120-километровому подводному туннелю в Пусан и двинемся на север по Корейскому полуострову назад через Сибирь, чтобы преодолеть следующую часть пути продолжительностью более

13 тысяч километров. Он проляжет через вулканический Камчатский полуостров и 200-километровый туннель под Беринговым проливом, который на Аляске выйдет на поверхность и приведет нас в Фэрбенкс. Оттуда, конечно же, мы направимся в Джуно и Ванкувер, Сиэтл и Портленд, Сан-Франциско и Лос-Анджелес. Хотя Калифорния, Техас, Иллинойс и Нью-Йорк настаивают на более интенсивном движении высокоскоростных поездов Acela Express (планируется развивать скорость около 200 километров в час, что примерно вдвое медленнее, чем у японцев), тем не менее мы доедем от побережья Тихого океана до Атлантического за два дня, миновав континентальные штаты. Теперь все, что нам осталось, — сесть на судно на воздушной подушке, идущее до Лондона, а затем на любом из двадцати ежедневно отправляющихся отсюда поездов добраться до Эдинбурга. Поздравляю: путешествие вокруг света закончено.

Вы можете преодолеть этот маршрут на самолете, проехать значительную его часть (кроме океанов) на автомобиле или предпочесть старый надежный способ — железную дорогу⁸. Многие упомянутые трассы уже проложены, другие появятся со временем. Но чем более разветвленными и связанными они будут, тем больше у вас вариантов выбора пути.

Общеизвестное изречение «География — это судьба» теряет актуальность. Извечные аргументы о том, что климат и культура обрекают некоторые общества на гибель, а маленькие страны всегда зависят от прихоти более крупных стран, сходят на нет. Благодаря глобальным транспортным системам, коммуникационной и энергетической инфраструктуре — автомагистралям, железным дорогам, аэропортам, трубопроводам, электросетям, интернет-кабелям и многому другому — у будущего появится новый афоризм: «Связанность — это судьба».

Взгляд на мир сквозь призму взаимозависимости порождает новое видение нашей самоорганизации как биологического вида. Глобальная инфраструктура преобразовала мировую систему от обособленности к интернационализации, от наций к узловым центрам. Инфраструктура подобна нервной системе, соединяющей все части организма планеты; капитал и закон — это кровяные клетки, текущие по его жилам. Сильные взаимосвязи активно формируют мир вне государств, глобальное общество, которое больше, чем сумма его частей. Так же

как мир эволюционировал от вертикально интегрированных империй к горизонтально взаимосвязанным странам, сегодня он преобразуется в глобальную сетевую цивилизацию, чья карта соединительных коридоров заменит традиционные карты с национальными границами. Каждая континентальная зона уже превращается во внутренне интегрированный мегарегион (Северная Америка, Южная Америка, Европа, Африка, Аравия, Южная Азия, Восточная Азия) со свободной торговлей в сочетании с интенсивными связями между его процветающими городами-государствами.

Кроме того, карты взаимосвязей лучше отражают геополитическую динамику супердержав, городов-государств, транснациональных корпораций и виртуальных сообществ всех видов, так как они конкурируют за ресурсы, рынки и умы. Мы вступаем в эпоху, в которой города будут значить больше, чем государства, а цепи поставок станут важнее армии, и защищать нужно будет цепи поставок, а не государственные границы. *Конкурентная связанность* — это гонка вооружений XXI века.

Взаимосвязанность есть не что иное, как наш путь к коллективному спасению. Конкуренция за подключение к мировой рыночной инфраструктуре менее жесткая, чем международные пограничные конфликты, так как предоставляет выход из исторических циклов глобальных мировых конфликтов. Более того, возможность присоединиться к тому или иному масштабному проекту обусловила невиданный ранее прогресс, поскольку теперь ресурсы и технологии гораздо легче переместить туда, где в них особенно нуждаются, а людям стало проще переселяться в более перспективные в экономическом плане города или менее опасные для проживания регионы. Укрепление связей позволяет сообществам диверсифицировать импорт и экспорт. Таким образом, мы извлекаем максимальную пользу из своего географического положения. История человеческой цивилизации — нечто большее, чем чередование периодов войны и мира, экономического подъема и спада. Путь истории извилист, но всегда ведет в сторону связности.

ВСЕОХВАТЫВАЮЩИЕ МОСТЫ

Главная особенность нашей эпохи состоит в том, что любая страна, любой рынок, любое средство коммуникации, любой природный ресурс взаимосвязаны.

Саймон Анхольт, The Good Country Party

Связанность — новая метамодель нашего века. Это глобальная историческая *идея*, которая, подобно свободе или капитализму, формируясь, распространяясь и преображаясь в течение длительного времени, приводит к эпохальным переменам. Несмотря на непредсказуемость, пронизывающую сегодня все стороны нашей жизни, мы можем с достаточной степенью уверенности говорить о наличии мегатенденций, таких как быстрая урбанизация и вездесущие технологии. Ежедневно кто-то из нас впервые в жизни включает мобильный телефон, заходит в интернет, переезжает в другой город или садится в самолет. Мы идем вслед за технологиями и открывающимися возможностями. Поэтому связанность — больше чем инструмент, это *стимул*.

Независимо от способа присоединения мы это делаем через инфраструктуру. Хотя термину «инфраструктура» менее ста лет, он характеризует ни больше ни меньше как нашу физическую способность к глобальному взаимодействию. Технологические достижения привели к появлению новых форм инфраструктуры, о которых предыдущие поколения могли только мечтать. Более века назад ключевые географические проекты, такие как Суэцкий и Панамский каналы, изменили представление о глобальной навигации и торговле. Начиная с XIX века османские султаны мечтали построить туннель, соединяющий европейскую и азиатскую части Стамбула. В 2013 году в Турции открыли туннель «Мармарай»; имеющиеся в стране грузовые железные дороги, нефте- и газопроводы укрепляют ее позиции как главного транзитера между Китаем и Европой. Турцию раньше называли страной на стыке двух континентов, теперь это страна, где они соединяются. Японский император начала XX века Тайсё тоже стремился соединить мостом Хонсю и самый северный остров Хоккайдо, но лишь в 1980-х годах был построен туннель «Сейкан» протяженностью 54 километра (в том числе 23 километра под морским дном), через который идут скоростные поезда «Синкансен»⁹. Как только строительство туннелей, связывающих Японские острова с Сахалином и Южной Кореей, будет завершено, Япония перестанет быть островом в буквальном смысле этого слова.

Мы находимся на раннем этапе трансформации планеты путем управления бурными потоками людей, товаров, данных и капиталов.

Действительно, следующая волна транс- и межконтинентальных мегаинфраструктурных проектов еще более амбициозна: межконтинентальная автомагистраль через бассейн Амазонки — от Сан-Паулу до перуанского порта Сан-Хуан-де-Маркона на Тихоокеанском побережье; мосты, соединяющие Аравийский полуостров с Африкой; туннель от Сибири до Аляски; подводный кабель, идущий по дну арктических морей, между Лондоном и Токио; энергосети под Средиземным морем, передающие солнечную энергию из Сахары в Европу. Британский анклав Гибралтар станет местом выхода на поверхность проложенного под Средиземным морем туннеля из марокканского Танжера, от которого протянется новая высокоскоростная железная дорога до побережья Касабланки. Даже там, где континенты не примыкают друг к другу, строятся новые порты и аэропорты, чтобы разгрузить пассажиропоток и повысить объемы межконтинентальных перевозок.

Ни один из этих мегаинфраструктурных проектов не станет «мостом в никуда». Уже реализованные проекты обеспечили гигантские вливания в мировую экономику, исчисляемые в триллионах долларов. Во время промышленной революции аналогичный эффект произвела растущая производительность труда в сочетании с увеличением объемов торговли, вследствие чего темпы роста экономики США и Великобритании впервые за столетие превысили 1–2 процента. По мнению Нобелевского лауреата по экономике Майкла Спенса, внутренние темпы роста экономик никогда не достигли бы нынешних значений без трансграничных потоков ресурсов, капитала и технологий.

Поскольку лишь четверть объема мировой торговли приходится на граничащие страны, связанность представляет собой необходимое условие роста как национальных, так и глобальной экономики. Связанность — наряду с демографией, фондовыми рынками, производительностью труда и технологиями — мощный импульс развития мировой экономики. Представьте, что мир — это часы и что их батарейка постоянно подзаряжается кинетической энергией: чем больше вы ходите, тем больше ее заряд. Поэтому пора перенаправить часть усилий, затрачиваемых на расчет показателей национальных экономик, на оценку их взаимосвязанности.

Вряд ли найдется лучший объект для инвестиций, чем связанность. Государственные расходы на материальную инфраструктуру, также называемые валовым накоплением основного капитала, например мосты, дороги, и социальную инфраструктуру, такую как здравоохранение и образование, считаются инвестициями (а не потреблением), так как в долгосрочной перспективе экономят затраты и генерируют всеобщие блага для общества. Расходы на масштабные объекты инфраструктуры на протяжении всего XIX века были относительно низкими, не более 5–7 процентов от ВВП Великобритании. Максимального значения, 10 процентов, этот показатель достиг накануне Первой мировой войны [1]. США нарастили инвестиции в инфраструктуру почти до 20 процентов от ВВП за период с конца XIX века и до конца Первой мировой войны, что вдвое превысило аналогичные расходы в Великобритании и вывело экономику США на первое место в мире. Хотя крупнейшие американские и канадские компании по строительству железных дорог и прокладке каналов на рубеже XX века обанкротились, их странам осталась густая транспортная сеть, способствующая развитию торговли в континентальном масштабе вплоть до настоящего времени.

Авторитетный британский экономист Джон Кейнс решительно выступал за инвестиции в общественные работы как инструмент создания рабочих мест и повышения совокупного спроса — политику, проводимую президентом Рузвельтом во время Великой депрессии. После Второй мировой войны накопление основного капитала нарастало, как приливная волна, — с менее 20 процентов до более чем 30 процентов от ВВП. Немецкое экономическое чудо (*Wirtschaftswunder*) 1950-х годов, 9-процентный рост экономики Японии в 1960-х, история «азиатских тигров» в 1970–1980-х годах (Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг), а затем Китай в 1990-х, когда инвестиции в инфраструктуру превысили 40 процентов от ВВП, который демонстрировал устойчивый ежегодный 10-процентный рост в течение трех десятилетий. Китай, как ни одна другая страна, подтверждал теорию Кейнса.

Последние несколько десятилетий доказывают, что именно благодаря связанности экономики стран начинают оцениваться уже не в миллиардах, а в триллионах долларов. Более того, инфраструктура — ключ к социальной мобильности и экономической устойчивости:

урбанизированные экономики с густой транспортной сетью (как, например, Южный Китай) намного быстрее восстановились после финансового кризиса 2007–2008 годов, поскольку обеспечивали людям свободу передвижения в поисках работы. Испания сильнее всех пострадала от рецессии в еврозоне, но благодаря развитой инфраструктуре сегодня демонстрирует самые высокие темпы роста в Европе. Когда задолженность в мире достигает рекордных значений, а процентные ставки остаются на историческом минимуме, мировые финансовые ресурсы следует направить на развитие продуктивной связанности, а не неосязаемые деривативы.

Такая большая страна, как США, по определению должна тратить на обеспечение связанности гораздо больше. Инвестиции в инфраструктуру страны традиционно приносили почти 2 доллара на каждый вложенный доллар, тем не менее десятилетиями сокращались [2]. Сегодня заторы на американских дорогах и в туннелях приводят к потере времени, аварийные мосты — к несчастным случаям и задержкам, а пришедшие в упадок порты и нефтеперерабатывающие заводы не только не эффективны, но и не способны удовлетворить глобальный спрос. После финансового кризиса десятки ведущих экономистов, в том числе Роберт Шиллер из Йельского университета, выступали за инвестиции в инфраструктуру в целях создания дополнительных рабочих мест и стабилизации экономики. Американское общество инженеров гражданского строительства требовало выделить 1,6 триллиона долларов на реконструкцию американской транспортной системы. Но только сейчас, незадолго до того как стало бы поздно, этот вопрос вошел в число приоритетных наряду с предложением учредить национальный инфраструктурный банк.

То же касается любой страны мира. Разрыв между спросом и предложением на инфраструктуру велик как никогда. Население планеты, численность которого приближается к восьми миллиардам, пользуется объектами инфраструктуры, рассчитанными на три миллиарда человек¹⁰. Но одна только инфраструктура и смежные отрасли промышленности способны в совокупности создать около 300 миллионов рабочих мест, которые будут востребованы в ближайшее двадцатилетие в результате роста численности и урбанизации населения. Всемирный банк утверждает, что

инфраструктура — недостающее звено в достижении целей развития, закрепленных в «Декларации тысячелетия» ООН и связанных с ликвидацией нищеты и голода, здравоохранением, образованием и прочими проблемами, поэтому она включена в последнюю редакцию «Целей в области устойчивого развития», ратифицированную в 2015 году [3]. Переход от экспортно ориентированной модели роста к экономике услуг с более высокой добавленной стоимостью и потреблению начинается с инвестиций в инфраструктуру.

Наконец-то мы дождались всеобщего признания роли инфраструктуры. На города и автомагистрали, трубопроводы и порты, мосты и туннели, телевизионные башни и интернет-кабели, энергосети и канализационные системы, а также прочие основные фонды в мире расходуется около 3 триллионов долларов в год. Это намного больше 1,75 триллиона долларов, ежегодно выделяемых на оборону, и разрыв продолжает расти [4]. Предположительно к 2025 году расходы на инфраструктуру достигнут 9 триллионов долларов в год (причем лидировать будет Азия) [5].

Глобальное шествие связанности стартовало. Мы уже создали гораздо больше линий, объединяющих, а не разделяющих людей. Нынешняя инфраструктурная матрица включает примерно 64 миллиона километров автомагистралей, 2 миллиона километров трубопроводов, 1,2 миллиона километров железных дорог и 750 тысяч километров подводных интернет-кабелей, соединяющих множество крупных экономических густонаселенных центров. При этом протяженность международных границ составляет всего 250 тысяч километров. По некоторым оценкам, в ближайшие сорок лет человечество построит больше объектов инфраструктуры, чем за предыдущие *четыре тысячелетия*. Таким образом, мозаика государств уступает место сети инфраструктурных объектов. Мир становится все больше похожим на интернет.

УВИДЕТЬ — ЗНАЧИТ ПОВЕРИТЬ

Космонавты сделали немало потрясающих снимков нашей величественной планеты на низкой околоземной орбите (около 215 километров), на них наряду с природными объектами, такими как океаны, горы, полярные льды и ледники, запечатлелись и рукотворные сооружения. Оказалось, что Великая Китайская стена и пирамида Хеопса трудно различимы без высокопроизводительных зум-

объективов, зато более современные инженерные конструкции вроде сверхдлинных мостов и прямых трасс через пустыни обнаружить легко. Медный рудник «Кеннекотт» в штате Юта и алмазный рудник «Мир» в Сибири простираются на несколько километров, поэтому их ступенчатые террасы видны издалека. А 200 квадратных километров теплиц в Альмерии, на юге Испании, где выращивается примерно половина ежегодно потребляемых в Европе свежих фруктов и овощей, из космоса распознаются безошибочно, особенно когда в ясный день солнечный свет отражается от их пластиковых крыш.

Что насчет границ? Сколько из них достаточно четко обозначены, чтобы быть видимыми? Многие политические границы проходят по природным объектам, напоминающим нам об определяющей роли природы в формировании среды обитания человека и культурной дифференциации. Граница между Северной и Южной Кореей лучше всего видна на закате, когда яркие огни Юга резко контрастируют с темнотой Севера. Наиболее заметна граница между двумя крупными странами — Индией и Пакистаном. Протянувшись на 2900 километров наискосок от Аравийского моря до Кашмира, она отлично видна из космоса ночью благодаря 150 тысячам прожекторов, испускающих ярко-оранжевый свет.

Карты в офисах и классах заставляют нас поверить, что все границы так же материальны, как и индо-пакистанская. Между тем две главные границы в Северной Америке скрывают более глубокую реальность растущей связанности. Три тысячи километров границы между США и Мексикой пересекают пустыни, пляжи тянутся вдоль реки Рио-Гранде и даже через города с одними и теми же названиями в обеих странах: Ногалес, Нако, Текате. Хотя на американской стороне граница кое-как патрулируется, она по-прежнему наиболее часто пересекаемая в мире — 350 миллионов человек в год (больше, чем все население США) пересекают ее в рамках установленных правил. Граница между Канадой и США, протянувшаяся от Арктики до Тихого и Атлантического океанов, — самая длинная в мире (почти 9 тысяч километров), ежедневно через ее двадцать основных пунктов пограничного контроля проходят 300 тысяч человек и коммерческие грузы стоимостью свыше миллиарда долларов.

Немало границ очень жестко контролируются: барьер безопасности Израиля, 15-километровый забор по реке Эврос на

греческой границе и 200-километровый забор из колючей проволоки на границе с Болгарией, построенный, помимо прочего, для борьбы с нелегальной миграцией¹¹. Однако эти преграды, даже самые укрепленные, вполне преодолимы. Почти все такие заборы — дорогостоящее и неэффективное решение проблем, которое в принципе невозможно найти в данной плоскости.

Если границы призваны разделять территории и общества, то почему вдоль них селится все больше людей? Увы, на картах отображены в основном политические, а не демографические и экономические границы, олицетворяющие антиграницный характер многих приграничных регионов. Большинство населения Канады проживает возле границы с США и выигрывает от близости к американскому рынку. С 2010 года численность американского и мексиканского населения в приграничных районах обеих стран выросла на 20 процентов [6].

Как ни странно, границы — именно то место, где можно увидеть, как благодаря связанности враждебные отношения перерастают в сотрудничество. Процветающий бизнес между Индией и Пакистаном, как и между многими другими странами-антагонистами, служит напоминанием о том, что границы — не непреодолимые барьеры, какими кажутся на карте, а скорее пористые фильтры для взаимодействия. В этих и десятках других случаев мы успешно обходим ограничения политических границ — и даже осуществляем совместные проекты, проходящие через них, — вместо того чтобы прятаться за ними [7]. В итоге, начиная от Великой Китайской стены и Адрианова вала до Берлинской стены, Зеленой линии Кипра и Корейской демилитаризованной зоны, такие искусственные барьеры всегда проигрывали гораздо более могущественным силам. Как писала Александра Новоселов, «...любая стена в конце концов становится всего лишь туристической достопримечательностью» [8].

Нынешние территориальные границы не всегда совпадают с политическими. Аэропорты могут находиться внутри страны, но при этом иметь собственные границы, а подразделения кибербезопасности, наоборот, патрулировать объекты технологической инфраструктуры далеко за пределами границ. И даже если границы физически надежны, мир все равно становится более открытым ввиду снятия визовых ограничений, возможности обмениваться в режиме реального времени

валюту в банкоматах, получить онлайн любую информацию в любой точке мира и общаться практически бесплатно по Skype и Viber. Чем активнее общества торгуют и общаются, чем сильнее они зависят друг от друга, тем сложнее делать вид, что границы — самые важные линии на карте.

Отсутствие на картах рукотворных объектов инфраструктуры создает впечатление, что границы — ключевые инструменты отображения географии человечества. Но сегодня верно обратное: многие другие линии на карте нередко значат гораздо больше, чем границы. Вряд ли последние сыграют большую роль в судьбе нации, чем тесное взаимодействие между странами и разветвленная, охватывающая все уголки планеты инфраструктура. Мы в буквальном смысле слова строим новый мировой порядок.

ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ К ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Роль географии огромна, но того же нельзя сказать о границах. Мы не должны путать физическую географию — вещь непреложную, с которой нельзя не считаться, с *политической* географией, носящей переходящий характер. К сожалению, современные карты отображают либо политическую, либо природную картину мира — или и ту и другую — как непреодолимые ограничения. Нет ничего более фатального, чем порочный логический круг: нечто *должно быть* потому, что оно *уже есть*. Чтение карт это не чтение линий на ладони, где каждая линия предопределена судьбой. Я глубоко верю в основополагающую роль географии, но отнюдь не в ту карикатуру, какой ее сегодня часто пытаются представить. География, возможно, самая фундаментальная вещь, которую мы *видим*, но понимание ее причинно-следственных связей предполагает умение проследивать сложную корреляцию между демографией, политикой, экологией и технологиями. Такие великие мыслители в области географии, как сэр Хэлфорд Маккиндер, сто лет назад призывали государственных деятелей ценить эту науку и учитывать ее при разработке государственных стратегий, но не становиться ее рабом. Географический детерминизм ничем не лучше религиозного фанатизма.

Глубокое исследование всех способов изменения географии начинается с осознания того, насколько мы уже заполнили мир своим присутствием. Сегодня не осталось неоткрытых земель; каждый квадратный метр обследован и нанесен на карту. Небеса переполнены

самолетами, спутниками, беспилотниками; атмосфера загрязнена выбросами углекислого газа, пронизана радиолокационными и телекоммуникационными сигналами. Мы не просто живем на земле, а покоряем ее. Ученый-эколог Вацлав Смил высказал превосходную мысль о том, как сильно мы должны быть впечатлены «... масштабностью и сложностью глобального материального сооружения, воздвигнутого современной цивилизацией с середины XIX века, как и непрерывными материальными потоками, необходимыми для его эксплуатации и поддержания»¹², [9].

Объекты мегаинфраструктуры не укладываются в рамки природных или государственных границ, а их нанесение на карту показывает, что эра деления мира по *политическим* признакам (юридически признанным границам) уступает место его делению по признакам *функциональным* (в зависимости от его фактического использования), то есть формальный мир юридически признанных политических границ сменяется реальным миром функциональных связей. Границы показывают деление по политическим причинам, а инфраструктура — связи в рамках функциональной географии. По мере того как связывающие нас линии заменяют разделяющие нас политические границы, функциональная география становится важнее политической.

Сегодня многие из действующих и проектируемых транспортных коридоров соответствуют древним маршрутам, обусловленным географией, климатом и культурой. Большие сегменты железнодорожной сети (о ней рассказывалось в начале главы) построены поверх появившейся в 1960-х годах «Тропы хиппи» из Лондона в Индию и далее в Бангкок, которая, в свою очередь, следовала по древнему Шелковому пути через Евразию. Протянувшаяся от Чикаго до Лос-Анджелеса легендарная трасса США № 66, известная также как шоссе Уилла Роджерса, проложена по древним тропам коренных жителей Америки (и ныне проходит через их резервации в штате Аризона). По ней многие американцы спасались от пыльных бурь, обрушившихся на несколько штатов после Великой депрессии. Сейчас она называется Федеральная трасса 40 и служит путем отступления для тех, кто в поисках лучшей жизни перебирается из «Ржавого пояса» в быстроразвивающиеся районы Юго-Запада.

Там, где во времена Шелкового пути были только пыльные тропинки или мощеные дороги, сегодня проложены автомагистрали, железные дороги, стальные трубопроводы и оптоволоконные интернет-кабели в кевларовой оболочке. Эти виды инфраструктуры заложили основу ее формирующейся глобальной системы. Они соединяют любые объекты, расположенные на пути или в его конечных точках, будь то империи, города-государства или суверенные страны — все, что может изменяться, в то время как целесообразность пути сохраняется.

По этой причине связанность и география отнюдь не противоречат, а дополняют друг друга. США и Мексика расположены на одном континенте, и укрепляющиеся взаимосвязи превращают их политическое разделение в общее структурированное пространство. Таким образом, связанность предполагает не отрыв от географии, а максимальное использование ее преимуществ. Она трансформирует понятие «географический регион»¹³. О Европе часто говорят как о континенте только из-за культурных отличий от двух третей евразийских земель восточнее Уральских гор. Но по мере роста связанности Евразийского континента упоминания о Европе как о географическом регионе постепенно должны исчезнуть. Связанность сделает принадлежность Европы к Евразии значимой, а не случайной. Финансируемый китайцами мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути» — крупнейшая в истории инициатива, направленная на укрепление и расширение торгово-экономических отношений.

Вот еще два конкретных примера победы функциональной географии над политической. Эресуннский мост с автомобильной и железной дорогой настолько тесно связал экономики датской столицы Копенгаген и шведского города Мальме, что многие называют их «КоМа». Аэропорт Копенгагена для жителей Мальме ближе, чем собственный, и шведские такси имеют там отдельные стоянки. Прибалтийские государства после Первой мировой войны пытались сформировать союз, но СССР разрушил эти планы. Спустя столетие возник более крупный Балтийский союз, от Норвегии до Литвы, напрямую соединенный с Западной Европой Эресунским мостом. В дельте китайской реки Чжуцзян (Жемчужной), где расположены города Гонконг, Макао и Чжухай, имеющие очень разные юридические договоры с Пекином, Y-образный мост, проходящий по искусственным островам и подводному туннелю длиной 6,7 километра, соединит все

три города, сократив время путешествия по южной части дельты с четырех часов до одного. В итоге весь регион дельты превращается в один гигантский урбанизированный архипелаг, несмотря на различный политический статус.

С нашими самыми глубокими представлениями об устройстве мира связан ответ на вопрос, какое взаимодействие наиболее значимо? Когда страны мыслят функционально, а не политически, они сосредотачиваются на оптимизации использования земли, труда и капитала, территориальном размещении ресурсов и выходе на глобальные рынки [10]. Объекты инфраструктуры, обеспечивающие связи между странами, невзирая на государственные границы, приобретают особые свойства, становясь чем-то большим, чем просто автомагистраль или линия электропередач. Они превращаются в некие символы мира без границ. Такие связующие объекты инфраструктуры приобретают особый статус, легитимность, объясняемые их совместным строительством и использованием, и в результате становятся более *реальными*, чем закон и дипломатия. Профессор Йельского университета Келлер Истерлинг называет это «внегосударственным управлением».

Объекты инфраструктуры порой меняют своих владельцев. Мир переживает не просто этап усиленного развития инфраструктуры, но и новую масштабную волну ее приватизации, поскольку правительства стремятся генерировать денежные средства для сбалансирования бюджета и новых капиталовложений. Правительства повсюду передают объекты инфраструктуры частным компаниям или третьим лицам, которые управляют ими в соответствии с законами рынка. Иногда объекты инфраструктуры, построенные другой страной (или иностранной компанией), экспроприируются или захватываются местными органами власти. Когда российские государственные компании прокладывают трубопроводы и железные дороги, они хотят обеспечить международные транспортные коридоры, несмотря на пограничные споры, потому что, если инфраструктура не загружена и не эксплуатируется, ее существование бессмысленно. Конфликты, возникающие из-за распределения доходов, эксплуатационных расходов, контрабанды, в основном связаны с тем, кто больше всего выигрывает от использования объекта.

Связанность приобретает геополитическое значение, поскольку меняет роль и значение границ. Составляя карты на основе функциональной географии — транспортные маршруты, энергосети, финансовые системы, передовые оперативные базы, интернет-серверы, — мы также наносим на них точки, где будет осуществляться управление. Американские чиновники говорят о поддержке Китая так, будто в самую суть глобальной экономической системы заложен принцип американского лидерства. Но система нуждается только в одном — в связанности. Ей все равно, какая сила ее обеспечит в наибольшей степени, но именно эта сила станет самой влиятельной. Китай популярен в Африке и Латинской Америке, потому что предложил (и частично обеспечил) этим регионам качественное подключение к глобальной экономике. Концепции вроде «мягкой силы» — слабая замена взаимосвязям.

Отображение расширяющейся сети объектов инфраструктуры не теряет своей важности только потому, что не учитывает суверенных границ. Напротив, эти связующие линии устанавливаются *сейчас*, в отличие от случайных или произвольных границ, проведенных некогда в прошлом. Как говорил знаменитый архитектор Сантьяго Калатрава, «...то, что мы строим сегодня, — на века». Далеко не о каждой стране можно сказать то же самое. Тем не менее многие ученые продолжают считать политические границы определяющими, исходя из ошибочных представлений, что территория — основа власти, государство — единица политического устройства, а национальная идентичность — источник лояльности населения, и только государственная власть способна навести порядок в стране. Повсеместное распространение связанности приведет к краху подобных иллюзий. Такие факторы, как децентрализация (передача властных полномочий в регионы), урбанизация (рост и влияние городов), смешение рас (генетическое смешение населения в результате массовой миграции), мегаинфраструктура (новые трубопроводы, железные дороги и каналы, преобразующие географию) и цифровая связь (появление новых форм сообществ), потребуют создания более сложных карт.

МИР ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК

Пора пересмотреть наши взгляды на организацию жизни человека на земле.

Существует один, и только один, закон, который действовал, когда мы были охотниками-собираателями, пережил все конкурирующие теории, империи и нации и остается лучшим проводником в будущее, — закон спроса и предложения.

Спрос и предложение — это больше чем закон рынка, определяющий цены на товары. Спрос и предложение — это динамические силы, стремящиеся к балансу во всех сферах человеческой жизни. По мере создания универсальной инфраструктурной и цифровой связанности предложение наконец *способно* удовлетворить спрос, поскольку кто угодно и что угодно может оказаться практически в любой точке мира как виртуально, так и физически. Физик Митио Каку считает, что мы идем к «совершенному капитализму» [11]. Еще один термин для обозначения этого сценария — «мир цепи поставок».

Цепь поставок — замкнутая экосистема производителей, дистрибьюторов, поставщиков, которые превращают сырье (природные ресурсы или идеи) в товары и услуги, доставляемые в любую точку мира¹⁴. Редкий момент нашей повседневной жизни — утренний кофе, поездка на работу, разговор по телефону, электронная переписка, завтрак или поход в кино — не связан с глобальными цепями поставок. Будучи на редкость универсальными, это не некие вещи в себе, а *системы операций*. Мы их *не видим*, зато видим их участников и инфраструктуру, то есть вещи, связывающие спрос и предложение. Позвонью анализ каналов продаж позволяет понять, как эти микровзаимодействия влияют на глобальные сдвиги. Мы свидетели последствий теорий свободного рынка Адама Смита, сравнительных преимуществ Давида Рикардо, разделения труда Эмиля Дюркгейма — мира, где капитал, труд и производство перемещаются туда, где нужен баланс между спросом и предложением. Если «рынок» — самая мощная сила современности, то цепи поставок — его мотор.

Цепи поставок и связанность, а не суверенитет и границы, — принципы человечества в XXI веке. Действительно, по мере того как глобализация набирает обороты, системы поставок расширяются, углубляются и крепнут до такой степени, что возникает вопрос, а не стали ли они более мощной организующей силой в мире, чем сами государства? [12] Цепи поставок — это своеобразные сети, опутавшие весь мир, словно клубок ниток. Это нечто вроде всемирного

водопровода или дороги, по которым движется всё и вся. Цепи поставок способны к самовоспроизводству и органичному соединению. Они расширяются, взаимодействуют, продвигаются, разрастаются и диверсифицируются в результате коллективной деятельности. Вы можете разрушить какое-то их звено, но система быстро найдет ему альтернативу, чтобы добиться того же результата, как будто они живут собственной жизнью. Ничего не напоминает? А должно: ведь интернет — новейший вид инфраструктуры, на основе которого создаются новые цепи поставок.

Всемирная паутина появилась в 1989 году, в год падения Берлинской стены, что весьма символично, поскольку ознаменовало начало перехода от Вестфальского мира, положившего конец Тридцатилетней войне в XVII веке и определившего принципы международных отношений на следующие четыре столетия, к миру цепей поставок¹⁵. В результате Вестфальского договора 1648 года средневековый хаос сменил новый порядок в Европе, основанный на концепции государственного суверенитета. Но эта система не вечна, и ее реальное воплощение редко соответствовало теоретическим принципам. Динамика спроса и предложения, наоборот, всегда способствовала развитию нашей социальной организации. Пятнадцать тысяч лет со времени последнего ледникового периода¹⁶ общество самоорганизуется в различные политические образования, устанавливающие вертикальную иерархию власти с горизонтальными уровнями — от империй и халифатов до герцогств и автократий. Города и империи были связующим звеном истории, а вовсе не суверенные государства. Более того, упоминание о Вестфальском договоре как об отправной точке формирования системы равных суверенов противоречит истории как Запада, так и всего мира. В Европе средневековые порядки уступали место национальным государствам по мере строительства королями укрепленных сооружений, чтобы получить более полный контроль над рассредоточенным по территории населением и сельскохозяйственными угодьями, а также защитить границы от вторжения. Но европейские империи сохранялись на континенте и во всем мире вплоть до XX века. Хотя в зарубежных колониях и прошел процесс кодификации, это не сделало их суверенными. Только в период деколонизации после Второй мировой войны началось становление мировой системы как сообщества

суверенных государств, хотя утверждение об их равенстве весьма условно.

Последняя четверть XX века стала поистине судьбоносной, поскольку инфраструктура, дерегуляция, фондовые рынки и коммуникации ускорили развитие глобальной системы цепи поставок. Глобализация подрывала национальный суверенитет сверху, так как правительства переключались с принятия национальных нормативных актов на соблюдение международных, и снизу, потому что децентрализация, капитализм и связанность укрепляли независимость и влияние ключевых городов, которые, подобно корпорациям, преследовали свои интересы, не обращая внимания на все более прозрачные национальные границы.

По мере усиления тенденции к разгосударствлению и приватизации объектов государственной собственности сети поставок становились новыми поставщиками услуг. В результате набирал популярность набор рыночных механизмов регулирования, где уменьшалась роль государства и увеличивалась — отдельных городов и провинций, конкурирующих как внутри, так и вне страны [13].

Мир, разделенный четкими государственными границами, кажется более упорядоченным, но не это делает его жизнеспособным. Скорее, это заслуга развитой инфраструктуры и цепей поставок, *несмотря* на дисфункциональную политическую географию. Как говорит экономист Роберт Скидельский, «войны и границы превращают капитал в редкий ресурс, тогда как стабильность и открытость способствуют его накоплению».

Устранение препятствий в цепи поставок и внедрение инноваций в какое-то из ее звеньев приносит огромную пользу мировой экономике. Так, по словам историка Марка Левинсона, появление грузового контейнера в 1950-х годах «...сделало мир меньше, а экономику больше». Простая стандартизация размеров коробки стимулировала и ускорила развитие глобальной сети поставок. В настоящее время, по данным Всемирного экономического форума, снижение международных таможенных барьеров хотя бы наполовину обусловит рост мировой торговли на 15 процентов, а глобального ВВП — на 5 процентов. Для сравнения: отмена всех мировых пошлин на импорт приведет к росту ВВП менее чем на 1 процент. Такие почтовые компании, как DHL, готовы безвозмездно делиться опытом с

таможенными ведомствами развивающихся стран, чтобы ускорить процедуры обработки грузов на границах: внедрение электронной документации только в отрасли грузовых авиаперевозок способно сэкономить 12 миллиардов долларов ежегодно, не говоря уже об отмене бумажной волокиты, из-за которой чаще всего задерживаются грузовые рейсы. Сокращение времени простоя товаров на границах позволит производителям сосредоточиться на продажах на глобальных рынках, а не складировании запасов. Главный враг мира цепей поставок — неэффективность.

Цепи поставок, как правило, объединяют множество игроков, порой никогда не видевших друг от друга и разделенных огромными расстояниями, поэтому они используют то, что менеджеры называют «единой версией правды», — обмен информацией в режиме реального времени, позволяющий каждому участнику следить за перемещениями своего продукта [14]. По словам CEO17 розничной сети супермаркетов Walmart Дугласа Мак-Миллона, он управляет «высокотехнологичной компанией», которая постоянно обменивается данными об объемах продаж и складских запасов через интернет с такими крупными поставщиками, как Procter & Gamble. Компания Unilever регулярно отслеживает спрос в регионах и учитывает его в работе своей глобальной производственной системы, чтобы скорректировать доставку товаров на рынки. В связи с высоким спросом со стороны работодателей в сфере розничной торговли, оборонной промышленности, информационных технологий и прочих отраслях программы MBA теперь включают управление цепями поставок в состав базовых компетенций [15].

Перемещения обычных людей в поисках лучшей жизни — красноречивое доказательство того, что мы вступили в мир цепей поставок. В 1960 году всего 73 миллиона человек жили за пределами родной страны; в настоящее время численность эмигрантов достигает 300 миллионов человек и продолжает стремительно расти. Мигранты обосновались на всех ступенях глобальной экономической лестницы — от топ-менеджеров транснациональных корпораций до мало-квалифицированных рабочих из стран третьего мира, которые постоянно или временно работают за пределами своей страны. Если раньше считалось, что миграционные потоки движутся с юга на север, то сегодня половина транснациональных мигрантов ищет страны

с высокими темпами развития и наличием рабочих мест. Многочисленные группы индийской и африканской молодежи перемещаются по всему постколониальному миру, чтобы восстановить находящиеся в упадке государства, а страны Персидского залива значительно выиграли от притока рабочей силы из Азии. Там, где требуются строители, горничные, няни для детей и сиделки для пожилых людей или работники других остродефицитных специальностей, границы не преграда.

Американцы тоже присоединились к глобальным эмигрантским ордам. Более шести миллионов американцев сейчас проживают за рубежом, и это самый высокий показатель за всю историю США. Согласно опросам, процент американцев в возрасте 18–24 лет, планирующих выехать за границу, увеличился с 12 до 40. Причем это уже не только инвестиционные банкиры, студенты по обмену, журналисты и волонтеры Корпуса мира, но и представители многочисленной прослойки американского общества, ставшие экономическими мигрантами после финансового кризиса.

Там, где цепи поставок не идут к людям, люди перемещаются к ним. Открытие месторождений золота в XIX веке превратило близлежащие деревеньки в шумные города; именно благодаря золотой лихорадке появились Сан-Франциско, Йоханнесбург и другие. За последнее десятилетие 50 тысяч канадцев переехали в Форт Мак-Мюррей — нефтяную столицу страны в Альберте, чтобы работать на нефтеносных песках. В Африке сотни тысяч шахтеров стекаются на шахты по добыче вольфрама, колтана и других минеральных ископаемых, используемых в производстве мобильных телефонов, даже невзирая на то, что их ждет поистине рабский труд. Цепи поставок — это потенциальный путь эвакуации из крупнейшего государства Черной Африки Конго и граничащих с ним небольших стран. Через несколько десятилетий мы все еще будем жить в государствах с номинальными границами, но при этом почти все население мира расселится вдоль инфраструктурных коридоров и цепей поставок, физических и виртуальных.

Урбанизация тоже один из признаков продвижения к миру цепей поставок. По утверждению Нейла Бреннера из Гарвардского университета и Солли Анджел из Нью-Йоркского университета, к концу нынешнего столетия общая площадь городского пространства

утроится. Большинство населения планеты уже живет в городах, и примерно 150 тысяч человек переезжают в них ежедневно, особенно в развивающихся странах, где, по прогнозам, к 2030 году в городах поселится два миллиарда человек. Оценка темпов урбанизации даже более показательна, чем миграции, поскольку вновь прибывшие в города вливаются в ряды занятых в цепи поставок товаров или услуг, не пересекая границы страны.

Действительно, хотя большинство людей никогда не покидают страну своего рождения, урбанизация резко повышает степень их связанности, независимо от местонахождения. Образ жизни любых двух городских жителей с разных континентов более сходен, чем жизнь двух сограждан, один из которых живет в городе, а другой — в сельской местности. С точки зрения доступа к базовым услугам у жителей Джакарты гораздо больше общего с жителями Лондона, чем с соотечественниками с удаленных Молуккских островов. Даже обитатели трущоб Дхарави в Мумбаи или Киберы в Найроби зарабатывают гораздо больше, чем безземельные крестьяне, к числу которых они некогда принадлежали.

Мир, в котором у людей больше общего с людьми в других странах, чем с жителями собственной страны, явно носит признаки мира цепи поставок. Как говорит профессор Колумбийского университета Саския Сассен, глобализация породила целый набор различных сетей, которые живут собственной независимой жизнью. Финансовые инвесторы в Нью-Йорке и Лондоне, а также инвестиционные пулы, создаваемые ими в азиатских странах; брокеры на товарных биржах Швейцарии и Сингапура и контролируемые ими природные ресурсы в Африке и Латинской Америке; программисты Бангалора и Кремниевой долины и их глобальные клиенты; немецкие и американские концерны-автопроизводители и их заводы от Мехико до Индонезии — все это трансграничные циклы производства, соединенные цепями поставок. Заметьте, не страны в целом задействованы в цепочке создания стоимости, а отдельные субъекты, находящиеся в кругах, которые замыкаются на глобальных центрах. Постепенно такие места, как центры производства одежды в Дакке и Аддис-Абебе, начинают чувствовать оторванность от собственной страны, хотя и становятся ключевыми факторами ее роста, поскольку принадлежат как к глобальным цепям поставок, так и к своей стране.

Глобальные цепи поставок настолько синхронизированы, что могут служить сейсмографом колебаний связанности. Подобно землетрясениям, вызывающим повторные мощные толчки, финансовый кризис 2008 года в пять раз сильнее сказался на динамике мировой торговли, чем на мировом ВВП. Сначала кредитный кризис вызвал резкое падение спроса на товары длительного пользования. Затем началось уменьшение запасов «по вертикали» в связи с одновременным снижением торговых оборотов по большинству товарных позиций, сократив производственные циклы в промышленности от Германии и Кореи до Китая. Сценарий повторился в 2014 году, когда рухнули цены на нефть и снизился приток инвестиций в нефтяные месторождения от Форта Мак-Мюррей до Малайзии. Даже богатый нефтью султанат Бруней заговорил об урезании расходов. Цепи поставок — это линии передачи: они влияют на все свои звенья, но равномерно по всей системе¹⁸.

Цепи поставок — величайшее благословение и величайшее проклятие нашей цивилизации. Они позволяют вырваться из оков географии; развивать экономику, казалось бы, в совершенно бесперспективных местах; привносить идеи, технологии и деловую практику в регионы с неблагоприятным климатом и неплодородной почвой. Как метко заметил нобелевский лауреат по экономике и профессор Принстонского университета Ангус Дитон в своей книге *The Great Escape*¹⁹, миллиарды людей вышли на глобальный рынок, несмотря на «плохую» географию и местные институты. Географическое положение больше не приговор: сегодня тропические страны не страдают от непродуктивного земледелия и низкой производительности труда, а страны, не имеющие выхода к морю, не обречены на роль отстающих. Сингапур и Малайзия строят современную экономику вблизи экватора, а глубоко континентальные Руанда, Ботсвана, Казахстан и Монголия демонстрируют невиданные темпы роста и развития экономики. Связанность предлагает странам альтернативу географической судьбе.

Цепи поставок — один из путей спасения для самых обездоленных слоев населения в развивающихся странах, чьи правительства сегодня из кожи вон лезут, чтобы их привлечь. В связи с этим развитие специальных (особых) экономических зон — районов или городов, созданных для привлечения инвестиций в конкретные отраслевые

кластеры, — единственная значимая инновация в истории десятков государств с момента их формирования. СЭЗ представляют собой как локальные центры, так и узлы глобальной сети. Еще один признак перехода от политической карты мира к его сосредоточению вокруг цепей поставок — тенденция называть города не по именам основателей или близлежащих географических объектов, как, например, Джефферсон или Оушен-Вью, а по их роли в глобальной экономике — Дубай Интернет-Сити, экспортная зона обработки Бангладеш, Центр предпринимательства на Кайманах, Город знаний в Гуанчжоу, Малазийский мультимедийный суперкоридор и еще около *четырёх тысяч* таких образований.

Судя по обычной карте, последние пять лет я посещал десятки несуществующих мест. Будь то индустриальные парки или «умные города», эти звенья цепей поставок появляются так быстро, что большинство из них не успевают наносить на карту. Раньше это были просто места, куда люди ходят на работу; сейчас это общины, где люди *живут*. Для сотен миллионов работников и их семей цепь поставок стала образом жизни, определяющим все ее стороны, возможностью подключиться к глобальной экономике. Наиболее быстро растут города с численностью населения около миллиона человек, обычно строящиеся в привязке к какой-то компании или отрасли. Эти новые «фабричные городки» мира цепей поставок способны вовлечь в продуктивную деятельность массу людей и обусловить экономический рост в масштабах, которых не обеспечит ни одна программа помощи.

Но есть и плохие новости: через цепи поставок рынок уничтожает мир. Это канал расхищения природных богатств, вырубки дождевых лесов и вредных выбросов в атмосферу. Будь то арктический природный газ, антарктическая нефть, месторождения лития в Боливии и Афганистане, леса в бассейне Амазонки и Центральной Африке, золотые рудники в Южной Африке и Сибири — практически нет шансов на то, что эти природные богатства останутся нетронутыми в мире цепей поставок. Правительства обычно не в силах защитить свое национальное достояние и охотно участвуют в его уничтожении. Ресурсы океанов тоже быстро истощаются из-за траления рыбы и морского дна; еще одна проблема — сброс в море нефтяных и промышленных отходов. Цепи поставок также служат каналом контрабанды наркотиков, оружия и людей, причем торговля людьми

сегодня приобрела невиданный размах. Пять крупнейших в мире преступных группировок — японская «Якудза», русская «Братва», итальянские «Каморра» и «Ндрангета», мексиканская «Синалоа» — глобализировали свои операции по торговле фальшивыми деньгами, синтетическими наркотиками, проститутками, рогом носорога, ежегодные доходы от которых достигают миллиарда долларов. Без рынков, инфраструктуры и агентов, обеспечивающих функционирование цепи поставок *любых* товаров, нам было бы гораздо сложнее эксплуатировать друг друга и природу в глобальном масштабе. Судьба общества неразрывно связана с тем, как мы управляем цепями поставок.

Глобальная система цепи поставок заменила все остальные суперсилы как гарантия устойчивости глобальной цивилизации. Ни США, ни Китай не способны в одиночку обеспечить новый порядок, как и разрушить его, поэтому они конкурируют в великой войне цепей поставок, которая перекроит карты мира XXI века так же, как это сделала Тридцатилетняя война в XVII веке. Великая война цепей поставок ведется не за покорение стран, а за физическое и экономическое подключение к самым важным поставщикам сырья, высоких технологий и быстрорастущим рынкам. Великая война цепей поставок — это не событие, не отдельный эпизод и не фаза какого-либо процесса, а почти установившийся миропорядок, где великие державы сознательно стремятся избежать дорогостоящих военных столкновений, которые могут закончиться поражением, поскольку нарушат основные цепи поставок. В великой войне цепей поставок инфраструктура, цепи поставок и рынки не менее важны, чем территории, армии и средства устрашения. Сильнейший игрок не всегда выигрывает, а самый подключенный — всегда.

Понимают ли США новую географию великой войны цепей поставок? Как критично заметил бывший председатель Американского географического общества Джерри Добсон, «...Америка перестала преподавать географию после Второй мировой и больше не выиграла ни одной войны» [16]. Теперь ей следует учитывать не только территориальные аспекты традиционной геополитики, но и стороны геоэкономики, а это поле боя гораздо тоньше и сложнее.

Вопросы, которые мы традиционно ставим перед правительствами — отношения между сверхдержавами, баланс между

государственным и частным сектором, будущее экономического роста и неравенства, судьба экосистемы, — лучше всего изучать в рамках мировых цепей поставок. Это покажет, что изречение Маккиндера: «Тот, кто правит Хартлендом, владеет миром»²⁰, которым территориальная геополитика руководствовалась в XX веке, в XXI веке видоизменилось: «Кто правит цепями поставок, тот управляет миром».

В мире цепей поставок важно, не кто *владеет* (или заявляет притязания) территорией, а кто ее *использует* (или управляет ею). Китай добывает полезные ископаемые на территории, слишком удаленной от его границ, чтобы постоянно ее контролировать. Таким образом, китайцы предпочитают карты, отражающие фактическое, а не формальное положение дел, так как его можно изменить, в отличие от международного права. Давняя мантра юридического мира «Эта земля — моя» в мире цепи поставок стала звучать иначе: «Используй территорию или потеряешь ее».

ЗАКОНЫ ГИДРОДИНАМИКИ В ГЕОПОЛИТИКЕ

Философ XVII века Томас Гоббс, считающийся родоначальником теории международных отношений, полагал, что мир подчиняется простым законам механики. По его мнению, все явления можно свести к взаимодействию движущихся физических объектов. С тех пор геополитика обрела статус неизменной основы мирового порядка, универсальной логики, на которой строится любая человеческая деятельность. Контроль над территорией — превыше всего. При столкновении двух сил одной нужно уступить.

Однако физику классической геополитики вытесняет более сложная наука. Аналогичная ситуация уже существовала сто лет назад, когда квантовая механика бросила вызов изящному рационализму классической физики Исаака Ньютона со всеми ее законами. Атомы не поддаются количественной оценке и находятся в постоянном движении; невидимые объекты существуют в пространстве; гравитация значит больше, чем местоположение; нет причинно-следственных зависимостей, только вероятностные; все в мире относительно, а не абсолютно.

Настало время геополитике пережить подобную революцию. Чтобы осмыслить современный мир, мы должны обобщить идеи, почерпнутые не только из теории суверенитета XVII века, но и из эпохи Просвещения XVIII века, империализма XIX века, капитализма

XX века и технологий XXI века. Молодой, урбанизированный, мобильный, насыщенный технологиями мир гораздо проще объяснить в терминах неопределенности, гравитации, взаимозависимости и равновесия, чем в концепциях анархии, суверенитета, территориальной целостности, национализма и военного превосходства.

Один из наиболее важных выводов квантовой теории состоит в том, что само понятие изменений может меняться. Мы как раз переживаем такое «изменение изменений», и это не просто преобразование миропорядка от доминирования одной сверхдержавы к нескольким; скорее, мы наблюдаем его более глубокий переход от отдельных государств к системе со многими игроками. Древний мир разобщенных империй сменился хаотическим Средневековьем, за которым последовал современный порядок, основанный на концепции суверенитета, переходящий к сложной глобальной сетевой цивилизации. Структурные преобразования происходят раз в несколько десятков лет; системы меняются раз в несколько *столетий*. Структурные изменения усложняют мир, трансформации системы делают его *комплексным*. Международные отношения сложны, а современная глобальная сетевая цивилизация носит комплексный характер. Последствия финансовых событий дестабилизируют рынки, а корпорации нередко бывают влиятельнее некоторых стран, в то время как ИГИЛ, WikiLeaks и «Захвати Уолл-стрит» вполне квантовые по своей природе: они везде и нигде, постоянно трансформируются и способны к внезапным «сдвигам по фазе». Если бы у планеты Земля был аккаунт в Facebook, наверняка у него был бы статус «Все сложно».

Связанность — основная причина комплексного характера глобализации. Обычно о глобализации говорят в контексте ее действия в рамках *существующего* порядка, а не создания *нового*. Но связанность — это трансформация, зарождающаяся внутри системы и в конечном счете изменяющая ее. Связующие нас сети, пронизывающие все сферы жизни, — это не просто каналы взаимодействия, их полезность экспоненциально возрастает по мере увеличения количества узлов (по закону Меткалфа).

Ни одна супердержава не способна существовать вне системы. Показательно, что в отчете Национального совета по разведке «Глобальные тенденции 2030» США больше не позиционируются как предсказуемая стабилизирующая сила, а названы ненадежной

переменной величиной. Насколько могущественной будет Америка в 2030 году? Будет ли стабильной обстановка в стране? Смогут ли США влиять на распределение сил на мировой арене? Ни на один из этих вопросов нет однозначного ответа, поскольку судьба Америки зависит не только от нее самой. В сложном мире даже США не всемогущи.

Для дальнейшего анализа позаимствуем из физики еще один закон — *закон гидравлического сопротивления*²¹. Во взаимосвязанной глобальной системе множество видов потоков: ресурсы, товары, капитал, технологии, люди, данные и идеи, и немало разнообразных форм сопротивления: границы, международные конфликты, санкции, расстояния и законодательные акты. Потоки — это способ распределения колоссальной энергии нашей экосистемы и цивилизации, будь то сырье, материалы, технологии, рабочая сила или знания, в целях ее эффективного использования в любой точке планеты. Сопротивление — это препятствия и сбои в виде войн, эпидемий и экономических спадов. В конечном счете поток преодолевает любое сопротивление. Спрос уравнивает предложение. Импульс преодолевает инерцию.

Это положение носит эволюционный, а не революционный характер. Как утверждает математик из университета Дьюка Адриан Бейджен в своем блестящем очерке *Design in Nature*, все системы обладают одним фундаментальным свойством — *максимизировать потоки*, то есть позволять частям системы соединяться с остальными ее частями. Этот базовый закон физики объясняет все — от форм кроны деревьев, биологической эволюции, наилучшей схемы размещения аэропортов до тенденции к глобализации. История зарождающейся сетевой глобальной цивилизации — это история постоянно расширяющихся потоков и сопротивлений.

Потоки и сопротивления — это инь и ян нашего мира: они дополняют и уравнивают друг друга, находятся в постоянной борьбе и неизменно нацелены на достижение стратегических целей. Для увеличения потока иностранных инвестиций в свою проблемную инфраструктуру США пришлось снять некоторые ограничения, препятствовавшие проникновению китайского капитала в важные отрасли экономики. Для Китая глобализация национальной валюты

юаня (или RMB) означает дальнейшую либерализацию счета капитала. В обоих случаях, чем меньше сопротивление, тем сильнее поток.

Однако чрезмерные потоки повышают риски: мигранты могут оказаться террористами; через платежную систему «Хавала» могут не только переводиться благотворительные средства, но и финансироваться организованные преступные группировки; перемещения людей и животных могут спровоцировать пандемию; во вложениях в электронных письмах нередко находятся вирусы, а финансовые инвестиции иногда выливаются в «пузыри». Момент, когда потоки разрушат саму систему, так же непредсказуем, как и точное место удара молнии²².

Хотя всё это наши реалии, они редко становятся поводом для «установления границ». Излишние границы сами себя разрушат. Например, ограничительная иммиграционная политика США помешала компаниям Кремниевой долины привлекать высококвалифицированных программистов из-за рубежа. Аналогично после решения Мексики повысить корпоративный налог на прибыль горнодобывающих компаний в 2013 году несколько глобальных игроков этого рынка отказались делать крупные инвестиции, что приостановило бурный рост мексиканской горнодобывающей промышленности, лишив ее притока иностранного капитала и технологий.

Препятствуя глобальным потокам, страна проиграет, ей нужно разумное сопротивление, чтобы воспользоваться их преимуществами и минимизировать негативные последствия. В частности, контроль над потоком капиталов, чтобы предотвратить спекулятивные инвестиции; ограниченная либерализация для обеспечения конкурентоспособности внутренней промышленности; радиационные датчики в портах и иммиграционные квоты во избежание перегрузки сферы ЖКХ; сканеры паспортов, подключенные к базам данных Интерпола; сканирование сети на компьютерные вирусы и прочие меры. Правительства должны рассматривать границы как дорожные светофоры, переключая сигналы для управления потоками из страны и в страну. Китай закупает энергию и минеральные ресурсы в Мьянме, но перекрывает идущий оттуда наркотрафик; литий и медь поступают из Афганистана, но исламских радикалов отсеивают на границе. Европа хочет экспортировать товары на Ближний Восток и в Африку, но не рада прибывшим оттуда беженцам. Обученные собаки, четырежды обнюхивающие ваш багаж,

прежде чем вам разрешат покинуть аэропорт Окленда, — важный барьер на пути болезнетворных бактерий, способных нанести ущерб сельскохозяйственной экономике Новой Зеландии. Жесткий контроль наркотиков в аэропорту Сингапура абсолютно оправдан, если вспомнить о потоке метамфетамина из Таиланда и Северной Кореи.

Постепенно мы совершенствуемся в управлении некоторыми наиболее рискованными потоками. Вспомним, как «черная смерть», чума, прошествовала в XIV веке на запад по Шелковому пути, уничтожив в итоге половину населения Европы, а инфлюэнца в 1917–1918 годах убила около 50 миллионов человек. В противоположность этому, вирус атипичной пневмонии, охвативший 24 страны в 2003 году, затем вдруг таинственно исчез. В 2014 году вирус Эбола проник из Западной Африки в Европу и Америку, чему способствовало более интенсивное авиасообщение, но был быстро купирован. Эффективное внедрение таких форм «сопротивления», как медицинские осмотры, карантины, медицинское обслуживание в очаге вспышки эпидемии, помогли уменьшить ущерб. Аналогично принцип разумной предосторожности предупреждает о необходимости применять в высокорисковых отраслях мировой экономики меры защиты: разделение коммерческих и инвестиционных банковских операций, ограничение операций ресекьюритизации залоговых обязательств и свопов, требование к банкам инвестировать капитал в операции клиентов и тому подобное. Эти меры защищают финансовую систему в целом от негативных воздействий, несмотря на ее продолжающуюся интеграцию, и не ограничивают предпринимательскую активность, поскольку не способны ею управлять.

Сегодня сопротивление — обычная вещь, в будущем оно прежде всего коснется контроля потоков. Мы станем гораздо ожесточеннее бороться за соединяющие нас линии, чем за разделяющие границы. Поскольку почти все международные пограничные споры рано или поздно разрешаются мирным или вооруженным путем, в будущем большинство конфликтов возникнут не из-за границ, а из-за контроля над связями. Именно по этой причине все страны в настоящее время практикуют некую разновидность «государственного капитализма» в виде субсидирования стратегических отраслей экономики, ограничения инвестиций в ключевые секторы или предписания финансовым учреждениям увеличить объем внутренних инвестиций.

Такая промышленная политика — результат тщательного поиска баланса между региональными интересами и глобальной связанностью. Например, Бразилия сегодня требует от иностранных автопроизводителей инвестировать средства в исследования возобновляемых источников энергии и внедрила ряд мер по контролю над движением капитала и «горячими деньгами». Индонезия отстаивает необходимость повышения корпоративных налогов и сборов, но при этом остается привлекательной для инвестиций, так как жестко контролирует свои природные ресурсы. Индия проводит политику свободной торговли в сфере разработки программного обеспечения, поскольку располагает дешевой и талантливой рабочей силой, но гораздо осторожнее относится к либерализации сельскохозяйственного импорта, опасаясь подорвать благосостояние индийских фермеров.

Похоже, у нас никогда не будет глобального свободного рынка, зато будет мир, в котором растущая глобальная экономика станет ареной стратегической борьбы. Действительно, экономики отдельных стран становятся более открытыми, но это необязательно происходит по схожему сценарию. Тем не менее консенсус будет найден, и это поддержит чувствительные и зачастую изоляционистские защитные меры, обеспечивающие преимущество своей стране и оберегающие базовые отрасли промышленности и рабочие места, даже если при этом не достигается оптимальный уровень затрат.

Приверженцы свободного рынка рассматривают такие меры как протекционистские, но страна не может создавать добавленную стоимость в мировой экономике, не защищая своих жизненно важных интересов. Вот показательный пример: большая часть бразильской индустрии электроники сосредоточена в свободной экономической зоне Манауса, расположенной в глубине дождевых лесов Амазонки. Почему? Да потому, что это создает рабочие места для местных жителей, которые в противном случае могли бы заняться нелегальной вырубкой леса. В результате Бразилия поднялась на несколько ступеней в цепочке создания стоимости и одновременно предотвратила обезлесение территории. Правительства африканских стран тоже защищают находящуюся на этапе становления промышленность, поскольку это создает новые рабочие места и позволяет противостоять засилью дешевых китайских товаров. Кроме того, иностранным

резидентам запрещено владеть природными ресурсами во избежание их утраты в результате профинансированного из-за рубежа рейдерского захвата. Все это примеры умных защитных мер, а не антиглобалистских действий. Как говорится, все хорошо в меру.

ГЛАВА 2

НОВЫЕ КАРТЫ ДЛЯ НОВОГО МИРА

Борьба с глобализацией равносильна борьбе с законом тяготения.

Кофи Аннан, бывший генеральный секретарь ООН

ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К ГИПЕРГЛОБАЛИЗАЦИИ

Дальнейшее развитие глобальной сетевой цивилизации — самая беспроигрышная ставка, которую можно было бы сделать за последние пять тысяч лет. Процесс зародился в третьем тысячелетии до Рождества Христова, когда города-государства империй Месопотамии начали регулярно торговать друг с другом и даже с Египтом и Персией. В эпоху расцвета, в середине первого тысячелетия до нашей эры, империя Ахеменидов, основанная персидским царем Киром Великим, стала центральным звеном имперской сети, простиравшейся от Европы до Китая. Связанность способствовала росту благосостояния и распространению религии во всех направлениях. Как поясняет социолог Кристофер Чейз-Данн, нынешняя мировая цивилизационная сеть расширилась за счет подключения ранее изолированных региональных и культурных систем вместе с углублением связей вследствие объединения новых технологий, источников капитала и геополитических амбиций. И арабские завоеватели середины первого тысячелетия нашей эры, и монголы в XIII веке использовали свою организованность и мобильность для создания обширных империй. (Карты 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 13 к этой главе размещены на вклейке.) Крестовые походы и торговая революция позднего Средневековья способствовали процветанию морской торговли и заложили основу для многовекового европейского колониализма, следствием которого стал колониальный раздел мира, запечатленный на картах того времени.

Глобализация набирала обороты по мере расширения империями своих связей — путешествия иберийцев (испанцев и португальцев) в XV–XVI веках, датчан в XVII веке и компаний британской Ост-Индии в XVIII веке. Фабрики и заводы, открывшиеся в Великобритании во времена промышленной революции XIX века, требовали все больше

хлопка и другого сырья, импортировавшегося из отдаленных колоний. Текстильная промышленность и сельское хозяйство способствовали развитию глобальных цепей поставок и глобальной работоторговли. Огромный рост производства стали и прочих промышленных продуктов в Германии и США в конце XIX века наряду с расширением сети железных дорог и судоходных путей сформировал взаимосвязанную глобальную экономику невиданных ранее масштабов.

Описывая эти дни в своем знаменитом трактате 1919 года *The Economic Consequences of the Peace* («Экономические последствия мира»), Джон Кейнс писал: «Житель Лондона, потягивая утренний чай в кровати, мог заказать по телефону различные продукты со всех уголков Земли в таком количестве, какое он сочтет нужным, и ожидать их скорой доставки прямо к порогу... [Он] рассматривал такое положение вещей как нормальное, понятное и постоянное, ну разве что оно в дальнейшем улучшится, а любое отклонение от него как аберрантное, скандальное и предотвратимое» [1].

Период перед Первой мировой войной действительно стал золотым веком глобализации — если учитывать только интересы метрополий. Развитие торговли в эпоху империализма без границ требовало ресурсов, которые за бесценок приобретались в Латинской Америке, Африке и Азии и доставлялись в Европу. Африканских рабов и бесправных азиатских кули развозили по всему миру для работы на плантациях и рудниках — от Кубы до островов южной части Тихого океана. Целые континенты попадали в зависимость и даже после обретения независимости не становились свободными, а продолжали находиться в подчинении супердержав. Доминирование стран Запада в глобализации столетие назад сделало ее уязвимой: Первая мировая война, торговые барьеры, иммиграционные ограничения, финансовые трудности, политический национализм вызвали геополитические кризисы 1930-х годов, которые в конечном счете переросли во Вторую мировую войну.

Война стала катастрофой для глобализации, но лишь замедлила, а не остановила ее ход. Невзирая на «черную смерть» XIV века, мировые войны XX века, финансовый кризис начала XXI века, иные силы вроде массовых миграций, капиталистических инстинктов и технологических инноваций продолжают создавать глобальную систему взаимодействия, которая становится масштабнее, быстрее и устойчивее (то есть более

способной к восстановлению). Сегодня глобализация многолика, с гораздо большим числом участников и стимулов, всеобъемлюща и необратима.

Сам этот термин получил широкое распространение только в конце 1980-х годов, незадолго до окончания холодной войны. Несмотря на радикальное расширение взаимосвязей и взаимозависимости по всему миру, только за последнее время глобализацию объявляли мертвой трижды. Первый раз — после террористических актов 11 сентября 2001 года. Было заявлено, что подрыв доверия между Западом и арабским миром приведет к усилению мер безопасности на границах, а геополитические последствия войн в Ираке и Афганистане ослабят глобальную экономику. Затем в 2006 году провалился Дохинский раунд переговоров стран — членов Всемирной торговой организации (ВТО), где утверждалось, что без соглашения о едином своде глобальных правил объемы и масштабы глобальной торговли будут сокращаться. Наконец, во время финансового кризиса 2007–2008 годов объемы экспорта снизились, международное кредитование уменьшилось и англосаксонская модель капитализма подверглась нападкам — все это упоминалось как свидетельство деглобализации. Четвертый фронт «конца глобализации» разворачивается прямо сейчас, ведь процентные ставки в США повышаются, темпы роста китайской экономики замедляются, дешевая энергия и передовые промышленные технологии стимулируют перенос производства или части производства в соседние и близлежащие страны и его автоматизацию.

Но я считаю, что сейчас глобализация вступает в новый золотой век. На волне слияния стратегических амбиций, новых технологий, дешевых денег и глобальной миграции она продолжает набирать обороты и расширяться практически во всех направлениях. С 2002 года общая сумма экспорта продуктов и услуг возросла с 20 до 30 процентов мирового ВВП; и, по некоторым оценкам, этот показатель достигнет 50 процентов в течение нескольких следующих лет. Доля экспорта США в национальном ВВП тоже увеличилась: ИТ-, автомобильные, фармацевтические и другие компании все больше зависят от зарубежных рынков; 40 процентов доходов компаний, входящих в S&P 500, поступает из-за рубежа.

Возрождаются средневековые и античные торговые пути, некогда связывавшие процветающую Африку, Аравийский полуостров,

Персию, Индию, Китай и Юго-Восточную Азию. Сегодня торговля товарами, услугами и капиталом на рынках развивающихся стран составляет около четверти всех глобальных потоков и растет быстрее, чем другие ее сегменты²³. Между любыми двумя быстроразвивающимися регионами — Китаем и Африкой, Южной Америкой и Ближним Востоком, Индией и Африкой, Юго-Восточной Азией и Южной Америкой — объем торговли вырос от 500 до 1800 процентов (да, я не ошибся, именно на четырехзначную цифру) за последние десять лет. Торговый оборот между Китаем и Африкой, стартовав примерно с 250 миллиардов долларов, сегодня почти вдвое превышает торговый оборот между США и африканскими странами и, по прогнозам, в скором времени догонит соответствующий показатель между ЕС и Африкой.

По мере расширения географии авиаперевозок и сети интернет-кабелей, пересекающих океаны, более низкая стоимость межконтинентальных перелетов и возможность всегда находиться на связи в режиме реального времени побуждают даже мелкие и средние компании в Южной Америке, Африке и Азии арендовать услуги цепей поставок. Любой может вести бизнес с кем угодно и где угодно.

Объем иностранных инвестиций достиг почти трети мирового ВВП, а инвестиции США в других странах постоянно растут и составили 5 триллионов долларов в 2013 году; в тот же период приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в США увеличился до 3 триллионов долларов. По состоянию на 2012 год ПИИ в развивающиеся страны составили около половины всех иностранных инвестиций в мире — больше, чем было инвестировано в экономику развитых стран. Невзирая на спад в экономике развивающихся стран в 2014–2015 годах, Китай быстро становится крупнейшим международным инвестором; и, по прогнозам, объем валютных резервов, портфельных инвестиций, ПИИ и общей суммы зарубежной собственности к 2020 году достигнет 20 триллионов долларов. Как писал ученый из Кембриджского университета Питер Нолан, Запад до сих пор в большей мере «в Китае», чем Китай «в мире» [2], но ситуация меняется, и сейчас исходящий поток капитала из Китая превышает входящий [3].

Глобализация напоминает серию разнонаправленных цунами, устремившихся через океаны и вздымающихся над континентами, сливаясь в сплошные потоки. Китайские банки предоставляют кредиты в Латинской Америке для стимулирования транстихоокеанского экспорта; индийские тракторы поставляются в африканские страны, что способствует росту экспорта сырьевых товаров в Азию; европейские банки финансируют машиностроительное производство в Юго-Восточной Азии для последующей продажи в Китай; американские компании разрабатывают программное обеспечение в Японии для азиатского рынка; наконец, любые два крупных города на любом континенте соединены беспосадочными авиарейсами.

В истории не было прецедентов такого масштаба, глубины и степени связанности, как в современном многополярном и мультицивилизационном мире, в котором все регионы важны и одновременно стремятся к сотрудничеству. После пятисотлетнего геополитического и экономического господства Запада постколониальные страны получили шанс стать полноценными игроками на мировом рынке и продавать там товары и ресурсы, а не отдавать их за бесценок. На ежемесячных саммитах латиноамериканцы и китайцы обсуждают вопросы сельского хозяйства, африканцы и арабы — инфраструктурные услуги, европейцы и представители Юго-Восточной Азии — проблемы свободной торговли, американцы и африканцы — развитие электроэнергетики, китайцы и европейцы — исследования Арктики, и еще очень широкий круг вопросов, представляющих взаимный интерес. Если это и есть «столкновение цивилизаций», то пусть их будет больше.

Конечно, мысль о том, что глобализация достигла пика, соблазнительна, но единственная серьезная отрасль с 2008 года, в которой наблюдается снижение трансграничных потоков капитала, — это банковское кредитование, практически полностью обусловленное европейским финансовым кризисом [4]. Глобализация перестала быть синонимом американизации, поскольку зависимость от нее американской экономики усилилась, учитывая приток талантливых специалистов и инвестиций, а также миграцию капитала в поисках высокодоходных вложений, особенно в Азии. Глобализация больше не нуждается в разрешении Уолл-стрит и ФРС США. Гонконг и Сингапур составили компанию Нью-Йорку и Лондону как ведущим финансовым

центрам мира вследствие расширения азиатских рынков и роста активов под их управлением, а также объема транзакций в иностранной валюте. Какой показатель ни возьми — количество иностранных туристов и мигрантов, трансграничных слияний и поглощений, объема передаваемых данных и прочее, — по всем наблюдается рост.

В связанном мире уменьшение одних потоков, как правило, компенсируется увеличением других, еще более интенсивных и устойчивых. Например, постепенно повышающиеся процентные ставки в США привели к сокращению объема портфельных инвестиций в экономику развивающихся стран, зато способствовали развитию азиатских рынков облигаций и одновременно привлекли дополнительные инвестиции из американских пенсионных фондов. Энергетическая революция в Америке обусловила падение нефтяного импорта, но стимулировала мощный приток в страну европейского и азиатского капитала для операций гидроразрыва пласта, нефтеперерабатывающих и химических предприятий — а это означает рост уровня глобализации. Приток ПИИ в экономику Китая начал сокращаться, зато китайские ПИИ резко возросли по мере укрепления юаня (по состоянию на 2014 год они даже превысили первые). Мудрые глобальные инвесторы не рассматривают мировые экономические тенденции по отдельности, а стараются представить общую картину и учесть последствия второго и третьего порядка.

Усилия США по возвращению домой пары миллионов рабочих мест в промышленном секторе меркнут по сравнению с почти *100 миллионами* рабочих мест, перемещаемых из Китая в Мьянму, Бангладеш, Эфиопию и другие страны с низкооплачиваемой и низкоквалифицированной рабочей силой. К 2020 году поставщиком львиной доли международной рабочей силы станут развивающиеся страны Азии и Африки. По мере совершенствования инфраструктуры на этих развивающихся рынках промышленники могут быстро переводить сюда свои мощности, тем самым ужесточая конкуренцию. Всегда найдется «очередной Китай», готовый взять на себя трудоемкое и низкооплачиваемое производство, в то время как китайские компании, такие как, например, Hualian Shoes, один из крупнейших производителей одежды в мире, перемещают производство из Китая в свободные экономические зоны в Эфиопии [5]. Потоки труда и капитала меняют направление, но при этом неуклонно растут.

Теоретики международной торговли, инвестиционные банкиры и высокотехнологичные компании называют это эпохой гиперглобализации. Если сравнить глобализацию с воздушным шаром, то мы пока только начали его надуть. Западные эксперты демонстрируют необычайную не дальновидность в отношении глобализации и склонны путать интернационализацию — масштабы которой существенно разнятся в разных отраслях и на разных этапах экономического цикла — и глобализацию как постоянно растущую *способность* к глобальному взаимодействию. Никакие статистические данные не смогут отразить ее истинный масштаб. *Объемы* операций, будь то торговля валютой, грузоперевозки или экспортные поступления, подвержены постоянным колебаниям, но способность системы к глобальной деятельности — гораздо лучший индикатор направлений развития глобализации. По сути, нет смысла говорить о глобализации в будущем времени, речь может идти только о степени связанности.

МЕРА ВЕЩЕЙ

Десять лет назад из Индии и Африки часто слышались заявления о недопустимости игнорировать миллиард человек, будто их численность уже сама по себе много значит и, в частности, дает право на представительство в Совете Безопасности ООН. Однако мир способен на это, да и вполне успешно игнорирует миллиард человек, если они бедны и беспомощны, разобщены и не являются активными участниками международного сообщества. Только при условии подключения к глобальной экономике миллиарда африканцев или индийцев их страны могут рассчитывать на конструктивный диалог.

Стратегическое значение, традиционно определявшееся размером территории и военной мощью, сегодня в большей мере зависит от степени влияния через каналы связи. Ключевым фактором влияния государства стало не его местоположение или численность населения, а его подключенность — физическая, экономическая, виртуальная — к потокам ресурсов, капитала, данных, талантов и других ценных активов. Например, и в Китае, и в Индии проживает около полутора миллиардов человек, но доля Китая в мировом объеме импорта составляет около 10 процентов, а Индии — всего 2,5 процента. Китай — ведущий торговый партнер для более чем сотни стран (что превышает показатель США), а Индия — только для

Кении и Непала. Согласно результатам исследования J.P. Morgan, 1-процентное снижение ВВП Китая приводит к 10-процентному падению цен на нефть. С точки зрения расстановки сил на мировой арене вряд ли для какой-то страны отношения с Индией окажутся важнее, чем с Китаем, даже несмотря на то, что по численности населения Индия уже опережает Китай.

Но даже если Китай по объему ВВП превзойдет США, а юань присоединится к доллару в корзине резервных валют МВФ, США по-прежнему будут иметь самую взаимосвязанную финансовую систему, контролирующую практически половину всех мировых финансовых активов общей стоимостью почти 300 триллионов долларов. В долларах США хранится львиная доля мировых валютных резервов; рынок американских государственных облигаций составляет около 12 триллионов долларов и на данный момент самый большой в мире; объем американского фондового рынка оценивается примерно в 35 триллионов долларов — около половины мирового фондового рынка; кроме того, в США крупнейший рынок корпоративных долговых обязательств (одновременно лидирующий по объему выпуска номинированных в евро корпоративных облигаций). Правительства стран, банки, компании и отдельные люди в большей мере интегрированы в американскую финансовую систему, чем в любую другую.

Измерение степени связанности помогает устранить зависимость производимого впечатления от фактора территории. Россия — крупнейшая страна в мире, но на данный момент наименее подключенная среди ведущих экономик мира [6]. Ее экономика почти полностью зависит от сырьевого экспорта, но по мере роста предложения нефти и газа на мировых рынках влияние России за пределами так называемого ближнего зарубежья (бывших республик Советского Союза) будет ослабевать.

Россия — наглядный пример меньшей предсказуемости и большей волатильности менее связанных стран. У Ирана, Северной Кореи и Йемена, как и у таких изолированных и агрессивных стран, как Нигер и Центральноафриканская Республика, очень низкий уровень связанности, зато высока степень исходящей от них опасности. Следовательно, вместо дальнейшего усиления изоляции мы должны вовлечь их во взаимодействие в более позитивных формах. Например,

Афганистан, будучи ведущим экспортером наркотиков и терроризма, имеет шансы перейти к позитивным формам связанности путем экспорта меди и лития, а также как часть Шелкового пути на участке от Центральной Азии до Аравийского моря, входящем в общий маршрут от Китая до Ближнего Востока.

Наиболее взаимосвязанными традиционно были западные страны, чья долгая история колониальных империй, тесные региональные связи (внутри ЕС и трансатлантического сообщества), емкий рынок капитала и высокий уровень технологий складывались веками. Индекс связанности, рассчитанный Глобальным институтом McKinsey — показатель интенсивности потоков товаров, капитала, людей и данных в сравнении с национальным ВВП, — для локомотива европейской торговли Германии достигает колоссального значения 110 процентов, что доказывает важность связанности для процветания крупной страны. (У США и Китая этот показатель несколько ниже из-за огромных объемов внутренних рынков, но все равно довольно высокий — 36 и 62 процента соответственно.) Взаимосвязанные страны — самые уважаемые. Германия занимает верхние строки рейтинга как по индексу связанности McKinsey, так и по версии Pew/GlobeScan, как одна из самых уважаемых стран в мире.

Связанность усиливает влияние небольших стран; у Сингапура и Нидерландов высокий показатель интенсивности потоков, поскольку они больше зависят от входящих и исходящих потоков товаров, услуг, финансов, трудовых ресурсов и данных, чем более крупные страны. У Норвегии, относительно небольшой и географически удаленной северной страны, самый крупный в мире фонд национального благосостояния, сформированный за счет поступлений от экспорта нефти и контролирующей 1 процент объема торговли на фондовых рынках мира и 3 процента — в Европе. Когда доля норвежских инвестиций в ценные бумаги развивающихся стран составила 10 процентов от совокупного инвестиционного портфеля, усилилось и влияние норвежской экономики на сотни ведущих транснациональных компаний [7].

Более высокая степень связанности означает более высокие темпы роста и более интенсивные потоки. Почти 40 процентов глобального ВВП, как и четверть глобальных темпов роста, зависят от трансграничных потоков товаров, услуг и капитала [8], причем потоки

научно-технических продуктов, например цифровых услуг, уже оцениваются в 13 миллиардов долларов в год (около половины общей стоимости всех потоков) и продолжают расти, как бы напоминая о том, что взгляд на глобализацию исключительно с позиций промышленного производства не раскрывает ее сути²⁴. В традиционном представлении объем торговли увеличивается прямо пропорционально размеру сообществ и обратно пропорционально расстоянию между ними. Но с появлением цифровой связи каналы поставок могут быть не только материальными, но и цифровыми: после подключения к интернету по кабелю маржинальные затраты на предоставление услуг упали почти до нуля. Цифровые сообщества разделяют не расстояния, а лишь политика и культура.

Картографическое программное обеспечение наглядно показывает, что связанность важнее географии, благодаря чему становится полезным пояснительным инструментом. Например, исследовательский консорциум Worldmapper и Панкадж Гемават с помощью модели SAGE предлагают способы визуализировать страны и регионы исходя из их экономического веса, торговых партнеров и других показателей, подчеркивая тем самым глубину глобализации, ее распространение и направление. Это позволяет увидеть, что, например, у Африки, несмотря на обширную территорию, небольшой экономический вес, но огромные запасы полезных ископаемых делают ее весьма перспективным регионом, а также проследить, как удельный вес экспорта Германии в страны еврозоны сократился с 50 до менее 35 процентов от общего объема, а в Азию резко увеличился. От традиционного предположения о том, что самые активные экономические связи страны поддерживают с соседями, можно перейти к утверждению, что прочность экономических связей определяется не столько географической близостью, сколько функциональной совместимостью. Скажем, можно выделить специфику цепей поставок в зависимости от отрасли и, в частности, выяснить, насколько тесно связана ИТ-индустрия Бангалора с экономикой США. Значение расстояний все еще актуально, но определенно уменьшилось.

НОВАЯ ЛЕГЕНДА КАРТЫ

На всех картах в углу размещен специальный квадрат под названием «Легенда карты», содержащий перечень цветов, линий, стрелок, точек и прочих условных обозначений с разъяснениями,

позволяющих определять особенности ландшафта. И для составления атласа мировых цепей поставок список условных обозначений придется заметно расширить.

Прежде всего мы должны отобразить на карте границы властных полномочий и связи между регионами, а не только государственные и административные границы, то есть выделить наиболее взаимосвязанные территориальные единицы, наиболее стойкие связи и сильные центры влияния. Как правило, они попадают в одну из пяти категорий, так называемых пяти С25: территории *стран*, агломерации *городов*, региональные *содружества*, «облачные» *сообщества* и наднациональные *компании*.

СТРАНЫ

Самая большая ошибка при составлении традиционных географических карт — изображать на них страны как политико-административные образования с суверенными правами, как будто наличие страны означает, что вы ее полностью контролируете. Вместо того чтобы наносить юридически признанные государственные границы, следует отображать на карте реально контролируемую кем-то территорию.

Некоторые страны неоднородны в политическом и культурном отношении, и единственное, что их объединяет, — это география. Индию, например, гораздо больше скрепляет география, чем демократия — «сбежать» с полуострова сложно. В северном Кашмире и северо-восточных штатах Манипур и Нагаленд периодически активизируются сепаратистские настроения. Другие страны настолько территориально разобщены, что связывает их только название. Бедные островные архипелаги наподобие Индонезии отчаянно нуждаются в транспортной и коммуникационной инфраструктуре для поддержания связи между островами. Многие из четырнадцати тысяч островов фактически не контролируются Джакартой, а скорее находятся в орбите влияния Сингапура или Малайзии. Естественные препятствия хоть и обеспечивают неприступность государственных границ, но при этом разделяют страну на части, и тогда для сохранения ее целостности требуются дополнительные усилия. Странам, разобщенным географически, трудно сохранять политическое единство.

В Демократической Республике Конго, крупнейшей стране Черной Африки, вряд ли наберется тысяча километров мощных дорог.

Неудивительно, что ведущие ученые прямо заявляют, что, хотя де-юре Конго считается государством, де-факто его уже «не существует». Жизнь 75 миллионов жителей страны в большей степени связана с буксирами и баржами, забитыми торговцами, семьями, беженцами, скотом, канистрами пальмового масла, автомобилями и тюками с одеждой. На то, чтобы все это перевезти по реке Конго из Киншасы в Кисангани, разделенных тысячей километров, уходят недели. Географически единые страны живут и здравствуют; разобщенные территориально пространства распадаются.

Расстояние — это обоюдоострый меч: оно предоставляет государству еще один барьер для защиты населения, но и требует дополнительных затрат на поддержание территориальной целостности. Когда Сталин после смерти Ленина в 1924 году возглавил Советский Союз, он прежде всего приступил к решению проблемы инфраструктурной отсталости страны и инициировал ряд проектов, в том числе строительство Туркестано-Сибирской магистрали (Турксиб). Однако колоссальная внутренняя неоднородность Советского Союза с его многочисленными этногеографическими образованиями в конце концов привела к неизбежному распаду, подобно тому как это когда-то случилось с Османской империей. Сегодня Россия — самая большая страна в мире, но при этом очень мало инвестирующая в обеспечение своей целостности; в результате ее регионы тяготеют к более мощным и густонаселенным странам Западной Европы и Китаю. Путешествуя на автомобиле по России, я понял, что атлас дорог в этой стране содержит гораздо больше информации, чем политико-административная карта.

По словам Вацлава Смила, в 2010–2013 годах Китай израсходовал больше цемента, чем США за весь XX век. Однако многие развивающиеся страны мира раздроблены сильнее, чем показано на картах, причем часто по причине отсутствия базовой инфраструктуры, обеспечивающей единство страны. Общее население четырех из них — Бразилии, Индонезии, Нигерии и Индии — составляет два миллиарда человек, но в целом эти страны функционируют менее эффективно, чем сумма их регионов, из-за слабой взаимосвязанности последних. В таких странах степень управляемости резко снижается по мере удаления от столицы.

Согласно нынешним географическим картам, Конго, Сомали, Ливия, Сирия и Ирак — суверенные и независимые государства, а не геополитические «черные дыры», коими они есть на самом деле. Почему бы не обозначить их на карте более светлым тоном (близким к белому), чтобы подчеркнуть их слабость? Некоторые государственные образования, например Курдистан или Палестина, не отображены на картах, но должны там быть, хотя их политическая география не оформлена до конца. Существуют также «государства в государстве», такие как «Хезболла» в Ливане, «Боко Харам» в Нигерии или «Талибан», оплетший своей сетью Афганистан и Пакистан, причем они гораздо больше влияют на свои территории, чем центральное правительство. ИГИЛ не признано государством, но контролирует определенное пространство и агрессивно расширяет свое господство на территории Сирии и Ирака. Профессор Миддлберийского института международных исследований Итамара Лохард насчитала 13 тысяч вооруженных формирований, что в 65 раз больше, чем количество суверенных государств. Неплохо было бы знать пределы их эффективного контроля.

Тогда как влияние одних государств не простирается дальше окрестностей их столиц, решения других меняют мир. Действительно, то, что говорят и делают Пекин, Брюссель и Вашингтон, в большей мере формирует политическую картину мира, чем действия любых других столиц. Например, нанеся на карту трансграничные инвестиции в инфраструктуру, мы увидим, что Китай, формально признавая границы, установленные еще в эпоху империи Цин, фактически запустил свои щупальца в глубь территорий почти всех соседей (а их у Китая больше, чем у любой другой страны мира) в целях воссоздания зависимой модели цивилизационной империи, гораздо более типичной для истории Азии последних трех тысячелетий.

Даже центральные органы власти двух могущественных вертикально управляемых империй, США и Китая, периодически подтверждают, что в действительности их страны более фрагментированы, чем принято считать. Казалось бы, большим странам проще обеспечить внутреннюю стабильность за счет масштабов, но США, Китай, Индия, Бразилия, Россия, Турция, Нигерия, Индонезия, Бангладеш и Пакистан — десять крупнейших стран мира по численности населения (за исключением суперсовременной

Японии) — при этом самые неоднородные в мире. Именно меры, направленные на сглаживание неравномерности развития территорий — всеобщий доступ к качественному образованию и здравоохранению, гибкий рынок труда в сочетании с защитой работников, широкий доступ к капиталу, — во многих крупных странах недостаточно масштабны, а то и вовсе отсутствуют. Слишком большая часть национального богатства сосредоточена — или хранится — в одном-двух крупных городах, и остальной территории мало что достается. В этих городах создается узкая экономическая база, обеспечивающая «национальный» экономический рост. Географически близко расположенные места могут кардинально отличаться по уровню развития. Существует огромная пропасть между рынками развивающихся стран, которые, подобно Китаю и Колумбии, инвестируют огромные средства в инфраструктуру и социальную мобильность и которые, как Бразилия и Турция, развиваются за счет роста потребительского кредитования. Показатели производительности труда в Индонезии за пределами Джакарты настолько низки, что практически неизмеримы. Фраза «Каир — это Египет», возможно, и романтична, но отражает нездоровую ситуацию. Поскольку неоднородность характерна для большинства стран, нужны более информативные карты, отображающие степень взаимосвязанности регионов *внутри* страны.

Мы могли бы отметить *все аспекты* экономического неравенства регионов внутри страны, например, путем оттенения цвета города и провинции в зависимости от уровня их благосостояния. Тематические карты (на которых, помимо географической, нанесена тематическая информация), отражающие концентрацию богатства и талантов в Нью-Йорке и Кремниевой долине, дают более полное представление об истинном характере американской экономики; то же касается тематических карт Китая, где прибрежные города столь же зажиточны, как Южная Корея, а отдаленные внутренние провинции так же бедны, как Гватемала. Крайняя неравномерность экономического развития территорий ставит под сомнение понятие сопряженных регионов. В этом мире медианный доход более информативен, чем показатель среднедушевого дохода, а в США медианный доход застрял на уровне 1980-х.

ГОРОДА

Совокупная доля ВВП более ста стран составляет всего 3 процента мирового ВВП; в основном это небольшие страны с относительно бедными городами, окруженными разными по протяженности пустынными землями. Такие страны напоминают атомы: ядро (столица) занимает лишь небольшую часть объема атома (государства), но при этом содержит львиную долю его массы (веса). В мире, где связанность важнее размеров, города заслуживают более детализированного отображения на картах, чем просто черные кружочки.

Города — самая долговременная и стабильная форма социальной организации, пережившая все империи и народы, при которых они существовали. Например, хотя Османская и Византийская империи давным-давно ушли в небытие, Константинополь, нынешний Стамбул, по-прежнему остается крупным культурным и торговым центром, существенно расширившим географический радиус влияния по сравнению с временами Османской империи, а ведь он уже не столица Турции. Города — поистине вневременная глобальная форма социальной организации. Они прошли долгий путь становления: от деревень к городам, затем к мегаполисам и, наконец, городским агломерациям, протянувшимся на сотни километров.

В XXI веке города стали самой выдающейся формой инфраструктуры, порожденной человечеством, и, что примечательно, их хорошо видно из космоса. В 1950 году в мире было всего два мегаполиса с населением свыше 10 миллионов человек — Токио и Нью-Йорк. К 2025 году их наберется не меньше сорока. В Большом Мехико столько же жителей, как в Чунцине (Китай), и это больше, чем во всей Австралии. Мегаполис представляет собой несколько взаимосвязанных районов, охватывающих территорию размером с Австрию. Города, ранее разделенные сотнями километров, сейчас фактически слились в урбанистические архипелаги, крупнейший из которых — японский мегалополис²⁶ Токайдо, сформированный тремя агломерациями — Токио, Нагоей, Осакой, где проживает две трети населения Японии. Дельта реки Жемчужной в Китае, Большой Сан-Паулу и агломерация Мумбаи Пуна также все глубже интегрируются благодаря инфраструктуре. Уже сформировалась по меньшей мере дюжина таких агломераций мегаполисов. Китай находится в процессе реорганизации около двух десятков кластеров из гигантских мегаполисов с населением 100 миллионов человек

в каждом 27. И все же ожидается, что к 2030 году вторым по численности населения городом в мире после Токио станет не один из китайских городов, а Манила.

Американские развивающиеся агломерации и мегалополисы не менее важны, чем вышеперечисленные, хотя по количеству населения они меньше азиатских. Особенно выделяются три: Босваш, Сансан и Чипитс. Агломерация мегаполисов Восточного побережья, включающая Бостон, Нью-Йорк и Вашингтон, — средоточие академической науки, финансовых ресурсов и политического капитала. (Единственное, чего пока не хватает, — обслуживающей внутренние потребности скоростной железной дороги.) Сан-Франциско, Сан-Хосе и Кремниевая долина постепенно становятся единой агломерацией, протянувшейся вдоль побережья между федеральными автомагистралями I-280 и US-101; здесь расположены более шести тысяч высокотехнологичных компаний, генерирующих около 200 миллиардов долларов ВВП. (Благодаря высокоскоростной железнодорожной магистрали Сан-Франциско — Лос-Анджелес — Сан-Диего Тихоокеанское побережье Калифорнии способно стать западной альтернативой северо-восточной агломерации. Tesla Илона Маска предложила построить на этом маршруте ультраскоростной туннель Hyperloop.) Наконец, на территории крупнейшей городской агломерации на юге США Даллас — Форт-Уэрт находятся такие промышленные гиганты, как Exxon, AT&T и American Airlines, а масштаб ее экономики превышает экономику Южной Африки. Сейчас там строится скоростная железная дорога, которую со временем продолжат до нефтяной столицы Хьюстона, — такой план опубликован в 2014 году Texas Central Railway и оператором сверхскоростных поездов Central Japan Railway.

По мере концентрации населения, материальных благ и талантов в глобальных городах они постепенно снижают роль стран как ключевых мировых игроков. Сегодня города оцениваются по степени влияния в глобальной сети, а не по занимаемой площади. Глобальные города привлекают финансы и технологии, они многолики и динамичны и устанавливают прочную связь с растущим числом партнеров. Как отметил Кристофер Чейз-Данн, статус мирового города определяется не численностью населения или размером занимаемой площади, а экономическим весом, близостью к активно развивающимся зонам,

политической стабильностью и привлекательностью для иностранного капитала. Иными словами, подключенность значит больше, чем масштаб и даже суверенитет. Нью-Йорк, Дубай, Гонконг не являются столицами своих стран, но входят в первую пятерку городов мира по показателю интенсивности проходящих через них потоков.

Демографический и экономический вес усиливает политическое влияние городов, позволяя им проявлять больше самостоятельности и устанавливать прямые дипломатические связи с другими городами, — я называю это «городской дипломатией». По мнению Саскии Сассен, великие связанные города в одинаковой мере принадлежат как к глобальным сетям, так и к собственным государствам. Они как набор не жестко закрепленных концентрических колец: чем их больше, тем город устойчивее, поскольку реорганизует свою инфраструктуру и перераспределяет ресурсы в соответствии с новыми глобальными моделями. Сегодня двадцать богатейших городов мира сформировали суперкольцо, опирающееся на таланты, капитал и услуги, ставшее домом для штаб-квартир 75 процентов крупнейших компаний, которые, в свою очередь, увеличивают инвестиции в городские объекты и междугороднюю сеть коммуникаций. Глобальные города создали собственную лигу без национальной принадлежности подобно командам гонщиков «Формулы-1», привлекая таланты и инвестиции со всего мира и соревнуясь на одной и той же гоночной трассе.

Рост мегаполисов в развивающихся странах, как магнитом притягивающих местные активы и таланты, обусловил сдвиг центра экономической активности. По данным Глобального института McKinsey, с настоящего момента до 2025 года темпы мирового экономического роста на треть будут обеспечиваться ведущими западными столицами и мегаполисами развивающихся стран, еще на треть — густонаселенными городами средних размеров в развивающихся странах и еще на треть — малыми городами и сельскими регионами развивающихся стран. Поскольку цены на товары в городах Китая и Индии второго и третьего уровня намного ниже, там проживают сотни миллионов человек, в совокупности создающих масштабный спрос задолго до того, как ВВП на душу населения в этих странах достигнет 8 тысяч долларов (с учетом паритета покупательной способности), необходимых для роста потребления. Неудивительно, что компании нацелены на быстрорастущие города как основные рынки

для своей продукции, в то время как инвесторы рассматривают муниципальный долг как ключевой индикатор состояния национальной экономики.

Сегодня в мире гораздо больше эффективно функционирующих городов, чем жизнеспособных государств. Действительно, города нередко оказываются островками управляемости и порядка в более слабых странах, где они высасывают ресурсы из всех ее уголков, не обращая внимания на ее нужды. Яркие примеры — Лагос в Нигерии, Карачи в Пакистане, Мумбаи в Индии. Чем меньше вмешательство столицы в жизнь остальных регионов страны, тем лучше, что особенно справедливо в случае, когда она расположена в центре страны, чтобы было легче контролировать территорию, как, например, Бразилиа или Абуджа. Такие столицы неизбежно маргинализируются, поскольку в мировой экономике доминируют столицы, расположенные на побережье.

Конечно, распутать сеть взаимозависимостей между городом и государством, будь то в территориальном, демографическом, экономическом, экологическом или социальном плане, практически невозможно. Но речь не об этом. По всему миру ключевые компании городов и их мэры создают свободные экономические зоны и напрямую привлекают инвесторов, чтобы обеспечить рабочие места и выгодополучение на местном, а не государственном уровне. Вот и все, что им нужно. В результате, чтобы избежать городской перегруженности и эффективнее подключиться к глобальным рынкам и цепям поставок, вокруг аэропортов начали вырастать целые районы (иногда называемые аэротрополисами²⁸). Многие транспортные узлы — от аэропорта О’Хара в Чикаго и Международного аэропорта Даллеса в Вашингтоне до сеульского Инчхона — становятся самыми быстрорастущими точками на экономической карте мира, тем самым подчеркивая внутреннюю ценность связанности. Для компаний, перемещающих штаб-квартиры в аэротрополисы, аэропорты становятся воротами в мировую экономику, в то время как близлежащий город независимо от размера — всего лишь еще одним пунктом назначения.

СОДРУЖЕСТВА

Чем больше городов соединяются с ведущими экономическими центрами в своих регионах, тем больше регионов становятся

коллективной движущей силой мировой экономики, а не просто географическими единицами. Согласно докладу Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции — 2030», «влияние мегаполисов и региональных союзов (таких как ЕС, Североамериканский союз, Большой Китай) будет возрастать, в то время как национальные правительства и глобальные многосторонние организации будут бороться с быстрой диффузией власти» [9]. Региональные содружества — более надежный способ коллективного взаимодействия и совместного использования ресурсов, чем удаленные и централизованные глобальные организации. Содружества помогают модернизировать более слабых членов, как это делает ЕС в отношении стран Восточной Европы и Балкан за счет фондов структурных реформ, инвестиций в человеческий капитал, внедрения цифровых технологий и других направлений деятельности. Вступление в ЕС улучшило инвестиционный климат этих стран, сделав их более привлекательными для глобальных цепей поставок вследствие принятия более прозрачных и надежных законов. То же происходит сейчас в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и паназиатском Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), в рамках которых экономики отдельных стран становятся более открытыми и могут защитить свои сравнительные преимущества и стимулировать рост занятости. Инфраструктурная и рыночная интеграция, происходящая во многих регионах, делает их более значимыми строительными блоками нового мирового порядка, чем национальные государства. Важно отметить, что в регионах, не спешащих объединиться в совместно функционирующие зоны, наблюдается наибольшее количество так называемых несостоявшихся государств.

Мегарегионы — это не монолитные образования, а скорее то, что ученые называют «комполитными империями»: у них есть номинальная центральная власть, но при этом провинции пользуются правами широкой автономии. Римская, Византийская и Османская империи были огромными, могущественными и богатыми и одновременно политически и культурно раздробленными. Безусловно, даже слабый регионализм — отличное противоядие от империализма. Если одной из причин начала военных действий становится завеса неопределенности, окружавшая потенциальных противников (как

накануне Первой мировой войны), то прочные региональные объединения, устойчивые к внешним манипуляциям, способны ее нивелировать.

Такие региональные содружества гораздо крупнее, сплоченнее и сильнее, чем неформальные культурные сообщества, описанные профессором Гарвардского университета Сэмюэлем Хантингтоном в книге *The Clash of Civilizations*²⁹. Католики могут смотреть в сторону Рима, православные — Москвы, но они не выступают единым геополитическим фронтом. Чем больше насилия совершают радикальные группировки во имя ислама, тем разобщеннее становится исламский мир. Достаточно посмотреть на контролируемые ИГИЛ территории и его беспрестанные атаки на суннитские режимы на Ближнем Востоке. Внутренние разграничительные линии между ИГИЛ и другими исламскими группировками более кровавые, чем границы с внешними соседями.

Ситуация в экономически интегрированных мегарегионах гораздо стабильнее. В Североамериканский союз входят страны, принадлежащие к западной и романской культуре; ЕС успешно охватывает части арабской, христианской и тюркской цивилизаций. Сфера влияния Китая простирается на страны Юго-Восточной Азии с собственной культурой, вторгаясь на территорию господства древних японской и корейской цивилизаций и проникая в страны с православной и тюркской культурой. Как и прогнозировал Фернан Бродель в своих фундаментальных исследованиях, регион Большого Средиземноморья не столько разделен, сколько объединен Средиземным морем. Любой, кто встречал ливанского суннита из Бейрута или коммерсанта из Триполи, знает, что они больше отождествляют себя с историей Финикии и культурой Средиземноморья, чем с исламом. Цивилизации взаимодействуют гораздо чаще, чем сталкиваются.

СООБЩЕСТВА

Не менее важно понять, как идентичность и лояльность индивидуумов выходят за рамки географии. Здесь лучший пример — этнические диаспоры. Исторически связи диаспоры всегда были улицей с двусторонним движением: передача культурных традиций со стороны родины и денежные переводы в обратном направлении. В 2014 году общая сумма таких переводов составила 583 миллиарда долларов, и это

довольно веское основание для анализа того, как диаспора может стать агентом изменений на исторической родине. Нынешние диаспоры — это нескончаемый разнонаправленный поток финансов, коммуникаций и политического влияния, пересекающий десятки национальных границ: китайцы — это не только Китай, индийцы — не только Индия, бразильцы — не только Бразилия.

Нанесение на карту сети диаспор показывает, насколько сильным мультипликатором они могут быть. Индийская диаспора в Северной Америке, на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и Юго-Восточной Азии — это внутренне интегрированное коммерческое сообщество (которое я назвал Боллистан), инвестирующее в недвижимость, школы, заводы, золотодобычу по всей территории бывшей британской колониальной империи без всяких указаний из Индии. Надо сказать, правительства все чаще используют связь с диаспорами как источник лояльного, долгосрочного капитала. Индия, Израиль и Филиппины предлагают финансовые продукты (например, инфраструктурные облигации, предназначенные для финансирования конкретных проектов и имеющие прозрачную систему контроля их реализации) специально для членов своих диаспор. В то же время сейчас наблюдается массовое возвращение людей на родину в связи с существенным улучшением там качества жизни. Эти люди, получив за границей образование и опыт, обеспечивают в страну приток мозгов и выступают как движущая сила инноваций, привнося западные идеи в более консервативные общества и разбавляя традиционную структуру управления. Действительно, представители диаспоры играли видную политическую роль в жизни каждой из этих и многих других стран.

Огромная китайская диаспора численностью свыше 50 миллионов этнических китайцев расселилась по всей Азии, пересекла океаны и сама по себе мощный центр притяжения. В 1980-х годах Дэн Сяопин призвал этнических китайцев — промышленников Тайваня, Гонконга, Малайзии и Таиланда — инвестировать в формирующиеся свободные экономические зоны Китая. Если бы Пекин предложил двойное гражданство хотя бы некоторым из многомиллионной диаспоры, то привлек бы многих китайцев из-за океана, что обогатило бы страну талантами и омолодило стареющее население. Представители диаспор нередко обижены на власть покинутой ими страны, однако по прошествии нескольких поколений после гражданской войны в Китае

и большой эмиграции китайские диаспоры служат важным источником потенциала для китайской цивилизации в целом.

Диаспоры — наиболее очевидный предвестник глобального перехода от вертикальной к горизонтальной структуре власти, основанной на влиянии на умы, а не на территорию. Это не национальные, а *отношенческие* государства, где географические границы и численность населения менее значимы, чем способность действовать в глобальном реальном и виртуальном мире. По мере роста значения интернета в 1990-х годах социолог Мануэль Кастельс провел различие между «пространством мест» и «пространством потоков» [10]. Сегодня оба пространства переплелись как никогда. Слияние демографических и технологических потоков открывает для групп в Facebook и прочих «облачных» сообществ, растущих как грибы после дождя, новые возможности, что генерирует флешмобы лояльности, приводящие к появлению политических концепций, не включающих понятие государства. Социальные сети предоставляют людям инструменты борьбы за благосостояние путем мотивации их членов, финансирования разных видов деятельности и проведения политических акций. Основатель WikiLeaks Джулиан Ассанж утверждает, что интернет побуждает контактирующие группы объединяться в сообщества и действовать на основе совместно разделяемых принципов. Таким образом, перечень влиятельных игроков расширяется, включая террористов, хакеров и фундаменталистов, определяющих себя по тому, *что* они делают, а не по тому, *где* находятся.

Глобальная связанность постепенно подрывает национальные корни или замещает их рядом транснациональных связей и идентичностей. Представьте себе мир, в котором люди лояльны к городам и цепям поставок, а не к странам, ценят кредитные карты и цифровую валюту больше, чем гражданство, ищут подходящее общество в киберпространстве, а не в своей стране. Как заметил эксперт по новым моделям ведения войны из Школы повышения квалификации офицеров ВМС Джон Аркилла, сегодня социальные сети побеждают нации точно так же, как нации когда-то победили империи. Они черпают силы из привлекательных историй и используют технологии для консолидации членов. Микроблог — не просто средство коммуникации, а зародыш будущего виртуального

сообщества, способного бросить вызов государственной принадлежности и правительственным предписаниям.

КОМПАНИИ

Супермощные корпорации становятся независимыми игроками в мире цепей поставок. В то время как транснациональные компании времен холодной войны были прочно привязаны к внутреннему рынку, сегодня многие компании вышли за пределы национальных границ, избегая чрезмерной зависимости от какого-либо одного рынка, инвестора, штаб-квартиры или местонахождения трудовых ресурсов. После финансового кризиса массовые банкротства компаний и ряд новых финансовых актов должны были уменьшить аппетиты Уолл-стрит. Но, согласно выпускаемому Бюро финансовой стабильности ежегодному перечню системообразующих финансовых учреждений (оцениваются по размерам и широте услуг), свыше тридцати банков имели консолидированные активы на сумму 50 миллиардов долларов *каждый*, что означало больший финансовый вес (и, соответственно, глобальный охват), чем две трети стран мира. Даже притом, что их операции существенно сократились и тщательно контролируются, они продолжают реструктуризироваться путем слияний и поглощений и перехода в другие налоговые юрисдикции. Банк HSBC рассматривал вопрос о переносе штаб-квартиры из Лондона в Гонконг. Glencore Xstrata (торговля товарами сырьевой группы), DHL (логистика), Accenture (профессиональные услуги) и Academi (бывшая Blackwater) (военные частные компании) — примеры компаний, которые, несмотря на присутствие в листингах фондовых бирж, трансформировались в глобальные партнерства предприятий, принадлежащих местным собственникам. Они воспринимают государства не как суверена, которому следует повиноваться, а как юрисдикции, с которыми можно вести переговоры.

Чем масштабнее подключенность, тем больше компаний могут сделать ее своим конкурентным преимуществом. Даже высокотехнологичные компании Кремниевой долины все чаще разрабатывают продукты — и держат деньги — в «облаке». В мире не больше пяти стран с ВВП, превышающим те 200 миллиардов долларов, которые одна только Apple держит в высоколиквидных ценных бумагах по всему миру, а значит, компания может купить совокупную продукцию многих стран (за вычетом их долга). Продав

почти два миллиарда продуктов более чем миллиарду человек, Apple не только получила больше денег, но и завладела умами большего числа людей, чем многие государства.

Страны, функционирующие на основе цепей поставок, города с самоуправлением, общины без границ и компании могущественнее правительств — все это свидетельства перехода к новому типу плюралистической мировой системы. Границы полномочий глобальных органов власти на наших картах связанности быстро расширяются, напоминая о том, что ни одна карта не может оставаться неизменной в постоянно меняющемся мире.

От «дипломатии» к «городской дипломатии»

Изучать географию глобальной связанности ученые начали с городов. Как отмечал историк Питер Спаффорд, европейская урбанизация XIII–XIV веков способствовала ускоренному распространению капиталистических отношений за счет растущего использования кредита и страхования в международной торговле. Европейская торговая революция связала ключевые городские рынки континента с азиатскими торговыми центрами, такими как Константинополь и Каликут. Именно благодаря тому, что глобализация нивелировала национальные границы, города могли беспрепятственно сотрудничать на международном уровне.

Сегодня влияние городов на порядок выше. С тех пор как в 1953 году Нью-Йорк открыл первую миссию за рубежом, это сделали более двух сотен американских городов и штатов. Массачусетс после подписания первого международного соглашения с провинцией Китая Гуандун в 1983 году установил прямые партнерские отношения более чем с тридцатью зарубежными странами через свое управление международной торговли и инвестиций. Сан-Паулу и Дубай хоть и не обладают столичным статусом, все же имеют крупные департаменты международных дел и официальные двусторонние отношения с другими странами, включая США, Великобританию и Германию. Для привлечения местных компаний к работе в Вашингтоне и пригородах у управления экономического развития графства Фэрфакс в штате Вирджиния есть представительства в Бангалоре, Сеуле и Тель-Авиве.

Ни одна империя не станет полноценной заменой преимуществ прямого глобального доступа. Даже китайские города активно укрепляют международные экономические связи на основе

сравнительных конкурентных преимуществ, а не геополитических соображений. Ежегодные торговые обороты с каждым из крупнейших торговых партнеров провинции Сычуань — США, Европой и АСЕАН — составляют около 10 миллиардов долларов, поэтому власти провинции намерены укреплять налаженные связи. Торговая дипломатия между городами отражает поворот в сторону функционального, а не политического мира.

Даже такие столицы, как Лондон, могут действовать как независимое государство. Чтобы сохранить единство Англии в начале XIII века, король Иоанн Безземельный согласился включить в Великую хартию вольностей специальные положения, предусматривавшие особые права для лондонского Сити, прозванного «квадратной милей» из-за своей небольшой площади (сейчас это Корпорация лондонского Сити). В настоящее время его руководство и лорд-мэра, которые путешествуют по всему миру, представляя Сити и заключая финансовые соглашения при полной поддержке Министерства иностранных дел Великобритании и мэра Лондона, избирают 24 тысячи компаний. В отличие от политиков популистского толка, активно выступающих против ЕС ради получения голосов у такого же невежественного электората, лидеры лондонского Сити прекрасно понимают значение торговли с еврозоной — в долларах, иенах или юанях — для экономики страны.

Существует еще одна причина, по которой сегодня бывшие мэры становятся главами государств чаще, чем когда-либо ранее. Для решения глобальных проблем современности, например климатических изменений, города делают не меньше, а то и больше национальных правительств. Сорок крупнейших городов мира запустили собственные проекты по снижению выбросов парниковых газов (под названием C40) в обход межгосударственных переговоров, которые не более чем сотрясают воздух. Мэры и администрации городов Китая направляют сотрудников в Копенгаген, Токио и Сингапур, чтобы обучить их сочетать инновации с обеспечением жизнеспособности и получить конкурентное преимущество. (Действительно, дипломатические отношения европейских стран с Китаем сегодня сводятся к прямым контактам бизнес-ассоциаций крупных городов и обмену коммерческими технологиями, повышающими эффективность и устойчивость экономики Китая.) Для того чтобы выяснить, как решить

чуть ли не самую важную в данный момент проблему устойчивой урбанизации, вы обращаетесь во Всемирный саммит городов в Сингапуре или Всемирный конгресс «умных» городов в Барселоне — или заходите на разнообразные сайты, где эксперты, активисты и менеджеры из сотен городов мира обмениваются информацией по этим вопросам. Но вы уж точно не обращаетесь в Генеральную Ассамблею ООН. «Городская дипломатия» уже привела к созданию таких организаций, как Объединенные города и местные власти, а также еще более двух сотен межгородских обучающих сетей, что в совокупности превышает количество международных организаций, вместе взятых [11]. Учитывая, что города определяют себя в зависимости от степени связанности, а не суверенитета, можно предположить, что глобальное общество будущего, скорее всего, возникнет на основе межгородских, а не международных отношений.

ЧАСТЬ II

НЕОТВРАТИМОСТЬ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

ГЛАВА 3

ВЕЛИКАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Второй закон термодинамики: рано или поздно все превращается в дерьмо. Это говорю я, а не энциклопедия «Британника».

Салли из сериала Вуди Аллена «Мужья и жены» (1992)

ПУСТЬ ПЛЕМЕНА ПОБЕДЯТ

Самый мощный политический импульс, подталкивающий нас к связанному миру, казалось бы, указывает в обратном направлении — децентрализация. Децентрализация — это постоянное дробление территории на все более многочисленные (и мелкие) территориальные образования, от империй до наций, от стран до провинций, от провинций до городов. Децентрализация — крайнее выражение стремления племен, территориальных общин и приходов контролировать собственную территорию, поэтому она ведет нас в эру всеобщей связанности. Децентрализация — это геополитическое воплощение второго закона термодинамики, согласно которому все системы стремятся к состоянию максимальной энтропии. Крупномасштабная децентрализация ведется на протяжении веков: независимость Америки от Британии стала вехой на пути распада европейских глобальных империй, затем в начале XIX века о независимости от Испании объявили Мексика и Колумбия.

Исторически завоевательные войны создали крупнейшие колониальные империи, но в период деколонизации после Второй мировой войны борьба за независимость велась по всей территории Африки и Азии. (Карты 12 и 14 к этой главе приведены на вклейке.) Распад Советского Союза стал последним масштабным актом децентрализации в XX веке, в результате более десятка наций обрели свои государства, о существовании которых большинство европейцев не подозревали вплоть до 1991 года. Вследствие всех этих волн децентрализации число членов ООН увеличилось с сорока пяти в 1945 году до почти двухсот в наши дни. К середине нынешнего столетия в мире будет примерно 250 независимых государств. Если к политике и применимо такое понятие, как судьба, то она точно в децентрализации, а не в демократии.

В международных отношениях из-за чрезмерного опасения угроз суверенитету извне часто упускается одна важная деталь: обычно такие угрозы исходят *изнутри*. Растущая мощь и взаимосвязанность регионов и городов так же сильно способствует децентрализации, как в XX веке деколонизация. Неотвратимость децентрализации обусловлена распространением капиталистических отношений и появлением новых рынков, растущей сетью коммуникаций и развитием транспортной инфраструктуры, всеобщим доступом к информации и усилением общественного движения за самоуправление. Города больше не нуждаются в столицах государств для координации их отношений с миром, любой регион может конкурировать за инвестиции и определять, на что расходовать средства. Критерий децентрализации — не суверенитет, а полномочия, и не юридическая независимость, а автономия ради того, чтобы преследовать собственные интересы. От самоуправления до восстания, есть масса способов избежать тюрьмы навязанной государственности. Карты суверенных государств маскируют более разнообразную реальность, состоящую из сотен относительно автономных субъектов [1].

В течение двух столетий усилия по созданию наций оказались тщетны даже в случае дружелюбно настроенных и схожих в культурном отношении этнолингвистических групп. Когда Италия в 1861 году объединилась, только 10 процентов населения страны говорили на итальянском языке. (Первый король Италии Виктор Эммануил II говорил на одном из диалектов французского языка.)

Испанский диктатор середины XX века Франсиско Франко тоже пытался создать единую национальность с помощью единого языка. Но эта «отвратительная гомогенизация» (как ее называет экономист из Гарвардского университета Альберто Алесина) неизменно вызывала отпор там, где меньшинства — а иногда и большинство — интегрировались принудительно [2]. В любом стане, от шотландцев и басков до каталонцев и венецианцев, повсюду Давид выигрывает затяжную битву против Голиафа.

Ежедневные заголовки газет о событиях на Ближнем Востоке постоянно напоминают о том, что, несмотря на конец эпохи колониализма три поколения назад, ожесточенная борьба за пересмотр поспешно проведенных границ продолжается. И если и есть хоть какое-то утешение для сотен тысяч погибших в Ираке и Сирии, так это то, что этап в мировой истории, связанный с определением политических границ, заканчивается. Действительно, децентрализация была главным движущим фактором во время устранения межгосударственных военных конфликтов. Неслучайно сокращение их числа, а также смертей в их ходе совпало с удвоением количества народов мира в результате деколонизации после Второй мировой войны. Каковы причины для антиколониальных войн после распада колониальных империй? Со времен холодной войны острота международных конфликтов постепенно сходилась на нет. Почти все международные территориальные споры либо улажены, либо зашли в тупик, и лишь немногие из оставшихся связаны с глобальной стратегической географией. Распад на отдельные племена оказался более прагматичным подходом к решению проблемы предотвращения человеческих жертв ради призрачной надежды сохранить межэтническую гармонию. Урегулирование конфликта не приравнивается к умиротворению, а, скорее, означает переключение с картографического стресса от враждебных границ на решение насущных проблем внутреннего государственного строительства. У молодых, пока слабых государств меньше возможностей для участия в международных конфликтах, особенно если им сначала нужно обустроить собственный дом [3]. В то же время интенсивные дипломатические усилия и поддержание мира способны потушить конфликт и заменить полицейские кордоны на границе, как это было в Центральной Америке, на Балканах и в Африке. Создать на основе

каждого племени нацию — самый верный путь к миру между народами.

Опыт показывает, что децентрализация — более важный фактор глобальной стабильности, чем демократия. Последняя во главу угла ставит выборы, а децентрализация устанавливает границы ради политической стабильности. Иначе выборы приведут к этнической поляризации населения и возобновлению конфликта, что мы продолжаем наблюдать в Ираке. Спеша демократизировать общество, мы забываем сначала определить параметры государственного устройства. Демократизация активизировала децентрализационные процессы. Она дала людям голос, чтобы выразить недовольство и ратовать за большую степень самоуправления. В Боснии и на Украине, в Нигерии и Судане, Индии и Пакистане мало что может привести к таким потрясениям и жертвам, как попытка удержать территорию, население которой хочет независимости или присоединения к соседней стране. Национальные выборы, региональные плебисциты и прочие политические маневры способствовали нарастанию центробежных тенденций в этих странах. На Украине децентрализация — единственное средство, которое Киев мог бы предложить поддерживаемым Россией сепаратистам в восточных регионах страны, чтобы удержать их в рамках национального государства.

Децентрализация не сразу приводит к демократии, поскольку молодые независимые государства сначала стремятся к внутренней стабильности. Но она напоминает о том, что следует видеть не только лес, но и отдельные деревья. Как верно заметил профессор Йельского университета Джеймс Скотт, децентрализация корректирует тенденцию игнорировать региональные особенности и навязывать несоответствующие национальные предпочтения. Таким образом, децентрализация не менее, а может, и более важный тест на злоупотребление властью, чем демократия.

Сегодня децентрализация как способ остановить кровопролитие во многих гражданских войнах, ежегодно уносящих около 300 тысяч жизней в Нигерии, Судане, Сирии и Ираке, важна как никогда. Известный военный историк Джон Киган совершенно справедливо напоминает, что конфликт — это социальная активность, присущая человеческой природе. Столетие назад в Первой мировой войне

гражданских лиц погибло лишь 10 процентов, тогда как после холодной войны этот показатель достиг 90 процентов, и только 10 процентов жертв действительно пали на поле боя [4]. Более того, около 50 миллионов человек оказались внутренне перемещенными лицами или международными беженцами — наибольшее число за весь период после Второй мировой войны. Эксперт по военной стратегии Эдвард Люттвак почти двадцать лет назад утверждал, что мы должны активно поощрять установление границ для завершения насильственных конфликтов и скорейшего примирения [5]. Однако вместо навязывания извне, как было с Индией и Пакистаном в 1947 году, в более поздних случаях с Югославией и Ираком раздел можно было предварительно обсудить, если бы не миф о многонациональной демократии, господствовавший в столицах западных стран в то время, как население на местах активно «зачищало» друг друга во имя чистоты религиозных убеждений.

Сегодня, через сто лет после обнародования «Четырнадцати пунктов» Вудро Вильсона, призывавших к самоопределению наций, децентрализация необходима как никогда. Традиционный набор жестких военных мер обычно лишь усугубляет ситуацию. Когда мирные требования автономии или федерализма игнорируются и подавляются, разгораются агрессивные сепаратистские движения. Сепаратисты готовы пожертвовать правом голоса в своем государстве ради того, чтобы говорить с миром на своих условиях: они не желают идти на уступки в своих законных стремлениях к самоуправлению. Действительно, самоопределение следует рассматривать как «доправовое» состояние в том смысле, что оно отражает волю народов, а не предвзятость международного законодательства в пользу уже существующих государств. Но из-за политических и логистических проблем, связанных с появлением нового государства, многие дипломаты и ученые больше склонны верить в уже существующие нации, чем в право сообществ на самоопределение, когда-то позволившее сформировать нынешние государства. Это ошибка. Попытки заморозить политическую карту мира в нынешнем состоянии без исправления прошлых ошибок лицемерны и реакционны. Два крупнейших пограничных конфликта, в Палестине и Кашмире, — следствие неправильного управления подмандатными территориями Великобритании. Неужели, оглядываясь назад, можно не заметить, что

предоставление независимости Палестине и Кашмиру в конце 1940-х годов позволило бы избежать десятилетий кровопролития и человеческих страданий? Приветствуете вы национализм или порицаете, его влияние в политике снизится только тогда, когда большинство наций создадут свои государства.

В мире национальных государств карты выглядят чистыми и аккуратными, но карта, отражающая различия в правовом статусе территорий, будет гораздо адекватнее. Судан и Индонезия жестоко подавляли региональные меньшинства, что привело к отделению Южного Судана и Восточного Тимора. Тот факт, что после обретения независимости в 2011 году между партиями Южного Судана вспыхнула яростная вооруженная борьба, отнюдь не означает, что стране следовало оставаться в клещах склонных к геноциду лидеров вроде Омара аль-Башира из Судана; как и тот факт, что Восточный Тимор остается бедным, не означает, что под властью Джакарты ему было бы лучше. А еще есть Курдистан, чье население терроризировал и травил Саддам Хуссейн, но оно продолжало бороться за автономию со времен первой войны в Персидском заливе в 1990 году. Нечего и говорить: эти люди давно заслужили собственное государство.

Самоопределение — признак не пещерного трайбализма, а высокого уровня эволюции. Помните, что «естественными» формами организации являются не территориальные образования, а люди и общества. Согласен, сепаратизм — всегда моральное поражение, даже если он отвечает внутренним тенденциям в обществе. Децентрализованный мир региональных демократий предпочтительнее мира больших псевдодемократий. Пусть племена победят.

Но чем больше государств появляется на карте, тем они меньше по размеру. Сегодня в мире почти 150 стран с численностью населения менее 10 миллионов человек. Они больше напоминают города-регионы, чем полноценные государства. Как им выжить без связи с остальным миром? Они представляют собой автономии, но не автаркии³⁰. Сельское хозяйство как базовая отрасль экономики и небольшая армия не обеспечат им полноценного существования в XXI веке. Даже маловероятный сценарий появления на картах сотен, если не тысяч, автономных городов и провинций создает впечатление, что политические конфликты достигли своей цели, хотя на самом деле все наоборот. Вот почему следует нанести на карту сети и коммуникации,

соединяющие города и провинции, — чтобы по-настоящему оценить, насколько взаимосвязан мир. Стало быть, децентрализация — не антипод глобализации, а ее слуга.

Но вот парадокс: у нашего освобождающегося от границ мира количество границ сегодня достигло максимума. Для формирования мира цепей поставок не нужно уничтожать границы. Скорее, именно растущее количество политических границ делает функциональную связанность более необходимой, чем когда-либо раньше³¹.

Децентрализация приближает нас к оптимальному размеру государств. В идеальном мире каждая политическая единица будет географически компактной (во избежание дополнительных транспортных расходов на поддержание связей с удаленными эксклавами), с численностью населения от 5 до 20 миллионов человек (что обеспечивает внутренний рынок достаточной емкости), с несколькими густонаселенными городами с оптимальной планировкой и бесперебойным транспортным сообщением между ними и соседними государствами, с диверсифицированным доступом к природным ресурсам, эффективным и подконтрольным управлением, обеспечивающим защиту имущественных прав и верховенство закона. Сегодня уже существуют города-государства (Сингапур) и государства-города (Швейцария, Израиль, Объединенные Арабские Эмираты), которые соответствуют этим критериям. Такие страны, как Эстония, Словения, Уругвай, тоже процветают, несмотря на малочисленность населения и небольшую территорию, благодаря этнической однородности, эффективному управлению и международным коммуникациям. У Ливана и Боснии слишком маленькие территории и смешанное в религиозном отношении население для дальнейшего деления, и они не могут служить образцом дружественного сосуществования различных этнических групп, но при этом их столицы Бейрут и Сараево — прекрасные примеры формирующейся урбаноцентричной взаимозависимости между малыми государствами. Таким образом, связанный мир уже имеет свой иронический девиз: «Больше границ, хороших и разных!»

ОТДАЛЯТЬСЯ ВО ИМЯ СБЛИЖЕНИЯ

Как ни парадоксально, некоторые крупнейшие страны мира — как по площади, так и по численности населения — могут сохранить территориальную целостность, только согласившись на глубокую

децентрализацию. Терроризм, политические убийства, вооруженные вторжения и этнический сепаратизм, ставшие в таких странах, как Индия, Нигерия, Пакистан или Мьянма, обычным явлением, — следствие неверного разграничения этнических групп в постколониальных государствах. За исключением 9/11 подавляющее большинство жертв террористических актов год за годом приходится на подобные этнические или религиозные конфликты и территориальные споры³². Список стран, особенно страдающих от террористического насилия, практически совпадает со списком стран, не достигших политического урегулирования: Огаден и огони в Нигерии, Белуджистан и синдхи в Пакистане, Кашмир в Индии, хмонги и рохинджа в Мьянме и другие этнические группы, борющиеся за право голоса [6]. Немногим из этих этносепаратистских групп удастся выжить самостоятельно. В то же время ни одна страна, в которой они находятся, не может служить примером полиэтнической демократии. Децентрализация — единственный способ решить их проблемы: более широкая автономия обеспечит стабильность в регионах.

Курды в Ираке, шииты в Саудовской Аравии, арабы в иранском Хузестане на данный момент самые угнетаемые меньшинства в мире; их положение усугубляется наличием в местах их проживания огромных природных ресурсов. Как заметил экономист из Оксфордского университета Пол Кольер, такие ситуации сочетают проблемы идентичности, ресурсов и территорий, то есть их суть изложена на карте. Там, где длившиеся десятилетиями гражданские войны заканчивались поражением одной из сторон, иногда жестоким — например, в Колумбии, Анголе, Шри-Ланке, — инфраструктура приобретала решающее значение для стабилизации и последующего экономического роста. Колумбия отчаянно боролась с мятежными наркобаронами и их вооруженными отрядами в ходе многолетней гражданской войны, пока наконец не прорвалась в горы и не построила там сеть дорог для перемещений армии и полиции, таким образом закрепившись в регионе. Афганистан не достигнет национальной стабильности, пока не сделает то же самое, поэтому президент страны Ашраф Гани объявил о строительстве пятнадцати новых пограничных переходов с Пакистаном и транспортной сети, «соединяющей Южную и Центральную Азию».

Правительства хрупких многонациональных обществ часто опасаются того, что развитие инфраструктуры стимулирует центробежные тенденции, обусловленные традиционным пренебрежением по отношению к меньшинствам, что и вынуждает их искать собственный путь. Тем не менее именно сочетание децентрализации и развития помогло двум ведущим азиатским странам, Филиппинам и Индонезии, урегулировать территориальные споры и улучшить позиции в Рейтинге недееспособности государств.

Правительство Филиппин, не сумев разгромить окопавшийся на южном острове Минданао Исламский освободительный фронт моро, пообещало предоставить автономный статус ряду южных районов страны, объединившихся под новым названием Бангсаморо в 2012 году, чему способствовало и стремление инвесторов получить доступ к богатым залежам угля, железа и других минеральных ископаемых в регионе. Благодаря федеративному устройству меньшинства стали большинством в своих регионах и почувствовали себя в безопасности в составе федеративного государства. Это побудило их сложить оружие и претендовать на справедливую долю доходов от продажи ресурсов, уплачивая при этом меньше налогов. Теперь правительство Бангсаморо должно обеспечить стабильность в регионе, чтобы получить прибыль от инвестиций и уменьшить экономическую зависимость от Манилы, которая по-прежнему финансирует почти весь его бюджет. Аналогично отделение Восточного Тимора от Индонезии в конце 1990-х годов стало тревожным сигналом, после которого правительство осознало, что постоянно бурлящая провинция Суматры Ачех тоже объявит о независимости, если не пообещать местным властям большую долю доходов от лесного хозяйства и прочих добывающих отраслей. Нынешняя волна модернизации в Индонезии все же способна удержать архипелаг вместе как совокупность взаимосвязанных узлов в цепи поставок³³.

Крупные многонациональные государства, такие как Индия, Пакистан и Мьянма, тоже достигнут политической стабильности, если сумеют эффективно использовать ресурсы, представлять общие интересы и перераспределять национальное богатство так, чтобы минимизировать сепаратистские настроения. Наксалиты в Восточной Индии, белуджи и пуштуны в Пакистане, племена качинов и каренов в Мьянме регулярно вступают в вооруженное противостояние с гораздо

более сильными центральными правительствами, которые номинально ими управляют. Многочисленные мятежи и восстания в этих странах из-за распределения ресурсов можно прекратить путем компромиссной децентрализации в сочетании с развитием инфраструктуры. В Индии это прекрасно известно: количество ее штатов после обретения независимости более чем удвоилось — с 14 до 29. Из всех этих примеров следует один и тот же вывод: сохранение территориальной целостности страны требует политической децентрализации, инвестиций в инфраструктуру и взаимовыгодной эксплуатации природных ресурсов.

То же самое справедливо для больших стран на переходном этапе, таких как, например, Россия. Когда СССР в начале 1990-х годов распался, некоторые регионы стали выдавать собственные паспорта. Особое внимание привлекал богатый нефтью населенный преимущественно мусульманами Татарстан, брожения в котором были неотъемлемой частью российской истории на протяжении веков. Стремясь создать расово чистую родину, русские этнонационалисты призывали к отделению таких республик. Но учитывая демографический кризис в русских областях и то, что мусульманское население составляло приблизительно пятую часть общей численности населения страны, Россия не могла себе позволить ни сепаратизма в духе Чечни, ни потери густонаселенных городов. Было принято промежуточное решение, и Татарстан получил своего, согласованного с Москвой, президента Рустама Минниханова и довольно широкую экономическую автономию. Минниханов ездит по миру как президент своей страны в сопровождении телохранителей, переводчиков и крупных бизнесменов, в том числе руководителей зарождающихся специальных инвестиционных зон, которые уже успели договориться с западными автомобильными компаниями о строительстве автоборочных заводов и распределительных центров.

Близость Татарстана к Москве означает, что он никогда не обретет независимость, к тому же его столица Казань — легендарный город для россиян всех вероисповеданий. Сегодня Казань становится важным транспортным узлом на евразийском «железнодорожном шелковом пути»: в октябре 2014 года Россия и Китай договорились построить высокоскоростную железнодорожную магистраль, которая в итоге свяжет Москву и Пекин, а участок Москва — Казань станет ее первым

этапом. Вспомним официальное название самой большой страны мира — Российская Федерация.

ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ К ФЕДЕРАЦИЯМ

В период правления Иосипа Броз Тито Югославия была стабильным многонациональным федеративным государством, не примкнувшим ни к одной из сторон в холодной войне. После смерти Тито манипуляции с этнорелигиозной идентичностью населения и последующая гражданская война разорвали страну в клочья, превратив в несклеиваемые осколки. Но у этой истории был неожиданный конец. Некогда отличавшиеся крайним национализмом сербы и хорваты осознали, что больше не могут выжить в одиночку. И через два десятилетия после жестокой войны и распада государства бывшая Югославия превратилась в «Балканскую свободную экономическую зону», включающую шесть стран, в которых проживает 20 миллионов человек. Автомагистрали и железные дороги сейчас соединяют страны Центральной Европы с Южными Балканами. Одна за другой бывшие республики Югославии входят в еврозону и вступают в ЕС. В идеале им следовало сразу прийти к этому решению, но политическая логика должна была себя исчерпать, прежде чем уступить место логике функциональной.

Впрочем, проблема окончательно не решена. Босния по-прежнему остается неустойчивой многонациональной федерацией, а ее странный, этнически обусловленный институт президентства в такой же мере напоминает о кровавой гражданской войне, как и о способе выхода из нее. Стабильность и демократия кажутся маловероятными до тех пор, пока не будут устранены ключевые этнические и территориальные проблемы. Отказ от Республики Сербской, тяготеющей к Сербии, и от западной части страны, тяготеющей к Хорватии (включая живописный Мостар), чтобы они могли присоединиться к своим национальным государствам, помог бы Боснии вступить в ЕС, как Хорватия, или хотя бы вплотную к этому подойти, как Сербия. Босния осталась бы верна мусульманскому населению, у которого появился бы шанс создать свое государство, не отвлекаясь на этническую политику. Соглашения о границах редко удовлетворяют обе стороны, но все же помогают урегулировать ситуацию, достичь стабильности и заняться коммерческой деятельностью и строительством объектов инфраструктуры, что позволяет преодолеть любые границы³⁴. Усилия

по разрешению конфликтов в прошлом породили разные идеи относительно построения многонационального демократического общества в одной стране. Но сегодня открываются новые горизонты, причем у каждого свои: чем больше границ, тем меньше преград.

После окончания холодной войны децентрализация протекала в Европе в основном мирно — за исключением украино-российского конфликта. Чехословакия пережила «бархатный развод» в 1993 году, после чего оба вновь созданных государства вступили в ЕС. В Стране Басков в Испании и Северной Ирландии в Великобритании децентрализация шла параллельно с демобилизацией, что обеспечивало разоружение и политическую стабильность. Бельгия лишь номинально существует как единая страна, на практике же она разделилась на языковые провинции: говорящие на голландском языке провинции тяготеют к Голландии, а на французском — к Франции. Фламандцы формируют собственную идентичность и дипломатию, а Брюссель служит столицей ЕС.

Архетип современного западного полиэтнического либерально-демократического государства-нации постепенно разрушается, поскольку города и провинции производят конкретные расчеты затрат и выгод, связанных с содержанием столиц своих стран. Национальные государства становятся федерациями мощных региональных административных центров. В последние годы каталонцы и шотландцы существенно продвинулись в борьбе за расширение прав своих автономий, по сути, хоть и не по форме, получив независимость, то есть добившись максимально возможной децентрализации. Центр не может выиграть. Когда федеральные правительства дают кому-то палец — как сделал Тони Блэр, разрешив Шотландии созывать собственный парламент в 1997 году, — то им пытаются откусить руку (шотландцы по-прежнему хотят независимости). Если же правительство пытается подавить волнения силой — как сделал Мадрид, отвергнув требования Каталонии о предоставлении ей такого же уровня автономии, как у басков, то наталкивается на волну противодействия. Еще до начала голосования на референдуме в Шотландии в 2014 году британский премьер-министр Дэвид Кэмерон и его команда были так сильно обеспокоены настроениями, преобладающими в регионе, что пообещали Эдинбургу множество дополнительных полномочий (так же как Уэльсу и Северной

Ирландии). В частности, право устанавливать собственные налоги, что превосходило требования самого шотландского парламента. Шотландия выиграла еще до того, как проиграла. Всего шесть месяцев спустя на всеобщих британских выборах Шотландская национальная партия триумфально ворвалась в парламента, гарантируя максимальную отдачу по большинству политических проблем и при этом продолжая расширять коммерческие стратегии по привлечению инвестиций. Лучшее, на что может надеяться Лондон, — сотрудничество в рамках федерации, когда ответственность и идеи разделяются всеми членами союза.

Лондонцы привыкли думать, что наделены священным правом и привилегией управлять всей страной. Теперь им придется отвыкать от этой мысли. Валовая добавленная стоимость на душу населения в Лондоне составляет свыше 150 тысяч долларов в год, что более чем втрое превышает значение следующего по этому показателю города — Эдинбурга. Чем активнее Шотландия сворачивает связи с Великобританией, тем сильнее давит на Лондон бремя ответственности за депрессивные и малонаселенные районы, особенно учитывая, что 80 процентов новых рабочих мест, созданных в Великобритании после финансового кризиса, приходится на Лондон, население которого увеличивается на миллион каждое десятилетие. Более половины выпускников английских университетов отправляются в Лондон, лондонцы (коренные и недавно прибывшие) считают, что это чрезмерная цена за привилегии. Несколько лет назад, находясь на ужине с британскими журналистами, дипломатами и интеллектуалами, я был поражен тем, что многие из присутствующих рассматривают остальную часть Великобритании как балласт, подрывающий финансовую стабильность Лондона, а вовсе не как стратегический актив. Неформальным девизом вечера стало: «Решено! Лондон выходит из состава Великобритании».

Чем внимательнее периферийные регионы наблюдают за успехами центра, тем активнее добиваются контроля над собственными делами. С 1980-х годов консервативные британские правительства свернули и перевели национальную промышленность на более дешевые рынки, из-за чего особенно сильно пострадала Шотландия. За десять лет до финансового кризиса пять крупнейших британских банков вложили 84 процента капитала в недвижимость и сферу финансовых услуг

Лондона при полном забвении остальной части страны. В рамках теории «Большого общества» новый план делегирования полномочий Лондона включает предоставление кредитов на строительство инфраструктуры таким городам, как Манчестер и Шеффилд. Но это кредиты, а не гранты или инвестиции, и их придется возвращать. Бывший топ-менеджер Goldman Sachs Джим О'Нейл призвал создать суперрегион под названием «МанШефЛидсПул», который инвестировал бы полученные средства в соединительные железнодорожные коридоры между этими городами, что позволило бы претендовать на автономию, как у Шотландии.

Демографические тенденции тоже подтверждают тот факт, что децентрализация перекроит карту Британии даже в регионах, за контроль над которыми она боролась десятилетиями. Проблемы Северной Ирландии, приведшие к столкновениям Ирландской республиканской армии (ИРА) с британскими контртеррористическими силами, особенно обострились, когда протестанты составляли большинство населения. Но сегодня католики уже превосходят их по численности, и это серьезная причина для углубления автономии Северной Ирландии, если не полной независимости и слияния с Ирландией. Даже если территориальная целостность Великобритании сохранится, она трансформируется в нечто большее, чем федеративное королевство.

Торжество принципа прозрачности, особенно в вопросах распределения налоговых поступлений, способствует борьбе за децентрализацию. С тех пор как Филипп II в XVI веке перенес королевский суд в Мадрид, город возомнил себя центром вселенной, снимая сливки со всех поступлений в казну еще до их выделения на прочие нужды. Современный эквивалент — требовать прибытия всех авиарейсов в Мадрид перед отправлением в Бильбао или Барселону. Но эти города не устраивает роль второго плана, учитывая их богатое наследие, а потому они используют децентрализацию как средство для экономического шантажа. Добившись максимальных экономических преференций от Мадрида, Каталония и Страна Басков стали самыми богатыми регионами Испании. Имея огромный доход от туризма, Каталония вносит в общую казну почти вдвое больше, чем получает. В 2014 году провинция провела референдум, на котором 80 процентов населения высказалось за независимый статус региона.

В 2015 году партии, включившие борьбу за независимость в свою программу, заняли почти половину мест в парламенте Каталонии. Группа экономистов из числа выпускников Гарварда и Массачусетского технологического института под названием «Инициативы Вильсона» (Collectiu Wilson) сформировала своего рода мозговой центр, продвигающий идею независимости. Другими постмодернистскими инструментами пропаганды децентрализации стала популяризация использования интернет-домена .cat для Каталонии и .eus для Страны Басков.

Отделение регионов неконституционно как в Италии, так и в Испании, даже если решение о нем принимается на свободном региональном плебисците. Но децентрализация и связанность позволяют таким сетевым городам заявлять претензии на независимость. В Средние века Венеция строила собственную торговую империю вдоль Адриатического побережья, устанавливала прочные экономические связи с Византийской империей и отправляла две сотни кораблей для захвата побережья Сирии. Наряду с другими великими европейскими городами-государствами Средневековья Венеция в итоге встроилась в систему национальных государств. Но сегодня, учитывая царящий в экономике Италии хаос, мало что может отвлечь город от идеи независимости. В 2014 году итальянская провинция Венето фактически провозгласила независимость, предварительно подсчитав, что за каждые 5 евро полученных от центрального правительства услуг она перечисляет Риму 7 евро в виде налогов.

Северная Лига Италии тоже ратует за большую свободу от призрачного политического руководства Рима, не оставляя столице иного выбора, кроме как предоставить еще больше полномочий. В 2014 году Италия начала формирование четырнадцати новых административных единиц под названием «столичные города», каждая из которых фактически представляет собой автономную провинцию, самостоятельно собирающую налоги и распределяющую на городские нужды поступления из Рима. (Франция в 2015 году тоже приступила к внедрению административной реформы на основе принципа экономической жизнеспособности, а не исторических и культурных традиций.) Автономный остров Сардиния считает Италию настолько экономически несостоятельной, что начал кампанию за отделение

от нее и присоединение к Швейцарии в качестве двадцать седьмого кантона — кантона Маритtimo, что даст не имеющей выхода к морю альпийской стране шанс заполучить сверкающие средиземноморские пляжи и стратегическое географическое положение [7].

Децентрализация — как для широкой автономии, так и в случае полного отделения — всегда направлена на то, чтобы налоги и доходы расходовались на нужды местного населения, а не переводились через коррумпированную столицу менее эффективным регионам. Но, помимо этого, всегда существует стремление присоединиться к более крупному союзу в целях безопасности и уменьшения расходов на оборону. В течение 1990-х годов и первого десятилетия XXI века проблема сепаратизма Квебека будоражила умы канадцев; отовсюду звучали страстные мольбы сохранить территориальную целостность второй по величине страны мира. Однако к 2012 году 50 процентов канадцев заявляли, что «их не волнует» судьба Квебека.

Проиграв несколько референдумов о независимости, квебекцы ведут себя так, будто живут в собственном франкоязычном государстве, но их аппетиты по части отделения существенно поубавились. В Западной Канаде и Западной Австралии не возникает вопроса о независимости по одной простой причине — деньги. Богатые нефтью и газом Альберта и Западная Австралия (крупнейшая провинция страны, обеспечивающая половину ее экспорта) соответственно учредили собственные фонды национального благосостояния, куда вкладывают средства от продажи природных ресурсов, прежде чем делиться ими со столицами — Оттавой и Канберрой соответственно.

После столетий кровопролитных войн децентрализационные процессы в Европе приобрели форму коммерческой географической сделки. Поскольку ЕС предлагает новым странам возможность присоединиться к более развитой инфраструктуре, децентрализация — это только первый шаг к чему-то большему. Евросоюз в этом смысле становится чем-то вроде гигантской Германии — рыхлой федерацией нескольких могущественных центров. Общий парламент в Страсбурге укрепляет позиции провинций стран-членов, одновременно ослабляя позиции их столиц за счет передачи их функций органами власти в Брюсселе. Но Европа сумела объединиться в гигантское мультигосударственное сообщество только потому, что распадается на максимально возможное количество более мелких единиц, не имеющих

иною выбора, кроме мирного сосуществования с соседями. Излишне говорить, что независимая Каталония или Шотландия смогут вступить в ЕС после выхода из состава Испании и Великобритании. Таким образом, весь Европейский союз — это своего рода доказательство того, что региональные движения за независимость отнюдь не антиподы широкого глобализма, а скорее один из основных путей к нему.

ГЛАВА 4

ОТ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ К ОБЪЕДИНЕНИЮ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Децентрализация стала универсальным явлением, обусловленным национальной идентичностью, урбанизацией, налоговой прозрачностью и прочими факторами. Не менее универсален и противоположный феномен — объединение, прокладывающий себе путь через связанность инфраструктуры, экономическую интеграцию, трудовую миграцию, политическое примирение и прочие фундаментальные тенденции. Децентрализация отвечает интересам местных националистов в краткосрочной перспективе, но приводит к объединению в долгосрочной. Процессы децентрализации/объединения — классическое воплощение закона диалектики в трактовке немецкого философа Гегеля: противоречие ведет вперед. Децентрализация/объединение — это способ консолидации мира при распаде. Объединение — исторический этап, идущий за политическим раздроблением. Через такую последовательность проходит каждый регион мира. В Европе XVIII века четыре великие державы включали множество более мелких княжеств. В XIX веке в постнаполеоновский Священный союз входило пять крупных держав, которые уравнивали друг друга, что поддерживало относительную стабильность вплоть до Первой мировой войны. После Второй мировой войны борьба империй за единоличное господство в Европе привела к их распаду на национальные государства. Сегодня в Европе насчитывается более сорока независимых государств, большая часть которых входит в состав единого наднационального образования — Европейский союз.

(Карты 15, 16, 17, 18, 19 к этой главе приведены на вклейке.)

Африка тоже развивается циклически: распад сменяется объединением. До колонизации европейцами в Африке находилось

около двух десятков племенных королевств. К XIX веку весь континент контролировался всего пятью европейскими странами. После деколонизации на карте Африки появилось 54 суверенных государства. Но многие из них сегодня ищут пути и формы объединения, поэтому реальная функциональная карта континента насчитывает лишь четыре субрегиональные группы. Главы африканских государств объявили о планах создать на континенте зону свободной торговли.

До колонизации в Юго-Восточной Азии тоже доминировали несколько крупных местных империй, таких как Шривиджая на Суматре, Аютия в Таиланде и Кхмерское царство, затем Великобритания установила контроль над Южной Азией, а Франция и Дания основали колонии в Индокитае и Индонезии. Сегодня Юго-Восточная Азия разделена на дюжину отдельных стран, которые быстро интегрируются в инфраструктурном и институциональном отношении в единую ассоциацию АСЕАН, сходную по целям с ЕС.

В новой диалектике децентрализации/объединения каждый регион мира занимает свое место на шкале от яростного постколониального сепаратизма до коллективной функциональной интеграции. Геополитическая эволюция должна оцениваться по степени прогресса на пути к объединению. Сегодня Европа — самый интегрированный на наднациональном уровне регион с юридически признанными границами, в то время как Африка в некоторых сферах по-прежнему разобщена, а в некоторых — едина. В итоге все регионы мира придут к одинаковому финалу — функциональная география возобладает над политической, — даже если они изберут разные пути к этой цели.

Существуют два способа преобразования географической карты мира: *экслюзивный* и *инклюзивный*. Нам больше знаком первый, при котором границы сдвигаются или демаркируются новые. Когда сепаратисты отбивают свою территорию, например Косово, Восточный Тимор или Южный Судан, на карте появляется новое государство, а его прежний суверен теряет часть территории. Если какое-либо государство, наоборот, каким-то образом присоединяет чужую территорию, как, например, сделала Россия с украинским Крымом или Южной Осетией, входившей в состав Грузии, то это тоже пример экслюзивного преобразования карты мира.

В частности, серьезные территориальные потери Украины стали тревожным сигналом о том, что мир отступает к логике игры с нулевой

суммой. На постсоветском пространстве есть и другие аналогичные примеры: от Эстонии до Молдовы, от Кавказа до Центральной Азии Россия активно поддерживает этническое русское меньшинство, выдавая паспорта и оказывая информационную поддержку. На Кавказе ожесточенный конфликт Армении и Азербайджана из-за спорного армянского анклава Нагорный Карабах на территории Азербайджана тоже продолжает тлеть. Но даже на переменчивом постсоветском пространстве можно найти островки стабилизации и прогресса: Грузия и Азербайджан перешли от культурного противостояния к совместному экономическому развитию благодаря связавшему их трубопроводу Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД)³⁵.

Хотя Украина — доказательство того, что переустройство постсоветского пространства может затянуться на десятилетия, стоит помнить, что гораздо более значимы *инклюзивные* преобразования географической карты, более заметного и более важного для будущего мирового порядка. Инклюзивное преобразование происходит по мере того, как страны сообща используют инфраструктуру, заключают таможенные соглашения, создают совместные банковские и энергетические системы для перехода от политического к функциональному пространству.

Европа — образец инклюзивного преобразования. В середине XIX века понадобилось почти тридцать лет, чтобы немецкий Zollverein (Германский таможенный союз) трансформировался в немецкое государство в нынешнем виде; примерно столько же времени ушло на формирование Европейского союза из обломков стран послевоенной Европы. К концу холодной войны Европа сосредоточилась прежде всего на строительстве мостов и туннелей, а не стен и траншей. На франко-немецкой границе больше нет военно-пропускных пунктов; когда мчишься на полной скорости по автобану, минуя поля наиболее кровавых битв в истории человечества, единственное, что указывает на пересечение границы, — флаг ЕС и приветствие «Добро пожаловать!». Аналогично французские и британские ВМС, патрулирующие Дуврский пролив, заменил «Чаннел»³⁶ с регулярным скоростным железнодорожным сообщением между Лондоном и Парижем, а также Брюсселем и Амстердамом.

Страны ЕС функционально неразделимы, как части двигателя автомобиля. Их денежная система, транспортное сообщение,

энергетические сети и промышленные цепи поставок глубоко интегрированы. Каждое государство — административная единица в рамках общей системы правил, доминирующих над его национальным суверенитетом, и от дальнейшего развития союза в целом оно только выигрывает. Греков могут возмущать жесткие немецкие требования относительно восстановления их экономики после кризиса, но у граждан Греции всегда есть возможность поехать в Германию и найти там работу. Недавние политические споры в ЕС по поводу распределения расходов на спасение экономики средиземноморских стран показали, что политические круги не учитывают роли связанности и интеграции как стимулов для большего коллективного экономического роста, чем могут достичь отдельные национальные экономики. Действительно, интеграция в Европе еще не завершена. Все уже поняли, что частичная интеграция финансовых систем при самостоятельности налоговых систем приводит к структурной стагнации, в то время как создание Банковского союза, Союза рынков капитала, Единого цифрового рынка повысит ликвидность ЕС, расширит объемы его рынка и обеспечит глобальную финансовую устойчивость.

Во всех региональных объединениях мира живет и побеждает наследие неутомимого активиста, дипломата и провидца Жана Монне, отца-основателя Европейского союза: любые внутренние расколы и границы нивелируются трансграничной инфраструктурой в совокупности с совместно используемыми функциональными институтами — течение преодолевает любое препятствие. Чем связаннее страны, тем труднее их характеризовать исключительно с позиций географии. Даже карты, на которых нанесен реальный политический ландшафт, могут ввести в заблуждение, поскольку игнорируют формирование региональных содружеств, позволяющих странам, как атомам, сливаться в более крупные объединения.

Переход от суверенного пространства к административному на самом деле логическое следствие деления мира на минимально возможные политические единицы. После установления границ страны ищут оптимальные зоны предоставления коммунальных услуг, услуг телекоммуникационных и интернет-компаний, строительства дорог и железнодорожных путей. Создавая частично пересекающиеся функциональные зоны, национальные экономики нередко выходят

за пределы географических границ. Особенно в зонах так называемых замороженных конфликтов, где высока угроза эксклюзивного преобразования географической карты, инклюзивные стратегии способны снизить напряженность, поскольку совместное использование инфраструктуры побуждает обе стороны осознать выгоды от подключенности. Например, сегодня и греческое, и турецкое население Кипра хочет большей свободы перемещения через затянутую колючей проволокой зеленую линию, разделяющую столицу Кипра Никосию. Хотя гораздо более сильная Турция никогда не откажется от северной части острова, обе стороны могли бы существенно выиграть от совместно используемого крупного средиземноморского перевалочного порта, чтобы претендовать на долю в растущих объемах перевозок азиатских стран в Европу и Северную Африку. Кашмир тоже разделен на контролируемые Индией и Пакистаном сектора спорной линией контроля, однако трансграничная торговля между странами на других участках общей границы стремительно растет. Даже обстреливаемые участки границы пересекаемы.

В итоге эксклюзивное преобразование географической карты может перейти в инклюзивное. Действительно, нередко нужно первое, чтобы добраться до второго. Нерешенные территориальные конфликты, произвольно установленные границы бывших колоний, вековая национальная вражда продолжают уничтожать Средний и Дальний Восток и другие регионы. В результате распада одних стран появляются другие. Чем раньше будут урегулированы противоречия и обозначены постоянные границы, тем скорее эти регионы перейдут — как Европа — от эксклюзивного к инклюзивному преобразованию географической карты, в меньшей мере концентрируясь на территориальных трениях и в большей — на объединяющих потоках. Два пути ведут в один и тот же пункт назначения.

Инклюзивное объединение сегодня особенно очевидно в постколониальных регионах, охватывающих большинство населения и стран мира. Деколонизация после Второй мировой войны принесла им как свободу, так и опасения, что их бросят на произвол судьбы³⁷. С тех пор в бывших британских колониях, таких как Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Восточная Африка и даже, с некоторыми оговорками, Ближний Восток, сложилась определенная тенденция. Первому поколению лидеров эпохи независимости свойственны

националистические взгляды и подозрительность к бывшим метрополиям, ревностное отношение к территориальной целостности и страх перед возможным вторжением. Второе поколение уже более лояльно и стремится к урегулированию разногласий, осторожно налаживая трансграничные связи там, где это необходимо. У третьего поколения историческая вражда стирается из памяти, а в живых остается не так много тех, кто помнит страхи эпохи обретения независимости. В расколе обвиняют британцев, а нынешние лидеры продвигают трансграничные инфраструктурные проекты, торговые и инвестиционные соглашения и прочие совместные инициативы. Смена поколений делает неизбежным переход от враждебности к сотрудничеству. Суть современного подхода — не обременять будущие поколения угрозой конфликтов и не перекладывать на них решение нынешних проблем. Поскольку политическая география мира уже определена, на первый план выходит функциональная география. Потоки становятся решением проблем там, где барьеры бессильны.

НОВЫЙ ВЕЛИКИЙ КОЛЕСНЫЙ ПУТЬ В РАХ INDICA

Поездку по Великому колесному пути уж вряд ли назовешь самым захватывающим путешествием в мире. На участке от Кабула до Джелалабада, ныне вошедшем в новую афганскую сеть автомагистралей, самоубийцы-шахиды более десяти лет атаковали конвои НАТО. Направляясь на восток от Джелалабада через невероятно живописный Хайберский перевал, путник попадает на беспокойные территории местных племен Пакистана, где правительство пытается строить дороги, линии электропередач и ирригационные каналы, хотя местность контролируют феодальные правители и мятежный «Талибан». Еще один день пути мимо столицы страны Исламабада, и 400 километров южнее культурного центра Лахор приведут вас к хорошо укрепленной границе Индии в пограничном пункте Вагах, известном своей причудливой церемонией спуска флага. Индия — очень протяженная страна, и, пока правительство обустривало северный фланг «Золотого четырехугольника» от Дели до Калькутты, большая часть 1500-километрового маршрута по-прежнему представляла собой болото с рычащими грузовиками, рикшами и отбившимся от стада скотом. За утомительным переходом границы с Бангладеш лежат еще 500 километров пути с разбитыми грузовиками на обочинах до морского порта Читтагонг.

Всякий раз, путешествуя по Великому колесному пути от гор Гиндукуш до Бенгальского залива, я старался найти археологические или архитектурные доказательства того, что этот торговый путь по меньшей мере на две тысячи лет старше национальных государств, по территории которых он проходит. От древней империи Маурьев до колониальной британской империи Великий колесный путь через каждые несколько столетий реконструировался и переименовывался. Но какое бы название он ни носил, во всей Южной Азии его знают как Великий колесный путь. Киплинг дал этой великой транспортной артерии более емкое имя — «река жизни».

Даже просто пролетая по этому маршруту, взглянув вниз, вы увидите субъективно проведенную линию Рэдклиффа, на удивление бесцеремонно и бессмысленно разделяющую Пакистан и Индию к востоку от Лахора. Лахор и Карачи, Дели и Колката (Калькутта), Дакка и Читтагонг, оказавшиеся в трех разных странах, вместе собирают урожай в плодородной долине Ганга — крупнейшей житнице мира. Учитывая внутреннюю зависимость Пакистана, Индии и Бангладеш от доступа к этим сельскохозяйственным угольям, возрождение Великого колесного пути, а с ним и торговых связей, соглашение о совместном водопользовании — гораздо более выгодные капиталовложения, чем бесконечное укрепление произвольных колониальных границ.

Когда-то Индия была жемчужиной в короне Британской империи, а сердце лондонского владычества находилось между Персидским заливом и Малаккским проливом. Еще до разделения протяженные железные дороги соединили весь субконтинент, включая знаменитую Frontier Mail из Бомбея в Пешавар. Сегодня она заканчивается в Амритсаре и никогда не пересекает границу. Невзирая на репутацию приверженцев религиозного фундаментализма, премьер-министр Пакистана Наваз Шариф и премьер-министр Индии Нарендра Моди исходили из прагматичных экономических соображений, обещая продлить существующие железные дороги между Карачи и Ахмадабадом и построить новые. Маршрут с наиболее оживленным движением под названием «Экспресс дружбы» соединил Дели и Лахор. Учитывая хронический дефицит энергии в обеих странах, вдоль их границ будут проложены новые трубопроводы для поставок газа из Ирана и Туркменистана. Через пять тысячелетий после

возникновения в бронзовом веке Индской (Хараппской) цивилизации мы наблюдаем создание новой *Rex Indica*.

Великий колесный путь не заканчивается в Бангладеш. Страны Южной Азии очень плотно окружены непреодолимыми препятствиями — Индийским океаном, Гималаями и горами Гиндукуша, — даже Индия вряд ли сможет экспортировать туда энергию. Строительство транспортных коридоров по территории соседей — единственный способ добраться до источников энергии и рынков в Центральной и Юго-Восточной Азии. Мьянма постепенно преодолевает ограничения, долгое время накладываемые Китаем на ее торговлю и инвестиции. Пятидесятиmillionная страна с преимущественно буддистским населением была частью Британской империи вплоть до Второй мировой войны и могла бы в ближайшем будущем продлить Великий колесный путь до Янгона. Планы развития индо-бирманских связей включают строительство газопровода от Ситуэ до Бенгальского залива через северо-восточные штаты Мизорам и Трипура, а также центральную часть Бангладеш до Колкаты.

Мьянма — наглядный пример того, что индийско-китайское противостояние с нулевой суммой в Юго-Восточной Азии неизбежно выливается в крупномасштабную войну с перспективой перерастания в ядерную. Вместо этого реконструируется еще одна крупная транспортная артерия, соединяющая юг и восток Азии, — дорога Стилвелла. По этому извилистому маршруту во времена Второй мировой войны осуществлялись поставки китайским националистам под руководством Чан Кайши. Сегодня расположенные рядом области северо-восточной Индии, северной Бангладеш и Мьянмы, а также Южного Китая — самые бедные регионы в своих странах, населенные пестрой смесью буддистов, мусульман, анимистских племен, враждебно настроенных к столицам своих государств из-за исходящего оттуда пренебрежения. Однако недавно правительства всех четырех стран создали так называемый Форум ВСІМ38, чтобы профинансировать строительство многофункционального транспортного коридора, который протянется более чем на две тысячи километров от Колкаты через провинцию Силхет в Бангладеш и Мандалай в Мьянме до Куньмина в Китае и поможет оживить обездоленные и изолированные общины; прежде всего речь шла

о дороге, в скверном качестве которой активисты убедились во время автопробега в честь создания ВСІМ в 2013 году.

Два тысячелетия назад монахи пересекали эту гористую местность, распространяя буддизм из Индии по всей Восточной Азии. Сегодня эти древние связи переживают второе рождение и прочны как никогда. Чтобы зарубцевались шрамы, оставленные колониализмом, понадобятся жизни нескольких поколений, но финальной точкой станут не произвольно установленные постколониальные границы, а их преодоление за счет объединяющей инфраструктуры.

ОТ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ ДО RAX ASEANА

Отношения бывших британских колоний Сингапура и Малайзии — показательный пример перерастания враждебности в дружественные отношения. После обретения Сингапуром независимости премьер-министр страны Ли Куан Ю взял курс на интеграцию с Малайзией, объявив о проекте «независимость через слияние», но в 1965 году Сингапур вышел из Федерации Малайзия и провозгласил независимость, после чего обе страны долго враждовали. Страх Сингапура перед малайзийским вторжением заставил ввести по лекалам Израиля жесткие требования к призыву на военную службу. Но по мере того как в Сингапуре происходила переоценка ценностей, а Малайзия модернизировалась за счет нефтяных месторождений и лесного хозяйства, обе страны от взаимной подозрительности переходили к осторожному взаимодействию, развитию инфраструктуры и торговой интеграции. Им не удалось остаться политической федерацией пятьдесят лет назад, но сегодня они становятся федерацией функциональной.

Прямо через центр Сингапура проходит узкий 20-километровый зеленый коридор из травы и кустарников. Через каждые несколько километров встречаются свидетельства давнего колониального единства Малайского полуострова, начиная с железнодорожной станции Танджонг Пагар в стиле ар-деко и заканчивая старыми заржавевшими железнодорожными путями и полуразвалившимися деревянными хибарами, некогда служившими залами ожидания. Танджонг Пагар — сейчас музей, а интеграционные процессы между Сингапуром и Малайзией в XXI веке продолжают. Вскоре три крупных моста свяжут Сингапур с Малайзией, что облегчит жизнь все возрастающему числу бизнесменов и шопоголиков, которые постоянно

курсируют через границу процветающей провинции Джохор, уплачивая через интернет таможенные сборы, что значительно упрощает поездку.

Провинция Джохор втрое больше Сингапура по площади и представляет собой идеальное место для его компаний-застройщиков, занимающихся строительством пригородных районов и парков развлечений — ведь дома им просто негде развернуться. С 2013 года Сингапур разрешает пенсионерам оплачивать более дешевые медицинские услуги в Малайзии за счет средств своих пенсионных фондов. Модель Джохора позаимствовал город Бату-Пахат, привлекий после 2006 года более 50 миллиардов долларов инвестиций, что вызвало взрывной рост текстильной, пищевой промышленности и электроники. Транспортный коридор Бату-Пахат — Малакка будет включать новый технический университет, реконструированный порт и новый аэропорт. Развитие распространяется по каналам связей.

Сингапур и Малайзия привлекают к сотрудничеству Индонезию, создав «Треугольник роста», включающий Сингапур, Джохор и острова Риау, Батам и Бинтан. Потребовалась смена поколений после первого президента Индонезии Сукарно с его милитаристской политикой конфронтации, чтобы лидеры трех стран начали меньше думать о границах и больше — о совместном использовании земли, труда и капитала. ВВП Сингапура на душу населения выше, чем в Малайзии, которая, в свою очередь, существенно опережает по этому показателю Индонезию — хотя по абсолютному показателю их экономики до недавнего времени располагались в обратном порядке. Сингапур слишком мал для размещения крупных заводов и верфей, которые находятся на гораздо большем по площади Батаме всего в 45 минутах езды на пароме. Каждому ньюйоркцу знаком этот феномен: поскольку Манхэттен становится перенаселенным и дорогим, офисы и жители перебираются в Нью-Джерси. Офшорные промышленные зоны позволяют Сингапуру восполнять нехватку рабочей силы, не увеличивая социальных обязательств. Это стимулирует развитие экономики так, как не было ни при индонезийских диктаторах, ни при демократах. Объехав Батам в конце 2014 года на велосипеде, я увидел ряды строящихся разноцветных двухэтажных домов для семей рабочих, которые всего несколько лет назад жили в хижинах в суматранских деревнях.

В Сингапуре нет своей «глубинки», но теперь он может ее приобрести и построить. Чем больше инвестиции, производство и сфера услуг интегрируются во всех трех странах, тем активнее они координируют планы по созданию инфраструктуры для максимизации потоков. Когда страны стремятся торговать, продавать или передавать территорию во внешнее управление в таком масштабе, это явный признак перехода к миру цепей поставок, где оптимизация экономической географии преобладает над стремлением страны сохранить территориальный суверенитет.

Сегодня в Юго-Восточной Азии интеграция протекает именно по такому сценарию. Региональное дипломатическое объединение АСЕАН создавалось сорок лет назад на принципе «Помоги процветанию соседа», но политика периода холодной войны не способствовала углублению добрососедских отношений. Хотя регион сильно пострадал во время Азиатского финансового кризиса 1997–1998 годов, экономическое сообщество АСЕАН вышло на пятое место в мире (после ЕС, США, Китая и Японии) среди экономических зон с совокупным ВВП более 2 триллионов долларов. АСЕАН привлекает больше прямых иностранных инвестиций, чем Китай, благодаря многочисленному (650 миллионов) и молодому населению. Даже конкурируя с Китаем, объединение одновременно помогает странам Азии укрепить позиции в международных цепях поставок [1]. С 1990 по 2013 год доля Азии в глобальном промышленном производстве увеличилась с 25 до 50 процентов и, по прогнозам, продолжит расти в следующем десятилетии.

В неравенстве таятся возможности. Группа самых богатых экономик Азии (Япония, Южная Корея, прибрежный Китай, Сингапур) может переводить производственные мощности в страны второго (Вьетнам, Таиланд, Малайзия), третьего (Филиппины, Индонезия, Индия) или четвертого (Камбоджа, Лаос, Мьянма) уровня развития, экономя на издержках на оплату труда и одновременно создавая рабочие места и региональные рынки. Toyota 20 процентов автомобилей собирает в Таиланде, но также разместила производственные мощности в Индонезии, где уже заняла половину автомобильного рынка³⁹. Гонконгская компания Esquel, крупнейший в мире производитель хлопковых рубашек, шьет изделия верхнего ценового сегмента в Китае, а массовую продукцию во Вьетнаме.

Активно внедряется система единого окна, позволяющая трейдерам беспрепятственно работать во всем регионе. Выявив и оценив стратегические преимущества друг друга — производство продуктов питания в Мьянме, промышленность Таиланда, наличие сырья и дешевой рабочей силы в Индонезии, опыт корпоративного управления и финансовые ресурсы Сингапура, — эти страны вместе становятся чем-то большим, чем по отдельности. Каждая даже имеет свое прозвище в формирующемся разделении труда: Мьянма — это «сад», Таиланд — «кухня», Лаос — «батарейка». Даже при передаче части производственных функций на аутсорсинг все равно в целом Азия выигрывает.

Важно отметить, что страны АСЕАН также интегрируют рынки капитала, чтобы повысить уровень ликвидности, необходимый для долгосрочных инвестиций, и одновременно избежать шока из-за чрезмерно быстрого оттока из региона западных портфельных инвестиций. Азиатам больше не нужно совершать «круговые рейсы» — вкладывать деньги в американские инвестиционные фонды, которые затем вливают их в местную экономику. Поскольку их фондовые биржи постепенно составляют листинги компаний из многих городов, Хошимин, Манила, Куала-Лумпур и Джакарта, не говоря уже о Сингапуре, построили в центре деловые кварталы, весьма напоминающие Франкфурт, и вкладывают капитал в компании и проекты по всему региону. Инфраструктура, финансы и цепи поставок — вот движущие силы *Rax Aseana*.

В Юго-Восточной Азии ни недели не проходит без новости о развитии трансграничной железнодорожной сети. Нынешний Китай, мировой лидер по строительству высокоскоростных магистралей, активно прокладывает железные дороги в южном направлении, так же как некогда в северном и западном. Согласован проект железнодорожной ветки Куньмин — Бангкок через территорию Лаоса стоимостью 6,2 миллиарда долларов (что превышает ВВП Лаоса), к реализации которого будет привлечено 50 тысяч китайских рабочих; им предстоит построить по маршруту шесть мостов и пробить 76 тоннелей⁴⁰. Лаос, как Монголия и Кыргызстан, принадлежит к числу стран, чья политическая карта практически ничего не говорит о том, как они функционируют на самом деле. Река Меконг и Аннамская горная гряда — естественные границы с Таиландом и

Вьетнамом соответственно, но, как только железнодорожная сеть и линии электропередач от гигантских гидроэлектростанций, сооруженных за счет иностранных инвестиций, пересекут этот некогда изолированный клочок земли, страна станет ключевым поставщиком электроэнергии в Таиланд, который, будучи крупнейшим автопроизводителем в Юго-Восточной Азии, в прошлом десятилетии отчаянно боролся с веерными отключениями. Когда Куньминская железная дорога достигнет Бангкока, она плавно соединится с другой высокоскоростной веткой на Куала-Лумпур и Сингапур или на Мьянму, Янгон и его порт и станет транзитным маршрутом от Андаманского моря через Таиланд в Китай.

Транспортная артерия, соединяющая южную оконечность Азии, где расположен Сингапур, с ее северо-восточными транспортными узлами — Шанхаем и Пекином, станет вертикальной осью восточной Евразии, своего рода рукотворным аналогом реки Меконг, текущей на юг из Тибета во Вьетнам. В субрегионе Большой Меконг, объединившем шесть стран с Бангкоком в качестве неофициальной столицы и равным по площади трети территории США, проложено более 700 тысяч километров дорог и 15 тысяч километров железнодорожных путей, а его совокупный ВВП приближается к 1 триллиону долларов. Восточно-западные транспортные коридоры через Мьянму и Вьетнам, финансируемые Азиатским банком развития, со временем еще больше укрепят органическое единство Индокитая.

Транспортная миссия Китая не изменилась — устранить узкие места в Юго-Восточной Азии, чтобы получить доступ к ресурсам небольших соседних стран и возможность их беспрепятственной доставки к побережью Бенгальского залива и Андаманского моря. После нескольких десятилетий жестких глобальных санкций Мьянма прошла длинный путь от изолированной с трех сторон территории до быстрого развития отношений с Китаем, странами Юго-Восточной Азии и Индией. Первым, с кем Мьянма наладила торговые отношения после отмены запрета на трансграничную торговлю в 1980-х годах, стал Китай, что неудивительно, учитывая многовековую историю китайско-бирманской сезонной миграции, особенно в провинции Шан, где Мьянма граничит с Китаем. Китайские компании добывают полезные ископаемые в области Шан, через нее проходят нефтепроводы, юань используется наравне с национальной валютой, а количество

межнациональных браков растет⁴¹. Сегодня понятие «пробивать путь» в Юго-Восточной Азии связано не с преодолением границ, а с управлением потоками и устранением помех на их пути.

Бизнесмены, рабочие, студенты и туристы из АСЕАН теперь в рекордных количествах путешествуют по региону самолетами компаний-лоукостеров, например AirAsia, которые сделали для региональной интеграции не меньше, чем любой дипломатической орган. Демографические сдвиги обещают дальнейшее смешение наций и народностей в Азии, ведь такие бывшие «азиатские тигры», как Сингапур и Тайвань — не говоря уже о более крупных экономиках Китая и Японии, — постепенно стареют, в то время как на Филиппинах и в Индонезии очень много молодежи. В одном только Таиланде проживает более 250 тысяч бирманцев, и без них многие отрасли просто останутся, как и многие крупные и средние американские города без мексиканцев. Подобно Европе, в Азии уже появилось поколение, рожденное в постнациональную эру.

ОТ «БОРЬБЫ ЗА АФРИКУ» К РАХ AFRICANA РАСШИФРОВКА КОДА АФРИКИ

Похоже, у каждого из нас есть мнение о некоем универсальном решении всех африканских проблем; это может быть «демократия», «отделение», «микрокредит», «грамотность», «вакцины» или что-то еще. Но африканским странам не выжить прежде всего без базовой инфраструктуры. Разница между празднованием независимости и реальным успехом здесь заключается не только в строительстве политического государства, но и в создании необходимой материальной базы — как внутри, так и за пределами страны.

У Африки никогда не было спокойного периода, чтобы сделать паузу и подумать, как лучше самоорганизоваться без внешнего вмешательства. Ее геополитическая раздробленность — результат двухсотлетней европейской колонизации, десятка крупных движений за независимость после Второй мировой войны, политических маневров во времена холодной войны, когда одни государства получали поддержку, а другие нет, и глобализации сырьевых отраслей, оказавшихся в руках мощных зарубежных операторов цепей поставок.

Многие межгосударственные границы в Африке проходят точно по линиям широты и долготы, которые предпочитали использовать европейские колонизаторы, не обращая внимания на культурные

различия. Колониальная администрация не ставила задачи объединить связанные между собой сообщества. Соображения, которыми обычно руководствуются при планировании административного устройства — природная география, демографическая общность и экономические связи, — во время «борьбы за Африку» XIX века в основном игнорировались. В результате колониального управления по принципу «разделяй и властвуй» 850 разделенных этнических групп намного чаще сталкиваются с гражданскими войнами и конфликтами, чем нации, которые сумели объединиться [2]. Например, две трети племени масаев живет в Кении, а одна треть — в Танзании; 60 процентов народа аньи проживает в Гане, а 40 процентов — в Кот-д'Ивуаре; племя чева расселено по таким странам, как Мозамбик, Малави и Зимбабве; народ хауса — самый многочисленный в Нигерии, но также проживает в Нигере, Чаде и других странах. Мали и Буркина-Фасо, Сенегал, Гамбия и другие государства Африки — наглядный пример того, как произвольная демаркация границ и разделенность населения вызывают постоянные картографические проблемы, отвлекающие внимание от развития. Племена Сомали разъединили три колонизатора — Италия, Британия и Эфиопия — и теперь они разбросаны по таким странам, как Сомали, Кения, Эритрея и Джибути, что приводит как к ирредентистским движениям, так и к постоянным внутренним конфликтам в Сомали, которые распространяются на соседнюю Кению. Кроме того, по-прежнему не разрешены традиционные пограничные споры, в частности претензии Эфиопии на территорию, переданную недавно по решению трибунала Эритрее.

Более десяти африканских стран расположены в глубине материка и не имеют выхода к морю — это больше, чем на любом другом континенте. Этническая и территориальная раздробленность Африки усугубляется недостатком судоходных рек, которые способствовали бы развитию трансграничной торговли, что делает континент скорее совокупностью разобщенных субрегионов, чем целостным образованием. Истинный портрет современной Африки несколько отличается от представленного сегодня на картах, где отображены 54 формально независимых государства. Крупнейшую страну континента Конго часто называют «черной дырой в центре Африки». И она действительно больше напоминает совокупность разобщенных анклавов, чем единое государство.

Африканские государства либо большие и слабые, либо малые и слабые. Но не заблуждайтесь: они все слабые. За семьдесят лет, прошедших после деколонизации, инфраструктура обветшала, а население увеличилось втрое. Пятнадцать из двадцати самых слабых государств мира находятся в Африке. Бывшие влиятельные центры — Южная Африка, Ливия и Египет — либо деградировали, либо распались после окончания холодной войны, а новые центры — Нигерия, Ангола, Руанда, Кения и Эфиопия — переживают этнические, религиозные, экономические и политические конфликты. Военная интервенция двух маленьких бедных стран — Чада и Руанды — в самые крупные страны континента Нигерию и Конго многое говорит об Африке.

Единственный способ справиться с последствиями истории — привлечение иностранных инвестиций и развитие инфраструктуры, что повысит производительность и экспортный потенциал. В последнее десятилетие высокие цены на сырьевые товары превратили семь богатых ресурсами стран Черной Африки, среди которых расположенные внутри континента Руанда, Ботсвана, Замбия и прибрежные Гана и Ангола, в десятку самых быстроразвивающихся стран мира. Встраивание в глобальную систему цепей поставок изменило их облик. Сегодня Кения, Мозамбик и Танзания ведут разведку энергетических ископаемых на шельфе, что в случае удачи упрочит их связи с азиатскими странами по другую сторону Индийского океана, испытывающими острый дефицит электроэнергии.

Распад многих постколониальных стран не означает установление в них функциональной демократии по мановению волшебной палочки. Как правило, вместо этого активно создаются свободные экономические зоны, управляемые не столько столицами государств, сколько отечественными и зарубежными, частными и государственными цепями поставок. Из-за укоренившихся страхов и торговых барьеров страны Африки больше торгуют с остальным миром, чем друг с другом. Но, как и в Азии, формирование цепей поставок приводит к коммерческой интеграции. Африканские государства станут сильнее, если сумеют войти в состав более крупных агломераций за пределами своих постколониальных границ. Но это произойдет не сразу, а вначале на субрегиональном уровне, поскольку Африка слишком велика. Настоящего расцвета Африка достигнет

только в случае объединения множества мелких национальных экономик в несколько крупных субрегиональных. Именно инфраструктура превратит карту континента в такую, какой она должна быть.

ИЗ КИТАЯ С ЛЮБОВЬЮ

Веками европейские колониальные державы использовали инвестиции в инфраструктурные проекты в Африке как инструмент влияния. Сегодня настала очередь Китая осваивать ее ресурсы, стремясь при этом снизить собственные риски. Уже в 1970-х годах Китай построил железную дорогу протяженностью почти две тысячи километров, связавшую Дар-эс-Салам на танзанийском побережье Индийского океана с континентальной Замбией. Сегодня Китай финансирует и строит железную дорогу и газопровод из Южного Судана до побережья Индийского океана, а также реконструирует железную дорогу до озера Виктория в Кении (построенную Британией руками индийцев сто лет назад). То, что преподносится как крупные проекты в области инфраструктуры и добычи минеральных ресурсов, фактически просто прибыльные бартерные сделки: строительные услуги китайских компаний в обмен на миллионы тонн сырья. Слабые государства Африки нуждаются в построенных, а чаще всего и профинансированных, китайцами объектах инфраструктуры, чтобы модернизировать свои страны, справиться с демографическими процессами и развивать экономику. Несмотря на участие Всемирного банка в финансировании послевоенного восстановления, в 1960-х годах он переключился с инфраструктурных проектов, оставив ирригационные системы, транспортную сеть и энергетическую систему незавершенными. Китай стал новым долгосрочным партнером и не «скупает мир» как таковой, а *строит* его в обмен на природные ресурсы.

Сегодня Китай — самая мощная сила, развивающая Африку без учета искусственных границ, некогда проведенных колонизаторами. Он строит объекты инфраструктуры, проникающие в глубь континента, в Конго и Замбию (и буквально роет под ними, чтобы проложить оптоволоконные кабели по территории Западной Африки), восстанавливает железные дороги, обрезанные когда-то лидерами эпохи независимости. Наиболее амбициозный проект — финансируемый китайцами транспортный коридор порт Ламу —

Южный Судан и Эфиопия, пересекающий Кению и формирующий межгосударственную сеть железных дорог к северу от Аддис-Абебы и к югу от Джубы, и даже на запад в глубь Уганды, чтобы экспортировать газ с недавно открытых месторождений. При этом Китай не новый колонизатор, ему не нужна ни территория, ни множество голодных ртов. Китай — меркантилист, он хочет развитую сеть цепей поставок и ничего более.

Даже если бы следующую железную дорогу из Каира в Кейптаун построил Китай, а не Великобритания, она все равно бы служила идее «Африка для африканцев», или *Rax Africana*. Качественная инфраструктура и эффективные институты — единственное «лекарство» от плохой географии. Кения, Руанда и Уганда образовали нечто вроде африканского Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) — интегрированное ядро, пустившее корни на территорию соседних стран и сблизившее их. Возникло торгово-дипломатическо-правовое разделение труда, где страны берут на себя инициативу по таким общим вопросам, как расположение портов, создание советов по привлечению инвестиций и организация потенциального денежного союза. Руанда и Бурунди стали узлами крупных железных дорог, газопроводов и внутриконтинентальных судоходных фарватеров, известных как Северный и Центральный транспортные коридоры, через Кению и Танзанию, с территории которых, как и из Киву, самой восточной провинции Конго, планировался вывоз минеральных ресурсов на побережье Индийского океана. Железная дорога Момбаса — Кампала — Кигали протянулась на более чем 1500 километров через четыре страны, преимущественно Танзанию, которую австралийский проект «Мкужу-ривер» превратил в одного из крупнейших производителей урана в мире. По мере роста объемов перевозок африканских минеральных ресурсов такие порты, как Момбаса и Дар-эс-Салам, должны быстро модернизироваться, чтобы сократить дорогостоящие задержки грузов при погрузке и разгрузке⁴².

Ситуация, когда страна торгует и перевозит грузы через территорию соседей, рано или поздно переходит в новое качество. От железных дорог до электросетей инфраструктура Восточной Африки становится в большей степени региональной, чем национальной. Панафриканский Фонд инфраструктурного развития

начал вкладывать запланированные 50 миллиардов долларов в аэропорты, дамбы, автомагистрали, трансграничные транспортные маршруты и энергетику, сельское хозяйство и промышленные цепи поставок. Каждый из проектов имеет собственную методику государственного и частного планирования, мобилизации средств и управленческую стратегию. Сегодня африканцы в масштабах континента отстают от европейцев по объему средств, инвестированных в Африку. Начиная с 2008 года Африканский банк развития вложил почти 10 миллиардов долларов в инфраструктурные проекты в форме государственно-частного партнерства и во включенный в листинг NASDAQ инфраструктурный фонд в 2014-м. В следующем десятилетии планируется реализовать десятки новых многонациональных проектов, которые изменят облик Африки. Плотина великого возрождения Эфиопии генерирует до шести тысяч мегаватт, что утраивает объем вырабатываемой в стране электроэнергии. Плотина «Гранд Инга» на реке Конго вырабатывает 40 тысяч мегаватт (больше, чем плотина «Три ущелья» в Китае), обеспечивая электроэнергией несколько сотен миллионов человек.

Коридоры связанности объединяют транспортные и энергетические сети в единую систему, принадлежащую всем национальным участникам, а также иностранным инвесторам и операторам. Таким образом, Китай не столько покоряет Африку, сколько содействует ее объединению и повышает привлекательность для глобальных инвесторов, включая и себя самого. Отмена границ способствует развитию туризма, основного источника дохода для многих стран. В долине реки Чобе, где сходятся границы Замбии, Зимбабве, Ботсваны и Намибии, смягчили правила пограничных переходов, чтобы туристы могли сосредоточиться на отслеживании диких слонов, а не получении виз.

Попробуйте представить Эфиопию со стомиллионным населением без китайских инвестиций и цепей поставок. Даже притом, что страна успешно сбросила оковы колониальной зависимости от европейских государств, она остается внутриконтинентальной страной со вторым по численности населением на континенте, занимающей последние места в мире по индексу человеческого развития. Поскольку Китай сделал Эфиопию своим плацдармом на пути в Африку, он построил железную дорогу протяженностью 780 километров, соединившую Аддис-Абебу

с портом Джибути, чтобы стимулировать экспорт. Расходы Китая на дороги в Эфиопии обеспечили стране функциональную транспортную сеть, от которой особенно выиграли фермеры и недоедающее население городов; кроме того, это увеличило поток туристов, получивших возможность добраться от Аддис-Абебы до Аксума и других центров христианства с тысячелетними, вырубленными в скалах церквями. Благодаря сочетанию иностранных инвестиций, развития инфраструктуры, создания рабочих мест и прогрессивного лидерства, страна, которая раньше служила типичным примером голодающей Африки, теперь воспринимается как будущий локомотив региональной экономики.

Африка сможет стать не просто звеном в цепи поставок, а рынком, только если достроит сеть дорог, начатую Китаем, и подготовит молодых менеджеров объектов инфраструктуры, от железных дорог до портов, а также направит часть средств на устойчивое развитие региона. Именно цепи поставок объединяют требования Запада к качеству управления и потребность Азии в ресурсах. Китайская подключенность обеспечивает реализацию политических целей Запада.

Проделав колоссальную работу по организации цепей поставок в Африке, сегодня Китай ищет способы их защитить, а кроме того, финансирует и помогает в проведении крупных миротворческих операций в регионе, а десятки частных военных компаний защищают китайские вложения по всему континенту. В последние годы наблюдается всплеск числа похищений и убийств китайских рабочих от Нигерии до Судана. В Анголе, где, по оценкам, работают примерно 300 тысяч китайцев, низкие цены на нефть в сочетании с практически полным отсутствием рабочих мест для местных жителей могут привести к вспышкам насилия по отношению к тем, кто воспринимается как корыстная иностранная орда. Если антикитайские настроения возобладают, африканские страны могут выслать китайцев и стать единоличными хозяевами построенных ими трансграничных дорог, железнодорожных путей и нефтепроводов. Пока говорить о том, сможет ли Африка объединиться или предпочтет принцип «разделяй и властвуй», слишком рано. Все будет зависеть от накала страстей вокруг цепей поставок.

ОТ СОГЛАШЕНИЯ САЙКСА — ПИКО К РАХ АРАВИА

Будучи приписанным к силам специальных операций США в 2007 году, я стал свидетелем непревзойденной способности Америки применять высокие технологии на поле боя. Цифровая карта, наложенная на топографию Ирака, содержала множество разных сведений: наблюдения с беспилотников, кадры со спутников, отчеты о ситуации в режиме реального времени от передовых частей на местах и прочие данные технической и агентурной разведки. Для нанесения удара в любой точке страны силам специальных операций требовалось всего два часа. Во время так называемого *op tempo* эти войска неутомимо шли вперед, но все же способность сил коалиции сохранять территориальную целостность Ирака в лучшем случае была временной. Как-то, прогуливаясь холодной облачной ночью вместе со старшим офицером вокруг военно-воздушной базы «Балад» к северо-западу от Багдада, я спросил его в лоб: «Неужели все эти вещи необходимы только потому, что вы не говорите по-арабски?»

Политические цели в условиях сложной культурной географии на другой стороне света не имеют шансов на успех. Надо сказать, к чести американских командиров, они не теряли самообладания во время моих брифингов, развенчивавших слепую веру администрации Буша в неизбежность построения единого, многонационального, демократического, проамериканского Ирака. Сидя в центре уже фактически несуществующей страны, они прекрасно понимали, что есть альтернативные сценарии, например играть в «Ударь крота» против «Аль-Каиды» и прочих повстанческих групп.

«Арабская весна» и внезапный крах государства в регионе повергли в шок многие страны Ближнего Востока. Десятилетия коррумпированного правления, пренебрежения инфраструктурой, социального разложения и роста населения превратили захватившие власть режимы — и само понятие государства — в призрачную фикцию⁴³. Даже военная и интеллектуальная элита, представляющая так называемое государство в государстве, иссякла, оставив после себя вакуум власти, заполненный либо хаосом и радикализмом, либо политическими боями без правил. Именно поэтому Ливия перестала быть единым государством, и ее карта требует уточнений относительно местоположения действующих нефтяных терминалов, сфер влияния местных племен и вооруженных группировок, а также каналов проникновения боевиков⁴⁴. И в Ливии, и в Йемене американские

военные вели переговоры с повстанцами о безопасном проходе для нефтяных танкеров. Цепи поставок — более глобальное явление, чем государство, и от того, кто их контролирует, зависит, кто контролирует то, что от него осталось.

Важно отметить, что большинство мусульман мира проживают не на Ближнем Востоке, а в Южной Азии и Тихоокеанском регионе, от Пакистана до Индонезии, причем без столь масштабного религиозного фанатизма, как в странах арабского мира. И проблема, и ее решение в одинаковой степени связаны с политической географией, управлением и религией. Действительно, характер региональных сектантских движений более политический, чем теологический, с едва осознаваемыми доктринальными различиями, невероятно раздутыми, чтобы скрыть явно политические и территориальные цели.

Распад ведущих арабских государств от Ливии до Сирии и Ирака — важный повод переосмыслить принципиальные направления, определяющие географию Ближнего Востока. Нынешние конвульсии арабских стран с сотнями тысяч жертв гражданских войн в Ираке и Сирии, а также втянутыми в водоворот событий Ливаном и Иорданией сильно напоминают Тридцатилетнюю войну в Европе. В настоящее время арабов больше беспокоит внутренняя стабильность, чем внешние угрозы, поэтому на формирование следующей карты арабского мира может уйти несколько десятилетий. В Ливии, Сирии и Ираке царит такой хаос, что целесообразнее их пока не делить. Однако учитывая опыт арабских стран с исламскими халифатами, иностранной колонизацией, имперским сюзеренитетом, неустойчивой государственностью, периодически активизирующимся панарабизмом, трагическими гражданскими войнами и широко распространенным крахом государства, было бы разумнее поучиться на ошибках прошлого, а не повторять их.

Арабский мир созрел для перемен. Вместо бессмысленного восстановления государственности под руководством очередного коррумпированного диктатора регион должен восстановить свою историческую картографию внутренней связанности. Распад постколониальной системы региона оказался настолько ужасным, что даже многие арабы — не только турки — всерьез затосковали об Османской империи. Как задокументировал историк Филипп Манзель, Османская империя на протяжении веков была своего рода

предохранителем от цивилизационных конфликтов, представляя собой многоязычный и многоконфессиональный регион, где мирно соседствовали мечети, синагоги и церкви. От египетской Александрии до турецкой Смирны (ныне Измир) и Бейрута «...диалог предотвращал конфликт, а сделки опережали иделы» [3]. Хотя ассоциации с открытостью периода Османской империи подразумевают доминирование суннитов, это отнюдь не несовместимо с миром в более широком формате. С начала XVIII века османы и персы сосуществуют в рамках исламской *уммы*, а в 1847 году османы и Каджарская династия в Иране подписали Эрзерумский договор, который кодифицировал долгосрочные мирные отношения. О границах спорили веками, но они оставались открытыми. Представьте те времена в контексте нынешних отношений с Ираном. Вместо десятилетий провальной политики изоляции, сосредоточенной исключительно на ядерном оружии и терроризме, которая к тому же способствовала *росту* влияния Ирана в Сирии, Ираке и Ливии, притом что его ядерная программа продолжается, большая открытость могла бы стимулировать развитие торговых отношений в арабском и персидском мире и привести стороны к взаимопониманию. Преимущества толерантности и мирного сосуществования на Ближнем Востоке осознают путем пересмотра карт на основе принципов «каждому свое» и взаимозависимости цепей поставок.

Аналогичная парадигма будущего, *Rah Arabia*, сознательно создала бы гибкую связь в городских оазисах, что позволило бы сообща повысить благосостояние региона. Вспомним, что именно финикийские города-государства, например Тир в нынешнем Ливане, первыми отправили торговцев и путешественников, чтобы основать колонии на эгейских и средиземноморских островах, в Сицилии, на юге Испании, Карфаген в Северной Африке. Действительно, Тунис и Бейрут, Дамаск и Багдад — многие из наиболее успешных торговых центров в истории были арабскими городами, что свидетельствует о высокой степени урбанизации арабского мира. Его географическая карта — это коммерческие городские центры, поддерживающие связи с европейским, турецким и персидским миром, — наследие, гораздо более богатое, чем созданное в прошлом веке.

В начале XX века соглашения Сайкса — Пико (1916 год) и Сан-Ремо (1920 год) утвердили новую карту Ближнего Востока, превратив

протектораты Османской империи в слабые клиентские государства, а затем и в авторитарные. Но гражданская война в Ливане, ирано-иракская война, вторжение США в Ирак и его последствия, «арабская весна», сползание Ливии в анархию, контроль шиитов над Басрой, зачистка фанатиками Багдада, стремление курдов к независимости, гражданская война в Сирии перекроили реальную карту региона до неузнаваемости. В 2014 году премьер-министр Ирака Нури аль-Малики предложил создать четыре новые провинции, чтобы обезопасить общины туркмен и христиан, которые в течение года находились под непрекращающимися ударами ИГИЛ. С суверенитетом или без, ИГИЛ быстро стало столь же функциональным образованием, как и его арабские страны-соседи, привлекая капитал, выпустив собственную валюту и паспорта, распространяя пропаганду по всему миру среди миллионов искателей приключений и маргинализованной молодежи, представители которой приезжали даже из Америки и Австралии, чтобы присоединиться к ИГИЛ. Религиозные конфликты и радикализованная диаспора, готовая к джихаду, продолжали расползаться по региону, разрушая такие слабые государства, как Иордания, а прокси-война между Саудовской Аравией и Ираном на территории Ирака может уничтожить даже то немногое, что еще осталось от этой страны.

ИГИЛ продемонстрировало малозначимость границ в арабском мире, быстро присоединив сирийскую провинцию Дейр-эз-Зор к иракской провинции Анбар и назвав это образование «Сирирак». Его дальнейшие амбициозные планы включали захват исторически аморфной территории Аль-Шам (Большая Сирия). В Афганистане ИГИЛ объявило о создании обширной, не признающей установленных границ провинции Хорасан. ИГИЛ стремится основать подобный государству халифат, но его стратегия состоит в контроле над ключевыми объектами инфраструктуры — дамбами, трубопроводами, нефтеперерабатывающими заводами и дорогами — и одновременном перекрытии населению городов доступа к воде. Карта территорий, контролируемых ИГИЛ, напоминает осьминога со щупальцами, протянувшимися вдоль «путей джихада» и расходящимися из его цитадели в провинции Анбар. На основе карты Сайкса — Пико Национальное агентство геопространственной разведки составляет в режиме реального времени схемы движения автоцистерн с нефтью и

финансовых данных о продажах нефти на черном рынке, чтобы отслеживать постоянно меняющиеся маршруты нефтеперевозок ИГИЛ с помощью спутников. Сложно сказать, останется провинция Анбар оплотом ИГИЛ, вернется под контроль Ирака или войдет в состав провинций Саудовской Аравии на ее северной границе — или ИГИЛ удастся расчленив саму Саудовскую Аравию.

Разрушение границ вызывает демографический хаос. С одной стороны, текучесть арабской рабочей силы — от полумиллиона палестинцев в Кувейте до миллиона египтян в Ливии — критическое условие для государственного строительства в регионе. Но с другой — столкновения в Сирии и Ираке обусловили кризис беженцев, названный Верховным комиссаром ООН по делам беженцев «не просто усиливающейся тенденцией, а квантовым скачком» [4]. Насчитывается как минимум 15 миллионов беженцев из Сирии и Ирака и внутренне перемещенных лиц. В Иордании не менее миллиона беженцев из Сирии и Ирака, а учитывая, что треть ее шестимиллионного населения — беженцы из Палестины, страна фактически стала гигантским лагерем беженцев, где люди расселены в административных зонах, превратившихся в полустационарные города. Лагерь «Заатари» на севере Иордании приютил более 100 тысяч сирийцев, что сделало его четвертым по величине городом страны. Руководитель Всемирной продовольственной программы отметил: «Мы больше не рассматриваем “Заатари” как лагерь беженцев, скорее это муниципалитет или город» [5].

Пространство между цивилизованными центрами региона — Турцией, Саудовской Аравией, Египтом и Ираном — свободно для завоевания. Иракский национализм бессмыслен, а Сирия — искусственно созданное несостоявшееся государство, которое обречено на дальнейшую деградацию ввиду религиозного многообразия и сложного рельефа местности, хотя Дамаск и Алеппо останутся автономными торговыми центрами. Весь регион переживает ливанизацию⁴⁵. По сути, Ближний Восток — средоточие «племен с флагами». Сегодня курды, не имеющие собственной государственности, демонстрируют более осмысленный национализм, чем народы Иордании или Ливана. Племенные государства, контролирующие свою территорию, как Курдистан или Израиль, станут основой будущей карты региона.

Эрбиль, один из древнейших городов мира, считается политической столицей Курдистана. Хотя его политическая география ограничивается зоной контроля Регионального правительства Курдистана (КРГ) в Ираке, сфера его влияния простирается гораздо дальше, в населенные курдами регионы Сирии, Турции, Ирака и Ирана. Это не значит, что Курдистан стремится расширить свои границы. Напротив, он роет окопы вдоль сирийской границы, чтобы помешать сирийским курдам переправлять большую часть контрабандного бизнеса через границу с Турцией. Курдистан уже пережил своего последнего колонизатора — Ирак Саддама Хусейна — и взял под контроль богатые нефтяные месторождения Киркука. Еще до официального согласия Багдада курды подписали множество договоров с ведущими западными компаниями, в том числе Exxon, и теперь экспортируют нефть из Киркука на объединенную территорию Курдистана, Сирии и Турции, а оттуда — в средиземноморский порт Джейхан. Стремясь найти буфер между собой и мятежными арабскими территориями, Турция фактически стала патроном Курдистана, несмотря на десятилетия официального отрицания курдской национальной идентичности (курдов считали горными турками). Курдистан остается внутриконтинентальной территорией, но с правом самоуправления и двумя каналами поставок нефтяных ресурсов на мировой рынок: Турцией и Ираком. И сохранение этих транспортных коридоров в данный момент значит для курдов больше, чем государственность — по крайней мере, пока.

Раздробленные государства арабского мира вряд ли вернуться в исходное состояние: в регионе продолжится децентрализация, а до объединения еще очень далеко. Переход от нынешнего апокалипсиса к более высокой ступени самоорганизации арабских стран будет длительным. В настоящее время только Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) предпринимает шаги по интеграции. Даже притом, что Саудовская Аравия фактически аннексировала Бахрейн⁴⁶ и пытается заблокировать строительство моста, связывающего Катар с ОАЭ, реализация крупных проектов, в том числе проходящей по всему периметру южного побережья залива высокоскоростной железной дороги и трубопровода «Дельфин» из Катара в Оман, постепенно продвигается, наряду с ростом мобильности трудовых ресурсов, сокращением времени таможенной

обработки грузов и работе по созданию валютного союза. В условиях, когда хаос в Сирии и Йемене угрожает их стабильности, страны ССАГПЗ формируют панарабские вооруженные силы, одновременно манипулируя политическими группировками и вооруженными формированиями в Египте, Ливане и Сирии.

Хотя политическая карта арабского мира пока неустойчива, у арабских стран достаточно много общего, чтобы стремиться к новой функциональной связанности. Иордания, Сирия и Ирак были восточными окраинами Римской империи, центром великих халифатов и местом конкуренции западных стран за сферы влияния. Однако силой они становились, только объединявшись. В отличие от эпохи халифатов, будущая *Pax Arabia* должна иметь несколько столиц (Каир, Дубай, Багдад) и представлять собой бескрайний архипелаг соединенных урбанизированных узлов. Если одно из правил противодействия вооруженным конфликтам — найти, защитить и построить стабильные анклав, то в эту стратегию вполне вписывается подход, предполагающий замену арабской колониальной картографии совокупностью торговых центров и связывающих их маршрутов. Хиджазская железная дорога, построенная еще во времена Османской империи, протянулась от Стамбула до Мекки с ветками до Каира и даже Хайфы в нынешнем Израиле. Это идеальная модель межгородских связей, которую нужно взять на вооружение. Арабы против восстановления турецкой или персидской гегемонии, но если бы эти страны и захотели вернуть былую силу и влияние, то это было бы возможно только с помощью картографии связанности.

Израиль — исключение?

Со времени заявления прав на территорию и провозглашения независимости в 1948 году Израиль — единственная страна, постоянно пытающаяся изменить свою географию: через диаспору в западных странах, сотрудничество с США, членство в различных европейских ассоциациях, а теперь и строительство линий электропередач по всему Средиземноморью. Но в инфраструктуре, демографической ситуации и экономике наблюдается более сложная картина, доказывающая, что связи Израиля с соседями укрепляются, а не наоборот. В частности, товарооборот со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, или ССАГПЗ, составляет около 500 миллионов долларов (экспорт программного обеспечения, сельскохозяйственной

продукции и медицинского оборудования), причем Израиль открыл там «виртуальное посольство»; кроме того, он поддерживает энергетическую инфраструктуру Курдистана, инвестировал 7 миллиардов долларов в железнодорожную сеть, которая охватит Иорданию, Египет и даже Ливан.

Динамика отношений Израиля и Палестины нестабильна. На западном берегу реки Иордан территорию страны защищает практически непреодолимый барьер. Но там, где границу нельзя пересечь по земле, это можно сделать под землей, где вырыты десятки так называемых тоннелей террора. «Хамас» регулярно копает их в Газе (а «Хезболла» — в Ливане), чтобы атаковать и похищать солдат Армии обороны Израиля. И все же этот барьер никоим образом не представляет будущую границу. Напротив, в 2014 году Израиль принял закон, согласно которому страна провозглашается единственным национальным государством евреев, где защитный барьер — средство внутренней безопасности, а не международно признанная граница, что стало решением в духе «Два государства для двух народов» [6]. Но в пределах Большого Израиля появляются и другие новшества, регулирующие потоки людей, — например, расширенная линия легкорельсового транспорта в Иерусалиме, идущая вдоль «Зеленой линии» 1948 года через поселения и древние святые места, причем в нем смешиваются ортодоксальные евреи, палестинская молодежь и израильские солдаты. Мэр, ориентированный прежде всего на бизнес, рассматривает транспортную инфраструктуру как инструмент достойного отношения и обеспечения равных возможностей для палестинцев. На западном берегу реки Иордан Израиль строит не только спорные еврейские поселения, но и приветствуемые всеми сторонами промышленные зоны, где упаковываются продовольственные товары, текстиль, собирается мебель, что укрепляет экономику обеих стран и создает рабочие места [7]. Столица Палестины Рамалла все больше напоминает полноценный административный центр страны, неподалеку от которого строится город высоких технологий Раваби с дешевым жильем и помещениями под офисы.

Хотя собственная разобщенность палестинцев мешает им добиться независимости, они могут развивать свою инфраструктуру в виде дуги железных и автомобильных дорог, соединяющих города западного

берега реки Иордан с севера на юг — от Дженина до Наблуса, Рамаллы, Восточного Иерусалима, Вифлеема, Хеврона и далее через Израиль до сектора Газа, — где палестинцы получили бы транспортный коридор до аэропорта и морского порта. Такой функциональный канал связи не только укрепил бы палестинскую экономику, несмотря на ее неопределенный правовой статус, но и обеспечил бы глобальную связанность территории от Египта через Синайский полуостров и палестинские земли вплоть до Иордании.

В 1845 году, когда французское колониальное правительство в Алжире согласилось с предложением Марокко о демаркации общей границы, процедуру завершили в 165 километрах к югу от Средиземного моря, поскольку «территория без воды непригодна для жизни, а потому границы излишни». И они действительно оказались излишними: даже после безрезультатной «песчаной войны» в 1963 году обе страны продолжали совместно использовать железорудное месторождение в Тиндуфе, а к 2006 году отменили визовые требования. Так что даже самые непримиримые арабские противники в итоге осознают преимущества сотрудничества.

Геологические характеристики арабских стран важнее, чем политические: они либо богаты нефтью, либо нет, у них есть вода или наблюдается ее дефицит. Поскольку нехватка воды угрожает выживаемости населения таких стран, как Йемен и Иордания, арабским странам стоило бы прокладывать больше водных каналов, трубопроводов и железных дорог вместо контрольно-пропускных пунктов. Например, Израиль, Иордания и Палестина ратуют за строительство канала Красное море — Мертвое море вдоль границы Израиля и Иордании для доставки питьевой воды и ирригации региона. (Кроме того, изучается возможность строительства канала Средиземное море — Мертвое море.)

Трансаравийский нефтепровод протяженностью 1214 километров, построенный в 1940-х годах Standard Oil и Chevron от Абкайка на востоке Саудовской Аравии до Ливана, был самым длинным в мире, но спустя десятилетия стал символом внутренних разборок и неспособности арабского мира к сотрудничеству. Сначала из-за нескончаемых споров о транзитных сборах в 1970-х перестала функционировать часть нефтепровода, а затем в 1990-х и остальная его часть — из-за отказа Саудовской Аравии от поставок в ответ на

нейтралитет Иордании в войне в Персидском заливе. Поэтому сегодня новый трубопровод с юга на север — из Саудовской Аравии в Сирию — будет иметь важнейшее значение для возрождения Северного Леванта. Между тем Турция тоже может стать более важным источником гидроэнергии, а также инвестиций в инфраструктуру Сирии. Турецкие строительные компании уже играют ведущую роль в развитии инфраструктуры в Курдистане и использовании курдских трубопроводов, проходящих через Турцию в Джейхан, где нефть перегружается на танкеры и перевозится в Европу и израильский порт Ашкелон, невзирая на возражения Багдада⁴⁷. Катар, который формально считается самой богатой страной мира по показателю ВВП на душу населения, почти не производит продуктов питания, а три его опреснительных завода могут обеспечить всего однодневный запас пресной воды. Катар скупает сельскохозяйственные земли Иордании и Сирии, а значит, должен финансировать строительство современных опреснительных заводов и ирригационных систем, чтобы нарастить производство продуктов питания. Во всех этих примерах инфраструктурная связанность способствует связанности региона, которой политические границы по определению препятствуют.

Новые объекты инфраструктуры повышают стратегическую устойчивость великих держав. Китай расширяет присутствие в Средиземном море, чтобы предотвратить даже незначительные сбои в цепях поставок для своих грузовых судов, идущих через Индийский океан. В 2014 году компания China Harbour Engineering начала строительство нового порта в израильском городе Ашдод на побережье Средиземного моря, который обслуживал бы более крупные грузовые суда, чем Хайфа, а Израиль обязался проложить новую железную дорогу для грузоперевозок между Ашдодом и Эйлатом на Красном море (линия «Красное море — Средиземноморье»), чтобы обогнуть Суэцкий канал в случае его перекрытия.

С самой южной точки Израиля хорошо видны Иордания, Египет и Саудовская Аравия. Эйлат, живописный, но при этом стратегический порт на Красном море в заливе Акаба, становится центром пересечения новых энергосетей, которые изменят геополитическое значение региона. С 1950-х годов трансизраильский трубопровод связывал Эйлат с израильским средиземноморским портом Ашкелоном, но вместо того чтобы транспортировать иранскую нефть в Европу, как в течение двух

десятилетий до революции 1979 года, теперь он транспортирует российскую нефть в Азию, то есть в обратном направлении⁴⁸. Вскоре он войдет в кольцевую сеть трубопроводов, включающую и Ирак, которая обеспечит нефтью и газом страдающих от их недостатка соседей, в том числе Иорданию. До недавнего времени Иордания получала электроэнергию от электростанций, работавших на газе из арабского газопровода, проходящего от терминала египетского порта Эль-Ариш в Акабу, а затем севернее через Иорданию и Сирию. Но постоянные нападения агрессивных бедуинов приводили к острому дефициту топлива в Египте и Иордании, вынудив их тратить несколько миллиардов долларов на дизельное топливо и тяжелую нефть.

Готовность компаний рисковать критически важна для энергетической стабильности региона. Хьюстонская компания Noble Energy инвестировала 3,5 миллиарда долларов, чтобы довести добычу газа до проектных 800 миллиардов кубометров в месторождениях Тамар и Левиафан в восточной части Средиземного моря. Газ из Тамара уже обеспечивает половину производства электроэнергии в Израиле, и Noble Energy начала поставлять газ в Египет, Иорданию и Палестину. Электростанции возле Ашкелона в настоящее время производят достаточно электроэнергии, чтобы экспортировать ее всем странам — соседям Израиля. И все же буровые вышки Noble расположены в уязвимых местах, их можно обстрелять ракетами с берега или со скоростных катеров, а это означает, что Израиль должен защитить свои морские месторождения газа так же надежно, как и сухопутные границы [8].

До смещения Мубарака в 2011 году Израиль, по сути, был лучшим покупателем газа у Египта, поскольку газопровод Эль-Ариш — Ашкелон намного короче, но сейчас Египет сам вынужден импортировать газ из Израиля по тому же газопроводу реверсом. К счастью для Иордании и Египта, Ирак вроде бы собирается отплатить поставки газа из Акабы во время ирано-иракской войны 1980-х годов. Как альтернативу маршрутам поставки газа через Персидский залив Ирак строит газопровод из Басры в Акабу для обслуживания иорданского рынка и прокачки избытка газа в Египет по арабскому газопроводу. Басра, где сосредоточено около 80 процентов иракской нефти, вполне может настаивать на децентрализации аналогично Курдистану. Между тем Акаба как единственный морской порт

Иордании имеет ничуть не меньшее стратегическое значение, чем столица государства Амман. С 2000 года в Акабе действует свободная экономическая зона, защищенная от излишнего вмешательства Аммана; здесь планируется построить атомную электростанцию, крупный опреснительный завод, мощный аэропорт, связывающий два десятка пунктов назначения, и дополнительный трубопровод через всю страну. Энергетическая ось Басра — Акаба между двумя квазиавтономными портовыми городами более значима, чем любые границы в регионе.

На пересечение Красного моря от Синайского полуострова в Египте до Иордании уходят долгие утомительные часы плавания на медленном пароме, разбавляемого оскорбительными проверками на контрольно-пропускных пунктах. Для двух стран, столь остро нуждающихся друг в друге, ложно понятый, превосходящий здравый смысл суверенитет действительно позор. В 1950-х годах арабские диктаторы заключали краткосрочные идеологические союзы, как, например, Объединенная Арабская Республика или Арабская Федерация Ирака и Иордании. Сегодня благодаря появлению совместно используемых объектов инфраструктуры такие союзы могли бы быть намного эффективнее.

У пространства между Средиземным морем и рекой Тигр все еще есть шанс занять достойное место на новых шелковых путях, связывающих Европу и Азию. Арабы нуждаются в связанности как факторе долговременного роста, потому что США (уже) и Китай (в будущем) стараются соскочить с нефтяной и газовой арабской иглы. Поэтому они должны стать процветающими урбанизированными центрами, соединяющими и обсуживающими все континенты, включая Африку. На Западе не решаются составлять, по крайней мере официально, какие-либо другие карты региона, который они так подло разделили в прошлом веке, воспользовавшись тем, что оставшиеся на плаву арабские режимы были слишком заняты внутренними проблемами, чтобы думать о выработке коллективного долгосрочного видения будущего региона. Но если соглашение Сайкса — Пико им навредило, а хаос грозит их поглотить, то следует создать собственные карты *Rach Arabia*, чтобы было к чему стремиться.

ГЛАВА 5

«ЯВНОЕ ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ» НАШИХ ДНЕЙ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ, ИЛИ ТРАГЕДИЯ ОБЩИН

Вот некоторые шокирующие факты отношения американцев к своей стране: 60 процентов считают, что пресловутая «американская мечта» недостижима для них и их детей; 40 процентов молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет предполагают, что им придется эмигрировать в поисках работы. Пенсионные накопления многих из опрошенных в 2014 году представителей поколения беби-бумеров уничтожил финансовый кризис 2008 года, а последующая рецессия, вызванная сверхнизкими процентными ставками, развеяла надежду на то, что от их пенсий хоть что-нибудь останется. Рекордное количество пожилых американцев переезжают в Мексику, Панаму и другие места, где можно более достойно провести старость. Еще более многочисленная категория эмигрантов — молодые неквалифицированные работники, составляющие половину безработных в США. (Некоторые американские ученые даже предложили экспортировать структурных безработных и тем самым снизить нагрузку на правительство.) Деиндустриализация в сочетании с крахом субстандартного кредитования привела к мощным внутренним потрясениям, и толпы безработных и бездомных ринулись в крупные городские агломерации в поисках любой работы за любую зарплату.

(Карты 20, 21, 22, 23 к этой главе приведены на вклейке.)

Находящиеся выше по цепочке добавленной стоимости талантливые и обеспеченные американцы не только разделяют сомнения своих соотечественников насчет целесообразности оставаться на родине, но и действуют под влиянием этих сомнений. США отстают только от Франции, Британии и Испании по чистой потере членов профессионального сообщества LinkedIn, выезжающих в развивающиеся страны. Кроме того, ежегодно четыре тысячи американцев отказываются от гражданства или вида на жительство («зеленая карта»). Рекордные девять миллионов американцев сегодня живут за рубежом: они проголосовали ногами и кошельками за лучшее качество жизни, особенно за более низкие налоги и неплохие карьерные перспективы за пределами США. Когда быть американцем становится обязанностью, американские компании тоже пускаются наутек, переводя свои мощности и прибыли за границу. По состоянию на 2014 год они держали за рубежом около 5 триллионов долларов наличными, уклоняясь от высоких налогов на репатриацию и инвестируя в слияния и поглощения, перемещение производства

и выкуп акций, чтобы еще надежнее оградить себя от американского регуляторного пресса.

Америка казалась самым богатым, технологически развитым и безопасным обществом в мире. Но никогда не стоит путать удачное стечение обстоятельств с судьбой. Многие из того, что было справедливо после Второй мировой войны, утратило актуальность. Статус ключевой мировой супердержавы гарантирует лишь сохранение американской империи, но отнюдь не превосходство ее государственной системы и образа жизни. Действительно, последние годы поставили под сомнение как глобальный статус сверхдержавы, так и эффективность ее модели управления. И то и другое будет подвергаться еще более серьезному давлению в ближайшие десятилетия из-за растущей зависимости Америки от иностранных инвестиций, экспорта в быстрорастущие государства, финансовых и деловых центров, конкурирующих с США на мировых рынках.

Представьте себе радужный сценарий на 2020 год: американские вооруженные силы в основном находятся дома после двух десятилетий внешнеполитических катастроф, сланцевые месторождения дают больше нефти и газа, чем добывают Россия и Иран, калифорнийские высокотехнологичные компании разрабатывают прорывные приложения, благодаря которым в мире появляется первая компания с капитализацией более триллиона долларов. Экономика устойчиво демонстрирует 3-процентный среднегодовой темп роста, а инклюзивные стандарты ипотеки позволяют рекордному числу американцев жить в собственных домах.

Означает ли возобновление экономического роста возвращение американских граждан и корпораций вместе с их деньгами и лояльностью? Говорит ли энергетический бум в Техасе и Дакоте о том, что часть национального богатства должна перейти депрессивным штатам? Дает ли процветание высокотехнологичного сектора шанс многим американцам получить престижные рабочие места? Ответы на эти вопросы покажут, развивается ли Америка в целом или в ней разыгрывается трагедия общин; движется ли она по пути великой, но разрушающейся империи или возрождается как действительно Соединенные Штаты. Одно можно сказать наверняка: в гиперконкурентной мировой цепи поставок просто быть американцем уже недостаточно.

Банкротство в 2013 году Детройта, некогда самого богатого города Америки, стало не просто событием, а предупреждением, что проживание в одной из самых конкурентоспособных стран мира вовсе не гарантирует процветания ее городов. Ситуация, когда одни города, компании и общины развиваются, а другие приходят в упадок, сигнализирует о тенденциях децентрализации — как положительных, так и отрицательных. Нью-Йорк, Майами, Даллас, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Чикаго, Бостон и Атланта — национальные точки роста, региональные магниты и даже в различной степени глобальные центры. Калифорния гораздо густонаселеннее, чем большинство стран мира; при губернаторах Джерри Брауне и Арнольде Шварценеггере она регулярно отправляла за границу представительные делегации в целях увеличения экспорта и привлечения инвестиций. Другие штаты тоже подсчитывают, сколько рабочих мест создано за счет экспорта в те или иные страны, и затем ставят задачи по развитию коммерческих связей.

Между тем многие американские штаты и города олицетворяют упадок в результате децентрализации: они получили от Вашингтона права, но не деньги и не в состоянии самостоятельно генерировать достаточно средств, потому что слишком малы. (Америка — менее урбанизированная страна, чем большинство ведущих стран Запада.) Перспективы таких городов печальны. В отчете 2013 года сказано, что Кливленд «балканизирован» и стал городом, «сошедшим с магистрального потока людей и идей» [1]. Некогда наполненные кипучей деятельностью здания заводов и фабрик в Буффало, производивших лифты Otis и хлеб Wonder, сегодня стоят заброшенные и ветшают. Эксперты прогнозируют еще более мощную волну банкротств в «ржавом поясе» — штатах Мичиган, Огайо, Пенсильвания, Иллинойс, Нью-Йорк и даже некоторых городах Новой Англии, из которых таланты, бизнес и инвестиции перетекают в Бостон. Для большой империи, такой как Америка, несостоявшиеся города — ее собственная версия несостоявшихся государств.

Хотя многие считают аутсорсинг причиной упадка Детройта, поскольку автопроизводители стали передавать часть производства автомобильным заводам в Китае, у Motor City в Китае есть «двойник», город Дунгуань — один из «четырех маленьких тигров» южной провинции Китая Гуандун, специализирующийся на производстве электроники и занимающий второе место по объему продаж после

Шэньчжэня [2]. Финансовый кризис 2008 года тоже обрушил его экспорт: фабрики были закрыты, а рабочие уволены. Недавно построенный торговый центр New South China Mall, по площади в два раза превышавший Mall of America в штате Миннесота, оказался мертворожденным и стоял пустой.

Но у Дунгуаня, в отличие от Детройта, нашлось несколько преимуществ. Население города — свыше восьми миллионов человек, причем у рабочих есть возможность перебраться в другие крупные города и найти там работу, пока не решатся проблемы с экспортом. Его инфраструктура относительно новая и может быть быстро перепрофилирована для нужд логистических центров, компаний, занимающихся упаковкой пищевых продуктов, или производителей высококачественных бытовых приборов и инструментов. Кроме того, сектор услуг в Дунгуане, например рестораны и отели, генерирует большую часть ВВП, чем производство. На пике развития только в секс-индустрии — от массажных салонов до караоке-баров — было занято больше людей, чем все население Детройта. Сегодня New South China Mall работает практически с полной загрузкой.

Еще одно принципиальное различие между двумя городами состоит в том, что Дунгуань, в отличие от Детройта, не вел активных операций на финансовых рынках. Муниципальные долги Китая непомерны, а государственные предприятия отчаянно нуждаются в реконструкции, но и те и другие поддерживаются 4 триллионами долларов Народного банка Китая. Между тем Детройт за считанные дни до банкротства выплатил 250 миллионов долларов UBS и Банку Америки по долгам, обесцененным в связи с широким использованием своп-соглашений о процентной ставке. В результате у него не осталось ни цента на покрытие почти 20 миллиардов долларов обязательств по выплате пенсий и медицинских страховок.

Можно ли утверждать, что китайская модель регулирования отношений между центральным правительством и городами лучше, чем у США? Китай провел экономическую либерализацию гораздо быстрее, чем политическую демократизацию, но, как оказалось, для его долгосрочной стабильности не менее важны методы проведения децентрализации. Пекин — настоящий капитан сборной городов, он поощряет эксперименты, но не допускает провала. Страна превращается в конфедерацию мегаполисов, конкурирующих

за таланты, инвестиции, производственные мощности и узнаваемость, генерируя динамизм, необходимый стране для стабильного развития. Даже у контролируемых правящей партией Пекина, Шанхая, Тяньцзиня и Чунцина появилось больше полномочий для разработки собственных экономических планов. Хотя губернаторы провинций и мэры назначаются из Пекина, они, по словам Даоку Ли из университета Цинхуа, «...являются председателями холдинговых компаний и наделены широкими полномочиями при распределении капитала и привлечении инвестиций». Шанхай недавно создал свободную экономическую зону, чтобы упростить иностранным компаниям работу с валютами. Стремительное возвышение секретаря Коммунистической партии Чунцина Бо Силая и его последующая скандальная отставка — пример того, насколько независимым может быть крупный город и его мэр и каковы пределы терпения Пекина по отношению к децентрализации. Неудивительно, что сегодня так часто цитируется старая поговорка: «Холмы высоки, а император далеко».

Китай хочет убедиться, что преуспееет *как* в эпоху сильных государств, *так и* в эпоху сильных городов. В отличие от периода «сражающихся царств» Древнего Китая, когда полномочия центральной власти были чисто символическими, нынешний Пекин поддерживает провинции и регионы так, как это делала династия Сун. Каждый из более чем двух тысяч округов Китая (с населением от 50 тысяч до трех миллионов человек) ищет свое место в пятилетних планах, разрабатываемых Пекином, — или как район мегаполиса, или в рамках программ по сокращению вредных выбросов. Хотя не менее 70 процентов бюджета Китая расходуется на нужды регионов, многие ученые утверждают, что Китай уже де-факто федерация и осталось только закрепить это де-юре [3]. Действительно, центральное правительство больше не устанавливает показатели экономического роста для провинций и не поощряет их выполнение, позволяя местным властям самостоятельно разрабатывать экономическую стратегию региона [4]. Внутриконтинентальные провинции используют обновленную инфраструктуру, чтобы привлечь компании из прибрежных городов с высокой зарплатой в свои округа с более низкой оплатой труда.

Между тем в результате «гонки на дно»⁴⁹ за создание промышленных рабочих мест нынешняя Америка теперь напоминает

Азию 1980-х. Штат Теннесси возместил производителю автомобильных шин, южнокорейской компании Hankook, стартовые расходы на строительство первого завода в США в городе Кларксвилл, где эта компания станет крупнейшим работодателем. По другую сторону от Нашвилла городок Смирна влачил жалкое существование до прихода компании Nissan в 1983 году, после чего его население увеличилось вчетверо и составило около 40 тысяч человек. Сейчас Nissan передает некоторые виды работ по субконтракту американской компании, которая заставляет работать сверхурочно без дополнительной оплаты, а также выходить в выходные, не предлагая никаких льгот. Тем не менее представитель штата Теннесси Майк Спаркс считает, что у штата нет иного выхода. Если профсоюз работников автомобильной промышленности сумеет защитить права рабочих на заводах Nissan, то «они уйдут в Алабаму, Джорджию или Миссисипи» [5].

В мире цепей поставок американские штаты конкурируют друг с другом так же, как с Таиландом, Мексикой или Китаем. Но в Америке на промышленных предприятиях осталось менее 20 миллионов рабочих мест, поэтому Мичигану или Теннесси никак не избежать их сокращения в будущем.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ — ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

В войне цепей поставок у Америки много сильных лидеров, и все-таки она не выиграет. Кремниевая долина — богатый высокотехнологичный узел, Нью-Йорк — мировой финансовый центр, а Хьюстон — энергетический локомотив. И хотя экономическую географию Америки можно считать ценным активом, ее колоссальный масштаб прежде всего ответственность. Автомагистрали и мосты разрушаются, железные дороги слишком медленные или вовсе отсутствуют, широкополосный интернет неэффективен. Кроме того, есть еще «мягкая инфраструктура»: качество образования снижается, иммиграционная политика не обеспечивает притока достаточного количества талантов, между подключенными «счастливчиками» и не подключенными «неудачниками» экономическое неравенство усугубляется. Банки и компании отказываются инвестировать в депрессивные штаты и общины, вынуждая их создавать собственные кредитные союзы и кассы взаимопомощи.

Пропась между ключевыми глобальными узлами и застоем «ржавого пояса» постоянно расширяется. Сейчас думать об Америке

как о единой стране неправильно, ведь, по сути, американцы принадлежат (или нет) к совершенно разным глобальным цепям поставок. И дело не только в делении на «красные» и «синие» штаты⁵⁰, а, скорее, в делении на урбанизированные и сельскохозяйственные регионы. Предпочтения избирателей в большей степени зависят от их профессиональной среды — заводской рабочий, учитель, консультант по управлению, банкир, фермер, — чем от географии.

Города с 3–8 миллионами жителей и разнообразной по отраслевому составу экономикой гораздо лучше справляются с экономическими потрясениями, чем небольшие моноотраслевые города вроде Детройта. Крупнейшие американские мегаполисы Нью-Йорк и Лос-Анджелес с наибольшей плотностью населения восстанавливаются после рецессий, волн преступности и промышленной конкуренции благодаря концентрации высокооплачиваемых талантов. Секрет их устойчивости к потрясениям — в масштабах, постоянном создании новых возможностей, перспективе карьерного роста и продвижении по цепочке добавленной ценности без необходимости покидать город. После мирового финансового кризиса Нью-Йорк стал центром высоких технологий, а некогда полуразрушенный район Плайя Виста в окрестностях Лос-Анджелеса — центром аэрокосмонавтики и массмедиа.

На крупные города приходится 85 процентов ВВП страны; один только Нью-Йорк генерирует 8 процентов ВВП. Однако пропасть между различными категориями населения *внутри* мегаполисов гораздо глубже, чем между крупными и остальными городами. Степень неравенства доходов населения Нью-Йорка столь же масштабна, сколь и в странах третьего мира. Мегаполис Даллас — Форт-Уэрт (один только аэропорт которого по размерам равен Манхэттену) — четвертая по численности населения городская агломерация и, как сетует его мэр Майкл Роулингс, «самый бедный богатый город» в стране [6]. Богатым городам свойственно расти даже на грани катастрофы. При мэре Раме Эмануэле Чикаго проводил активную кампанию по реструктуризации долга, но чрезмерные расходы из городского бюджета ухудшили экономическое положение штата, низведя его до последних мест в рейтинге пятидесяти американских штатов. В то же время повышение

налогов для физических лиц и компаний могло в итоге заставить их покинуть город.

В результате Иллинойс пришел к выводу, что сегодня идея штата как политического, а не экономического образования — чистейший анахронизм. Как писал постоянный автор колонки в *Chicago Tribune* и эксперт по проблемам урбанизации Рихард Лонгворт, «штаты Среднего Запада бессмысленны как единицы местного управления» [7]. Канзас-Сити расположен на территории двух штатов — Канзаса и Миссури, и их власти стремятся перетянуть компании на свою сторону через пограничную дорогу, разделяющую территории штатов, вместо того чтобы объединиться в борьбе с глобальной конкуренцией. Муниципалитеты штата Индиана тоже втянулись в ожесточенную борьбу за создание на своей территории низкооплачиваемых рабочих мест, подрывая усилия Индианаполиса стать высокодоходным технологическим центром.

Некоторые более мелкие города сумели удержаться на плаву за счет эффективной приватизации на своей территории. Например, порт города Корпус-Кристи первым в Америке получил в 1985 году лицензию от Министерства торговли на создание свободной экономической зоны, что превратило его в самоуправляемого частного субъекта, независимого от города, но с одноименным названием, на территории которого не взимаются никакие федеральные и городские налоги, а также налоги штата⁵¹. После нескольких десятилетий использования в качестве основного пункта импорта нефти и почти нулевого экспорта порт стал ключевым центром экспорта сланцевой нефти из месторождения *Eagle Ford*, расположенного всего в 100 километрах⁵². В 2009 году Корпус-Кристи создал совместное предприятие с капиталом в 1 миллиард долларов по производству 500 тысяч тонн в год бесшовных труб для нефтяных и газовых скважин с компанией *Tianjin Pipe*, базирующейся в одном из ведущих портов Китая. Сегодня это крупнейшая китайская инвестиция на территории США, благодаря которой уже появились сотни рабочих мест в строительной отрасли и будет еще больше на самом предприятии после завершения строительства. Единственная проблема — нехватка квалифицированного персонала, умеющего говорить на мандаринском диалекте китайского языка с собственниками завода. Тем не менее способность быстро реагировать на растущий глобальный спрос на

электроэнергию сделала Корпус-Кристи своего рода американским «золотым стандартом» того, как в кратчайшие сроки стать важным глобальным экономическим центром.

Не все города могут так быстро получить выгоду или финансирование на глобальном энергетическом рынке. Американские банки столь неохотно финансировали реконструкцию центра в Денвере, что городские власти обратились к канадским банкам. Однако чем больше средние города нуждаются в частном финансировании, тем больше напоминают СЭЗ, где все услуги, от обучения до обеспечения безопасности, передаются на аутсорсинг частным компаниям. В обмен на строительство новых стадионов, музеев и железных дорог в пределах делового центра Денвера компании получают налоговые льготы и специальные полномочия вводить дополнительную плату за все — от административных услуг для парков до платы за койко-место в медучреждениях. Штат Колорадо пошел по другому пути, легализовав употребление марихуаны в медицинских и развлекательных целях, за что взимает высокий налог и направляет вырученные средства на антинаркотические мероприятия.

Еще более глубокая ирония кроется в том, что корпоративизация Денвера демонстрирует перспективы американской политики. Как правило, мэры американских городов — представители Демократической партии. Даллас, Хьюстон и Остин считаются «синими» демократическими городами, окруженными «красным» Техасом, но на референдумах по вопросам финансирования объектов социальной инфраструктуры, управляемых частными компаниями, они неизменно голосуют как республиканцы. В 2015 году Даллас даже продал за 500 тысяч долларов права на название и логотип города страховой компании, занимающейся страхованием очистных систем. В результате сбитые с толку (и злые) горожане начали получать корпоративную рекламную рассылку, внешне напоминающую официальные письма от городской администрации. Надпартийный консенсус в США действительно предлагает забыть на время о разногласиях ради конкретного результата, но насколько подобные действия приемлемы с точки зрения общественности?

Децентрализация Америки в самоуправляемые анклавные структуры различных видов и размеров будет продолжаться, а значит, ей нужно учиться у других государств, сумевших стать чем-то большим, чем сумма своих

частей. В немецких городах тоже отличные футбольные стадионы, но не за счет приватизации коммунальных услуг. У каждого города есть генеральный экономический план, совместно разработанный правительственными чиновниками, бизнесменами и образовательными учреждениями в целях постоянного уточнения торговой и инвестиционной стратегии, подготовки рабочей силы для использования новейших технологий и глобальных возможностей. Именно поэтому Китай стремится больше подражать Германии, чем США, за сочетание экономически устойчивых центров, инфраструктуры мирового класса, высококонкурентных товаров и социально ориентированной политики. В Германии больше миллионеров (и миллиардеров) на душу населения, чем в любой другой стране мира, но меньше расслоение общества по уровню дохода, чем в других промышленно развитых странах. В Германии, так же как в Южной Корее и Японии, есть то, чего нет в США, — политики, направленной на единство страны, *несмотря* на конкуренцию городов в ходе децентрализации. Название налога, позволившего за двадцать пять лет довести инфраструктуру Восточной Германии до уровня (и даже выше) Западной Германии, говорит само за себя — *Solidaritätszuschlag* (налог солидарности).

Именно солидарности не хватает Америке, где богатые города и штаты скорее предпочтут потратить деньги на себя, чем с кем-то поделиться⁵³. Движение [Data.gov](https://data.gov), которое добивается от федерального правительства большей отзывчивости и эффективности, побуждает Нью-Йорк и Лос-Анджелес точно выяснять, куда идут и как расходуются их налоги. В результате Калифорния, Техас, Нью-Йорк и другие штаты стараются сохранить у себя то, что имеют, и сами выстраивают международные связи, оставляя Вашингтону проблемы дотационных территорий, таких как Южная Дакота, Аризона, Нью-Мексико, Луизиана, Алабама и Мэн — самых больших по площади, малонаселенных или экономически бедных, причем независимо от партийных предпочтений [8].

Постепенно вырисовывается новая карта Америки, формируемая под влиянием функциональных торговых связей и линий движения талантов, а не границ штатов. По мнению урбаниста Джоэла Коткина, Америка напоминает не столько пятьдесят объединенных в единую страну штатов, сколько семь разных государств (с центрами в Сан-

Франциско, Далласе, Хьюстоне, Чикаго, Вашингтоне, Денвере и Атланте) и три независимых города (Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Майами). Каждый — центр региональной экономики, будь то нефтедобыча, сельское хозяйство, промышленность или высокие технологии. Города-государства имеют глобальную демографию, экономику и связанность. Географы-урбанисты прогнозируют возникновение еще нескольких агломераций, в частности: Солнечный коридор Аризоны — от Финикса до Тусона, пояс Каскадия — от Портленда через Сиэтл в Ванкувер, предгорная атлантическая группа — от Атланты до Шарлотты. Карта американских функциональных агломераций показывает истинную ситуацию в стране и пути ее улучшения за счет повышения степени связанности⁵⁴.

ТИХООКЕАНСКИЕ ПОТОКИ

Так что же происходит с Детройтом? Нет единого рецепта возрождения (или выживания) городов. Лояльные Детройту миллиардеры, такие как Дэн Гилберт из компании Quicken Loans, выкупили офисные помещения в центре города, финансировали проект развития легкорельсового транспорта и реставрацию жилья и промышленных объектов, что несколько обновило потрепанный городской центр, сделав его аккуратным и пригодным для проживания той части коренного населения, которое отказалось покидать город, хоть он и утратил былое величие. Есть и более радикальные предложения по восстановлению первоначального облика города, которые вдохнули бы в него вторую жизнь: превратить его в безналоговую зону и ввести на территории Детройта специальную визу для трудолюбивых иммигрантов из Латинской Америки и Азии или передать Детройт Канаде, которая и так гораздо больше перечисляет в городской бюджет, чем США.

В десятках других городов, погрязших в долгах и не имеющих дееспособной бизнес-модели, тоже едва теплится жизнь. Налоговый пресс превращает социальные пособия из муниципальных фондов в лучшем случае в жест доброй воли. Во многих городах расслоение населения по уровню доходов и национальному составу превращает их в пороховую бочку, чему яркий пример — Фергюсон в 2014 году⁵⁵. Эти регионы настолько бедны и разобщены, что к ним следовало бы относиться так же, как к развивающимся странам [9]. Помощь Вашингтона на содержание полицейских офицеров и общественных

автобусов, выпуск облигаций для покрытия пенсионных выплат, предоставление налоговых вычетов на инвестиции, создание рабочих мест и коммерческих стартапов носит эпизодический характер. Но появление нескольких рабочих мест не означает устойчивую экономическую стратегию, в отличие от инвестиций в модернизацию инфраструктуры и конкурентные отрасли промышленности. Например, Детройт достиг пика развития как центр производства автомобилей, но его недогруженные мощности можно легко перепрофилировать на производство транспортного оборудования и систем, а также высокоскоростных вагонов. Сегодня в солнечной энергетике США занято более 200 тысяч человек, а объем продаж отрасли ежегодно растет на 20 процентов. Министерство торговли в рамках программы SelectUSA направляет делегации во все уголки мира, от Польши до Индонезии, чтобы привлечь инвестиции в благоприятные для бизнеса американские города. Они предпринимают отчаянные, но крайне недофинансированные усилия, чтобы добиться того, что раньше было само собой разумеющимся, — сделать Америку самым привлекательным местом для инвестиций в мире.

Америка нуждается в крупномасштабной стратегии занятости населения, основанной на стимулировании работников овладевать новыми навыками и переезжать в регионы, где они востребованы. Как утверждают авторы исследования в Кливленде, «миграция — это экономическое развитие». Город предлагает стимулы для создания технических стартапов и пытается заманить специалистов из Остина и Сиэтла. Питтсбург — пример феномена сокращения численности населения из-за спада промышленного производства и параллельного роста доходов в таких отраслях, как разработка программного обеспечения, биотехнологии и создание новых материалов. Квалифицированных инженеров можно найти в западном Мичигане, где такие компании, как Gentex, производят не машины или запчасти к самолетам, а оптические продукты со встроенной электроникой и сенсорами, то есть сегмент цепи поставок, пока технически слишком сложный для Китая.

Возможно, часть американских рабочих мест переключается в Азию, но США пока в состоянии привлечь потоки капитала, идущие в обратном направлении. Китай экспортирует не просто продукты, а капитал и трудовые ресурсы. Банк развития Китая выделил около

2 миллиардов долларов на инвестиции в крупнейшего в США застройщика жилья компанию Lennar для финансирования двух долгосрочных проектов по строительству недвижимости в Сан-Франциско («Остров сокровищ» и верфь Хантерс-Пойнт), которые создадут тысячи рабочих мест на строительстве более 20 тысяч домов, а также офисных и торговых помещений. Сан-Франциско опять может стать доступным — по иронии судьбы, благодаря китайским деньгам, превратившим Сан-Франциско (и Нью-Йорк), наряду с высокими технологиями и финансовыми ресурсами, в средоточие богатейших людей мира наподобие Лондона.

В целом китайские компании инвестируют в различные проекты в американских городах до 13 миллиардов долларов в год. Проиграв в борьбе за стекольную промышленность Китаю, Толидо (штат Огайо), некогда известный как «Стекланный город Америки», начал приглашать китайских бизнесменов в отели и на предприятия, наладил партнерские отношения с университетами и художественными выставками, подчеркивая более низкий уровень цен по сравнению с Чикаго, позиционирующим себя как самый благоприятный для развития китайского бизнеса город. Китай также приступил к разработке межгосударственных планов по созданию СЭЗ по аналогии с Шэньчженем — для размещения финальных сборочных операций своих промышленных цепей поставок на территории США во избежание налогов на импорт. Компания Sinomach предложила создать технологическую зону площадью 130 квадратных километров возле аэропорта Бойсе с производственными мощностями и жильем для рабочих. В дальнейшем такие китайские коммерческие плацдармы станут обычным явлением в Америке, и многие штаты будут им рады. Как говорит губернатор штата Айдахо Брэд Литтл, «Азия там, где деньги» [10].

Но Азия еще и там, где люди. Финансовый кризис, резкий рост долгов за образование в совокупности со многими другими факторами превратили Америку в страну меньших по размерам домохозяйств, нуждающуюся в притоке иммигрантов для работы практически в любом секторе экономики, от ухода за пожилыми людьми до высокотехнологичных стартапов. Китайские граждане, боясь надувания пузыря недвижимости в Китае и жестких антикоррупционных преследований, покупают больше домов в США, чем граждане любой

другой страны, даже Канады. Они — самая многочисленная группа инвесторов по программе EB-5, согласно которой грин-карты предоставляются лицам, инвестировавшим от 500 тысяч долларов в одобренные (но не гарантированные) федеральным правительством проекты⁵⁶. Центры EB-5 созданы по всему югу США, включая Луизиану, Миссисипи и другие депрессивные штаты, чтобы привлечь иностранные средства для их развития. Инвесторы редко проверяют ценность активов, которые открыли им дорогу в США: все, что им нужно, — это американский паспорт, особенно для второго, еще не рожденного ребенка⁵⁷.

Тем не менее именно в Канаду едут самые обеспеченные китайцы, причем количество желающих в десять раз больше, чем на въезд в США: шесть тысяч заявок китайцев на участие в программе EB-5 против примерно 60 тысяч заявок на участие в программе инвесторов-иммигрантов Канады⁵⁸. Канада ставит довольно жесткие условия — 1,6 миллиона долларов инвестиций на семью или миллион долларов инвестиций в канадский фонд высокотехнологичных стартапов за каждую визу. Правительство Британской Колумбии также предлагает номинированные в юанях облигации для укрепления финансовых связей с материковым Китаем. «Хонгкувер», как многие сейчас называют Ванкувер, — основной порт назначения для китайских *yacht people* (более обеспеченный класс мигрантов, чем азиатские *boat people*⁵⁹ в XX веке). Они накрутили цены на недвижимость до заоблачных высот, вытеснив коренных жителей в пригороды. В итоге виды Ванкувера, как и его архитектурный облик, скоро будут напоминать Гонконг, а не Торонто. Как гласит китайская поговорка, «у умного кролика по меньшей мере три норы для жизни».

«Азиатизация» Западного побережья олицетворяет собой нарастающие потоки капитала и трудовых ресурсов через самый широкий океан на Земле. Только жесткие меры Китая в отношении бегства капитала и иммиграционные ограничения Канады и Америки способны сдержать эти тенденции. Но либерализация валютного рынка в Китае упростит вывод финансовых ресурсов из страны, а китайский паспорт повсюду встречает просто королевский прием: красный — это новый зеленый цвет.

**НЕФТЬ И ВОДА ЧЕРЕЗ САМУЮ ДЛИННУЮ ГРАНИЦУ
В МИРЕ**

На протяжении веков крупнейшие месторождения природных ресурсов привлекали искателей лучшей жизни. Сегодня Форт Мак-Мюррей в провинции Альберта (Канада) — один из тех городов, куда мигранты стекались в надежде быстро разбогатеть на волне новой «нефтяной лихорадки» в Северной Америке. Канада начала серьезную разведку нефтяных песков (их территория больше Великобритании) только после нефтяного эмбарго стран ОПЕК в 1973 году. Внезапно Форт Мак-Мюррей впервые в полной мере ощутил себя городом, а его население более чем утроилось к 1980 году, а за последнее десятилетие уже достигло 80 тысяч человек.

Но это только по официальным данным. Мир мобильных трудовых ресурсов, который обычно связывают с филиппинцами и пакистанцами в Дубае, пришел и в Мак-Мюррей, где за городской чертой на земле нефтяных компаний в трейлерах поселилось 50 тысяч человек, работающих от рассвета до заката буровиками, электриками, водителями грузовиков, официантами, барменами, проститутками и много кем еще, чтобы поддерживать высокий уровень добычи нефти — даже в морозные зимы⁶⁰. Падение цен на нефть несколько замедлило темпы роста Форта, но не изменило направления его развития. Сегодня это новый Дикий Запад, но через некоторое время он окультурится, его население осядет и обустроится, появятся закрытые коттеджные комплексы, крупный аэропорт и прочие преимущества крупного глобального звена в цепи поставок.

Форт Мак-Мюррей стал примером того, как Западная Канада с ее нефтяными песками, поташем, алмазными месторождениями и прочими минеральными ресурсами постепенно отбирает у востока статус экономического центра страны. (Еще севернее расположен центр добычи алмазов Йеллоунайф, где средний доход на душу населения составляет 100 тысяч долларов в год.) Канада смещается на запад: сначала восточные районы провинции Онтарио были более густонаселенными, а сейчас западные. Юкон, Альберта, Саскачеван, Манитоба и Британская Колумбия получают все больше мест в парламенте страны. Премьер-министр Канады в 2006–2015 годах Стивен Харпер родом из Альберты, поэтому вряд ли кто-то удивится, если мусульманин Нахид Ненши, мэр Калгари индийско-танзанийского происхождения, тоже однажды займет этот пост.

Американцы должны выучить названия этих больших канадских провинций, поскольку именно они станут для нее в будущем источником питьевой воды. Демографическая, сельскохозяйственная и ирригационная система Америки становится все более уязвимой, особенно в таких быстрорастущих юго-западных штатах, как Аризона и Невада, ведь до них уже докатилась волна пенсионеров и мигрантов «из ржавого в солнечный пояс». В Финиксе уже более четырех миллионов жителей, и, как и другие развивающиеся города вроде Лас-Вегаса, Скоттсдейла и даже Нижней Калифорнии в Мексике, он зависит от воды из реки Колорадо. Больше всего воды потребляет вечно жаждущая Калифорния, где постоянные засухи в сочетании с недостатком воды в водохранилищах нанесли непоправимый ущерб сельскому хозяйству, за исключением выращивания фруктов и орехов. Тем не менее население Калифорнии растет, а дефицитная вода все чаще используется для борьбы с бушующими лесными пожарами, усугубляемыми засухой. Площадь близлежащего озера Мид (созданного плотиной Гувера) уменьшилась до рекордного минимума, что вынудило ввести нормы потребления воды для 20 миллионов человек. «Без озера Мид не было бы Лас-Вегаса», — поясняет представитель городской администрации [11].

Когда озеро Мид все же высохнет, даже крупных поставок бутилированной воды в Америку из Канады будет недостаточно. Вода действительно может стать «нефтью XXI века», но Канада пока не спешит рассматривать ее с таких позиций, опасаясь превратить в товар столь редкий ресурс. Соглашением о Великих озерах, подписанным в 2008 году восемью американскими штатами и двумя канадскими провинциями, запрещается любой водоотвод из Великих озер, что оставляет такой некогда богатый водой город, как Уокешо (Висконсин), наедине с обостряющейся проблемой водного кризиса по мере роста населения и развития промышленности. Трудно представить, как бы без канадской воды США производили третью часть мирового экспорта зерна и соевых бобов, особенно если учесть, что щедрое субсидирование производства зерна в США привело к быстрому истощению водоносного горизонта Огаллала, обеспечивающего одну треть воды ирригационных систем Великих равнин, и его одновременному заражению пестицидами; а американские города продолжают распределять воду в зависимости от

потребности, вместо того чтобы взимать за нее плату в зависимости от потребления. Даже два десятка опреснительных заводов, строящихся между Калифорнией и Флоридой, не устранят разрыв между растущей потребностью в питьевой воде и ее наличием.

Пришло время вернуться к проекту известного канадского инженера Томаса Киранса Great Recycling and Northern Development (GRAND) и нереализованному в 1970-х годах Североамериканскому водному и энергетическому альянсу (NAWAPA). Оба основаны на нидерландском и китайском опыте использования защитных дамб и каналов и предлагают захватить речной сток еще на канадской территории Юкон и у Гудзонова залива и направить в 1600-километровую долину Скалистых гор и Великих озер в систему искусственных водоемов и межбассейновых каналов, которая могла бы восстановить водоносный горизонт «Огаллала» и сбрасывать воды в реку Колорадо. Поскольку в течение ближайших двадцати лет оставшиеся ледники в национальном парке «Глейшер» в штате Монтана растают, отвод образовавшихся вод будет очень важен для предотвращения наводнений и позволит транспортировать больше воды в южные регионы.

Эти проекты — гидрологический эквивалент сети федеральных скоростных автомагистралей как по масштабу, так и по стоимости. США станут «гидравлической цивилизацией» (этот термин придумал Джозеф Нидхэм для описания древнекитайских методов строительства каналов и акведуков) в результате строительства водопроводов подобно нефтепроводам для снабжения водой Техаса и Аризоны, а, возможно, даже Джорджии и Флориды, где быстрое истощение грунтовых вод приводит к засолению почв. NAWAPA даже предполагает применение ядерных взрывов для прокладки подземных каналов и создания водохранилищ, а также строительство атомных электростанций для перекачки воды через континент. Поскольку массовая урбанизация влечет за собой острую нехватку пресной воды, трудно представить более разумное использование атомной электроэнергии и ядерного оружия в наше время.

Водоснабжение — новейшая причина, по которой североамериканцы начинают рассматривать свой континент прежде всего с геологической, а уже потом с национальной точки зрения. Еще одна причина — электроснабжение. После масштабного отключения

электроэнергии в 2003 году, погрузившего во тьму весь Северо-Западный регион от Торонто до Балтимора, канадские компании развертывают подводные и подземные линии электропередач для доставки электроэнергии гидро- и ветряных электростанций Квебека в Новую Англию. Границу США и Канады уже пересекают около трех десятков нефте- и газопроводов, и еще десятки предлагается построить, в частности самый спорный проект — трубопровод Keystone XL компании TransCanada Corporation, который соединил бы провинцию Альберта через штат Небраска с Техасом и обеспечил дополнительные объемы поставок нефти для США, а также расширил возможности транспортировки сланцевой нефти из месторождений Южной Дакоты на юг и обеспечил экспорт канадской нефти через Атлантический океан из нефтеналивных терминалов Порт-Артура, уже обогнавшего Лос-Анджелес и Нью-Йорк по загрузенности. Взаимосвязанность выгодна независимо от цены на электроэнергию: крупнейший оператор трубопроводов на континенте компания Kinder Morgan создала объединенную империю транспортировки нефти, газа и складских мощностей и оценивается сегодня в более чем 150 миллиардов долларов.

Подобно тому как каждый гражданин Саудовской Аравии гордится нефтяным месторождением Гавар, по-прежнему остающимся крупнейшим в мире, американцы предусмотрительно изучают географию сланцевых образований — Игл-Форд в Техасе, Permian между Техасом и Нью-Мексико, Баккен в Монтане и Северной Дакоте в США, Саскачеван и Манитоба в Канаде. Хотя законодательство этих стран разнится, политические границы по 49-й параллели, отделяющие США от Канады, значат гораздо меньше, чем объемы производства нефти и газа, которые их объединяют.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Стремление к ресурсной независимости характерно не только для США, но и для всех их континентальных соседей. Созданная два десятилетия назад Североамериканская зона свободной торговли (NAFTA) трансформируется в империю европейского типа с городами-регионами, которую многие называют Североамериканским союзом. Как ресурсное объединение Северная Америка набирает геополитический вес гораздо быстрее, чем США в одиночку. Хотя ежегодная газодобыча России и США примерно одинакова, США еще

импортируют более половины газа из Канады, кроме того, поставляют газ в Мексику. В 2015 году национальная нефтяная мексиканская компания Pemex заключила договор с базирующейся в США компанией BlackRock и инвестиционным фондом First Reserve о строительстве нового газопровода из США в центральную Мексику. Либерализация энергетического рынка Мексики в итоге приведет к такому росту добычи нефти и газа на территории страны, что она присоединится к клубу экспортеров энергоносителей в Европу и Азию. Именно к этому стремится и Китай — получать больше североамериканской энергии, при транспортировке которой не придется преодолевать географические препятствия вроде Малаккского пролива. В отличие от ситуации перед финансовым кризисом, сегодня попытки Китая инвестировать в производство электроэнергии в Североамериканском союзе встречают меньшее сопротивление⁶¹. Северная Америка должна максимально реализовать свое техническое превосходство в горизонтальном бурении и гидравлическом фрекинге до того, как Азия ее догонит, поскольку, по некоторым оценкам, извлекаемые запасы сланцевого газа в Китае в полтора раза превышают запасы в США.

Внутренняя стабильность Североамериканского союза зависит от степени его интеграции. Политика США в области сельского хозяйства по субсидированию производства зерна опосредованно побудила мексиканских фермеров забросить свои поля и уйти в наркокартели, чьи вооруженные группировки убили около 100 тысяч человек с 2007 года. В 2014 году генерал Джон Келли, глава Южного командования США, подчеркивал, что поток наркотиков, оружия и мигрантов, особенно из Сальвадора, Гондураса и Гватемалы через Мексику в США, становится чрезвычайной угрозой национальной безопасности. Гигантские заборы, вооруженное пограничное патрулирование, наблюдения с беспилотников и массовые депортации сократили поток мигрантов, но большей проблемой становится добровольный отток мексиканцев, возвращающихся домой в связи с ростом национальной экономики. Самое разумное, что могут сделать США в этой ситуации, — распространить через них цепи поставок, что не только создаст рабочие места, но и стабилизирует общество. Пора возвращать рабочие места в прибрежной зоне, переданные на аутсорсинг в Китай, обратно в США и Мексику.

Иностранные компании уже инвестируют в этот регион. В период с 2009 по 2014 год Мексика получила 19 миллиардов долларов инвестиций только от немецких, корейских и японских автопроизводителей, что удвоило объем производства автомобилей, доведя до трех миллионов единиц в год. В мексиканском штате Агуаскальентес создано более 50 тысяч новых рабочих мест в автомобилестроении, благодаря чему он стал новым Детройтом. Не только низкая заработная плата привлекла эти инвестиции в Мексику, но и последовательно проводимая политика свободной торговли, которая обеспечивает мексиканскому экспорту более легкий доступ на такие огромные рынки, как Бразилия, по сравнению с американскими компаниями. Сосредоточение американских производственных мощностей в Мексике означает не только снижение себестоимости продукции, но и рост экспорта в другие страны Латинской Америки. И хотя Мексика отбирает американские и канадские рабочие места в автомобилестроительной отрасли, она требует, чтобы иностранные автопроизводители закупали по меньшей мере две трети необходимых запчастей у североамериканских производителей, включая крупных американских. В мире цепей поставок конкурентоспособность соседей неразрывно связана с собственной конкурентоспособностью США.

Таким образом, американские, канадские и мексиканские города рассматривают друг друга как важных союзников. В североамериканской торговле доминируют два десятка пар взаимозависимых городов, например Торонто и Нью-Йорк, Сан-Хосе и Мехико, Сиэтл и Монреаль, которые объединяют крупные отрасли, от автомобиле- и самолетостроения до электроники и фармацевтической промышленности⁶². Даже близлежащие города со сложной историей взаимоотношений отбросили сомнения в пользу сотрудничества. Сан-Диего и Тихуана теперь рассматривают разделяющую их границу как помеху стоимостью в 2 миллиона долларов ежегодно потерянной выручки. Их новая мантра звучит так: «Два города — один регион». Мэр Сан-Диего имеет вспомогательный офис в Тихуане и заявляет о возможном строительстве моста, который свяжет их аэропорты, и совместной подаче заявки на проведение Олимпийских игр в 2024 году. Преступность, нелегальная иммиграция и наркотрафик резко сократились не из-за ужесточения контроля на границе, а из-за притока

дополнительных инвестиций и создания новых рабочих мест *через* границу.

Если трубопроводы, водоканалы, грузовые железнодорожные коридоры, электросети и прочие объекты инфраструктуры связывают между собой сотни ключевых экономических центров, невзирая на политические границы, то Америке следует подумать о себе как о сердце интегрированного Североамериканского суперконтинента. Полтора столетия крупнейший штат США Аляска был физически отрезан от страны, но планируемое строительство железной дороги обеспечит повышение пропускной способности Панамериканской магистрали и соединит Валдиз с Фортом Мак-Мюррей. Кроме того, предполагается строительство нового трубопровода для сжиженного газа из Норт-Слоупа до Канады. Оба проекта глубже встроит Аляску в региональную энергетическую и транспортную систему и одновременно увеличат экспорт нефти и газа в Азию.

Инфраструктурная, экономическая, культурная и стратегическая интеграция Северной Америки необратима. В Канаде есть нефть и вода, но мало населения; в США и Мексике в совокупности проживает 400 миллионов человек и огромный рынок, но им не хватает воды. Поскольку из-за изменений климата в арктической части Канады наблюдается потепление, некоторые полагают, что когда-нибудь Канада станет домом для 100 миллионов человек (сейчас население страны — более 30 миллионов), причем большинство рабочих мест в сельском хозяйстве, добыче сланцевой нефти займут азиаты и латиноамериканцы. Они же освоят постепенно становящиеся пригодными для жизни северные канадские земли.

Таяние полярных ледовых шапок порождает новые страны, такие как Гренландия, таяние ледяного щита которой напрямую зависит от повышения уровня воды в океанах. Гренландия — первая страна, обязанная своим появлением климатическим изменениям, поэтому, голосуя об отделении от маленькой Дании, она становится арктической державой с собственным законодательством и богатыми запасами урана и прочих редких металлов⁶³. Факт родства эскимосского населения Канады и Гренландии подсказывает, как географическое значение острова эволюционирует от европейского колониального наследия до возможного членства в Североамериканском союзе.

Когда в 1867 году госсекретарь США Уильям Стюард купил у России Аляску, он представил себе объединенное полушарие от Гренландии до Гайаны со второй столицей в Мехико. И если «явное предначертание» для Америки XIX века наконец становится реальностью — не через завоевание, а путем интеграции, — то это не кажется слишком амбициозным. После окончания холодной войны бывший министр внутренних дел США и губернатор Аляски Уолтер Хикель предложил связать Аляску с Россией через 80-километровый тоннель под Беринговым проливом. Четверть столетия спустя президент ОАО «Российские железные дороги» Владимир Якунин предложил проложить супермагистраль из Лондона через Москву и Сибирь до Аляски, а затем до Нью-Йорка. Россия не может себе позволить столь грандиозный проект, а Китай может и предлагает полное финансирование строительства 1300-километровой (длиннее, чем Транссибирская магистраль) скоростной железной дороги, начинающейся в восточном Китае и проходящей через Сибирь, затем ныряющей в 200-километровый туннель (в четыре раза длиннее «Евротуннеля» под Ла-Маншем) под Беринговым проливом до города Фэрбенкс на Аляске, после чего поворачивающей на юг через Канаду до США. Несомненно, это будет самый живописный маршрут для путешествия китайцев в Ванкувер.

Южноамериканский союз

Южная Америка тоже переживает функциональную реорганизацию. Впервые со времени открытия португальцами и испанцами пятьсот лет назад некогда «затерянный континент» полностью свободен от эксплуататорской колонизации, боливарианского национализма, революционного социализма и воинствующего антикоммунизма. Вместо борьбы с партизанскими группировками левого толка и обличения американского империализма лидеры континента сосредоточились на реформировании системы субсидий, привлечении инвестиций и наращивании производства электроэнергии. Как и в Северной Америке, ресурсоориентированный регионализм — лучший способ воспользоваться выгодами присущего Южной Америке биоразнообразия. Инвестиции в трансграничную инфраструктуру успешно преодолевают два основных природных препятствия континента: дождевые леса Амазонки и Андийские Кордильеры. Проект Трансокеанской магистрали свяжет бразильское

побережье Атлантического океана с тихоокеанскими портами Перу (этим же маршрутом пройдет финансируемая Китаем железная дорога), что на неделю сократит срок доставки грузов из Бразилии в Китай. Отсюда и название проекта: «Дорога в Китай». Перу разрешила внутриконтинентальной Боливии построить собственный океанский порт в Ило, а гигантский туннель через Анды обеспечит Аргентине эффективный доступ к чилийским портам и, соответственно, рост экспорта через Тихий океан. Реконструированное Панамериканское шоссе образует ось с севера на юг от Дарьенского залива в Колумбии до Огненной Земли в Аргентине. В этой обновленной *Pax Latina* даже формируется континентальный парламент и новое институциональное образование, название которого напоминает ЕС — Союз южноамериканских наций.

ЧАСТЬ III

КОНКУРЕНТНАЯ СВЯЗАННОСТЬ

ГЛАВА 6

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — ИЛИ ПЕРЕТЯГИВАНИЕ КАНАТА?

АНТИЧНЫЕ МЕТАФОРЫ ДЛЯ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Перетягивание каната — старейший в мире командный вид спорта, упоминания о котором находят на античных камнях от Египта до Греции и от Китая до Гвинеи. Оно часто проводилось на королевских церемониях, а также практиковалось солдатами великих армий для развития силы и ловкости перед битвой. В VIII веке император Сюань-цзун из династии Тан собрал две команды по пятьсот воинов для перетягивания каната длиной 150 метров. В начале XX века (с 1900 по 1920 год) этот вид спорта официально входил в программу летних Олимпийских игр, причем наилучшие результаты в медальном зачете показывали европейские команды — например, команда Швеции, состоящая из сотрудников полиции Стокгольма. «Оксфордский словарь» определяет перетягивание каната как «жесткую борьбу за первенство», и это действительно так. Этот вид спорта мучителен для участников: победа требует необычайной физической силы, выносливости и силы воли. Даже короткие промежутки отдыха, называемые «повисанием», даются очень тяжело: тело просто не успевает расслабиться. И хотя перетягивание каната —

самый жесткий бесконтактный вид спорта, тем не менее за прошедшие тысячелетия от участия в нем еще никто не умер. И это самая удачная метафора для нашего времени.

(Карты 28 и 29 к этой главе приведены на вклейке.)

Тысячелетняя история человечества знает немало примеров завоевательных и оборонительных войн. Нынешний мир тоже полон напряжения, междоусобиц и враждебности: иностранные вторжения, ядерные противоборства, нападения террористов, распад государств, трагические гражданские конфликты. Но даже столь высокий уровень насилия со всеми его жертвами не определяет характер конкуренции в мире и не доминирует в ней. На самом деле очень немногие общества находятся сегодня в состоянии войны, как внутренней, так и внешней, но *все* общества вовлечены в глобальное перетягивание каната.

Перетягивание каната — это пересечение геополитики с геоэкономикой. Войны между государствами идут на убыль, в то время как борьба за цепи поставок нарастает. Однако перетягивание каната идет не за территории, а за *потоки* — денег, товаров, ресурсов, технологий, талантов. Эти потоки и есть аналог каната в состязаниях по перетягиванию. Мы за них соревнуемся, и одновременно они нас связывают. Цель глобального перетягивания каната — подтянуть к себе поближе мировые цепи поставок, чтобы стать крупнейшим производителем ресурсов и товаров и получить максимальную долю стоимости от каждой транзакции.

В опубликованном британской Королевской военной академией в Сандхерсте руководстве по стратегиям успеха в перетягивании каната подчеркивается, что хорошая команда «...синхронизирует свои движения до такой степени, что усилие ее членов кажется проистекающим от единого целого». Действует ли Америка именно так? Действуют ли вашингтонские политики, банкиры с Уолл-стрит, техасские нефтяные компании и прочие игроки в американской команде как единое целое, которое всегда больше суммы частей? Или Китай это делает лучше?

При перетягивании важно, чтобы канат постоянно находился в натянутом состоянии: провисание лишает участников равновесия, а из-за чрезмерного натяжения канат может лопнуть и оторвать пальцы, а то и руки. Эффективная стратегия состоит не в применении грубой силы, а в ее правильном приложении при сохранении равновесия. Слишком

большой шаг одного из участников может вывести всю команду из равновесия, и тогда соперники перетянут канат на свою сторону. Игра окончена. Проведем аналогию с сегодняшней геостратегической ситуацией. Следует ли Соединенным Штатам бороться за возвращение миллионов промышленных рабочих мест из Китая, обеспечив сочетание дешевой энергии и автоматизации, или это ослабит китайскую экономику, которую США рассматривают как основного потребителя растущего экспорта, и тогда Китай сбросит доллары, что приведет к скачкообразному росту процентных ставок для американцев? Таким образом, перетягивать канат нужно медленно и осторожно. Умные команды стараются сохранить позиции и при этом перетащить на свою сторону соперников, согласованно отступая мелкими шагами.

Сохранение глобальной стабильности зависит от того, что предпочтут великие державы — суверенитет или мир цепей поставок, войну или перетягивание каната. В войне участвуют армия и союзники, в перетягивании каната — города и компании. Правительства играют роль владельцев команд, тренеров и спонсоров соревнований, а также устанавливают правила игры — но решающее значение имеет качество игроков.

Перетягивание каната — это война без конца или марафон без финиша. Новые соперники появляются постоянно и отовсюду, словно тянут несколько канатов одновременно. Перетягивание каната в XXI веке напоминает массовую многопользовательскую игру, в которой страны, города, компании и прочие сообщества соревнуются во всеохватной борьбе. Уинстон Черчилль считал, что дипломатия предпочтительнее конфликта. Современный мир — гибрид того и другого, то есть бесконечное перетягивание каната.

БЫЛ ЛИ ПРАВ ОРУЭЛЛ?

Наблюдая за переговорами, разделившими Евразию на сферы влияния в первые годы холодной войны, Джордж Оруэлл испытал острое чувство неизбежности бесконечной войны между конкурирующими силовыми блоками, особенно после применения ядерного оружия. Будучи непосредственным свидетелем постепенной консолидации европейского колониализма и советского коммунизма, Оруэлл описал в своем эпохальном романе-антиутопии «1984» все три мегаконтинентальные сверхдержавы — Океания, Евразия и Остазия —

как тоталитарные режимы, нетерпимые к инакомыслию. События в романе удивительно корреспондируют с картой мира. Если учесть, что континентальная Европа не была покорена Советским Союзом, уступившим ее Океании (Америке), то это точно соответствует трем столпам Западного союза — Северной и Южной Америке и Европейскому союзу (где и Нью-Йорк и Лондон — две равноправные региональные столицы). В то же время Россия (Евразия) сохраняет влияние на «монгольскую» массу северной Евразии, а «поклоняющаяся войне» Остзия (Китай) расширяется на Японию, Юго-Восточную и Центральную Азию.

Мир Оруэлла — это постоянный тупик, без единой силы — или союза двух сил против третьей, — способной доминировать на планете⁶⁴. Поэтому вплоть до самой смерти в 1950 году Оруэлл даже не мог представить, что основным способом взаимодействия супердержав будет не захват территории, а получение доступа к рынкам и ресурсам друг друга. Именно из-за невозможности полного покорения они предпочитают не войну, а перетягивание каната.

В геополитике цепей поставок представление об отдельных географических блоках меняется до неузнаваемости; их объединяют физические объекты инфраструктуры и склеивают институциональные союзы. Например, США и Европа готовятся к заключению соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве, которое устранил почти все законодательные трения и углубит сотрудничество в рамках крупнейшего инвестиционного пула в мире. США и Канада уже ключевые торговые партнеры, а ЕС на данный момент — важнейший источник инвестиций для США. После заключения Трансатлантического партнерства торговый оборот продолжит расти сверх уже достигнутых *ежедневных* 3 миллиардов долларов. Таким образом, Трансатлантическое партнерство максимально сблизит континенты, учитывая невозможность их физического соединения.

В то же время США так отчаянно нуждаются в увеличении экспорта энергии, товаров и услуг на скачкообразно растущий азиатский рынок, что ведут переговоры о заключении не только Трансатлантического, но и Транстихоокеанского партнерства, которое предусматривает поэтапное снижение тарифов и общие стандарты для двенадцати стран, в совокупности производящих около 40 процентов

мирового ВВП. Налаживание экономических связей с конкурентами или соседями конкурентов — ключевой инструмент стратегического влияния, и реализуется этот вид конкурентной либерализации через цепи поставок, а не захват территорий. Цель Транстихоокеанского партнерства не в исключении из него Китая, а в создании условий для его дальнейшей *открытости*⁶⁵. Экспорт из США в Китай с 2000 по 2010 год вырос в пять раз; одновременно растет и экспорт из Китая в США. Китай постепенно замещает Канаду как крупнейшего торгового партнера США. Даже при финансовой поддержке Вашингтона лидер китайского рынка General Motors никогда не пережила бы финансовый кризис, если бы не поступления из-за рубежа. Более того, ни США, ни Великобритания не смогут удвоить объем экспорта без сотен миллиардов долларов инвестиций в свои предприятия, нефтеперерабатывающие заводы и прочие производственные объекты — особенно из Китая.

Может показаться, что чем быстрее растут экономики Китая и азиатских стран — причем вместе, — тем активнее ЕС и США должны действовать для поддержания равновесия. Но опасения США насчет Китая разделяют далеко не все в Океании, что подтверждает укрепление экономических связей между Китаем и Европой через Уральские горы. В отличие от США, Европа не рассматривает Китай как угрозу своей безопасности. Это не имеет отношения к углублению военного сотрудничества США с Индией, Австралией, Японией в Индийском и Тихом океане. Наоборот, Великобритания, Франция и Германия — основные источники передовых оборонных технологий для Китая. По мере укрепления юаня и ослабления евро Европа становится ключевым бенефициаром бурного потока китайских заокеанских инвестиций буквально во все — от недвижимости до производства экологически чистой энергии⁶⁶. Ожидается, что объем двусторонней торговли ЕС и Китая вскоре превысит аналогичный показатель США и ЕС. Отсюда вывод: взаимодействие через Евразию теперь конкурирует с трансатлантическими связями, основанными на сходстве культур.

В совокупности три основных экономических региона и субъекта торговли — Европа, Китай и Америка — генерируют большую часть мирового ВВП, объема инвестиций и торговли. Конфликты, сотрудничество и конкуренция сплетаются в сложное взаимодействие,

где отношения представляют собой сочетание сотрудничества в одних вопросах (ядерная программа Северной Кореи, борьба с изменением климата, расширение двусторонней торговли) и конкуренцию в других (резервная валюта, региональное влияние, кибербезопасность) — в отличие от подхода «все или ничего». Когда президенты Обама и Си Цзиньпин проводили саммит 2014 года в Санниленде (Калифорния), где много говорилось о «новом типе взаимоотношений между супердержавами», это отражало нынешнюю реальность, а не вероятный сценарий будущего. Как доказал политолог из Виргинского университета Дэйл Коупленд, взаимозависимость предотвращает конфликты, если страны видят в ней выгоды и в дальнейшем и ставят преимущества от перетягивания каната выше любого силового решения.

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ?

В 1990-х, когда о холодной войне уже стали забывать, стратеги из Пентагона обеспокоились угрозой третьей мировой войны. Исходя из геополитической динамики, вероятнее всего, она должна была начаться в регионе, активно наращивающем могущество (Азия), между постепенно теряющей влияние сверхдержавой (Америка) и обретающей его на мировой арене новой силой (Китаем). В том, что станет камнем преткновения, аналитики были единодушны — Тайвань. Но прошло уже больше двух десятилетий, и в подобную версию почти никто не верит. Почему?

Безусловно, политика сдерживания сыграла свою роль. После четырех десятилетий гарантий безопасности и продажи оружия американцами армия Тайваня стала внушительной силой; Китай, со своей стороны, инвестировал в модернизацию Народно-освободительной армии (НОАК) колоссальные средства, что в конечном счете обеспечило ей преимущество. Одновременно отношения между Китаем и Тайванем эволюционировали от принципа «никаких контактов, никаких компромиссов и переговоров» к тезису «один Китай, две системы». Между Тайванем и материком еженедельно осуществляется более трехсот авиарейсов, причем большинство пассажиров — тайваньцы, устремляющиеся на материк, где более высокие темпы экономического роста. Китай даже предлагал построить 120-километровый туннель через Тайваньский пролив из провинции Фуцзянь. Сегодня Китай — крупнейший потребитель тайваньского

экспорта, что позволяет острову наращивать весьма существенный профицит торгового баланса с Китаем. Львиная доля иностранных инвестиций из Тайваня направляется в Китай — вспомним, к примеру, тайваньскую компанию Foxconn, которая производит в Китае большую часть iPhone и iPad, выпускаемых во всем мире. Тайвань, да и американские потребители, очень зависим от китайских цепей поставок.

Несмотря на то что в 2015 году между бывшим президентом Тайваня и председателем Гоминьдана Ма Инцзю и нынешним президентом Китая Си Цзиньпином произошла историческая встреча — первая на таком высоком уровне с момента окончания гражданской войны в Китае в 1949 году, — вероятность замедления и даже отказа от мирного воссоединения сохраняется. Откровенно националистическая Демократическая прогрессивная партия (ДПП) отстаивает идею сделать Тайвань официальным названием страны вместо вводящей в заблуждение Китайской Республики и предоставить острову более широкий суверенитет. Кроме того, президент Foxconn Терри Гоу хочет переместить производственные мощности — и заменить доставляющих беспокойство людей разумными роботами — в Индонезию, чтобы сэкономить на издержках. Если тайваньские бизнесмены начнут разрывать цепи поставок в Китае, в то время как ДПП объявит о независимости, воссоединение станет призрачной мечтой. Безусловно, все вышеперечисленное не повод для войны, но перетягивание каната продолжится.

Можем ли мы навсегда превратить войну в перетягивание каната? Каждое утро мы ожидаем услышать, что Израиль атаковал Иран, Китай потопил японские военные корабли, Россия аннексировала очередную бывшую советскую республику или Северная Корея вторглась в Южную. По логике вещей, третья мировая война уже должна была бы начаться десять раз, но ни один крупный геополитический конфликт к этому не привел. В каждом случае жесткой военной эскалации за последние два десятилетия лидеры не только отступали от края пропасти, но и, как с Тайванем и Китаем, исходили из усиливающейся тенденции к устойчивой интеграции. (Как ни странно, самые драматические конфликты нашего времени, такие как коллапс Ирака и Сирии и российско-украинское противостояние, никто предсказать не смог.)

После одновременного провозглашения независимости в 1947 году Индия и Пакистан пережили уже три войны, создали большие ядерные арсеналы, вели партизанскую борьбу в Гималаях и по-прежнему продолжают спорить о статусе штата Кашмир. Тем не менее в последние годы они открыли границы для стабилизации торговли текстилем, медицинскими препаратами и другими товарами, сняли визовые ограничения, запустили прямые авиарейсы и предоставили друг другу приоритет в торговле.

Индия и Китай тоже пережили крупную приграничную войну в 1962 году из-за неурегулированности вопроса с Тибетом и предоставления Индией убежища далай-ламе и тибетской общине в изгнании, которых Китай считает весьма опасными сепаратистами. Тем не менее объем торговли между Китаем и Индией резко увеличился до более чем 100 миллиардов долларов в год и продолжает расти. Во время государственного визита в 2014 году Си Цзиньпин подписал инвестиционные контракты стоимостью 3,5 миллиарда долларов, включая строительство новой промышленной зоны в родном штате Нарендры Моди Гуджарате; а в ходе ответного визита руководства Индии в Китай в 2015 году были подписаны соглашения еще на 22 миллиарда долларов — в области электроэнергетики, логистики, индустрии развлечений и других отраслях — и главное договор о прямой телефонной линии между командующими вооруженными силами обеих стран.

Стратегический дискурс в Южной Азии в последние несколько десятилетий сосредоточивался на простых геометрических фактах, таких как «стратегический треугольник» Индии, Пакистана и Китая, причем последние две страны потом объединились ради сдерживания первой, а Индия вместе с США, Японией и Австралией присоединилась к «глобальному НАТО», чтобы окружить Китай. Эта своего рода архаичная стратагема звучит очень глубокомысленно, на самом же деле просто скрывает упорное нежелание признавать очевидные вещи.

Наличие между Индией и Китаем трех трансграничных торговых переходов не помешало последнему разместить две бронетанковые бригады и моторизованную пехоту в Шигадзе (Тибет), где проживает избранный преемник далай-ламы, а Индии расставить соответствующее количество танков вдоль недавно открытого перевала

Нату-Ла на высокогорном плато в Сиккиме для подготовки специального горного подразделения и новое боевое воздушное крыло на аэродромах близ Ассама. Несмотря на расхожее мнение, что время всегда на стороне Китая, в этом случае именно у Индии молодое население, высокие темпы роста, неутоленная гордость и растущие военные расходы.

Хотя два азиатских гиганта могут гораздо больше выиграть от дружественных связей, чем от борьбы за клочок земли размером не более 0,1 процента от их совокупной территории, никого не удивляет, что Китай постепенно просачивается в узкий выступ (называемый Пальцем) в северном Сиккиме неподалеку от стратегически важной тропы в Тибете, а политический кризис вокруг выбора преемника далай-ламы стал прекрасным поводом для оккупации Китаем населенного тибетцами региона Аруначал-Прадеш (в Китае его называют Южным Тибетом) на востоке от Бутана⁶⁷. Но после того как пыль осела, лед растаял, ущерб был оценен, погибшие подсчитаны, а договоры подписаны и границы смещены, «Южный шелковый путь» из Индии в Китай получил новый шанс добиться процветания.

Если какой-то исторический казус и можно считать тождественным Тайваню по уровню геополитического фатализма, то это спор Китая и Японии из-за островов Сенкаку и Дяоюйдао — гряды необитаемых скал, равноудаленных от Японии, Китая и Тайваня, причем две последние страны согласны с их принадлежностью Тайваню, в то время как Япония продолжает заявлять на них права, ссылаясь на победу в китайско-японской войне 1894–1895 годов. Когда в 1945 году Китай и Япония договорились о нормализации отношений, они решили отложить спор до лучших времен, а острова не милитаризировать. Но выросло следующее поколение, а под островами нашли солидные запасы нефти, и спор об их принадлежности разгорелся с новой силой. Между береговой охраной и военными кораблями постоянно происходят стычки в зонах контроля, а истребители патрулируют и сопровождают коммерческие авиарейсы, пересекающие спорную территорию. Малейшее отклонение от маршрута может стать поводом к войне. В 2014 году премьер-министр Японии Синдзо Абэ выступал по всему миру с пылкими речами, пытаясь привлечь внимание к агрессии Китая, а в 2015 году

японский парламент снял давний запрет на военные операции за рубежом. Но независимо от степени вины в обострении антагонизма Китай или Япония извлекли уроки из истории: откладывание решения проблем многократно их усугубляет, а экономические стимулы эффективны при сохранении статус-кво и интеграции, а не в условиях эскалации.

Впрочем, в то время как ежедневные газеты сообщают о захвате Китаем японских грузовых судов и требованиях выплатить военные репарации, уличные протесты и призывы бойкотировать японских автопроизводителей усиливаются, японская береговая охрана идет на таран китайского рыболовецкого траулера и арестовывает его капитана, а Китай запрещает экспорт редкоземельных материалов в Японию — министр торговли и вице-премьер Китая встречают делегацию японских топ-менеджеров на красной дорожке. Растут и продажи японских автомобилей в Китае (Toyota продала рекордное количество автомобилей в Китай в 2015 году), а годовой товарооборот между странами достиг 340 миллиардов долларов [1]. Японии нужен китайский рынок, а Китаю — японские технологии.

Азия — регион повышенного риска с точки зрения эскалации напряженности. Китай и Вьетнам оспаривают принадлежность Парасельских островов, Филиппины в перерывах между блокадами Китая пытаются захватить риф Скарборо. Северная Корея ввиду ограниченного запаса ядерного оружия постоянно испытывает баллистические ракеты, не считая нужным уведомлять соседей. Попытки США изменить баланс сил в Восточной Азии приводят к росту военных баз, числа кораблей, самолетов, маневров и появлению все новых горячих точек. Стратеги Пентагона 1990-х были совершенно уверены, что если третья мировая война и разразится, то непременно в Азии. Нынешнее балансирование между военной эскалацией и экономической интеграцией может оказаться прелюдией перед сползанием мира в очередную большую войну.

Все возрастающая уверенность Китая в своих силах и могуществе напоминает о незрелости азиатских политических институтов, в связи с чем экономическая интеграция остается надежной преградой на пути военной эскалации. В идеале военное присутствие США в Азии должно служить поддержанию стратегического баланса в Тихоокеанском регионе, что позволило бы политическим органам

повторить опыт послевоенной Европы, когда американский зонтик безопасности стимулировал политическую интеграцию. Министр иностранных дел Франции Робер Шуман мудро предсказал, что, как только сырьевые рынки Франции и Германии будут интегрированы в рамках Европейского объединения угля и стали, обе страны начнут совместно владеть объединенными цепями поставок и уже никогда не станут воевать. Не только азиатские цепи поставок глубоко интегрированы в Китае, Японии, Юго-Восточной Азии и Южной Корее, но многие китайско-американские цепи поставок проходят через Азию. Именно поэтому бывший глава Тихоокеанского командования Вооруженных сил США адмирал Сэмюэль Локлир говорил, что мнения США и Китая совпадают по 80 процентам вопросов.

Правда в том, что, пока лидеры рассуждают о «красных линиях», а флоты приближаются друг к другу на расстояние прямого огня, фондовые рынки трясет, поскольку есть два вида взаимно гарантированного уничтожения: военное и экономическое. Военные маневры не информируют нас о том, что движет великими державами и за что они готовы сражаться. Запутанный клубок проблем нынешнего миропорядка заставляет лидеров мыслить в глобальном масштабе и делать прагматичные расчеты затрат и выгод от реализации предлагаемой ими стратегии, очень хорошо зная, что война за цепи поставок включает «там» не только врага, но и собственные интересы. Угроза третьей мировой войны напоминает сюжет пьесы Сэмюэла Беккета «В ожидании Годо», в которой Владимир и Эстрагон решают повеситься, если Годо не придет завтра — поэтому они просто сидят и бесконечно ждут его. Их потенциальный спаситель Годо не придет никогда, но и они никогда не совершат самоубийство.

ВОЙНА ДРУГИМИ СРЕДСТВАМИ

Нетрудно определить, где созрели условия для конфликта, и заявить, что война уже на пороге. Особенно СМИ и академическая среда наполнились подобными историческими аналогиями в 2014 году, в столетие начала Первой мировой войны. Несомненно, утверждать, что риска третьей мировой войны больше нет, неразумно. Тем не менее, по мнению французского ученого Раймона Арона, ядерное сдерживание и уроки прошлого крайне важны для борьбы с неконтролируемой эскалацией в XX веке или критических ситуаций вроде Карибского кризиса. Более того, нынешний китайский

неомеркантилизм сильно отличается от существовавшего несколько веков назад европейского колониального меркантилизма с нулевой суммой. Это погоня не столько за глобальной гегемонией, сколько за догоняющей модернизацией. Китай ищет за рубежом сырье и технологии, а не чужие территории.

Спеша провести аналогии между сегодняшней глобальной динамикой и Европой накануне Первой мировой войны, большинство наблюдателей упустили из виду огромные различия. До Первой мировой войны европейские страны очень интенсивно торговали друг с другом, но это была торговля вертикально интегрированных торговых империй, получавших сырье из собственных обширных колоний. Они торговали готовыми продуктами и не передавали производство на аутсорсинг: нынешних промышленных сетей в 1895 году не было. XIX и XX век принесли торговую взаимозависимость, а XXI век — сложную систему распределенных цепей поставок.

Углубление трансграничной торговли и инвестиционной деятельности делает перетягивание каната гораздо сложнее, чем в предыдущую геополитическую эпоху. Эволюцию экономической интеграции с XIX по XXI век лучше всего проследить по эволюции идей от Давида Рикардо до Рикардо Хаусманна. Английский классик политической экономии Давид Рикардо наиболее известен как автор теории сравнительных преимуществ и сторонник отраслевой специализации и свободной торговли между странами. Современная экономическая структура мира превзошла самые смелые предположения Рикардо. Экономист из Гарвардского университета Рикардо Хаусманн в своей новаторской книге *Atlas of Economic Complexity* («Атлас экономической сложности»)68 пишет, что глобальная экономика напоминает игру в скрабл, где буквы — технологии, игроки — страны, а слова — продукты. Мы не просто торгуем товарами, мы «торгуем задачами», продвигаясь по цепочке ценностей. Хаусманн исходил из анализа промышленности и торговли, но его выводы в неменьшей мере применимы и к расширяющейся цепи поставок финансовых и цифровых услуг.

Оба Рикардо оказались правы. Во многих отраслях, таких как автомобилестроение и электроника, отношение импорта к экспорту составляет примерно 50 процентов, а это означает, что многое из того, что мы поставляем друг другу, произведено из материалов, купленных

в других странах. Более того, раньше финансовое выживание крупнейших компаний гораздо меньше зависело от экспорта, чем, скажем, General Motors и Apple сегодня, более половины продукции которых продаются за пределами США. Запад сейчас как никогда зависим от остального мира: 40 миллионов рабочих мест в США непосредственно связаны с производством продукции на экспорт. Хотя импорт в США постепенно снижается благодаря резервам сланцевого газа, Америка остается торговой страной, поскольку услуги более крупная составляющая американской экономики (и ее экспорта), чем промышленность. Американские услуги не транспортируются, но ориентированы на огромные потребительские рынки Азии.

Согласно геополитической парадигме холодной войны, конкуренты не будут инвестировать в экономику друг друга, что США и СССР и не делали. Но нынешние устойчивые потоки глобальных инвестиций между «заклятыми друзьями» ясно показывают, насколько далеко мы ушли от Вестфальского мира к миру цепей поставок. Ведущие мировые державы финансово интегрированы, причем инвестиционные связи так же важны, как торговые отношения. Это выражается в форме активов стоимостью в триллионы долларов, вложенных в валюту и ценные бумаги друг друга, а также в материальные производственные активы — заводы, недвижимость, банки, сельское хозяйство, приобретенные на территории других стран для обеспечения эффективного и прибыльного доступа к рынкам друг друга. Таким образом, цепи поставок устраняют причины для конфликтов, тогда как отсоединение от них повышает вероятность столкновений.

Утверждение, что глобализацию можно быстро отменить, — непреднамеренная пропаганда логики войны. Да, американские военные корабли патрулируют Ормузский пролив, в то время как китайские суда окружили спорные острова в Тихом океане, а Индия модернизирует ядерный арсенал и флот, но это вовсе не значит, что межгосударственные конфликты — естественный порядок вещей. Иначе как еще объяснить тот факт, что после столетия мировых войн, последовавшего за ним десятилетия гражданских войн и десятилетия «борьбы с терроризмом» глобализация продолжает расширяться и углубляться? Война — это событие, а создание сети — процесс.

Гиперсвязанный многополярный мир не нанесен на карты, но парадокс перетягивания каната состоит в том, что чем дольше оно

длится, тем больше выигрывает каждый участник. Экономическое принуждение предваряет враждебные военные действия в современном геополитическом маневрировании. Даже несмотря на то что взаимозависимость можно превратить в оружие путем экономических санкций, кибератак, сбоев в цепи поставок, сегодня такая эскалация обходится обеим сторонам гораздо дороже, чем сто лет назад, поскольку они тут же наносят вред собственному бизнесу, работающему на территории конкурента. Доктрина Клаузевица «Война — это продолжение политики другими средствами», сегодня нуждается в уточнении: «Война — это продолжение перетягивания каната другими средствами».

ГЛАВА 7

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК ТОРГОВЛЯ АТОМАМИ И БИТКОИНАМИ

Чем больше вы пытаетесь разобраться в глобальной торговле, тем запутаннее она кажется. Алгоритм, в соответствии с которым выпускается множество простых продуктов, сегодня настолько сложен, что четко ответить на вопрос, где именно они сделаны, невозможно. Производственные цепи поставок начали разветвляться примерно пятьдесят лет назад в результате перемещения значительной части производства, от электроники до одежды, на территорию «азиатских тигров» (Гонконга, Сингапура, Южной Кореи и Тайваня), Китая, Таиланда, Мексики, а со временем и других стран с низким уровнем оплаты труда и малоквалифицированной рабочей силой, в частности в Индию, Индонезию и другие страны. Сырье, материалы и комплектующие — от болтов, гаек и красителей до меди и стекла — циркулируют по цепи поставок со сборки на шлифовку, упаковку и дальнейшие технологические операции. Подобно пакетам данных, кочующим с одного сервера на другой по всему миру, прежде чем попасть на компьютер вашего соседа, цепи поставок разветвлены и рассредоточены по всему миру.

Глобальные цепочки создания стоимости становятся единым сложным и всеобъемлющим целым. Европейские компании разрабатывают программное обеспечение в США, производят компьютеры в Азии, размещают бэк-офисы на Ближнем Востоке, создают совместные предприятия с местными партнерами для послепродажного обслуживания (ремонт и страхование) на всех

рынках, где работают. Импортная составляющая в экспортной продукции США относительно невысока — всего 15 процентов, но если рассматривать полный цикл вплоть до дистрибуции и продаж, то этот показатель уже достигнет примерно 40 процентов. Главный экономист ВТО Патрик Лоу описывает появление таких «гибридных цепочек создания стоимости» в квантовых терминах: «Физическое и цифровое, производство и услуги, а также добавленная стоимость за счет нематериальных факторов, таких как репутация и компетенция, просто не учитываются современными статистическими методами» [1]. Пора ввести для продуктов маркировку «Сделано везде».

(Карты 24, 25, 26 к этой главе размещены на вклейке.)

Остерегайтесь призывов к корпоративной Америке «вернуться домой». Глобализация — это не односторонний отток рабочих мест, как ее изображают популисты от политики. Американские транснациональные корпорации создали более двух миллионов рабочих мест в Азии и Латинской Америке, сократив около миллиона рабочих мест в США, но при этом также обеспечили новыми рабочими местами внутри страны множество высококвалифицированных рабочих в сфере производства, консалтинга и финансов⁶⁹. Более того, чем больше рабочих мест и богатства американские компании создают за рубежом, тем больше американских товаров покупают иностранцы: экспорт США на рынки развивающихся стран за период с 1990 по 2012 год удвоился. Сокращение американских инвестиций, а значит, и прибыли за рубежом приведет к сокращению инвестиций и внутри страны. Вспомните правила перетягивания каната: будьте осторожны, когда тянете в свою сторону.

Даже то, что выглядит как деглобализация, на самом деле остается глобализацией. Apple — прекрасный тому пример. По оценке экономиста из университета Беркли Энрико Моретти, Apple создала примерно 60 тысяч рабочих мест в Кремниевой долине, из которых только 12 тысяч — сотрудники штаб-квартиры компании в Купертино. «В Кремниевой долине высокотехнологичные рабочие места — залог процветания региона, что доказывает *рост* числа врачей, юристов, кровельщиков и инструкторов йоги», — утверждает Моретти [2]. Благополучие местного сообщества — результат корпоративных инноваций и глобального роста, а не государственных инвестиций. Apple сейчас старается видеть на шаг вперед, накапливая достаточный

запас товаров и приняв стратегическое решение о переносе одной из линий по производству iMac в Техас. В декабре 2013 года CEO компании Тим Кук сказал: «Не думаю, что мы ответственны за предоставление определенного вида работ, но думаю, что мы обязаны создавать рабочие места» [3]. Это существенное уточнение, поскольку даже если Apple инвестирует 100 миллионов долларов в американскую линию сборки iMac, ее продукты по-прежнему в основном собираются из импортных комплектующих, таких как чипы Samsung или экраны Sharp, которые придется *импортировать*, а давний партнер Apple тайваньская компания Foxconn уже имеет производственные мощности в Техасе. Даже наиболее продвинутые экономики не могут обеспечить хороший экспорт без достаточного импорта.

Это особенно актуально для развивающихся стран, повышающих конкурентоспособность за счет приобретения новейших технологий и оборудования за рубежом. Китай импортирует 34 процента мирового оборота электронных комплектующих, без которых он не стал бы крупнейшим экспортером готовых информационно-коммуникационных технологий, составляющих 27 процентов от общего объема экспорта. (Не менее двух третей общей стоимости товаров и услуг во всем мире генерируются за счет стоимости комплектующих.)

Разница между победителями и проигравшими в глобальном перетягивании каната — не в богатстве и бедности, а в *новом* и *старом*. Поскольку Китай нуждается в новейших технологических продуктах для продвижения по цепочке ценностей, при посредничестве ВТО он подписал в 2015 году соглашение о либерализации торговли двумя сотнями критически важных комплектующих. Даже при росте издержек на оплату труда зарубежные компании — производители электроники, текстиля, химической продукции сообщают, что высококвалифицированная рабочая сила в сочетании с интегрированной цепью поставок делает Китай привлекательным для инвестиций. Напротив, страны, ограничивающие импорт за счет завышенных ввозных пошлин, квот и прочих таможенных барьеров, стреляют себе в ногу, взвинчивая расходы местных производителей на приобретение качественных комплектующих, необходимых для производства конкурентоспособной продукции на экспорт⁷⁰.

Поскольку такие меры приносят больше вреда, чем пользы, перетягивание каната в цепях поставок — это не просто протекционизм

в новом обличье. Они работают с более мощным инструментом — взаимовыгодой, а это лучшая защита от чрезмерного экономического национализма. В 2009 году президент Обама ввел таможенные пошлины на китайские шины, чтобы поддержать рабочих в Мичигане и Пенсильвании. Китай нанес ответный удар, повысив таможенные пошлины на автомобили Cadillac, а заодно и на продукцию Honda и BMW, произведенные в США, но продаваемые в Китае. США пришлось отступить. Аналогично резолюция ВТО против запрета Китаем экспорта редкоземельных материалов в 2011 году позволила некоторым странам отплатить за прошлые обиды, пока Китай не отменил этот запрет. Порядок урегулирования споров, практикуемый ВТО, не только наиболее влиятельный инструмент арбитража, но и способ заставить страны не накапливать ресурсы, а делиться ими через рынки. Таким образом, это еще дальше уводит нас от мира национальных государств к миру спроса и предложения.

Взаимовыгода подрывает основы протекционизма, делая его бессмысленным. Действительно, в отличие от закона Смута — Хоули времен Великой депрессии четыреста протекционистских законов, введенных в действие различными странами только в 2013 году, затронули всего 1 процент общего объема мирового импорта товаров. Восемьдесят процентов мировой торговли происходит между и внутри цепей поставок глобальных транснациональных компаний и их филиалов — с чего бы им стремиться платить больше за свои закупки?⁷¹

Обеспечение бесперебойного физического потока товаров даже важнее, чем снижение таможенных тарифов. Соглашение об упрощении процедур торговли, подписанное на острове Бали в 2013 году и предусматривавшее гармонизацию таможенных процедур (сокращение бюрократической волокиты), может привести к росту мирового ВВП на один триллион долларов и созданию 20 миллионов рабочих мест. Согласно исследованию, проведенному Всемирным экономическим форумом и консалтинговой компанией Bain, дальнейшая унификация стандартов цепей поставок обеспечит шокирующий пятипроцентный рост мирового ВВП, тогда как реализация всех подписанных соглашений в рамках ВТО — лишь однопроцентный. Блокчейн-платформа «Эфириум» позволяет заключать стандартизированные и прозрачные контракты между торговыми парт-

нерами вне какой-либо конкретной юрисдикции, что в сочетании с обменом данными о транзакциях в цепи поставок в режиме реального времени существенно сократит издержки на ведение торговли.

Открытость торговли и границ способствует реорганизации мира в функциональные объединения. Несмотря на существенные географические и экономические различия, Канада, Аргентина, Южная Африка, Индонезия, Австралия и другие страны сформировали Кернскую группу для содействия развитию свободной торговли аграрной продукцией, образовав «сельскохозяйственный контур» глобальной торговли. Пять более крупных, чем Бразилия, и быстрорастущих латиноамериканских экономик — Мексика, Коста-Рика, Колумбия, Перу и Чили — создали Тихоокеанский союз в целях увеличения объемов грузоперевозок в Азию, что подчеркивает, насколько для них важна связанность, невзирая на расстояния. Страны — экспортеры высокотехнологичной продукции, в частности США и Германия, объединяются, чтобы проникнуть на защищенные рынки для продвижения нетарифных ограничений, таких как защита интеллектуальной собственности, стандарты охраны труда и окружающей среды, устранение ограничений для инвесторов, защита иностранных инвестиций и приватизация государственных предприятий. Безусловно, свободный рынок пока не включает основные сферы государственного контроля, такие как оборона, здравоохранение, образование и инфраструктура, составляющие около трети мировой экономики. Но по мере превращения в источник непрерывно предоставляемых услуг они тоже станут объектом глобальной рыночной конкуренции.

Объем мировой торговли услугами удваивается каждые пять лет, причем львиная доля торговых сделок совершается через интернет, а не через океан. На сферу услуг уже приходится свыше 60 процентов общего объема мировой торговли, к тому же в ней задействовано более половины всех трудовых ресурсов (оставшаяся часть почти поровну распределяется между промышленностью и сельским хозяйством). Банковские услуги, страхование, разработка программного обеспечения, программирование, консалтинг, дизайнерские работы, архитектура, бухгалтерский учет, юридические услуги и судебные разбирательства, здравоохранение и образование — все это нематериальные, но высокоприбыльные виды деятельности. Более

30 процентов ВВП Америки и Европы генерируются мобильными услугами, а это означает выполнение и доставку в любую точку еще большего объема работы, что крайне важно, если компания намерена извлечь прибыль из быстрорастущих рынков.

Таким образом, транснациональные корпорации тесно связаны и зависимы от рынков развивающихся стран, которые постепенно становятся их основными конкурентами. Согласно исследованию VCG, 73 процента американских компаний полагают, что в течение ближайших 5–10 лет их прибыль на азиатских рынках будет расти, но только 13 процентов уверены, что сохранят преимущество перед местными конкурентами. Япония, Германия, Швеция и Франция, некогда доминировавшие на телекоммуникационном рынке Китая, сейчас конкурируют за его сокращающуюся долю с гигантскими местными компаниями China Mobile, HTC и Xiaomi, рыночная капитализация которых всего после двух лет работы составила 40 миллиардов долларов (по состоянию на 2014 год). Единственный способ сохранить долю рынка в таких условиях — противостоять конкурентам за счет слияний и совместных предприятий. Если не можете победить конкурентов, купите их.

В конечном счете, когда страны становятся богаче, они импортируют больше дорогостоящих товаров — от роскошной одежды до iPhone. Поэтому, пока Китай продвигается по цепочке создания стоимости от традиционных отраслей промышленности, находящихся в государственной собственности, к таким современным конкурентоспособным отраслям, как телекоммуникации и разработка программного обеспечения, он будет ратовать за политику открытости, а не протекционизма. Действительно, именно китайские компании наиболее агрессивно расширяются на глобальном уровне. В 2014 году компания Ericsson удалось заблокировать продажи популярной модели Xiaomi в Индии из-за нарушения патентного законодательства. В том же году компания Huawei подала иск в немецкий суд на компанию ZTE из Шэньчжэня по той же причине!

Печатаем, делимся и — торгуем

Наибольшую угрозу современным правилам глобальной торговли представляет сочетание трехмерной печати (что позволяет производить больше продуктов в «домашнем» регионе) и экономики совместного потребления⁷² (покупается меньше товаров, а уже имеющиеся

потребляются в качестве услуг). Объединение проектно-конструкторских разработок и массового производства в одном регионе способно привести к долгосрочному сокращению объемов перевозок, товарных запасов и складских площадей. Если бы крупнейшие клиенты DHL — оборонные и компьютерные компании, такие как HP, — начали «печатать» на месте все необходимые запчасти на своих или клиентских мощностях, то курьерский бизнес потерпел бы крах. Мало того, поскольку компании на развивающихся рынках испытывают большое давление со стороны клиентов по части сроков выполнения заказов, они не могут долго ждать доставки или ремонта оборудования. Поэтому авиакомпании, поставщики, розничные продавцы компьютеров и многие другие виды бизнеса хотят иметь доступ к полному жизненному циклу продуктов и организовать поставку комплектующих с локальных совместных предприятий.

Но технология не отменяет, а преобразует цепи поставок. Следует помнить, что для «печати» продуктов в больших масштабах требуется значительное количество сырьевых материалов — неважно, органического происхождения или пластмассы, — причем большинство из них все еще придется импортировать, чтобы обеспечить работой трехмерные принтеры, которые тоже могут быть изготовлены из комплектующих со всего мира. Какие-то цепи поставок исчезнут, а какие-то расширятся. Вряд ли сократится объем перевозок, скорее изменится сам *объект доставки*. Продукт может разрабатываться в одном месте, а затем передаваться на заводы, расположенные недалеко от клиентов, и там изготавливаться на 3D-принтере с использованием материалов, собираемых в одном месте и загружаемых в картриджи в другом. Производство будет иметь глобальные масштабы независимо от того, насколько конкурентоспособны ваши технологии. Не путайте физику и логистику [4].

Американские компании существенно выиграли бы, если бы вместо решения дилеммы, *где* производить продукт, больше думали о том, *что* производить, и прежде всего о дизайне технически сложных продуктов. Проект Ara от Google олицетворяет эту тенденцию, поскольку его цель — создать эквивалент магазина компонентов для модульных смартфонов, которые пользователи могли бы разрабатывать, продавать и пересылать кому угодно и куда угодно, чтобы собирать персонализированные модели мобильных телефонов. То же самое

справедливо и для медицинского протезирования и беспилотных автомобилей: не имеет значения, где изготовлены протезы или запчасти, гораздо важнее, кто из их разработчиков лидирует на рынке. Австралийская компания, выпускающая медицинское хирургическое оборудование для Китая, решила, что проще «печатать» детали в Китае, чем в Австралии, с использованием титановых запчастей. Интеллектуальная цепочка ценностей выигрывает от сотрудничества даже при перемещении реальной цепи поставок.

ГОРИЗОНТАЛЬ + ВЕРТИКАЛЬ = ДИАГОНАЛЬ

Понять суть великой войны цепей поставок поможет одна простая формула: горизонталь + вертикаль = диагональ. Конкуренты хотят стать горизонтальными узлами производства и распределения и вертикальными центрами в процессе создания стоимости, что в совокупности продвигает их по диагонали на лестнице экономической сложности.

Например, использование США огромных запасов сланцевой нефти стало не чем иным, как гигантской дозой стероидов для команды Северной Америки по перетягиванию каната, тогда как падение цен на нефть резко увеличило финансовую нагрузку на арабские и африканские нефтедобывающие страны. Даже небогатые ресурсами страны могут стать ключевыми горизонтальными игроками. Сингапур — небольшой рынок без запасов сырья — ведущий перевалочный порт, экспортер продуктов нефтепереработки, торговый центр со специализацией на сырьевых товарах. Он не борется за цепи поставок, а имеет колоссальную прибыль только на том, что облегчает их использование другим.

В горизонтальном перетягивании каната шантаж может стать эффективным инструментом построения государства. Например, в то время как Запад ввел крайне серьезные санкции против России в 2014 году, Индонезия потребовала от иностранных горнодобывающих компаний Newmont и Freeport-McMoRan увеличить отчисления роялти за доступ к месторождениям минеральных ресурсов и строительство нефтеочистительных и нефтеперерабатывающих заводов. Это повысило бы долю добавленной стоимости, создаваемой в Индонезии, а заодно и прибыль. Россия негласно поддержала этот шаг, поскольку спор временно заморозил индонезийский экспорт никеля, подняв на него мировые цены именно в тот момент, когда гигантская ГМК

«Норникель» подпала под санкции. В последнее время Индонезия пыталась запретить покупку иностранных судов и одежды секонд-хенд, чтобы укрепить собственное судостроение и швейную промышленность, угрожая разорвать инвестиционные договоры с десятком стран, если те не согласятся на заключение новых контрактов, в которых не предусматривается международный арбитраж в случае экспроприации.

Морские перевозки и производство сырьевых товаров влияют и на гонку вооружений, и на результаты перетягивания каната в геополитике ресурсов. Компании Rio Tinto и ВНР Billiton, добывающие большую часть австралийской железной руды, были ее основными импортерами в Китай, притом что он тоже один из крупнейших производителей железной руды в мире. Чтобы повысить конкурентоспособность на китайском рынке, бразильский горнорудный гигант Vale снарядил целый флот судов грузоподъемностью 400 тысяч тонн, способных доставлять руду в Азию, огибая южный мыс Африки. Но китайские грузоотправители выступили против разрешения судам Vale швартоваться в китайских портах. Грузоподъемность китайских судов на то время составляла 250 тысяч тонн. Стремясь перехватить рынок у бразильцев, Rio Tinto и ВНР Billiton встали на сторону китайцев, не в последнюю очередь потому, что китайская компания Chinalco — крупнейший акционер Rio Tinto. Тем не менее Rio Tinto и ВНР оказались предметом политически мотивированной антикоррупционной «охоты на ведьм» в Китае. Между тем в конце 2014 года Vale открыла рейдовый перевалочный комплекс по обработке морских грузов на западном побережье Малайзии, чтобы перегружать железную руду на суда меньшей грузоподъемности, сортировать ее на различные классы и распределять по кораблям, направляющимся в Китай, Японию и другие страны. Все три компании — Rio Tinto, ВНР и Vale — по умолчанию заинтересованы в росте добычи, даже несмотря на риск перепроизводства, поскольку это позволит им вытеснить с рынка мелких игроков, включая китайские компании, и создать картель «Большой тройки», способной диктовать цены Китаю. Хотя последний всячески этому противодействовал, он понимал, что единственный способ нейтрализовать сформировавшийся «Тройственный союз» — сделать его партнером по цепи поставок.

По мере продвижения по цепочке создания ценностей перетягивание каната ужесточается. В киберпарке Eastwood City в Маниле разместился шумный комплекс высотных офисных зданий, где около 30 тысяч сотрудников кол-центров работают по графику, который зависит от обслуживаемого ими часового пояса, — так раньше делали сотрудники кол-центров в Бангалоре (Индия), пока филиппинцы не вытеснили их с рынка, предложив аналогичные услуги. Интенсивная конкуренция между узлами доказывает, что глобальная экономика влияет на нашу работу гораздо сильнее, чем география или продолжительность светового дня. Бывший CEO Citicorp Уолтер Ристон как-то написал: «Часовые пояса значат больше, чем границы» [5], и действительно, некоторые экономисты недавно предлагали уменьшить количество часовых поясов в США до двух [6].

Если горизонтальное перетягивание каната можно считать ресурсным меркантилизмом, то вертикальное — это инновационный меркантилизм, то есть захват наиболее технологически сложных и финансово прибыльных сегментов стратегических отраслей. В вертикальном перетягивании каната ценность важнее, чем объем. Китай экспортирует в двадцать раз больше часов, чем Швейцария, но любые швейцарские часы в среднем в триста раз дороже китайских. Германия создает 60 процентов добавленной стоимости в общей стоимости экспорта, а Китай — только 30 процентов.

Вертикальное перетягивание каната — это когда крупнейший клиент одновременно становится крупнейшим конкурентом. С 1950-х годов азиатские страны были главными получателями инновационных американских разработок в таких ключевых технологиях, как производство полупроводников, и неуклонно продвигались по цепочке создания ценностей благодаря сочетанию аутсорсинга и передачи технологий. Япония и Южная Корея стали крупными экспортерами электроники и автомобилей в 1960–1970-х годах. IBM начала выпуск чипов в Азии в 1980-х, а к 1990-м Япония захватила 70 процентов рынка чипов памяти. Мощные цеха по производству полупроводников в Южной Корее и Тайване сделали их глобальными игроками на рынке процессоров, пока Китай прибирал к рукам рынок солнечных батарей из фотоэлектрических преобразователей.

В течение первого десятилетия XXI века Япония, Корея, Тайвань и Китай активно стимулировали развитие инновационных экосистем

за счет финансирования исследований и разработок, субсидий и гарантированного выкупа продукции компаний [7]. Типичный пример — поддержка Японией спутников компании NEC в целях увеличения доли рынка в борьбе с американскими и европейскими конкурентами. Сегодня Toyota City неподалеку от Нагои и Samsung Town в Сеуле представляют собой вертикально интегрированные экосистемы исследований, проектирования, менеджмента и производства комплектующих.

Когда страны конкурируют друг с другом, они делают это по всей цепи поставок. Вашингтон спас General Motors от банкротства не только ради самой компании, но и ради спасения от разорения ее многочисленных поставщиков, а также сохранения около миллиона рабочих мест по всей стране. Создание и развитие стратегических отраслей экономики критически важны для поддержания высокого уровня занятости и квалификации работников.

Перетягивание каната предполагает использование захваченной доли рынка как способа заставить промышленных инноваторов спонсировать продвижение населения по цепочке создания ценностей. Хотя авиакомпании ОАЭ имеют финансовую подушку безопасности, немецкое и французское правительство тоже предоставляют скидки и субсидируют свои авиакомпании на покупку десятков самолетов Airbus из-за десятков тысяч рабочих мест, которые их производство создает в Европе⁷³. При этом ОАЭ оказывают давление на авиастроителей, требуя размещать мощности по техническому обслуживанию и ремонту в Дубае, чтобы обеспечить работой и необходимыми навыками местное население.

Восхождение Китая по глобальной цепочке ценностей говорит о том, что он так же стратегически — если не более — относится к борьбе по перетягиванию каната, как и к обычной войне. Политика защиты национальных промышленных компаний воплотилась в стратегические субсидии для стимулирования экспорта. Китай хочет не просто собирать миллионы iPhone, зарабатывая по 8 долларов на каждом, но и разработать собственный iPhone, например, компанией Xiaomi. «Сделано в Китае» все чаще означает «Сделано Китаем». Китай быстро вытесняет иностранные компании со своего рынка (от телефонов ZTE и железнодорожных вагонов CRRC до шахтового оборудования LiuGong) и конкурирует в глобальном масштабе

с теми же компаниями, чьи инвестиции в свое время обусловили рост его экономики. После покупки подразделения персональных компьютеров IBM компания Lenovo теперь крупнейший производитель настольных компьютеров и ноутбуков. Китай также активно покупает передовую промышленную робототехнику, чтобы поддерживать темпы промышленного роста в условиях старения населения и увеличения издержек на оплату труда⁷⁴.

Ради продвижения по цепочке ценностей Китай использует невероятно сложные способы хищения интеллектуальной собственности, как, скажем, терабайты информации о новейшем многофункциональном истребителе-бомбардировщике F-35, — и это только один случай из множества. Вскоре после начала сотрудничества с компанией Westinghouse китайские хакеры умудрились выкрасть информацию о проекте атомной электростанции.

Китай не единственный охотник за чужими секретами. Рави Венкатсан, бывший председатель совета директоров Microsoft India, отметил, что индийские компании рассматривают «копирайт» как «право на копирование» [8]. Высокорентабельная оборонная промышленность также является целью Индии. Нарендра Моди удвоил бюджет военных закупок до 19 миллиардов долларов, но вместо того чтобы сделать щедрые заказы Lockheed, Boeing и BAE, Индия требует создания совместных предприятий, передачи технологий и размещения производства внутри страны. Индия также планирует вчетверо увеличить военно-морской флот, но все корабли намерена строить на собственных верфях. «Сделано в Индии» — это новая индийская мантра. Nokia некогда занимала 75 процентов индийского рынка смартфонов, пока местная компания Micromax не изменила это соотношение в свою пользу. Только у трети индийцев дома есть холодильники — по большей части импортные, LG, Samsung и Whirlpool, — но местные бренды твердо настроены захватить оставшиеся две трети рынка. Аналогично после ужесточения контроля качества индийским фармацевтическим компаниям не только удалось захватить внутренний рынок, но и около 40 процентов импорта лекарств-дженериков в США. Это существенно снизило прибыли крупных фармацевтических компаний США, зато стало божьим благословением для рядовых американцев.

Некоторые западные компании решили защитить свою интеллектуальную собственность путем размежевания исследований и готовых разработок: проводи исследования дома, а совершенствуй продукт на местах. Но при этом они рискуют потерять доступ на китайский рынок, поэтому идут ва-банк: Daimler согласился начать выпуск двигателей к автомобилям Mercedes в Китае. Формулу прибыльности компании в Китае в долгосрочной перспективе — веди исследования и разработки за рубежом, действуй независимо внутри страны или обзаведись местными партнерами, кровно заинтересованными в защите интеллектуальной собственности, — поняли далеко не все западные компании. Напротив, в 2015 году IBM начала лицензировать серверные и программные технологии пекинской компании Teamsun, склонной к заимствованию инноваций IBM для разработки собственных аналогов. Скоро западные компании будут искать способ встроиться в китайские цепи поставок, а не наоборот.

У Китая достаточно земли, трудовых ресурсов, капитала, технологий и знаний, чтобы выпускать практически все. Несмотря на повышение зарплаты и ужесточение конкуренции, объем промышленного производства и занятость продолжают расти, а импортная составляющая в товарах, предназначенных на экспорт, быстро снижается. Иными словами, Китай становится самодостаточным экспортером товаров с высокой добавленной стоимостью. Единственный способ сохранить конкурентное преимущество — выпускать технологически сложные продукты, которые больше не производит никто (хотя бы пока). Германия, Швейцария, Финляндия, Япония и Сингапур лидируют в рейтинге экономической сложности. Германия не только практически не утратила конкурентных позиций в Китае, но и увеличила экспорт благодаря потребности Китая в инновационных химических продуктах и прецизионных станках, производимых высококвалифицированными рабочими Германии.

В 1970-х годах коммунистическая Восточная Германия была для китайских экономистов, занимающихся макроэкономическим планированием, образцом для подражания. Нынешняя объединенная Германия — пример для Китая по сложности товаров и конкурентоспособности экспорта. В конце XIX века Германия доминировала над континентальными конкурентами, а в XXI веке она

стала высокотехнологичной социальной демократией. Китай стремится стать гигантской Германией — и времен Бисмарка, и времен Меркель.

ГЕНОФОНД И ЦЕНТРЫ ХРАНЕНИЯ ДАННЫХ О ПРОДОВОЛЬСТВИИ

Глобальные системы минеральных ресурсов и продовольствия постоянно пребывают в движении, а производство то расширяется, то сокращается под влиянием климатических, технологических, геополитических и прочих факторов. Долгие годы добычу и переработку редкоземельных металлов в Китае контролировали немногочисленные, в основном государственные компании, что позволило им заблокировать всю цепь поставок электроники, когда Китай временно запретил экспорт редкоземельных металлов в 2011 году. Но, как и нефтяной кризис 1970-х, этот геополитический риск заставил США, Канаду, Индию, Казахстан и Австралию инвестировать в поиск новых источников сырья [9]. Так же как распределенная энергетика, альтернативные технологии и возобновляемые источники энергии положили конец диктату ОПЕК над нефтяными ценами, предпочтительнее разнообразить цепи поставок минерального сырья.

Еще более интересная история связана не с конкуренцией за материальные ресурсы, а с их замещением. Ученые разрабатывают синтетические материалы для замены ими ценных редкоземельных элементов, что одновременно позволяет радикально сократить цепи поставок. В рамках проекта Массачусетского технологического института «Материалы» используются высокопроизводительные компьютеры для виртуального тестирования искусственных материалов, которые затем выпускаются такими аффилированными компаниями, как, например, стартап Xtalic, чьи высококвалифицированные металловеды способны изменять свойства металлов на атомном уровне. Xtalic разработал и «напечатал» инновационные сплавы, обладающие свойствами золота, а кроме того, синтезировал вещество графен, более легкое и прочное, чем углеродное волокно. Компания Pa Technologies со штаб-квартирой в Сингапуре производит алмазы чистой воды в специальных лабораториях путем осаждения углерода на алмазное зерно, не нарушая ничьих прав и обеспечивая растущую долю рынка прецизионного оборудования и ювелирных изделий. Прогресс в разработке наноматериалов может

привести к безводному фрекингу сланцевого газа, создав возможность более надежного бурения в богатых сланцевым газом, но бедных водой странах вроде Китая.

Потребность в редкоземельных элементах даже побуждает нас выходить в космос — своего рода восьмой континент. Китай отправил на Луну зонды в качестве первого шага к созданию будущей лунной цепи поставок, в то время как основатель премиального фонда XPRIZE Питер Диамандис и председатель совета директоров Google Эрик Шмидт инвестировали в компанию, планирующую бурить шахты на астероидах в поисках ценных минералов. Вокруг космической экономики уже начала складываться глобальная цепочка создания стоимости, включающая комплектующие к спутникам, пусковые устройства, наземные мониторинговые станции и прочие необходимые системы, созданные, распределяемые и развернутые в различных странах и стратосфере для получения и обработки данных.

В пищевой промышленности можно найти еще один пример комплексных сетей цепей поставок и корпоративных союзов, на основе которых они создаются. Норвежская компания по производству морепродуктов Marine Harvest, которая выращивает треть фермерского лосося в мире, расширилась за счет слияний и поглощений на двадцать стран, вплоть до Чили. Хотя глобальное производство и дистрибьюторские сети разрастаются, новые технологии вроде более эффективного фотосинтеза могут резко увеличить урожайность даже в странах с неблагоприятным климатом. (Недавно Фонд Гейтса объявил, что его приоритетом до 2030 года будет содействие африканским фермерам в достижении продовольственной самообеспеченности.)

Аквапоника — еще один пример сельскохозяйственной революции: новые центры выращивания продовольствия. Эти высокотехнологичные парники не нуждаются ни в естественном освещении, ни в почве, к тому же потребляют не более трети объема воды, требуемой для традиционного земледелия, поэтому их даже трудно назвать теплицами. Калифорнийский стартап Famgro использует искусственное освещение в совмещаемых блоках, внешне напоминающих накрытые просмоленным брезентом ряды компьютерных серверов, и 24 часа в сутки семь дней в неделю выращивает продукты питания. Достаточно воткнуть семена базилика,

салата-латука, капусты, шпината или люцерны и запустить компьютерную программу. На постоянно впрыскиваемых удобрениях растения созревают недели, а не месяцы. Когда подносы с растениями достают из блока, воду даже можно рециркулировать. Famgro уже продает через интернет-магазин FreshDirect свою продукцию в Калифорнии и Нью-Йорке, но самым крупным рынком для гидропонического оборудования компании станут полностью зависимые от импорта продовольствия страны, не имеющие плодородных земель, такие как ОАЭ или Сингапур. Они могли бы развернуть производство продовольствия на гидропонике в гигантских ангарах или подземных бункерах.

Аквапоника позволяет производить большие объемы продуктов питания в местах с холодным климатом. В Исландии в аквапонических парниках удачно сочетаются избыток пресной воды (для растений), гидроэнергетика (для производства электроэнергии) и геотермальные источники (для обогрева), благодаря чему можно одновременно выращивать томаты и разводить рыбу. Финляндия, ежедневно импортирующая несколько тонн салата-латука для своих ресторанов быстрого питания и продуктовых магазинов, постепенно замещает импорт собственным аквапоническим производством. Означает ли это конец эры сельскохозяйственной глобализации? Конечно нет. Испания и Италия просто продадут больше салата остальным 190 странам, которые его не выращивают, так же как Исландия продает избыток овощей странам Северной Европы. В любом случае сокращение цепи поставок — это позитивный факт, поскольку пищевая промышленность, от производства удобрений до транспортировки, генерирует около 25 процентов глобальных выбросов парниковых газов.

«Замкнутый круг поставок»

От автомобилей Tesla нет выбросов парниковых газов, но их цепи поставок необязательно экологически чисты. Компания Tesla импортирует алюминий для кузовов автомобилей, медь и литий для аккумуляторов, а они могут быть из Афганистана, Боливии или России. Даже «домашняя» Tesla содержит комплектующие из Европы, Южной Америки и прочих регионов. Чтобы цепи поставок компании были действительно устойчивыми, ей нужно сотрудничать с голландскими предприятиями, чьи новые аккумуляторные заводы в Боливии ведут

экологически безопасную добычу лития и инвестируют в сокращение вредных выбросов от выплавки алюминия, или вообще отказаться от его использования в автомобилях следующего поколения.

Только анализ всей сети производства и его воздействия на окружающую среду позволяет точно установить цену и налоги на товар, исходя из экологических последствий. Такие комплексные бухгалтерские расчеты помогают определять стоимость и ценность продукта за весь цикл его существования: добыча ресурсов и энергия, затраченная на производство; количество созданных рабочих мест и топлива, израсходованного на упаковку, транспортировку и реализацию; влияние его эксплуатации и технического обслуживания на население и окружающую среду; переработку и утилизацию. Правительства и компании, которые собирают и анализируют такие данные, обычно гораздо эффективнее эксплуатируют и модернизируют производственные мощности. Только в Европе подход «замкнутый круг поставок» обеспечил около 380 миллиардов долларов экономии за счет переработки, модернизации и обновления комплектующих к компьютерам⁷⁵.

Оборудование, которое создает и продвигает наши экономики, имеет огромную вторичную ценность. Эффективная система спроса и предложения способна быстро перенаправить краны, трубоукладчики и гидравлические лифты туда, где они необходимы, а не производить их заново в избыточном количестве. Аналогично автомобили из западных стран можно отправить за рубеж, где на них будут ездить еще несколько лет перед окончательной утилизацией. В мире, где все продается и имеет свою цену, переработка мусора — отличная экономическая возможность. В Лагосе размещен крупнейший в мире завод по переработке компьютерных комплектующих. Узкие грязные улочки трущоб района Дхарави в индийском Мумбаи — один из наиболее организованных центров по переработке мусора из когда-либо мной виденных, со сборщиками выброшенных вещей, которые сносят их со всего города на специально отведенные точки для измельчения и отправки на переработку. Связанность позволяет эффективнее использовать, передавать и обмениваться практически любыми инструментами и вещами. В «замкнутом круге поставок» даже появился новый этап — вторичное использование, благодаря которому переработанные отходы выступают в новом неожиданном качестве:

пластик становится мебелью, шины — обувью, транспортные контейнеры — двухкомнатными домами для перенаселенных городов или лагерей беженцев. Мир цепей поставок будет гораздо надежнее, если его строить на важном принципе экономики совместного потребления: неиспользованная ценность — это бесполезная ценность.

ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРОДАВАТЬ ДОМА

Полвека назад компания GE Appliance производила потребительские товары в Appliance Park в Луисвилле — производственном городке вроде свободной экономической зоны с собственной электростанцией, пожарной частью и почтовым индексом. Растущие издержки, трудовые споры и аутсорсинг уменьшили количество рабочих мест с максимальных 20 тысяч в 1970-х годах до 1800 в 2008-м. Но в 2012 году GE Appliance открыла новую сборочную линию для производства водонагревателей, которые ранее выпускались в Китае, и линию сборки холодильников, до этого собиравшихся в Мексике. В настоящее время GE планирует инвестировать 800 миллионов долларов в возрождение Appliance Park.

Существует много веских причин для такого решения: создание рабочих мест, повышение качества продуктов, защита интеллектуальной собственности. И все же общий объем производства в США продолжает снижаться, и его доля в национальном ВВП упала ниже 12 процентов. На каждое рабочее место, созданное внутри страны, приходится несколько, переданных на аутсорсинг⁷⁶. Поскольку расходы на электроэнергию составляют не более 5 процентов от общей суммы издержек американских производителей, тогда как зарплаты китайских рабочих на три четверти меньше зарплат американских рабочих, математика по-прежнему «голосует» за производство с минимальными затратами и как можно ближе к потребителям.

Цепи поставок в равной мере обслуживают спрос и предложение, поэтому чем требовательнее становятся клиенты, тем больше компаний перемещаются к ним поближе. Две трети глобального производства уже располагаются рядом с конечными потребителями, и развертывание местного производства и индивидуальный подход могут стать единственным способом конкуренции с набирающими силу местными производителями. Например, компания Cadbury перевозит какао из Западной Африки на новые шоколадные фабрики в Индонезии, где

выпускаются конфеты со специальными добавками, адаптированными к местным вкусам.

Улучшение инфраструктуры и логистики, гармонизация таможенной политики, снижение транспортных издержек, доступ к рынку и его размер станут определяющими факторами размещения производства. Поскольку европейцы доминируют на рынке высококачественных автомобилей, они всегда покупали больше своих автомобилей, чем импортных. Аналогично американцы покупают больше машин, произведенных в США, хотя на дорогах страны по-прежнему столько же Toyota, Honda и Nissan, сколько Ford и Chevrolet. Американских автомобилестроителей волнует вопрос, будут ли азиаты продолжать покупать их машины по мере развития собственного производства. В каждом регионе качество автомобилей повышается, и все борются за долю на мировом рынке. Растет и количество совместных предприятий на основе слияний и поглощений, о чем свидетельствует, в частности, слияние компаний Fiat и Chrysler в 2014 году, вылившееся в конгломерат со штаб-квартирами в Англии и Нидерландах. Кроме того, можно вспомнить о долговременном партнерстве Шанхая и компании Volkswagen или Шанхая и GM (совместно они доминируют на самом быстрорастущем рынке автомобилей в мире). Действительно, с 2009 года GM потратила 16 миллиардов долларов на модернизацию заводов в США и столько же планирует потратить в Китае до 2020 года.

В итоге все больше компаний реорганизуются по образцу Dell, третьего по величине производителя компьютеров в мире (после HP и Lenovo), которая в 1990-х стала пионером по производству персональных компьютеров в региональном разрезе, разместив штаб-квартиры, сборочные линии и цепи поставок в каждом из ключевых регионов мира: обеих Америках, Европе, Ближнем Востоке, Африке (EMEA) и Азиатско-Тихоокеанском регионе [10]. Поскольку рыночная доля Dell по сравнению с основными конкурентами снизилась, компания сосредоточилась на сокращении времени доставки продуктов потребителям за счет расширения площади складских помещений и хранения на них наиболее популярных среди местных покупателей моделей. Самые успешные компании в мировой сети поставок превращают оксюморон «массовая персонализация» в реальность.

Западные компании особенно нуждаются в бесперебойных инвестициях и продажах, поскольку большая часть растущего класса потребителей уже проживает за пределами Европы. В такой сфере тяжелой инфраструктуры, как энергообеспечение (ядерные реакторы и ветрогенераторы) и аэропорты, иностранные клиенты для западных компаний — единственная возможность выжить. Именно из-за сокращения численности населения высокотехнологичный сектор Японии как никогда зависит от экспорта и инноваций в области промышленной робототехники внутри страны. Продвижение по цепочке ценностей стало самоцелью, устойчивой и прибыльной. В то время как в одиннадцатом пятилетнем плане Китая приоритет отдавался нефтедобыче и перевозкам, в двенадцатом пятилетнем плане ставка сделана на возобновляемые источники энергии и электромобили — все эти технологии Китай намерен и применять внутри страны, и экспортировать на рынки развивающихся стран.

Антуан ван Агтмаэль, автор термина «развивающиеся рынки», подчеркивает, что ключевым фактором корпоративной стратегии остается «борьба за миллиарды потребителей на рынках развивающихся стран» [11], особенно за две трети населения мира, проживающего в Африке и Азии, где продукты китайских и индийских компаний гораздо дешевле, чем компаний из западных стран. Западные аналитики часто упускают из виду быструю глобализацию азиатских компаний именно потому, что те стремятся закрепиться в развивающихся регионах, где конкуренция менее жесткая, чем в США. Как поясняет CEO компании Huawei, отсутствие доступа на американский рынок «не особо влияет» на общую сумму прибыли ввиду ее быстрого роста в остальных регионах мира.

ПРОДОЛЬНЫЙ МИР?

Парадокс сетевого мира кроется в сочетании бурного расцвета глобализации и многократного усиления последствий непредсказуемых сбоев. Как пишет исследователь цепей поставок Барри Линн, «...наши корпорации создали самую эффективную из когда-либо существовавших систему производства, идеально подстроенную под мир, в котором не может случиться ничего плохого» [12]. Таким образом, несмотря на конкуренцию за долю глобального рынка, наиболее могущественные корпорации стараются обезопасить себя от перебоев в поставках, развивая собственные производственные

мощности, выпуск продуктов питания, поставки топлива и прочих предметов первой необходимости. В этом случае будущая геополитическая карта мира может напоминать измененные оруэлловские панрегионы: обе Америки, ЕМЕА, Азиатско-Тихоокеанский регион, каждый из которых использует собственные природные и трудовые ресурсы и промышленное производство для удовлетворения своих потребностей. Выиграет ли Америка великую войну за цепи поставок или победят другие панрегионы?

С точки зрения растущего производства электроэнергии и продуктов питания, а также стабильной численности населения, западное полушарие гораздо ближе к полной самообеспеченности, чем остальная часть мира. США со своими продвинутыми технологиями и промышленным потенциалом может не только разрабатывать, но и выпускать iPhone дома, что означало бы достижение вершины цепи поставок — доминирование в области высокотехнологичного производства и экспорт его продукции в другие страны мира. ЕМЕА также может повысить степень самообеспеченности за счет арктических, российских, арабских и африканских ресурсов энергии и продовольствия. Хотя сегодня Азия — крупнейший импортер топлива с Ближнего Востока, растущая повсюду, от Сибири и Китая до Индонезии и Австралии, добыча газа сократит его импорт в долгосрочной перспективе.

Новая технологическая революция способна ускорить региональное производство электроэнергии в большей степени, чем бум сланцевой энергетики. Земля ежедневно получает от Солнца в восемь тысяч раз больше энергии, чем потребляет. Если бы 550 миллиардов ежегодных вложений в добычу сланцевой нефти были потрачены на исследования и разработки в области альтернативных и возобновляемых источников энергии, а также энергосетей для ее передачи, то гораздо больше регионов полностью обеспечили бы себя топливом. Немецкая компания Energiewende уже инициировала установку мощных ветровых турбин в Северном море; в настоящее время 27 процентов электроэнергии в Германии вырабатывается за счет альтернативных источников⁷⁷.

Если бы в крупных странах и панрегионах наблюдалось оптимальное сочетание технологии с электроэнергией, что сделало бы их самодостаточными, глобализация обрела бы преимущественно

продольное измерение. Это была бы взаимозависимость с меньшей степенью интеграции. Америка и Китай могли бы пойти по пути изоляционизма, не имея стимулов выходить за пределы географических границ. Это был бы мир, живущий по принципу «живи сам и давай жить другим», в котором Ближнему Востоку и Восточной Азии не понадобятся американские гарантии безопасности, а ведущие блоки стран смогут защитить свои регионы, расширить сферы влияния и обезопасить большие по объемам мировые рынки.

К сожалению, в мире цепей поставок капитал, даже основные активы вроде заводов, становится настолько взаимозаменяемым, что инвестиции перестают быть символом взаимного доверия. Если купить пакет акций или построить завод в любом уголке мира так же легко, как дома, то в будущем интеграция может сойти на нет. Одно из достоинств политики индустриализации — ее содействие инвестиционной привлекательности и укреплению сотрудничества даже между конкурентами. Передача технологий и создание совместных предприятий тоже усиливают экономические связи, которые трудно разорвать даже в условиях растущего геополитического напряжения.

ГЛАВА 8

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ АЛЬЯНСЫ ВЫБОР ПРАВИЛЬНОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

На протяжении веков геополитика считалась синонимом захвата территорий, доминирования над соседями и соперниками. Сегодня ее важнейший принцип — конкурентная связанность: выигрывает тот, у кого ее уровень выше. Безусловно, государства должны *защищать* свои границы, но гораздо важнее *контролировать* торговые пути и трансграничную инфраструктуру. Все великие стратеги согласны с утверждением: «Любители рассуждают о стратегии, профессионалы говорят о логистике».

Империи всегда рассматривали инфраструктуру как инструмент расширения влияния. Римская и Османская империи строили дороги с твердым покрытием, простиравшиеся далеко от их столиц, и наносили их на карты, которыми пользовались армии и торговцы. Начиная с XV века европейские колониальные империи создавали устойчивые цепи поставок и строили административные центры за Атлантическим и Индийским океаном. В середине XIX века британская Ост-Индская компания проложила в Индии целую сеть железных дорог,

а несколько десятилетий спустя Сесиль Родс инициировал попытку (безуспешную) соединить «красной линией» Каир и Кейптаун. Великий британский историк Арнольд Тойнби выступал против установления произвольных границ в таких системах: «Проведение границ приводит в действие сценарий, который обязательно закончится катастрофически... Какие бы решения ни принимали власти империи, интересы торговцев, первопроходцев, искателей приключений и прочих неизбежно выведут их за пределы границ» [1].

(Карты 13 и 30 к этой главе ищите на вклейке.)

Расцвет и упадок империй в одинаковой степени зависели от связанности и географии. Начиная с доктрины Монро и заканчивая испано-американской войной, США в XIX веке вытеснили европейские государства из Карибского бассейна и островов Тихого океана, установив там торговое доминирование. Топографическая разведка стала дополнительной стратегией на твердой земле: исследование рельефа, составление карт, строительство объектов инфраструктуры для расширения влияния на неизведанные земли. В 1803 году Томас Джефферсон инициировал проект по изучению географии купленной территории в Луизиане и выхода к Тихому океану. Чтобы защитить американскую пушную торговлю от британских и французских посягательств, экспедицию под названием «Корпус открытий» возглавили знаменитые исследователи Мериуэзер Льюис и Вильям Кларк. Она стала разведывательной миссией в целях создания военных форпостов вверх по течению Миссури вплоть до нынешней территории Северной Дакоты. С этого момента Америка начала строить путь на Запад. Поскольку у США самая большая протяженность судоходных внутриконтинентальных водных путей в мире, причем реки пересекают страну по диагонали и впадают друг в друга на территории разных штатов, природная география способствует, а не препятствует геополитическому единству. Не менее важна для его укрепления и инфраструктура. Бассейн реки Чикаго — это система искусственных каналов протяженностью 250 километров, предназначенных для соединения Великих озер с рекой Миссури, а затем и с Мексиканским заливом. Именно этот памятник гражданского строительства сделал Чикаго стратегическим центром в Северной Америке. Опять же, география определяет судьбу страны, только если ей это позволяет связанность.

Именно благодаря топографической разведке возникли такие мегаобразования, как Североамериканский союз и Большой Китай. При этом первый простирается на север до Арктики, а на юг до Латинской Америки, а второй — на юг до Индокитая и на север — до России и Центральной Азии. Эти империи цепей поставок представляют собой сочетание дипломатических, военных и коммерческих инструментов расширения сфер влияния. Отслеживание этой связи, а не чтение всевозможных доктрин позволяет судить о будущей геополитической карте мира.

Искусство создания цепей поставок — естественная основа геополитического статуса, предваряющая наращивание военной мощи. И США в XIX, и Китай в XXI веке сначала стали сверхдержавами цепей поставок, а уж потом заявили о себе как о военных державах. Сначала они добились господства на континенте, провели крупномасштабную индустриализацию за счет импортозамещения и стали крупнейшими экономиками мира. Таким образом, успешная глобальная стратегия всегда многоаспектна: торговля, финансы, энергетика, военная мощь, государственное управление и другие сферы становятся аренами честной игры. Именно поэтому внешние и внутренние приоритеты глобальной стратегии нельзя рассматривать отдельно. Историк из Йельского университета Пол Кеннеди называет нынешнее время «разрывом между стратегическими эпохами», в котором кристаллизуются новые правила. В своей популярной книге *Rise and Fall of the Great Powers* («Взлет и падение великих держав») он подчеркивает, что именно развитая экономика и технологическое лидерство служат основой военного превосходства, а не наоборот. Сбалансированные инновации определяют расстановку сил.

Успешная глобальная стратегия — долговременная доктрина, обеспечивающая взаимодействие средств и целей, — опирается на все ресурсы страны, как государственные, так и частные. Они адекватно оценивают сложнейшую глобальную среду, реалистичны в отношении целей и эффективны в их достижении. Они также должны быть комплексными. Дипломаты обычно различают «высокую» политику, касающуюся вопросов безопасности, политических союзов и контроля вооружений, и «низкую» политику, занимающуюся проблемами экономики, прав человека и охраны окружающей среды. Но в мире цепей поставок эти вопросы тесно переплетены. Например,

соблюдение высоких стандартов при заключении торговых соглашений вроде тех, что США стремятся установить в рамках Транстихоокеанского партнерства, позволит стране восстановить стратегическое влияние в Азии. Почти все заголовки ежедневных газет можно интерпретировать сквозь призму геополитики цепей поставок: отказ автомобилестроительных заводов Теннесси от создания профсоюзов ради привлечения корейских автопроизводителей; тысячи ежедневных хакерских атак в целях хищения корпоративных и технологических секретов компаний; растущие объемы торговли, выраженной в китайских юанях, и тому подобное.

Арсенал борьбы по перетягиванию каната содержит совсем иные средства, чем военный конфликт. Глобальный индекс силы от Национального разведывательного совета США в значительной степени зависит от ядерного оружия и расходов на оборону, но, учитывая маловероятность применения первого и недостаточную эффективность второго, такие факторы, как объем государственных доходов и человеческий капитал, указывают на то, что возвышение Китая произойдет раньше, чем в 2030 году. Не стоит забывать, что сила, как и благосостояние, имеет как номинальное, так и реальное выражение. Номинально США — непревзойденная по мощи страна, но, если опустить ее возможности устрашения, территорию и компетенции, окажется, что эта мощь не такая уж и грозная. И это не вызывает сомнений, если вспомнить, что более чем 200-тысячная группировка американских войск, на содержание которой уже потрачено более триллиона долларов, так и не сумела подавить асимметричное противодействие в Ираке и Афганистане.

Китай тоже страдает от импровизаций в ходе реализации глобальной стратегии и даже случаев явного перенапряжения сил, вредящих самой стране. Декларации китайских властей, как и американских, туманны и противоречивы, тогда как местные власти борются за влияние, а достижение успеха обосновывается уже постфактум. Но Китай твердо уверен в одном: его военная мощь сосредоточена на обслуживании деловых интересов и защите связанности, от которой страна сильно зависит. Обычно для объяснения четкой связи между внутренней и внешней политикой Китая приводится простое уравнение: энергетическая безопасность = экономический рост = политическая стабильность = продолжение

действия устава партии. Эта формула распадается без надежной глобальной подключенности — входящих и исходящих потоков.

Администрации Буша и Обамы, напротив, не смогли превратить военную мощь в фактор влияния, поскольку забыли, что провалы американской внешней политики со времен Вьетнама до Ирака и Афганистана связаны с решениями о вторжении, а не о невмешательстве. Лучшей новостью для США за последние двадцать лет стала счастливая случайность, связанная со сланцевой революцией, но она не имеет никакого отношения к военной мощи.

Иракская война четко обозначила различия между подходами с позиций военной силы и цепей поставок. Если вторжение в Ирак в 2003 году произошло «не ради нефти», почему США пожертвовали четырьмя тысячами жизней собственных солдат и примерно 100 тысячами жизней иракцев? Конечными выгодополучателями от этой войны стали не США и Британия, а скорее Китай и страны континентальной Европы, поскольку именно они получили эту нефть.

Немало и других примеров заявлений США о проделанной «тяжелой работе» по военной интервенции или дипломатическому лидерству, не получавших одобрительного отклика. Годами Государственный департамент США активно отстаивал перед Международным агентством по атомной энергии право Индии и ОАЭ на получение ядерных технологий для мирных целей, но как только оно было предоставлено, эти страны тут же заключили контракты на поставку атомных реакторов с компаниями из Южной Кореи и Франции. Иран, скорее всего, пойдет по тому же пути: такие страны, как Россия, Китай, Индия и Турция, продолжали заключать с ним крупные сделки, невзирая на введенные с подачи США санкции, и сразу после их полного снятия получают преимущества на иранском рынке. Глобальная стратегия цепей поставок рассматривает необходимость проделывать подобную «тяжелую работу» как провал поверхностно мыслящих стратегов.

То, что считалось глобальной стратегией при Буше и Обаме, оказалось переходом от господствующего интернационализма к обычному урезанию расходов. Оба заявляли о защите американских ценностей, но при этом не прояснили вопрос, какими принципами и стратегиями при этом нужно руководствоваться. Стратегия национальной безопасности Обамы 2015 года опиралась скорее

на прошлое, чем на будущее — больше разговоров, чем действий. Глобальная стратегия, в основном ориентированная на сдерживание России, Ирана и Китая, не внушала оптимизма, поскольку привычное бормотание о необходимости «сдерживания» не дает указаний, как его реализовать. Высокопоставленные американские дипломаты забыли, что, стоя на плечах гиганта, самому им не стать, и практически превратились в свадебных генералов, не оставивших почти никакого следа в истории международных отношений, не считая их блестящих биографий. В нынешнем столетии лидеры Америки едва ли ускорили ход истории, не говоря уже о том, чтобы ее творить.

США нужна стратегия на оставшуюся часть столетия. Усталость от войны и строгая экономия бюджетных средств могут по умолчанию запустить сценарий наращивания военной мощи, оправдываемый жизненно важными экономическими интересами. Это согласуется со стратегией цепей поставок: военные действия допустимы только в случае, если ведутся в целях защиты стратегических коммерческих инвестиций, таких как ресурсы и технологические потоки. Для стран-изгоев предназначена так называемая доктрина Пауэлла: широкомасштабные боевые действия можно разворачивать, только если требуется решающий удар, имеющий все шансы на успех, и есть стратегия быстрого выхода из ситуации и широкая поддержка внутри страны и на международной арене.

После двух проигранных войн и глубокого финансового кризиса американцы устали от глобальных авантюр. Но внешняя политика не вопрос выбора в мире, где выживание зависит от связанности. По этой логике размещение дополнительных военных баз в Восточной Азии можно считать направленным не только на защиту от Китая союзников, но и на обеспечение безопасности торговых маршрутов через Тихий океан. (Четверть американского экспорта направляется в Азию, и 40 процентов импорта приходит оттуда же.) ВМФ США будет поручено усилить защиту коммерческих цепей поставок с помощью авианосцев, подводных лодок, беспилотников и прочих видов вооружений. Их цель — защита цепей поставок, а не конкретного союзника. Аналогично и для Китая выделенные ресурсы на защиту цепей поставок будут зависеть от расходов на авианосцы и подводные лодки для патрулируемой зоны в Тихом океане. «Стратегия трех океанов» австралийского флота направлена на защиту СПГ-танкеров

от пиратов, подводных интернет-кабелей от террористических атак, и на перехват кораблей с нелегальными мигрантами, то есть все мобильные активы и угрозы, находящиеся в море.

В то же время в глобальной стратегии цепей поставок вооруженные силы лишь часть более широкого набора инструментов, включающего промышленную политику. Открытие в США крупных запасов сланцевого газа сократило дефицит счета текущих операций по мере падения импорта энергоресурсов. Однако мало что делается для того, чтобы стимулировать компании больше инвестировать внутри страны, скажем, в линии волоконно-оптической связи, высокоскоростные и грузовые железные дороги и другие объекты инфраструктуры, способствующие росту американского экспорта. Не менее важна для США перезагрузка системы образования, исследований и разработок, которые помогут обучить следующее поколение новаторов всему, от робототехники до выращивания генетически измененных семян, что помогло бы США освоить как сельскохозяйственный, так и цифровой спектр глобальной сети цепей поставок. Управление цепями поставок несоизмеримо полезнее, чем контроль любого традиционного поля боя.

Стратегическая цель мира цепей поставок не в доминировании, которое влечет за собой определенные обязательства, а в сбалансированности, генерирующей стоимость. Геополитика теперь вершится не только на шахматной доске, но и в интернете. На шахматной доске США раскрывают зонтик безопасности над европейцами, арабами и азиатами в надежде, что те мирным путем добьются региональной интеграции и смогут избежать войн с Россией, Ираном или Китаем. В интернете США нуждаются в промышленных, финансовых и коммерческих связях с ключевыми глобальными узлами, чтобы восстановить экономическую мощь национальной экономики. Если бы США признали первичность геополитики цепей поставок, это снизило бы вероятность их участия в дорогостоящих военных интервенциях, обычно приносящих больше вреда, чем пользы.

ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЬЯНСЫ

Мы только что пережили четверть века крайне ошибочных представлений о мире, в том числе таких, как «конец истории» и «столкновение цивилизаций», а в прошлом десятилетии наблюдали быстрое разрушение того, что должно было стать еще одним веком *Pax*

Americana. Когда ученые и интеллектуалы пытаются определять эпоху с точки зрения идеологии (а не по реальной ситуации), они ошибочно полагают, что всегда должен существовать один согласованный взгляд на мировое сообщество и его попытки самоутвердиться — либо два противоположных. Но мир цепей поставок — *постидеологический* ландшафт. Россия больше не экспортирует коммунизм, США больше не продвигают демократию, а Китай отказался от маоизма в пользу суперкапиталистического консьюмеризма. От Африки до Азии, где сосредоточена львиная доля населения планеты, господствует бизнес, и только бизнес.

В период холодной войны на большой территории, от Чили до Конго и Камбоджи, между США и Советским Союзом наблюдалась непрерывная конкуренция за привлечение и защиту как можно большего числа союзников среди ранее не представлявших интереса стран. Советы стремились расширить сеть союзников с коммунистической идеологией, в то время как США — предотвратить падение либеральных режимов, подобно костяшкам домино, и переход этих стран в коммунистический лагерь.

Сегодня на геостратегические маневры влияет не идеология, а перспектива привилегированного доступа к ресурсам и инфраструктуре. Например, Китай годами воздерживался при голосовании в Совете Безопасности ООН за независимость Южного Судана, пока очередное протоправительство не пообещало уважать права Китая на разработку нефтяных ресурсов страны в соответствии с имеющимися контрактами с правительством в Хартуме, а также без лишнего шума одобрило проект строительства Китаем нефтепровода непосредственно из Южного Судана через Кению до побережья Индийского океана. Ведущие западные страны тоже более озабочены защитой интересов цепей поставок, а не продвижением демократии. Со времен холодной войны и вплоть до «войны с террористами» морально неприемлемые союзы стали скорее правилом, чем исключением: Пакистан, Египет, Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Узбекистан, Вьетнам, Эфиопия, Уганда, Джибути и многие другие. Более того, отнюдь не поддерживая сепаратизм в Тибете, как ЦРУ в 1960-х годах, и не превознося демократию, как Буш и Клинтон на протяжении двух десятилетий, последний американский посол в Китае Гэри Локк настаивал на расширении деловых возможностей для

американских компаний в провинции с самыми быстрорастущими инвестициями в инфраструктуру — Тибете⁷⁸.

Традиционные альянсы сейчас замещаются заигрываниями, эфемерными партнерствами, основанными на комплементарности спроса и предложения. Россия и Китай — классический пример такого рода: Россия не боится ни одной страны, кроме Китая, но вместе они изображают антизападный фронт для СМИ, в то время как Китай все активнее скупает природные ресурсы в России. Слишком громкими кажутся и заявления Сэмюэля Хантингтона о китайско-исламской оси [2], достаточно было просто констатировать, что «азиаты покупают большую часть арабской нефти», и совместная интервенция Китая и Индии на Ближний Восток в целях защиты поставок газа и нефти, а не кого-то из так называемых союзников, вполне вероятна. Спрос и предложение объясняют геостратегическую динамику внутри западного мира. Когда спрос на такие союзы, как НАТО, падает, они начинают искать себе применение, например в Афганистане. Отсюда и мантра первого десятилетия XXI века о том, что НАТО должно либо выйти «за пределы своего региона, либо прекратить существование». Когда спрос на оборонительные союзы растет, как во времена украинороссийского кризиса или демонстрации силы перед странами Балтии, НАТО оживает. Но иногда НАТО кажется несколько декоративным союзом, особенно если учесть, что многие европейские страны отказываются отправлять в Афганистан свой контингент, не говоря уже об участии в боевых действиях. Экономический интерес в ведении бизнеса с Россией перевешивает необходимость конфронтации из-за Украины. Поэтому ошибочно считать подобные союзы культурными сообществами. Взаимопереплетение отношений между государствами в постидеологическом мире цепей поставок делает невозможными союзы с жесткими обязательствами, поскольку каждый их член постоянно рассчитывает соотношение затрат и выгод от участия в «коллективной» деятельности.

В то время как торговые связи отражают лишь взаимодополняемость экономик, инвестиции предполагают определенные обязательства и тем самым укрепляют доверие. Действительно, лучшим признаком стабильных отношений служит не объем взаимной торговли и даже не совместное участие в тех или иных военных союзах, а объем взаимных инвестиций. США,

Великобритания и Турция — члены НАТО, но истинная причина, по которой они не воюют друг с другом, — количество транснациональных американских компаний, штаб-квартиры которых расположены в Великобритании и наоборот, а также нефтяные компании из западных стран, инвестировавшие в строительство нефте- и газопроводов на территории Турции для поставок энергоносителей в Европу. Их энергетическая цепь поставок напрямую связана с национальной безопасностью. Даже в случае разногласий — например, между США и Турцией по поводу вмешательства в гражданские войны арабских стран — общие цепи поставок все равно гарантируют сохранение союзов. В то же время рост объемов транспортных перевозок, торговли и экспорта энергоносителей с населенными преимущественно тюрками бывшими советскими республиками и Китаем сделали присоединение к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) одним из приоритетов президента Эрдогана. Турция может стать первой страной — членом одновременно НАТО и ШОС, тем самым продемонстрировав, что сотрудничество с Западом и Востоком определяет ее стратегию и перевешивает стремление присоединиться к ЕС.

Добро пожаловать в мир инфраструктурных альянсов, где материальные и дипломатические аспекты — две стороны одной медали. Прочность связей измеряется не цветной кодировкой стран в зависимости от членства в таких клубах, как НАТО, а связующими линиями на карте и перемещающимися по ним потоками товаров и финансовых ресурсов. Инфраструктурные альянсы — нечто большее, чем коррумпированные связи между автократическими режимами. Фактически это генерирующие рабочие места проекты, которые повышают шанс влиться в глобальную экономику для бедных внутриконтинентальных стран. Как показал тщательный анализ традиционных гуманитарных проектов в западных странах, нереалистичные условия финансирования промышленных и инфраструктурных проектов приводили к неоправданным задержкам в их осуществлении и, соответственно, лишали экономику тех рабочих мест, которые могут быть созданы только в этих секторах. Совместное использование инфраструктуры — это совместное повышение благосостояния.

Американцы долгое время считали, и не без оснований, «безопасность» самым важным глобальным общественным благом, полагая, будто мир только и ждет, что США ее обеспечит. После Второй мировой войны военный зонтик США, раскрытый над Европой, позволил ей мирно интегрироваться в самый большой экономический союз в мире. Сегодня американская военная поддержка стран Азии сдерживает китайскую агрессию, и Китай направляет энергию на строительство новых объектов инфраструктуры совместно с соседями (и не только), чтобы укрепить связи с ними, а этого США не в состоянии предотвратить. Напротив, наличие инфраструктуры — и обеспечиваемая ею взаимосвязанность — становится глобальным общественным благом наряду с безопасностью. Страны отчаянно стремятся и к тому, и к другому, и Китай может это предоставить. Учитывая, что большая часть инфраструктуры еще не построена, Китай полон решимости стать ее крупнейшим поставщиком. Многие страны по-прежнему хотят получить военную защиту США, но еще больше они мечтают о недорогом телекоммуникационном оборудовании и финансировании Китаем строительства инфраструктурных объектов. Китай рассылает гораздо больше строительных команд, чем военных для действий на чужой территории.

Европейцы и азиаты уже научились измерять устойчивость своих стран по расходам на инфраструктуру, а вот США все еще оценивают ее исходя из расходов на оборону. Европейские и азиатские компании, особенно из Китая, Японии и Кореи, доминируют в глобальном комплексе «проектирование — строительство — обслуживание», и только Bechtel, Fluor и KBR — узнаваемые американские названия в отрасли. Поскольку азиатские глобальные строительные компании активно используют технологии GE, Siemens и Alstom, вы не услышите от них ворчания по поводу «Китая в Африке». Западные компании, в отличие от дипломатов, давно рассматривают китайскую инфраструктуру за рубежом как обоюдовыгодную. В самом деле, совместная работа западных и восточных компаний в Африке была бы очень выгодна для континента. Только на сотрудничество в борьбе с терроризмом США выделили 30 миллиардов долларов — примерно столько же Китай ежегодно инвестирует в африканскую инфраструктуру. Мир цепей поставок больше концентрируется на разделении труда, чем на распределении сфер влияния.

Естественно, Китай строит все эти объекты инфраструктуры не от щедрости душевной, а ради доступа к сырью и транспортировки его домой для обрабатывающей промышленности и строительства и последующего создания особых экспортных зон неподалеку от ключевых рынков для ускорения пропускной способности. Так выглядит новый сценарий неомеркантилизма для Китая. В дипломатических кругах Китай известен как убежденный защитник государственного суверенитета. Тем не менее, учитывая, что Китай — древняя цивилизация на планете, населенной преимущественно молодыми нациями, становится понятно, почему китайская ментальная карта мира придает географии поставок ресурсов большее значение, чем суверенитету. А поскольку в течение XIX века его суверенитет неоднократно нарушался, Китай не особо переживает, пренебрегая подобными юридическими фикциями в XXI веке. Китай действительно смотрит на мир исключительно сквозь призму цепей поставок. В Новой Зеландии он видит поставщика продовольствия, в Австралии — экспортера железной руды и газа, в Замбии — центр поставок металлов, в Танзании — судоходный узел, а в Гренландии — поставщика урановой руды. Аргентинский ученый Мариано Турси называет свою страну «соевой республикой» в связи с переориентированием ее агробизнеса на обслуживание потребностей Китая [3].

В первые два года пребывания у власти лидеры Китая Си Цзиньпин и Ли Кэцян посетили более пятидесяти стран на всех континентах для подписания инвестиционных договоров. Мощь китайской географии цепей поставок — не в военном влиянии страны на международной арене или военных альянсах, которых не так много, а в ее способности устанавливать взаимовыгодные оси спроса и предложения. В Латинской Америке Китай заключил долгосрочные контракты на поставку венесуэльской нефти, подписал валютные свопы с Аргентиной и поддержал проекты строительства трансконтинентальных железных дорог в Бразилии. С 2008 года Китай предоставил Эквадору 11 миллиардов долларов займов и обещал еще 9 миллиардов в обмен на почти весь экспортный объем нефти. Китай также ключевой иностранный инвестор горнодобывающей промышленности Эквадора. В периоды спада в сырьевых отраслях, как в 2013–2014 годах, страны с сырьевой экономикой больше зависят от

китайских займов, которые предоставляются быстрее, чем кредиты МВФ, и включают условия погашения сырьем, если страна не в состоянии погасить их в денежной форме. Действительно, по мере роста долгов Эквадор фактически продал треть своей площади амазонских дождевых лесов китайским нефтяным компаниям для разработок.

С помощью торговли Китай достигает взаимодополняемости экономик, а влияние наращивает на основе инвестиций. Внешняя торговля страны выигрывает от слабого юаня, поскольку это стимулирует экспорт, но как сверхдержава Китай заинтересован в сильном юане, чтобы закупать больше активов за рубежом. Даже если импорт сырьевых товаров в Китай относительно невелик, все равно он приобретает активы в добывающих отраслях за рубежом. Покупка продуктивных (либо непродуктивных до выкупа Китаем) активов расширяет доступ к рынку и позволяет одновременно наращивать доходы для национальной экономики. Создавая совместные предприятия в принимающих странах, зависящих от него финансово, Китай страхует себя от избыточных требований нанимать больше местных рабочих или передавать предприятия в собственность принимающих стран (вспомните о перетягивании каната). Даже если африканские страны потребуют, чтобы плавка, переработка, производство, сборка или другие производственные процессы осуществлялись на их территории, Китай по-прежнему будет им нужен для финансирования такой модернизации и переподготовки персонала, поэтому все равно получит долю прибыли от этого офшорного экспорта.

В данном подходе заключен банальный прагматизм. По сути, позиция Китая мало чем отличается от позиции глобальных горнодобывающих и энергетических компаний, которые планируют в долгосрочной перспективе добывать ресурсы в беспокойных регионах мира и поставлять их на глобальные рынки. Недаром CEO Rio Tinto Сэм Уэлш вспоминает старую поговорку, популярную в их отрасли: «Должно быть, у Бога отличное чувство юмора, раз он разместил столько ресурсов в таких странных местах». (Это литературная версия шутки.) Энергетические компании ставят на геологию, а не на правительства, зная, что в будущем инвестиции в нее окупятся сторицей. Будь то Экваториальная Гвинея или Восточный Тимор, само

государство что-то значит для мира только до тех пор, пока Marathon, Exxon, Shell, Chevron, Total и другие ведущие нефтедобывающие компании реализовывают свои нефтегазовые проекты. Они учитывают вероятность гражданских войн, экспроприаций и прочих препятствий в работе, держат удар в черных дырах вроде Конго, несостоявшихся государствах вроде Ливии, экзотических монархиях вроде Туркменистана. Но они также знают, что любая власть в этих и подобных им странах — сейчас и впоследствии — долго не продержится, если откажется вести с ними дела.

Пирей: европейские ворота Китая

Флаги Греции, Евросоюза и Китая развеваются рядом, но в том, кто здесь главный, никаких сомнений нет. В древнем греческом порту Пирее, расположенном неподалеку от Афин на побережье Средиземного моря, не наберется и дюжины китайских менеджеров, но в конференц-зале штаб-квартиры Пирейского контейнерного терминала (РСТ) все надписи сделаны на мандаринском наречии (под ними на английском языке), а на противоположных стенах висят фотографии Великой Китайской стены и Акрополя. Когда Греция не смогла получить финансирование на фондовом рынке во время финансового кризиса, ей пришлось передать управление Пиреем китайской компании COSCO — одному из крупнейших контейнерных операторов в мире. С 2010 года COSCO инвестировала в Пирейский порт более 600 миллионов долларов, что стало самой крупной иностранной инвестицией в Греции.

COSCO предложила не только деньги, но и видение места Греции в мире, которое эта некогда гордая цивилизация утратила. Карты, висящие на стенах офисов РСТ, рассказывают большую часть истории: от звезды, обозначающей Пирей, полукругом расходятся стрелы на северо-запад, через Адриатическое море в страны Центральной и Восточной Европы, на запад через Средиземное море к Пиренейскому полуострову, на юго-запад — к побережью Северной Африки, и на северо-восток, через Эгейское и Черное море в Россию. Пирей стал новыми воротами Китая для поставок товаров по всему региону ЕМЕА (Европа, Ближний Восток и Африка), а также их транспортировки через Суэцкий канал. С учетом железнодорожной ветки, идущей с территории порта в свободной экономической зоне прямо на север через Балканы в столицу Чехии Прагу, разгрузка или доставка груза

из Пирея экономит целую неделю по сравнению с отправкой грузов из Роттердама или Гамбурга. В 2013 году компания HP решила перевести отправку своих грузов из Европы в Азию из Роттердама в Пирей. С учетом не облагаемых налогом перевозок, складских услуг и таможенного оформления для всех стран Европы, логистического узла и модели таможенных сборов Пирей приносит почти миллиард долларов в год, что окупает инвестиции COSCO и позволяет финансировать амбициозные планы по расширению портовых мощностей за счет строительства железнодорожного транспортного коридора до Афин.

Пирей — лишь один из транспортных узлов в логистической сети COSCO, в модернизацию которой компания инвестировала по обе стороны Суэцкого канала для всеобщего блага, а не только для собственной выгоды. Сегодня все ключевые мировые и азиатские судоходные линии имеют причалы в РСТ, а кроме того, его используют тридцать европейских компаний. Пирей теперь открыт для бизнеса 365 дней в году.

Фактически Пирей работает не только по законам свободной экономической зоны, но и по китайским законам. Монитор в вестибюле РСТ демонстрирует прогресс, достигнутый портом с 2010 года: ежегодное удвоение складских мощностей и контейнерооборота вернуло Пирей в десятку самых загруженных портов Европы. Одна из причин резкого роста пропускной способности порта — отсутствие забастовок. Здесь нет профсоюзов, но и никто не слышит жалоб, поскольку заработная плата полутора тысяч сотрудников терминала из числа местных жителей намного выше, чем зарплата сотрудников государственного Пирейского порта, чье правление находится по соседству. Когда я проезжал вдоль линии, разделяющей их причалы, не оставалось никаких сомнений в том, на каком из них греки предпочли бы работать: ржавые покосившиеся мостки слева и яркие голубые причалы COSCO справа. Благодаря финансируемой Китаем подключенности греки опять могут гордиться своим стратегическим местоположением.

ОТ САНКЦИЙ К СВЯЗЯМ

В мире всего две страны, где вы якобы не сможете купить кока-колу, хотя на самом деле таких стран нет. Официально запрет на импорт кока-колы на Кубу и в Северную Корею существует уже более

пятидесяти лет. Неофициально китайские контрабандисты годами провозят упаковки самой известной в мире газированной воды через границу, поставляя ее в элитные рестораны для иностранцев и состоятельных местных посетителей, которым говорят, что это «итальянская кока-кола». Во время моей поездки в Пхеньян в 2012 году кока-колу подавали почти в каждом ресторане. Когда в 2013 году Деннис Родман посетил Северную Корею с командой Harlem Globetrotters, он пил кока-колу в компании молодого диктатора Ким Чен Ына. (Компания Coca-Cola отрицает свою причастность к несанкционированному импорту напитка в Северную Корею.)

Coca-Cola управляет одной из самых крупных глобальных цепей поставок, а DHL — второй; на планете нет ни одного уголка, куда они не могут доставить груз в кратчайшие сроки. DHL настолько эффективнее армии США, что последняя является ее самым крупным клиентом — даже мобильные блокпосты. Когда закрытая страна вроде Мьянмы подает знак, что готова вести совместный бизнес, Coca-Cola неизменно одной из первых получает лицензию на работу в соответствии с новым инвестиционным законодательством. Все, что требовалось от Обамы, — снять санкции. Как только он это сделал, цепь поставок компании тут же ожила. На разливочном заводе в районе Хвамби получили работу сразу 2,5 тысячи человек, а еще 22 тысячи были заняты в продаже продукции у 100 тысяч дистрибьюторов, разбросанных по огромной территории страны. CEO компании Мухтар Кент сравнивает возвращение кока-колы в Мьянму после шестидесятилетнего запрета с падением Берлинской стены⁷⁹.

Мир конкурентной связанности смеется над санкциями, введенными одной супердержавой. Недавний опыт с Ираном и Северной Кореей показывает, насколько сложно изолировать страны: даже когда петля американских санкций затягивалась особенно туго, десятки стран и компаний — от нефтетрейдеров до банков — продолжали вести крупномасштабный бизнес с этими так называемыми государствами-изгоями. Например, Китай использовал банк Kunlun из Шэньчжэня, дочернюю компанию Китайской национальной нефтегазовой компании (CNPC), для оплаты иранской нефти; за счет этих средств финансировались военные отряды «аль-Кудс». США пытались использовать как пряник (доступ на свой внутренний рынок), так и кнут (угрозу заморозить операции, проводимые через

американские финансовые компании или партнеров). Активы россиян и иранцев замораживали, а западные банки штрафовали за отмывание денег из этих стран (а также Судана). Но в целом США понемногу убрали барьеры и возобновляли потоки, о чем свидетельствует восстановление отношений с Ираном, постепенное смягчение санкций и разрешение своим компаниям конкурировать и завоевывать позиции на рынке этих стран. То же справедливо и для Кубы, нормализация отношений с которой, то есть возобновление подключенности, восстановит естественное географическое притяжение острова, подорванное полувековым санкционным режимом.

В многополярном мире у каждой страны своя дорога жизни. Из-за огромной зависимости фондового рынка от иностранных инвестиций Россия сильно пострадала в результате санкций, введенных после конфликта с Украиной. Но изолировать ее не удалось: российские бизнесмены создавали фиктивные компании, не упомянутые в санкционных списках, и продолжали успешно сотрудничать с европейцами, к тому же Кремль сразу разрешил широкое использование китайской системы платежных карт UnionPay80. В мире, где любая страна может играть на всех досках и направлениях, у Китая и России всегда найдется кусок пирога, который они успешно разделят.

США все еще не выработали план действий в мире, где все неохотнее идут на применение вооруженной силы, а принудительные экономические меры в виде санкций утрачивают эффективность. Постепенная деамериканизация глобальной финансовой инфраструктуры в пользу двусторонних и региональных соглашений означает, что США и их зарубежным партнерам потребуются новые рычаги воздействия на страны-изгои. Санкции все еще могут причинить им ущерб — к сожалению, в основном населению, а не правительствам, — но их способность изменить проводимую там политику становится все более сомнительной. Поэтому США стоит сосредоточиться на других инструментах управления экономикой. Им следует мыслить с позиций влияния через вовлечение, а не через сдерживание.

Отказ от ложного морализма и возврат к реализму как важному принципу дипломатии во многом способствовал бы расширению глобальной связанности. Решения, основанные на анализе доходов и затрат, а не на жестких идеологических нормах, гораздо быстрее

приведут к компромиссу, мирному сосуществованию и взаимной открытости — и в итоге к более конструктивному и быстрому достижению целей, за которые так ратуют моралисты. Сегодня невозможно «загнать в угол» такие крупные страны, как Россия и Иран. В частности, по мере расширения коммерческих связей долгосрочные интересы, состоящие в доступе к зарубежным рынкам, побеждают идеологические догмы. И все же, как показывают последние двадцать пять инфраструктурных маневров между Западом и Россией, стимулирование роста потоков — лучшая долгосрочная стратегия для решения геополитических проблем.

ОПАСАЙТЕСЬ МОСТОВ ДРУЖБЫ

Когда я впервые посетил Крым в 2005 году, совершив долгую автобусную поездку из Киева и проехав по одному из длинных земляных перешейков, соединяющих материк с полуостровом, Крым, будучи в основном населен этническими русскими, ощущал себя не российским и не украинским, а скорее просто благоухающим островом скалистых утесов и черноморских пляжей.

Стремясь ускорить вторжение на Северный Кавказ, нацисты первыми попытались физически связать восточную оконечность Крыма с российским Таманским полуостровом через 4,5-километровый Керченский пролив, но так и не достроили этот мост, как и впоследствии советские власти. Но что примечательно, в 2010–2013 годах, когда ЕС признал тщетными свои усилия по проведению реформ на Украине, Россия и Украина договорились считать строительство моста через Керченский пролив совместным проектом по углублению сотрудничества и развития торговых связей. Мост должен был стать символом российско-украинской дружбы.

Теперь Россия построила мост в одиночку. Уникальные строительные проекты изменили облик Крыма: некогда связанный только с Украиной, сейчас полуостров от нее практически отрезан и соединен только с Россией. Кое-кто называет это «ампутацией», что вполне справедливо.

Крым не единственный пример инфраструктурного проекта, влияющего на геополитику. Когда в 1986 году открылся мост короля Фахда между Саудовской Аравией и Бахрейном, он должен был облегчить переправу с Аравийского полуострова на территорию островной монархии для 20 миллионов человек. Но в 2011 году через

этот мост танки Саудовской Аравии вошли в Бахрейн, подавили шиитское восстание и фактически аннексировали территорию страны. Опасайтесь мостов дружбы!

Сложное геополитическое положение Евразии требует углубленного анализа причин таких, казалось бы, спонтанных действий, как конфликт России с Украиной. В дополнение к более очевидным причинам вроде стремления Украины вступить в НАТО на решение Путина повлияли кажущиеся не связанными между собой события: решение Эрдогана закрыть Босфорский пролив (единственный морской путь России из Черного в Средиземное и Эгейское море) для военных грузов под предлогом проведения соревнований по водным видам спорта и военная катастрофа в Сирии (что перекрыло бы доступ к русской военно-морской базе в Тартусе).

Действия России на Украине были не типичным неоимпериалистическим захватом земель, а исторически оправданным выравниванием единого демографического, функционального и политического пространства. Этнические русские в Крыму вернулись в Россию (после того как Хрущев «подарил» Крым Украине в 1954 году, чтобы завоевать симпатии украинцев); статус военно-морской базы в Севастополе (который отдельно от Крыма голосовал в 1994 году за присоединение к России в качестве эксклава) был зафиксирован; восточные регионы Украины со смешанным русско-украинским населением, возможно, получают федеральный статус, а Россия закрепила за собой богатые месторождения газа в Азовском море.

Но изменение границ не всегда приводит к снижению напряженности. Даже если военные действия на земле прекратятся, перетягивание каната за контроль над трубопроводами, соединяющими соперников под землей, продолжится. Хотя многие постсоветские границы проведены произвольно, фиксированные трансграничные трубопроводы непосредственно подключены к глубокозалегающим месторождениям углеводородов. Кто владеет территорией, в которой скрыты месторождения, — это первый вопрос. Второй касается права собственности на сам трубопровод, как правило, построенный консорциумом транснациональных компаний, разделяющих издержки, доходы и активы. В-третьих, есть еще объем и стоимость нефти или газа, прокачиваемого по трубе. Проблемы территориального суверенитета, права собственности на активы и операционного

контроля опасно переплелись, с тех пор как «Газпром» пригрозил прекратить перекачку газа по Украине, если она будет отбирать часть газа, предназначенного для Европы, — эффективно *расширив свой суверенитет* на трубопровод, проходящий по территории Украины. Для России объявление войны — это прекращение транзита ее газа, а вовсе не убийство повстанцев в камуфляже, сражающихся на востоке Украины⁸¹.

Таким образом, присоединение к России части территории Украины в двух местах, в Крыму и на Донбассе, в конечном счете менее важно, чем перетягивание каната применительно к цепям поставок, обнаружившееся по мере нарастания напряженности. США начали с отмены лицензий на экспорт высокотехнологичной продукции в Россию, а она ответила ограничением экспорта ракетных двигателей, используемых Штатами для полетов на Международную космическую станцию. Американским и европейским компаниям запретили инвестировать в Россию, лишив их тем самым одного из крупнейших клиентов, а Россия запретила импорт продуктов питания из Европы, нанеся ощутимый ущерб европейским фермерам и одновременно подняв цены на продукты для собственных граждан. Готовность усилить санкционное давление на Россию обратно пропорциональна степени интеграции цепей поставок с Россией.

Украинский кризис более символичен для геополитики цепей поставок XXI века, чем для территориальных захватов XIX века, и в долгосрочной перспективе авантюра России действительно принесет пользу более взаимосвязанному Западу. Панически настроенные комментаторы всегда упускают из виду глубокие закономерности: даже территориальные конфликты способствуют созданию новых потоков. В 1970-х годах советско-китайский конфликт привел к заморозке отношений между двумя коммунистическими супердержавами периода холодной войны, но открыл дверь перед Китаем и США для построения отношений, которые стали бы важнее, чем связи с Россией. Присоединив экономически отсталый Крым, который Москва собиралась превратить в безналоговую игорную зону, и поддерживая жителей превращенного в постиндустриальную пустыню Донбасса, Россия получила часть, но потеряла всю Украину. Киев переориентировался на Запад с вновь обретенной решимостью. Более того, угрозы России прекратить поставки газа побудили Европу искать

его дополнительные источники в США и Северной Африке. Украина, безусловно, проиграла генеральное сражение, но Европа выигрывает в перетягивании каната цепи поставок, начавшемся четверть века назад.

НЕФТЬ ГУЩЕ КРОВИ

Постоянным посетителям Всемирного экономического форума хорошо знаком длинный участок ровного шоссе и чудесные альпийские пейзажи, простирающиеся на восток от Цюриха до деревни Давос. Все автозаправочные станции вдоль этой дороги принадлежали компании Esso (Mobil) с 1949 года. Однако буквально за год, с 2012-го по 2013-й, все 160 станций по всей Швейцарии сменили название на SOCAR — Государственную нефтяную компанию Азербайджанской Республики. Что делают азербайджанские автозаправочные станции в самом сердце Европы?

После распада Советского Союза многих беспокоил вопрос, что будет с самым богатым нефтяными ресурсами Кавказским регионом некогда могущественной империи, который оказался на территории небольшой новой республики на берегу Каспийского моря. Западные топ-менеджеры не заставили себя долго ждать. Руководители BP и Chevron с ностальгией вспоминают, как жили в ветхих отелях Баку в конце 1991 года (вскоре после провозглашения независимости Азербайджана) во время переговоров, известных как «сделка века» — четыре миллиарда инвестиций в строительство второго по протяженности трубопровода в мире для транспортировки каспийской нефти, в том числе из Туркменистана и Казахстана, через Азербайджан и Грузию в турецкий порт Джейхан на Средиземном море.

Для маленьких, не имеющих выхода к морю стран связанность становится стратегией. Именно из-за уязвимости их географического положения инфраструктура и цепи поставок превращаются в способ выживания. Азербайджану нужен был трубопровод «Баку — Тбилиси — Джейхан» (БТД), чтобы избежать зависимости от России в вопросе экспорта нефти. Сегодня страна развивает порт Алят в свободной экономической зоне для обработки трансъевроазиатских грузов — тоже с целью избежать транзита по территории России. С 2006 года нефть бесперебойно транспортируется по нефтепроводу БТД — и это геополитическая победа, описанная мной в книге «Второй мир» как «антистолкновение цивилизаций», поскольку она необратимо связала шиитско-мусульманский Азербайджан и православную Грузию,

сделав обе страны критически важными звеньями стратегии энергетической диверсификации Европы. Через два месяца после выхода книги из печати, в марте 2008 года, Россия пренебрегла общностью религии и оккупировала отколовшиеся районы Абхазии, Южной Осетии и даже самой Грузии, но при этом не тронула нефтепровод БТД, поскольку знала, что именно захват инфраструктуры — настоящая красная линия, а не призрачные границы Грузии.

Автозаправочные станции SOCAR в Швейцарии напоминают о том, что иногда проходят десятилетия, прежде чем станут заметны преимущества инвестиций в стратегические объекты инфраструктуры, но они почти всегда себя оправдывают. Нефть оказывается гуще крови, а нефтепроводы превращаются в нити, связывающие цивилизацию.

Европейским лидерам следует вспомнить об уроках нефтепровода БТД, так как они играют в перетягивание каната с Россией из-за контроля над рынками энергоресурсов. Манипуляции «Газпрома» с маршрутами трубопроводов, приобретением распределительных сетей, подкупом политиков и ценами на газ вынудили даже членов НАТО и ЕС Болгарию и Румынию поддержать своих западных союзников, несмотря на их безопасное расстояние от России на другом берегу Черного моря. Стремление Украины к членству в НАТО разозлило Россию так же сильно, как некогда Грузия, причем для обеих стран это закончилось плачевно. НАТО теперь слишком боится принимать Грузию или Украину, оставляя на попечение ЕС укрепление евроинтеграционных стремлений Украины. В чем Украина действительно нуждается больше всего — так это в помощи ЕС в модернизации промышленности, а особенно в инвестициях в производственный сектор и сельское хозяйство, что уменьшит ее зависимость от коррумпированных лидеров (и их связей с непрозрачными компаниями российского энергетического сектора) и поможет подготовиться к возможному членству в ЕС, чему Россия никогда не противилась. Такие реальные инвестиции — гораздо лучший способ потратить деньги, чем 18 миллиардов долларов, выделенные на пакеты срочной помощи в рамках МВФ в период финансового кризиса, — в четыре раза дороже трубопровода БТД, но без каких-либо экономических улучшений.

В конечном счете инфраструктура Украины значит для ее будущего больше, чем то, кто контролирует мятежный Донбасс, поскольку, помогая Украине, ЕС одновременно работает над тем, чтобы обойти ее в вопросах поставки газа. Страны ЕС не только наращивают импорт газа из Алжира и Арктического региона, но и стараются непосредственно участвовать в разработке российских месторождений путем строительства целого ряда новых трубопроводов, таких как «Северный поток» по дну Балтийского моря в Германию, заработавший в 2011 году⁸², и планируемый Южный поток по дну Черного моря в Болгарию, а далее в Сербию, Венгрию, Словению и Италию (с ответвлениями в Боснию и Македонию). В совокупности «Северный» и «Южный» потоки могут обеспечить около половины годового потребления газа в Европе. Даже если строительство «Южного потока» будет отменено из-за противоречий между Европой и Россией, можно переключиться на реализацию проекта «Турецкий поток» по дну Черного моря. По мере повышения роли Турции как транзитера газа в Европу роль Украины будет с каждым годом снижаться.

И все же строительство новых объектов энергетической инфраструктуры может стать спасением для Украины. «Северный поток», например, способен обеспечивать реверсную транспортировку газа на Украину из Европы в случае прекращения поставок в страну газа Россией, наглядно демонстрируя, как увеличение числа потоков может разрушить стратегические планы поставщика-монополиста. Действительно, пока зарубежные аналитики наблюдают за маневрами «Газпрома», малоизвестный инфраструктурный игрок компания «Транснефть», крупнейший в мире оператор нефтепроводов, изменяет карту Евразии путем прокладки новых магистральных трубопроводов из России на Запад. Хотя «Транснефть» — российская государственная монополия, подпавшая под санкции, ее капитализация удвоилась по мере роста спроса на услуги трубопроводного транспорта. В мире цепей поставок «Транснефть» играет роль негласного распространителя связанности, что, как ни парадоксально, помогает Европе выиграть в перетягивании каната у России.

Более того, поскольку американские СПГ-терминалы переходят с газификации на сжижение газа для экспорта его избытка через Атлантику, в Европе скоро будет более устойчивая энергетическая ситуация, чем до украинского кризиса. По состоянию на 2014 год

новый плавучий СПГ-терминал под названием «Независимость» был размещен у берегов Литвы; дополнительные СПГ-терминалы строятся в Польше, а датский СПГ-терминал «Северное море» мог бы реверсировать потоки и экспортировать излишки импортированного газа на юг. Из этого следует, что Европа в скором времени может поставлять на Украину больше газа, а не наоборот.

Сто лет назад международный рынок энергоресурсов только зарождался, а о транснациональных газо- и нефтепроводах никто даже не мечтал — сегодня их сотни. И между союзниками, и между подозрительными соседями они устанавливают прочные связи, а проходящие по ним потоки важны для всех стран, расположенных вдоль маршрута. Трубопроводы воссоединяют враждующих соседей, вынуждая их ограничиться перетягиванием каната, а не развязывать войну. Чем больше трубопроводов напрямую соединят Россию с Европой, тем больше Россия будет заботиться об удовлетворении спроса европейских стран, и тем меньше у нее будет причин нарушать свои обязательства. В конечном счете внутренняя слабость России и зависимость от иностранных инвестиций вернут ее на путь открытости Западу, а ее роль глобального поставщика энергетических ресурсов и продуктов сельского хозяйства, а также транзитного коридора через Евразию принесет неопределимую пользу пяти миллиардам жителей суперконтинента. Инвестировать в Россию гораздо выгоднее, чем пытаться ее сдерживать.

ГЛАВА 9

НОВЫЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ЖЕЛЕЗНЫЕ ШЕЛКОВЫЕ ПУТИ В СЕРДЦЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В 2006 году я, стараясь походить на буддистского монаха, отправился в путешествие из столицы Тибета Лхасы с группой наголо остриженных и чисто выбритых людей. Через два месяца, проехав по маршруту Урумчи — Синьцзян (аналогично поездке из Техаса в Миннесоту через Калифорнию), я обзавелся густой растрепанной шевелюрой и бородкой и стал в точности похож на местных уйгуров. Но при этом я не покидал Китай.

(Карта 13 к этой главе приведена на вклейке.)

Моя Toyota Land Cruiser перебиралась через русла высохших рек, скользила по склонам гор и прокладывала путь по пересеченной

местности, но добраться до пустынных каньонов западного Тибета неподалеку от спорного региона Аксай-Чин, примыкающего к индийскому Кашмиру, удалось только через несколько недель. Почти на всем пути следования круглосуточно работали дорожные команды Народной освободительной армии, подрывая скалы, укладывая дорожное полотно, форсируя реки и возводя мосты. В итоге сегодня можно попасть даже в самые отдаленные уголки страны. В Южном Тибете появились дороги с твердым покрытием, а в самых труднодоступных местах выросли аэропорты. Столицу Синьцзяна Урумчи, самый удаленный от моря город на земле, связала с миром сеть железных дорог, проложенных через пустыню Такла-Макан. Одновременно статус Тибета и Синьцзяна (две крупнейшие по территории провинции) был понижен с полуавтономных провинций до культурных пространств. Их жители все еще сохранили собственную идентичность, пусть и узурпированную, — но фактически это все.

В первом университетском курсе по геополитике мы изучали масштабную столетнюю экспансию и закат империй. «Современные империи, такие как Советский Союз, — говорил нам экстравагантный профессор Чарльз Пиртл, — не успокаиваются, пока не захватят территорию соседа. Ирония в том, что, сделав это, они обнаруживают новых, еще не покоренных соседей, поэтому экспансия не знает конца». После распада Советского Союза у Китая появились новые соседи в лице нескольких среднеазиатских республик, с которыми Китай имеет более протяженную границу, чем с Россией, что поставило его в доминирующее положение над описанным Маккиндером знаменитым «Хартлендом».

Китай неосознанно готовился к этому моменту со времени окончания гражданской войны в 1949 году, когда впервые запустил многочисленные программы по развитию западных регионов, которые включали прокладку дорог, строительство железнодорожных путей и линий электропередач, а также переселение китайцев на запад, в регионы Тибета и Синьцзяна, граничащие с бывшими советскими республиками. После размежевания границ в 1991 году Китай быстро урегулировал все мелкие пограничные споры и следующие двадцать пять лет проводил политику дальнейшего расширения инфраструктуры на запад. Когда-то Тибет и Синьцзян были естественными препятствия на пути Китая в Среднюю Азию, хотя династия Цинь строила дороги

с жестким покрытием, чтобы контролировать свою территорию в конце периода «Воюющих Царств» (третий век до Рождества Христова). Инфраструктура создавала основы для доминирования.

Исторически империи расширялись лишь настолько, насколько позволяли люди, финансы, технологии и климат. Роковая кампания Наполеона в России зимой 1812 года — наиболее известный пример того, как суровая реальность вносит коррективы даже в самые гениальные военные планы. Еще во времена Чингисхана и Тамерлана бесплодные среднеазиатские степи было легко захватить, но сложно удержать силами мобильных гарнизонов, расположенных вдали от Самарканда. Железные дороги XIX века, обеспечивавшие Советам контроль над тюркскими степями, очень плохо обслуживались в мирное время. Недаром говорят, что когда Советский Союз рухнул, последними об этом узнали таджики.

Китай — следующий этап развития Центральной Азии после монгольской империи и господства Советского Союза — евразийский ресурсный коридор. Он использует перманентный хаос на западной границе, чтобы реорганизовать регион на основе цепей поставок, а не государственных границ, заменяя произвольные карты сталинской эпохи новыми нефтяными и железными шелковыми путями.

Современные чудеса инженерной мысли изменяют геополитику будущего. Масштабность нынешней промышленной инфраструктуры превращает колоссальный размер территории и равнинный рельеф России и Казахстана в незначительное препятствие в планах Китая — особенно после завершения строительства высокогорной железной дороги до Тибета. Внутриматериковый Казахстан недавно заговорил о строительстве «Евразийского канала», по которому его корабли могли бы проходить из Каспийского в Черное и далее в Средиземное море через Босфор. Несомненно, соседнему Китаю этот проект покажется весьма привлекательным объектом для инвестиций.

Нынешний объем строительства автомагистралей, трубопроводов, железных дорог, формирующих ключевые логистические маршруты с востока на запад, беспрецедентен. В отличие от «Большой игры» XIX века между Россией и Великобританией за доминирование в Центральной Азии, Китай всего лишь хочет контролировать свои энергетические потоки. В то время как большинство нефте- и газопроводов Китая идут на север и запад через Россию, новые

трубопроводы с казахстанских и туркменских газовых месторождений направлены на восток Китая в бассейн реки Тарим. Любимое выражение Си Цзиньпина «Экономический пояс Великого шелкового пути»⁸³ подразумевает превращение региона в систему урбанизированных узлов среднего размера, связывающих транспортные и энергетические коридоры. Любая автомагистраль, мост, тоннель, железная дорога и трубопровод меняют функциональный код стран, по которым проходят, в то время как новые энергетические сети и ирригационные системы способствуют обмену избыточных ресурсов на недостающие. Стратегия Китая сводится не к официальной оккупации территории соседних стран, а к обеспечению беспрепятственной транспортировки грузов по ним. Китай выигрывает очередную «Большую игру», прокладывая новые шелковые пути.

Ближние и дальние соседи Китая тоже подключились к реализации проекта шелкового пути. США называет свои инициативы по строительству линий электропередач между Таджикистаном, Кыргызстаном и Афганистаном Новым шелковым путем. Казахстан продвигает проект «Шелковый ветер» — мультимодальный грузовой транспортный коридор через Турцию и Кавказ, который Турция достраивает в другом направлении в рамках проекта «Новый шелковый путь» с участием европейских стран. Россия, со своей стороны, раз в несколько лет представляет очередной проект расширения сети таможенных постов Евразии. Со временем, по мере проникновения китайцев в малонаселенные страны Центральной Азии и расширения торговых связей, западно-китайские города, такие как Урумчи или Хоргос, станут тем, чем когда-то были Самарканд и Бухара — плавильными котлами китайского, русского, пакистанского и тюркского населения, стекавшегося в них в поисках лучшей жизни. Чем больше шелковых путей, тем лучше.

Евразия — это две трети мировой экономики, торгового оборота и населения, причем так было еще до объединения ее стран в связанный мегаконтинент на основе широкой сети объектов инфраструктуры, облегчающих и ускоряющих торговлю. Совместное строительство Китаем и европейскими странами высокоскоростных железнодорожных сетей сокращает продолжительность трансевразийских перевозок до нескольких дней вместо месяцев. Поскольку железнодорожный транспорт быстрее морского и дешевле

авиационного, он отвоевывает у них позиции по объему перевозок и стоимости. Хотя в 2012 году из Китая в Европу по железной дороге было перевезено всего 2500 контейнеров, прогнозируется экспоненциальный рост этого показателя до 7,5 миллиона контейнеров в 2020 году (что составит около 10 процентов от объема морской торговли между Европой и Азией) [1]. В дополнение к объему прямых железнодорожных перевозок между Россией и Китаем, в том числе по Транссибирской магистрали и бесперебойной и свободной от таможенных сборов Трансьевразийской магистрали по маршруту Чунцин — Дуйсбург в Германии (через Казахстан, Россию, Беларусь и Польшу). Транснациональные компании умело воспользовались транспортными коридорами Нового шелкового пути. Сосредоточив 70 процентов китайских трудовых ресурсов в Чунцине, НР стала ключевым потребителем этой железнодорожной услуги, причем вскоре ее примеру последовала китайская компания Asus. Запущенная в 2013 году ветка Чжэнчжоу — Гамбург вдвое ускорила доставку грузов по сравнению с морскими перевозками.

Чем развитее становятся железнодорожные транспортные коридоры, тем больше путешествие по ним напоминает авиAPERелет — без остановок и контроля на границе между пунктами следования. Еще одна железнодорожная ветка свяжет Азию с Будапештом и проляжет на юго-западе от Казахстана через Туркменистан, Иран и Турцию, столицу Сербии Белград, где в конце 2014 года проводился первый саммит Балканы — Китай и Китай профинансировал строительство нового моста через Дунай, и наконец — в Будапешт. Монголы в холодную зиму в 1241–1242 годах сумели переправиться через замерзший Дунай и обрушить яростный удар на земли венгров. А раз монголам это удалось с помощью перекладных лошадей и сигнальных флагов, то у китайцев в век высокоскоростных железных дорог точно получится.

Западные ученые более десяти лет убеждали нас в том, что членство Китая во Всемирном банке, МВФ, ВТО и прочих организациях свидетельствует о его намерении играть по западным правилам, упорно не замечая, что Китай вступил в них для того, чтобы окончательно их разрушить, параллельно создавая такие масштабные структуры, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). АБИИ планирует потратить в Азии примерно в десять раз

больше, чем в свое время было потрачено в Европе согласно плану Маршалла. Средства пойдут на строительство дорог, железнодорожных путей, трубопроводов, линий электропередач и прочих объектов инфраструктуры по всей Евразии, призванных облегчить экспансию Китая на запад. Время выбрано на редкость удачно: именно в момент, когда постколониальные и постсоветские республики на его окраинах отчаянно нуждаются в новой инфраструктуре, Китай направляет часть своих ликвидных ресурсов на кредитование их экономики, а заодно и приобретение излишка производимой в Китае стали и цемента и трудоустройство китайцев.

АБИИ представляет реформу международной системы извне — из-за отсутствия у западных стран политической воли провести ее изнутри. Действительно, создание АБИИ вынудило западные страны адаптироваться к нему, а не наоборот: Великобритания, Германия, Австралия и Южная Корея присоединились к АБИИ [2]. Даже объявление Японии о формировании отдельного инфраструктурного фонда для Азии с капиталом 110 миллиардов долларов, который мог бы конкурировать с АБИИ, фактически ускорило сглаживание узких мест в Азии в интересах Китая. Японские инвестиции усилили роль Азии как связующего звена между Западом и Востоком.

Minegolia84: (почти) все дороги ведут в Китай

В 2009 году я на короткое время стал для Монголии врагом номер один, после того как выступил в июне на конференции TED с докладом «Невидимые карты», в котором назвал внутриконтинентальную малонаселенную страну с кочевым населением Minegolia. Я доказывал, что географическое расположение, обилие природных ресурсов и зависимость от экспорта экономика превращает ее в «сидящую утку» в мире цепей поставок. Возможно, мне стоило несколько подсластить пилюлю, а не заканчивать словами: «Китай не покоряет Монголию: он ее покупает».

Пока видео разошлось по телеканалам и сайтам Монголии, у ее граждан было достаточно времени, чтобы, собравшись группками в своих оборудованных спутниковым телевидением юртах, обсудить мою анимированную карту Китая, поглотившего Монголию в своих границах. Карты — это не более чем иллюстрация, но иногда они показывают то, что мы в упор не хотим видеть, и тогда на их авторов обрушиваются проклятия. Устные рассуждения о том, что китайские

горнодобывающие компании поглощают их страну, вряд ли вызвали бы интерес, а вот карту, демонстрирующую постепенную потерю ею суверенитета, сочли проявлением злого колдовства. Я стал персоной нон грата.

Несколько месяцев спустя на ежегодном Всемирном экономическом форуме в Давосе я завтракал с президентом Монголии. Стоило мне представиться как мистер Minegolia, как мне тут же освободили место за его столом. После объяснений, что я всего лишь *наблюдаю, но не оправдываю* поглощение Китаем его древней славной родины, атмосфера за столом потеплела. С традиционным азиатским гостеприимством президент любезно настаивал на том, чтобы я посетил Монголию как можно быстрее.

В июле 2010 года я выехал из Лондона на трехтонном грузовике Land Rover выпуска начала 1990-х годов, служившем британской армии передвижным медпунктом во время войны в Боснии. Наша команда из трех человек, загрузив необходимое медицинское оборудование и прочие принадлежности, присоединилась к Монгольскому благотворительному пробегу до Улан-Батора, где мы планировали пожертвовать наш автомобиль, ласково называемый Бетси, службе скорой помощи страны. Если Бетси преодолеет 13 тысяч километров и не развалится, проехав через всю Европу и Россию с правым рулем, то ее поставят на учет как передвижной полевой госпиталь, способный добираться до отдаленных кочующих племен.

Через четыре недели, пережив пять поломок, два вызова эвакуатора, рихтовку кузова и один смертельно опасный случай в удаленном районе Сибири, а также отдав шесть бутылок водки в виде взяток, мы добрались до стометровой статуи могучего Чингисхана из нержавеющей стали в огромном национальном парке «Горхи-Тэрэлж» неподалеку от Улан-Батора. Я чувствовал себя как дома: в школе я был единственным учеником с буквами «хан» в фамилии, поэтому с девятого класса все звали меня Чингисом.

Когда бы я ни выступал в Монголии, будь то публичная лекция в национальном парламенте или участие в телешоу, мне постоянно задавали один и тот же вопрос: «Что же нам теперь делать, раз мы стали Minegolia?»

Монголы знают, что почти все добытые ими полезные ископаемые поступают в Китай и что влияние Китая на их политику и экономику

неимоверно возросло, но пока не предпринимали в ответ никаких серьезных действий. Китайские компании дают взятки монгольским высокопоставленным чиновникам и выкупают множество горнодобывающих компаний (дочерних), чтобы увеличить количество лицензий на геологоразведку. Во время экспортного бума в горнодобывающей промышленности Монголия не успела модернизировать свою инфраструктуру, а потому нуждалась в крупных иностранных инвестициях для ее создания. Компания PetroChina сейчас возглавляет разведку нефтяных месторождений, а китайский угольный гигант Shenhua инвестирует в строительство железной дороги; кроме того, планируется проложить дорогу «Степной путь», которая пройдет прямо по центру страны, соединив Китай с Россией. В Монголии проживает всего три миллиона человек, но для обслуживания горнодобывающей промышленности ей необходимо примерно шесть тысяч километров железных дорог. Хотя Монголия продолжает пользоваться ширококолейной железнодорожной сетью времен СССР, в 2014 году она внезапно объявила, что новая железная дорога от Таван-Толгоя (крупнейшего в мире угольного месторождения) и других угольных месторождений будет проложена с принятой в Китае узкой колеёй⁸⁵. Вот так покупаются страны, и вовсе нет необходимости их завоевывать.

Внутриконтинентальные соседи Китая — заложники своей географии, и единственный способ разорвать эти путы — строительство инфраструктуры, хотя и здесь перспективы неоднозначны, ведь она должна пройти по чужой территории, что не позволяет полностью ее контролировать. Тогда логичен вопрос: а кто будет ее контролировать и получать прибыль?

Подобно трубопроводам «Газпрома» через Украину, Китай, возводя объекты инфраструктуры на чужой территории, как бы расширяет на нее свой *суверенитет*. Будучи инвестором, собственником активов и оператором цепей поставок в других странах, Китай получает преимущественный доступ на рынки и участвует в принятии стратегических решений по управлению природными ресурсами. Китай не экспортирует идеологию, но связывает страны инфраструктурными канатами. Совместные учения армии Монголии и ВМФ США, а также размещение тренировочных лагерей НАТО —

неверная тактика в борьбе с Китаем по перетягиванию каната в цепях поставок.

МЕСТЬ ХАНА ХУБИЛАЯ: РУССКО-КИТАЙСКАЯ БОРЬБА ЗА СИБИРЬ

Когда четыре миллиарда человек толкуются на территории, ограниченной Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азией, напряженность неизбежна. Единственный способ высвободить накопившуюся энергию многочисленного населения — способствовать его свободному передвижению. В настоящее время у Китая больше соседей, чем у любой другой страны мира, и хотя не так давно ему приходилось воевать с Индией и Вьетнамом, сегодня он стремится избегать конфликтов и маневрировать, стараясь держать цепи поставок под контролем. Результатом станет функциональная карта, уходящая корнями к великой монгольской империи семисотлетней давности.

Лучше всего эта динамика прослеживается на самой длинной в мире границе между двумя могущественными державами — Россией и Китаем. Десять лет назад, когда я впервые заговорил о постепенной демографической и ресурсной колонизации Китаем огромных, богатых ископаемыми малонаселенных российских просторов Дальнего Востока, я получил немало негативных откликов из Москвы. Но сейчас эта ранее запретная тема обсуждается повсеместно. Река Амур протяженностью три тысячи километров образует не столько границу, сколько преодолимую естественную преграду для синоцентричных поставок энергии, продовольствия и чистой воды.

Партнерство Китая и России основывается на законе спроса и предложения, а не на геополитике: у России есть земля и ресурсы, у Китая — люди и деньги. Российская инфраструктура находится в упадке, а Китай мог бы ее восстановить за пять лет. Неправильно представлять русско-китайский альянс как антизападный, поскольку у России нет более серьезной угрозы территориальной целостности, чем поглощение Китаем ее восточных территорий. На самом деле их взаимоотношения подчеркивают, что в наше время не бывает надежных союзов, а только взаимовыгодные, построенные на известном афоризме: держи друзей близко, а врагов еще ближе.

Фактически существуют две России: ориентированные на Европу крупные города к западу от Урала и обширный сибирский регион к востоку от Урала, в семь раз превышающий по площади европейскую

часть страны, но при этом малонаселенный. Увы, на картах не отображается количество проживающих в Сибири китайцев (сезонно или постоянно), занимающихся челночной торговлей или открывающих небольшие предприятия по выпуску продукции из местного леса и минеральных ресурсов. Межнациональные браки с менее чем пятью миллионами остающихся за Уралом россиян (почти половина которых — представители тюркских, эскимосских и других национальных меньшинств) ускоряют формирование в регионе смешанной китайско-сибирской цивилизации. Возможно, настанет время для восстановления справедливости: в целях защиты гражданских прав и предоставления качественных услуг для своих экспатриантов в России Китай вполне может начать раздачу китайских паспортов лицам смешанного происхождения и представителям национальных меньшинств на Дальнем Востоке (как это делала Россия в Абхазии, Крыму и других местах). Но Китай не собирается менять границы России де-юре; проще это сделать де-факто. К тому же любое вооруженное их нарушение может привести к применению Россией единственного средства, позволяющего защитить столь удаленные территории, — ядерного оружия. Между тем карта, отражающая реальное влияние Китая на этой территории, все больше напоминает о монгольском императоре XIII века Хубилай-хане, чья Золотая Орда правила нынешней Сибирью и Кореей, полностью захватила Китай и простиралась до нынешних Украины и Ирана. Как пишет креативный картограф Фрэнк Джейкобс, «...как и любовь, граница реальна лишь тогда, когда в это верят обе граничащие стороны» [3].

Как только откроется первый крупный железнодорожный мост через Амур в китайскую провинцию Хэйлунцзян, чье население вместе с двумя другими провинциями Маньчжурии составляет около 100 миллионов человек, конечная остановка российской железной дороги окажется в Китае. То же касается и российского газа. В 2014 году Владимир Путин и Си Цзиньпин подписали контракт на 400 миллиардов долларов, согласно которому «Газпром» разрабатывает новые газовые месторождения и строит новый газопровод для поставки в Китай 38 миллиардов квадратных метров газа в год (около 20 процентов его годового спроса) из Восточной Сибири. Раньше Россия не спешила поставлять энергоресурсы напрямую в Китай, чтобы не становиться привязанным поставщиком.

Но поскольку цены на энергоресурсы падали, а Путин нуждался в громкой внешнеполитической победе в условиях западных санкций, России пришлось подписать долгосрочный контракт, выгодный Китаю. «Роснефть» даже согласилась предложить Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) долю в гигантском Ванкорском нефтегазовом месторождении, прекрасно понимая, что рано или поздно Китай останется его единственным клиентом. Уральские горы делят на две части не только Россию, но и цепи поставок⁸⁶.

Забавно слушать аналитиков, заявляющих, что соглашение между Россией и Китаем не имеет финансового смысла, как будто энергетическую независимость страны можно выразить в долларах и центах. Вот почему глобальную стратегию никогда стоит поручать гордым носителям дипломов МВА, мыслящим категориями квартальной прибыли, а не в терминах окупаемости инвестиций. Для Китая эти соглашения бесценны, поскольку позволяют диверсифицировать энергопоставки и уменьшают зависимость от Малаккского пролива⁸⁷.

Россия повернулась на Восток гораздо раньше США, что выразилось в получении ее крупнейшим тихоокеанским форпостом Владивостоком статуса «свободного порта» со сниженными таможенными тарифами и специальными зонами для логистики, промышленных предприятий, обслуживания судов, отдыха и сельского хозяйства. Во время моей поездки в Монголию в июле 2010 года Россия была объята сильнейшими лесными пожарами из-за аномальной жары, ранее там не наблюдавшейся. Лесные пожары охватили буквально всю страну, густой смог накрыл города; все это в совокупности унесло жизни около 56 тысяч россиян. Сильнейший неурожай заставил Кремль полностью запретить экспорт зерна, из-за чего цены на него на мировом рынке взлетели до небес. В то время я еще не понимал, что тогда мы стали свидетелями одной из непосредственных причин «арабской весны» — кульминации политических волнений, обусловленных ростом цен на основные продукты питания на рынках от Порт-о-Пренса до Дакки, Туниса и Каира. (А чему удивляться? Неурожай 1788 года был основной причиной хлебных бунтов и Французской революции в Париже.) Но, как оказалось, этот сельскохозяйственный кризис не стал единственным; в 2012 году Россия пережила еще более жестокую засуху, чем в 2010-м.

В ближайшее десятилетие изменение климата ускорит интеграцию цепей поставок России в Восточной Азии. Благодаря глобальному потеплению России больше не придется выбирать между удовлетворением внутреннего спроса на зерно и его экспортом. Потепление сказывается на России сильнее, чем на любой другой стране, поскольку ее зона вечной мерзлоты постепенно тает и отступает на север, а в результате высвобождаются огромные территории с плодородной, богатой натуральными фосфатами почвой, на которых можно выращивать продовольственные культуры — главным образом для Китая. На данный момент Россия экспортирует зерно и растительное масло, но со временем станет крупным экспортером домашней птицы и рыбы, по меньшей мере вдвое увеличит экспорт водки и минеральной воды. Но прежде чем российская пресная вода будет разлита по бутылкам и отправлена в бакалейные магазины и кафе Европы, ее направят в другую сторону — утолять ненасытную жажду Китая. В отличие от властей Канады, не решающихся экспортировать воду, министр природных ресурсов Юрий Трутнев в 2010 году заявил: «Мы не должны покупать Реггег. Мы должны продавать нашу воду за рубеж» [4].

Планы поворота северных рек России на юг вынашивал еще Никита Хрущев, заявляя, что они «бесполезно» несут свои воды в Арктику, вместо того чтобы служить развитию сельского хозяйства и промышленности. В 1970-х годах даже было сброшено несколько ядерных бомб мощностью 15 килотонн каждая, чтобы сформировать русло Камско-Печорского канала и соединить сибирские реки с притоками Волги, приблизив их к европейской части страны⁸⁸. (В результате образовался огромный атомный котлован, в котором сегодня местные жители ловят рыбу.) Но все эти проекты разрабатывались еще до того, как полуторамиллиардное население Китая столкнулось с проблемой острой нехватки пресной воды⁸⁹.

Китай, известный как гидравлическая цивилизация, на протяжении тысячелетий строил дамбы, каналы и ирригационные сети, чтобы направлять течение своих рек мимо населенных пунктов. Построенный в V веке до нашей эры Великий канал соединил реки Желтую и Янцзы, Пекин с Ханчжоу и по-прежнему остается самой длинной искусственной рекой в мире. У современного Китая колоссальные возобновляемые ресурсы пресной воды, но они расположены не там,

где обитают люди. Большая часть запасов пресной воды находятся на юге и западе страны, в то время как ее самое высокое промышленное потребление наблюдается на севере и востоке, поэтому Китай сейчас реализовывает амбициозный проект «Поворот китайских рек», в рамках которого обильные водные реки Янцзы будут перенаправлены в Северный Китай по трем каналам. Стоимость проекта — более 40 миллиардов долларов. Контролировать реки — значит контролировать страну: возможно, миллионы людей будут выселены в результате изменения русла рек Ганг и Брахмапутра при реализации проекта, от которого зависят судьбы миллиарда человек, живущих вниз по течению этих рек в Пакистане, Индии и Бангладеш.

Аналогичный проект по изменению течения рек с севера на юг в России мог бы обеспечить питьевой водой сотни миллионов китайцев-горожан, а также оросить пустынные земли и даже использоваться в промышленности и водоемкой технологии гидроразрыва пласта. Излишне говорить, что Китай уже задумался об этом и отправил в Россию делегацию Управления водных ресурсов Желтой реки для предварительного обсуждения идеи столь масштабных гидрологических сооружений⁹⁰. Хотя перекачка воды на такие расстояния в горной местности требует колоссальной генерации электроэнергии и электростанций, в России в этом нет недостатка. Воды русских рек неизбежно будут орошать сельскохозяйственные земли как в России, так и в Китае. Единственный вопрос: сколько цепей поставок продовольствия будет контролировать Китай?

Будущее России во многом зависит от территории, расположенной в пяти тысячах километров от Москвы и в двух с половиной тысячах — от Пекина. Русские давно считают могучую реку Лену источником жизни и силы. Геополитический оракул Хэлфорд Маккиндер даже придумал термин «Леналенд» для описания этого внутриконтинентального региона, недоступного для стран побережья [5]. В честь Лены даже Ленин взял свой псевдоним. Между тем сегодня вы можете приехать в важнейший, основанный в XVII веке город региона Якутск на западном берегу Лены и увидеть там точное отражение российской трагедии. Площадь Республики Саха со столицей Якутск такая же, как у Индии, а ее недра богаты нефтью, газом, углем, золотом, серебром, оловом и к тому же содержат четверть

мировых запасов алмазов. Тем не менее город погружается в почву быстрее, чем где бы то ни было, а сваи, на которых стоят здания, ежегодно приходится забивать на все большую глубину, чтобы достичь твердого основания в виде вечной мерзлоты. Для якутов потепление означает превращение почвы в пльвуны. Им придется покинуть свою землю, свои дома и природные богатства, которые погрузят на баржи и сплавят на юг, до озера Байкал, где перегрузят в железнодорожные вагоны и отправят в Китай по реконструированной Транссибирской магистрали.

География евразийских ресурсов сформировалась раньше нынешних политических границ России: в конечном счете политический контроль определяется тем, кто лучше осваивает природные ресурсы. Русские выстраивают доброжелательные отношения с казахами и монголами. Казахстан — единственная внутриконтинентальная страна в мире, превышающая по площади Монголию, — находится всего в 30 километрах от ее западной границы. Алтайский край, удаленный четырехугольный регион между Россией, Китаем, Монголией и Казахстаном, действительно пустынная территория, но наверняка ненадолго. Россия и Индия с согласия Китая разрабатывают 30-миллиардный проект по строительству трубопровода из Алтайского региона через Западный Китай в Индию.

Эта энергетическая ось пройдет с севера на юг как раз по восточной границе Китая с Афганистаном — узкой полоске земли под названием Ваханский коридор, к которому также примыкают Таджикистан и Пакистан. После вывода советских войск из Афганистана перед окончанием холодной войны и во время оккупации США после 11 сентября Китай постепенно утверждался в роли крупнейшего зарубежного инвестора Афганистана благодаря доле собственности в медном руднике Айнак и растущей потребности в литии (используется при производстве батареек). Афганский президент-технократ Ашраф Гани совершил первый государственный визит в Китай, чтобы побудить своего соседа инвестировать в объекты инфраструктуры и добывающую промышленность. После столетий взаимоотношений, ограничивающихся торговлей фруктами, Китай начал осваивать территорию соседней страны, впервые преобразуя территориальную близость в связанность. Вскоре период оккупации

США покажется не более чем сноской мелким шрифтом в истории Афганистана.

Ничто не расскажет о будущем геополитики больше, чем отслеживание реализации планов строительства инфраструктуры на местах. Конкурентная связанность напоминает о том, насколько незначительна роль военных в окончательной победе. Сегодня, когда остатки военной техники США в виде самолетов G222 стоимостью 500 миллионов долларов сданы на металлолом, Китай продолжает наращивать инфраструктурные проекты на изуродованной войной территории, стремясь установить контакт с еще одной древнейшей цивилизацией, мечтающей вернуть себе достойное место на Новом шелковом пути Евразии, — Ираном.

ИРАН: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Хотя Китай по-прежнему импортирует большие объемы нефти и газа через Индийский океан из стран Персидского залива и Ирака, его самым значимым призом на евразийском шелковом пути будет открывающийся миру после десятилетий изоляции Иран, который станет новейшей фазой геополитики Китая. Во время Второй мировой войны «персидский коридор» был одним из ключевых маршрутов союзнических поставок в СССР, чтобы тот мог противостоять странам «Оси» на восточном фронте. В начале холодной войны США поддержали шаха Реза Пехлеви, пришедшего к власти после одобренного США и Великобританией вооруженного переворота и свержения премьер-министра Моссадыка в 1953 году. Но после исламской революции 1979 года и вторжения Ирака в 1980 году США начали продавать оружие Саддаму Хуссейну, как и Советский Союз, резко осудивший решение аятоллы запретить народную партию Ирана (Туде). Впрочем, в течение ирано-иракской войны США тайно продавали оружие и Ирану — как и практически все коммунистические страны, от Югославии до Северной Кореи. К концу войны СССР также стал крупным поставщиком оружия Ирану, в то время как Китай свободно продавал стрелковое оружие и тяжелое вооружение обеим сторонам. Сдерживание Ирана и Ирака позволяло обезопасить от вовлечения в войну Саудовской Аравии, противодействовало военной экспансии СССР в Афганистане, которая затем могла расшириться на Иран, а также обеспечивало безопасность поставок ближне-

восточной нефти, чаще всего приводило к созданию весьма причудливых и противоречивых союзов.

В будущем ситуация обещала усложниться, поскольку Китай искал способ подобраться к энергоресурсам Персидского залива, Европа и США конкурировали за право поставлять продукцию на их рынки, одновременно сдерживая их ядерную программу, зависимость западных стран от энергоресурсов стран Залива сокращалась, а в Ираке и Сирии начинались проблемы. В причудливом лабиринте ближневосточной геополитики параллельно разворачивалось несколько противоречивых сценариев: великие державы и даже некоторые суннитские арабские страны сотрудничали с Ираном, в то время как прокси-война между Саудовской Аравией и Ираном бушевала в Ираке и Сирии (повторяя сюжет ирано-иракской войны 1980-х). Между тем США продолжали размещать военные базы в странах — членах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (чтобы противостоять иранской угрозе), хотя, по иронии судьбы, многие считали, что США оставляют их в сфере влияния Ирана.

После доминировавшего мнения о неизбежности конфликта с Ираном во времена президентства Буша (и даже первого срока Обамы) сейчас отношения с этой страной — ярчайший пример перетягивания каната. Геополитическая борьба за господство в регионе ведется параллельно с конкуренцией за право продавать товары ее 80-миллионному, преимущественно молодому городскому населению. И для Запада, и для Востока это означает строительство как можно большего количества шелковых путей в Иран.

Мир хочет сотрудничать с Ираном. Как и в случае индо-пакистанских ядерных испытаний в 1998 году, геостратегические и экономические сдвиги в конечном счете нивелируют попытки введения общих санкций. Россия заключила крупные соглашения о поставке нефти и планирует продажу ракет «земля-воздух». Китай подписал масштабные контракты на поставку газа и строительство объектов инфраструктуры, включая прокладку многополосного туннеля через Альборзские горы для сокращения времени поездки между Тегераном и северными городами на Каспийском море. Индия продавала Ирану нефтепродукты, Турция торговала с ним золотом, а французские и китайские банки отмывали миллиарды. Даже отключение иранских банков от системы SWIFT не обрушило торговлю реальными товарами

в стране. К тому же при санкционном режиме США именно американские компании экспортировали в Иран даже больше товаров, чем более снисходительные европейцы через различные лоббистские группы вроде USA*Engage, поставлявшей продовольствие и медикаменты.

Пример Мьянмы показывает, как, грамотно используя политику кнута и пряника, США могут укрепить позиции в перетягивании каната с Ираном. В 2012 году США сняли запрет на импорт товаров из Мьянмы, а впоследствии и все санкции, сохранив «черный список» сомнительных компаний и олигархов, с которыми американскому бизнесу было запрещено работать. В свою очередь американские компании, от Coca-Cola до GE, постепенно углубляли связи в стране, предоставляя бирманскому правительству варианты расторжения контрактов с Китаем, поскольку знали, что их время придет.

Иран тоже настроен на многовекторное сотрудничество. Сегодня иранские посредники в Дубае и Лондоне объявляют о заключении контрактов и многомиллиардных зарубежных инвестициях, напоминая о том, что расторжение в 2014 году контракта о совместной разработке нефтяного месторождения Южный Азадеган стоимостью 2,5 миллиарда долларов с Китайской национальной нефтегазовой компанией означает, что открытый миру Иран готов тратить на качественные западные товары и услуги больше, чем на сомнительную китайскую технологию. Начиная с 2014 года Boeing и GE получили лицензии на продажу запчастей и техническое обслуживание самолетов в Иране. Даже Корпус стражей исламской революции готовится к жизни после санкций, приватизируя некоторые свои компании ради привлечения инвестиций и шанса не попасть в поле зрения Казначейства США⁹¹.

Политические и экономические щупальца Ирана уже проникли на южный берег реки Шатт-эль-Араб, образовавшейся при слиянии Тигра и Евфрата, в богатую нефтью и населенную шиитами провинцию Ирака Басру. Теперь именно Иран, а не Ирак активно противостоит Кувейту, чьи планы по строительству большого нового порта могут привести к отказу крупных судов заходить в единственный глубоководный порт Ирака Умм-Каср. К тому же Кувейт продолжает горизонтальное бурение в районе общей границы с Ираком, спровоцировавшее в 1990 году вторжение Саддама Хуссейна.

И все же, несмотря на глубокое взаимное недоверие между шиитским Ираном и суннитскими арабскими странами, их компании тоже стараются проникнуть на рынок своего более крупного соседа, как это сделала Emirates Airlines, выполняющая в Иране многочисленные дневные авиарейсы. Министерство сельского хозяйства ОАЭ рассматривает перспективу инвестиций в сельское хозяйство Ирана, чтобы увеличить объемы его производства и сократить дефицит продуктов в странах Персидского залива, а Катар и Иран планируют совместную разработку части гигантского нефтегазового месторождения Южный Парс.

Между тем у Турции нет предубеждений относительно ведения дел с Ираном, и она предлагает Европе решение, которое позволило бы стабилизировать ситуацию в арабском мире. Помимо планируемого строительства грузовой железной дороги из Китая через Центральную Азию и Иран в Турцию и далее в Европу газопровод Парс мог бы обеспечить поставки огромного объема газа по тому же маршруту. Европейцы быстро продвигаются навстречу. Компании Turkish Airlines совместно с ОАЭ сегодня принадлежит 75 процентов рынка международных авиаперевозок в Иране. Доля рынка Lufthansa будет расширяться по мере роста количества пассажиров из западных стран.

Современный Тегеран пока не вошел в списки азиатских туристических достопримечательностей наравне, например, со Стамбулом или Каиром, но скоро все изменится. Недавно Будапешт и Тегеран соединил новый «Восточный экспресс» — роскошный поезд класса люкс, курсирующий по увлекательному туристическому маршруту под названием «Сокровища Персии», рассчитанному на 14 дней. В скором времени железнодорожный каспийский маршрут проляжет из Мешхеда в Ашхабад в Туркменистане и далее в Алма-Ату и Китай.

Во время моей поездки в Иран в середине 2015 года дипломаты мало говорили о ходе переговоров по ядерной программе, зато вытащили большие карты и показывали маршрут трубопровода, который мог бы связать Туркменистан и Пакистан, а также железные дороги в северном Афганистане, ведущие в Таджикистан и Китай. Скоро мы еще многое услышим от Организации экономического сотрудничества, в настоящее время сосредоточившейся на железнодорожном сообщении и торговых связях между Турцией,

Ираном, Пакистаном и постсоветскими республиками. Персидская цивилизация никогда не использовала географическое положение для достижения связанности так интенсивно, как намерена делать это в ближайшие десятилетия.

Иранское постреволюционное общество, две трети представителей которого моложе тридцати лет, оказалось в ловушке революционного государства, процветающего и в изоляции, в то время как бурлящее молодое поколение жаждет связанности. Путешествуя на мотоцикле по Тегерану, я видел десятки иранцев, которые вернулись на родину, чтобы создать технологические инкубаторы и сэкономить на низкой стоимости жизни и предпринимательства. В Иране уже наблюдается практически полное покрытие территории мобильной связью, к тому же большая половина населения имеет доступ в интернет (самый высокий показатель на Ближнем Востоке). Продажи местных лидеров интернет-торговли Digikala и Esam, использующих торговые площадки eBay и Amazon, растут в геометрической прогрессии.

Низкие цены на нефть означают, что Иран должен быстро диверсифицировать экономику, инвестировать в современную инфраструктуру и поддерживать такие конкурентоспособные экспортные отрасли, как автомобилестроение. Особенно после того как вследствие ирано-иракской войны 1980-х годов в Иране осталось менее тысячи километров качественных скоростных автострад и менее пяти тысяч километров железнодорожного полотна. Для привлечения крупных иностранных инвестиций Иран создал еще полдюжины безвизовых СЭЗ, в которых предоставляются долгосрочные налоговые льготы и разрешена стопроцентная иностранная собственность на бизнес.

Открытие Ирана миру не решит проблем границ на Ближнем Востоке, а лишь добавит множество новых экономических связей и политических уловок на и без того запутанный рынок, который почему-то усложняется, даже становясь прозрачней. Осталась только одна страна, которую нам тоже нужно рассмотреть с точки зрения победы потоков над препятствиями, — Северная Корея.

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ: «ЖЕЛЕЗНЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» В СТРАНЕ-ИЗГОЕ

Помимо внутриконтинентальных гигантов Казахстана и Монголии, с Китаем и Россией граничит еще одна проблемная страна — Северная

Корея. Но если Казахстан и Монголия провели ряд экономических и политических реформ после падения социалистического строя, то Северная Корея десятилетиями оставалась под жесткими репрессиями, сначала из-за консервативной идеологии, известной как *чучхе* (*опора на свои силы*), а затем и из-за удушающих международных экономических санкций. Изначально не стремившаяся к автаркии Северная Корея попала в пагубную зависимость, обусловленную практически полной изоляцией: почти весь экспорт страны идет в Китай и почти все топливо, продовольственные и прочие товары первой необходимости импортируются оттуда же.

Северная Корея — особенная страна, способная вызывать сильные эмоции. Правит ею деспотическая династия, прозванная в среде азиатских наблюдателей KFR (Kim family regime) — режим семьи Кима, который морит граждан голодом, бросает в концентрационные лагеря и функционирует как всепроникающее полицейское государство. Указание на эти факты успокаивает консерваторов (и даже либералов) в Вашингтоне, которые вроде бы провозглашают высокие моральные принципы, но в итоге ничего не добиваются. Тем не менее при всем бряцании ядерным оружием, потоплении южнокорейских кораблей, арестах иностранных священников новая формирующаяся модель отношений между Северной Кореей и ее соседями свидетельствует о постепенном повышении уровня связанности. Потоки всегда побеждают препятствия.

Приехав в Северную Корею в 2012 году, я, помимо величественных революционных монументов и фильмов антиамериканской и антиюжнокорейской направленности, увидел также пришедшую в упадок инфраструктуру. В жилых кварталах Пхеньяна вода появлялась нечасто, а общественный транспорт скрежетал и пыхтел так, что я очень удивлялся, как он вообще ездит. После отмены топливных субсидий СССР в начале 1990-х Китай постепенно ужесточал позицию, замораживая поставки нефти, продовольствия и других базовых товаров, чтобы держать северокорейский режим под контролем. Любые идеологические догмы, некогда разделявшиеся обеими странами — в 1950-х годах даже говорили, что они близки, как «губы и зубы», — разлетелись в пыль, как только их экономики разошлись в разные стороны: современный Китай — крупнейшая экономика мира, а у Северной Кореи даже нет

кредитного рейтинга. В 2014 году Китай уступил требованиям США перекрыть Северной Корее доступ в интернет в качестве возмездия за кибератаку против Sony Pictures, якобы организованную из Пхеньяна. Согласно популярной в Пхеньяне теории заговора, Китай вторгнется с севера и режиму придется перебросить танковые армии к границе.

Но у Китая, безусловно, более конструктивные планы на Северную Корею, чем ее оккупация. Он инвестировал в промышленную зону Расон возле незамерзающего северокорейского порта Раджин, расположенного неподалеку от места схождения границ трех стран в Японском море. Построив железную дорогу до порта, Китай получил доступ к побережью на другой стороне Северной Кореи, что облегчило ему путь к арктическим маршрутам перевозок.

У России тоже есть планы на полузабытого соседа. В 2014 году Владимир Путин отправил своего полномочного представителя на Дальнем Востоке Юрия Трутнева в Пхеньян, чтобы объявить о списании северокорейского долга, возобновить приостановленные инвестиционные проекты и рассмотреть вопрос о строительстве газопровода через узкую совместную границу. Почти одновременно, во время государственного визита в Южную Корею, Путин заявил о строительстве «Железного шелкового пути» из России в Сеул — с остановкой в Пхеньяне. Россия также оплачивает Китаю поставки нефти в Северную Корею и взамен может получить до миллиона северокорейских резервистов для работы в пустынном приграничном регионе. Южная Корея тоже не отстает в деле реабилитации заблудших собратьев, поэтому наращивает инвестиции в промышленный регион Кэсон и железную дорогу между Сеулом и Пхеньяном⁹². Конкурентная связанность добралась даже до этой страны.

Мало-помалу Северная Корея становится еще одним примером несбывшегося сценария третьей мировой войны, постепенно заменяемого крупномасштабной интеграцией цепей поставок. Наиболее очевидные и нарастающие признаки этого сдвига — свободные экономические зоны. В комплексе Кэсон за более низкую зарплату, чем в Китае, работают свыше 50 тысяч северокорейцев, выпускающих запчасти для компании Hyundai, а также часы и обувь. Один мой знакомый иностранный инвестор управляет фабрикой, производящей DVD-плееры, которые северокорейцы покупают, чтобы смотреть контрабандные южнокорейские фильмы. В случае снятия

санкций на экспорт запчастей к компьютерам и другой электронной технике, производимой в Кэсоне, объем годовых продаж увеличился бы с 500 миллионов до миллиардов долларов. В 2014 году Ким Чен Ын объявил, что каждая северокорейская провинция должна развивать свою свободную экономическую зону, но это маловероятно, поскольку Пхеньян мало чем помогает отдаленным городам. Несколько делегаций северокорейских градостроителей посещали Вьетнам и Сингапур, изучая способы создания таких зон, как Вонсанский заповедник с пляжами Желтого моря и близлежащими горнолыжными трассами. Что мы предпочтем — чтобы Северная Корея печатала фальшивую валюту и наводнила Китай и западные страны опиумом и метамфетамином из своих нарколабораторий или чтобы она присоединилась к легальным цепям поставок промышленной продукции и туристических услуг? [6]

Геологические исследования показывают, что Северная Корея станет важным узлом в цепи поставок. Недра страны буквально напичканы редкоземельными минералами, необходимыми для производства электронных устройств. Многие страны с развитой горнодобывающей промышленностью, включая Австралию и Монголию, готовы провести разведку ее золотых и магниевых месторождений. Глобальные поставки этих ценных металлов настолько малы, особенно для покрытия потребностей такого крупного производителя электроники, как Китай, что он вряд ли станет терпеливо ждать смены северокорейского режима. Как заявил один эксперт по экономике Северной Кореи, «...Китай хочет получить всю цепь поставок» [7]. И действительно, глобальные потребители уже участвуют в добыче Китаем северокорейских минералов. В 2014 году корпоративные отчеты, требуемые в соответствии с законом Додда — Франка, показали, что компьютеры IBM и Hewlett-Packard содержат северокорейские материалы, поставленные китайцами, причем даже топ-менеджеры и акционеры компьютерных гигантов об этом ничего не знали.

По отдельности шаги к открытости, сделанные Северной Кореей, кажутся маленькими и незаметными: создание совместных предприятий, импорт автомобилей зарубежного производства, ограниченный доступ в интернет, мобильные телефоны с международными кодами, новый горнолыжный курорт. Но в

совокупности они напоминают проект национального бизнес-плана, разработанный Китаем в конце 1970-х. В ближайшие годы Китай намерен передать в Северную Корею на аутсорсинг тысячи рабочих мест в промышленности.

В Северной Корее еще множество вещей вызывают постоянный интерес транснациональных компаний. Ее могучие реки могут быть неиссякаемым источником электроэнергии как для самой страны, так и для продажи Китаю и Южной Корее. На севере страны выращиваются такие сельскохозяйственные культуры, как рис, ячмень, соевые бобы, картофель, покупаемые частными инвестиционными фирмами, не упускающими возможность выйти на новый международный уровень агробизнеса. Работающая в Корее Международная неправительственная организация Choson Exchange обучает тысячи молодых специалистов, особенно женщин, профессиональным и предпринимательским навыкам и даже приглашает в страну западных венчурных инвесторов.

Даже если все запланированные проекты портов, свободных экономических зон, промышленных парков, объектов недвижимости, шахт, программ обучения сотрудников, горных экотуристических парков будут реализованы, через пятнадцать лет Северная Корея в лучшем случае достигнет уровня посткоммунистической Румынии, где сельское хозяйство, перерабатывающая и горнодобывающая промышленность остаются экономическими локомотивами. Она все еще будет относиться к беднейшим странам мира, зато станет более открытой и свободной.

Все северные корейцы угнетены и по меньшей мере треть из них обездолена, но это не нация беспринципных людей. Зарубежная оценка их культурного наследия напоминает о том, что они древняя и богатая цивилизация, оказавшаяся в ловушке государства-анахронизма. Чем больше туристов, бизнесменов, деятелей культуры и других гостей будут посещать эту страну, тем сильнее общество начнет зависеть от их присутствия и знаний. Северные корейцы — не автоматы, а лояльные, но дезинформированные граждане; им, как иранцам и кубинцам, рассказывали одну историю, но благодаря СМИ и туризму они все чаще сталкиваются с иной точкой зрения. Так же как иранцы бормочут мантру о «верховном лидере» больше по привычке, многие северные корейцы едва скрывают свое желание радикальных перемен.

Подростки в Пхеньяне гораздо больше интересуются пиццей, чем декламацией идеологических стихов. В школах, бильярдных клубах, караоке-барах обычные люди на удивление откровенно рассказывают о своих проблемах. Я встретил родителей, возмущавшихся тем, что их детей отобрали петь и танцевать на потрясающем фестивале «Ариран» — в массовых музыкально-гимнастических представлениях, в которых участвуют до 100 тысяч акробатов, знаменосцев, фокусников и прочих мастеров оригинального жанра. Они хотели бы, чтобы их дети просто учились игре на фортепиано, делали уроки и изучали иностранные языки.

Наверное, у всех диктаторов начинают бегать мурашки по коже при известии о свержении очередного автократа, как это было в Ливии и Египте. Обычно закономерная реакция — ужесточение репрессий, подавление любого инакомыслия. Беспощадность, возможно, и помогает молодому Ким Чен Ыну удерживать власть, но огромные муралы в Пхеньяне прославляют его отца Ким Чен Ира и героя-революционера деда Ким Ир Сена. Правда, юный диктатор не достиг такого уровня культа личности. Но он действует теми же методами, что отец и дед — антияпонская пропаганда, ядерная угроза, запугивание Южной Кореи. Каждое появление на публике — тщательно срежиссированная демонстрация власти.

Если молодой диктатор сможет обеспечить устойчивое восстановление своей страны, не оттолкнув заинтересованных в этом лиц военными угрозами, у него есть шанс провести следующие десятилетия не как изолированный изгой, а как выдающийся реформатор. Вместо запрета на большинство зарубежных поездок, он мог бы наслаждаться баскетбольными матчами в Европе, как делал это во время учебы в швейцарской школе. Ким не тот человек, который с радостью прикажет обстреливать Южную Корею; он не особо возмущался, когда активисты соседней страны прикрепили к надутым гелием воздушным шарам тысячи кусочков суфле с шоколадом и запустили их неподалеку от границы.

Как и в случае с Ираном, надежда на то, что северокорейский режим рухнет сам по себе или будет свергнут, не более чем иллюзия. Прямая угроза смены режима подрывает своего рода устоявшееся соглашение, необходимое для изменения враждебной риторики на примирительную. В 2014 году президент Южной Кореи Пак Кын Хе,

выступая в Лейпциге (Германия), всячески превозносила воссоединение двух республик, в котором будет естественное разделение труда между промышленным Югом и сельскохозяйственным Севером. Возможно, это и есть будущее обеих республик, но путь к нему будет отличаться от проделанного Германией в 1990-м, когда Восточная Германия формально перестала существовать в результате тщательно продуманной международной процедуры.

Северная Корея уже постепенно превращается из ядерного буферного государства в связующий мост между Китаем и Россией, с одной стороны, и Южной Кореей — с другой. Скорее всего, страна так и останется автократической, поэтому интеграция цепей поставок будет гораздо более выигрышной стратегией, чем политическое унижение. В то время как из демократизации Северной Кореи все извлекут выгоду, на периферии Китая и дальше за его пределами возникает один стратегический вопрос: сумеет ли Китай удержать контроль над своей империей цепей поставок?

ЦЕПЬ ПОСТАВОК НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

Причиной краха империй цепей поставок прошлого обычно становилось сочетание кризиса неплатежей и инфляции внутри страны с конкуренцией и беспорядками за рубежом. Сокращение импорта серебра из Южной Америки ускорило закат Испанской империи, а четыре англо-голландские войны, длившиеся более столетия, постепенно ослабили власть голландцев над Южной Африкой и Цейлоном. Сыграли свою роль и противоречивые приоритеты в столицах империй. Британские инвесторы вкладывали деньги в индийские железные дороги, полагая, что британское колониальное господство будет вечным, но рост национального движения за независимость — и лояльное отношение к нему британского премьер-министра Клемента Эттли — постепенно вытеснил истощенных борьбой лондонских инвесторов из Индии.

Войны за цепи поставок для Китая не в диковинку, но в прошлом они велись несколько иначе. Когда император Даогуан из династии Цин захватил и уничтожил британский склад опиума в Гуанчжоу в 1839 году, Британия ответила слишком жестко, оккупировав Гонконг и распространив права экстерриториальности на всю страну. Для Китая

опиумные войны ознаменовали полтора столетия унижения, воспоминания о котором только начали стираться.

Сегодня ключевой геополитический вопрос для многих стран состоит не в том, пойдут ли США и Китай на конфронтацию в Тихом океане, а в том, намерен ли Китай, используя свою империю цепей поставок, навязать им «неравные условия», как сделала Великобритания по отношению к Китаю двести лет назад. С 1990-х годов «дипломатия чековой книжки» обеспечила Китаю почти беспрепятственную торговую экспансию: он закупал сырье и материалы по долгосрочным контрактам с существенно заниженными ценами в разных уголках мира — от Анголы до Аргентины — в обмен на строительство школ, больниц, правительственных резиденций и автомобильных дорог. Китай гарантировал невмешательство во внутреннюю политику, что на практике означало продажу неограниченного количества вооружения местным властям для сохранения статус-кво. Китай ухитрился поддерживать (и продолжает это делать) хорошие отношения с важными парами региональных конкурентов — Бразилией и Венесуэлой, Саудовской Аравией и Ираном, Казахстаном и Узбекистаном, Индией и Пакистаном.

Но для все большего числа стран медовый месяц с Китаем закончился; начался «откат». Все сверхдержавы в итоге сталкиваются с резким ответным ударом: это всего лишь вопрос времени. По иронии судьбы, именно ЦРУ придумало этот термин, чтобы сгладить последствия роли США в цепной реакции, приведшей к стойкой антиамериканской позиции Ирана после революции 1979 года. В том же году на фоне продолжающегося «отката» ЦРУ начало крупнейшую секретную операцию — финансирование антисоветски настроенных моджахедов, в конце концов сокрушивших Красную армию и породивших «Талибан», укрывавший вдохновителя теракта 11/9 Усаму бен Ладена.

Китай уже столкнулся с «откатом»: жесткое принуждение к миру крупнейшей, населенной уйгурами и мусульманами, провинции Синьцзян привело к атаке смертника в начиненной взрывчаткой машине на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 2013 году и десяткам других террористических актов. Но ответные удары по Китаю за рубежом выглядят по-разному. Глобальное присутствие Китая определяется не по наличию его вооруженных сил, а по присутствию

его цепей поставок. Ключевые агенты страны за рубежом — не законспирированные разведчики, а государственные компании. Для Китая откат цепей поставок — *это* геополитический откат, доказывающий, что строительство инфраструктуры за рубежом не гарантирует контроля над ней. Победители в геополитике цепей поставок все еще не определены.

Ответный удар напоминает о том, что мы живем в сложном, а не линейном мире, с сокращенным циклом обратной связи. Европейские империи существовали более шести веков, прежде чем антиколониальные движения за независимость в совокупности с шоком Второй мировой войны привели к их краху⁹³. Эпоха же глобального проникновения цепей поставок Китая длится только десятилетие, а уже столкнулась с противодействием. Китаю пришлось практически за ночь научиться тому, что Европа осваивала веками. Китай не может стать новой колониальной империей, поскольку эпоха колониализма прошла, сменившись прозрачностью и подозрительностью по отношению к сверхдержавам. Цепи поставок способны нанести ответный удар.

Учитывая, что при малейшем подозрении на коррумпированную сделку везде — от Замбии до Монголии — поднимается страшный шум, Пекин должен соблюдать осторожность, а не демонстрировать силу. До сих пор Пекину удавалось выстраивать партнерские отношения с целыми континентами, не прибегая к угрозам, чтобы протолкнуть любой выгодный контракт. Это помогло Китаю создать империю цепей поставок без единой стычки. Но сопротивление растет. Повсюду — от дельты Нигера до Южного Судана — увеличивается количество похищений и нападений на китайских нефтяников и газовиков. Шахтеры Замбии не раз восставали против своих китайских работодателей из-за очень низких зарплат и унижительного обхождения, вплоть до случаев преднамеренных завалов, обрушений породы и даже убийств представителей руководства шахт глубоко под землей. В результате китайские долгосрочные приобретения могут оказаться больше похожими на краткосрочную аренду. Еще в 1960 году премьер-министр Британии Гарольд Макмиллан предсказывал неизбежный «рост национального самосознания» [8] и, согласно этому прогнозу, одновременный и нескоординированный ответный удар по Китаю — отличительная черта мира, где доминирует перетягивание каната.

Ресурсный национализм — очень разумный правовой инструмент, используемый странами для противодействия вторжению китайских цепей поставок. Казахстан и Монголия обозначили свои ключевые месторождения минеральных ресурсов как «стратегические активы», не подлежащие продаже иностранцам. Китаю предлагается лишь участие в совместной разработке на правах поставщика услуг. Мудрые правительства требуют нанимать больше местных работников, больше тратить на обучение персонала, передавать больше прогрессивных технологий и производить больше продуктов на их территории. Они хотят оставить у себя больше добавленной стоимости и намерены стать не только горизонтальным, но и вертикальным звеном в цепи поставок. Они делают для Китая то же, что Китай делал для Запада.

Поскольку Китай по-прежнему нуждается в огромных объемах сырья и материалов для поддержания идущей в стране интенсивной урбанизации, он будет задействовать любые стимулы — по крайней мере, пока. И хотя у страны нет собственных колоний, у нее есть готовность рисковать, бюджет, позволяющий заплатить любую цену, и спрос на ресурсы, с которым не может сравниться ни одна страна. Поэтому у китайских высоколиквидных, опирающихся на поддержку государства промышленных гигантов очень сильные позиции в переговорах. До тех пор пока Мьянма, Конго, Монголия и другие зависимые от сырьевого экспорта страны не найдут новые рынки, они так или иначе останутся сырьевыми заложниками Китая.

В критических ситуациях Китай может использовать финансовые рычаги. За период с 2001 года Экспортно-импортный банк Китая предоставил странам Черной Африки на 20 миллиардов долларов больше кредитов, чем Всемирный банк, вызвав тем самым опасения относительно второй волны кризиса неплатежей. Ангола — идеальная страна для Китая: она получает выгоду от строительства им дорог и прочих проектов и имеет достаточно денег для расчетов с кредиторами. Замбия, напротив, взваливает на себя (опять) неподъемное долговое бремя, чтобы финансировать расходы, и, захватив некоторые операции по добыче полезных ископаемых, не может увеличить свои доходы, взимая больше налогов с китайских компаний. Страны, находящиеся в тяжелой финансовой ситуации, не обанкротились благодаря растущей продаже активов, но при этом теряют контроль над отраслями, в большей мере становясь звеньями

цепи поставок, чем независимыми государствами. Какие активы сможет вырвать Китай, если Замбия обанкротится?

Западные правительства и компании не должны просто сидеть и ждать, пока Китай зайдет слишком далеко и вызовет реакцию. Если они не вступят в конкуренцию на разных этапах цепи поставок, они практически не оставят развивающимся странам выбора. В связи с этим вызывает недоумение тот факт, что Конгресс США в середине 2015 года, по сути, на несколько месяцев приостановил деятельность собственного Экспортно-импортного банка, прозванного Банком Боинга, хотя он также обслуживал и такие ведущие компании США, как GE и Caterpillar, а его кредиты удешевляли для иностранцев приобретение американских товаров, что фактически генерировало дополнительные доходы для Министерства финансов США.

В разных уголках планеты империя цепей поставок Китая находится на разных этапах жизненного цикла — формирование и расширение, эксплуатация и взаимозависимость, самоутверждение и откат, — но у них есть одна общая черта: высокая степень зависимости от Китая, будь то больших стран вроде России или маленьких вроде Замбии, создает, с одной стороны, стабильность и определенность, а с другой — напряженность и отторжение. В то время как Китай использует все преимущества географического положения Мьянмы, сооружая новые трубопроводы и дороги, Мьянма, судя по всему, опасается Китая все меньше и меньше, о чем свидетельствует прошедшая в конце 2012 года СМС-кампания с призывом: «Китайцы, убирайтесь прочь. Мы вас не боимся!»

Когда империи отступают, инфраструктура меняет хозяев и предназначение. Чем дальше продвигалась Транссибирская магистраль восточнее озера Байкал в 1904 году, тем острее становилось желание Японии эпохи мэйдзи напасть на русский Порт-Артур в Маньчжурии. Однако после поражения Японии во Второй мировой войне русские захватили построенные японцами железнодорожные пути в южной части богатого газом острова Сахалин. После ухода США из Ирака иракская армия и ИГИЛ с удовольствием поделили оставшееся вооружение и снаряжение.

Китайские постоянно развивающиеся цепи поставок рано или поздно начинают включать некоторые военные функции. Сегодня Китай постоянно собирает разведанные в регионах проведения

горнодобывающих работ — от Венесуэлы до Южного Судана. Он также направляет тысячи миротворцев для участия в операциях ООН, проводит совместные военные учения с десятками стран-партнеров и, по слухам, курирует секретные соединения Народно-освободительной армии Судана, охраняющие нефтяные месторождения в стране. Постепенно расширяется присутствие военно-морского флота Китая в бассейне Индийского океана (например, планируемая военно-морская база в Джибути), чтобы находиться неподалеку от мест, откуда, возможно, придется эвакуировать сотрудников или выслать подкрепление из числа работников постоянно растущих частных охранных фирм.

Война цепей поставок может стать вполне реальной, причем на собственных границах Китая. Месторождения золота, газа, нефти и урана в пакистанском Белуджистане послужили причиной жестокого подавления местных националистов армией Пакистана при поддержке китайских государственных горнодобывающих компаний. Пакистанские белуджи рассматривают порт в Гвадаре как поддерживаемый китайцами пенджабский колониальный проект, и открытое приглашение Пакистана, сделанное Китаю в 2013 году, использовать этот порт как военную базу, только усилило их подозрения. Освободительная армия Белуджистана атаковала газопроводы, взорвала переполненные автобусы и убила многочисленных китайских инженеров и специалистов в районе Гвадара. В 2014 году ее атака на крупнейшую электростанцию в регионе погрузила большую часть Пакистана во тьму. Возможно, белуджи были бы более лояльны, если бы их прибрежная деревушка не стала ключевым погрузо-разгрузочным и энергетическим центром. Но теперь, когда это уже произошло, они будут бороться за контроль над цепями поставок еще яростнее.

Китай не хочет посылать войска для защиты своих инвестиций в Центральной Азии, но, возможно, придется. Сокращение численности американских войск в Афганистане означает, что Китаю придется уменьшить количество сделок с Кабулом, которому он сейчас продает оружие, местными губернаторами и военачальниками и даже с талибами, чтобы предотвратить атаки на свои шахты, дороги и прочие объекты инфраструктуры. Но не зря старая поговорка гласит: «Афганистан можно арендовать, но нельзя купить». Хотя сегодня

трудно представить, что Китай повторит трагические ошибки США и СССР, высадивших наземные вооруженные силы на вражеской территории, у него может существовать собственный вариант афганской ловушки — в Афганистане.

Никакая «мягкая сила» не компенсирует обоюдодовыгодных сделок. Если бы для создания империи требовалось исключительно строительство железных дорог и популяризация английского языка, британская колониальная империя процветала бы до сих пор. Колониализм необратимо устарел. В современном мире никто не хочет быть колонией, но все хотят быть узлами.

ГЛАВА 10

«КЛАССИКИ» ЧЕРЕЗ ОКЕАНЫ ИМПЕРИЯ АНКЛАВОВ

За четыреста лет до того, как Хэлфорд Маккиндер сформулировал свое знаменитое изречение, объявив «Хартленд» Центральной Азии географическим центром истории, испанский конкистадор Эрнан Кортес сделал в 1524 году не менее эпохальное заявление: «Тот, кто контролирует проход между океанами, может считать себя господином мира» [1]. К началу XVI века Манила была процветающим промежуточным пунктом севильского торгового маршрута между Старым и Новым Светом. Купцы города приносили большой доход Короне за счет интенсивной торговли с Китаем эпохи Мин, отправки кораблей в Ост-Индию, которые затем пересекали Тихий океан, прибывали в Акапулько в Мексике (тогда Новая Испания) и возвращались в Испанию через Атлантический океан. Армада короля Филиппа II, состоявшая из океанских галеонов водоизмещением две тысячи тонн, сохраняла монополию на торговлю специями, шелком, фарфором, жемчугами и другими предметами роскоши. Через пять столетий после торговых экспедиций испанских галеонов человечество опять стало прибрежной морской цивилизацией с плотной связанностью десятков ключевых портов, позволяющей интенсифицировать потоки товаров и сырья. Но кто же контролирует проходы между океанами?

(Карты 16, 18, 23, 27, 31 и 32 к этой главе приведены на вклейке.)

Вице-президент китайской компании Harbour Engineering Янтао Ши 24 февраля 2014 года в Республике Тринидад и Тобаго, расположенной на островах в Карибском архипелаге неподалеку от

восточного побережья Венесуэлы, подписал соглашение о создании новой экономической зоны и строительстве транзитного порта⁹⁴. Хотя Тринидад и Тобаго больше известна как родина музыки в стиле калипсо, она, помимо всего прочего, в отличие от других островных государств, строит свою экономику на основе нефтедобычи, которая составляет половину ВВП и львиную долю экспорта страны, а не торговли сахарным тростником и какао-бобами. Поскольку Панамский канал расширяется для пропуска большего количества судов, а в портах на Восточном побережье США от Майами до Нью-Джерси растет число дополнительных причалов, Тринидад идеально подходит как место для строительства сухих доков для перегрузки товаров на корабли, следующие на юг, в Бразилию, и на север, в США. Неудивительно, что Экспортно-импортный банк Китая почти полностью профинансировал этот проект.

Ученые долго пытались определить причину взлета экономики Китая в XXI веке. В Азии прослеживается четкая параллель с ленной системой, существовавшей в эпоху династии Мин, когда правители небольших государств Центральной и Юго-Восточной Азии отвечивали поклоны императору. Некоторые берут за образец Бисмарка — прусского государственного деятеля XIX века, сумевшего укрепить позиции Германии, не подорвав стабильности Европейского континента. Но установленный Бисмарком порядок продержался менее тридцати лет, до франко-прусского противостояния. Все остальное — история.

Лучшую аналогию для понимания развития Китая в XXI веке нужно искать не на Европейском континенте, а в истории окружающих его морей, в частности в Голландской империи XVII века. Испанская и Португальская короны были первыми глобальными империями (и полвека, до 1640 года, единым государством), физически подчинившими себе путем завоеваний и даже геноцида огромные территории Латинской Америки, Африки, Азии и Океании. Для Лиссабона и Севильи эти приобретения были продолжением их иберийской родины. Голландцы, напротив, действовали менее жестко, преимущественно коммерческими методами. Голландская Ост-Индская компания, зарегистрированная в 1602 году, считается первой в мире транснациональной компанией, выпускавшей облигации и акции для финансирования экспедиций. Пытаясь подорвать контроль Португалии

над прибыльной торговлей специями, а также власть Испании над Низинными землями (современная Бельгия), голландцы за двести лет задействовали больше торговых судов (пять тысяч) и коммерсантов (почти миллион), чем вся Европа, вместе взятая. В самом деле, иберийско-голландское и англо-голландское соперничество велось не столько за океаны, сколько за доступ к портам к востоку от Суэца. Понятием «свободное море» мы обязаны голландскому ученому-правоведу Гуго Гроцию, доказывающему в работе *Mare liberum*, вышедшей в 1609 году, что океаны должны быть международной, а не суверенной территорией.

Между стратегией Амстердама четырехсотлетней давности и Пекина сегодня прослеживается поразительное сходство. Китай тоже предпочитает строительство инфраструктуры для получения доступа к ресурсам, а не модель британского или французского колониализма. Хотя Голландия и использовала военную силу в союзе с местными властями, чтобы выдавить Португалию из региона и установить над ним административный контроль, особенно в Шри-Ланке и Индонезии, ее цель состояла в укреплении торговых маршрутов и доступе к полезным ископаемым, а не в покорении мира во славу родины и Бога⁹⁵. Двумястами годами ранее флот великого адмирала Чжэн Хэ эпохи династии Мин также установил мирные отношения с отдаленными странами Восточной Африки. Голландцы, как и представители династии Мин, тоже хотели торговать, а не воевать: они были империей анклавов.

У Китая было достаточно времени, чтобы научиться создавать такие заморские анклавы и управлять ими, ведь так действовали ведущие европейские державы в самом Китае через колонии Гонконг и Макао. В последние десятилетия Китай открыл десятки свободных экономических зон не только на своей территории, но и в Азии, Латинской Америке и Африке. Эти СЭЗ — нечто вроде торговых гарнизонов в мире цепей поставок, гарантирующих Китаю доступ к ресурсам без применения силы.

Но как обезопасить такой доступ, когда, скажем, флот США способен решать глобальные задачи и блокировать основные «морские линии связи»? Пока у Китая только один авианосец (сомнительного качества), но его торговый флот — крупнейший в мире: более двух тысяч кораблей, в том числе барж, сухогрузов, нефтеналивных танкеров

и контейнеровозов, которые бороздят все океаны, включая Арктику. Под флагом США, наоборот, сейчас плавают менее сотни торговых судов. Китайцы внимательно изучили труды американского морского стратега XIX века Альфреда Тайера Мэхэна, который считал, что главная цель демонстрации морской военной мощи — расширение торговли. Более века назад он выступал за аннексию Гавайев и строительство Панамского канала, чтобы воспользоваться преимуществами быстро развивающейся в связи с изобретением парового двигателя и телеграфа глобальной экономики: «Мир стал меньше. Места, ранее безнадежно далекие, сейчас приобретают важное значение» [2]. Сегодня именно Китай строит, эксплуатирует, а во многих случаях фактически владеет ключевыми портами и каналами, лежащими в основе его растущей империи цепей поставок. (Гонконгская компания Hutchison Whampoa управляет проходом кораблей через Панамский канал по обе его стороны.) Будет ли Китай, обвивший своими «торговыми щупальцами» все океаны планеты, посылать вооруженные галеоны для сопровождения нефтеналивных танкеров и сухогрузов по всему миру?

«МОБИЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ»

Утром 2 мая 2014 года глубоководная нефтебуровая установка заняла позицию 15°29'58" северной широты и 111°12'06" восточной долготы в 180 милях южнее китайского острова Хайнань и в 120 милях восточнее вьетнамского острова Ли Сон. За два месяца Haiyang Shiyou 981 (HYSY 981) пробурила две нефтяные скважины и к 15 июля покинула эту точку.

Когда речь идет о суверенитете, на ум приходит обозначенная границами территория. Но океаны покрывают большую часть земной поверхности, и их принадлежность всегда вызывала споры. В течение двух десятилетий голландский ученый Гуго Гроций отстаивал принцип «свободы морей» (*Mare liberum*), в то время как английский юрист Джон Селден — альтернативную концепцию закрытого моря (*mare clausum*), то есть контроля над морскими водами. Сегодня многие прибрежные страны претендуют на исключительные экономические зоны, простирающиеся от их берегов на 200 морских миль в глубь моря, что обычно вызывает множество встречных требований, приводящих к юридическим спорам и даже морским столкновениям. В навигации по мировому океану в коммерческих целях Китай

придерживается концепции Гуго Гроция и опыта голландцев, но что касается Южно-Китайского моря, то тут поведение Китая вывело бы из себя даже Джона Селдена.

Хотя с поисками энергетических ресурсов в Южно-Китайском море Китай несколько опоздал, он вполне разумно сосредоточился на уже разведанных и выставленных на аукцион участках моря. Китай мог предложить такие новые технологии, как передвижная глубоководная буровая установка HYSY 981, которая способна маневрировать за счет кинетической энергии, что раньше было возможно только на суше. Председатель совета директоров Китайской национальной шельфовой нефтяной корпорации (CNOOC) Ван Илин считает эти буксируемые глубоководные буровые «стратегическим оружием», частью китайского «мобильного национального суверенитета» [3].

Термин «мобильный суверенитет» вряд ли кто-то понял бы, пояись он в XVII веке, но сегодня маневренные платформы наподобие HYSY 981 — передвижные острова для поставок современной геополитики. Вместо того чтобы оккупировать территорию или заявлять претензии на прибрежные воды, они скрытно проникают на спорные территории, исследуют их, добывают энергетические ресурсы глубоко под водой, а затем отбуксируются в международные воды. При этом не нужно постоянно защищать весь периметр района добычи, достаточно временной береговой охраны и легких кораблей для охраны платформы во время бурения и добычи черного золота. Когда напряженность достигает точки кипения, они отступают, преподнося это как жест доброй воли. После освоения новой технологии Китай больше не зависит от иностранных нефтяных компаний, не желающих сотрудничать в спорных водах, и может вести добычу самостоятельно. Китай строит гораздо больше платформ типа HYSY 981, чем авианосцев.

Китай, Вьетнам и Филиппины подписали Конвенцию ООН по морскому праву, которую часто называют «Конституцией морей», но исторически сложившиеся претензии, вытекающие из предыдущих войн и двусторонних соглашений, подорвали уважение к ее положениям. Сегодня печально известная карта с «линией девяти пунктиров» (на недавно выпущенной линии уже десять) отражает суверенные требования Китая, графически напоминающие

свесившийся язык вдоль всего Вьетнамского побережья, острова Борнео и мимо побережья Филиппин до Тайваня. Это равносильно тому, что США предъявили бы претензии на все Карибское море вплоть до побережья Венесуэлы — кстати, именно такова суть поправки Рузвельта к доктрине Монро, внесенной в начале XX века. Но агрессивные китайские карты и «зоны идентификации ПВО» отнюдь не означают запрет для остальных использовать ресурсы Южно-Китайского моря. Скорее, Китай таким образом просто старается обеспечить себе лучшие позиции для добычи львиной доли разведанных 30 триллионов кубометров природного газа и 10 миллиардов баррелей нефтяных месторождений, находящихся в спорных водах.

Китайский подход «используй или потеряй» также включает строительство взлетно-посадочных полос с твердым покрытием, маяков, гарнизонов, сигнальных станций, административных центров на заброшенных островах архипелага Спратли и Парасельских островов⁹⁶. Риф Файери-Кросс из архипелага Спратли стал эпицентром так называемой фабрики островов, где с помощью крупномасштабных дноуглубительных работ и мелиорации отдельные отмели наращиваются и соединяются в острова.

Песок превратился в оружие. По своей природе он текуч, состоит из неделимых частиц и является основным компонентом бетона. Хотя силиконовый кварц — один из самых распространенных минералов в земной коре, найти правильный тип песка в условиях мирового строительного бума весьма непростая задача, которая включает добычу песка в руслах рек и на пляжах, выравнивание морского дна и перевозку огромного количества песка по всему миру — даже, как ни парадоксально, его доставку из Австралии в богатый песком Дубай для удовлетворения потребностей местного рынка [4]. Применение песка в топографической инженерии — пример цепей поставок, служащих строительству территории государства. Неутолимая потребность Сингапура в песке привела к полному исчезновению мелких островов Индонезии вследствие эрозии; хотя официально Малайзия перестала экспортировать песок, другие богатые им страны (Мьянма, Филиппины) продолжают выгодную торговлю [5]. С помощью песка Китай строит в море удивительные объекты, например тот же риф

Фэйри-Кросс, что обеспечивает ему фактический контроль над территорией, хотя де-юре их статус остается неопределенным.

Маневры Китая в Южно-Китайском море вызвали бурную реакцию. После сообщения в 2014 году о появлении HYSY 981 вблизи Парасельских островов вьетнамские активисты разгромили по всей стране принадлежавшие китайцам заводы, а заодно и тайваньские, южнокорейские и сингапурские предприятия, находящиеся в совместной собственности с Вьетнамом, ошибочно посчитав, что они китайские. (Предупреждение для участников цепей поставок: повесьте национальный флаг перед вашими объектами.) Поскольку на спутниковых снимках четко видно, что Китай ускоренно ведет строительство на рифе Фэйри-Кросс, США послали самолет-разведчик P-8A Poseidon выяснить, что происходит.

И все же Китай сумел проникнуть на чужую территорию, избежав реальных контрмер. Безусловно, конфронтация периодически возникает, но находится под контролем. Хотя США способны силовым путем сдерживать военную агрессию, в отношении расширения сети цепей поставок у них практически нет никакой стратегии. Несомненно, самоутверждение Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском море вынудило США экстренно перебалансировать военно-морские и военно-воздушные силы в Азии. Но сколько бы линкоров и бомбардировщиков там ни находилось, вопрос в другом: хватит ли у США политической воли их применить?

Все военные предпочитают быструю победоносную войну долгой и изнурительной, но чем дальше некоторые из них заглядывают в будущее, тем неопределеннее оно им кажется. США приобрели расширенные права на базирование в Японии, на Филиппинах и в Австралии, но о новых бомбардировщиках В-1 говорят, что они предназначены для ротации, а не базирования в этом регионе. В то же время ВМС США инвестируют в мобильные плавучие базы вокруг Гуама, находящиеся в настоящее время вне досягаемости китайских боевых групп. Но это быстро изменится по мере разработки Китаем атакующих субмарин, ракет и других видов вооружений, способных поразить гигантские американские авианосцы. Китай активно модернизирует и увеличивает свой флот, чтобы укрепить позиции в Тихом океане. «Плащи-невидимки» для самолетов, обилие автономных стелс-дронов и, конечно же, вездесущие киберхакеры —

все это указывает на большее разнообразие и специфический характер конфликтов на высокотехнологичном азиатском театре действий.

Тем не менее мы не можем предсказать пути развития американо-китайского противостояния без анализа цепей поставок. В 1917 году атаки немецких подводных лодок на торговые суда союзников втянули США в Первую мировую войну, а во Второй мировой войне уже американские подводные лодки уничтожили большую часть торгового японского флота. Любой инцидент с китайскими торговыми судами будет расценен как акт войны и приведет к нападениям на американские военные корабли и базы и неминуемому банкротству американской сети супермаркетов Walmart, импортирующей 70 процентов товаров из Китая (сеть приобрела несколько интернет-магазинов, таких как Yihaodian.com, чтобы нарастить объем продаж в Китае). Даже Министерство обороны США сегодня зависит от Китая во всем — от компьютерных чипов до лампочек. Поэтому открытая конфронтация не нужна никому: Китай заинтересован в мире для дальнейшего экономического роста, Америка нуждается в Китае из-за товаров, а Юго-Восточная Азия зависит от доступа в Южно-Китайское море как основного пути для практически всего ее экспорта.

Цепи поставок де-факто обеспечивают решение того, что де-юре кажется проблемой. Есть масса примеров совместной эксплуатации энергетических ресурсов в международных водах. Почти сто лет назад Норвегия и Россия урегулировали конфликт вокруг острова Шпицберген из одноименного архипелага, расположенного в северной части Северного Ледовитого океана, сойдясь на том, что остров войдет в сферу управления Норвегии, но будет открыт для добычи полезных ископаемых всем заинтересованным сторонам. В 1979 году Таиланд и Малайзия создали совместный орган по управлению развитием более чем десяти газовых месторождений, расположенных на континентальном шельфе обеих стран, сформировав совет директоров из известных политиков и топ-менеджеров добывающих компаний для управления и контроля за распределением прибыли. Как и в случае с Персидским заливом, Южно-Китайское море должно быть китайским только по названию, а на практике использоваться всеми выходящими к нему странами, так же как Иран и Катар совместно разрабатывают крупнейшее в мире газовое месторождение. Девиз Таиланда

и Малайзии 1970-х годов прекрасно отражает нынешние тенденции: «Давайте вместе пить из одного и того же колодца!»

Нет региона важнее, чем Азия, для диверсификации поставок нефти и газа в целях предотвращения войны за ресурсы. Объединение технологий и торговли превратило такой локальный ресурс, как природный газ, в глобальный с помощью СПГ-танкеров. С тех пор как первый СПГ-танкер отплыл в 1964 году из Алжира в Лондон, уже шестьсот танкеров бороздят мировой океан, соединяя спрос с предложением. (В отличие от нефти, газового картеля нет.) Работающий в Азии уже больше века Chevron осваивает почти половину запасов газа в Индонезии, Таиланде и Бангладеш, а также ведет его добычу в Западной Австралии — все эти ресурсы в основном находятся в море и нуждаются в транспортировке СПГ-танкерами⁹⁷. Сеть СПГ-терминалов и азиатская сеть трубопроводов плюс газоторговый узел способны заменить старую систему жестких контрактов гибким ценообразованием и продемонстрировать превосходство спроса и предложения над геополитическим положением⁹⁸. Для азиатских стран клич «Бури, дорогой, бури!» — путь к энергонезависимости и региональной стабильности.

СУВЕРЕНЬ МОРЕ

Государственные нефтедобывающие компании Китая и американский флот не единственные игроки в масштабной морской игре за ресурсы. Мощные и квазивнегосударственные глобальные корпорации сформировали собственный тип мобильного суверенитета — огромные плавучие структуры. Prelude компании Shell, например, представляет собой плавучую платформу по сжижению природного газа, втрое превышающую размеры сиднейского оперного театра и впятеро — массу самого большого американского авианосца. В отличие от старых платформ — и еще более двух десятков новых нефтебуровых платформ, выполняющих ультраглубокое бурение у берегов Бразилии и в Арктике, — Prelude уже не нужно жестко крепиться к океаническому дну. Теперь они используют GPS-управляемые динамические системы позиционирования, направляющие водометный движитель так, чтобы удерживать платформу в заданной точке. Без труб, касающихся суверенного берега страны, они экономят колоссальные суммы на трубопроводах и нефтеперерабатывающих заводах, не обязаны трудоустраивать местных

жителей, не подпадают под законодательство об охране окружающей среды и не должны выполнять множество других пунктов, предусмотренных в традиционных контрактах. Первая Prelude направляется в бассейн Броуз на западе Австралии, а ее строящиеся аналоги будут функционировать у побережья Малайзии, Восточного Тимора и Мозамбика, генерируя миллиардные прибыли. Подобные платформы строит компания Samsung Heavy Industries на корейской верфи Geoje. Без них Shell наверняка увязла бы в нечистоплотной местной политике, как некогда в Нигерии.

Prelude компании Shell — крупнейшая, но не самая маневренная среди платформ, строящихся на верфях Южной Кореи. Этот рекорд принадлежит контейнеровозу Triple-E99 компании-гиганта Maersk, который стал настоящим символом мира цепей поставок. Среди судов Triple-E то же самое, что Airbus A380 среди самолетов, — сверхмасштабное воплощение мира гиперглобализации. Как и Prelude, Triple-E почти вдвое длиннее крупнейшего американского авианосца и, подобно Airbus A380, пребывает в постоянном движении. Слишком широкий для прохода через Панамский канал и высокий для разгрузки грузовыми кранами в любом американском порту, он непрерывно курсирует между Европой и Азией по маршруту Роттердам — Суэцкий канал — Сингапур (через Индийский океан) — Гонконг — Шанхай и обратно. Флот из двадцати таких мегаконтейнеровозов превзойдет все авианосцы мира и после 2020 года будет бороздить просторы Тихого, Атлантического и Северного Ледовитого океанов.

А теперь представьте, что Triple-E компании Maersk выходит из Шанхая в Роттердам с полной загрузкой: 36 тысяч автомобилей Nissan, 180 миллионов штук Apple iPad и 110 миллионов пар обуви Nike — или любым другим грузом аналогичного веса и объема. И во время пересечения Южно-Китайского моря между архипелагом Спратли и Парасельскими островами в него попадает торпеда (которая предназначалась вьетнамскому военному кораблю, атаковавшему нефтяную платформу HYSY 981 компании CNOOC), выпущенная из китайской подводной лодки, и он тонет. Против кого направлен этот акт войны? Против судовладельца? Дании, страны приписки корабля? Судостроителя Южной Кореи? Тех компаний, чей груз общей стоимостью 4 миллиарда долларов был на борту? Против целого списка компаний-поставщиков, в том числе, по иронии судьбы, китайских и

вьетнамских, которые потеряют доходы из-за недоставленных и непроданных товаров? Независимо от степени вероятности такого сценария атака на Triple-E компании Maersk была бы атакой на глобализацию, против кого бы она ни направлялась изначально.

Судостроительные компании — это тип компаний, больше лояльных торговым потокам, чем государствам. Контролируемые в основном немецкими, норвежскими, датскими, голландскими, греческими и китайскими магнатами, они могут принадлежать офшорной компании с Каймановых островов, хранить прибыль в Швейцарии и управлять трастовыми фондами и счетами в Сингапуре. Каждое судно — нечто вроде ценного актива, который зарегистрирован в Либерии, ходит под «удобным флагом» Панама и принадлежит кипрской компании специального назначения, чтобы ограничить ответственность в случае потопления груза или экологической катастрофы. В 1990 году только 23 процента мирового торгового флота из более чем 10 тысяч кораблей было зарегистрировано в офшорах; сейчас эта цифра уже составила 72 процента.

Судоходство тысячелетиями было основой межконтинентальной торговли и до сих пор перевозит 90 процентов мирового торгового оборота. Действительно, ведущим морским цепям поставок не нужно учиться, как ориентироваться в условиях комплексного глобального капитализма — они его изобрели. Судоходство между Месопотамией и Индией через Персидский залив датируется третьим тысячелетием до нашей эры, а древнегреческие купцы с Родоса делали в общий фонд взносы для выплаты возмещения в случае гибели корабля или потери груза. Средневековый Ганзейский союз Северной Европы и такой морской тяжеловес, как Венеция, издали кодекс законов о страховых контрактах и даже положили начало перестрахованию — страхование страхователей, — без которого непомерно возрастал риск финансирования капиталоемкого судоходного бизнеса. Открытая в 1680-х годах кофейня Эдварда Ллойда в Лондоне, ставшая любимым местом отдыха капитанов кораблей, судовладельцев, купцов и банкиров, со временем превратилась в крупнейшую страховую компанию и остается таковой по сей день. Таким образом, возникшее партнерство между судоходством и страхованием стало основой глобализации.

Многие экономисты скептически относятся к появлению на рынке стольких новых танкеров в период замедления экономического роста. Между тем крупнейшие судоходные компании поддерживают друг друга в период кризиса: Maersk, CMA CGM и Mediterranean создали неформальный альянс для сокращения совокупных операционных издержек. По прогнозам, глобальный объем морских перевозок до 2030 года удвоится и достигнет миллиарда контейнеров, а это значит, что, инвестируя в связанность сегодня, можно обеспечить себе преимущество на торговые перевозки завтра. Rolls-Royce даже планирует испытания прототипа морского беспилотного грузового судна, поэтому не исключено, что глобальная сеть морских цепей поставок однажды заработает на автопилоте.

КАК ИЗБЕЖАТЬ «МАЛАККСКОЙ ЛОВУШКИ»

Объекты инфраструктуры цепей поставок работают во всем мире последовательно, непреднамеренно синхронизируясь в связи с внезапным смещением глобальных потоков. На рубеже XX столетия трансконтинентальные американские железные дороги в совокупности с Панамским каналом частично уничтожили морские маршруты через Магелланов пролив. В начале XXI века стратегический водный путь для поставок продуктов и энергии — аналог Ормузского пролива — проходил прямо перед моей дверью. Я имею в виду Малаккский пролив между Малайским полуостровом и индонезийским островом Суматра, ширина которого в самом узком месте у побережья Сингапура составляет всего 2,5 километра. Толпы бегунов, велосипедистов, игроков в гольф, пловцов, фанатов тайцзи, любителей водных лыж и просто туристов ежедневно наслаждаются великолепными видами сотен кораблей и супертанкеров, осторожно маневрирующих в проливе, считая само собой разумеющимся, что этот морской пролив, соединяющий Индийский и Тихий океаны, настолько загружен. Но это не так.

Сингапур в буквальном смысле слова — остров в проливе, хотя маршрут большинства кораблей пролегает через Канал Филлипс, огибающий его с юга. Греки и римляне, арабы и индийцы плавали здесь еще до появления португальских кораблей в начале XVI века, когда португальцы основали поселение Макао в Китае. Голландцы и англичане после столетней борьбы за контроль над проливом договорились о беспрепятственном пропуске кораблей друг друга

и судов дружественных стран. Сингапур, практически не имея природных ресурсов, процветает за счет географического положения, превратившись в торговый, перегрузочный, нефтеперерабатывающий и сервисный центр. Когда в 1819 году был основан Сингапур, сэр Стэмфорд Раффлз сказал: «Наша цель — не территория, а торговля» [6].

Западные аналитики сосредоточиваются на маневрировании Китая в Южно-Китайском море, несмотря на то что его истинная цель — получение доступа к источникам сырья к *востоку* от Малаккского пролива, который позволит избавиться от зависимости от этого узкого места. Китай стремится не контролировать узкое «горлышко» между Индийским и Тихим океаном, а выстроить маршруты в его *обход*, наращивая конкурентную связанность, чтобы извлекать выгоду из одновременного выхода в Индийский и Тихий океан, как это уже делают Малайзия, Таиланд и Индонезия. Поскольку эти страны учатся получать все больше преимуществ от своего местоположения — с помощью Китая, — это начинает угрожать ключевой позиции Сингапура.

Так же как автомобильные и железные дороги, линии энергопередач, каналы и трубопроводы воплощают стремление стран добиться максимальной эффективности от глобальной связанности. Экономика богатой газом и нефтью Малайзии настолько стремительно растет, что стране приходится импортировать природный газ, в то время как ее собственные поставки постепенно сокращаются. В 2013 году неподалеку от старого центра торговли пряностями Малакки в Андаманском море (Индийский океан) Малайзия открыла терминал по разгрузке и регазификации СПГ, чтобы конкурировать с Сингапуром как центром торговли газом, а год спустя объявила о строительстве нефтехимического комбината к востоку от Сингапура в Джохоре (Тихий океан).

Пока Малайзия пытается потеснить Сингапур на мировых рынках энергоресурсов, амбициозный проект строительства канала через узкий перешеек Кра в Таиланде может привести к потере Сингапуром и Малаккским проливом стратегического значения. Сама по себе идея строительства канала возникла еще в XVII веке, после посещения французским инженером Фердинандом де Лессепсом, построившим Суэцкий канал, перешейка в 1882 году, но тогда Британии удалось

сохранить ключевой статус порта Сингапура. Однако сегодня современные технологии в сочетании со спросом на электроэнергию в Азии и поддержкой со стороны Китая делают идею строительства канала не только реальной, но и вполне логичной и желательной альтернативой «Малаккской ловушке».

Канал Кра, наряду с Южным Суданом, может стать еще одним примером сепаратизма на основе цепей поставок. Таиланд за несколько десятилетий не сумел наладить конструктивный диалог со своим мусульманским населением, сосредоточенным в провинции Паттани, дав повод Китаю и Малайзии, населенной преимущественно мусульманами, скрыто поддерживать сепаратистские настроения, если мусульмане не будут против строительства канала. Поскольку экономика Таиланда до сих пор не вышла из рецессии после военного переворота 2014 года, Тайский канал — прекрасный шанс укрепить стратегическое положение страны, даже если его строительство ослабит центральную власть в мятежных южных провинциях.

Проект Тайского канала мог бы одновременно заинтересовать обоих мегатехнологичных конкурентов — Китай и Японию. За несколько часов до атаки на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года японская императорская армия начала военные действия в Тихом океане, высадившись на перешейке Кра, вторгнувшись в Таиланд и Британскую Малайю и в итоге захватив Сингапур. Черчилль усмотрел в этом «...величайшую капитуляцию» в английской истории. Семьдесят лет спустя ни Китай, ни Япония не хотят захватывать Таиланд или Сингапур. Сегодня Япония — крупнейший зарубежный инвестор Таиланда, и у нее есть возможность реализовать проект стоимостью 20 миллиардов долларов при участии Китая, который к тому же предоставит необходимые человеческие ресурсы (30 тысяч рабочих). Для обеих стран это небольшая цена за сокращение времени транспортировки и достижение стратегической устойчивости. Военными действиями вопрос не решить, а вот инфраструктура способна на многое.

Япония резко увеличила объем инвестиций в Мьянме, что служит не только японским, но и китайским интересам. Модернизация порта в Янгоне позволила перехватить у портов Малакки часть контейнерных перевозок в Бенгальском заливе. В дополнение к нефтепроводу пропускной способностью 2,5 миллиарда кубометров от порта

Кьяукпью — где уже создана СЭЗ площадью 350 квадратных километров, — который может ежедневно транспортировать 500 тысяч баррелей ближневосточной и африканской нефти, был построен газопровод пропускной способностью 12 миллиардов кубометров, идущий с острова Мадай в Мьянме в китайскую провинцию Юньнань (в котором уже создана СЭЗ площадью 350 квадратных километров), который может ежедневно транспортировать 500 тысяч баррелей ближневосточной и африканской нефти без необходимости использовать Малаккский пролив.

В соседней Бангладеш построенный китайцами основной мост через реку Падму (или Нижний Ганг) наконец соединил части расколотой страны. Неподалеку от границы Мьянмы и Бангладеш Китай планирует построить порт Сонадия, чтобы облегчить экспорт товаров из множества «текстильных деревень», куда было переведено его низкооплачиваемое производство. Таким образом, Мьянма и Бангладеш становятся транспортными коридорами, позволяющими обойти Малаккский пролив путем отправки грузов и сырья на грузовиках или буксирах в Южный Китай — скорее всего, по реконструированной дороге Стилуэлла с побережья Андаманского моря¹⁰⁰.

В целом стратегия Китая соответствует принципам Сунь-Цзы: сочетание элементов мошенничества с политикой кнута и пряника. Хотя агрессивные действия страны в Южно- и Восточно-Китайском морях и обеспокоили геополитических игроков, долгосрочная стратегия Китая сводится к строительству инфраструктуры в бассейнах Индийского и Тихого океанов, включая сухопутный маршрут через Евразию, чтобы полностью избежать зависимости от Малаккского пролива. Через поколение Трансьевразийская железная дорога и новые каналы в Юго-Восточной Азии так же скажутся на значении Малаккского пролива, как сто лет назад американские трансконтинентальные железные дороги и Панамский канал — на маршрутах судов через Магелланов пролив. Наиболее значимые геополитические интервенции неизменно связаны с инфраструктурой, а не с военными действиями.

МОРСКОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Порты для грузовых и контейнерных перевозок — то же самое, что аэропорты для людей и багажа: транспортные коридоры для миллионов

операций, перемещений и поставок. Подобно тому как услуги в аэропортах с каждым годом все больше автоматизируются, в портах наблюдается аналогичная картина. Шанхай с мегапортом Яншань связал 32-километровый мост Дунхай, с наличием контрольных башен управления трафиком, центрами управления, одновременно отслеживающими перемещение сотен кораблей, десятков тысяч контейнеров и сотен грузовиков (скоро беспилотных). От Яншаня до Мельбурна и Лонг-Бич операторы терминалов используют программное обеспечение для обмена электронными данными, составления расписаний швартовки, эксплуатации автономных транспортных средств. В виртуальной реальности можно оптимизировать скорость погрузки-разгрузки, а также согласовать с партнерскими логистическими компаниями (например, Shipwire) действия по координации загрузки складов согласно расписанию железнодорожных перевозок, чтобы эффективно распределять грузы, подобно кровеносным сосудам, формирующим систему кровообращения.

Исторически конкуренция между портовыми городами определяла победителя в игре по перетягиванию каната. С древних времен в портах строились оборонительные сооружения для защиты от вторжения и взимались импортные пошлины, обеспечивавшие портам прибыль как связующему звену с внутренними районами страны. В V веке до нашей эры греческие города-государства объединились, чтобы противостоять армиям Ксеркса. В Средние века Ганзейский союз создал альянс из 170 торговых портов на Балтийском и Северном морях и мобилизовал их военный флот для защиты своих коммерческих интересов.

Роль ключевого транспортного узла или коридора всегда воздается сторицей, что ужесточает конкуренцию на морях. Существенное увеличение в последнее двадцатилетие глобальных объемов грузоперевозок потребовало расширения, модернизации и углубления крупнейших мировых портов и каналов. Суэцкий канал, по которому проходит четверть мирового морского транзита, объявил в 2014 году о реконструкции, которая обеспечит одновременные потоки судов на юг и север, что удвоит пропускную способность канала. Расширение Суэцкого канала — шикарный подарок миру от Египта, повышающий его роль в обеспечении межконтинентальной связанности. В результате

доходы канала удвоятся — примерно до 13 миллиардов долларов в 2020 году.

Но самый интенсивный рост объемов торговли наблюдается к востоку от Суэцкого канала. В 1970-х годах трансатлантические грузоперевозки составляли 80 процентов от мирового объема; к 2013 году этот показатель упал до 40 процентов. На торговые связи Китая, Ближнего Востока и Африки уже сейчас приходится свыше половины мирового объема торговли. Расширение и строительство портов, углубление каналов, строительство трубопроводов и супертанкеров обусловило рост товарных и энергетических потоков через Индийский океан. Этот «Морской Шелковый путь» с Ближнего на Дальний Восток, из Дубая в Сингапур и Шанхай, опять становится основным транспортным коридором мира.

Поскольку в Юго-Восточной Азии путь в обход Малаккского пролива проходит по суше, Индия долгое время считала, что занимает ключевые географические позиции в Южной Азии, но мало что делала для подтверждения этого убеждения, что позволило Китаю потеснить Индию как крупнейшего торгового партнера всех ее соседей (кроме Непала). В течение пятидесяти лет Китай финансировал строительство высокогорного Каракорумского шоссе, идущего из провинции Синьцзян вдоль русла реки Инд, затем пересекающего Пакистан и упирающегося в Аравийское море. Сегодня после модернизации этот маршрут превратился в китайско-пакистанский транспортный коридор, включающий железные дороги и линии электропередач, по которому перевозятся грузы на миллиарды долларов; коридор контролируют специальные подразделения армии Пакистана, а им приказано охранять его тщательнее, чем государственную границу. Инфраструктура сделала Китай страной двух океанов — Тихого и Индийского. Как только будут построены трубопроводы через Пакистан, Китай сможет транспортировать энергоресурсы с Ближнего Востока в свои быстроразвивающиеся западные провинции. Тихий порт Гвадар на побережье Аравийского моря может стать самой надежной морской базой Китая с размещением атакующих субмарин, строящихся в окрестностях Карачи. Неудивительно, что один китайский генерал даже назвал Пакистан «китайским Израилем» [7], то есть союзником, который никогда не предаст.

Иранский порт Чабахар, расположенный менее чем в 100 километрах к западу от Гвадара, тоже хочет стать перевалочным центром для товаров из Центральной Азии (особенно из постсоветских республик и Афганистана) на побережье Аравийского моря. Индия всерьез занялась развитием Чабахара и намерена закрепиться в этом регионе, обеспечив транзитный поток товаров из Афганистана в обход Пакистана. Но ирано-пакистанские связи укрепляются благодаря финансированию Китаем строительства критически важного для обеих стран газопровода. Финансируемая Индией автомагистраль Зарандж — Деларам в западном Афганистане вполне может стать для Китая еще одним маршрутом к Аравийскому морю.

У Ирана и Пакистана давние связи с Оманом, представляющим собой коллекцию оазисов, столетиями привлекавших рыбаков и ловцов жемчуга из Занзибара (которым эта страна управляла в XVIII–XIX веках) и Южной Азии. Фактически Оман владел портом Гвадар на момент формирования государственных границ и провозглашения независимости странами Индийского субконтинента, а затем в 1958 году продал его Пакистану после геологического исследования, подтвердившего, что форма молотка, выдающегося в Аравийское море, делает его идеальным местом для строительства глубоководного порта. Значительное количество белуджей родом из Ирана, Пакистана и Афганистана сегодня остаются в Омане и служат в армии страны и дворцовой страже султана.

С точки зрения пестрого национального и демографического состава населения и исторического опыта мореплавания, Оман — уникальное государство в арабском мире, провозгласившее свободу вероисповедания для всех конфессий и сохраняющее нейтралитет в дипломатических отношениях. Но из всех соседей по Персидскому заливу Оману ближе всего Иран. В 2013 году страны подписали соглашение сроком на 25 лет, предусматривающее импорт природного газа из Ирана. Более того, совместно с Индией, родом из которой треть населения Омана, в том числе многие представители торговых домов с устоявшейся репутацией, Оман планирует строительство подводных газопроводов для распределения иранского природного газа.

Китай тоже имеет длительный опыт плавания в Индийском океане, особенно если вспомнить о «кораблях-сокровищницах» адмирала Чжэн Хэ, посланных в Восточную Африку за сто лет до того, как

португальцы впервые обогнули южную оконечность Африки. Европейские колониальные державы конкурировали за прибыльную торговлю специями в Индийском океане не менее упорно, чем за золото и серебро Латинской Америки. Португальцы построили форты в прибрежных королевствах Индийского океана — Каликуте, Гоа, Кочи, Каннуре и островном Котте, постепенно вытеснив венецианских и османских торговцев, ранее доминировавших в торговле в Индийском океане.

Котте, получивший известность как Цейлон во времена португальского владычества, был ключевым пунктом торговли корицей, кардамоном, черным перцем и драгоценными камнями. Пережив правление Голландии, а затем Великобритании, в 1948 году Цейлон наконец обрел независимость. Реализовав амбициозные планы стратегически контролировать Индийский океан, он мог бы стать не менее успешным, чем Дубай или Сингапур. Даже Ли Куан Ю посещал Коломбо незадолго до объявления независимости Сингапуром в поисках модели постколониальной, мультикультурной парламентской демократии и решил, что нашел ее. Но совершенный сингалезскими националистами государственный переворот, отчуждение тамильского меньшинства, смена названия страны на Шри-Ланку привели к межэтническим распрям, сепаратизму и жестокой гражданской войне, длившейся сорок лет, до 2010 года.

Ровно через шестьсот лет после путешествия Чжэн Хэ по Индийскому океану Китай вернулся на Шри-Ланку, заключив соглашения о модернизации ее портов до уровня транзитных центров для своих гигантских объемов экспорта. Китайская стратегия «нить жемчуга» направлена на развитие морских точек доступа по обе стороны Индии, таких как остров Мадай в Мьянме, порт Хамбантота на Шри-Ланке и Гвадар в Пакистане. Китайские деньги помогли восстановить Хамбантоту после разрушительного цунами в 2004 году, а также реконструировать большинство национальных автомагистралей и дорог, что вдвое сократило время поездки между любыми крупными городами страны.

При бывшем президенте Махинде Раджапаксе построенная китайцами инфраструктура и предоставленное оружие, а особенно помощь в прекращении гражданской войны сделали Шри-Ланку лучшим другом Китая. Но так же как Мьянма извлекла выгоду из

заинтересованности глобального инвестора в ее победе в перетягивании каната с Китаем, поступает сейчас и Шри-Ланка, чей нынешний президент Майтрипала Сирисена заявил, что Раджапаксе превратил страну в «рабскую колонию» Китая. Шри-ланкийцы помнят, что даже Чжэн Хэ в мирных экспедициях сопровождали 30 тысяч солдат. Когда в 1411 году правитель королевства Котте Алакешвара отказался платить дань китайскому императору, он был закован в цепи и отправлен в Китай.

Растущее недоверие Шри-Ланки к Китаю во многом спровоцировано Индией. Благодаря построенной китайцами инфраструктуре Шри-Ланка уже добилась больших успехов в сфере туризма и экспорте текстиля, одежды и чая. Теперь Индия пытается внести свою лепту, чтобы уравновесить вклад Китая, предлагая собственные проекты — от железных дорог до недвижимости, а также открытие на острове бэк-офиса и кол-центров на аутсорсинге. Перспективное направление — строительство сборочных автозаводов для огромного 300-миллионного рынка Индии.

Индийский океан снова стал эпицентром конкурентной связанности. В XV и XVI веках прибрежные королевства в Индии торговались с купцами из Европы за самые выгодные условия доставки товаров на отдаленные рынки. И хотя с XV века Шри-Ланка была колонией европейских стран, на этот раз она готова противостоять любому китайскому влиянию, простирающемуся за пределы обоюдовыгодных проектов, — вооруженная китайским же оружием.

ГОРОДА АТЛАНТИКИ

В Атлантическом океане конкуренция за прокладывание морских торговых путей была не менее ожесточенной. Когда в 1914 году открылся Панамский канал, он практически опустошил чилийский порт Вальпараисо, поскольку кораблям больше не нужно было в него заходить по пути к Магелланову проливу и далее вокруг южной оконечности Южной Америки. Сегодня город Панама позиционирует себя как «Дубай Центральной Америки» (перелет между этими городами — самый протяженный в мире) и старается развивать такие направления, как недвижимость, свободные экономические зоны и авиация, предлагая южноамериканским рейсам азиатских авиакомпаний делать промежуточные посадки в Панаме. В связи с существенным расширением канала в целях обеспечения

двустороннего движения для больших танкеров класса post-Panamax страна имеет шанс повторно уничтожить Вальпараисо как центр технического обслуживания и заправки судов, слишком широких для прохождения через Панамский канал. Процент ежегодного сокращения контейнерных перевозок через Вальпараисо и так выражается двузначной цифрой. В итоге количество круизных лайнеров превзойдет число танкеров, так как город репозиционирует себя в качестве культурного и туристического центра.

Малозатратный способ добраться до Восточного побережья Америки — стратегическая цель для таких экспортеров потребительских товаров и техники, как Япония, Южная Корея и Китай. Даже после расширения Панамский канал не сможет пропускать суда типа Maersk Triple-E или Valemax, а потому не позднее 2020 года может получить конкурента у себя под боком. Никарагуа, одна из беднейших стран полушария, при активной поддержке китайского телекоммуникационного гиганта Wang Jing, утверждающего, что 50-миллиардный проект (вдвое превышает объем ВВП Никарагуа) создаст 50 тысяч новых рабочих мест, продвигает проект строительства 220-километрового Гранд-канала (длиннее и шире Панамского канал) чуть севернее своей границы с Коста-Рикой. Важно отметить, что Никарагуанский канал рассчитан не только на контейнеровозы, но и на грузовые суда и танкеры, перевозящие железную руду, уголь, сжиженный газ и богатые белками бразильское мясо и соевые бобы¹⁰¹.

Такие порты Восточного побережья США, как Норфолк и Саванна, пристально следят за конкурентной борьбой каналов в Центральной Америке: некоторые из них интенсивно углубляют дно, устанавливают большегрузные краны и 3D-сканеры для ускорения обработки грузов. В 2014 году порт Майами отреагировал на действия конкурентов проведением дноуглубительных работ и строительством туннеля стоимостью миллиард долларов, который позволяет пяти тысячам ежедневно въезжающих и выезжающих из порта грузовиков проходить под терминалом для круизных судов и выезжать прямо на шоссе I-95, добираясь до Атланты раньше, чем грузовое судно дойдет от Майами до Саванны.

Майами, в свою очередь, скоро столкнется с конкуренцией со стороны своего латиноамериканского островного соседа Пуэрто-

Рико. С учетом безналогового статуса и местоположения внутри периметра безопасности США в пуэрториканском городе Понсе строится огромный новый порт, который обеспечит эффективное обслуживание транзитных грузовых судов вдоль Восточного побережья. Кроме того, Пуэрто-Рико стал самой популярной налоговой гаванью в США после исключения в 2013 году из налогового законодательства налога на прирост капитала. Это привлекло инвестиции от менеджеров хедж-фондов со сверхвысокой чистой стоимостью активов, таких как Джон Полсон, который называет Пуэрто-Рико «Сингапуром Карибского моря» [8]. Подобно тому как Мичиган и Теннесси конкурируют за право разместить на своей территории линию сборки автомобилей, прибрежные районы Америки конкурируют с ее островными территориями в портах, транспортной и финансовой отраслях.

Не исключено, что скоро южные порты Америки начнут принимать грузы из страны, сотрудничество с которой еще недавно казалось маловероятным, — из Кубы. В 30 милях западнее Гаваны в городе Мариеле, из которого более 100 тысяч кубинцев когда-то бежали во Флориду, бразильская компания Odebrecht начала строительство огромной свободной экономической зоны и контейнерного порта, который будет управляться администрацией порта Сингапура. Порт Мариеля передаст иностранным компаниям стопроцентное право собственности на портовые объекты и предоставит безналоговый статус в обмен на рабочие места в производственном и логистическом секторах. В последнее время китайские коммерческие делегации неоднократно посещали Кубу, планируя операции, которые полностью окупятся после восстановления дипломатических и торговых отношений с США.

Безусловно, не все новые мегапорты и морские центры извлекут выгоду из изменения глобальных моделей цепей поставок. Одни, возможно, так и не будут достроены, другие вытеснят конкуренты, третьи разрушатся из-за стихийных бедствий или повышения уровня моря, а четвертые станут жертвами террористических атак или гражданских войн. Но, так или иначе, все эти мегаинфраструктурные объекты, а также связывающие их каналы и супертанкеры свидетельствуют о том, что мы постепенно становимся прибрежной урбанистической цивилизацией, реконструирующей планету ради обес-

печения межконтинентальной связанности — чтобы спрос уравнивал предложение. Что касается морских товарных потоков, то только один потенциальный морской маршрут способен превзойти уже освоенные по уровню эффективности — Арктика.

СТОЛИЦА АРКТИКИ

В 2013 году Facebook открыл крупнейший дата-центр за пределами США — за Северным полярным кругом в Швеции, чтобы за счет естественно низких температур охлаждать тысячи серверов. Но в Арктике с каждым годом становится теплее. Человеческая деятельность привела к глобальным изменениям климата, что обусловило рост температуры в Арктике на целых четыре градуса Цельсия только за последние полвека; сегодня площадь летнего ледового покрова составляет лишь половину от того, что было в 1979 году. Почти двести городов на Аляске находятся под угрозой сползания в море или погружения в растаявшие под ними слои мерзлоты. Эскимосская деревня Ньюток в 480 милях западнее Анкориджа вынуждена полностью передислоцировать всю инфраструктуру, прежде чем она будет уничтожена. Тем не менее от Канады до Швеции в местах, где раньше была замерзшая тундра, растут цветущие города, становясь жизненно важными узлами новой экономики Арктики. Есть некая ирония в том, что ледяной покров Гренландии становится ключевой причиной затопления островов в Индийском и Тихом океане, тогда как сам остров завоевывает независимость от Дании.

Арктика — это пояс планеты, только вступающий в период интенсивного освоения и попутно меняющий географическую и политическую карту мира. Некогда абсолютно недоступный добрую половину года Северный Ледовитый океан сегодня доступен круглогодично. Если в 2010 году Россия выдала всего четыре разрешения на проход через него, то в 2013-м — уже 400. Сухогруз Yong Sheng водоизмещением 19 тысяч тонн прошел из Даляня в Роттердам за 35 дней. В настоящее время через Суэцкий канал ежегодно проходит в пятьдесят раз больше судов, чем через Арктику, но поскольку температура на полюсах Земли растет быстрее (а уровень воды быстрее поднимается на экваторе), Арктика может стать надежным судоходным маршрутом к 2020 году.

Основных судоходных маршрутов в свободной ото льда части Северного Ледовитого океана два: первый — Северный морской путь, который выбрал Yong Sheng, — соединяет два конца Евразии (Дальний Восток и Северную Европу) через территорию России, второй проходит через Берингов пролив и мимо полуострова Камчатка. Оба позволяют сэкономить целых две недели по сравнению с плаванием через Суэцкий канал. Северо-западный маршрут, соединяющий Восточную Азию с восточным побережьем Северной Америки и следующий мимо Аляски и Канады вместо России, на 10 тысяч километров короче, чем через Панамский канал.

Третий трансполярный морской маршрут мог бы пройти еще ближе к магнитному Северному полюсу и, достигнув Исландии — или Шотландии, у которой есть планы строительства Арктического транзитного узла, — разветвиться в Европу и Северную Америку, откуда корабли могли бы заходить в живописнейший Гудзонов залив в Канаде и спускаться к заливу Джеймс, где можно осуществлять перевалку грузов в тысяче километров от Торонто. Можно также направиться в порт Черчилл провинции Манитоба — географический центр Канады, — связанный железнодорожным сообщением с остальной частью страны.

Арктика критически важна для глобального будущего с точки зрения не только судоходства, но и природных ресурсов. По мере истощения западных газовых месторождений Сибири Арктика становится для России крупнейшим хранилищем запасов газа. Такие ведущие западные энергетические компании, как американская Exxon, французская Total и норвежская Statoil, совместно с российскими «Роснефтью» и «Газпромом» разрабатывают эти месторождения, применяя прогрессивные технологии буровых платформ и перемещая огромные айсберги на сотни тысяч квадратных километров в ходе эксплуатации нефтяных и газовых месторождений в Баренцевом море у берегов Норвегии и в Чукотском море недалеко от Аляски. Санкции незначительно повлияли на это сотрудничество. Неожиданным образом передвинув границы Украины, Россия тем не менее квалифицированно урегулировала проблемы Арктики и Баренцева моря с Норвегией и Берингова моря с США, чтобы обеспечить себе выгодные позиции среди стран — участниц Арктического совета¹⁰². В 2015 году Россия подала заявку на закрепление за ней 1,2 миллиона квадратных

километров арктического морского дна, где сосредоточено около восьми сотен нефтяных и газовых месторождений, чьи совокупные запасы составляют около половины от уже эксплуатируемых российских месторождений. Глава «Роснефти» Игорь Сечин описал усилия России как «работу по созданию новой нефтяной провинции» — весьма обычной вещи на функциональных картах цепей поставок.

До сих пор Арктика была примером готовности стран идти на компромиссы и быстро решать споры, чтобы привлечь больше инвестиций для добычи ресурсов. Канадский ученый Майкл Байерс утверждает, что Арктика — некое серое пятно в международных отношениях, поскольку в соответствии с международным правом ни одна страна не имеет суверенитета над Северным полюсом. Но это не значит, что Арктика никому не нужна. Россия и Канада обладают неоспоримым суверенитетом над большинством ключевых судоходных путей возле их северных берегов, а США, Норвегия и Дания обозначили эксклюзивные экономические зоны, простирающиеся на 200 миль от их берегов. В 2007 году Россия установила титановый флаг метровой высоты на морском дне в точке Северного полюса, а в 2014-м провела самые масштабные военные учения со времен распада СССР в высоких арктических широтах; был также создан Арктический военный округ с двумя постоянными бригадами. Кроме того, в Арктике несут боевое дежурство дополнительные атомные подводные лодки, а на острове Врангеля возле международной линии перемены дат (Чукотское море) создан морской форпост. Канада тоже придает своей политике в Арктике приоритетное значение, что четко отразилось в популярном высказывании бывшего премьер-министра Стивена Харпера «Пользуйся, а не то потеряешь». В рамках «Северной стратегии» Канада формирует береговую охрану, инвестирует в новые ледоколы, создает военные логистические центры на северо-западных территориях, начала регулярные разведывательные полеты беспилотников и провела испытания целого флота снегоходов под кодовым названием «Локи». В 2010 году Канада принимала министров финансов «Большой семерки» в северной провинции Нунавут, где 30 тысяч инуитов живут на территории, равной по площади Западной Европе. Разработанный в Квебеке амбициозный план «Норд» предусматривает прокладку линий электропередач глубоко внутрь ныне

необитаемых, но богатых гидроэлектроэнергией северных территорий. Даже ВМС США в 2014 году выпустили странно названную «Арктическую дорожную карту» об управлении морскими операциями на дальних расстояниях в условиях наличия минимальной инфраструктуры. Поскольку президент Обама в 2015 году распорядился начать бурение в северных регионах, ВМС США, несомненно, усилят патрулирование побережья Аляски.

Арктика сегодня попала в орбиту интересов многих государств, что придало инструментам картографирования особое значение при предъявлении прав на территории в ранее неизведанных регионах. Недавнее исследование подводного горного хребта протяженностью две тысячи километров в Северном Ледовитом океане показало, что он связан с континентальным шельфом Гренландии, что дало Дании право заявлять претензии на Северный полюс, хотя раньше это делали только Россия и Канада. Но сколько у Дании атомных подводных лодок?

По мере таяния арктических льдов аналогичные игры начинаются на другом полюсе планеты — в Антарктике. Единственный континент, не имеющий коренного населения, каждое лето принимает около четырех тысяч ученых из более чем 30 стран, работающих на сотне исследовательских станций и в полевых лагерях. Не менее 40 тысяч туристов ежегодно прибывают в Антарктиду в основном на круизных лайнерах из Аргентины. Хотя около десятка стран предъявляют всевозможные претензии на Антарктиду, что делает ее карту похожей на пиццу, нарезанную кусочками разных форм и размера, Договор об Антарктике 1961 года запрещает любую военную деятельность и нефтегазную разведку. Тем не менее это не остановило Китай от отправки ледоколов для расчистки маршрута геологоразведки, чтобы выяснить, не скрываются ли сотни миллиардов баррелей нефти глубоко подо льдом и скалами. В 2015 году Китай подписал с Австралией соглашение о дозаправке судов, чтобы обеспечить логистику своим дальним рейсам коммерческой колонизации.

Экономические гиганты Азии бурно реагируют на каждое новое сообщение об открытии месторождений энергоресурсов в Арктике и Антарктике, поскольку для них это означает уменьшение импорта нефти и газа из нестабильного Ближнего Востока через Малаккский пролив. Китай, Япония и Южная Корея с радостью предоставят

транспорт, так как только после 2009 года построили сто новых СПГ-танкеров (и несколько ледоколов). Китай настойчиво пытается отхватить кусок — или несколько кусков — арктического пирога. Он хотел приобрести несколько участков земли в Исландии, но парламент страны резко выступил против. Китайский миллиардер Хуан Нубо купил пустынный гористый участок на севере Норвегии, в Лингене, и одновременно подал заявку на приобретение богатого минеральными ресурсами фьорда на острове Шпицберген. После долгих лет лоббирования Китай получил-таки статус наблюдателя в Арктическом совете, где надеется уговорить Данию разрешить ему увеличить инвестиции в разработку железорудных и урановых месторождений Гренландии. Неудивительно, что Китай скрыто поддерживает борьбу Гренландии за независимость.

Хотя Арктика — обширная транснациональная, транзитная, богатая ископаемыми территория, она все равно нуждается в инвестициях. Как и Форт Мак-Мюррей в канадской Альберте, норвежский Киркенес становится арктическим центром экономического бума с ежегодно увеличивающимся на несколько тысяч человек населением и растущим числом работников-вахтовиков. Будучи центральным узлом цепи поставок, определяющим логистический потенциал региона, Киркенес в один прекрасный день станет фактической столицей Арктики. Располагаясь на 69° северной широты и будучи самым северным городом в мире, он лежит на той же долготе, что и Стамбул, но находится в одном часовом поясе с Осло и Цюрихом. Возможно, это не имеет особого значения, поскольку полярная ночь, как и полярный день, длятся здесь три месяца подряд. Но по мере потепления климата зимы становятся мягче, и средняя температура зимой уже не достигает прежних минус 40° по Цельсию. Растущее население зарабатывает на торговле в арктической зоне и наслаждается тем, что одна местная бизнес-леди назвала «незакатными богемскими летними ночами» [9].

Двести лет назад саамы (коренное население) чувствовали себя хозяевами этого заснеженного мира огромных оленьих стад и величественных фьордов. Во время холодной войны Финнмарк, как называют этот регион, был единственным местом, где страны НАТО граничили с Россией. Норвежцы до сих пор называют Киркенес «норвежским русским городом», поскольку эта территория последней

вошла в состав нынешней Норвегии. Здесь живут несколько тысяч русских, и указатели написаны на двух языках. Шоссе E105 начинается в Киркенесе и тянется 250 километров на восток к Мурманску, а затем поворачивает на юг к Москве, до которой еще две тысячи километров, столько, сколько и до Осло. Для русских и норвежцев, проживающих в радиусе 30 километров от границы (в дальнейшем расстояние планируется увеличить до 60 километров), введена специальная «приграничная виза», позволяющая свободно пересекать границу в обоих направлениях.

Россия больше всех выигрывает от сотрудничества стран в регионе Баренцева моря, поскольку в его рамках можно финансировать разведку месторождений нефти, рыболовство, перевозки, туризм и модернизацию промышленности. Город Никель, названный так по основному металлу, добываемому в близлежащих шахтах, окутывающих город облаком черной пыли, — побратим Киркенеса, находящегося всего в семи километрах по другую сторону границы. Никель дешев, его много, и Киркенес помогает России быстрее доставлять его на азиатские рынки¹⁰³. Пояс от Киркенеса до Кандалакши на Белом море становится самой модернизированной промышленной зоной России, поскольку такие компании, как «Русал», импортируют новейшее оборудование из западных стран, чтобы удовлетворять глобальный спрос на высококачественный алюминий.

Жизнь в приграничных районах освобождает людей от ограниченности мышления, свойственной глубинке страны. В Киркенесе едва ли найдется бизнес, не имеющий партнеров в России, и наоборот. Для них связь через границу — повседневная реальность, а санкции — всего лишь эпизод. Здесь уверены, что стабильный бизнес гораздо важнее границ.

Киркенес становится главным городом сразу для нескольких государств, и управляется он их торговыми палатами, а не политиками. Это пример комплексного роста региональной экономики, усиливающего связь региона с миром. Такие норвежские компании, как Tschudi Group, строят большую новую гавань, нефтяные терминалы, транспортные мощности, чтобы связать ключевые региональные центры и стимулировать входящие и исходящие потоки товаров. От быстрого вывоза железной руды из Киркенеса выигрывают Швеция и Финляндия, на территории которых она добывается. В северном

шведском городе Кируна пришлось переселить 18 тысяч человек ради увеличения мощности шахт и удовлетворения спроса Китая. Финляндия расширяет национальную дорогу с севера на юг через столицу Лапландии Рованиemi (объявленной «официальным» домом Санта-Клауса) до Киркенеса, а также реконструирует железную дорогу, используемую горнодобывающими компаниями для доставки руды в порт — где уже ждут огромные китайские сухогрузы.

Таким образом, Баренц-регион наглядно показывает, как, казалось бы, пустая территория может быть не менее космополитичной, чем бурлящий мегаполис, и как сложные геополитические структуры запускают системы, не нуждающиеся в силе государства. Кроме того, он становится культурным сообществом, выходящим за рамки регионально-этнических групп. Андреас Хоффманн, защитивший диссертацию по «нордизму», проследил арктическую идентичность до художников, музыкантов и меценатов XVIII века, подвергавших сомнению произвольно проведенные границы: например, хоккейный матч на замерзшем озере, где средняя линия на поле совпадала с русско-норвежской границей; шахматная доска в виде границы нордической зоны, выходящей сразу на четыре страны, где все фигуры белые и каждый ход стирает различия между ними. На ежемесячных мероприятиях Transborder Café104 в уютном баре собираются представители семидесяти национальностей, чтобы обменяться местными инициативами и отметить праздник в стиле культуры саамов. Гости издалека и окрестных населенных пунктов восхищаются новыми туристическими идеями, такими как сафари в Баренцевом море, тренинги по выживанию в арктической тундре, рыбалка, охота с помощью огромных ловушек на камчатских крабов, завезенных из России, и их разведение во фьордах. (Наблюдение за китами тоже было весьма популярно, но повышение температуры воды в океанах вынудило их уйти дальше на север.)

Возможность смотреть на Земной шар сверху, а не со стороны, проживание в экстремальных климатических условиях и создание единой арктической культуры способствуют стиранию границ и формированию трезвого взгляда на географию. «Теперь Китай — наш сосед, — смеется Хоффманн. — Это всего лишь двадцать дней пути на корабле!»

По прогнозам, к 2100 году климат в Персидском заливе станет чрезмерно влажным и изнуряюще жарким, поэтому людям можно будет проводить на открытом воздухе не больше нескольких часов в день [10]. Хотя в XX веке в южных странах было значительно больше населения, чем на севере, в XXI веке может произойти его массовая миграция в холодные регионы в связи с повышением температуры, уровня моря и засухой. Люди переселятся в регионы с более умеренным климатом и высокопродуктивным сельским хозяйством. Учитывая, что Канада и Россия становятся ключевыми поставщиками продовольствия, так как способны выращивать большинство культур, их огромные территории с вымирающим населением потребуют рабочих рук для ведения агробизнеса. Со временем на их картах появятся новые автомобильные и железные дороги и города. Сегодня в Арктическом регионе проживает всего четыре миллиона человек, но еще при нашей жизни их может стать четыреста.

Управлять густонаселенным и оживленным Арктическим регионом Норвегии будет сложнее. «Дипломатические атаки Осло на Ближнем Востоке и Нобелевская премия мира — это следствие богатства страны. Но чем меньше нефти остается в ее недрах, тем больше она будет сосредотачиваться на Арктике, для которой можно разработать функциональную модель регионального развития», — говорит ведущий специалист по стратегии развития Арктики Руне Рафаэльсен, некогда глава Баренц-секретариата, а ныне мэр Киркенеса. Резонное замечание. Сто лет назад по завершении Первой мировой войны Норвегия опробовала новую модель урегулирования конфликтов, открыв доступ к стратегически значимому и богатому ресурсами архипелагу Шпицберген для всех стран при условии сохранения им демилитаризованного статуса. На Шпицбергене, крупнейшем острове архипелага, создан музей современного искусства, а в 2008 году открыто Всемирное семеновохранилище — высокотехнологичный туннель, где хранится 1,5 миллиона семян тысяч растений, которые послужат источником ДНК в случае глобального неурожая.

Возможно, семена придется разбрасывать и по всей Арктике, поскольку в мире, где температура воздуха повысилась на четыре градуса, может произойти массовое опустынивание и глобальный неурожай почти на всей территории южнее России и Канады¹⁰⁵.

И наоборот, таяние вечной мерзлоты в российской Сибири и канадских северо-западных территориях превратит северные широты в гигантское болото, выбрасывающее около пяти миллионов тонн метана (парникового газа) в год, ускоряя тем самым гибель экосистем, расположенных к югу. А наиболее ярким воплощением глобального потепления будут не перегруженные магистрали Лос-Анджелеса и дымящие китайские фабрики, а бесконечная тундра Канады и России. Таким образом, две крупнейшие страны в мире больше всех выигрывают от глобального потепления, даже притом что именно их географические особенности стали причиной изменения климата.

Существует прецедент, позволяющий представить, каким может быть Арктический регион в случае резкого роста населения, — это Южная Америка, вначале колонизированная испанскими завоевателями, затем населенная африканскими рабами и пережившая несколько волн переселенцев за последние два столетия: из-за голода в Ирландии в 1845–1852 годах, революции в Германии в 1848-м, рисового кризиса в Японии во времена Первой мировой войны, холокоста, гражданской войны в Ливане. Сегодня Южная Америка — отличающийся поразительным этническим разнообразием высокоурбанизированный континент.

Более интенсивное перераспределение потенциальных девяти миллиардов человек в развивающихся перспективных географических регионах могло бы сделать планету менее разделенной и более справедливой, устойчивой и продуктивной. В связи с бесконтрольным ростом населения и нехваткой продовольствия в середине XX века некоторые эксперты в области права стали заявлять, что несколько миллионов австралийцев не должны занимать целый континент, в то время как миллиарды людей лишены самых элементарных вещей. Если учесть, что перенаселенные экваториальные области земли периодически страдают от засухи, неурожая и опустынивания, а безлюдные северные широты сталкиваются с заболачиванием, потеплением климата и заброшенностью, вызовет ли это массовую миграцию в Канаду и Россию, грозящую превратить их в сельскохозяйственные колонии под международным управлением?

Поскольку ни одна страна не выдержит неожиданного наплыва огромного количества новых граждан, первоначальные финансовые и административные издержки должны покрывать международные

агентства и инвесторы. Но Россия и Канада тоже выиграют от удвоения-утроения населения — а в случае с Канадой даже пятикратного увеличения. Климатическим мигрантам не придется обустриваться на пустом месте; в России немало крупных городов, где смертность и отток населения существенно превышают рождаемость. Даже если переселенцы не сразу станут гражданами, их присутствие вызовет невероятную экономическую активность как со стороны правительства, так и бизнеса. Через сто лет Китайская Сибирь будет населена как китайцами, так и климатическими беженцами со всего мира.

ЧАСТЬ IV

ОТ НАЦИЙ К ХАБАМ

ГЛАВА 11

ПОСТРОЙТЕ ЭТО, И ОНИ ПРИДУТ

ДУБАЙ — ДОМ МИРА

Самый посещаемый, самый разноплановый город мира, город, который никогда не спит... Конечно, это Нью-Йорк. Безусловно, Лондон. В старые добрые времена Париж. Однако скоро и, возможно, надолго таким городом станет Дубай. Находясь на пересечении путей с севера на юг и с востока на запад, Дубай с полным правом претендует на титул «центра мира».

(Относящаяся к этой главе карта 17 приведена на вклейке.)

В 2017 году Дубай принял больше гостей, чем Лондон или Париж. Торговый центр Dubai Mall, расположенный в цокольном этаже самого высокого здания в мире — небоскреба Бурдж-Халифа, в 2013 году посетило больше людей, чем любой другой супермаркет на земле, — 75 миллионов. Сегодня Дубай, а не Нью-Йорк, стал главным «плавильным котлом» планеты с высоким процентом иммигрантов (90 процентов против 38 процентов в Нью-Йорке). Терминал-3 аэропорта Дубая представляет собой уникальную точку пересечения цивилизаций; через него ежегодно проходит больше пассажиров, чем через любой другой терминал, — особенно между полуночью и пятью часами утра. Дубай действительно никогда не спит. Огромный парк самолетов Airbus A380 делает его единственным местом, откуда можно без пересадок долететь до любого крупного города мира. Кроме того, ведется круглосуточное строительство еще более крупного аэропорта Dubai World Central, способного обслужить

до 200 миллионов пассажиров в год. Его планируют закончить в канун проведения Всемирной выставки в 2020 году. Физическая связанность — это услуга, и Дубай — ее ключевой поставщик.

В эксперименте по переходу от феодализма к постмодернизму Дубаю нет равных. Великие города стараются идти в ногу со временем, и Дубай преобразуется с каждым поколением: он прошел путь от ловли жемчуга до нефтедобычи и перевалки грузов, развития инфраструктуры, недвижимости, туризма и сферы услуг, удваивая свои масштабы на каждом этапе. Согласно индексу связанности Глобального института McKinsey, только шесть городов в мире имеют статус ключевых узлов во всех видах потоков, которые они поглощают и генерируют: товаров, услуг, финансов, людей и информации. Это Нью-Йорк, Гонконг, Токио, Сингапур, Лондон и новичок в списке — Дубай [1].

Дубай — яркий пример глобальных городов нового типа. Он не стремится копировать великие города прошлого — разве что делает копии их достопримечательностей в натуральную величину в парках, — а скорее, становится городом нового типа с новой идентичностью, действительно глобальным центром, чье преимущество не в богатом историческом наследии, а во внегосударственном космополитизме и глобальной связанности. Для постоянно растущего числа тех, кто называет Дубай домом, жить здесь — означает присутствовать *везде*, в отличие от уроженцев многих крупных городов, нередко бравирующих своей принадлежностью к числу их жителей.

История Дубая весьма поучительна в том, как город может бурно расцвести за время жизни одного поколения и буквально увлечь мир за собой. Хотя пятьсот лет назад здесь было просто поселение для ловцов жемчуга, тихий приморский протекторат, известный как Договорный Оман, город сумел завоевать место на глобальной карте мира после открытия на его территории относительно скромных запасов нефти в начале 1970-х годов, что совпало по времени с обретением независимости от Великобритании и поспешным (хотя не без некоторого сопротивления) созданием федерации под названием Объединенные Арабские Эмираты. Вскоре после этого в Джебель-Али была открыта одна из первых и до сих пор наиболее успешных свободных экономических зон в мире. Ради ускоренного строительства

большого транзитного порта для нефтеналивных танкеров и контейнеровозов, следующих из Европы в Азию, были сняты все ограничения на перемещение капитала и трудовых ресурсов. Джебель-Али стал крупнейшим и самым современным морским портом в мире, в то время как добившийся независимости Йемен, а вместе с ним и настоящая жемчужина в короне Британской империи — порт Аден, где обычно дозаправлялись британские корабли, — погрузился в пучину гражданской войны. Местоположение Адена снискало ему титул «главной торговой площадки в арабском мире». Сегодня этот титул принадлежит Дубаю.

В течение 1970-х годов население ОАЭ увеличилось в четыре раза за счет мигрантов из Южной Азии, приезжающих устраиваться на работу в прибыльную нефтедобывающую отрасль и сферу услуг. Процветала и торговля золотом и тканями. Нынешнее население Дубая на 70 процентов состоит из выходцев из Южной Азии, поэтому азиаты называют регион Персидского залива не «Ближним Востоком», а «Западной Азией». Денежные переводы из ОАЭ в Индию составляют 30 миллиардов долларов в год, что существенно превышает суммы, пересылаемые любой другой частью 25-миллионной индийской диаспоры за рубежом. Когда частным банкирам требуется обслужить их индийских VIP-клиентов, они отправляются в Дубай. И пакистанский клан Бхутто, и их недавно высланный военный лидер Первез Мушарраф выбрали Дубай местом ссылки.

Дубай как основной международный коридор в мире стремится поддерживать хорошие отношения со всеми континентами. По мере перемещения финансовых и трудовых ресурсов с севера на юг и с запада на восток Дубай становится центром для совершенно новой модели инвестирования. На Ежегодном инвестиционном форуме, напоминающем форум в Давосе, куда съезжаются тысячи бизнесменов из сотни развивающихся стран, я встретил девелоперов недвижимости из Марокко, владельцев молочных ферм из Эфиопии, президента Республики Татарстан из России, магнатов строительного бизнеса из Индии и десятки других предпринимателей, сумевших наладить контакты и выяснить, как стать звеном в цепи поставок друг друга, в удобном для всех месте — Дубае.

В традиционном многонаселенном прибрежном районе Джумейра эстетика определяется географией: здесь кафе-кондитерские спокойно

соседей с магазинчиками сари, а также представлен следующий круг культур — Burger King и китайские массажные салоны. Торговля и культура в Дубае глубоко переплетены. Его отношения с персидской цивилизацией обусловлены близостью Ормузского пролива и значительным удельным весом иранского населения (около четверти коренного населения Дубая — выходцы из Ирана), хотя и омрачались суннитско-шиитской враждой. Несмотря на самые жесткие санкции, банки Дубая нашли способы и дальше финансировать торговлю с Ираном, в то время как деревянные плоскодонки, груженные компьютерами и холодильниками, днем и ночью переправлялись из бухты Дубая в Бендер-Аббас. По мере смягчения санкций и ускорения интеграции Ирана в мировую систему торговли оказалось, что ни один другой порт не расположен так удачно для входа на его 80-миллионный рынок, как Дубай.

ОАЭ также открыли доступ в страну Китаю, на данный момент своему самому крупному торговому партнеру; сейчас в Дубае проживает около 250 тысяч китайцев, а еще 280 тысяч ежегодно приезжают в качестве туристов. Около двух тысяч китайских компаний, продающих всевозможные товары, от игрушек до строительных материалов, используют Дубай как центр для реэкспорта. В последнее время на сцену вышли топ-менеджеры из государственных банков Китая, которые не только управляют портфелями панарабских ценных бумаг, но и встречаются с европейскими и арабскими инвесторами для разработки совместных проектов по строительству объектов инфраструктуры в Африке, для которой Дубай стал офшорной площадкой.

Авиакомпании ОАЭ уже летают из Дубая во многие города Африки чаще, чем любой другой перевозчик. Dubai Ports World строит объекты инфраструктуры от Сенегала до Анголы и Джибути. В дополнение к 30 тысячам сомалийцев, уже проживающих в городе, еще 40 тысяч кенийцев работают в различных отраслях — от строительства до сферы обслуживания. Самый молодой миллиардер Африки Ашиш Таккар, угандиец индийского происхождения, начал свою карьеру, курсируя между дубайскими рынками и скупая подержанные компьютерные запчасти. Сейчас он руководит собственной IT-компанией, агентством по недвижимости, производственными и сервисными компаниями из Дубая.

В середине XX века на карте сформировались два типа постколониальных стран — те, что создали жизнеспособную современную инфраструктуру, и те, что продолжают пользоваться давно обветшавшей, отработавшей свой срок колониальной инфраструктурой. Никто не мог предугадать, что Индия и ОАЭ выберут столь разные пути развития. Во времена британского господства жители стран Персидского залива ездили на заработки в Индию и пересылали домой деньги. Сегодня поток трудовых ресурсов движется в обратном направлении. В Индии нет нефти, но и выбирать аграрный социализм в качестве экономической доктрины ее никто не принуждал.

Формирующийся энергетический сектор ОАЭ и открытая иммиграционная политика привлекли в страну легионы жителей Южной Азии, включая и мою семью, покинувшую Индию в 1970-х годах. Во времена моего детства мы часто ездили из Абу-Даби через Дубай на пляжи Хаур-Факкана на Аравийском море — казавшееся бесконечным путешествие вдоль мягких песчаных дюн, причем без кондиционера.

Хотя ОАЭ как федеративное государство существует более сорока лет, потребовались десятилетия модернизации экономики и вложений в инфраструктуру, чтобы *физически* объединить семь эмиратов в эффективный прибрежный архипелаг. С тех пор как по инициативе шейха Рашида бин Саида аль Мактума был построен аэропорт Джебель-Али, власти Дубая только и думали, как бы построить аэропорт еще больше, выше и лучше. В конце 1980-х Мохаммед Алаббар, председатель совета директоров Emaar Properties и главный советник нынешнего эмира Дубая шейха Мохаммеда, уехал на пять лет работать в Сингапур, откуда вернулся с глубоким убеждением, что государственное строительство так же сильно зависит от модернизации материальных активов, как и от формирования органов власти. (Полученный опыт он сравнивает с посещением тренировки сборной Бразилии по футболу в период ее расцвета.)

Дубай — яркий пример того, как инфраструктура мирового класса превращает удобный перекресток дорог в глобальный узел. Действительно, Дубай теперь воспринимается не как отдельный город, а скорее как краткое название всей связанной страны, крупнейшим коммерческим центром которой он является. Дубай, Шарджа и Аджман представляют собой один растущий кластер, а развитие Абу-Даби,

подпитываемое нефтедобычей, стимулировало рост города в направлении аэропорта Джебель-Али, который стал городом-сателлитом Дубая и конечной остановкой его наземного метрополитена. При огромной финансовой поддержке Абу-Даби северные эмираты Умм-аль-Кувейн, Фуджейра, Рас-эль-Хайма тоже развивают свои порты и туристический бизнес, а основные автомагистрали пересекли пустыню, соединив все семь оазисов между собой. С тех пор как во время финансового кризиса Абу-Даби выкупил муниципальный долг Дубая, люди все чаще называют страну Абу-Дубай. Несмотря на то что оба города конкурируют за востребованность своих авиакомпаний, высоту небоскребов и количество звезд, присвоенных отелям, связи между ними крепнут. Подобно Швейцарии, ОАЭ превратились в «страну — сообщество городов», развитую федерацию с органичным внутренним разделением труда и формирующейся общей идентичностью.

Дубай помогает сформировать новую арабскую идентичность вне рамок воинственного светского национализма постколониальной эпохи. Фактически он стал столицей арабского мира, местом встречи сильных мира сего, коими в прошлом были Каир и Бейрут. Со времен гражданской войны в Ливане до вторжения США в Ирак и «арабской весны» Дубай постоянно извлекал выгоду из несчастий региона: сотни тысяч ливанцев, египтян, сирийцев, иракцев и прочих беженцев искали убежища в ОАЭ, поскольку перспективы их собственных стран были туманны. Ведущие арабские банкиры, артисты, предприниматели и спортсмены получали вид на жительство, а некоторым из них ОАЭ весьма мудро предлагают гражданство. По мере роста значимости паспорта ОАЭ в мире граждане проблемных арабских государств конкурируют за его получение, рассматривая его как гарантию стабильности и пропуск в большой мир.

Расцвет ОАЭ вызывает у соседей зависть и способствует значительной утечке мозгов. Отсутствие давних традиций культурного творчества у коренных жителей этой страны раздражает многих переселенцев — представителей творческих и интеллектуальных профессий, бежавших из исторических, интеллектуальных и культурных центров арабского мира — Каира, Бейрута, Багдада и Дамаска. Именно поэтому Дубай не стоит сравнивать с этими

городами. Он и не стремится их заменить, но готов стать убежищем для их жителей.

Если в арабском мире не удовлетворенная жизнью молодежь прибегает к насилию, то в Дубае эта часть населения направляет энергию в мирное русло. Как отмечает Крис Шредер в своей подробной и многообещающей книге *Startup Rising* («Расцвет стартапов»), обзоревающей технологическую среду в арабском мире, инвесторы и предприниматели из Дубая создали мобильное образование, электронную торговлю, ремесленное гончарное производство, выпуск солнечных батарей и аутсорсинг различных операций на территории множества арабских стран, а особенно в их родных странах.

Любая арабская страна, от Марокко до Иордании, мечтает иметь хотя бы один мини-Дубай, чтобы стимулировать модернизацию. В 2015 году Египет предложил частному инвестиционному фонду недвижимости *Capital City Partners*, возглавляемому Мохаммедом Алаббарой, построить новый город между Каиром и Красным морем и решить тем самым проблему перенаселенности Каира¹⁰⁶.

В более широком смысле Дубай — это образцовая модель города, внезапно ставшего богатым. Блистательную столицу Азербайджана, Баку иногда называют «Дубаем Каспия», а интенсивно расстраивающаяся столица Анголы Луанда претендует на звание «Дубай Африки». Обычно у богатых ресурсами стран невысокий рейтинг по уровню счастья населения, но, согласно Всемирному докладу о счастье за 2013 год, ОАЭ обогнали США и Люксембург и занимают лидирующие позиции среди стран Ближнего Востока, который считается самым несчастливым регионом в мире.

Успехи Дубая — еще один вызов утверждению о превосходстве западной демократии. Даже сталкиваясь с растущим спросом на подотчетное обществу, инклюзивное управление, арабские страны одновременно демонстрируют быстрый переход от феодальных (и постоянно враждующих) кланов к гибридной технократии, подкрепленной стабильностью монархий. «Гибридный» — ключевое слово: Дубай стал мировым центром развития свободных экономических зон. Его генеральное планирование — стратегическое упражнение по привлечению цепей поставок и созданию центров передового опыта. Для каждого вида глобальных потоков существует зона физического воплощения. В *Media City* размещаются студии

спутникового телевидения, в Internet City — интернет-компания, в Healthcare City — медицинские и фармацевтические фирмы; есть и другие говорящие сами за себя названия, например Textile Village, Auto Parts City, Carpet Free Zone и DuBiotech. В совокупности в ОАЭ, и в Дубае в частности, размещено более трех четвертей из более чем двухсот СЭЗ, разбросанных сегодня по странам арабского мира. В итоге Дубайский логистический коридор свяжет Джебель-Али с Международным аэропортом Дубай и многочисленными СЭЗ — 200 квадратных километров свободной зоны внутри города, тоже являющегося свободной зоной. Когда в городе накапливается так много специальных экономических, финансовых, административных, торговых, логистических и прочих зон и органов власти, он превращается в место, где королевская фамилия контролирует системы цепей поставок, но при этом теряет реальную почву под ногами.

Фактическая система управления Дубаем настолько сложна, что порой трудно разобраться, какой закон что регламентирует. Например, великолепный Дубайский международный финансовый центр (DIFC) работает на основе законов о коммерческом арбитраже Международной торговой палаты в Париже. В последние годы местные суды в ОАЭ передают дела, находящиеся под их юрисдикцией, в суды DIFC, умело перекладывая свои юридические споры на чужие плечи для более компетентного рассмотрения. Аналогично в Media City доступ в интернет и правила цензуры коренным образом отличаются от правил, действующих на остальной территории страны, поскольку в этой СЭЗ расположены офисы BBC, CNBC, Reuters и других международных СМИ. Иностранцы часто регистрируют компании в офшорных Creative Zones, расположенных в других эмиратах (например, в Фуджейре), где им предоставляются разрешения на ведение бизнеса, которые они потом используют для создания и полного владения оншорной компанией.

Правящий класс прекрасно знает, что без модернизации во всех секторах экономики в соответствии с лучшими международными стандартами Дубай так и остался бы просто торговым портом. Главное, что создание СЭЗ под иностранным управлением обеспечило стране будущее в постнефтяную эпоху, ведь, не считая нефтедобычи, 75 процентов экономики Дубая уже связано со строительством, недвижимостью, финансами, промышленностью, розничной торговлей

и прочими услугами. Как показало быстрое восстановление Дубая после кризиса, совместная работа правительств и компаний считается клановым капитализмом только в ортодоксальных теориях [2]. В реальном мире это часть экономического выживания в стратегической перспективе.

Пустыни безграничны, и только благодаря опреснению, ирригации и кондиционированию человек смог колонизировать большие площади пустынь, а не просто пересекать их, как некогда бедуины в Сахаре и легендарной Руб-эль-Хали, прозванной «пустая четверть». Планы развития Дубая предусматривают максимальное использование преимуществ современных технологий, планомерное расширение города на юг вплоть до Руб-эль-Хали путем строительства объектов недвижимости концентрическими, постепенно расширяющимися кругами, площадь которых в итоге превысит площадь Пекина, Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Барселоны и еще нескольких ключевых городов, вместе взятых. Дерзкий и креативный архитектор Рем Колхас разработал генеральный план Прибрежного города, рассчитанного на 1,5 миллиона жителей и расположенного на полпути между Дубаем и Абу-Даби, — своего рода «стартовый комплект», который, по мнению автора, может стать воспроизводимым городским шаблоном для быстрого решения проблемы перенаселенных городов на Ближнем Востоке и в Азии.

Дубай все еще нуждается в таких элементарных вещах, как осмысленная система нумерации домов и строительство общественных больниц. При нынешней численности населения у города есть только двухдневный запас пресной воды на случай аварии на опреснительных установках. (Уже началось бурение глубинных артезианских скважин в пустынях.) Таким образом, Дубаю еще многое предстоит построить на земле, под землей и у моря. Западные экономисты хронически недооценивают спрос на развивающихся рынках, обвиняя города вроде Дубая в возведении причудливых замков в пустыне. Но без инфраструктуры было бы меньше рабочих мест, менее развитая отраслевая структура и менее устойчивая экономика.

Сегодня Дубай обеспечивает резкий скачок качества жизни даже выходцам из богатых европейских стран, предлагая вместо высоких налогов безналоговый режим, а вместо жизни на две зарплаты материальное процветание при одном работающем в семье. Поэтому

для понимания привлекательности Дубая не нужно в корне менять суть понятия «хорошая жизнь». Западные общества тоже строились на основе завезенных трудовых ресурсов — начиная с рабства колониального периода и заканчивая постколониальными мигрантами и приезжими малоквалифицированными работниками. Местные рабочие в Лондоне и Лос-Анджелесе тоже живут с приезжими в параллельных экономических и социальных мирах. Во всех крупных городах эта сегрегация фактически стала результатом взаимовыгодного сосуществования населения из стран первого и третьего мира. Несколько миллионов работников из Южной Азии месяцами и годами тяжело трудились на множестве строительных площадок, превративших Абу-Даби, Дубай и Доху в сказочные города. Они их строили, но никогда в них по-настоящему не жили. У каждого свой взгляд на этих людей. Большинство их просто не замечают, другие относятся к ним с сочувствием, и очень немногие — с благодарностью. На Западе люди отличаются показным благочестием: им неприятно осознавать, что своим комфортом они обязаны тем, кто живет в средневековых условиях. В Дубае (и Сингапуре) такого нет.

Деньги уже давно заменили в Дубае арабский язык в качестве официального. Повседневная лингва-франка Дубая — английский, а среди прибывших из Южной Азии — хинди или урду, но всех его жителей объединяет стремление к стабильности, процветанию и связанности. Территория Дубая свободна от исламского фундаментализма: службы безопасности, технологии слежения и политические связи оберегают город от радикальных исламистов и терактов. Закономерно Дубай превратился в процветающий черный рынок электроники, гавань для отмывания денег, убежище для китайских и индийских гангстеров и их криминальных группировок. От пятизвездочных отелей на Шейх-Заед-Роуд до обшарпанных мотелей в Дейре — повсюду закон спроса и предложения явно перевешивает исламские законы против проституции и прелюбодеяния. Без сомнения, многие арабы приезжают в Дубай, чтобы на время забыть, что они живут в мусульманских странах.

Если какой-то город и подтверждает правдивость изречения «Постройте его, и они придут», то это, безусловно, Дубай — самый быстрорастущий город в мире. Его население утроилось с 1968 по 1975 год, удвоилось с 1989-го по 2009-й и удвоится еще раз,

достигнув, по прогнозам, 4,5 миллиона к 2020 году. Американцы, которым не повезло на Уолл-стрит, европейцы, стремящиеся платить меньше налогов, африканцы, задавленные бедностью и тиранией, индийцы, русские, иранцы с чемоданчиками денег, отельные служащие с Филиппин и собственники китайских предприятий стекаются в город, ставший столицей мира. В то время как жители западных стран устали от иммигрантов, ОАЭ принимают их в невиданных количествах.

Таким образом, Дубай становится не только плавильным котлом арабского мира, но и ведущим плавильным котлом планеты. Дубай — это *антинациональное государство*. В нем почти не осталось коренных жителей. Пожалуй, это единственный в мировой истории город со столь пестрым этническим составом населения. Потоки прибывающих со всего мира иммигрантов создают комфортную среду для представителей любой национальности, поскольку ни одна из них не доминирует. Каждый жилой квартал — это глобальная деревня.

Рем Колхас провозгласил Дубай «...*tabula rasa*, на которой найдется место новым формам самосознания» [3]. Этот город — инновационный эксперимент по преобразованию национальной идентичности и лояльности с постепенной заменой традиционной государственности постнациональными урбанизированными центрами. Хотя средний срок пребывания иностранных работников в Дубае или Сингапуре обычно составляет два-три года, сейчас он стал неопределенным. Чем больше людей решают остаться в Дубае, тем активнее они стараются интегрироваться в местную жизнь и добиться успеха. В органах местного управления десятилетиями трудится множество иностранцев. В частном и государственном секторах на каждого коренного жителя Эмиратов, занимающего ответственную должность, работает целая команда иностранцев. Поскольку их личный и профессиональный вклад в развитие Дубая растет, они постепенно строят школы, инициируют петиции о запрете строительства на пляжах, лоббируют предоставление права постоянного проживания на основании владения недвижимостью и стремятся участвовать во всех более или менее значимых собраниях *меджлиса*, на которых лидеры общаются с населением, чтобы сообщить о проблемах и выслушать предложения. Со временем Дубай стал для них домом, как и те страны, откуда они приехали.

В ОАЭ неграждане не имеют неотъемлемых прав. Строго говоря, они представляют собой группу инвесторов. Даже если семьи живут тут десятилетиями и это их единственный дом, они все равно должны продлевать вид на жительство каждые два-три года. Хотя все больше людей стремятся работать и выходить на пенсию в Дубае (что намного безопаснее, чем, скажем, в Мехико), подавляющее большинство населения города живет в состоянии «постоянного транзита» (оксюморон!), юридически считаясь «гражданами второго сорта», что дает право властям Дубая выслать кого угодно.

Безусловно, для правителей в приоритете коренные жители Эмиратов, которые были лояльны стране из поколения в поколение, поэтому им предоставляются щедрые субсидии, оказывается содействие в продвижении по службе в иностранных компаниях, для чего принята специальная программа поддержки, называемая эмиратизацией (Emiratization), и обеспечиваются ведущие позиции на рынке недвижимости. Но у высочайшего уровня благосостояния есть и обратная сторона: ожирение у мужчин и снижение рождаемости у женщин. Изменение этнического состава населения Эмиратов не в пользу коренных жителей вынудило наиболее известного интеллектуала и диссидента ОАЭ Абдулхалида Абдуллу заявить об «... агонии превращения в меньшинство в собственной стране» [4]. Он сожалеет, что коренных жителей Эмиратов слишком мало и они не в силах повлиять на тех, кто меняет страну, чтобы дольше наслаждаться тем глобальным феноменом, которым стал Дубай. Во время нашей дискуссии в 2012 году на фестивале Art Dubai он произнес слово, которое на публике разрешено употреблять, пожалуй, только ему: «угасание». Это означает, что филиппинец или европеец, владелец бутика, приветствуя знакомого арабским «Ас-саламу-алейкум», просто отдает дань уважения уже несуществующему местному населению.

Через десять лет, когда коренные жители Эмиратов станут еще большей диковинкой в собственной стране, правящему классу придется принять созданный ими же уникальный космополитический проект. Но каким бы взаимовыгодным ни было соглашение между шейхами и их будущим полностью иностранным населением, для города с такой уникальной демографией и связанностью существует вполне естественный экзистенциальный риск: не разъедется ли население

в случае катастроф — неважно, экономических или геополитических — так же быстро, как и съезжалось, даже несмотря на безналоговый рай?

Чтобы сформировать долгосрочную лояльность населения, Дубай как глобальная столица должен предложить гораздо больше прав, чем есть сейчас. Например, предоставлять вид на жительство неарабам¹⁰⁷. Если город, где большинство жителей — «вечные экспаты», сможет стать для них глобальным домом, то он построит сбалансированную систему прав и обязанностей, и жителем Дубая сможет гордо назвать себя любой, кто постоянно в нем проживает.

Дубай — лаборатория по изучению уникальной смеси демографических и экономических сил. Результаты пока неочевидны, но эксперимент продолжается. Причем результаты важны не только для Дубая, но и для всех нас. Как справедливо отмечает урбанист Дэниэл Брук, «восторгаться Дубаем — значит восторгаться миром, каков он есть сегодня» [5].

ПЕРВЫЙ ПОРТ ЗАХОДА СУДНА

В ноябре 2013 года я прилетел в Джедду (Саудовская Аравия), откуда отправился в новый город, еще не нанесенный на карту, строившийся на побережье Красного моря. В нем создавалась промышленная СЭЗ для предприятий пищевой промышленности, автосборочного производства и IT-компаний, а неподалеку возводились жилые кварталы, рассчитанные примерно на два миллиона жителей. Уже прошедший процедуру IPO (первичное публичное размещение акций, которые включены в листинг Саудовской фондовой биржи), КАЕС (King Abdullah Economic City), по мнению его CEO Фахд-аль-Рашида, обретал статус «первого в мире полностью интегрированного частного города» [6].

Отчасти влияние «эффекта Дубая» на арабский мир выразилось в ужесточении конкуренции новых портов с Джебель-Али за статус ключевых ворот в бурно развивающиеся рынки Аравийского полуострова, в том числе и Саудовской Аравии. Ведь конкурентное преимущество Джебель-Али отнюдь не в его географическом положении, а в том, что он первый. Как только ультрасовременный порт КАЕС к 2020 году заработает на полную мощность, Саудовская Аравия захватит львиную долю контейнерных перевозок из Средиземного моря через Суэцкий канал в Красное море, резко сократив время перевозки грузов и организовав их эффективную доставку по скоростной

железной дороге и десятиполосной автомагистрали — своего рода сухопутным мостам через бескрайнюю пустыню к Мекке, Медине и Эр-Рияду. КАЕС — инструмент, который поможет Саудовской Аравии перехватить огромный объем логистического потока у Джебель-Али.

КАЕС — не просто коммерческий проект, а стратегическая необходимость. Десятилетиями такие восточные военные и нефтяные гиганты Саудовской Аравии, как Дахран и Даммам, определяли геополитическое положение страны. При правящей династии Аль-Саудов и ее американских покровителях развитие нефтедобычи и сдерживание Ирака и Ирана были стратегическими приоритетами королевства. Но в связи с сокращением добычи нефти Саудовской Аравии придется воспользоваться не только своими геологическими, но и географическими преимуществами. Такой глобальный логистический центр, как КАЕС, наглядно демонстрирует, как страна может встроиться в другие цепи поставок, помимо нефтяных.

КАЕС — это колоссальные инвестиции не только в развитие конкурентных преимуществ географического положения на Красном море, но и в образование и трудоустройство будущих поколений. Как и другие арабские страны, Саудовская Аравия столкнулась с демографическим кризисом: ее население с 1950 года увеличилось в десять раз и достигло 30 миллионов, из которых половина моложе двадцати пяти лет. Стране придется вдвое увеличить жилищный фонд — с четырех до восьми миллионов квартир к 2020 году. На данный момент уже более пятидесяти компаний выкупили землю и начали строительство производственных мощностей и монтаж оборудования в КАЕС. Компания Jaguar Land Rover объявила о планах строительства нового сборочного завода, который станет региональным центром экспорта элитных автомобилей в другие арабские страны и Средиземноморский регион. Это очень кстати, учитывая, что именно в Джедде стартовала кампания за право арабских женщин водить автомобиль. Открытость экономики и инвестиции всегда приводят к изменениям, пусть и небольшим, в социальной сфере. И Саудовская Аравия не исключение. Количество рабочих мест в сфере образования, здравоохранения и управления будет расти, и заполнять их придется женщинам, тем более что страна стремится максимально заменить импортированную рабочую силу местными жителями, чтобы снизить

уровень безработицы среди женщин, который на данный момент в четыре раза выше, чем среди мужчин¹⁰⁸.

Джон Макомбер из Гарвардской школы бизнеса, эксперт по экономической конкурентности городов, с которым я познакомился в КАЕС, видит в нем потенциал для процветания. Он советует новым городам, прежде чем создавать конкурентную и эффективную инфраструктуру (что означает крупные инвестиции, но низкие эксплуатационные расходы), ставить четкие цели, указывать в генеральном плане размещение жилых кварталов, разработать многофункциональные зоны, обеспечить прозрачную законодательную среду, высококачественный менеджмент и услуги, а также иметь четкую экономическую стратегию, ориентированную на экономический рост, а не просто на строительство недвижимости.

Бегая по утрам мимо футбольных полей и пляжных кафе, разместившихся вдоль побережья Красного моря, я прекрасно понимал, что перспектива жить и работать в новом, просторном городе заинтересует тысячи молодых саудовцев из бурлящих мегаполисов. Новые города помогут уменьшить плотность населения и повысить его продуктивность, направив высвобожденную энергию на более достойные цели. Новые, динамично развивающиеся центры укрепят королевство, даже если перетянут на себя часть полномочий Эр-Рияда.

Как центр для нескольких проектов новых городов Саудовской Аравии Джедда постепенно становится столицей страны на Красном море. Из древней рыбацкой деревушки и пункта торговли черепашьими панцирями, специями и ладаном Джедда в VII веке превратилась в основные ворота на пути к святым местам Мекки и Медины, а со временем стала бурлящим пятимиллионным мегаполисом и центром строительства и проектирования нескольких новых городов, которые протянутся на сотни километров. Современный деловой район города, как и его остальная часть, изначально открыты миру.

Религиозный бизнес также способствует бурному расцвету Джедды. Двигаясь на восток, я стал свидетелем грандиозного строительного бума, создающего рабочие места, диверсифицирующего экономику и направляющего ежегодный 12-миллионный поток посетителей святынь Мекки и Медины, четверть из которых совершают хадж. Подъезжая к Мекке, я увидел массивные тракторы и краны, деловито пробивающие новые шоссе и обводные дороги в

скалистых холмах. Три небольшие горы вокруг мечети Аль-Харам сравняли с землей, чтобы проложить путь к грандиозным отелям, включая самый большой в мире Abraj Kudai, и часовой башне, на фоне которой Биг-Бен кажется карликом. Отбойные молотки круглосуточно грохочут на строительстве гранитной пристройки к мечети и многоэтажных эстакад для толп паломников, тянущихся по концентрическим кругам вокруг гигантской черной Каабы.

Неудивительно, что больше всего паломников прибывает с континента со всевозрастающим количеством обращенных в ислам — из Африки. Шестьдесят тысяч лет назад существовало два основных пути переселения из Африки в Месопотамию: Синайский полуостров и Красное море через Баб-эль-Мандебский пролив, в котором, как и в Беринговом проливе, уровень воды до недавних изменений климата был на сотню метров ниже. Через 10–20 лет этот переход значительно упростится после строительства 54-километрового моста, который свяжет Джибути с Йеменом. У этого нового афро-арабского воссоединения будет один поразительный феномен — города-побратимы по обе стороны пролива с одинаковым названием Аль-Нур, позаимствованным из мусульманской религии. На арабской стороне Аль-Нур соединится со столицей Йемена Саной, от которой уже строится 750-километровая дорога, финансируемая Всемирным банком и прокладываемая китайскими компаниями, в святую землю Саудовской Аравии Хиджаз и далее через постоянно расширяющуюся инфраструктурную сеть Саудовской Аравии вплоть до Дубая. На африканской стороне сеть дорог будет разветвляться от Аль-Нура возле Джибути до ведущих экономических центров Африки — Аддис-Абебы, Хартума и Найроби.

Джедда не единственный крупный прибрежный узел, который пытается перехватить у Джебель-Али статус первого торгового порта захода на Аравийском полуострове. Если КАЕС перетянет на себя объемы европейских перевозок через Суэцкий канал, то тихий султанат Оман может сделать то же самое с растущим торговым оборотом Морского Шелкового пути через Индийский океан, по которому следуют контейнеровозы с автомобилями, электроникой, медикаментами, тканями, химикатами и другими товарами на запад и нефтью и сжиженным газом — на восток. Более 70 процентов товаров, разгружающихся в Джебель-Али, направляются затем через

узкий и опасный Ормузский пролив в Саудовскую Аравию. В 2012 году из-за таможенных задержек на границе ОАЭ и Саудовской Аравии образовалась очередь из пяти тысяч грузовиков, растянувшаяся на 30 километров, на разблокировку которой ушло больше недели¹⁰⁹.

Хотя в Омане есть несколько портов вблизи таких крупнейших городов, как Салала, новый порт Дукм станет первым полностью интегрированным портом и узлом в цепи поставок. СЭЗ в Дукме втрое превышает СЭЗ Сингапура. Портом руководят менеджеры из Сингапура, у него также заключен договор о сотрудничестве с голландским Антверпеном. Идущие от Дукма железнодорожные и автомобильные транспортные коридоры на север до столицы султаната Маскат и ОАЭ и далее через Руб-эль-Хали в Саудовскую Аравию, позволят экспортерам из Азии обойти Джебель-Али и существенно сократить бесконечный поток грузовиков, следующих в Саудовскую Аравию. Как только Дукм и КАЕС выйдут на проектную мощность, Джебель-Али придется диверсифицировать логистику и строительство вдоль транспортного коридора Абу-Дубай, иначе, расположенный на искусственно созданных Пальмовых островах, он останется не у дел.

Цепи поставок способны самостоятельно перепрограммироваться в соответствии с особенностями потоков, они всегда находят самый эффективный маршрут к месту назначения. Конкуренция между портами Аравийского полуострова не менее острая и в другой отрасли инфраструктуры — нефтяных терминалах. В настоящее время через опасный Ормузский пролив ежедневно перевозится 18 миллионов баррелей нефти (треть всей нефти, транспортируемой морем, и 20 процентов ее мирового оборота). Саудовская Аравия, Кувейт и Ирак экспортируют через него 85 процентов нефти и далее через Индийский океан и Малаккский пролив в Китай, Японию, Южную Корею, как и крупные экспортеры газа вроде Катара. В случае перебоев с поставками энергоресурсов через Ормузский пролив ОАЭ предлагает потребителям возможность загружать нефтеналивные танкеры в порту Фуджейры со стороны Оманского залива. Иран тоже зависит от поставок нефти через Ормузский пролив — но только до тех пор, пока не достроит огромный экспортный терминал в Бандар-Джаске на берегу Оманского залива. Как и Малаккский пролив, Ормузский пролив с геополитической точки зрения очень проблемное место, поэтому Иран и ОАЭ прокладывают транспортные коридоры *в обход*.

Лагос: глобальный город Африки

Если «эффект Дубая» и найдет отражение в Африке, то это непременно будет Лагос — крупнейший город континента. Когда губернатор Лагоса Бабатунде Фашола впервые посетил Дубай, он счел его «невероятным». «Этот город буквально приделал мне крылья», — признался он.

Лагос — не просто экономическая столица Нигерии, но и мегаполис, окруженный по меньшей мере десятком государств. Проезжая вдоль ветки городского трамвая на западной окраине города, я легко представил, как эта линия может протянуться через Бенин и Того, через Аккру в Гане до Абиджана в Кот-д'Ивуаре — трансгородской транспортной коридор для 55 миллионов человек, пересекающий четыре международных границы. Все вместе они прошли путь от центра работорговли до центра цепи поставок. Богатые ресурсами Нигерия и Гана по ходу дела «англизировали» небольшие бывшие французские и немецкие колонии, расположенные между ними. Бенин больше напоминает пригород Лагоса, подобно тому как Болгария, самый бедный член ЕС, — пригород Стамбула (создавая коридор, который я называю «стамбулгария»). Любой, кто заинтересован в понимании динамики развития Западной Африки — или просто в самосохранении, — нуждается в подробной карте этой урбанизированной территории.

Поскольку экономика Лагоса достигает размеров экономики Кении, он становится все более квазинезависимым городом-государством и региональной столицей. Децентрализация также приводит к самообеспечению города, так как власти в Абудже постепенно сокращают дотации, в то время как Фашола повышает муниципальные налоги и сборы, направляя больше половины городского бюджета на ремонт и строительство дорог, покупку мусоровозов, создаваемое китайцами скоростное автобусное сообщение и расширение штата управляющей им службы [7]. Лагос нужен Нигерии больше, чем Нигерия Лагосу.

Нигерия в лучшем случае федерация и уж точно не единая нация. Среди более трехсот основных этнических групп йоруба доминирует на юго-западе, хауса — на севере и игбо — на юго-востоке. В 1960-х годах мы наблюдали приравненную к геноциду гражданскую войну в Нигерии, в ходе которой игбо пытались отделиться, но сегодня

насилие здесь прежде всего связано с восстанием мусульман на севере страны под руководством беспощадной террористической группировки «Боко Харам». Одни считают, что нигерийские военные сами создали «Боко Харам», чтобы оправдать раздутый военный бюджет, уже достигающий четверти от ВВП — наглядный африканский пример эффекта бумеранга. Другие обвиняют парламентариев-мусульман в финансировании «Боко Харам» в целях дестабилизации страны и отделения половины территории. И хотя инвесторы называют Нигерию двигателем процветания Африки, а архитекторы провозглашают Лагос образцом возрождения континента, жестокая гражданская война, скорее всего, приведет к дальнейшей федерализации страны, поскольку иного шанса сохранить управляемость нет. Возможно, это к лучшему, поскольку поддержание видимости единства страны весьма дорогостоящее и бесперспективное дело. Нигерии лучше сосредоточиться на искоренении коррупции в нефтяном секторе, модернизации страны и создании рабочих мест для более чем половины на данный момент безработной молодежи, особенно в сельскохозяйственных районах. (Безработица среди молодых парней — один из наиболее статистических значимых факторов социальной и политической нестабильности.)

Лагос — это своего рода микрокосм страны, где соседствуют нищета и богатство. На ухоженном пляже в центральном районе острова Виктория африканские, европейские и арабские футбольные команды соревнуются в турнире на Кубок Лагоса, спонсируемый бизнесменами страны. Напитки здесь чудовищно дорогие, а болельщики одеты очень бедно. Рядом на полуострове Лекки строится элитный район в стиле «умный город» Eko Atlantic, где обещают высококлассное жилье с видами на океан.

Между тем вне этих районов блуждающие банды подростков контролируют доступ к пляжам, требуют деньги за охрану вашей машины и пристают к прогуливающимся на приморской аллее. В десяти километрах отсюда я заплатил две толстые пачки найр вооруженным гангстерам за привилегию проплыть на хлипком каноэ по болотистой, заваленной нечистотами лагуне, известной как трущобы Макоко, где проживает более 100 тысяч человек. В 2012 году Фашола послал военизированную полицию, вооруженную бензопилами, спилить опоры этих трущоб на воде, что вызвало одинаковые волны

одобрения и негодования. Учитывая, что население Лагоса с 1,4 миллиона человек в 1970-х годах увеличилось до нынешних 14 миллионов, может показаться, что он вырвал страницу из пьесы о Мумбаи — еще одного средоточия роскоши и нищеты, надежды и безысходности. Но в таком притягательном региональном центре, как Лагос, уборка улиц и подземных переходов должна означать гораздо больше, чем выдворение людей с насиженных мест, так как на их место придут новые миллионы.

ГЛАВА 12

ПОПАСТЬ НА КАРТУ

ГОРОДА ИЗ НИОТКУДА

В недавно опубликованном докладе Национального совета по разведке «Глобальные тенденции 2030» описан весьма правдоподобный сценарий под названием «Мир без государств», в котором урбанизация, технологии и накопление капитала в совокупности стимулируют развитие специальных экономических зон, эффективно управляемых бизнесом. «Создается впечатление, что центральное правительство признает свою неспособность проводить реформы и становится субподрядчиком второй стороны. В этих анклавах даже законы, включая налогообложение, устанавливаются кем-то извне. Многие считают, что у второй стороны больше шансов поднять экономику в таких зонах и тем самым подать пример остальной части страны» [1]. У меня только одно замечание к этому блестящему анализу: он относится к нынешней ситуации в мире, а не к 2030 году. Десятки правительств давно перестали делать вид, что способны выполнять свои обязанности по обеспечению «общественных благ». Вместо этого рынок предоставляет им цепи поставок в форме этих «анклавов», практически полностью управляемых «кем-то со стороны». На протяжении всей истории человечества картина была примерно одинаковой: города создают собственные экономические структуры, чтобы стать предпочтительной точкой доступа к внутренним территориям страны и установить эффективную связь с дружественными городами и силами через границы и океаны.

(Карты 1, 20 и 33 к этой главе приведены на вклейке.)

Более двух тысячелетий назад портовый город Греции Делос (в мифологии место рождения бога Аполлона) создал древнейшую в мире

систему порто-франко (свободный порт), торговую сеть, охватывавшую финикийскую и другие средиземноморские цивилизации. Более чем через тысячу лет средневековые вольные города Ганзейского союза в Европе, в том числе Любек, Бремен, Гамбург, Данциг, успешно маневрировали между европейскими монархиями, сохраняя автономию. Итальянские города-государства эпохи Возрождения Венеция и Генуя на протяжении веков служили ключевыми точками доступа на европейские рынки. Затем их опыт переняли британские колониальные порты Сингапур и Гонконг, спроектированные так, чтобы весь город служил зоной свободной торговли.

Конкуренция после Второй мировой войны за наращивание промышленного производства и экспорта привела к превращению многих экономических центров — от Шеннона в Ирландии до Пуэрто-Рико и мексиканских макиладорас110 на границе с США — в СЭЗ или зоны экспортной переработки (ЗЭП) для привлечения дешевой рабочей силы и инвестиций, а также завоевания доли рынка [2]. В 1960-х годах Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) начала продвигать СЭЗ в качестве образца инфраструктуры и модели роста. Хотя ЮНИДО полагала, что СЭЗ — это временное решение, административная аномалия, необходимая для того, чтобы дать толчок росту экономики, они стали наиболее быстро распространявшейся формой урбанизации. На данный момент в мире насчитывается более четырех тысяч СЭЗ, выросших на глазах городов, связанных с мировой сетью цепей поставок.

Города можно рассматривать как древние социальные технологии, инфраструктуры, объединяющие людей в компактную и производительную группу трудовых ресурсов. И стремительная урбанизация человечества означает лишь массовое переселение людей в города, отнюдь не означающее, что города готовы их принять. Поэтому сегодня успешная экономическая стратегия должна включать стратегические инвестиции на общегородском уровне, что позволит поглощать массы людей и интегрировать их в современное общество.

СЭЗ оказались мощным катализатором связанности и роста в развивающихся странах. В 1979 году Дэн Сяопин решил создать первую в Китае СЭЗ в Шэньчжэне, рыбацкой деревушке к северу от Гонконга. Сегодня Шэньчжэнь — процветающий международный центр с 15-миллионным населением и в сто раз большим ВВП на душу

населения, чем тридцать лет назад [3]. Тогда же и республика Маврикий открыла первую СЭЗ с текстильным производством, что обеспечило ежегодный 6-процентный рост ВВП и практически ликвидировало безработицу. Первая СЭЗ Доминиканской Республики, специализировавшаяся на пошиве одежды, создала 100 тысяч новых рабочих мест и уменьшила зависимость страны от сельского хозяйства. В конце холодной войны третий мир требовал нового экономического порядка, глобального перераспределения экономики, включая перемещение отраслей промышленности с севера на юг, ценовой поддержки экспорта развивающихся стран, снижения тарифов и разработки международной продовольственной программы помощи развивающимся странам, но вместо этого получил чрезмерные кредиты, безнадежные долги, неконтролируемую инфляцию и беспорядочные дефолты. Урбанизация и подключение к глобальным цепям поставок оказались более надежным путем к процветанию.

СЭЗ и обслуживаемые ими цепи поставок говорят о кризисе территориальности. Инвесторы стремятся работать в СЭЗ из-за дешевой рабочей силы и более либерального законодательства, а правительства нуждаются в них для создания рабочих мест, обучения сотрудников, импорта технологий и навыков и наличия наглядного примера для остальной части страны. До сих пор это была беспроигрышная комбинация — пожертвовать частью суверенитета, чтобы стать производительным звеном мира цепей поставок.

В 1980–1990-х годах в развитых и развивающихся странах возникла новая волна создания индустриальных парков и технологических кластеров, ориентированных на бизнес с высокой добавленной стоимостью, такой как кол-центры, программирование, логистический менеджмент. Образцом для подражания стал Стэнфордский научно-исследовательский парк в Пало-Альто — первый технопарк в США — и Research Triangle Park в Северной Каролине (стал СЭЗ в 1980-х). Нынешние «жемчужины IT-отрасли» Индии Бангалор и Хайдарабад сумели воспользоваться интеллектуальным потенциалом индийской диаспоры за рубежом, привлечь инвестиции от таких транснациональных компаний, как Texas Instruments, и заручиться поддержкой нового агентства Software Technology Parks.

С момента обретения независимости население Индии увеличилось в четыре раза, достигнув 1,2 миллиарда человек.

Но только в последние годы Индия приступила к модернизации инфраструктуры. СЭЗ в слаборазвитых странах — это просто иное название уже столетие существовавших городов-корпораций, таких как Джамшедпура в Восточной Индии, первый промышленный город в стране, построенный в соответствии с заранее разработанным планом. Строительство финансировал известный промышленник Джамшеджи Тата, поэтому город часто называют Татанагар. В Индии правительство никогда не играло ведущую роль, наоборот, бизнес вносит половину инвестиций в национальную инфраструктуру и предоставляет большинство услуг, особенно частные медицинские учреждения и школы. В других перенаселенных странах — от Нигерии до Индонезии — ситуация аналогичная, хотя и менее организованная. Заводы безалкогольных напитков Соса-Кола, газодобывающие предприятия Chevron, каучуковые плантации Firestone — это лишь некоторые из тысяч звеньев в цепях поставок, управляемые компаниями, где все услуги, вплоть до обеспечения безопасности, предоставляются работодателем, а не государством.

Как промышленное производство в Китае или нефтедобыча на Ближнем Востоке, присоединение к зарубежным цепям поставок — единственный шанс для мировой периферии когда-либо войти в клуб развитых стран. Основными каналами поступления передовых технологий в развивающиеся страны является внешняя торговля (прямая закупка оборудования и новых идей) и иностранные инвестиции (с привлечением иностранных компаний). СЭЗ — то место, где одновременно действуют оба канала.

В то время как Китай уже присоединился к глобальному экономическому центру, другим странам только предстоит это сделать. СЭЗ позволяет избежать провала и, по примеру Китая, за двадцать лет достичь того, на что у западных стран ушло два столетия. Например, Маврикий использовал СЭЗ для перехода от сельского хозяйства к текстильной промышленности как основной отрасли экономики, а затем для развития инвестиционных зон и заключения налоговых соглашений, чтобы в итоге создать отрасль финансовых услуг, составляющую сегодня около 70 процентов ВВП против 5 процентов доли сельского хозяйства. Превратив себя в офшорный финансовый центр Африки, он стал каналом поступления на континент больших объемов инвестиций из Азии и источником примерно 40 процентов

всех прямых иностранных инвестиций в Индию. Неплохо для страны, чьей главной отраслью экономики в 1960-х годах было производство сахара, а ВВП на душу населения составлял 200 долларов¹¹¹.

ОТ ЭКСКЛАВОВ К АНКЛАВАМ

Мне кажется, в докладе Национального совета по разведке «Глобальные тенденции 2030» для СЭЗ выбран неправильный термин — «анклавы». Если на территории страны находятся управляемые из-за рубежа зоны, то логичнее называть их эксклавами — огражденными зонами с ограниченным доступом, то есть, на языке градостроительства, территориально выделенными как в экономическом (требуют специальных импортированных ресурсов), так и в социальном (изолированы от местного общества) смысле. Способность страны управлять своими СЭЗ — как это делают Китай и Республика Маврикий — проявляется в умении заставить эксклавы содействовать развитию национальной экономики. Если страна не повышает стандарты до уровня, необходимого для участия в глобальных цепочках ценности, свободная торговля сама по себе не принесет пользы, не считая того, что внутренний рынок будет завален дешевыми китайскими товарами. Как отмечает Хьюберт Эскайт из ВТО, свободная торговля становится обоюдовыгодной только в случае привлечения иностранных инвестиций для модернизации инфраструктуры, образования и социальной системы. Поэтому СЭЗ — это не автономные островки, а движители регионального экономического развития.

СЭЗ всегда приносят пользу принимающей стране, вопрос только в том, воспользуется ли правительство предоставленной транснациональными компаниями возможностью создать дополнительные рабочие места, повысить уровень заработной платы и овладеть новыми навыками. Например, поскольку вьетнамским рабочим на обувных и швейных фабриках транснациональных компаний платят на 50 процентов больше, чем на местных предприятиях, они входят в 20 процентов домохозяйств с наибольшим доходом по стране. Вьетнамское правительство сосредоточилось на расширении базы налогообложения, чтобы профинансировать строительство инфраструктуры по всей стране, ускорить жилищное строительство, внедрить в школах западные методики преподавания и создать больше совместных предприятий — эти шаги помогут

вытащить из нищеты еще больше семей. Даже при всей непрозрачности политической системы Вьетнама растущее в стране количество и масштабы СЭЗ демонстрируют, насколько внимательно власти относятся к ее экономическим перспективам. Благодаря молодому и трудолюбивому населению, заслужившему стране репутацию «маленького Китая», Вьетнам реализует более 16 тысяч проектов с участием иностранных инвесторов — от строительства порта в Дананге до IT-парков, где разместились крупнейшие в Азии предприятия по производству чипов компании Intel.

Хотя раньше СЭЗ не подпадали под действие местных нормативных актов и даже гражданского законодательства, сегодня развивающиеся страны поумнели, стали увереннее и создают полугосударственные агентства, представляющие национальные интересы в вопросах заработной платы, внедрения прогрессивных стандартов, продвижения местной промышленности в СЭЗ и тому подобных. Без сомнения, многие новые СЭЗ создаются в условиях строгой конфиденциальности, с выплатой значительных сумм в обмен на налоговые льготы. Но у мудрых правительств есть рычаги влияния для досрочного прекращения налоговых каникул и обучения местных работников передовым технологиям и навыкам, которые приносят пользу обществу.

СЭЗ — идеальная площадка для экспериментов с реформами, которые впоследствии могут стать основой национальной политики. Например, в «Мультимедийном суперкоридоре» Малайзии разместились сотни анимационных, игровых и прочих IT-компаний, конкурирующих за государственные гранты и венчурное финансирование. Здесь же обосновались независимые сайты, что создает условия для появления свободных СМИ. Малайзия также наглядно доказывает, что удаленные от столицы СЭЗ реже сталкиваются с чрезмерным вмешательством правительства и имеют меньше проблем с поиском производственных площадей. В то время как две практически знаковые для страны СЭЗ под названиями Cyberjaya и Putrajaya, расположенные неподалеку от Куала-Лумпура, прекратили деятельность, южный штат Джохор развил такую активность в привлечении прямых иностранных инвестиций и размещении множества сингапурских СЭЗ, что добился самых высоких темпов роста экономики в стране. Населенный преимущественно

китайцами, находящийся на берегу Малаккского пролива город Пенанг основал движение Penang Paradigm, чтобы вернуться к динамичному развитию экономики, сделавшему его первой зарубежной базой для производства микрочипов компании Intel в 1970-х годах. Воспользовавшись высоким спросом в западных странах на китайские солнечные панели, власти Пенанга привлекли в качестве инвестора компанию First Solar из США и вывели Малайзию на третье место в мире по их производству. Как сказал мне один молодой малазийский парламентарий во время нашей поездки по округу, «никакие деньги не решат наших политических проблем». Но децентрализация и СЭЗ могут решить. Бюрократы в Куала-Лумпуре никогда не выдвинут идеи разметки велосипедных дорожек или создания корпоративных ассоциаций для развития творческого дошкольного обучения, как это делают местные власти Пенанга.

В конечном счете страны должны стремиться не к созданию множества СЭЗ, а к возможности сделать отдельно взятые СЭЗ зонами эффективного ведения бизнеса с благоприятным инвестиционным климатом. Например, Словения закрыла свои СЭЗ, поскольку вошла в ЕС, имеет прозрачную систему управления, образованную рабочую силу и конкурентную систему налогообложения, поэтому ей они больше не нужны. Гонконг и Сингапур превратились из торговых центров в глобальные города с процветающими обществами и лояльными жителями, съехавшимися со всего мира. Именно это и происходит, когда СЭЗ становятся полноценными городами, жизнь которых не ограничивается пределами цепей поставок. В промышленном парке Сучжоу в Китае созданы центры культуры и современного искусства, кампус Ливерпульского университета и собственная система пенсионного обеспечения по образцу сингапурской. Он стал полностью самообеспечиваемым сообществом. Городские пуристы ратуют за воспроизведение знаменитых мест других городов вроде парка Вашингтон-сквер, за который так боролась активистка Джейн Джекобс. И хотя у других городов действительно есть что позаимствовать, перед большинством пока стоит задача угнаться за стремительно меняющимся настоящим, прежде чем возрождать прошлое.

ГИГАНТСКИЕ СЭЗ КИТАЯ

Ни в одной другой стране мира нет такого количества СЭЗ, новых городов и мегаполисов, как в Китае. Хотя в целом китайские СЭЗ способствовали экономическому росту и укреплению экспортного сектора страны, многие из них создавались как моноотраслевые кластеры и оказались весьма чувствительными к глобальным экономическим потрясениям — вспомним тот же Дунгуань, прозванный китайским Детройтом. Только в двух кластерах прибрежных провинций, один с центром в Шанхае на востоке, а второй — в Гуандуне на юге, проживает около четверти населения Китая и производится свыше 80 процентов экспорта страны. Однако, намереваясь в течение следующих двадцати лет переместить более 300 миллионов человек (особенно мигрантов, не имеющих *hukou*¹¹²) в новые районы мегаполисов и совершенно новые города во внутренних регионах страны, Китай хочет быть уверен, что они не слишком перенаселены или растянуты, но при этом достаточно велики, чтобы быть самодостаточными. В целом стратегия работает: такие города второго ряда, как Чжэнчжоу, Чжучжоу, Хэньян, Гуйян и Сяньян, демонстрируют более высокие темпы роста, чем их более известные прибрежные прототипы.

Поскольку урбанизация в Китае носит как добровольный, так и целенаправленный характер и, с одной стороны, является необходимостью, а с другой — не всегда оправданным освоением земель, объемы строительства существенно опережают спрос, что приводит к появлению многочисленных «городов-призраков» вроде печально известного Кангбаши в континентальной Монголии, в котором едва наберется 30 тысяч человек, хотя он рассчитан на миллион. Во избежание подобных прецедентов в законодательство были внесены изменения, разрешающие строительство только в случае перенаселения центра города, что замедляет рост городов, но увеличивает количество объектов инфраструктуры и, соответственно, повышает качество жизни. Учитывая, что срок службы зданий в Китае составляет примерно половину от их срока службы в развитых странах (15 против 35 лет), уменьшение объема строительства сегодня означает его увеличение в будущем. Негативные побочные эффекты быстрой урбанизации — массы маргинализированных рабочих-мигрантов, высокая задолженность местных органов власти и избыточное

предложение жилья во многих городах — становятся привычными для 350 миллионов городских домохозяйств.

Многие считают, что будущее китайской экономики зависит от того, сумеет ли она избежать ловушки среднего дохода. По мере перехода от командной к рыночной экономике она должна продвигаться по цепочке ценностей, повышать производительность труда и сбалансировать потребление на основе роста заработных плат большинства работников. Удастся ли объединить генеральную экономическую стратегию со стратегией урбанизации, чтобы приблизить «китайскую мечту» о национальном процветании?

Летом 2014 года, путешествуя по дельте Жемчужной реки на юге Китая, я проехал по маршруту от Гуанчжоу до Чжуншаня, Чжухая и Макао, а затем по восточному берегу от Гонконга до Шэньчжэня и Дунгуаня и воочию убедился, что глобальная экономическая стратегия не менее важна, чем военная. В 1990 году, через десять лет после открытия Китая для мировой экономики, его сырьевые отрасли (сельское хозяйство, добыча природных ископаемых, рыболовство) обеспечивали 27 процентов общего объема ВВП, обрабатывающие отрасли (промышленность, строительство) — 40 процентов, а сфера услуг (розничная торговля, транспорт, здравоохранение, туризм и прочие) — 30 процентов. К 2010 году доля сельского хозяйства сократилась до 10 процентов, а промышленности и сферы услуг — увеличилась до 46 и 44 процентов соответственно. Путешествие по дельте Жемчужной реки помогло мне увидеть в объединении урбанизации, СЭЗ и инноваций некоторые новейшие стратегии для развития мегаполисов, становящихся основой инноваций и роста.

Гуанчжоу как столица провинции Гуандун стал административным и деловым центром, сотворившим настоящее промышленное чудо, возможно, самый крупный из когда-либо случившихся сейсмический сдвиг в цепях поставок. У Гуанчжоу богатая история: визит Марко Поло в XIII веке, восхищавшегося развитием кораблестроения в стране, роль крупного узла для голландской, датской, французской и британской Ост-Индских компаний на пути в Восточную Индию. Во время Гражданской войны в Китае националистические силы под предводительством Чан Кайши ненадолго отступили в Гуанчжоу. С 1957 года город использует свое стратегическое местоположение (всего в 120 километрах на север от Гонконга) для проведения

ежегодной Кантонской ярмарки — крупнейшей экспортно-импортной выставки Китая, привлекающей свыше 200 тысяч покупателей более чем из 200 стран и регионов.

Во-первых, Гуанчжоу продемонстрировал важность правильной административной политики. В дополнение к СЭЗ, созданной в 1992 году для содействия торговле и логистике промышленных товаров, рядом с международным аэропортом и современным новым портом Шэньчжэня была открыта зона экспортной переработки Гуанчжоу — Наньша, специализирующаяся на сборке автомобилей, биотехнологическом производстве и тяжелом машиностроении. В период с 2005 по 2009 год некоторые районы Гуанчжоу были укрупнены для упрощения транспортного сообщения, а сам Гуанчжоу и Фошань объединились, чтобы создать условия для реализации генерального экономического плана для всего региона дельты реки Жемчужной. Хотя Китай жестко контролирует внешние границы, его внутренние границы постепенно исчезают.

Во-вторых, развитие региона дельты продемонстрировало роль открытости экономики. Находясь неподалеку от Гонконга, этот регион получил льготы еще до его отделения от Великобритании в 1997 году. Не только построенный в колониальный период порт оставался крупнейшим источником притока инвестиций в континентальный Китай, но и примыкающие к нему экспортно ориентированные регионы использовали эти инвестиции для строительства современных объектов, способных конкурировать с Гонконгом. Контейнерный портовый терминал Шэньчжэня сегодня считается одним из самых загруженных в мире, а специальные пятидневные бизнес-визы и беспошлинный импорт и экспорт позволяют растущему числу инвесторов и торговцев вести дела непосредственно в континентальной части Китая, не заходя в Гонконг. И хотя Шэньчжэнь постоянно ищет способы обойти Гонконг в конкурентной борьбе, его власти объявили о плане эффективного слияния и создания метрополиса Гонконг — Шэньчжэнь.

Дельта Жемчужной реки может стать местом сосредоточения капитала, технологий и информации. Благодаря Foxconn и другим промышленным гигантам к 2013 году 40 процентов электронных устройств в мире собирались в Шэньчжэне, включая продукты Apple, HP, Microsoft, Nintendo, Samsung и Sony. Не менее важно и то, что здесь

размещены две китайские компании с максимальной капитализацией: Huawei и Tencent. Шэньчжэньская фондовая биржа вошла в число крупнейших в мире, ежегодно увеличивая объем торговли более чем на 50 процентов. На ней активно торгуются акции государственных и местных компаний, таких как лидер в области альтернативной энергетики Suntech Power, производитель электрокаров BYD и многие технологические стартапы.

Архитектурный облик города тоже может меняться в соответствии с требованиями цепей поставок нового столетия. Гуанчжоу, прошедший путь от фабричного города до финансового центра, может похвастаться своим сияющим огнями деловым центром со 103-этажной аэродинамической башней компании IFC, музеями современного искусства, которые ожидаешь увидеть скорее в Цюрихе, и оперным театром, построенным по проекту Захи Хадид. Сразу за городом находится Китайско-сингапурский город знаний и Научный центр Гуанчжоу, оформленный в стиле малоэтажной Кремниевой долины, — с зелеными бульварами, украшенными статуями Альберта Эйнштейна и математика Джона фон Неймана. Сингапур открыл филиал своего элитного китайскоязычного колледжа Hwa Chong и в тандеме с местным правительством разрабатывает учебный план для Южно-Китайского технологического университета, из стен которого уже вышло несколько ведущих бизнесменов страны, учредивших компании в цифровых отраслях, в том числе в сфере облачных вычислений, GPS-навигации, инжиниринге материалов, возобновляемых источников энергии, биотехнологий и фармацевтики.

Высококачественные объекты инфраструктуры связывают весь регион дельты реки Жемчужной, хотя у Гонконга и Макао заключены уникальные правовые договоры с материком, и перемещение китайцев в этой мегазоне регулируется специальной системой регистрации hukou. Высокоскоростные железные дороги сокращают время поездки из Гуанчжоу в Гонконг до двух часов. Широкие автомагистрали, поезда на воздушной подушке, паромные переправы, сверхдлинные быстрые транзитные автобусы, комбинированное сообщение между Макао и Гонконгом через туннели и мосты — все это делает города в дельте узлами более крупного мегаполиса, в котором, по прогнозам, к 2030 году будут проживать около 80 миллионов человек, а совокупный ВВП составит 2 триллиона долларов.

Еще один формирующийся кластер мегаполисов в Китае, Bohai Economic Rim, связан эффективной скоростной железнодорожной сетью Пекин, Ляонин, Шаньдун, Хэбэй и Тяньцзинь. Расположенный в устье реки Хай и имеющий доступ к рекам Хуанхэ и Янцзы через Великий канал, Тяньцзинь был морскими воротами в Китай на протяжении столетий и стал ключевым договорным портом, контролируемым европейскими странами после Опиумных войн. Хотя он всегда был центром судоходства, реинвестирование доходов, полученных от двузначных темпов роста, создало рабочие места для высококвалифицированного персонала в авиастроении и других отраслях экономики. Сегодня именно Тяньцзинь имеет самый высокий доход на душу населения в Китае (13,5 тысячи долларов, что на 1000 долларов больше, чем в Шанхае). В его деловом районе расположены офисы большинства инвестиционных фондов Китая, что превращает его в центр финансовых инноваций и даже коммерческих судов по интеллектуальной собственности, разбирающих споры с зарубежными компаниями. Как и Шанхай, Тяньцзинь планирует создать СЭЗ. В городе также разместился Национальный вычислительный центр, где находится знаменитый суперкомпьютер Tianhe-1A. Еще один проект сингапурского агентства Singbridge, эко-сити в Тяньцзине, создавался с нуля как экологически чистый центр высокотехнологических исследований и бизнеса в таких отраслях, как светодиоды, цифровая анимация и альтернативные источники энергии. Эко-сити в Тяньцзине можно рассматривать как противоположность идее, которой Китай придерживался в XX веке: сначала количество, а потом качество.

Если Гуанчжоу — столица Южного Китая, а Тяньцзинь — высокотехнологичная экосистема, то Чэнду — неофициальная столица остальной части страны. Город славится вкусной кухней и заповедниками панд и, согласно указанию Государственного совета Китая, позиционируется как логистический, коммерческий, коммуникационный и научный центр. Он соединен высокоскоростной железной дорогой с близлежащим Чунцином, крупнейшим городом Китая, и является промежуточной станцией высокогорной железной дороги в Тибет. Помимо всего прочего, Чэнду привлек глобальные компании, открывшие здесь научно-исследовательские и логистические центры, наличием прямых авиарейсов в Европу. Их цель — не просто

экспортировать из Китая, но и поставлять в Китай, особенно в шесть провинций, расположенных между Чэнду и побережьем, где сосредоточена четверть населения страны: Шаньси, Хэнань, Хубэй, Хунань, Цзянси и Аньхой.

В совокупности истории Гуанчжоу, Тяньцзиня и Чэнду наглядно демонстрируют, как крупнейшая и до недавнего времени беднейшая страна продвинулась вверх по цепочке ценностей, проведя масштабные социально-экономические преобразования. Им удалось отвоевать себе место в глобальном разделении труда в результате эффективного экономического планирования, которым должен заниматься каждый большой город в мире, чтобы соответствовать требованиям XXI века. Правильный выбор ведущих городов и цепей поставок стал основной причиной превращения Китая в крупнейшую экономику мира и новейшую сверхдержаву.

Сегодня СЭЗ покрывают практически всю территорию Китая, но он пока не уверен, что ему больше не нужно их создавать, чтобы повысить международную привлекательность. Компания Alibaba даже взяла на себя ответственность за всю пилотную зону на острове Хайнань, где предоставит площадки для облачных вычислений и электронных административных услуг, а также сайт университета Таобао, специализирующийся на электронной коммерции. Если Китаю в итоге удастся преодолеть ловушку среднего дохода, то стратегическая урбанизация получит дополнительный стимул для развития.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ДЛЯ МЕГАПОЛИСОВ

Чем более продвинутые СЭЗ создает Китай, тем активнее развитые страны интересуются этой моделью, ранее считавшейся приемлемой только для бедных стран, — как ради сохранения лидирующих позиций, так и возможности подключиться к новым центрам Китая. Международная экономическая зона Сонгдо в Южной Корее — наиболее яркий пример «умного города»: здания, построенные по технологии «активный дом», дома, оснащенные системами телеприсутствия, и крупные центры исследований и разработок Cisco, Microsoft и других ведущих компаний IT-отрасли. Сонгдо — высокотехнологичный центр, обслуживающий два миллиарда человек в радиусе трех часов полета от аэропорта Инчхон (за городской чертой Сеула). Экономика Южной Кореи и без того одна из наиболее развитых и конкурентных в мире, но все же, как пишут Джон Касарда и Грег

Линдсей в книге Aerotropolis («Аэротрополис»), Сонгдо — город, построенный для «борьбы с торговыми войнами» [4], иными словами, это новое корейское оружие для победы в перетягивании каната.

Другие современные общества тоже рассматривают инфраструктуру СЭЗ как стратегическое оружие. Японская «абэномика» включает дерегулированную СЭЗ в Фукуока, Токио и других городах, где правительство надеется привлечь предпринимательский частный капитал и укрепить доверие к реформам. Лондонская девелоперская компания Stanhope недавно заключила контракт с китайскими компаниями Minsheng Investment и Advanced Business Park на капитальный ремонт Королевского Альберт-дока в Восточном Лондоне, расположенного неподалеку от городского аэропорта, который по плану должен превратиться в безналоговую зону для китайских и азиатских компаний.

Не только богатые страны, но и мегаполисы многих других стран нуждаются в развитии в соответствии с китайским опытом. Из-за стремительного роста населения и урбанизации города разрослись до невиданных масштабов. В крупнейших городах Запада — Нью-Йорке, Лондоне, Москве — проживает менее половины населения таких мегаполисов развивающихся стран, как Мумбаи и Джакарта. За исключением Мехико-Сити и Сан-Паулу в Латинской Америке и Лагоса и Каира в Африке, все остальные самые густонаселенные города находятся в Азии.

Мегаполисы — это метаболические экосистемы с постоянно циркулирующими демографическими потоками; днем численность популяции может быть на миллионы больше, чем ночью. Они настолько велики, что в них строятся новые объекты инфраструктуры и даже «города» внутри городов, образующие полицентрические кластеры, чтобы хотя бы частично их разгрузить. Тот, кто может себе позволить выехать из центральных районов Пекина или Шанхая, селится не в «пригородах», а в городах-спутниках, входящих в орбиту мегаполиса¹¹³. И наоборот, отсутствие соответствующей инфраструктуры (и наличие воинствующих политиков) в таких городах, как Каракас и Карачи, превратило их в неуправляемые «черные дыры» — растущая масса людей в условиях невероятной скученности, расселяющаяся по всему округу. Здесь урбанизация — это не строительство небоскребов, дешевое жилье, деловые районы

и очистные сооружения, а трущобы, черные рынки и беззаконие. Прибытие каждого очередного переселенца в пригороды Манилы и Джакарты, Лагоса и Каира только усугубляет жилищные проблемы и усложняет доступ к базовым государственным услугам.

Чтобы попасть на глобальную экономическую карту в качестве производственных центров, а не несостоявшихся государств, важнее всего делать инвестиции в базовую инфраструктуру. Инфраструктура — не просто дорога, это трамплин. Как подчеркивает бывший главный экономист Всемирного банка Джастин Ифу Линь, расходы на единицу стоимости инфраструктуры создают больший объем потребительского спроса, чем единица полученного дохода. В развивающихся странах 90 процентов экономического роста обеспечивается за счет трудоемких отраслей с низкоквалифицированной рабочей силой, таких как строительство, текстильная промышленность, сельское хозяйство и туризм. Один только строительный сектор создает больше рабочих мест, чем есть в любой другой отрасли. Наступает эпоха градостроительства и специалистов-строителей.

В формировании спроса на жилье, транспортные услуги, здравоохранение, энергетику, образование и прочие базовые отрасли нет ничего случайного. Строительство кампусов для информационных отраслей так важно для Филиппин, что в стране создано специальное полугосударственное агентство по конверсии и развитию, занимающееся переоборудованием военных баз, например базы Кларк недалеко от Манилы, в свободные экономические зоны для малого и среднего бизнеса, стартапов и совместных отечественных и зарубежных научно-исследовательских центров. Возможность обучать квалифицированных работников по более высоким стандартам в собственной стране уменьшает вероятность их отъезда за рубеж.

Если государство не в состоянии инвестировать в базовую инфраструктуру или использовать свои природные ресурсы и человеческий капитал, то, по крайней мере, оно может координировать проекты малого бизнеса, чтобы максимизировать свои конкурентные преимущества. Вот почему обремененные избыточной задолженностью правительства — и тысячи городов — обращаются на фондовый рынок за финансированием и инвестиционной поддержкой государственных и частных инвесторов (аналогичные программы внедряют страны G20)

для решения проблем с инфраструктурой. Несмотря на снижение стоимости оборудования, такие компании, как GE, Philips и Cisco, инициировали установку солнечных панелей на светодиодных уличных фонарях за свой счет, чтобы по мере роста населения извлекать выгоду из роста объема продаж коммунальным службам. Осознанное строительство городов с нуля или модернизация районов мегаполисов для того, чтобы размещать там увеличивающееся население, может стать тем, что отличает устойчивое инклюзивное общество от полного социального хаоса.

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДА КАК СТРОИТЕЛЬСТВО СТРАНЫ

Нет ничего хуже гнетущей неэффективности обществ, где мобильность населения сдерживается нехваткой инфраструктуры. Это как жизнь до изобретения колеса. Тем не менее три четверти населения мира — как городского, так и сельского — испытывают такую нехватку. В 2013 году авария на 250-километровом водопроводе, снабжающем водой половину Дакара, вынудила большую часть жителей трехмиллионного города выстраиваться в очереди к колодцам и цистернам с водой, расходуя на это массу драгоценного времени. Более половины африканцев не имеют электричества, а 60 процентов жителей Южной Азии — канализации. Треть населения планеты до сих пор живет в условиях крайней нищеты, включая половину детей, а еще два миллиарда человек проживают в развивающихся странах с ненадлежащим медицинским обслуживанием и образованием. По оценкам консалтинговой компании McKinsey, дефицит инвестиций в жилищную инфраструктуру составляет 11 триллионов долларов.

Нехватка материальной и институциональной базы настолько велика, что возникает вопрос: а не кроется ли самая большая проблема строительства государства в самом государстве? [5] Ведь не каждое государство в итоге добивается территориального суверенитета и политической стабильности. Во многих постколониальных регионах цепи поставок формируются быстрее, чем система компетентного управления. Поэтому, прежде чем считать нынешнюю политическую карту мира неприкосновенной, стоит разобраться в функциональной географии, стабилизировать и обеспечить связанность мегаполисов как внутри, так и вне страны, чтобы эффективно сбалансировать рабочую силу, ресурсы и рынки. Это означает, что *строительство городов*

следует рассматривать как путь к строительству государства, а не как его побочный продукт.

Нет более важной задачи, чем строительство и поддержание базовых инфраструктурных активов. Десятки слабых государств постоянно пребывают под опекой международных доноров, которые, пользуясь этой зависимостью, определяют их внешнюю и внутреннюю политику. Хотя такие неокOLONиальные соглашения удерживают государства от окончательного распада, а их многочисленное население — от сползания в пучину голода, они не обеспечивают долгосрочной стратегии развития страны. В последние десятилетия попытки построения государств чрезмерно сосредоточены на демократических преобразованиях, а не на трансформации обществ снизу доверху. Создается впечатление, что либеральная интеллигенция забыла о том, что план Маршалла после Второй мировой войны (официально именуемый «Программой восстановления Европы») прежде всего включал 13-миллиардную программу инвестиций в восстановление инфраструктуры стран Западной Европы.

Трудно понять, как благородные цели формирования нации что-либо могут значить без базового уровня связанности. В Ливии, Ираке и Афганистане номинальные усилия США по поддержке слабых правительств главным образом сводились к подавлению восстаний против них. Но чтобы удержать территорию, нужно контролировать ее города. Концепция «Очистить, захватить и удержать» в гораздо большей степени применима к строительству инфраструктуры и завоеванию симпатий местного населения, причем последнее прямо зависит от первого. Обеспечение и защита связанности — критически важная миссия.

Американские программы помощи и стабилизации утопают в болоте бюрократии и бесконечных дискуссий, но даже когда удается договориться, реальные действия оказываются на редкость нескоординированными¹¹⁴. Потратив 100 миллиардов долларов на явно бесперспективные проекты на территории Афганистана (вроде промышленных парков без электричества), США оставили без внимания туннель «Саланг» — важнейшую транспортную артерию, связывающую север и юг страны, от которой зависит большая часть внутреннего товарооборота, — в результате грузовикам приходится делать приличный крюк через горы Гиндукуш, чтобы добраться

до Кабула и обратно. Аналогично хотя плотина Каджаки на реке Гильменд — главный источник электроэнергии и ирригации на юго-западе Афганистана, США уже более десяти лет не могут закончить ее капитальный ремонт.

У нас будет еще много возможностей все сделать правильно: страны с самым низким Индексом недееспособности государств (Сомали, Чад, Судан, Зимбабве, Конго и Центральноафриканская Республика) богаты природными ресурсами и нуждаются в хорошей инфраструктуре в первую очередь. Кроме того, «арабская весна» выявила такие скрытые симптомы, как перенаселенность, коррупция и отсутствие необходимой инфраструктуры, характерные как минимум еще для пятидесяти стран.

Не бывает успешной страны без стабильно функционирующих городов. Не верьте ни на минуту, что образование и другие «нематериальные» активы могут значить для крупномасштабного развития государства больше, чем инфраструктура. По утверждению экономиста Чарльза Кенни из Центра глобального развития, бетонные полы в деревенских домах вместо земляных могут снизить заболеваемость паразитарными болезнями на 80 процентов, а дороги с твердым покрытием повышают стоимость недвижимости и стимулируют экономическую активность. Процветание не будет долгим без связанности. Как говорит урбанист Митчелл Мосс, даже в Нью-Йорке «...гораздо важнее проездной на метро, чем диплом об окончании колледжа» [6]. Именно транспорт и связь способны обеспечить социальную мобильность.

По мере того как городские жители становятся преобладающим большинством мирового населения, так называемый демографический приоритет молодежи превращается в реальную проблему. И если игнорировать ее сегодня, то со временем молодежь не сможет состояться профессионально, достаточно зарабатывать и ассимилироваться в обществе. По некоторым оценкам, 30–40 процентов мирового населения работает в неформальном секторе экономики, в мире спроса и предложения. Горячо защищающий предоставление прав собственности беднякам Эрнандо де Сото подчеркивает, что большинство арабов, совершивших самосожжение в 2011 году, были нелегальными бизнесменами, не сумевшими мобилизовать стартовый капитал и пережить скачки цен на продукты и мелкую местную

коррупцию. Они представители трудолюбивой, но обездоленной молодежи, которую мне неоднократно доводилось видеть в Марокко, Ливии, Египте, Иордании, Пакистане и многих других странах, и они обязательно бы предпочли работу джихаду, если бы она была, но вместо этого выбрали путь, гарантировавший им пристанище и уважение. Стратегия охвата бедных слоев финансовыми услугами не остановит исламистских фанатиков, образованных инженеров или арабских и пакистанских экстремалов, но сократит их базу для рекрутинга как в глобальном, так и региональном масштабе. «Осушить болото» можно не посредством разбрасывания листовок, а с помощью инвестиций в создание рабочих мест. Путь к умам и сердцам лежит через желудок.

Цепи поставок предлагают средство решения проблем недееспособных государств, давая возможность ключевым городам некогда нищих государств (скажем, Руанды или Мьянмы) закрепиться в мировой экономике. «Быть разрушенным — это тоже конкурентное преимущество», — говорит эксперт по постконфликтному восстановлению Кейт Фицджералд [7]. Создание узлов в цепях поставок, например в виде СЭЗ, могло бы решить проблему постоянного потока беженцев в нестабильных пограничных районах. С начала 1980-х годов более 50 тысяч беженцев народа карен, изгнанных из Мьянмы, жили в лагере для беженцев «Мае-Ла» на границе Таиланда. Но теперь район Мае-Сот превратился в центр процветающей торговли драгоценными камнями и древесиной тикового дерева (а также наркотиками и людьми) между двумя странами, поскольку экономики стран Юго-Восточной Азии постепенно интегрируются. Именно поэтому район Мае-Сот стал ключевым узлом для торговых компаний Китая, тайских бизнесменов и прочих инвесторов, работающих с местными властями, активно продвигающими идею создания СЭЗ, чтобы превратить депрессивный город в эффективный деловой и транзитный центр.

СЭЗ также привлекательны для стран, стремящихся сохранить свою функциональность и избежать превращения в несостоявшиеся государства. Экономист из Нью-Йорка и ведущий эксперт по внедрению моделей Гонконга и Сингапура в странах третьего мира Пол Ромер продвигает идею «чартерных городов» в Латинской Америке и Африке, пытаясь поднять уровень их управления и экономического

планирования. Гондурас, самая взрывоопасная страна в Западном полушарии, пригласил зарубежных инженеров, юристов, специалистов по градостроительству и инвесторов для управления многочисленными политически автономными зонами экономического развития и занятости — для каждой из которых составлен генеральный план с акцентом на ключевые отрасли экономики, — создаваемыми с целью внедрения с первой попытки адекватной правовой, экономической, административной и политической структуры.

Обычно лидеры государств терпят неудачу в ходе политического строительства, поскольку им следовало бы уделять больше внимания созданию инфраструктуры и рабочих мест, а не выборам и политическим партиям. Растущее сегодня количество небольших и менее агрессивных образований уменьшает давление на небольшие независимые государства и города-государства в плане демократизации. В глобальной повестке дня доминируют вопросы строительства цепей поставок, а не демократии, поэтому от вновь созданных или постконфликтных государств прежде всего требуется экономическая стабильность и жизнеспособность, чтобы они не стали опять гуманитарным бременем. В конечном счете это приведет к формированию более эффективной системы управления, чем во многих зарождающихся демократиях.

ПЕРЕХОД К ГИБРИДНОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Мир спроса и предложения очень быстро выявляет сильные и слабые стороны каждого. Талантливая рабочая сила, конкурентная оплата труда, богатые запасы природных ресурсов, гарантированная личная безопасность, адекватное законодательство и прочие выгодно отличающие страну факторы привлекают инвестиции, в то время как политическая нестабильность, непредсказуемые законы, избыточное налогообложение, полуразрушенная инфраструктура, проблемы с личной безопасностью и прочие негативные факторы отпугивают их. С точки зрения многих стран, СЭЗ — это инструмент формирования позитивного имиджа страны в кратчайшие сроки.

Сегодня СЭЗ де-факто стали частью большинства национальных экономических планов, создав возможность для модернизации в соответствии с требованиями цепей поставок. Некоторые считают, что СЭЗ — это легкий способ стимулировать экономический рост без проведения радикальных реформ, которые все равно пришлось бы

проводить, но без предоставляемых СЭЗ выгод. Но правительства не начинают действовать правильно просто потому, что предложение поступило от консультантов Всемирного банка. Когда землю раздают приближенным, ресурсы разбазариваются, и общество никаких социальных выгод не получает, но если землю передают СЭЗ, правила меняются: создаются рабочие места, расширяются цепи поставок, максимизируются производственные активы, работники приобретают квалификацию, и местные общины получают выгоду. СЭЗ катализируют процессы в экономике, а не паразитируют на них.

Со временем СЭЗ трансформируются в новый вид государственного образования, размещенный на суверенной территории государства, но при этом глобальный по функциональности и характеру управления. СЭЗ относятся к цепям поставок в той же мере, что и к стране размещения. Новая гибридная система управления такими городами выделяет одно место для представителя федерального правительства, одно — для представителя местного муниципалитета или провинции, одно — для представителя компании-застройщика объектов инфраструктуры, одно — для зарубежного инвестора и еще одно — для глобального поставщика технологических услуг и так далее [8]. Таким образом, все стороны стремятся согласовать свои интересы и контролировать попытки вмешательства центрального правительства.

Мир цепей поставок оказывает мощное давление на инвесторов, вынуждая их перемещать активы в регионы с более низкой себестоимостью производства и конкурентные высокотехнологичные центры. Более совершенная инфраструктура и законодательство делают капитал взаимозаменяемым. Узы лояльности, символом которых обычно выступали инвестиции в основной капитал, постепенно вытесняются операционными расчетами хозяев цепей поставок. Десять лет назад перемещение производственных мощностей из Китая казалось непосильной задачей, а сегодня западные, японские и даже китайские компании покидают Китай ради стран с более низкой зарплатой, таких как Бангладеш, чьи крупные СЭЗ со специализацией на текстильной промышленности уже обогнали Китай по экспорту одежды. Но поскольку заработная плата рабочих текстильной отрасли удвоилась, Индия, Мьянма и Камбоджа готовы принять в свои СЭЗ

выходящие оттуда компании. Цепи поставок способны нанести новый объект на карту, и они же способны его оттуда стереть.

Конкуренция между экономическими зонами набирает обороты. Они рискуют прекратить свою деятельность, если не смогут диверсифицировать производство и интегрироваться в местную жизнь, создавая рабочие места в сфере услуг и других областях, что улучшает качество жизни в городах. Таким образом, правительства выдвигают жесткие требования к компаниям в отношении передачи технологий и подготовки местного персонала, с тем чтобы даже в случае движения иностранного капитала цепь поставки необязательно следовала за ним.

ГЛАВА 13

ЦЕПИ ПОСТАВОК КАК СПАСЕНИЕ

Только одно может быть хуже, чем засилье транснациональных компаний на местном рынке — это их полное отсутствие.

Ульрих Бек

КТО УПРАВЛЯЕТ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК?

В январе 2013 года ДНК-тесты показали, что в лазанье и замороженных мясных котлетах для гамбургеров, продаваемых в британских бакалейных магазинах, содержится значительная часть конины и свинины. Исследование цепи поставок мяса для этих блюд привело инспекторов на склады компании ИКЕА в Чехии (откуда поставляются полуфабрикаты для *шведских* фрикаделек), а оттуда на румынские скотобойни. Проводимое французами расследование деятельности румынской компании, экспортирующей четко промаркированную конину, вывело на оптового торговца мясом со штаб-квартирой на Кипре, принадлежащего холдинговой компании с Британских Виргинских островов, который переклеивал этикетки на товаре до его продажи в странах ЕС.

В обычный будний апрельский день 2013 года лондонские покупатели отправились по делам. Родители привычно зашли в Tesco и Sainsbury за любимой молочной смесью малышкой Aptamil французской компании Danone, но в продаже ее не нашли. Несколькими месяцами ранее китайские предприниматели массово скупали у оптовых поставщиков Aptamil и продавали на Taobao (китайская eBay) вдвое дороже матерям из внутренних районов Китая, обеспокоенным низким качеством китайских молочных смесей (от отравления ими умерло не менее десяти китайских малышек).

Британским аптекам и бакалейным магазинам срочно пришлось нормировать отпуск этого продукта.

(Карты 1, 24 и 25 к этой главе приведены на вклейке.)

В пригороде Дакки (Бангладеш) Саваре 24 апреля 2013 года неожиданно обрушилось здание Rana Plaza, в котором на верхних этажах находились работники швейной фабрики. Когда через месяц было объявлено о прекращении поиска выживших, в списке погибших значилось 1127 человек, что сделало эту строительную катастрофу самой масштабной по количеству жертв в истории. Некачественное строительство, коррумпированный менеджмент, непрозрачное законодательство и хаотическая реакция властей типичны для промышленного сектора Бангладеш, но на этот раз беспрецедентный масштаб трагедии и громкие имена контрагентов фабрики — Primark, H&M и Zara — привели к хлестким публикациям в СМИ.

В августе 2014 года выяснилось, что в сетевых западных фастфудах в Китае, включая McDonald's и KFC, посетителям подавались сильно просроченные мясо и курятина. Мясо поставляла Shanghai Husi Food — дочерняя компания их крупнейшего поставщика, компании OSI Group из США, которой китайские власти официально разрешили деятельность в стране. Кто в этом случае ответственен за инцидент: иностранные сети ресторанов, местные поставщики или китайские власти?

Каждая из описанных историй на какое-то время становилась топовой новостью в массмедиа, сопровождавшаяся резкими комментариями о безопасности продуктов, здоровье детей, правах рабочих на текстильных фабриках и имидже корпоративных брендов. Все это примеры комплексных, непрозрачных и плохо управляемых цепей поставок, охватывающих целые континенты и наглядно демонстрирующих трансформацию контролируемых на границе торговых операций в предварительно согласованные соединения, незаметно пересекающие границы. Если цепи поставок управляют миром, то кто управляет цепями поставок?

Инфраструктура, как и интернет, открыта для всеобщего пользования. Цепи поставок, наоборот, больше напоминают интрасети — внутренние сети организации. Любые стандарты проще внедрять в интрасетях, чем в общедоступном интернете.

Выражение «взаимосвязанная глобальная экономика» уже стало клише. Мы считаем само собой разумеющимся, что фрукты и овощи поставляются из Латинской Америки, iPhone собираются в Китае, а служба технической поддержки находится в Индии или на Филиппинах. Даже когда электронная коммерция вытесняет традиционных розничных торговцев или посредников, сама сложность производства и дистрибуции многих высокотехнологичных продуктов требует как минимум удвоения количества операций, необходимых для создания конечного продукта. Поэтому хотя наши опасения по поводу цепей поставок усиливаются, зависимость от них растет.

Управлению цепями поставок нужно уделять особое внимание. Швейная фабрика Rana Plaza в Дакке получала необходимые материалы от шести разных поставщиков — это явно больше, чем кто-либо представлял и явно больше того, на что подписывались менеджеры фабрики. Чтобы убедиться, что тысячи ежегодно закупаемых комплектов униформы выпущены по одинаковой технологии, администраторы и студенческие делегации от UWC в Сингапуре посещают фабрики в глубине Малайзии и проверяют их на соответствие принципам ответственного производства. По состоянию на 2014 год вся школьная форма шьется из полиэтиленового терефталата, полученного после повторной переработки бутылок на этически ответственных швейных фабриках.

Мы не можем влиять на то, с чем не связаны. Пол Мидлер в своей скандальной книге о цепях поставок *Poorly Made in China*¹⁶ отмечает, что китайские государственные предприятия не несут никакой ответственности перед рынком за соблюдение высоких стандартов производства; их единственная цель — сокращение затрат. Достаточно вспомнить об отравленной молочной смеси и игрушечных медвежатах компании Mattel с выпадающими глазами, проглотив которые дети могли задохнуться. Радиус доверия менеджеров компаний редко распространяется дальше следующего звена цепи поставок, не говоря уже о конечных потребителях. Меламином в молочной смеси отравились шесть тысяч *китайских*, а не иностранных детей. Неудивительно, что многие китайцы считают американский фастфуд более безопасным и полезным для здоровья, чем продукцию местных поставщиков, использующих при изготовлении отходы масла, и почему корпорация Mars со штаб-квартирой в Вирджинии открыла

крупнейший центр безопасности пищевых продуктов именно в Китае [1]. Чем глобальнее становятся цепи поставок, тем более совершенные стандарты внедряются.

Компании, не подключенные к международным цепям поставок, сложно обязать соблюдать высокие этические стандарты. Только международные цепи поставок — особенно компаний, расположенных в богатых, либеральных западных странах — сталкиваются с давлением потребителей, которые действительно могут оказать влияние, если государственные меры регулирования окажутся неэффективными. Швейной фабрики в Бангладеш и созданных ею рабочих мест, возможно, не было бы, если бы ее продукция не поставлялась западным розничным сетям; и ее крах тоже вряд ли заметили бы на Западе, если бы не любовь потребителей к этим брендам. Новое строительное законодательство Бангладеш разрабатывалось не местными властями, а консорциумом из представителей семидесяти европейских компаний, чья репутация зависит от принятия мер, гарантирующих неповторение трагедий вроде Rana Plaza в будущем. Аналогично франшизный бизнес мог бы быть более управляемым благодаря строгим правилам, установленным мощной материнской компанией. Например, у McDonald's больше возможностей создать систему внутреннего контроля и защищать свой бренд, чем у любого правительства. Точно так же западноафриканское общество, где дети работают на плантациях какао, не способно повышать заработную плату и строить школы, как это делает компания Nestlé¹¹⁷.

Когда-то считалось, что цепи поставок — верный путь к нищете, а сейчас стало ясно, что это способ пробиться в верхние строки рейтинга. Даже Китаю и Индии пришлось открыть внутренний рынок для иностранных инвестиций, чтобы привлечь цепи поставок, стимулировать проведение реформ и генерировать необходимый для развития капитал. Как отмечают нобелевские лауреаты Роберт Солоу и Эдмунд Фелпс, иностранные компании платят более высокую заработную плату, внедряют новые технологии, повышают квалификацию работников и производительность. Они приносят динамизм и мобилизуют внутренние ресурсы людей, помогая странам сложить из пазлов слова.

Тот факт, что такой большой объем инфраструктуры (коммунальные объекты, доступное жилье) и доступ к рынкам обеспечиваются частным сектором, дает новую перспективу взаимоотношениям труда и капитала, правительств и рынков. Это не означает, что мы движемся в сторону приватизированного мира, в котором те, кто купил право на социальное обслуживание, не заботятся об общественном благе. Скорее, это возможность для правительств использовать новые модели для обеспечения благосостояния тех, кто оказался на обочине. Результаты исследования Edelman Trust Barometer указывают на постоянное снижение доверия к правительствам западных стран и рост доверия к бизнесу во всем мире. Респонденты говорили о новой модели управления, при которой государственные и неформальные лидеры будут больше подотчетны народу, прежде всего за счет более эффективного создания рабочих мест и роста благосостояния. Поскольку зависимость государств от корпораций растет, различие между общественным и частным, клиентами и гражданином стирается [2]. Когда гражданство страны не приносит особых преимуществ, принадлежность к цепи поставок может значить гораздо больше.

Заманить в страну цепи поставок — самый быстрый способ выйти из стагнации. Действительно, против стратегии присоединения стран к поезду глобализации уже не станет возражать ни один общественный деятель или неправительственная организация. Кодексы поведения и системы сертификации помогают контролировать предприятия, лесозаготовку или добычу алмазов, но не заменяют иностранные инвестиции, необходимые для использования природных ресурсов и обеспечения занятости. Даже на рынках, где часто нарушаются права работников, организации Business for Social Responsibility и Human Rights Watch не поддерживают бойкоты, а, засучив рукава, работают над повышением стандартов непосредственно с компаниями через программы обучения и более безопасные технологии. Цепи поставок никогда не рассматривались как системы правосудия, но стали ключевым инструментом в защите прав.

Таким образом, вокруг цепей поставок сложился круг связанных общими интересами организаций и частных лиц. Многие транснациональные компании уже стали рассматривать поставщиков как собственное продолжение; их кругозор расширяется от лояльности

к акционерам до ответственности перед местным сообществом и всеми заинтересованными сторонами. В то же время персонал теснее связан со штаб-квартирами компаний и инвесторами по всему миру, чем с правительствами своих стран, поскольку они в гораздо большей степени влияют на его жизнь. Там, где такие прогрессивные тенденции не сформировались, забастовки наносят огромный ущерб промышленным и горнодобывающим компаниям, приучая их к мысли о том, что забота о цепях поставок — лучшая долгосрочная инвестиция. Чем больше усиливается взаимозависимость всех участников цепи поставок, тем больше распространяется подлинное корпоративное гражданство¹¹⁸.

Парадокс растущей силы корпораций состоит в том, что по мере углубления автономии их роль как важных поставщиков услуг тоже повышается. Таким образом, проблема управления цепями поставок поднялась на уровень совета директоров, а расширение охвата цепей поставок рассматривается как возможность смены парадигмы. Логистические операторы, такие как Li & Fung, и крупнейшие национальные розничные сети, как Unilever, изменили бизнес-модели и способы доставки, переориентировавшись на миллиарды людей «в основании пирамиды». Резко увеличилось количество социальных предприятий, использующих инновационную упаковку, каналы распределения, модели сбыта для доставки средств гигиены, цемента, противомоскитных сеток и пищевых добавок нуждающимся. Если сегодня мобильные телефоны нужны людям так же, как зубные щетки, то цепи поставок могут доставить предметы первой необходимости практически любому¹¹⁹.

ВНЕ ЗАКОНА?

Энергетические и сырьевые компании, пожалуй, наиболее постоянные звенья империи цепей поставок. Когда страна отчаянно нуждается в инвестициях, она может передать целые города под управление иностранных компаний. В конце 1990-х годов правительство Румынии предложило канадской компании Gabriel Resources права на разработку крупнейшего в Европе месторождения золота и серебра Roşia Montană, но общественность решительно отвергла условия контракта — передачу 75 процентов акций в собственность Gabriel Resources и применение цианида для извлечения золота — и румынский парламент заморозил проект. Теперь же он пересматривает условия контракта, даже несмотря на то что Gabriel Resources пытается отсудить у Румынии 4 миллиарда долларов в счет возмещения ущерба от его разрыва. Румыны готовы стоять на своем, пока не получают более достойные условия соглашения, предусматривающие меры по охране окружающей среды. В 2014 году в похожей ситуации Верховный суд Чили оштрафовал компанию Barrick Gold и заморозил ее операции на золотых и серебряных рудниках в карьере Паскуа-Лама из-за опасений возможного загрязнения близлежащего ледника. Против невероятной финансовой и лоббирующей мощи горнодобывающих компаний государственный суверенитет порой лучшее — и единственное — оружие.

Латиноамериканские страны Боливия и Венесуэла превратили экспроприацию активов иностранных компаний в энергетике и коммунальном хозяйстве в своего рода вид спорта, причем испанские компании пострадали больше всего. Когда Аргентина ограничила тарифы на воду, чтобы обеспечить ее доступность для населения, сославшись на норму о «праве на воду», фактически это стало объявлением войны конгломерату Suez. Однако правительства в латиноамериканских странах довольно быстро осознали, что отпугивание инвесторов — это пиррова победа, особенно во время падения цен на электроносители. Хотя когда-то президент Эквадора Рафаэль Корреа объявил компанию Chevron «врагом государства» за загрязнение бассейна реки Амазонки в результате ее деятельности в 1964–1990 годах, сейчас Аргентина упрашивает ту же Chevron заняться добычей газа из гигантского сланцевого месторождения Vaca Muerta и даже готова изменить инвестиционное законодательство в рамках сделки. Перу существенно повысила свою привлекательность

среди инвесторов в добычу ресурсов, изменив законодательство о налогах, роялти и правах на концессию.

Некоторые крупнейшие транснациональные корпорации сильно зависят от нестабильных территорий — и наоборот. С 1926 года Firestone управляет крупнейшей в мире каучуковой плантацией в Либерии, обеспечивающей основную часть экспорта страны. Хотя компанию и уличили в нарушении законодательства о детском труде и выплатах бандитскому мятежному режиму Чарльза Тейлора во время последней гражданской войны, она обеспечивала работой многие поколения местных семей и эффективно управляла городом. В 2014 году Firestone быстро построила собственный медицинский центр для защиты более 100 тысяч человек от риска заражения лихорадкой Эбола.

С 1937 года компания Shell участвовала в большинстве нефтегазовых проектов в Нигерии, обеспечивавших свыше четверти ее глобальных резервов. Нигерия — самая густонаселенная страна Африки, и ее бюджет полностью зависит от отчислений за добычу нефти, поэтому население ожидает от компании предоставления услуг в той же мере, что и от правительства страны. На фоне беспрецедентного уровня коррупции порой сложно понять, кто за что отвечает и кто кого эксплуатирует. Тем не менее стабильность всей Западной Африки и планы множества инвестиционных фондов, надеющихся, что Нигерия станет новым экономическим центром Африки, висят на волоске.

Безусловно, Либерия и Нигерия не станут богаче вне глобальных цепей поставок — сейчас они получают выгоду от более эффективного управления и политики инноваций, в частности инициативы прозрачности добывающих отраслей (ИПДО), в рамках которой создается система управления доходами, напрямую работающая с транснациональными компаниями, правительствами, мировыми лидерами и гражданским обществом, чтобы отслеживать производство и прибыль, финансируя инфраструктурные и общественные проекты. Имея невиданные запасы природного газа в подводных месторождениях, новое беднейшее государство в мире Восточный Тимор отчаянно нуждается в помощи ИПДО, если, конечно, намерено обрести статус второго Брунея¹²⁰.

Хотя участие в деятельности ИПДО пока необязательно, новое европейское и американское законодательство о корпоративной прозрачности требует от компаний воздерживаться от реализации спорных полезных ископаемых через глобальные цепи поставок. Это заставило компании пересмотреть и изменить практику разведки и эксплуатации месторождений золота, кобальта, олова, вольфрама и прочих минералов, но при этом лишило тысячи конголезских шахтеров даже того мизерного заработка, который они получали, что не оставило им выбора и вынудило обратиться к военизированным отрядам, переправлявшим минералы контрабандой за границу, и финансировать мятежников.

Вместо того чтобы отказаться от добычи полезных ископаемых из-за тотального регулирования этой сферы в Нидерландах, голландская компания Philips активно содействует созданию местных компаний для разработки «бесконфликтных» месторождений в Конго. Их деятельность поддерживает социальная компания Fairphone из Амстердама, работающая с африканскими странами над развертыванием производства мобильных телефонов и предлагающая специальные планы их обслуживания, а затем и переработки, контролируя таким образом всю цепь поставок, которая приносит максимальную пользу именно тогда, когда корректируется на местах.

ДВИГАТЬСЯ ИЛИ НЕ ДВИГАТЬСЯ?

Мир спроса и предложения раскрывает некоторые неприглядные реалии отношения правительств к природным и человеческим ресурсам. Многие общины в Китае и Индии были выселены с насиженных мест из-за строительства дамб и водохранилищ на их родовых землях. Бушмены пустыни Калахари (Ботсвана) вели кочевой образ жизни до тех пор, пока в их естественной среде обитания не нашли богатые залежи алмазов. Но, несмотря на эти вопиющие случаи, большинство людей все же *добровольно* переселяются *ближе* к цепям поставок. В одной только Монголии по меньшей мере 100 тысяч так называемых черных копателей мигрируют от шахты к шахте, денно и нощно моя золото за нищенскую зарплату в надежде удовлетворить гигантский спрос Китая. Даже если всех климатических переселенцев добавить в список пострадавших от деятельности цепей поставок, их общая численность по-прежнему будет лишь малой толикой человеческих масс, перемещающихся в города, промышленные

центры, СЭЗ и прочие узлы в поисках работы в мире глобальных цепей поставок.

И все же великая ирония мира цепей поставок состоит в том, что глобальные центры, ассоциирующиеся у людей с наличием работы и благосостоянием, тоже порой исчезают в результате изменений глобальных рынков и корпоративных приоритетов. Только за последние несколько лет некогда процветавшие горнодобывающие города от Австралии до Бразилии пришли в упадок, оставив своих жителей практически без средств к существованию.

Безработным часто ничего не остается, кроме как браться за все, что подворачивается под руку, даже когда это не совсем законно или аморально. Торговцы сексом буквально охотятся на бедных и безработных женщин, занимающихся кустарным промыслом, и переправляют их из Восточной Европы или Азии в Японию или Саудовскую Аравию. Эти люди — беспринципные посредники, всего лишь цепь поставок, а не рынок. Реальное решение проблемы — предоставить женщинам альтернативу, позволяющую сопротивляться эксплуатации. Например, во Вьетнаме женщин, делавших крыши из бамбука, вытеснили из бизнеса высокопродуктивные китайские конкуренты, и теперь они делают бамбуковые украшения для Gucci. Новые цепи поставок спасли их от последствий утраты бизнеса.

Из примерно 40 миллионов жителей планеты, работающих сегодня в поистине кабальных условиях, более половины находятся в четырех странах: Индии, России, Пакистане и Китае. Когда торговцы живым товаром заманивают или похищают молодых африканцев, выходцев из Южной Азии или филиппинцев и контрабандой отправляют в дальние страны (в том числе, по оценкам, около 50 тысяч в США), только прямое управление цепями поставок может остановить или легализовать этот поток. Например, в штате Калифорния от работодателей требуют документы, подтверждающие происхождение их работников. Программы «безопасной миграции» обязывают нанимателей и рекрутеров согласовывать каждый этап привлечения иностранных работников, чтобы гарантировать соблюдение их прав. Все эти действия по борьбе с глобальным рынком рабского труда подрывают его устои.

Иногда посредников тоже могут переубедить. Растущий спрос на слоновую кость уничтожил африканских слонов в Конго. Китайцы

готовы платить до 24 тысяч долларов за прочный белый бивень, даже если он используется для изготовления стильных палочек для еды. Армия сопротивления Бога истребила десятки слонов в восточном Конго, чтобы профинансировать партизанскую войну против правительства Уганды. Если правительство не в состоянии защитить своих граждан, то что говорить о животных? Только финансируемые извне программы вроде «Из браконьеров в защитники» в национальном парке «Одзала» способны заставить охотников участвовать в обучающих программах, позволяющих найти работу в индустрии туризма. В Сомали целые армады боевых кораблей и частных флотилий не остановят атаки пиратов на нефтяные и грузовые танкеры, а вот рыболовные суда помогли бы сомалийским рыбакам вернуться в законное экономическое поле.

Предоставление людям лучших цепей поставок — единственный способ предотвратить их эксплуатацию худшими.

Победить коррупцию?

Мир наводнен не только дешевым, но и теневым капиталом; триллионы долларов в поисках убежища от нападков правительств вкладываются в недвижимость и прочие активы от Нью-Йорка и Лондона до Дубая и Сингапура.

Мировой экономический пирог растет, и каждый хочет заполучить кусочек. Те же тенденции свободного рынка, такие как приватизация и либерализация иностранных инвестиций, способствуют и росту коррупции во всем мире. Как утверждает индийский ученый Наян Чанда, «не глобализация становится причиной коррупции, а открытость страны для международной торговли и иностранных инвестиций создает условия для взяточничества и злоупотреблений в невиданных ранее масштабах» [3].

Хотя нам вряд ли доведется пожить в свободном от коррупции мире, вопрос в том, насколько дорого она обходится для экономического и социального прогресса страны. Расходы на общественные нужды в Китае выше, чем в любой другой стране мира, и это тоже показатель присутствия коррупционной составляющей, но в целом есть определенный прогресс, поскольку польза от коррупции перевешивает ее издержки. В Индии и России коррупция зашкаливает. Индия, по некоторым оценкам, теряет до 100 миллиардов долларов в год на незаконном оттоке капитала — как с помощью фальшивых

счетов, так и в форме «грязных денег». Сумма втрое превышает объем прямых иностранных инвестиций в страну. Африка ежегодно теряет из-за коррупции и уклонения от уплаты налогов в два раза больше, чем размер получаемой финансовой помощи.

В целом более конкурентоспособная экономика менее коррумпирована, но сегодня многие быстрорастущие экономики недостаточно борются с коррупцией [4]. Очевидно, что инвесторы готовы мириться с некоторым приемлемым для них ее уровнем, если это гарантирует стабильность их инвестиционных проектов. В большинстве дискуссий о коррупции не проводится различие между операционной коррупцией на микроуровне (например, взятка за получение различных разрешений) и структурной коррупцией, которая потенциально нежелательна для страны. Страны из первой группы развиваются значительно лучше, чем страны из второй [5]. Например, Малайзия занимает пятидесятое место по уровню коррупции, и при этом шестое — по легкости ведения бизнеса. Иными словами, вести там бизнес недешево, но оно того стоит.

Хотя привлечение новых инвестиций и цепей поставок может способствовать повышению уровня коррупции, они также являются катализатором реформирования авторитарных стран со структурным типом коррупции вроде Египта, где государство принимает все решения — как правило, неудачные. Большинство компаний отчаянно хотят, чтобы правительства искоренили излишнюю бюрократию, которая мешает бизнесу и вредит их собственному народу. Поскольку перевести капитал в менее коррумпированную страну становится легче, появляются более сильные стимулы для реформ. Мир спроса и предложения может быть более конкурентоспособным и одновременно менее коррумпированным.

ГЛОБАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ БЕДНЯКОВ

Во время последней поездки в Йоханнесбург мне не удалось толком посмотреть город. Два дня я в основном провел в Сэндтоне, пригороде для белой элиты, с пятизвездочными отелями, штаб-квартирами транснациональных компаний и автосалонами, торгующими машинами класса «люкс». Иногда, глядя на элитные жилые комплексы и великолепные корпоративные парки вокруг, даже кажется, что находишься в калифорнийском Сан-Хосе. Но Сэндтон расположен прямо в центре быстрорастущей провинции Гаутенг, где

находится административная столица страны Претория и проживают 14 миллионов человек, преимущественно чернокожих и бедных.

Наш мир напоминает Гаутенг. Будь то технический центр Гургаон в национальном столичном регионе Индии или шикарные торговые комплексы Макати в центре Манилы — чем населеннее и глобально связаннее города, тем ярче в них выражена социальная стратификация, причем не только между городскими и сельскими территориями, но и между благополучными, глобализованными узлами и периферийными бедными районами и трущобами. Урбанизация ускорила имущественное расслоение общества, запущенное глобализацией.

Экономическая сегрегация сделала наши города такими же неоднородными, как в Средневековье. По мере расслоения общества на богатых и бедных, привилегированных и бесправных единая нация превращается в миф. Таким образом, карты, показывающие пеструю картину распределения благосостояния в городах, информативнее, чем данные о среднем уровне дохода на душу населения, ожидаемой продолжительности жизни, уровне образования и прочих показателях.

Города могут быть либо силой, объединяющей людей в поисках перспектив, либо котлами маргинализации. Урбанизация и неравенство — горючая смесь. Фергюсон в 2014 году и Балтимор в 2015-м напоминают о последствиях утраты общественного доверия в США. И в богатых, и в бедных странах многие города все больше отгораживаются от страны, а полиция и парамилитарные частные формирования патрулируют ключевые государственные и частные учреждения. По словам Джозефа Стиглица, мы вступаем «...в мир, разделенный не только на имущих и неимущих, но и на страны, которые ничего с этим не делают, и те, что пытаются что-то делать» [6], причем первая категория насчитывает гораздо больше стран, чем вторая.

Партизанская война в городах теперь ведется иначе. Турецкая леворадикальная организация Революционная народно-освободительная партия-фронт, члены которой бросали гранаты в американское посольство в Анкаре в 2013 году и внутри блистательного дворца Долмабахче в Стамбуле, перенесла войну на улицы и направила действия против плана корпораций по реновации жилья, поскольку его реализация приводила к росту цен на землю и

вытесняла горожан на окраины. Сегодня открытие новых футбольных клубов для отвлечения внимания молодежи не срабатывает. Хотя урбанизация обычно ослабляет авторитарные режимы, создавая условия для коллективного сопротивления, для поддержания стабильности в ключевых городах режимы порой прибегают к чрезмерно жестким полицейским мерам [7]. Грамотное управление многочисленным этнически пестрым населением с разным уровнем доходов отличает успешные глобальные центры от несостоявшихся государств.

Стартовавшее в Нью-Йорке протестное движение Оспиру Wall Street («Захвати Уолл-стрит») стало первой реакцией на маргинализацию масс и предвестником грядущих событий. Финансовые рынки обогатили высшие слои общества, а автоматизация и аутсорсинг разорили рабочий класс. Экономическое неравенство ведет как к политическому неравенству — олигархическому правлению богатых элит, — так и к чрезмерной зависимости слабой экономики от узкой базы потребления. Слишком высокий уровень долговременной безработицы в США отражает тяжелое положение в основном молодых малоквалифицированных работников, которые просто растворились на общем фоне экономики. Одновременные, хотя и нескоординированные массовые протесты, охватившие множество городов от Нью-Дели и Стамбула до Сан-Паулу (а также акты насилия в Йоханнесбурге и Найроби), напоминают о том, что десятки стран, считавшихся горячими «растущими рынками», тоже демонстрировали революционные симптомы старого порядка Франции¹²¹.

Это новое глобальное сопротивление — сочетание бурно стартовавших политических партий, сетевых рабочих групп, команд хакеров и борцов с новыми технологиями — застало врасплох власти большинства стран мира и дестабилизирует в ближайшие годы все больше и больше правительств. Хотя некоторые считают подобные движения антиполитическими, они сместили контуры экономических дебатов и показателей, используемых для оценки вновь созданной стоимости, от накопления капитала к общественному благу. В следующие десятилетия мы увидим множество новых проявлений их сетевой природы. Маркс, наверно, смеется над нами в гробу: началось глобальное восстание бедняков.

По утверждению Маркса, не признающая границ капиталистическая эксплуатация требует такого же не признающего границ ответа пролетариата, иначе государство не удастся упразднить в пользу подлинно эгалитарного общества [8]. Нынешние глобально связанные цепи поставок дают работникам рычаги влияния, поскольку сбой хотя бы в одном звене цепи приводит к глобальным последствиям. В 2015 году из-за забастовок рабочих в калифорнийских портах была задержана доставка новогодних подарков из Китая родственникам на западном побережье США. Нижние звенья цепей поставок стали политической силой. Национальный союз рабочих-металлистов в Южной Африке откололся от Африканского национального конгресса и создал новую партию с социалистической идеологией.

В борьбе за перетягивание каната между капиталом и рабочей силой последняя тоже начинает выстраивать сетевые структуры, подобно транснациональным корпорациям. Промышленные компании долго угрожали рабочим переместить производство в страны с низким уровнем оплаты труда, но профсоюзы научились держать удар. Например, немецкая компания IG Metall поддерживала усилия Объединенного профсоюза автомобилестроителей США по развитию профсоюзного движения на юге страны, причем делала это исходя из собственных интересов: построенный в Алабаме завод Mercedes отнимает рабочие места у немцев, поэтому, если профсоюзу в Алабаме удастся договориться о повышении заработной платы, рабочие места вернутся в Европу.

Профсоюзы также существенно влияют на международные коммерческие переговоры. В 2014 году завод по производству шин поддерживаемой правительством страны китайской компании Chengshan Group добился в ходе забастовки отмены поглощения своего партнера, американской компании Cooper Tire & Rubber, индийской компанией Apollo, поскольку не хотел поставлять продукцию обремененной большой задолженностью индийской компании. Фактически Chengshan выкупил контрольный пакет акций Cooper Tire, вложенных в их совместное предприятие. В результате вместо расширения в Азию путем планировавшегося слияния Cooper Tire просто уменьшился в размерах.

Распространение транснациональных корпораций поощряет иностранных рабочих именно потому, что в противном случае они

не могли бы так бурно протестовать против государственных компаний. Китайские рабочие организовывали масштабные стачки против компании Walmart, добиваясь большей свободы профсоюзов. Весьма показательным и превращением первоначальной благодарности местных общин за привлечение иностранных инвестиций в негодование по поводу предполагаемой эксплуатации.

Если история — это последовательность аристократических обществ и классовой борьбы, то только новая конфигурация класса изменит этот цикл. По мере увеличения населения планеты мы больше не можем делать вид, что именно демография стимулирует рост, поскольку основной вклад в производительность труда и потребление вносят все те же два миллиарда человек, находящихся наверху. Глобальная экономическая пирамида — с 1 процентом наверху, контролирующим примерно половину всего богатства, — включает тонкую прослойку «среднего класса», зарабатывающего 4 доллара в день, и почти половину мирового населения, зарабатывающего около 2,5 доллара и меньше в день¹²². Подавляющее большинство жителей планеты тратят львиную долю дохода на предметы первой необходимости, воду, медицинское обслуживание и образование — услуги, редко предоставляемые слабыми правительствами. Мировая экономика будет бороться за долгосрочный рост до тех пор, пока пирамида не приобретет форму ограненного алмаза, то есть пока миллиарды людей из ее нижней части не пополнят ряды среднего класса.

Когда увеличение численности населения больше не приводит к экономическому росту, его может обеспечить расширение связей *между* людьми, что стимулирует их способность к взаимодействию. Вот почему деление населения на 1 и 99 процентов некорректно: хотя их доходы разнятся, нужно мотивировать один процент богатых инвестировать в предприятия, создающие рабочие места. Именно частные компании, такие как, скажем, немецкая семейная компания SME, готовы нести дополнительные издержки, чтобы сохранить костяк сотрудников, в то время как публичные акционерные компании, вероятнее всего, передадут работы на аутсорсинг, чтобы сократить издержки и угодить акционерам. Частные компании находятся в авангарде борьбы за комплексный бухгалтерский учет, учитывающий человеческий капитал. Например, корпорация Mars совместно с бизнес-

школой имени Саида при Оксфордском университете разрабатывает проект поддержки мелких предпринимателей в трущобах Найроби, Джакарты и Манилы, чтобы оценить создаваемую ими для общества добавленную стоимость и использовать результаты для оценки эффективности работы своих менеджеров по продажам. Решение проблемы неравенства — это не повышение налогов или, наоборот, налоговая амнистия, а подключение к инклюзивным цепям поставок.

Капиталистические общества, то есть все общества, не решили проблему классификации граждан и неграждан косвенными методами исходя из их экономической ценности. Китай неофициально классифицирует свое многочисленное население на городских предпринимателей, фермеров, сельскохозяйственных мигрантов, богатых экспатов и прочих. Элитная недвижимость в США принадлежит 20 процентам наиболее обеспеченного населения, а остальные 80 процентов риелторы просто списывают со счетов. Многие правительства явно больше ценят иностранных инвесторов, чем собственных граждан. Обнадеживает лишь то, что все эти цифры показывают, сколько миллионов человек теоретически можно было бы вовлечь в строительство государства. Именно в крупные бедные городские и сельские регионы следует направлять основную часть инвестиций.

ПОТРАТИТЕ СЕЙЧАС — ПОЛУЧИТЕ ПОТОМ

В последние десятилетия сочетание быстрого экономического роста стран Азии и высоких цен на сырьевые товары породило суперцикл накопления богатства и модернизации экономики. Следующая волна роста будет обусловлена снижением издержек за счет низких цен на сырьевые товары и низких процентных ставок по кредитам, стимулирующих инвестиции с континентов с развитой инфраструктурой (Северная Америка) в регионы, стремящиеся обеспечить занятость населения (Юго-Восточная Азия). Настало время создавать рынки и связывать их. Связанность — самый ценный актив XXI века.

Для инвесторов, стремящихся заработать на дешевых кредитах и вложить активы в реальную экономику, а не дутые финансовые деривативы, нет ничего более конкретного, чем инфраструктура. Этот класс активов способен генерировать более высокую рентабельность, чем вложения с фиксированной ставкой, и при этом менее волатилен,

чем акции. Хотя в краткосрочной перспективе он связан с получением кредитов, без этого невозможен долговременный рост. Выгоды от инвестиций в инфраструктуру безмерны: рост денежного потока, способствующего мобильности; резкий рост продуктивности; стимулирование социальных преобразований. Как утверждает бывший ведущий экономист Всемирного банка Джастин Линь, рынки капитала, совместные организации и прочие структурные фонды должны сосредоточиться на укреплении местных банков, чтобы они могли финансировать крупномасштабные инфраструктурные проекты, создающие рабочие места и соединяющие общества¹²³.

Лучший пример — Федеральная система скоростных автомагистралей США, строительство которой было начато в 1950-е годы при президенте Дуайте Эйзенхауре. Совершив в 1919 году изнурительное путешествие из Вашингтона в Сан-Франциско по разбитому, грязному шоссе Линкольна — первой трансконтинентальной трассе США — и оценив во время Второй мировой войны преимущества немецкой сети автобанов, Эйзенхаур инициировал реализацию «великого плана» строительства более 65 тысяч километров автомобильных дорог общей стоимостью 25 миллиардов долларов, без которого сейчас невозможно представить процветание Америки¹²⁴.

То же справедливо и для Китая. После финансового кризиса Китай сосредоточился на инфраструктуре, предоставив налоговые льготы на строительство автострад, доступного жилья, метрополитенов и железных дорог, что, по данным Deutsche Bank, обеспечило вдвое больший прирост ВВП, чем монетарные стимулы. Хотя западные экономисты критиковали Китай за «чрезмерное инвестирование», Всемирный банк установил, что высокоскоростное железнодорожное сообщение с более чем сотней китайских городов обусловило существенное повышение производительности экономики за счет уменьшения расстояния между компаниями и рабочими и рынками и потребителями. Даже несмотря на снижение темпов роста необоротных активов в Китае, выигрыш от эффективной мобильности очевиден рядовым работникам, покупателям на Alibaba, миллионам внутренних туристов и мигрантов, пользующихся доступным транспортом по всей стране.

Опыт послевоенной Америки и нынешнего Китая доказывает, что инфраструктура — не разовые инвестиции, а сеть соединительных артерий, требующая постоянного внимания и ухода. По мнению известных американских экономистов Роберта Гордона из Северо-Западного университета и Тайлера Коуэна из университета Джорджа Мэйсона, американская экономика страдает от падения темпов роста в производительности труда, отсутствия технологических инноваций, слаборазвитой инфраструктуры, снижения стандартов образования и углубляющегося расслоения населения. Транспортная система все еще слишком медленная и неэффективная для реализации экспортного потенциала страны. Тем не менее наращивание инвестиций в основной капитал остается главным источником роста производительности в экономике США. После десятилетий забвения ключевые объекты инфраструктуры сейчас модернизируются и расширяются. Инвесторы Уоррен Баффетт и Карл Айкан возрождают коммерческие железнодорожные перевозки, а Google презентует оптоволоконные линии со скоростью передачи данных до тысяч мегабит в секунду в десятках городов по всей стране. Поскольку конгресс не желает тратить деньги на инфраструктуру, как в 1950-х годах, только открытие шлюзов для иностранных инвестиций способно обеспечить вливание капитала для ее обновления и расширения.

Страны, поддерживающие темпы инвестиций в инфраструктуру, инновации и общественные институты на уровне 25 процентов и выше, как правило, демонстрируют устойчивый рост экономики в долгосрочной перспективе. Инвестиции в инфраструктуру более затратны, чем в производственные мощности, ведь дорогу или железнодорожное полотно не перенесешь туда, где их строительство обойдется дешевле. Правительствам, ищущим пути решения проблемы занятости, следует сосредоточиться как на материальной, так и на нематериальной инфраструктуре — неэкспортных секторах с самой высокой степенью занятости, которые вряд ли удастся автоматизировать в ближайшем будущем, таких как строительство, отельный бизнес, образование и здравоохранение. Хотя их невозможно вывести за рубеж, они извлекают пользу из инвестиционных потоков и при этом создают огромную вторичную выгоду для общего благосостояния¹²⁵.

Капитальные затраты окупаются операционными доходами. Сегодня МВФ уже не призывает к строгой экономии, но поощряет строительство инфраструктуры за счет кредитных средств, что создает рабочие места и повышает производительность благодаря современным средствам сообщения, телекоммуникациям и другим услугам. Мудрые правительства находят больше возможностей для инвестиций в инфраструктуру, уменьшая субсидии, предлагая кредитные и ипотечные гарантии и создавая финансовые механизмы вроде партнерства с Международной финансовой корпорацией (IFC) и такими страховщиками рисков, как Многостороннее агентство по гарантированию инвестиций (MIGA). Колумбия, Мексика, Филиппины, а теперь и Индия, создают специальные фонды для защиты инвесторов, гарантирования достойной прибыли и защиты от политического вмешательства. Чем больше стран открыты для притока капитала из множасьихся международных пулов глобального капитала, тем больше финансовые цепи поставок могут поддерживать материальные.

ФИНАНСОВЫЕ ЦЕПИ ПОСТАВОК

Воздушные шары обычно гораздо больше пузырей. Несмотря на лопавшиеся в последние два десятилетия технологические и энергетические пузыри и пузыри на рынке недвижимости, глобальный экономический воздушный шар продолжает надуваться и расширяться. Центральные банки установили сверхнизкие процентные ставки и интенсивно увеличили кредитование, предлагая льготные условия финансовым организациям и корпорациям, и одновременно вели краткосрочные спекулятивные операции, обеспечивая постоянную доступность дешевых денег. Хотя глобальный долг достиг 56 триллионов долларов (эквивалент глобального ВВП за год), с 2007 по 2014 годы главные валютные центры мира (США, еврозона, Китай и Япония) продолжали печатать деньги, став в результате собственными крупнейшими кредиторами (большая часть их долга удерживается внутри страны) и обезопасив себя от возможной распродажи своей валюты в других странах. Даже когда очередной пузырь лопается — будь то китайская недвижимость или американские ценные бумаги, — более крупный воздушный шар продолжает раздуваться: по оценкам Bain & Company, к 2020 году общий мировой финансовый капитал достигнет 900 триллионов долларов.

В рамках глобальной финансовой системы в ведущих финансовых центрах наблюдаются огромные притоки и оттоки пулов активов. Подобно железным шелковым путям, пересекающим Евразию, эти векторы формируют новый «постоянный капитал» с большим временным горизонтом, большей способностью противостоять волатильности и более сильным стремлением инвестировать в глобальном масштабе. Мировые миллиардеры, количество которых удвоилось после финансового кризиса и достигло свыше двух тысяч, символизируют эту тенденцию. Миллиардеры могут быть как физическими лицами, так и институциональными единицами, управляющими своими империями из семейного офиса. Их финансовые орбиты — крупнейший 46-триллионный пул капитала в мире. К ним присоединяются пенсионные фонды, чьи инвестиционные ресурсы превышают 40 триллионов долларов. Хотя европейские пенсионные фонды лидируют по инвестициям в инфраструктурные проекты за рубежом, азиатские фонды, которые составляют половину двадцатки, активно к ним подключаются в глобальной погоне за уровнем доходности, необходимым для выполнения их растущих внутренних обязательств, параллельно агрессивно лоббируя перед властями Китая, Индии, Нигерии, Турции, Мексики увеличение их квот на иностранные инвестиции в определенных областях: недвижимости, телекоммуникациях, финансовых услугах, инфраструктуре [9]. Страховые фонды, управляющие активами на 30 триллионов долларов, которые очень давно появились в их национальных портфелях, в последнее время рассматривают возможности более рискованного вложения средств на региональных рынках. Кроме того, самые распространенные финансовые продукты, а именно взаимные и облигационные фонды, в совокупности управляющие активами на сумму еще 30 триллионов долларов, тоже активно интересуются иностранными ценными бумагами, вкладывая деньги в зарубежные компании со средней и высокой капитализацией и тем самым наращивая инвестиционный портфель, чтобы обеспечить доходность для индивидуальных и семейных инвесторов в стране.

Официальные капитальные активы в последние годы тоже стабильно росли. Резервы Центральные банки превысили 8 триллионов долларов и в основном сосредоточены в Азии, где

правительства направляют значительную часть этих средств в государственные инвестиционные инструменты, известные как фонды национального благосостояния (ФНБ), совокупные активы которых составляют 6 триллионов долларов, а высокорисковая инвестиционная деятельность связана с такими отраслями, как недвижимость, банки и другие компании, поскольку так они пытаются компенсировать снижение доходов из-за падения цен на нефть. ФНБ часто инвестируют в фонды прямых инвестиций с портфелем активов свыше 2 триллионов долларов и хедж-фонды с аналогичным портфелем. По мере ужесточения регулирования банковской деятельности хедж-фонды выходят за рамки торговых операций на фондовых рынках и предлагают кредитное обслуживание (как банки), а также приобретают компании (как частные инвестиционные фонды).

Чем больше эти игроки инвестируют друг в друга и совместно в другие проекты, тем связаннее становятся. Появилась даже новая терминология для описания крупных децентрализованных субъектов хозяйственной деятельности, таких как инвестиционная компания BlackRock, чьи активы под управлением на сумму 4,5 триллиона долларов сформированы на основе глобально диверсифицированной базы. Теперь их называют «конгломератами по управлению альтернативными активами» или «диверсифицированными финансовыми институтами». Эти структуры управляют пулами капитала, который может быть инвестирован в любой вид активов — например, в государственный долг развивающихся стран. Они постоянно проводят мониторинг рынков в поисках недооцененных ценных бумаг, активов в недвижимости, прибыльной инфраструктуры, такой как аэропорты, платные автодороги или технологические стартапы. За счет прямых иностранных инвестиций и создания совместных предприятий глобальные управляющие активами объединяются с местными партнерами, обходя инвестиционные ограничения, чтобы обеспечить лучшие условия деятельности. От Черной Африки до Индонезии каждая четвертая сделка по слиянию и поглощению осуществляется в развивающихся странах, причем за большинством из них стоят опытные финансисты мирового класса, которые помогают вывести местные компании на следующий уровень развития.

Существует много видов банков. Похоже, дезинформированные комментаторы левого толка не понимают, насколько значима связь между финансовым сектором и реальной экономикой. Как банки, так и небанковские учреждения (от управляющих активами до кредитных союзов) внесли колоссальный вклад в проектное финансирование, создание розничных банков и кредитование, открытие компаний и движение денежного потока, приобретение технологий и выход сотен тысяч компаний на рынки развивающихся стран. В США небанковские учреждения захватили львиную долю рынка кредитования, будь то выкуп миллионов обесценившихся ипотечных кредитов или финансирование среднего бизнеса [10].

Связь между финансовым сектором и реальной экономикой не менее важна и для развивающихся рынков. С 2009 по 2014 год доля долга местных органов власти иностранным инвесторам удвоилась, что позволило правительствам больше инвестировать в социально значимые проекты, а местным банкам — выдавать больше кредитов (в национальной валюте) малому бизнесу, в частности автозаправочным станциям, продуктовым магазинам и частным лицам по ипотеке. При снижении темпов роста экономики и сокращении внутренних резервов такие страны вынуждены снимать ограничения с иностранных инвестиций на местных фондовых биржах, чтобы обеспечить местные компании капиталом для создания рабочих мест и развития бизнеса. Без готовности частных инвесторов рисковать кредитные рынки в развивающихся странах находились бы в плачевном состоянии, поскольку их инфраструктура с институциональной точки зрения слабо развита и недокапитализирована.

Торговое финансирование — отличный пример того, как рынки стараются помочь людям наладить связь. Согласно нормам ВТО, 80 процентов мировой торговли поддерживается финансовыми учреждениями, но посткризисные нормативные документы (в частности, Базель III, требующий от банка держать больше капитала внутри страны) непреднамеренно разорвали эту критически важную связь между финансовым сектором и реальной экономикой. Поддержка финансового сектора позволяет компаниям производить товары с экспортным потенциалом, а реальная экономика уже зарекомендовала свою надежность как объект инвестиций, поскольку процент банкротств в ней относительно невысок. Такие фонды, как

Европейский инвестиционный банк и компания Abraaj Group поддержали региональные биржевые инвестиционные фонды для Ближнего Востока и Африки, чтобы облегчить малому и среднему бизнесу поиск финансирования. В Германии в пять раз больше компаний, относящихся к *Mittelstand* (среднему бизнесу), чем в США, а это говорит о поддержке в стране традиционных видов бизнеса, например инструментальных заводов, которые могут выиграть от финансирования торговых операций с целью продвижения на растущие рынки Азии. Выход европейского малого и среднего бизнеса на азиатские рынки, а бизнеса из стран АСЕАН — на рынки остальной части Азии, Африки и даже Европы наглядно демонстрирует, как финансирование региональных компаний за счет глобального капитала создает новые продуктивные потоки.

Как показал финансовый кризис, концентрация большого объема капитала в немногих руках сопряжена с огромными рисками. Но сворачивание глобального финансирования стало бы худшим примером выплескивания ребенка вместе с водой. Капитализм не должен превращаться в корпоративизм. Если финансовые рынки — это место приумножения капитала, то финансовые цепи поставок — пути его распределения. Мы должны воспользоваться выгодами «воздушного шара» глобальной ликвидности, чтобы создать больше финансовых цепей поставок, связывающих капитал с такими генерирующими ценность активами, как компании и объекты инфраструктуры. Мир с более широким распределением капитала станет стабильнее.

ЧАСТЬ V

К ГЛОБАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

ГЛАВА 14

КИБЕРЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

Интернет — первое, что создало человечество, не понимая, что это такое. Это самый большой эксперимент по построению анархии из когда-либо проводившихся.

Эрик Шмидт, компания Google

НЕВИДИМАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

(Карта 34 к этой главе приведена на вклейке.)

Интернет создавался для преодоления расстояния: ученые, работающие на исследовательских станциях в разных уголках земли, искали эффективный способ обработки и передачи больших массивов

данных. Лаборатория ЦЕРН, в которой родилась Всемирная паутина, символизирует нейтральное отношение научного сообщества к границам, поскольку расположена на территории двух стран: Швейцарии и Франции. Сегодня интернет — это воплощение квантового мира. Он повсюду и при этом «невидим». Он обеспечивает соединения, но они могут мгновенно исчезнуть. Данные можно фильтровать и блокировать, а можно представить в виде закодированных пакетов, которые может реассемблировать (повторно собрать) только конкретный получатель. Все, что оцифровано, одновременно может появиться в нескольких местах, будь то книга, музыка или событие в режиме реального времени. Для поиска более быстрых способов обработки информации ученые используют принципы квантовой запутанности и суперпозиционирования, чтобы приумножить способность фотонов передавать данные.

Между тем пока мир цепей поставок, зародившийся в системе национальных государств, все в большей мере становится миром без границ, с интернетом происходит обратное: изначально не признающий границ, он время от времени попадает в ловушку межгосударственных разногласий. Кто же победит в перетягивании каната в цифровом пространстве?

Компании, которые мы называем технологическими, нередко специализируются на технологической *инфраструктуре*. Телекоммуникации уверенно обошли все другие формы связи. По медным проводам телефонных линий, через вышки радиорелейной связи, подводные интернет-кабели или низкоорбитальные спутники портативные мобильные устройства теперь могут соединиться с любым другим устройством связи практически в любой точке мира. Телекоммуникационные компании потратили 2 триллиона долларов на инфраструктуру мобильной связи с 2009 по 2014 год и намерены вложить еще 4 триллиона долларов к 2020 году в расширение доступа и повышение скорости передачи данных [1].

Компании, формирующие информационную инфраструктуру, вырастают в целые цифровые империи. Google начинал как сетевой поисковик, а стал глобальным хранилищем данных. Чтобы обеспечить повсеместное и недорогое подключение, интернет-провайдеры фактически превращаются в телекоммуникационные компании. Компания Google запускает дирижабли Zeppelin с Wi-Fi, чтобы

охватить услугами население, не имеющее доступа в интернет; тем временем интернет-телефония, представленная Skype или WhatsApp, практически исключила плату за звонки, ведь в интернете нет роуминга. Независимо от степени конкуренции за пользователей и данные, в отношении важности расширения подключенности Google и Facebook абсолютно единодушны; отсюда их партнерство в запуске спутников для обслуживания «Других трех миллиардов»¹²⁶. В самых отдаленных уголках мира, где нет ни больниц, ни электричества, у людей есть мобильные телефоны на солнечных батареях или заряжающиеся от движения. Даже не заглядывая слишком далеко в будущее, нетрудно представить мир, где почти у каждого есть смартфон с широкополосным доступом в интернет на базе технологии 4G (а со временем и 5G)¹²⁷.

Сегодня по меньшей мере триста подводных кабелей как нитки обмотали земной шар, передавая 99 процентов межконтинентального трафика данных¹²⁸. Когда в отдаленных уголках планеты наслаждаются всеми преимуществами улучшенной связи, само понятие «отдаленного уголка» меняется. Всего один оптоволоконный кабель вывел Кению на цифровую карту мира и подтолкнул Google, IBM, MasterCard и другие компании к размещению исследовательских лабораторий в перспективной «Кремниевой саванне». Первый оптоволоконный кабель в Уганду и Замбию был проложен по дну Индийского океана в 2014 году. Да, это не обеспечило странам выхода к морю, зато связало с миром.

Карты маршрутов интернет-кабелей демонстрируют растущую плотность связей между отдаленными регионами. Наибольшее число кабелей проложено по дну северной части Атлантического океана; на втором месте — Тихий океан, где проходит новый 7500-километровый сверхскоростной канал передачи данных Google под названием Faster («быстрее»), соединивший Калифорнию с Японией и проходящий далее к берегам азиатских стран. Его главная цель — обеспечить поток интернет-данных по маршруту Азия — Тихий океан, который, по прогнозам, утроится с 2013 по 2018 год и достигнет 48 эксабайт в месяц¹²⁹. Как и в случае межконтинентальных авиалиний, пропускная способность интернет-кабелей, соединяющих Южную Америку, Африку и Азию, постоянно растет, что отражает укрепление связей между континентами. Таяние ледяного щита

Арктики даже позволило проложить кабельную сеть «Поларнет» под Северным полюсом, связывающую Лондон и Токио. Как писал писатель-фантаст Нил Стивенсон, «киберпространство искажает восприятие мира торговли, политики и идей, среди которых мы живем. Финансовые кварталы Нью-Йорка, Лондона, Токио гораздо ближе друг к другу, чем Бронкс и Манхэттен» [2]. В отрасли программного обеспечения занято более 30 миллионов человек, как в качестве профессиональных разработчиков, так и в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Интересно, что с географической точки зрения они распределены между Америками, Азиатско-Тихоокеанским регионом и ЕМЕА (Европа, Ближний Восток и Африка) примерно поровну. По прогнозам, к 2017 году Индия по численности программистов (около 5 миллионов человек) догонит США. Разработка программного обеспечения — одна из самых глобально связанных отраслей. IBM, Cognizant и другие «американские» IT-компании имеют больше сотрудников в Индии, чем в США, и больше трети программного обеспечения разрабатывается в Индии для американских компаний или экспортируется в США.

Многие воспринимают интернет как нечто само собой разумеющееся, хотя на самом деле связи между материальным и виртуальным миром крепнут под влиянием сложного волнового эффекта. Одна только ИКТ-индустрия потребляет 10 процентов мировой электроэнергии, демонстрируя тем самым, насколько интенсивно киберцивилизация способна истощать мировые природные ресурсы [3]. Дата-центры сегодня становятся прибыльной недвижимостью. Физическое воздействие цифровых империй определенно увеличило стоимость жизни в Сан-Франциско. Потребность компании Amazon в программистах, продавцах, производственных мощностях и серверах для хранения данных уже выше, чем небоскребы Сиэтла. Сотни городов от Калифорнии до Миссури блокировали открытие новых супермаркетов Walmart из-за угрозы их розничным магазинам, но ничего не могут поделать с компанией Amazon, доставляющей потребителям товары прямо под дверь. В свое время биткоин стартовал как нишевое платежное средство, а теперь люди все чаще живут на эту криптовалюту в «реальном» мире. Если они получили банковскую лицензию на выдачу кредитов, то способны обойти традиционные банки в

привлечении клиентов из «нижнего миллиарда». Технологии мобильной передачи данных снижают потребность в вышках мобильной связи, а цифровые платежи и покупки в интернет-магазинах — в физических деньгах: Швеция практически отказалась от наличных денег, а Канада прекратила чеканить пенни, что могли бы сделать и США, снизив тем самым использование никеля и других металлов. Таким образом, интернет работает на угле, но экономит медь и сталь. Но если границы между физическим и виртуальным миром постепенно стираются, могут ли они появиться внутри самого интернета?

ОГОРОЖЕННЫЕ САДЫ И КОЛДОБИНЫ НА ИНФОРМАЦИОННОЙ СУПЕРМАГИСТРАЛИ

Интернет — вселенная потоков и барьеров, никем не управляемая извне. Большая часть интернета находится под частным контролем с момента его создания. Сегодня около тридцати компаний контролируют 90 процентов мирового интернет-трафика. Одна только Google управляет примерно 20 процентами интернет-контента через сайты, хранилища данных и корпоративные приложения. Интернет-провайдеры, составляющие костяк нынешнего киберпространства, предпочитают самоуправление и саморегулирование грубому государственному вмешательству. К тому же общедоступный интернет — лишь небольшая часть всего интернет-пространства. Dark Web, состоящий из анонимных зашифрованных Tor-сетей и биткоиновых транзакций, «Глубокая паутина» неиндексируемых страниц, корпоративных интрасетей и прочих недоступных широкому кругу пользователей баз данных составляют большую часть интернет-контента.

Хотя интернет по-прежнему не имеет центрального руководства, его безмятежные дни в качестве негосударственного и неуправляемого извне сообщества, контролируемого лишь в технических вопросах, миновали; ныне это геополитическая арена интенсивной борьбы. Отец — основатель Всемирной паутины сэр Тим Бернерс-Ли предупредил о вероятности стратегических манипуляций и выступал за заключение своего рода Великой Хартии, гарантирующей интернету нейтралитет. Но было поздно, поскольку в интернете уже проявились признаки цифрового суверенитета и феодализма, причем соперничество не особо соотносится с политической географией. С тех

пор как Министерство торговли США фактически выступает в качестве веб-мастера, в управлении интернетом происходят существенные сдвиги. Изначально построенная снизу вверх структура с большим количеством участников, управляемая Корпорацией по присвоению имен и номеров в интернете (ICANN), в последние два десятилетия эволюционирует в систему с активным односторонним вмешательством государства и одновременным международным контролем через Международный союз электросвязи (ITU). Но правительству США необязательно становится регулятором Всемирной сети, чтобы проникать в ее самые потаенные уголки и проглатывать неограниченные объемы данных, программа PRISM Агентства национальной безопасности США позволяет получать доступ практически к любой информации.

Как ни странно, все это стало реакцией на программы всеобщей слежки NSA, «балканизировавшие» интернет. Страны всех мастей заявили о сетевом суверенитете либо с целью защиты своих граждан от вторжения в частную жизнь (Германия), либо для получения доступа к большему объему конфиденциальных данных о населении (Россия). Китай запустил не поддающуюся взлому квантовую коммуникационную сеть между Пекином и Шанхаем и первый в мире спутник квантовой связи. Независимо от того, стремятся ли правительства контролировать, фильтровать или защищать цифровые потоки информации, географическое (и юридическое) расположение серверов, кабелей, маршрутизаторов и дата-центров приобрело такое же значение, как и география нефтепроводов. Хотя различия между ними существенны. Интернет-данные могут находиться в нескольких местах одновременно и их можно копировать бесконечное количество раз. Кроме того, их можно перенаправить куда угодно и получить к ним доступ практически везде. Если данные считать нашей новой нефтью, то она на редкость увертлива.

Увы, интернет больше не является параллельной вселенной без границ. Даже Twitter, самая свободная и не подверженная цензуре среда общения в стиле «один ко многим», практикует превентивное ограничение контента, запрещенного в разных странах, а Google Maps загружает одобренные государственными властями карты, адаптированные к местонахождению сервера пользователя. Тем не менее, даже если программное обеспечение или информационные

услуги придется приводить в соответствие с национальными ограничениями (как после расторжения соглашения ЕС — США «Безопасная гавань» в 2015 году), это всего лишь частные изменения, а не полная блокировка. То, что Индия, Пакистан и Турция требуют удалить тысячи враждебных по отношению к их правительствам страниц из Facebook, еще не означает, что весь мир должен пасть жертвой цифровой цензуры — тем более что страницы-клоны появляются на том же Facebook быстрее, чем их удаляют.

Даже Китай не особо преуспел в погоне за «сетевым суверенитетом», что звучит как оксюморон. Правительства задействуют дорогостоящие системы для блокировки определенных сайтов, забывая о наличии Tor, виртуальных частных сетей (VPN) и расширения uProxy и многих других, позволяющих обойти любые ограничения. Малайзийские и китайские стартапы интегрировали VPN в свои приложения, чтобы предоставить большему числу пользователей доступ к заблокированному контенту. Таким образом, фильтрация контента не аналог полной блокировки, в чем уже убедились арабские диктаторы, когда люди вышли на улицы протестовать.

Определение мест размещения физических серверов и маршрутизаторов — это геополитика интернета, в то время как кибервойны — это геополитика в интернете. Кибервойна — это квантовый конфликт: оружие нематериально, его мощь ощутима, но неизмерима, фиксированные арсеналы отсутствуют, законы войны не действуют, а сдерживание не зависит от соотношения сил участников. Это непрерывная война хакерских атак с целью подрыва военной мощи врага (как урон, нанесенный иранской ядерной программе вирусом Stuxnet), хищения конфиденциальной корпоративной информации (как российские хакеры поступили с западными банками) или доступа к государственным тайнам и новейшей интеллектуальной собственности в области технологий (что киберподразделение 61398 НОАК с успехом проделало с ведущими американскими компаниями). Предполагаемый взлом китайскими хакерами компьютеров Управления кадровой службы правительства США и хищение данных почти четырех миллионов федеральных служащих показывает, что информация так же уязвима, как и государственные границы.

Чем более подключенным к реальному миру становится интернет, тем опаснее могут оказаться кибератаки, такие как электромагнитные

импульсы, способные манипулировать или отключать критически важные объекты инфраструктуры. Таким образом, «интернет вещей» стал еще и «интернетом угроз». Поэтому сегодняшние шпионские агентства стремятся набирать IT-специалистов, а не только военных чиновников. Начали создаваться киберсоюзы, например «Цифровая пятерка» в составе Великобритании, Южной Кореи, Эстонии, Израиля и Новой Зеландии — отличающихся по потенциалу, но развитых стран, согласившихся обезопасить размещаемые на территории друг друга серверы. Палестина и Курдистан через свои интернет-серверы, расположенные на дружественных территориях, действуют как виртуальные государства, демонстрируя, каким образом не имеющие государственности сообщества могут при помощи интернета проводить выборы и поддерживать международные дипломатические и экономические отношения. Но сетевые союзы могут оказаться иллюзорными, поскольку облачные сообщества вступают в конфликт не только с правительствами, но и друг с другом. Например, в 2014 году группа Anonymous объявила войну ИГИЛ, а в 2015-м хакеры украли с ведущей европейской биткоиновой биржи Bitstamp биткоины на 5 миллионов долларов.

Характерное для мира цепей поставок переплетение политических и коммерческих проблем типично и для киберпространства. Агентство национальной безопасности сообщает о всплеске технонационализма. В частности, в Китае, где офицеры НОАК непосредственно упоминались в исследовании об американском промышленном шпионаже, продукты компаний Microsoft и Cisco внезапно были вычеркнуты из списка государственных и корпоративных закупок и заменены продуктами местного производства, в том числе китайской операционной системой. Китай также потребовал, чтобы продажи ПО внутри страны включали доступ к исходному коду. Китай позаимствовал одно из лучших зарубежных ноу-хау и защитил свои компании «Золотым щитом», когда они достигли масштабов, приемлемых для участия в глобальной конкуренции. Платежная система UnionPay, конкурирующая с компанией Visa, система спутников BeiDou, конкурирующая с GPS, новые цифровые гиганты Alibaba и Baidu — примеры китайских продуктов и услуг, конкурирующих на международном уровне после обеспечения (по умолчанию) внутреннего рынка.

Растущие противоречия между китайскими и западными компаниями по-прежнему возникают в контексте технологической взаимозависимости, которая выражается в интенсификации потоков китайского капитала и данных за пределы страны. Например, китайские разработчики программного обеспечения сильно зависят от таких платформ, как GitHub. Китайская международная платежная система, запущенная в 2015 году для активизации торговли в юанях, также должна *больше*, а не меньше, коммуницировать с международными партнерами, чтобы стать полезным инструментом расширения китайского влияния. Цифровое перетягивание каната, как и происходящее в финансовых и товарных цепях поставок, — это управление потоками, а не их остановка.

Индия, Япония и Южная Корея также достигли определенной степени цифровой независимости, обеспечиваемой необходимым количеством инженеров и национальных компаний, объемом рынка и платежными системами, инструментами кибербезопасности и другими компонентами самодостаточного внутреннего технологического сектора, предоставляющего полный спектр интернет-услуг. Такая киберавтаркия критически важна в эпоху кибератак и прочих сбоев. Но очень немногие страны предлагают достойные альтернативы. Для развивающихся стран вроде Вьетнама или Малайзии попытка разработать автономные системы означает напрасно потраченные миллиарды долларов, поскольку они могли бы воспользоваться преимуществами недорогой инфраструктуры, в частности облачными технологиями, хранилищами данных и корпоративными приложениями. В таких странах безопасность данных подвергается двойной угрозе — вне и внутри страны. Из-за ограничений свободы высказываний онлайн и угрозы нарушения конфиденциальности граждане начинают перемещать информацию на новые платформы Google, Amazon и другие сервисы, защищенные от государственного вмешательства, так же как граждане Китая или России выводят свои деньги за границу. (Доход Amazon от веб-услуг уже сравнялся с доходом от электронной коммерции.) Наряду с «Вебом» и «Глубокой паутиной» должен существовать «Безопасный интернет». «Облако» действительно может оказаться безопаснее, чем земля.

Чем разнообразнее подключения сообщества к интернету, тем больше у его членов вариантов избежать правительственной цензуры.

Свыше 60 стран имеют только одного или двух интернет-провайдеров, что увеличивает риск их отключения от сети, как Китай поступил с Северной Кореей в конце 2014 года. Интернет часто сравнивают с коммунальными службами, такими как энергоснабжение и банковский сектор — в этих отраслях небольшие локальные сбои способны перерасти в масштабные катастрофы вроде коллапса банковской системы в 1920-х годах или нефтяного эмбарго 1970-х, ввергнувшие мировую экономику в рецессию. Предотвращение аналогичной по масштабам киберкатастрофы требует создания распределенной мощности для хранения данных и доступа к ним — более гибкой за счет связанности, а не изоляции. Больше соединений, даже неконтролируемых, всегда лучше, чем меньше, пусть и поддающихся контролю.

Интернет создавался как сетевая структура; его цель — соединять отдельные узлы, а не представлять государства. Даже несмотря на установку некоторыми правительствами контрольно-пропускных пунктов, объездных путей и прочих препятствий в пределах государства, им так и не удалось заполучить конфиденциальную информацию компаний и подчинить их своей воле [4]. Технологические компании ищут поддержки правительства, только когда в ней нуждаются, как, например, во время переговоров Китая и России, но еще больше они нуждаются в свободе от государственной опеки, особенно если она исходит от ФБР или Налогового управления США. То, что Google, Facebook и Amazon ведут дела с Государственным департаментом и Министерством обороны США, не делает их государственными ведомствами. Разведывательное сообщество США действительно жалуется, что высокотехнологичные компании предают интересы государственной безопасности, сотрудничая с правительствами европейских стран, чтобы выполнить требования защиты конфиденциальных данных пользователей, и одновременно продавая конкурентам ключевые технологии. Google и Amazon отказались от государственного финансирования исследований и разработок, чтобы защитить свою интеллектуальную собственность; в 2015 году Google отклонила предложение участвовать в проекте Управления перспективных исследовательских программ Министерства обороны США по робототехнике. Финансирование высокотехнологичными компаниями исследований и разработок в

университетах растет, в то время как государственная поддержка падает. В конечном счете именно технологический прогресс, а не суверенитет, определяет, кто в современном мире имеет рычаги влияния.

Аналогично правоохранительные органы используют «Закон об обмене и защите киберразведывательной информации» для оправдания незаконного сбора информации и снупинга федеральными и полицейскими органами, а Агентство национальной безопасности привлекает интернет-провайдеров, например AT&T, для отслеживания электронной переписки. Но это не делает их государственными служащими. Наоборот, интернет-сообщество непрерывно совершенствует сетевую архитектуру, чтобы усилить защиту от взлома, а IT-компании активно инвестируют в поиск способов уклонения от избыточного контроля информации о своих клиентах Агентством национальной безопасности данных. Анонимный почтовый сервис Lavabit, которым пользовался Эдвард Сноуден, предпочел закрыться в 2013 году, чем передать SSL-ключи ФБР. Microsoft всячески сопротивлялась требованиям правительства США предоставить доступ к данным некоторых своих клиентов, хранившимся за пределами страны. Операционная система iOS 8 и более поздние версии Android включают протоколы шифрования данных, гарантирующие их конфиденциальность, что предотвращает доступ к ним не только американского правительства, но и хакеров (особенно китайских), находящих скрытые лазейки в предыдущих версиях программ¹³⁰.

Одной из функций интернета на ранних этапах существования было обеспечение связи в случае нападения противника. Сегодня он становится сетью, способной противостоять любому разрыву, будь то физическое повреждение подводного кабеля или цифровой сбой. Современный интернет существует независимо от правительств, которые его создали, ведь им приходится функционировать в киберпространстве, а не наоборот. Милитаризация киберпространства не мешает интернету оставаться вселенной добровольных объединений, электронной коммерции и конкуренции за влияние на умы. Даже несмотря на возникновение противоречий, блокирующих или оставляющих определенные данные в национальных юрисдикциях, он продолжает усложняться и диверсифицироваться. Как и при

глобализации, система всегда стремится к активному внутреннему взаимодействию.

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Писатели-фантасты экстраполируют современные технологии в будущее, рисуя подробный сценарий параллельной эволюции технологий и человека, на которой нынешний этап множественности идентичностей в виртуальной реальности постепенно переходит в этап виртуальных аватаров, анонимно действующих в наших интересах в параллельной, но интегрированной с нашей кибервселенной, и далее в этап объединения способности ориентироваться в четырехмерном пространстве с насыщенными тактильными ощущениями, позволяющими телепортировать разум на большие расстояния, не перемещаясь физически. Ну а следующая остановка — матрица.

Хотя исчезновение «фактора расстояний» анонсировалось десятилетиями, нынешнее сочетание урбанизации и способов транспортировки, коммуникаций и цифровых технологий, рынков капитала и цепей поставок — мощный аргумент в борьбе с географическим детерминизмом. Каждая инвестиция в инфраструктуру и технологические инновации продвигает нашу судьбу — связанность. Интернет — не просто проводник простых сигналов, а хранилище сложной информации. Многие ученые отождествляют его с чем-то вроде «глобального мозга». Как утверждает пионер в области виртуальной реальности Джарон Ланье, цифровая глобализация «реструктуризирует» мир, перенося наши коллективные организационные протоколы на новый уровень сетевой эффективности. И вопрос уже не в наличии такого перехода, а в степени вовлеченности в него каждого участника.

Вначале интернет был местом, куда мы заходили, сейчас это пространство, в котором мы находимся, универсальная среда, столь же привычная, как средство обмена (деньги), система верований (религия) и политическое устройство (правительство)¹³¹. К тому же в интернете гораздо больше сетевых граждан, чем жителей в любой стране, и больше пользователей, чем верующих у любой религии.

Киберцивилизация распространяется вдоль цифровых рек и притоков так же, как человеческая цивилизация развивалась вдоль естественных рек. Карта интернета постоянно меняется: создаются новые сообщества, а старые перераспределяются. Виртуальные

сообщества объединяют разрозненных индивидуумов и выходят за пределы физической географии. С введением программ виртуального резидентства, как в Эстонии, границы перестают быть препятствием к формальному получению «государственных» услуг.

Геодезические карты, на которых киберсообщества отображены в виде кластеров с более высокой плотностью связей внутри и между ними, отражают топологию виртуальных сетей. Идентичность становится совокупностью социальных предпочтений, выражаемых через такие традиционные категории, как религия и этническая принадлежность, а новейшие сообщества формируются вокруг профессий, опыта и причин. Дана Бойд из компании Microsoft Research, первопроходец в области геосоциальной демографии, изучала, насколько естественно «цифровые аборигены» рассматривают интернет как портал расширения прав и возможностей для обнаружения широкого перечня идентичностей, столь же выдающихся, как и те, в которых они родились¹³².

В 2014 году онлайн-сообщество BitNation запустило пилотный проект идентификации личности на основе блокчейна: анонимный, децентрализованный и безопасный, своего рода гибрид киберпаспорта и биткойновой кредитной карты. Виртуальные валюты ускорили рост не имеющего границ цифрового рынка, в рамках которого множась облачные сообщества формируют то, что аналитик и бизнесмен Мишель Бауенс назвал P2P-цивилизацией [5]. Сэнди Пентланд, соучредитель MIT Media Lab при Массачусетском технологическом институте, называет эти относительные способы создания идентичностей новой «социальной физикой» [6]. По мере смещения баланса между значимостью физического и виртуального правительственная монополия на средства массовой информации, стереотипы и идентичность исчезает навсегда.

Подключенность позволяет людям выбирать любое местонахождение или одновременно находиться в нескольких местах. Сегодня, формируя самооценку, мы учитываем показатели не только культурной и национальной идентичности, но и связанности¹³³. Фраза «ваша сеть — это ваша чистая стоимость» одновременно применима как к отдельным личностям, так и к государствам.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БЛАГА ПОДКЛЮЧЕННОСТИ

Интернет позволяет использовать формы экономического и социального капитала, которые были немыслимы всего двадцать лет назад. Каждый из нас — частичка ноу-хау, метко названного Рикардо Хаусманном челобайтом [7], которая способна повысить ценность глобальных цепей поставок. Миллиардам людей недостает уважения, хотя они его заслуживают как человеческие существа, но у них есть шанс его обрести, став челобайтами в связанном глобальном обществе.

В современных обществах нельзя купить мобильный телефон без официального подтверждения личности, и для представителей «нижнего миллиарда» подключение фактически заменяет удостоверение личности. Для некоторых получение телефонного номера нередко становится первой юридической операцией, но большинство телефонных счетов в мире — предоплаченные, не требующие депозита, информации о банковском счете, кредитной карте или постоянном адресе проживания. А в десятках стран, где количество телефонных номеров превышает число банковских счетов, первые скоро вытеснят вторые в качестве пропуска в мир коммуникаций и банкинга.

Не стоит недооценивать внутреннюю ценность цифровых связей в гибридной реальности. Некоторые критики, в частности Роберт Патнэм из Гарвардского университета и Шерри Теркл из Массачусетского технологического института, указывают на разрушение семейных связей под влиянием виртуальной жизни, не замечая важности этих новых и более разнообразных отношений, а также способности цифровых коммуникаций сокращать операционные издержки и высвобождать время для учебы, потребления или инвестиций. Например, время разговоров по Skype с 2008 по 2013 год увеличилось в пять раз, что, без сомнения, помогло многим семьям сблизиться и одновременно облегчило освоение любых знаний — от игры на фортепиано до мандаринского наречия китайского языка¹³⁴. Нельзя забывать и о роли социальных сетей в обществах с низким уровнем доверия (как в Латинской Америке), помогающих опровергать лживую информацию, распространяемую политической элитой.

Подключенность — основа более быстрого и интенсивного развития общества. Это самый быстрорастущий и динамичный сектор мировой экономики. Новые технологии всегда порождали новые отрасли промышленности благодаря созданию и широкому

распространению соответствующей инфраструктуры. Со времен промышленной революции развитие каналов, железных дорог, электростанций, автострад, телекоммуникаций и интернета происходило по одной и той же модели, давая толчок тому, что экономист Лондонской школы экономики Карлота Перес называет «квантовым скачком в производительности и качестве во всех отраслях» [8]. Переживая надувающиеся пузыри и рецессии, общество учится управлять новыми технологиями и направлять порождаемые ими силы на ликвидацию неравенства, возникающего на первоначальном этапе, путем инвестиций в образование, которое формирует новую базу квалифицированных работников. Оптоволоконные кабели открыли новые перспективы для высокочастотного трейдинга цифровыми брокерами, но Google Fiber135 уже готов к использованию простыми людьми. Городские власти прокладывают оптоволоконные кабели через канализационные системы и оснащают Wi-Fi телефонные будки и вагоны метро.

К 2030 году каждый житель планеты, скорее всего, будет иметь мобильный телефон и доступ в интернет через смартфон, Wi-Fi или ячеистую сеть. Чем шире будет полоса пропускания сети, тем больше граждан и потребителей выиграют от беспрепятственного доступа к информации, приобретения более дешевых продуктов и расширения возможностей трудоустройства. Но там, где физическое подключение недостаточно развито, его может заменить виртуальная инфраструктура. Том Стэндинг шутит: «Биты компенсируют отсутствие атомов» [9]. Если нет библиотек, люди могут получить доступ к большому объему информации через интернет. По мнению специалистов по философии информационных технологий Мануэля Кастельса и Пекки Химанена, такое «информационное развитие» — способность повышать чувство собственного достоинства через доступ к информации — стало фундаментальным условием как самосовершенствования, так и роста производительности труда.

Подключение к глобальным потокам создает рабочие места и обеспечивает благосостояние. Это не индийская экономика высвободила таланты населения страны, а ее подключение к цифровым цепям поставок, позволившее стране совершить поразительное превращение из импортера в экспортера услуг. Более того, страны, экспортирующие прибыльные услуги, такие как программирование,

функциональное сопровождение сделок, рентгеноскопия и медицинские консультации, получают двойную выгоду от привлечения гораздо большего объема инвестиций в эти секторы экономики: больше инвестиций — больше экспорта. Снизилась также затраты компаний в отрасли финансовых технологий. Венчурные инвесторы и банки с Уолл-стрит теперь сосуществуют в более масштабной экосистеме наряду с семейными офисами, инвесторами «бизнес-ангелами» и краудфандинговыми платформами вроде Kickstarter, в совокупности эффективнее обеспечивая большую сумму капитала, чем громоздкие публичные рынки в прошлом.

Тем не менее новая экономика все еще нуждается в старой: цифровые услуги продвигаются через модернизированную инфраструктуру. Именно сочетание усовершенствованной физической инфраструктуры и электронной коммерции превращает мир цепей поставок во все более связанный материально-виртуальный гибридный рынок товаров, услуг, расчетов и поставок. И процесс постепенно глобализируется: совокупность электронной коммерции, логистики и кредитования на торговой площадке Alibaba превратило ее в гигантскую цепь поставок, инвестирующую в партнерские фирмы от Израиля до Сингапура, с огромным потенциалом роста в США. Новая система кредитования Alipay превращает ее в банк, который выдает кредиты только своим членам — союз с минимальным процентом невозвращенных кредитов. В случае стандартизации базового законодательства по электронной коммерции сотни тысяч ведущих международную торговлю представителей малого и среднего бизнеса по всему миру смогут эффективнее подключаться и торговать на растущих рынках. Подавляющее большинство поставщиков товаров на eBay ведут трансграничную торговлю. В мире, где таможенные конфликты остаются главной бюрократической проблемой, «зеленые линии» электронной коммерции могли бы упростить перемещение легальных потоков товаров через границу, которая по-прежнему контролируется коррумпированными ведомствами, выкачивающими наличные деньги за счет различных махинаций с таможенными сборами и налогами. Чем больше цифровых потоков пересекают физические границы, тем больше каждый из нас выигрывает от подключенности.

ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИФРОВАЯ РАБОЧАЯ СИЛА

Мы с женой в любое время могли нанять филиппинца во время тайфуна, индийца во время отключения электроэнергетики, украинца во время войны, тунисца во время государственного переворота — и даже малайзийца по имени Саддам Хуссейн (какое совпадение!) — для составления графика деловых встреч или интернет-поиска. Все они работают над выполнением краткосрочных задач через сайт Upwork — крупнейший из растущего числа интернет-порталов по трудоустройству (наряду с Amazon Mechanical Turk и [Freelancer.com](https://www.freelancer.com)), которые в совокупности обеспечивают дополнительным доходом как минимум 100 миллионов человек. Хотя IT-компании из Кремниевой долины нанимают меньше сотрудников, чем их промышленные коллеги, например General Motors, их платформы глобальных услуг предлагают множество работы для всех подключенных пользователей: размещение рекламных объявлений, проверка достоверности адресов, фотографирование для реестров, сравнение цен для компаний или выполнение других несложных заданий. Формируется цифровой средний класс, причем основная предпосылка — не широкая клиентская база, и даже не рыночная экономика, а наличие сетевого подключения.

Рональд Коуз и другие экономисты пытались определить оптимальный размер компаний для сокращения транзакционных издержек и эффективного выполнения определенных функций. Сегодня сетевые структуры на основе надежного подключения опровергают прежние представления, поскольку расширяют масштабы деятельности, не увеличиваясь в размерах. Даже с учетом того, что традиционные показатели производительности не отражают всех преимуществ такой связанности, инновации в значительной степени от нее зависят. Цифровые цепи поставок теперь различаются по видам, и компании — как те, что находятся в одном месте, так и с распределенной рабочей силой — побуждают персонал генерировать идеи через общие рабочие пространства и онлайн-инструменты, позволяющие постоянно использовать краудсорсинг для решения важных бизнес-задач. Согласно исследованию данных, программисты из разных уголков мира стремятся сотрудничать в рамках тех или иных проектов или создавать партнерства на время работы над несколькими проектами подряд.

Однако быстрое формирование конкурентного глобального цифрового рынка труда — обоюдоострый меч для среднего западного потребителя. В то время как многие азиаты на Upwork выполняют три-четыре работы одновременно, сидя где-нибудь в кафе или других местах общественного пользования, малоквалифицированные американцы страдают от последствий киберструктурной безработицы, особенно притом, что половина всех рабочих мест предлагается в развитых странах в секторах пользующихся спросом услуг. Если им повезет, они просто столкнутся со сменой ролей: так же как тысячи сотрудников кол-центров в Индии переходили на ночной образ жизни, чтобы обеспечивать потребности клиентов в США, многие американские программисты и дизайнеры теперь работают по ночам, чтобы обслужить азиатских клиентов. Но даже при этом они работают в одиночку: в 2014 году 53 миллиона американцев обозначили себя как фрилансеры (более трети всех трудовых ресурсов страны), и их число будет только расти¹³⁶. Поскольку многие крупные компании либо сокращают персонал, либо переводят его на неполный рабочий день, собирая команды лишь в случае необходимости, постиндустриальное общество превращается в совокупность виртуальных временных сотрудников, нанимаемых на работу через таких посредников, как портал Wopolo и подобные, действующие как служба персонала для Coca-Cola и других компаний, оперативно предоставляя сотрудников на несколько часов после подачи заявки. Самая быстрорастущая категория вакансий в США — для временных работников, живущих на заработки от разовых работ, предлагаемых на сайтах TaskRabbit или Fiverr, где выполнение одной разовой работы оплачивается по ставке 5 долларов.

Говоря о странах, продвигающихся по цепочке ценностей, следует уточнить, что мы имеем в виду: компании или их сотрудников. Несмотря на то что американские IT-компании самые инновационные в мире, наиболее распространенная вакансия в тридцати из пятидесяти штатов США — водитель грузовика. Автоматизированные технологии выбрасывают на улицу миллионы белых воротничков из-за растущей аналитической способности алгоритмов. Если работников не переqualифицировать и не переобучить, то они потянут общество вниз, невзирая на рост производительности труда и эффективности экономики при меньшей численности рабочей силы.

Прогрессивные правительства находят способы использовать новую реальность в виде массовой неполной занятости. Реализуемая в Великобритании программа *Slivers of Time*, финансируемая правительством, но управляемая частными лицами, создает микрорабочие места, адаптированные к индивидуальному графику сотрудников и увеличивающие их доход, одновременно обеспечивая ежегодный прирост налоговых платежей до 500 миллионов долларов. После финансового кризиса Германия представила схему *Kurzarbeit*, позволяющую работникам сохранять рабочие места на неполный рабочий день и использовать оставшееся время для переобучения или повышения квалификации в рамках программ, совместно финансируемых отраслевыми ассоциациями, профсоюзами и правительством.

Можно ли считать экономику совместного потребления еще одним путем к экономическому спасению? Платформы, позволяющие арендовать активы, принадлежащие другим собственникам (например, автомобили, дома), генерируют объем продаж, который, по некоторым оценкам, достигнет 300 миллиардов долларов к 2020 году. Капитализация *Uber* и *Airbnb* резко растет, поскольку они создали рынок для миллиардов связанных через интернет людей. По сути, экономика совместного потребления — неправильный термин. Скорее, это расцвет саморегулируемого децентрализованного капитализма, при котором людям платят за работу, поделенную на микрооперации. И если они это делают, то связанность становится основой их стабильности.

Социолог XIX века Эмиль Дюркгейм приветствовал бы сегодняшний переход от вертикальной зависимости к горизонтальной взаимозависимости. Дюркгейм стал таким же пророком для киберреволюции, как и для промышленной революции, в ходе которой он наблюдал растущую специализацию работников и утверждал, что «...рост объема и динамической плотности общества радикально меняет фундаментальные основы коллективного существования» [10]. Под «динамической плотностью» он подразумевал количество, скорость и разнообразие операций, которые происходят в постоянно расширяющемся разделении труда. Работники, успешно занимающиеся распределенными рабочими заданиями и совместно предоставляемыми услугами, создают собственные профсоюзы, чтобы быть услышанными

в эпоху киберкапитализма. Такие межотраслевые группы, как Союз фрилансеров, постепенно наращивают численность и влияние, поскольку требуют повышения минимальных ставок и предоставления гибких пакетов медицинского страхования. Чем интенсивнее роботы и алгоритмы автоматизируют человеческий труд, тем больше мы будем полагаться на нашу взаимосвязанность ради общего экономического процветания.

ГЛАВА 15

ВЕЛИКОЕ СМЕШЕНИЕ НАРОДОВ СМЕШАННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Когда я был подростком, мне часто говорили, что я похож на Пита Сампраса. Но, как выяснилось, вовсе не из-за моего стиля игры «подача с выходом к сетке» с последующим рывком вперед. В середине 2014 года, через несколько месяцев после отправки мазка слюны (что сделали примерно миллион человек из 140 стран) в проект «Генография», разработанный Национальным географическим обществом США, я вошел на сайт, чтобы узнать результаты. К моему ужасу оказалось, что мой генетический код — смесь из 22 процентов генов Средиземноморья (семья Сампраса эмигрировала из Греции), 17 процентов — из Юго-Восточной Азии, 10 процентов — из Северной Европы и только около 50 процентов — из Юго-Западной Азии. А я-то думал, что в моих пенджабских генах нет никакой экзотики!

(Карты 35, 36 и 37 к этой главе приведены на вклейке.)

Данные Национального географического общества показали такую высокую степень смешения генетического кода человечества, что удивились даже многие антропологи. С тех пор как более 60 тысяч лет назад человек пришел из Африки — первая волна глобализации, — широкомасштабное смешение генов происходило регулярно. Например, коренные американцы в такой же мере происходят от европейцев и ближневосточных народов, как от народов Алтайского края Сибири.

Глобальное смешение генов — не новое явление, а непрерывный процесс, ускоренный глобальной связанностью. Более 300 миллионов человек классифицируются как экспатрианты, проживающие за пределами страны происхождения, — больше, чем когда-либо в истории. Их постоянная циркуляция приводит к еще большему демографическому смешиванию. Мигранты из азиатских стран и Китая вступают в браки с представителями других национальностей повсюду,

от Америки до Африки. Как и климатические изменения, межрасовое смешение — постепенный процесс, обычно происходящий незаметно до внезапного квантового скачка.

Нынешние массовые постоянные миграции меняют облик целых континентов: в Северной Америке происходит метисация (европейская раса и коренные американцы), гены европейцев смешиваются с генами выходцев из Северной Африки, Турции и арабских стран. Афро-арабские культуры продолжают переплетаться через Красное море, а Китайско-Сибирский регион эволюционирует, образуя новую дальневосточную расу. Если, по утверждению, «демография — это судьба», то наша судьба — глобальная смешанная цивилизация.

Некоторые также говорят: «Культура — это судьба». Но о какой культуре идет речь? Миграции и смешение рас затруднили создание государств с чистым национальным составом, хотя веками войны велись именно за это. В Испании XV века после Реконкисты король искал способ удостовериться в чистоте испанской крови из-за подозрений, что многие новообращенные христиане (мавры-мусульмане и евреи-сефарды) втайне исповедуют прежние религии. Политика *Limpieza de Sangre* («чистая кровь») требовала от граждан преклонить колена перед Собором в церкви Кордовы и перечислить имена и места рождения нескольких предыдущих поколений, чтобы доказать чистоту своей крови вплоть до 1/32 части. Конечно, затея провалилась.

Сегодня в мире чуть больше десятка государств-наций, то есть государств, в которых проживают представители только одной этнической группы: Албания, Армения, Бангладеш, Египет, Венгрия, Исландия, Япония, Ливия, Мальдивы, Мальта, Монголия, Польша и Португалия, причем в Бангладеш больше населения, чем во всех остальных странах списка, вместе взятых. Даже в Европе после двух последних столетий жестких этнонационалистических конфликтов удалось достичь политической децентрализации, но никак не этнической чистоты. К тому же, как это ни парадоксально, они создали почву для усиления миграции, а значит, дальнейшего смешения рас. Национальные государства буквально исчезают на глазах.

Ксенофобские высказывания европейских популистов могут заставить нас поверить, что размытие национальной идентичности — доминирующая социально-политическая тема современности. Но это

не так. Напротив, мировые структурные диспропорции между бедностью и богатством, молодостью и старостью, непрерывным смешением рас и, как следствие, сближением культур — величайший социологический феномен нашей эпохи (наряду с влиянием интернета).

Именно в Европе, где в свое время зародилось государство-нация, оно исчезает наиболее быстро. Несмотря на попытки обуздать иммиграцию — особенно после терактов в Париже в ноябре 2015 года, — поток мигрантов не иссякает. Как латиноамериканцы в США, арабские и африканские мигранты остаются в Европе дольше, чем ожидалось, к тому же у них рождаемость выше, чем у местного населения. Потомки турецких гастарбайтеров в Германии составляют около 5 процентов населения. В европейских городах с максимальной долей мусульманского населения — Брюссель, Бирмингем, Антверпен, Амстердам, Марсель и Мальме — выросли целые районы, заселенные исключительно мигрантами. Кроме того, Марсель — самый африканский город в Европе. В Лондоне сегодня примерно 10 процентов детей рождаются в браках между африканцами или выходцами из Южной Азии и европейцами. Мухаммед — самое популярное имя для новорожденных мальчиков.

Число беженцев и соискателей политического убежища — с Ближнего Востока и Африки — тоже достигло рекордного уровня. Только в 2015 году в Европу въехал миллион таких мигрантов. Те же реконструированные железные дороги и открытые границы, которые способствовали модернизации Восточной Европы, стали для сотен тысяч людей путями бегства с бурлящего Ближнего Востока — даже «Евротуннель» в Кале оказался каналом проникновения беженцев в Британию. Многие пошли на еще больший риск. Арабы из Сирии и африканцы из Эритреи платят огромные деньги контрабандистам за место в переполненных утлых лодках, которые затем тонут в Средиземном море, из-за чего европейские министры уже прозвали его «кладбищем». Агентство Европейского союза по безопасности внешних границ (Frontex) оснащено скоростными катерами, патрульными кораблями и самолетами для перехвата лодок с мигрантами и их доставки в иммиграционный центр на крошечной Мальте в надежде репатриировать обратно в Африку и не пропустить на европейский континент¹³⁷. Без общеевропейской миграционной политики свобода перемещения, которой европейцы наслаждались

со времени подписания Шенгенского соглашения в 1980-х годах, уступает место заборам и фильтрационным пунктам.

Даже при ужесточении ограничений на миграцию потоки беженцев будут расти. Приняв неизбежное, Германия планирует расселять их в заброшенных городах на востоке страны, поскольку коренное население стареет и сокращается. Один египетский миллиардер предложил выкупать безлюдные острова у Греции или Италии и адаптировать их для расселения арабских беженцев. В конце концов, что важнее — государственный суверенитет над островами или их полезное использование?

США выслали по меньшей мере два миллиона мексиканских мигрантов во времена президентства Обамы, а Испания в 2014 году приняла закон, позволяющий массово высылать нелегальных мигрантов из Северной Африки. Однако страны, предельно ограничившие иммиграцию, как Великобритания, или выславшие иностранных работников, как Саудовская Аравия и Малайзия, в надежде снизить уровень безработицы и стимулировать граждан к трудоустройству, через какое-то время заметили, что местные и иностранные работники не конкурируют друг с другом, поскольку принадлежат к разным, хоть и взаимодополняющим сообществам¹³⁸. Вряд ли многие американцы согласятся убирать хлопок и фрукты вместо латиноамериканцев или работать нянями и медсестрами вместо филиппинок. Американцы постарше осознают потребность в иммигрантах для выполнения критически важных социальных функций. К тому же США поняли, что высылка мексиканцев не устраняет мексиканских проблем, которые возвращаются в виде наркотрафика и бандитизма. Высланные мигранты должны иметь навыки и деньги, чтобы стабилизировать экономическую ситуацию в собственной стране и тем самым уменьшить желание из нее выехать. Испания многому научилась у Марокко: как только страна ужесточила меры по отношению к беженцам в Средиземном море, в испанские анклавы Сеута и Мелилья устремилось еще больше нелегалов. Так или иначе им удастся туда попасть, что меняет социальную структуру в Европе.

Со временем иммиграция изменила и облик европейских элит. Сборная Германии на чемпионате мира по футболу 1954 года состояла исключительно из этнических немцев, а в 2014 году в ней уже была

половина иностранных игроков, принявших гражданство Германии. «Зеленую» партию Германии возглавляет этнический турок, а недавним министром здравоохранения был вьетнамец. Треть студентов, участвовавших в программе академических обменов Эразмус, названной в честь великого голландского гуманиста Эразма Роттердамского, вступили в брак с иностранцами, произведя на свет более миллиона «евро-беби» смешанной национальности — первое поколение жителей постнациональной Европы [1]. Европейские гены распространяются по всему миру даже на фоне уменьшения численности населения европейских стран: датская и британская сперма преобладает на рынке доноров искусственного оплодотворения, в результате чего ежегодно на территории семидесяти стран рождаются две тысячи детей — наполовину европейцев.

По прогнозам, к 2100 году численность коренного населения Японии уменьшится вдвое и составит 50 миллионов человек. Учитывая, что в Европе, Японии и других странах со стареющим населением низкий коэффициент фертильности, они встают перед выбором — иммигранты или глубокий демографический кризис. Ни налоговые поступления, ни модернизация инфраструктуры, ни высокий уровень социального обслуживания не могут обеспечиваться без притока молодых сотрудников, откуда бы они ни прибыли. Тот факт, что сегодня в некоторых странах Евросоюза преобладают антииммигрантские настроения, мало связан с теми решениями, которые их правительствам придется принимать, когда демографические проблемы достигнут апогея и станет ясно, что именно приток иммигрантов — единственный путь к спасению. С одной стороны, работающие иммигранты содержат нетрудоспособных коренных жителей за счет отчислений, а с другой — они как потребители платят налоги, которые идут на социальные нужды.

Племенное определение национальной идентичности под натиском реальности становится более инклюзивным по отношению к различным группам, на законных основаниях называющих родную страну племени домом. Не забывайте, что запрет на хиджабы во Франции и требование знать голландский язык — это *политика ассимиляции*. Когда государственный долг растет, появляется прагматическая потребность рассматривать иммигрантов как ресурс,

а не как бремя. Дальновидные страны создают специальные стимулы для привлечения мигрантов к работе в сферах, невостребованных у местного населения — санитарии и обслуживании инфраструктуры. Более квалифицированные мигранты работают в здравоохранении и программах по интеграции иммигрантов¹³⁹. Смещение рас будет продолжаться, вопрос только в том, насколько успешно пройдет культурная ассимиляция.

Почти три столетия Америка была самой привлекательной страной для одаренных иммигрантов и наиболее удачным примером культурной ассимиляции. Иммигранты основали примерно половину стартапов в Кремниевой долине, их дети демонстрировали высокие результаты в школе, а затем пополнили ряды профессионалов. Это напоминание о том, что Америка только из американцев никогда не достигла бы того, чего достигла с неамериканцами, ставшими американцами.

Австралия же лидирует среди стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по удельному весу родившихся за рубежом жителей (27 процентов), на втором месте — Канада (20 процентов). В США самая большая численность иммигрантов в мире — около 40 миллионов, хотя это средний показатель по странам ОЭСР (в процентном выражении, 12 процентов). Кроме того, учитывая масштабы США и их историю иммиграции, большое количество иммигрантов в гораздо меньшей степени способно спровоцировать культурный шок, чем в небольших странах Европы. Отчасти высокие показатели иммиграции в Австралии и Канаде объясняются конкуренцией с США за таланты. Теперь самые умные и перспективные необязательно едут в США по умолчанию.

Западные модели иммиграции постепенно меняются и уже напоминают не плавильный котел, а салатницу, поскольку этнические анклавные выходцев из стран Азии и испаноязычных иммигрантов стремятся к социально-культурной стабильности. Мигранты из Китая, Индии, Пакистана и других азиатских стран составляют большую часть новой волны иммигрантов в США, Великобритании, Канаде и Австралии, причем арабский и урду — самые используемые языки домашнего общения в США. Такая ситуация постепенно изменила избирательную политику и состав парламента. Один из кандидатов от района Торонто так описал картину в своем избирательном округе: «...бесконечная микрогеополитическая борьба за симпатии армян,

греков — и не забудьте о “македонцах” — исмаилитов, сикхов, филиппинцев, не говоря уже о корейцах и персах — как сторонниках режима, так и приверженцах шаха. А кроме этого, есть еще евреи и китайцы из внутренних районов страны. Союзы создаются и распадаются» [2]. Именно так выглядит постмодернистская демократическая политика в смешанных сообществах.

Сочетание иммиграции и урбанизации сделало Торонто — наряду с Лондоном, Нью-Йорком, Дубаем и Сингапуром — одним из самых этнически пестрых городов мира с такой же численностью приезжих, а то и больше, как и коренного населения. Поскольку, чтобы жить и развиваться, города должны быть открыты для торговли (и торговцев) — они являются тем, что политолог Бенджамин Барбер назвал «естественно сетевыми» [3], — и эволюционировать из гомогенного античного полиса в подключенный диверсифицированный современный космополис. Мир, который меньше похож на Исландию и больше на Торонто, меньше — на Токио, и больше — на Дубай, нуждается в новом политическом устройстве. Объединяющими факторами для стран станут общее законодательство и пострасовые идентичности. Когда в 2014 году Дэвид Кэмерон попал под давление церковных групп, требовавших объявить Великобританию гордым «христианским государством», он столкнулся с бурной негативной реакцией тех, кто видел страну как межконфессиональное или нерелигиозное общество — то, что лондонцы воспринимают как должное. Конкретнее эту мысль сформулировал Тони Блэр десятью годами ранее после исламской террористической атаки на Лондон в июле 2005 года, заявив, что существует «британский образ жизни», который не будет меняться в угоду анклавам, навязывающим другим свои правила и пытающимся создать параллельную систему правосудия.

Общества, основанные на ассимиляции иммигрантов, стремятся к общей идентичности, несмотря на расовые различия. Сингапур стал космополитическим центром благодаря историческим миграциям из Китая и Индии, циркулировавшим в Британской империи; а впоследствии Ли Куан Ю настаивал на строительстве социального жилья по мультиэтническому принципу, не допуская формирования каких-либо гетто. Сегодня Сингапур — один из самых мультиконфессиональных городов мира с огромным количеством

памятников каждой религии. Только половина населения страны имеет гражданство, около 20 процентов браков — межрасовые, в основном китайско-индийские, что приводит к росту числа «индо-китайцев» в каждом следующем поколении. По мере смешения в Сингапуре и Дубае филиппинских и индийских работников формируется еще одна раса — «индипинская». Чем в большей мере смешанные семьи становятся социальной нормой, тем слабее звучат призывы к этнически ориентированной политике. Как сказал один из наиболее долго проработавших в правительстве Ли Куан Ю министров Синнатамби Раджаратнам, быть сингапурцем — «это не состояние, а убеждение» [4].

Такие города-государства — инкубаторы новой смешанной глобальной цивилизации, и они могут преуспеть, только проводя инклюзивную, а не эксклюзивную политику. Для большинства городов уже поздно предотвращать возникновение этнических гетто, но для прагматичных мэров не поздно предоставлять права в зависимости от места проживания, а не национальности. Пора перестать мыслить категориями идеального полиэтнического государства, управляемого парламентом с преимущественно либеральными парламентскими фракциями, и переходить к категориям технократического управления густонаселенными городами с этнически пестрым составом населения и «балканизированными» окрестностями. В любом случае понятие «гражданства» становится анахронизмом по мере превращения иностранцев в постоянно проживающих на территории государства лиц. Бразильский архитектор Жайме Лернер, инновационный мэр города Куритиба на юге Бразилии, называет города «последним прибежищем солидарности» [5], местами, где многие люди строят и обеспечивают себя, а потому не могут позволить разорвать свою среду обитания на части. Формирование единой идентичности требует стратегий, способствующих сплоченности в условиях экономического неравенства. В таком контексте глобальные города становятся тиглями для экспериментов, как, например, голосование неграждан в Торонто по поводу муниципальных проблем или получение удостоверений личности полумиллионом не имевших его иммигрантов в Нью-Йорке. Быстрая обратная связь в небольших масштабах компенсирует любой дефицит доверия культур и становится инструментом его укрепления в условиях их разнообразия.

Помимо того что глобальные города олицетворяют мощные центробежные силы культуры, они также становятся благоприятной средой для множества идентичностей. Их густонаселенность и разнообразие позволяют людям изучать и формировать множество идентичностей на основе соседства, местного сообщества, этнической принадлежности и расы, профессии или любой другой группы, с которой можно себя ассоциировать. Таким образом, города освобождают людей, а не захватывают в плен. Последнее характерно для мест, где нет выбора, и единственный вариант — идентичность по национальному признаку, тогда как в городах идентичность может быть кумулятивной.

Национализм может проявляться как мощный человеческий порыв, который нужно поощрять, и как опасная сила, которую следует устранить. В первом случае он неподвластен изменениям, а во втором — создает ложный антагонизм между идентичностью и местом проживания. Спектр проявлений национализма сегодня необычайно широк — от этнического нативизма в европейском стиле, связанного с наплывом иммигрантов, до азиатского геополитического патриотизма, конфликтующего с историческими конкурентами. Однако факт существования этих сил не означает, что они возобладают.

Нарастающие тенденции миграции, урбанизации и формирования новых идентичностей представляют глобальные города как ключевую альтернативу национальным государствам и национализму как основам глобального общественного порядка. Чем активнее города привлекают жителей к участию в жизни общины и ценят их по сделанному вкладу, а не разделяют по гражданству или этнической принадлежности, тем больше лояльность по отношению к городу превосходит лояльность по отношению к государству. Канадский ученый Дэниел Белл называет эту формирующуюся городскую гордость «гражданственностью», оппонентом национализма в XXI веке [6]. Понятие гражданственности восходит к миру древних Афин и других средиземноморских обществ, где политической деятельностью мог заниматься любой гражданин.

Гражданственность больше соответствует взглядам современной мобильной, постоянно путешествующей молодежи, чем национализм. В начале 1990-х никто бы не поверил, что Берлин станет самым крутым городом в мире с ультрамодернистской архитектурой, потрясающим оформлением в стиле техно и продуктивными культурными

противоречиями, невиданными в других странах континента. Я много путешествовал и какое-то время жил в Германии после падения Берлинской стены. В 1990-х годах интеграция страны проходила сложно. В глазах коренных немцев я внешне напоминал турка и отличался от многочисленной турецкой диаспоры только своим беглым немецким. Сегодня кажется, что практически каждый встречный — иностранец, старающийся говорить на немецком или сбивающийся на английский. В 1990-х мне приходилось не меньше часа ехать на метро, автобусах и трамваях, чтобы найти приличный индийский ресторан, теперь их в каждом районе несколько. Помимо турок, русских и поляков, сегодня в Берлине насчитывается не менее 100 тысяч китайцев, вьетнамцев и других выходцев из Восточной Азии.

Современный Берлин становится самым устремленным в будущее городом, причем не только технологически, но и демографически. Расположенный на севере обширной Европейской равнины с достаточным количеством свободных земель для расширения в любом направлении, Берлин раскинулся так широко, что, даже если его население удвоится, особой тесноты не будет. Это как нельзя лучше объясняет, почему цены на недвижимость в городе за последние десять лет почти не изменились и почему город погряз в долгах. Экстравагантный бывший мэр Берлина Клаус Воверайт как-то раз горделиво заявил, что его город «беден, но сексуален» [7], и не будет финансово стабилен без роста численности населения. Власти большинства стран Европы цинично высказываются о преимуществах иммиграции, но в действительности иммигранты едут учиться, работать и жить в таких комфортных для жизни городах, как Берлин. Его волшебная формула притягательности включает доступные цены на аренду жилья, открытость по отношению к иммигрантам и множество детей: в Берлине самый высокий уровень рождаемости в стране, особенно в фешенебельных районах Восточного Берлина, заселенных в 1990-х годах молодыми студенческими семьями. Остальной Европе стоит поучиться у Берлина: эксклюзивное мышление — путь к самоубийству.

Китай: имперское национальное государство

Китай гораздо колоритнее, чем многие думают. В дополнение к доминирующей народности хань в стране проживает множество этнических групп, в частности чжуаны, маньчжуры, уйгуры, тибетцы,

монголы, хуэй, мяо, чей более высокий уровень рождаемости повышает их удельный вес в общей численности населения Китая (хотя пока это не более 10 процентов). Тем не менее Китай никогда не был плавильным котлом наций и народностей, как другие великие империи прошлого. Вместо этого хань используют свое численное преимущество как оружие для ассимиляции китайских меньшинств. Первоочередной целью стала 10-миллионная община уйгуров-мусульман, проживающих в крупнейшей и самой беспокойной провинции страны Синьцзян. Их всячески вынуждают расселяться по разным регионам страны, а в самой провинции Синьцзян действует великая кампания ассимиляции, в рамках которой каждому уйгуру, женившемуся на девушке хань, предлагается 1500 долларов вознаграждения, причем женщинам уйгуркам запрещается носить хиджабы.

Китай стал землей обетованной для сотен тысяч иммигрантов с Запада, африканских студентов, арабских торговцев, но это лишь капля в китайском океане, составляющая менее процента от общей численности населения. Как и в Японии, иностранцы не считаются местными жителями, даже если соблюдают местные обычаи. Во многом подобно тому, как династии Мин и Цин в XVI–XVII веках принимали иезуитов из-за научных знаний, сегодня иностранцы рассматриваются как источник технологий и талантов, поставленный на службу государственным амбициям в деле достижения «китайской мечты».

Китайское население рассредоточено далеко за пределами политических границ страны. Его ядро в лице народности хань в безопасности, населенные меньшинствами окраины находятся в процессе умиротворения, а многочисленные соседние районы обезлюдели, постепенно становясь придатками цепей поставок, и все активнее заселяются китайскими работниками. В условиях низкого уровня рождаемости и сокращающейся численности рабочей силы Китай мог бы вернуть часть эмигрировавших работников, но при столь значительной диспропорции между мужчинами и женщинами, так называемыми голыми ветками, что исторически являлось основным фактором нестабильности, он, скорее всего, и в дальнейшем продолжит выталкивать молодежь за рубеж. Действительно, большая часть многочисленной — более 50 миллионов человек — китайской

диаспоры живет в Азии, более двух миллионов человек проследовали за цепями поставок до самой Южной Америки и Африки. Таким образом, население Китая становится более однородным внутри страны и активно смешивается с другими расами за ее пределами.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПАСПОРТА

На протяжении тысячелетий большинство людей обычно редко уезжали далеко от места своего рождения. До нескольких последних десятилетий международные поездки на отдых или по бизнес-делам совершало не более одного процента элиты любой страны. Сегодня ситуация изменилась: границу ежегодно пересекают свыше миллиарда человек. Число иностранных туристов стремительно растет за счет граждан стран Азии. По прогнозам инвестиционного фонда CLSA, 200 миллионов китайцев будут ежегодно выезжать за рубеж до 2020 года. Количество пассажиров круизных судов удваивается каждое десятилетие. Самый большой корабль компании Royal Caribbean под названием Quantum of the Seas непрерывно бороздит океаны, демонстрируя их красоты туристам.

Даже эта относительно недавняя мобильность населения становится основой мировой экономики. Туризм и гостиничный бизнес обеспечивают более 10 процентов мирового ВВП и 250 миллионов рабочих мест. Связанность — кровь в их жилах. В Африке туристический бизнес развивается быстрее, чем другие отрасли экономики, отчего в первую очередь выигрывают женщины. Предупреждения о нежелательности поездки в те или иные регионы сокращают туристические потоки и становятся чем-то вроде ненамеренных санкций. Например, рекомендации США не посещать Кению привели к коллапсу экономики прибрежных регионов, росту наркоторговли и преступности, который можно сравнить с терроризмом в Найроби [8].

Конкуренция за туристические потоки и бизнес-поездки стала ключевой силой устранения дипломатических недоразумений. Визу в течение 24 часов можно получить практически в каждом посольстве Китая: предоставьте стандартный набор документов, проведите платежной картой по терминалу и — готово. Индия, десятилетиями принимавшая меньше туристов в год, чем крошечный Сингапур, наконец-то внедрила онлайн-выдачу виз по прибытии для граждан большинства стран мира. США потратили 2,8 миллиарда долларов

на новые технологии, облегчающие пересечение границы (такие как EntryPass), прекрасно понимая, что упрощение визовых процедур обеспечивает дополнительный приток туристов, а значит, и дополнительный доход. Все это было бы невозможно без сетей совместного использования данных, позволяющих заменять дорогостоящие консульские услуги в посольствах по всему миру иммиграционными терминалами в аэропортах. Уже сейчас во многих азиатских аэропортах самая быстрая очередь на таможенный контроль — не для местных граждан, а для владельцев карт деловых поездок АТЭС, которые выдаются предпринимателям более двадцати стран. В международном аэропорту имени Джона Кеннеди граждане почти сорока стран, зарегистрированные в электронной системе авторизации путешествий, проходят таможенный контроль в той же очереди, что и американцы. В следующем десятилетии планируется внедрить новые автоматизированные системы регистрации, безопасности и пограничного контроля, позволяющие пассажирам проходить пограничный контроль до взлета самолета¹⁴⁰.

Могут ли цифровые технологии и экономическая необходимость вернуть нас к ушедшей эпохе свободы передвижения? Веками до Первой мировой войны люди путешествовали по миру без паспортов. Изменяемость имперских границ, в том числе и Британской империи, обусловила появление целых поколений людей, перемещающихся по территориям колоний от Восточной Африки до Юго-Восточной Азии, толерантно относящихся к другим культурам. В то же время в Северную Америку прибывали европейские переселенцы, спасающиеся от монархии или голода. Паспорта считались феодальными пережитками, средством привязать людей к обрабатываемой ими земле. В 1871 году итальянский купец Джованни Болис писал, что отмена паспортов существенно улучшит торговые отношения, поскольку освободит путешественников от «притеснений и задержек». Тем не менее спустя столетие после мировой войны мы оказались в мире, где бюрократизация и страх резко ограничили свободу передвижения, несмотря на ошеломляющие демографические диспропорции и экономические стимулы. Капиталу рады везде, а вот труд встречает далеко не столь радушный прием.

И все же преимущества иммиграции очевидны как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Иммигранты

сыграли решающую роль в восстановлении строительного сектора США после финансового кризиса. Например, начиная с 1970-х годов родные места в округе Кук штата Иллинойс покинули около миллиона коренных американцев, вместо которых в регион прибыли 600 тысяч иммигрантов, где многие из них впервые обрели статус домовладельцев. Между тем в Европе недальновидная иммиграционная политика привела к нехватке более миллиона сотрудников IT-индустрии, что замедлило и без того недостаточные темпы экономического восстановления.

В глобальном масштабе открытие границ для мигрантов компенсирует недостаток трудовых ресурсов, повышает коэффициент загрузки общественных и частных коммунальных мощностей, ускоряет экономический рост и увеличивает суммы денежных переводов мигрантов своим семьям. Согласно данным ОЭСР, 3-процентный рост трудовой мобильности увеличивает доходы семей мигрантов от переводов на 300 миллиардов долларов в год, а 10-процентный рост переводов в расчете на одну семью снизит уровень бедности на три процента в 71 стране. По мнению Майкла Клеменса из Центра глобального развития, открытие государственных границ только для потоков временных работников приведет к удвоению мирового ВВП [9], а выгоды от масштабной миграции неисчислимы.

Существует также моральный аспект трактовки миграции как следствия спроса и предложения, а не жесткого и неэффективного государственного управления. Миграционные ограничения относятся к числу мощных факторов, увековечивающих зависимость от места рождения. Глобальное разделение труда, обеспечивающее переход мировой цивилизации на более высокий уровень, зависит от свободы перемещения людей. Люди должны иметь право определять свою идентичность максимально свободно и широко, ограничиваясь лишь готовностью сообщества принять их. Таким образом, свобода передвижения должна быть важнейшим правом человека в XXI веке.

Представители предыдущих поколений переезжали. Теперь они циркулируют. Современная миграция — нечто большее, чем постоянное однонаправленное перемещение, скорее это смешение разнонаправленных потоков. Сегодня в мире как никогда много рабочих-мигрантов, иностранных экспатриантов, политических и

экологических беженцев, жертв торговли людьми. В мире спроса и предложения люди циркулируют подобно товарам и услугам.

Гражданство бедных стран мира не дает реальных преимуществ ни дома, ни за рубежом. Их паспорта — не полноценные символы идентичности, а пропуска в бюрократическую тюрьму. Даже при росте удельного веса развивающихся рынков в глобальной экономике граждане этих стран сталкиваются с многочисленными проволочками и дополнительными расходами на поездки. Если бы у них был выбор между национальной идентичностью и мобильностью, многие предпочли бы вторую.

Новейшие биометрические технологии и технологии обмена данными способны освободить людей от неэффективной политики или плохой репутации их стран. Независимо администрируемая «глобальная виза», связанная с базами данных Интерпола и других организаций, могла бы предоставить квалифицированным специалистам из Бразилии, Саудовской Аравии, России, Индии, Китая, Индонезии и десятков других стран безвизовый доступ на территорию всех стран — участников проекта. Глобальная виза не заменит национальные паспорта как инструмент идентификации личности и предоставления определенных привилегий (как право голосовать или владеть землей), но предоставит дополнительную гарантию при пересечении границы. Передача личной информации в совместный банк данных стран-участниц кому-то может показаться недопустимой, но для многих это шанс обрести свободу.

Глобальная виза действительно бесценна для 150 миллионов полупостоянных мигрантов-гастарбайтеров в нижнем конце цепочки ценностей, которые кочуют по фермам, стройкам и другим инфраструктурным проектам мира и набираются, перевозятся, размещаются и оплачиваются рекрутинговыми агентствами и подрядными организациями. В середине 2015 года из-за сбоя в компьютерной сети Государственного департамента США, отвечавшей за выдачу виз, десятки тысяч мексиканских сезонных рабочих не смогли въехать на территорию США, что лишило их средств к существованию, не говоря уже об ущербе, нанесенном сельскохозяйственной отрасли из-за задержки уборки урожая. Разве не было бы проще этим постоянно курсирующим через границу

сезонным рабочим выдать глобальную визу, учитывающую особенности их маршрутов?

Резкий рост числа таких рабочих, которые могут никогда не вернуться домой, вылился в целую демографическую группу, больше зависящую от независимой республики цепей поставок, чем от конкретного государства. Права этой глобальной мобильной рабочей силы ограничены: им недоступны услуги общественного здравоохранения, а в ОАЭ и Сингапуре их селят в специальные бараки, чтобы предотвратить смешение с местным населением. Ввиду отсутствия постоянного места работы они представляют собой перспективный рынок для международного страхования рабочих для доступа к базовым медицинским услугам везде, где могут в них нуждаться, вместо того чтобы всякий раз покупать медицинскую страховку или вообще ее не иметь на каждом новом месте работы.

Национальная безопасность — еще одна важная причина, по которой мобильность рано или поздно будет отделена от гражданства, как для привилегированных, так и для бедных слоев населения. Сами по себе паспорта мало что говорят о намерениях их обладателей, что прекрасно видно на примере граждан Британии пакистанской национальности, пополняющих ряды «Аль-Каиды» в Афганистане, или австралийских арабов, присоединяющиеся к ИГИЛ в Сирии. Паспорта западных стран вызывают доверие, но даже они больше не гарантируют приверженности их владельца либеральным ценностям. В скором времени все въезжающие в страну должны будут предоставлять биометрические данные и тщательно проверяться по всем базам данных, включая Интерпол, независимо от того, паспорт какой страны у них в кармане.

Люди, выбирающие место жительства или маршрут поездки, больше не получают однозначного ответа. Страны конкурируют за привлечение необходимых объемов инвестиций и талантов и стремятся избавиться от тех, кто кажется бесперспективным или опасным. Великобритания становится испытательным полигоном для политики выдачи виз, разрешения на проживание и гражданство на основе личных заслуг или имущественного положения. У британских граждан, подозреваемых в поездках в Йемен, Сирию или Пакистан для участия в джихаде, изымаются паспорта, в то время как российским миллиардерам, не разделяющим политику Путина или самостоятельно

оплачивающим учебу китайским студентам, оказывается самый радушный прием. Мало того, в 2013 году Великобритания практически внедрила практику взимать с нигерийских, индийских и пакистанских граждан 3000 фунтов стерлингов залога при въезде в страну, которые подлежат конфискации в случае просрочки виз. Стоит ли после этого говорить о солидарности в странах Содружества?

ГРАЖДАНЕ МИРА

В среде постоянных мигрантов формируется новая глобальная идентичность экспатов, номинально связанных со страной происхождения, страной своей национальности и страной пребывания, причем это три разные страны. Такие люди принадлежат к нескольким сообществам и имеют смешанную идентичность, а не втискивают себя в узкие национальные рамки. Инвестиционные банкиры, консультанты по вопросам управления, профессора, атлеты и военные наемники — примеры мобильных людей, для которых профессиональная принадлежность нередко значит больше, чем гражданство или национальность. Право, медицина и даже политика становятся глобальными сферами деятельности, несмотря на национальные ограничения. Словосочетание «общество знаний» лучше описывает суть этой транснациональной среды, чем какая-либо отдельно взятая страна.

Эта новая каста элитных экспатов — довольно влиятельная многочисленная группа с особыми интересами. Как сказал один из сотрудников рекрутингового агентства, набирающий выпускников западных бизнес-школ на консалтинговые позиции в индийских компаниях, «раньше количество международных мигрантов и студентов находилось в пределах статистической погрешности, теперь это полноценные проценты» [10]. Тимм Руннион, CEO Mobility Services International — одного из крупнейших агентств по переезду для американцев, — встречал тысячи профессионалов, которые на протяжении карьеры идентифицировали себя прежде всего с профессиональным кругом, а не с местом рождения. Он утверждает, что лояльность сейчас обуславливается целью, а не местом рождения. Консультанты из компаний Accenture и McKinsey — выходцы из одних стран, работающие на территории других, а на уик-энд выезжающие в третьи — часто получают билет на выходные с открытым пунктом назначения, чтобы они могли съездить куда пожелают, в том числе и

в места, которые считают «домом». Кем будет сотрудник Google из Малайзии, получивший образование в США, проживающий в Лондоне, но приписанный к процветающему подразделению компании в Найроби — малайзийцем, американцем, лондонцем или «гугловцем»?

Глобальное сообщество профессионалов, которые определяют себя как «граждане мира», а не какой-либо страны, начало формироваться в 1990-х годах. Элиты, прозванные «людьми Давоса» или «космократами», не раз упрекали в том, что они игнорируют местные проблемы и националистические лозунги, хотя эти упреки абсолютно беспочвенны. Не только западные элиты восприимчивы к идее транснациональной идентичности, но и представители развивающихся стран, которые больше всего ценят возможности, кажущиеся западным элитам само собой разумеющимися. В действительности в глобальном классе экспатов преобладают отнюдь не выходцы из западных стран, это демографически сбалансированная группа из азиатов, европейцев, американцев, латиноамериканцев, африканцев и арабов. Незападные экспаты — это не бездушные необузданные эстеты, они прекрасно знакомы с жестокими реалиями жизни и продолжают поддерживать семьи, благотворительные организации и выплачивать стипендии одаренным студентам в родных странах. К тому же они видные активисты местного уровня, ратующие за решение глобальных проблем, как, например, Кайлаш Сатьяртхи — защитник прав детей из Индии, удостоенный в 2014 году Нобелевской премии мира. Они называют себя «гражданами мира», поскольку их собственные правительства не способны жить в соответствии с гуманистическими принципами.

После лекции в престижной школе бизнеса IESE (Барселона) один русский студент мне сказал: «Слава богу, я работаю в инвестиционном банке на Уолл-стрит, иначе я не смог бы путешествовать и заниматься другими интересными вещами». Его гражданство стало для него бременем, а лояльность принадлежит фирме, которая продлит разрешение на работу, будь то банк, магазин одежды или нефтяная компания. Тот факт, что он русский, не означает, что его способности должны быть растрчены впустую в России.

Развитие способностей — еще одна причина формирования идентичности цепей поставок. Некоторые компании тратят больше

средств на повышение квалификации сотрудников, чем целые страны — на государственное образование. Медийный конгломерат WPP, чья годовая прибыль составляет около 16 миллиардов долларов, ежегодно инвестирует более 100 миллионов на обучение своего многочисленного персонала (170 тысяч человек), которого в развивающихся странах больше, чем в США и Великобритании, вместе взятых. Компании из отрасли глобальных услуг хороши в той мере, в которой хорош их персонал, поэтому они сознательно создают транснациональное сообщество, больше приверженное миссии компании, чем какому-то одному государству. DHL и Unilever часто за свой счет переводят сотрудников из одной страны в другую, чтобы они перенимали опыт у коллег из корпоративной цепочки ценностей. PwC практикует постоянное повышение квалификации сотрудников для обслуживания клиентов из быстрорастущих сегментов. Создавая такой «специфический капитал», как знания, имеющие наибольшее применение в корпорации и ее сети или в узкой подотрасли, банки, консалтинговые фирмы и другие компании становятся центрами самореализации персонала, а потому показатели его текучести у них намного ниже.

Транснациональные корпорации хотят, чтобы сотрудники представляли компанию, а не свою страну, и активно вносят вклад в слияние национальных корпоративных культур и снятие связанных с ними ограничений. Например, консалтинговые и IT-компании, управляющие региональными представительствами из Будапешта, переводят сотрудников с Балкан из одной балканской страны в другую, так же как и арабов по всему Ближнему Востоку. В результате сербы, никогда не бывавшие в Хорватии, как и египтяне в Кувейте, осознают региональную идентичность через цепи поставок, несмотря на свою национальность и национальную неприязнь.

Русские студенты в Европе, работающие в американских банках, малайзийские «гуглеры» в Африке и сербские консультанты на Балканах — все это примеры нового поколения, нашедшего призвание за пределами национальных границ и стремящегося стать гражданами независимой Республики цепей поставок.

ЗАРАБОТОК НА ГРАЖДАНСТВЕ

Люди, подобно государствам, могут лояльно относиться сразу к нескольким идентичностям. Финансово-промышленные магнаты

страхуются от нестабильности национальной экономики путем получения паспортов других стран, даже если это противозаконно. Это глобальное племя, для которого мобильность важнее национальности, множится по мере увеличения численности так называемых премиальных клиентов (имеют до 500 тысяч долларов свободных средств). В результате рынок гражданства процветает, поскольку лояльность теперь преимущественно связана с местом вложения денег, а не со страной, выдавшей паспорт.

Трудно думать о гражданстве как об основе идентичности, когда оно стало товаром, а страны заняты перетягиванием каната в области привлечения обеспеченных и одаренных людей. Европейские программы «Золотая виза», действующие от Португалии до Кипра, предлагают гражданство в обмен на инвестиции в недвижимость, которую можно продать не ранее чем через пять лет. Иностранцы в комплекте с гражданством получают различные привилегии. Сент-Китс продает паспорта россиянам, иранцам и китайцам по 400 тысяч долларов, используя вырученные средства для финансирования курортов, а взамен предоставляет новым гражданам возможность ездить без виз в более чем сто стран. (Часто россиянам, стремящимся вывести состояние из зоны досягаемости кремлевских властей, оформляется «инвестиционная виза».) Налоги, конечно, стремятся к нулю. Эрик Мэйджор, CEO компании Henley & Partners, консультирующей состоятельных клиентов по программам ускоренного получения гражданства, говорит: «Растет категория людей, которые не могут находиться более четырех месяцев в одной стране» [11].

Формируется целый класс «граждан без корней»: они отказались от гражданства родной страны и не имеют корней в стране, чье гражданство получили. У этих людей гражданство ассоциируется с лояльностью в обратной пропорции к ставке подоходного налога. Конкуренция за привлечение частных инвестиций от премиальных клиентов сделала паспорта проездными документами разной степени удобства.

Это справедливо даже для американских паспортов. Хотя американцев отличает высокая степень национальной гордости за свою страну, их доходы облагаются налогом независимо от места получения, вне или внутри страны. Это финансовое и бюрократическое бремя заставляет примерно четыре тысячи американцев ежегодно

отказываться от гражданства в обмен на паспорта Канады, Британии, Швейцарии, Сингапура и еще десятка стран. Вместо того чтобы по примеру остальной части мира облагать налогами только деятельность, проводимую на своей территории, Налоговое управление США удвоило усилия по взысканию налогов с полученных за рубежом доходов американцев, что увеличило количество желающих эмигрировать и сократило численность состоятельных налогоплательщиков внутри страны.

Китай столкнулся с похожей проблемой: тысячи состоятельных китайских политиков и предпринимателей бежали со своими, как правило, незаконно нажитыми состояниями в Канаду, США, Австралию и другие страны. Китай не пускает по их следу Налоговое управление, а отправляет тайных агентов Министерства общественной безопасности запугивать этих жуликоватых граждан, чтобы вернуть их домой, прежде чем они попросят убежище и гражданство в США.

Жить в государстве больше не означает целиком ему принадлежать. Великий либеральный философ Исайя Берлин предостерег от опасности понимания истории как сферы действия мощных безличных сил и выступил за гуманистическую оценку сложных индивидуальных идентичностей, формируемых семьей, бизнесом, национальными, этническими и имущественными отношениями. Каждая идентичность реализуется по-разному, и ни одна из них полностью не определяет всех принимаемых человеком решений. Бизнес на гражданстве в еще большей мере станет типичным для мира спроса и предложения, особенно когда лояльность не столько меняется, сколько делится и умножается.

ГЛАВА 16

ПРИРОДА СИЛЬНЕЕ НАС

УХОД ИЗ ПРИБРЕЖНЫХ РАЙОНОВ?

В 1815 году извержение вулкана Тамбора на индонезийском острове Сумбава убило 70 тысяч человек, спровоцировало цунами, сопровождалось выбросом тучи пепла, вызвавшей засуху и гибель урожая в азиатских странах. Это активизировало торговлю опиумом из так называемого золотого треугольника, привело к эпидемии холеры в странах Южной Азии (и появлению современной медицины), выпадению снега летом на восточном побережье США и «большой панике 1819 года», спровоцировавшей первую в истории США

депрессию. В Арктике и Гренландии раскололись вечные льды, что стимулировало изучение Арктического моря. И все это натворило одноединственное извержение вулкана.

(Карта 38 к этой главе приведена на вклейке.)

Различные географические явления, от падения метеоритов до ледниковых периодов, глубоко влияли на развитие человечества. Согласно фундаментальной теории тектоники плит, они все время находятся в движении, провоцируя землетрясения и цунами, которые постоянно меняют береговую линию. Но человечество пытается с этим бороться путем применения технологий, таких как рекультивация прибрежной полосы, морские барьеры и сейсмостойкая архитектура. Методы геоинженерии, в частности удаление углекислого газа и управление солнечным излучением, даже позволяют замедлить изменения климата.

Но технологический прогресс и наличие ресурсов не должны приводить к самоуспокоению. По мнению антрополога Джареда Даймонда, коренные жители острова Пасхи рапануи совершили экологическое самоубийство, используя деревья для транспортировки каменных статуй, известных как моаи, в результате чего произошло быстрое обезлесение и последующая эрозия почв, что привело к катастрофе в сельском хозяйстве острова. Судьба острова Пасхи — классический пример последствий неуважения к комплексности природы.

Можно ли считать азиатские небоскребы моаи XXI века? От их башен тоже исходит ощущение силы, а география размещения противостоит уязвимости. Сегодня более 1,5 миллиарда из четырех миллиардов жителей Азии обитают в пределах 100 километров от побережья Индийского или Тихого океана, где повышение уровня воды угрожает прорвать морские барьеры¹⁴¹. Основываясь на прогнозируемом уровне моря, 316 американских городов и поселков будут затоплены еще до конца этого века. Добровольная концентрация человечества в узкой, густонаселенной прибрежной зоне, безусловно, эффективна, но может оказаться не слишком мудрой.

Поскольку повышение уровня моря вызывает океанические волны, которые способны смыть городские кварталы, вынудит ли это нас деурбанизироваться так же быстро, как мы селились в прибрежных районах? Можно спорить о географии, но нельзя спорить с природой.

Просочившиеся в 2013 году в прессу материалы Межправительственной группы экспертов по изменению климата содержали предостережения о наводнениях, неурожае, периодических засухах и росте уровня бедности, вызванных изменением морских течений и увеличением частоты экстремальных погодных явлений, особенно в странах без надежной инфраструктуры и безопасных маршрутов, позволяющих спастись в случае катаклизмов. В отчете за 2014 год странам официально рекомендовалось инвестировать в стратегии переселения, например в разработку маршрутов эвакуации из таких городов, как Новый Орлеан или Дакка, строительство новых населенных пунктов на территории, расположенной выше над уровнем моря, и городских центров охлаждения для более жаркого климата. Дипломатия в прежних климатических условиях фокусировалась на сокращении вредных выбросов; в новых условиях ее основные задачи касаются переселения и соответствующей инфраструктуры [1].

Голландские дамбы, со сложными системами борьбы с наводнениями, позволившими Нидерландам — одной из самых густонаселенных и низкорасположенных стран мира — выжить, служат примером 800-летнего противостояния человека и природы. В 1950-х годах голландцы начали заменять средневековые дамбы сетью новых дамб общей протяженностью более 3500 километров для противостояния сильнейшим штормам, случающимся раз в 10 тысяч лет. Они также рекультивировали земли, запрудили реки, прорыли дренажные каналы и построили гигантские морские барьеры против штормовых волн. Но в итоге повышение уровня моря может привести к затоплению, поэтому иногда в стране намеренно затопляют некоторые земли, исходя из моделей динамики океана, предварительно переселяя жителей расположенных там деревень. Разумные инвестиции в инфраструктуру означают, что голландцы, скорее всего, выживут в борьбе со стихией.

Реки, текущие через границы

С древних времен реки служили основой выживания цивилизаций. Хотя реки часто считают «естественными границами», прежде всего это совместно используемый природный ресурс. Для римлян река Рейн была границей с грозными немецкими племенами на севере и востоке, но для Священной Римской империи она являлась критически важным внутренним водным путем. Франция при Людовике XIV и Наполеоне

стремилась контролировать все земли к западу от Рейна, несмотря на языковой барьер. Сегодня Рейн — общая водная артерия для Швейцарии, Юго-Восточной Франции, Германии и Нидерландов в рамках более широкого европейского Содружества. Беря начало в Германии, в горах Шварцвальда, и заканчиваясь в румынской дельте Черного моря, Дунай также был ключевой водной артерией, используемой средневековыми купцами для проникновения вглубь Европы, и сегодня по-прежнему играет роль жизненно важного торгового и туристического маршрута для внутриконтинентальных европейских стран. В конечном счете реки соединяют, а не разделяют¹⁴².

Естественная география может помочь в преодолении политических барьеров и переходе к более функциональной логике. Например, плодородная Индо-Гангская равнина объединяет более миллиарда жителей Пакистана, Индии, Непала и Бангладеш. «Плодородный полумесяц» вдоль рек Тигр и Евфрат является жизненно важной артерией для населения, проживающего на юго-востоке Турции, в Ираке, Сирии, Иордании, Израиле, Ливии и западном Иране. Самая длинная река мира Нил — основной источник воды для Египта и Судана, а ее притоки обслуживают еще девять стран Восточной Африки. До колонизации и обретения независимости, перенаселения и истощения ресурсов все эти регионы имели скорее культурные, чем формальные границы. Если они хотят чего-то добиться в следующие пятьдесят лет, им придется вернуться к этой модели.

МОЖНО ЛИ ДОГОВОРИТЬСЯ С ПРИРОДОЙ?

Хотя мы научились управлять природой, мы не можем ее полностью контролировать. Более тридцати лет назад Китай посадил крупнейший в мире рукотворный лес — «Зеленую стену Китая» протяженностью более чем 4500 километров, — чтобы противостоять наступлению пустыни Гоби, чьи пыльные бури наносили ущерб сельскому хозяйству даже в Японии и Южной Корее. Аналогичный «Великой зеленой стене» проект запустили страны Африканского союза, чтобы защитить земли к югу от пустыни Сахара, в засушливом Сахельском поясе.

Но сложность природных систем настолько высока, что их невозможно подогнать под один шаблон. Наводнения от таяния льдов и затопление прибрежных территорий вследствие повышения уровня

моря — проблемы, связанные с избытком воды; засухи и опустынивание вызваны ее недостатком. Повышение уровня моря угрожает затоплением прибрежным поселениям, а опустынивание истощает некогда плодородные земли, в результате население оказывается зажатым где-то посередине. Высыхание рек и загрязнение городов угрожает качеству питьевой воды для двух миллиардов человек. Засухи в Сомали и северной части Великой Рифтовой долины в Кении создали то, что некоторые называют «постоянной чрезвычайной ситуацией» для беженцев из сельских районов, мигрирующих в поисках клочков пахотной земли, пригодных для посева или выпаса скота. Целые полосы земли по обе стороны границы превращаются в зоны кочевого скотоводства, находящиеся под патронатом агентств ООН по оказанию помощи. Практически все население обеих стран принадлежит к числу климатических беженцев, уже превысивших по численности политических, причем некоторые из них, как в Дарфуре, становятся двойными жертвами — изменения климата и гражданской войны.

Стихийные бедствия и продовольственные кризисы неоднократно заставляли вооруженные силы Великобритании, Филиппин, Индии, Пакистана и Мексики, а также зарубежные военные контингенты, переориентировать действия на оказание гуманитарной помощи. В 2014 году Бразилия начала крупнейшие военные учения в своей истории — защита дождевых лесов Амазонки от вторжения. Военные все чаще следуют примеру США и накапливают ресурсы для реагирования на стихийные бедствия, чтобы обеспечить поддержку населению на случай цунами, тайфунов, землетрясений и прочих природных катастроф.

У больших стран, как и у крупных животных, выше способность к выживанию в экстремальных условиях, поскольку население может переселиться вглубь страны. Прибрежные города должны гораздо осмотрительнее подходить к обеспечению своей жизнедеятельности, определяя источники поставок продовольствия, воды и энергии, а также способы утилизации отходов. Им следует создать линии поставок ресурсов, простирающиеся как вглубь страны, так и соединяющие город с более отдаленными местами для обеспечения поставок во время кризиса. Венеция, например, наслаждается плодами экономической децентрализации, но по мере погружения ее

легендарных памятников архитектуры в Адриатическое море ей надо быть лояльнее к Риму, так как ее жителям в какой-то момент, возможно, придется покинуть корабль и отправиться дальше вглубь страны.

Повышение уровня моря — только одна сторона городской климатической катастрофы; вторая сторона — оседание почвы: города тонут. Чем глубже города погружаются в грунтовые воды, тем больше размываются их известняковые опоры, превращаясь в зыбучие пески. Гигантские воронки внезапно появляются прямо на оживленных городских перекрестках в Китае и Центральной Америке, Центральной и Южной Флориде, где целые дома уходят в землю. Бангкок просел почти на метр с 1970-х годов, что делает его практически ежегодные наводнения все более разрушительными. Без восстановления подземных водоносных горизонтов, как это сделал Токио, мы можем однажды увидеть падающие небоскребы.

Поэтому Китай начал бурить глубже — чтобы найти не нефть, а воду. Лазерные радары со спутников обнаружили большие пресноводные горизонты под морским дном у берегов Северной Европы, восточного побережья США и китайской провинции Чжэцзян, которая стала местом строительства инфраструктуры водоснабжения с общим бюджетом 200 миллиардов долларов, включающей прокладку подводных туннелей и разветвленную, как метрополитен, систему водопроводных труб для насыщения береговых водоносных горизонтов и предотвращения проседания почвы.

Иногда глобальное потепление создает новые возможности для решения проблемы водоснабжения. Таяние вечной мерзлоты в России привело к резкому повышению уровня воды в уральских реках и Волге, впадающих в Каспийское море, и размыванию дорог и пляжей. И все же, учитывая низкую степень засоленности воды, расширение крупнейшего в мире внутриконтинентального моря позволит построить ирригационные каналы в засушливых странах на южном побережье Каспия, таких как Туркменистан и Иран.

Строительство столь сложных опреснительных, транспортирующих и рециркуляционных сетей так же важно для нашего будущего, как нефте- и газопроводы сейчас. Хотя огромные объемы воды расходуются в производстве электроэнергии и добыче полезных ископаемых, скоро ядерная электроэнергетика поможет обеспечить пресной водой миллиарды жителей Азии, Ближнего

Востока и Африки. Израиль инициировал использование атомной электроэнергии в области рециркуляции воды. Компания TerraPower при поддержке Билла Гейтса разрабатывает реакторы на обедненном уране, а Индия — ториевые реакторы, что в обоих случаях означает выработку более безопасной и чистой электроэнергии. Регионы, в наибольшей степени страдающие от отсутствия пресной воды — западное побережье США, пустыня Сахара, Аравийский полуостров и Австралия, — считаются самыми активными потребителями солнечной энергии для выработки электроэнергии и опреснения воды¹⁴³. Вместо того чтобы наблюдать за гибелью урожая, Австралия может использовать дождевую воду для орошения, что позволит прокормить вдвое больше людей, чем ее нынешнее население.

Одно направление, которое могли бы улучшить практически все города, — максимизировать местные ресурсы за счет более разумных способов сохранения и адекватного ценообразования. В Швейцарии в тарифах на воду учитывается полный цикл ее оборота: сбор, обработка, обеззараживание и рециркуляция. Сингапур собирает дождевую воду и создает общегосударственную систему снабжения пресной водой New Water — достаточно чистой для того, чтобы полностью отказаться от импорта бутилированной воды. Если ему это удастся, то не исключен старт кампании, способной обанкротить целую отрасль, загрязняющую атмосферу выбросами углекислого газа (по иронии судьбы!). Берегись, Evian!

Процессы децентрализации играют важную роль в предотвращении урбанизации, ведущей к разграблению природных ресурсов внутриконтинентальных районов. Коренное население от Бразилии до Индии и Китая все активнее выступает против принудительного переселения, строительства дамб и реализации горнодобывающих проектов, наносящих ущерб окружающей среде. В таких странах Центральной Америки, как Гондурас, Гватемала и Сальвадор, сотни активистов отдали свои жизни ради разоблачения коррупционной связи военизированных охранных агентств и добывающих компаний, которые отбирают у крестьян землю и доводят ее до непригодного состояния. Племя мапуче, проживающее в центральной и южной части Чили, а также коренные народности Западной Канады получили право на самоуправление и сумели

заблокировать строительство дамб и трубопроводов на своей территории¹⁴⁴.

Многие коренные племена не выжили бы в этом столетии, если бы не сумели правильно определить приоритеты. Продовольствие, вода и другие ресурсы в обезлюдивших районах важны как никогда, в то время как избыточные размеры городов подрывают их собственное жизнеобеспечение. Крупнейший город Южной Америки Сан-Паулу уже достиг красной черты. Вырубка лесов, которые обеспечивали направление главных рек региона в водохранилища, подорвала водоснабжение города: водопровод на месте, но в него поступает слишком мало воды. Между тем засуха привела к сокращению ирригации и выработки гидроэнергии, а это означает нехватку не только воды, но и электроэнергии — и это в стране, щедро наделенной природными ресурсами!

Составив точную карту истощающихся ресурсов (ледники, дождевые леса и другие), мы сможем эффективнее ими управлять. Мы должны рассматривать нашу экосистему как *естественную* инфраструктуру, непосредственно связанную с материальной инфраструктурой, созданной человеком для своих потребностей. Почти половина ВВП Китая генерируется одиннадцатью провинциями, активная урбанизация которых обострила проблему водоснабжения так же, как в странах Ближнего Востока. Только прекратив использование пахотных земель не по назначению и превратив их в стратегический ресурс, мы добьемся устойчивого баланса между человеком и природой.

Нерационально управляемая урбанизация в одной стране создает экологические проблемы глобального уровня. Китай, где соевые бобы были одомашнены тысячи лет назад, сегодня едва покрывает одну шестую часть собственного спроса, поэтому импортирует почти 70 миллионов тонн бобов из США и Южной Америки, чьи проблемы с логистикой обусловили рост мировых цен на продукт. Вместе Китай и Индия производят половину мирового объема хлопка и риса, а также примерно треть картофеля и зерна, но нехватка воды создает существенные проблемы. По данным Института по исследованию мировых ресурсов, около сорока стран уже испытывают острую нехватку воды, и, по прогнозам, глобальный спрос на нее к 2050 году

вырастет на 50 процентов, а к тому времени численность мирового населения составит 9 миллиардов человек.

Вода имеет огромное значение для любой отрасли экономики: сельского хозяйства, электроэнергетики, производства, текстильной промышленности, электроники и горнодобывающей промышленности. Поэтому любые усовершенствования в этих отраслях могут улучшить перспективы сохранения и перераспределения водных ресурсов. Например, поскольку добыча угля требует в пять раз больше воды, чем природного газа, Китай планирует переход на газовые электростанции, что высвободит огромный объем воды для сельского хозяйства в провинциях с ее дефицитом, таких как Хунань, и приведет к падению цен на продукты и сокращению выбросов парниковых газов.

Быстрая урбанизация и нормализация ситуации с питанием населения в развивающихся странах, не говоря уже об участившихся засухах и неурожаях, в совокупности приведут как минимум к утроению объема продовольствия, перевозимого через границу, то есть с нынешних 16 до 50 процентов через два-три десятилетия. Таким образом, отлаживание цепей поставок продовольствия — вопрос жизни и смерти в масштабе цивилизации.

Продовольственная безопасность достигается за счет сочетания роста производства продовольствия внутри страны и устойчивых взаимосвязей. США отличаются наивысшей степенью продовольственной безопасности благодаря огромному объему производства и доступным ценам на продукты на внутреннем рынке. В случае неурожая США могут закупить необходимые продукты на мировом рынке. Несмотря на то что Сингапур практически полностью зависит от импорта продовольствия, он относится к числу стран с наивысшим уровнем продовольственной безопасности в мире по причине высокого уровня диверсификации источников поставок рыбы, овощей и других базовых продуктов питания. Китай начал реализацию программ внутрисочвенного капельного орошения, резко сокращающих потребление воды для полива с одновременным восстановлением сельскохозяйственных земель. Эти технологии и практики можно внедрить в любом уголке земли для повышения продовольственной безопасности¹⁴⁵.

Более устойчивая урбанизация способна запустить процесс «возврата долга природе». После ухода людей с загрязненных их

жизнедеятельностью территорий — от Чесапикского залива до деревень в Намибии или Финляндии — мать-природа постепенно восстанавливает их экосистему. Хотя сельское население во всем мире стабильно сокращается, в некоторых западных странах наблюдается умеренная деурбанизация. В США несколько тысяч экологически сознательных молодых людей (включая многих выпускников университетов) вернулись к фермерству, вдохнув новую жизнь в заброшенные поселки. Действительно, сельское хозяйство — один из наиболее эффективных классов активов как с точки зрения операционной доходности, так и роста их стоимости. К пожилым японским фермерам присоединилась городская молодежь, привнеся новые технологии механизации, позволяющие поддерживать высокий объем сельскохозяйственного производства, ведь и без того один из самых высоких в мире средний возраст населения Японии продолжает расти. Движение за экологически чистые продукты показало, что выращивание в естественных условиях и небольшом количестве различных видов растений может приносить неплохую прибыль. В Великобритании 58 тысяч человек покинули большие города в период с 2009 по 2010 год из-за растущей стоимости жизни. Даже в быстро урбанизирующемся Китае некоторые пекинцы, возмущенные качеством воздуха, переселились в предгорья возле Южного Куньмина. Если растущая стоимость городской жизни и стремление быть ближе к природе сопровождаются доступом в интернет даже на отдаленных фермах и в лесах, то люди вполне могут предпочесть такую жизнь в сочетании с удаленной работой. Но сейчас это скорее исключение из правил по сравнению с темпами урбанизации и вызванной ею концентрацией экономики и общества в городах.

Найти оптимальное сочетание быстрой урбанизации и преимуществ сельской жизни — достойная цель. Хотя разрыв в уровне благосостояния между городским и сельским населением продолжает увеличиваться, в значительной степени он обманчив. Города все больше зависят от поставок продовольствия и воды из внутренних районов страны, со своей стороны поставляя туда технологии и обеспечивая логистику для развития экспорта сельскохозяйственной продукции. Природа не позволит нам воспринимать выигрышное местоположение как должное.

Измеряя след цепей поставок

Распределение потребления воды и выбросов парниковых газов по странам, а не по отраслям промышленности, — прекрасный пример того, как мир цепей поставок искажает географию. Согласно картам «водного следа», 75 процентов потребления воды в Великобритании фактически связано с импортными продуктами, поэтому вряд ли достаточно будет реже смывать воду в туалете, для того чтобы Британия стала экологически чистой страной. С учетом многочисленного населения и быстрой индустриализации Китай одновременно является крупнейшим потребителем воды и крупнейшим генератором парниковых газов, хотя по показателю их выбросов на душу населения существенно уступает США. В то же время по меньшей мере 20 процентов потребления воды в сельском хозяйстве Китая — и большая часть парниковых выбросов промышленными предприятиями — фактически расходуются на иностранного потребителя. Таким образом, задача экологизации имеет значение не только для Китая, но и для глобальных цепей поставок.

Несмотря на то что цепь поставок не связана с определенным местом или организацией, она имеет «след». В совокупности ведущие авиакомпании мира вошли бы в пятерку крупнейших генераторов выбросов парниковых газов, если бы были отдельной страной. Всего 90 компаний, из которых треть принадлежат государству, ответственны за две трети ежегодных выбросов парниковых газов в результате промышленной деятельности, включая такие гиганты, как Chevron, Exxon, Shell и BP в энергетическом секторе и Walmart и IKEA в розничной торговле. Не менее 40 процентов «китайских» выбросов парниковых газов приходится на западные компании, которые перевели производство в Китай. Переговоры о проблемах климата обычно касаются выбросов парниковых газов в конкретной стране, а не сосредотачиваются на распространении энергосберегающих технологий по цепям поставок, — именно поэтому они, как правило, нерезультативны.

Вместо этого международные организации и либеральные правительства переключают внимание на использование своей роли и рычагов влияния в цепях поставок для поддержания устойчивости. Например, согласно «Принципам экватора» Международной финансовой корпорации (IFC), не рекомендуется инвестировать в выработку электроэнергии из угля при отсутствии альтернативы. Фонд

национального благосостояния Норвегии вывел все связанные с добычей угля инвестиции. Инвесторы, страховщики и управляющие активами следуют их примеру. Социально ответственные инвестиционные фонды проводят активный мониторинг совокупного инвестиционного портфеля стоимостью 4 триллиона долларов, анализируя не только сами компании, но и их отношения с десятками тысяч поставщиков на соответствие стандартам охраны окружающей среды. Управляющий инвестиционным фондом RobecoS из Голландии был соавтором индекса устойчивого развития Доу — Джонса, учитывающего данные о двух десятках отраслевых кластеров и выпускающего подробные отчеты о деловой практике топ-менеджеров и их способности устранять сбои в цепях поставок электроэнергии. Такие глобальные гиганты в отрасли страхования, как Swiss Re и Zurich Insurance, настаивают на том, чтобы клиенты выбирали цепи поставок по критерию надежности, иначе они рискуют отменой страховых полисов. Это краеугольные камни зарождающегося «регуляторного капитализма», при котором используется сочетание правительственных санкций и финансового давления с целью повышения стандартов в цепях поставок.

**МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ,
МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ...**

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ,

В скором времени мир может быть поделен на пригодные и непригодные для жизни места. Даже топ-менеджеры энергетических компаний, как, например, бывший CEO BP Джон Браун, утверждают, что ископаемое топливо наносит такой же вред планете, как курение — человеческому организму. Мятежный ученый-активист Джеймс Лавлок, выдвинувший в 1970-х годах «гипотезу Геи» для обозначения Земли как единой экосистемы, считает, что мы заразили планету лихорадкой. По его прогнозам, Лондон уйдет под воду через 25 лет, Южная Европа будет напоминать пустыню Сахару, Альпы лишатся снеговой шапки, почти все коралловые рифы погибнут, а население мира сократится на 80 процентов к 2100 году. Те, кто выживет, будут наслаждаться климатом Флориды на Аляске и северо-западном побережье Тихого океана или поселятся в теплых Торонто и Детройте, которые превратятся в безопасные внутриконтинентальные территории с достаточным запасом пресной воды.

У нас может не остаться иного выхода кроме ускоренного коллективного перехода от политической географии к функциональной. Возможно, придется переоборудовать целые регионы планеты для крупномасштабного переселения климатических беженцев. Но для этого потребуются реорганизация государственных территорий в ресурсные протектораты, стабильно собирающие и распределяющие сельскохозяйственные, лесные и морские ресурсы для тех, чьи ресурсы были уничтожены.

Но такие вещи не планируют в последнюю минуту. Современный мир цепей поставок не оставляет нетронутым ни один ресурс, и мы не должны позволять ему истощать природу до точки невозврата. Сегодня чрезмерная эксплуатация ресурсов практически вездесуща — из-за неэффективного государственного управления, неконтролируемых корпораций или конкурентного накопления. Однако появились и первые признаки еще одного варианта — устойчивого управления цепями поставок на основе прозрачной технократической координации.

Если территория настолько важна, что все ее хотят, но никто не может контролировать, надо разработать механизмы, которые обеспечат к ней справедливый доступ и стабильность. Международный союз охраны природы (МСОП) — старейшая и крупнейшая природоохранная организация в мире — разработал систему классификации охраняемых территорий, помогающую странам определять природные заповедники, национальные парки, памятники природы, заказники, морские ландшафты и зоны щадящей разработки ресурсов. Теперь МСОП ищет партнеров, в том числе иностранные государственные агентства, неприбыльные организации или компании, для обучения и оказания помощи по защите и восстановлению экосистем, а также привлечению в них туристов. МСОП контролирует морские заповедники акул в Белизе, места обитания медведей гризли в Канаде, птичьи заповедники в Колумбии и шесть миллионов гектаров в бассейне Центральной Амазонки неподалеку от Манауса, отведенные для стабилизации рыбной отрасли. Даже Россия не отказывается от консультаций МСОП, в частности по вопросу защиты природного мира в зоне реализации 20-миллиардного проекта строительства газопровода «Сахалин-2».

С 1970-х годов Европейский союз создал десятки особых природоохранных территорий и специальных защитных зон для

защиты уязвимых видов флоры и фауны, сохраняя при этом социально-экономическую деятельность. С 2002 года правительство Бразилии сотрудничает со Всемирным фондом дикой природы, Всемирным банком, правительством Германии и другими организациями для создания охраняемой зоны дождевых лесов, равной по площади Швейцарии, в бассейне Амазонки, контролируемой со спутников и интернет-систем в режиме реального времени, что позволяет разрабатывать новые протоколы заготовки древесины и уже снизило темпы обезлесения бассейна Амазонки на 37 процентов. Все эти территории в настоящее время эффективно управляются функционально, а не политически. Суверенные государства, на территории которых они расположены, передали полномочия независимым органам для блага природы, государства и человечества. Аналогичные подходы применяются для сохранения биологического разнообразия в Арктике и предотвращения незаконного промысла рыбы в Тихом океане¹⁴⁶.

Серьезное отношение к природе означает полномасштабное отражение ресурсов на картах, так же как мы обозначаем на них государства. На большинстве карт приводятся лишь названия океанов и морей, но достаточно ли остальную природу отмечать только цветом (зеленым — леса, коричневым — горы, желтым — пустыни, белым — лед). Биоразнообразие южноамериканских и африканских дождевых лесов, богатое минеральными ресурсами морское дно, обитатели Арктики и прочие изобилующие природными ресурсами территории заслуживают большего, чем невыразительная цветовая маркировка. Эти священные места играют ключевую роль в комплексной глобальной системе. Если мы точно опишем и обозначим все известные геологические характеристики, то сможем столь же эффективно защищать границы природы, как и политические границы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОТ СВЯЗАННОСТИ К УСТОЙЧИВОСТИ

Величайший проект XXI века — осознание того, что человечество становится чем-то большим, чем сумма его частей, — только начинается.

Николас Кристакис и Джеймс Фаулер, «Связанные одной сетью. Как на нас влияют люди, которых мы никогда не видели»¹⁴⁷

НОВЫЙ МОРАЛЬНЫЙ ОРИЕНТИР

В начале XXI века активисты движения антиглобалистов тысячами собирались в местах проведения крупных международных саммитов и форумов, от Всемирного экономического форума до заседаний Всемирного банка и МВФ. Протестующие, представлявшие широкий спектр интересов от профсоюзов западных стран до африканских фермеров, клеймили несправедливость глобализации, утверждая, что она углубляет раскол между Севером и Югом. Сегодня мы знаем, что они были неправы, да и они это знали, поэтому протесты быстро прекратились.

Движения с приставкой «анти» — антикапитализм, антиглобализм и прочие — всегда проигрывают, поскольку опираются не на универсальный гуманизм, а на местечковую недалекость. Слишком малый торговый оборот — более серьезная проблема, чем обман в торговле; слишком ограниченный доступ в интернет — гораздо большая проблема, чем цифровой барьер сам по себе; слишком медленное накопление богатства намного опаснее, чем высокий уровень неравенства, и даже малое количество генномодифицированных культур гораздо хуже, чем негативные аспекты корпоративного сельского хозяйства. Десятилетия призывов ООН к глобальному перераспределению экономических богатств никогда бы не увенчались тем, что дала глобализация всего за несколько десятилетий. Когда в 2014 году Билл Гейтс заявил, что «...мир стал лучше, чем был когда-либо ранее» [1], мы должны были благодарить за это глобализацию.

Будущее всегда приходит быстрее, чем ожидаешь. Наши предки просыпались, не зная, что земля круглая. Сегодня мы просыпаемся, зная, что связаны с глобальной сетью, где между двумя людьми всего несколько степеней разделения. Без сомнения, связанность привносит большую сложность и неопределенность, но места, где завтра всегда похоже на сегодня, вряд ли могут кого-то привлечь.

Если у населения планеты и есть общая цель, то это стремление к модернизации и связанности, причем вторая является основным путем к первой. Связанность, несомненно, более мощная сила, чем все политические идеологии мира, вместе взятые. Дэн Сяопин, сумевший реформировать коммуны в советском стиле, характерные для периода «Великого прыжка вперед» Мао, и даже выступавший против Культурной революции, впоследствии начал реформы 1970-х годов,

подключившие Китай к мировой экономике и превратившие его из аутсайдера в супердержаву. То же касается и религии. В большинстве стран религия и свободный рынок мирно сосуществуют. Усиление религиозных настроений среди новоиспеченных индийцев и китайцев среднего класса во многом обусловлено благодарностью за подключение к глобальной экономике и постоянными молитвами за дальнейший успех страны. В обеих странах люди уверены, что без подключенности степень их благодарности была бы гораздо меньше.

Связанность стала основой глобального общества. В конце концов, люди связаны с остальным миром не через политику, а при помощи рынков и средств массовой информации. Цепи поставок буквально воплощают наше *отношение* друг к другу: низкая оплата труда азиатских рабочих позволяет не поднимать цены на смартфоны для потребителей во всем мире; боевики «Аль-Каиды» нападают на нефтеперерабатывающие заводы в Саудовской Аравии, повышая цены на газ для жителей городов, а индийские и филиппинские кол-центры помогают решать технические проблемы независимо от местонахождения пользователей. Независимо от степени разделения, цепи поставок соединяют работников текстильной фабрики в Бангладеш и завсегдагаев универмага Saks на Пятой авеню или шахтера из Конго и покупателя инкрустированного бриллиантами смартфона Vertu в аэропорту Гонконга. Ничто так не объединяет бедных и богатых, север и юг, восток и запад, как цепи поставок. Какими бы они ни были, мы все же склонны больше *беспокоиться* о вещах, с которыми непосредственно связаны, чем о том, что нас практически не касается. Выбросы вредных веществ, перемещающиеся через Тихий океан из Китая в Калифорнию, заставляют американцев думать о проблеме изменения климата больше, чем о тонущих островах в том же океане. Банкротство текстильной фабрики в Бангладеш, шьющей одежду для западных брендов, привлекает гораздо больше внимания, чем пожар на фабрике детских фейерверков в Китае, реализующей почти всю продукцию внутри страны. Взаимосвязанность пробуждает сопереживание, способствующее эволюции наших этических принципов.

Таким образом, система цепей поставок отнюдь не либертарианская фантазия, в которой рынки правят миром. И не универсальный социалистический рай. Это эволюционная реальность,

нуждающаяся в разработке прагматической стратегии, чтобы не погрязать в популистских утопических теориях и устаревшей системе понятий. Почти целое столетие труды Макса Вебера внушали нам уверенность в том, что современные государства в итоге обеспечат лучшие экономические, социальные и политические основы нового миропорядка. Но сегодня более пяти миллиардов человек хронически нуждаются в самом необходимом и практически игнорируются своими правительствами.

Даже в западных странах, где место рождения уже само по себе обеспечивает преимущества перед жителями остальных регионов мира, относительно безбедная жизнь больше не гарантируется. Правительства стран Европы урезают фонд заработной платы, из-за чего миллионы граждан теряют уверенность в завтрашнем дне, а поколению миллениалов в США грозит падение доходов ниже уровня, достигнутого их родителями несколькими десятилетиями ранее. Будущее будет зависеть от самодостаточности, а не от прав: больше нет права быть богатым.

Существует ложная дихотомия между национальными обществами как органическим этическим сообществом и тем, что Майкл Сэндел из Гарвардского университета называет «рыночным обществом», пренебрегающим социальными связями. Вместо того чтобы ждать, пока правительства обеспечат справедливость, достоинство и возможности, люди создают новые ассоциации — профессиональные, коммерческие, виртуальные — не в качестве замены местному социальному капиталу, а как необходимый новый вид *глобального* «социального капитала».

Таким образом, глобальная связанность — это стимул развития не только картографии, но и морали. Мы должны извлечь максимум из цепей поставок, а не ждать, пока они выжмут все возможное из нас. Мир, переориентированный на объединяющие связи, а не разделяющие границы, способствует переходу от ментальности «мы и они» к более широкой человеческой идентичности «мы». Нет ни одной веской причины отказываться от этого.

Краеугольный камень морали в глобальном обществе — это использование связанности в утилитарных целях, а именно обеспечение наибольшего блага для наибольшего числа людей. Нам следует в глобальном масштабе провести тест общественной морали

Джона Роулза, оценивая себя по степени готовности помогать бедным и оправдывая неравенство в той мере, в какой оно улучшает их жизнь. Пока еще есть шанс превратить то, что экономист Бранко Миланович называет «плохим» неравенством в «хорошее», мотивирующее и мобилизующее на достижение целей. По сути, мы на правильном пути: глобализация и связанность повысили качество жизни миллиардов людей, даже если при этом сделали неизбежным неравенство.

Пришло время для еще более смелых идей использования практически всеобщей связанности на благо широкомасштабного развития человечества. Инфраструктура, рынки, технологии и цепи поставок не только создают логистику, соединяющую мир, но и подталкивают нас к более справедливому и устойчивому будущему. Но впереди еще долгий путь. Миллиарды человек по-прежнему живут без дорог и электричества, страдая от нехватки продовольствия и считая деньги роскошью. Разрушенная инфраструктура и неэффективное управление препятствуют сбалансированности спроса и предложения. Преодолеть их — наш моральный долг.

Нет ничего более высокоморального, чем позволить людям идти туда, куда они хотят, — в поисках работы, чтобы избежать конфликтов или спастись от стихийных бедствий, — а также перемещать ресурсы воды, продовольствия и энергии туда, где в них нуждаются. Национальный суверенитет и территориальная целостность больше не являются священными принципами, напротив, они даже могут стать аморальными, когда население силой удерживается в территориальных границах, как в Судане или Сирии, когда климатические беженцы не могут покинуть пострадавшие от засухи территории и переселиться в более плодородную местность или когда рабочие-мигранты попадают в политические передраги, вместо того чтобы приносить пользу стране пребывания и зарабатывать себе на хлеб. Переход от политических к функциональным картам помогает преодолеть консервативную мораль, не обеспечивающую ни справедливости, ни эффективности, и перейти к более утилитарной морали, не позволяющей правительствам считать себя властителями мира, а просто управлять его отдельными частями, встроенными в глобальную сеть цивилизации.

Цена создания нового мирового порядка исчисляется сотнями триллионов долларов, и его преимущества оцениваются в меньшую сумму — по крайней мере те, что можно выразить в денежных

единицах. Это и есть формирующийся глобальный общественный контракт. Если мы сумеем распределить, а возможно, и уменьшить затраты, чтобы мобилизовать производительный потенциал миллиардов страдающих от безработицы и безразличия людей, то сможем совместно воспользоваться благами значительно более богатого глобального общества. Пока еще нет единого мнения относительно того, какое именно общество мы хотим построить, хотя мы и ускоряем его строительство, поэтому мы должны определить это и составить план.

Связанность также разожгла когнитивную революцию, благодаря которой мы стали рассматривать глобальность как новое основополагающее условие: глобальный аспект есть во всем. Ни восточные, ни западные идеи нельзя считать доминирующими, но крупницы мудрости можно найти везде — в западном туннельном видении и восточном холизме, в гуманизме и научном материализме, в демократии и технократии. Как утверждает канадский социолог Дэниел Белл из университета Цинхуа, *гармония* — жизнеспособная концепция, объединяющая Восток и Запад, поскольку, согласно конфуцианству, она достигается только в условиях мира и признания разнообразия в общественных отношениях. Она отнюдь не основывается на единообразии, как принято считать. Выбор, казалось бы, такой «восточной» концепции, как гармония, для разработки новых стандартов вряд ли сыграет на руку Азии: высокий индекс гармонии характерен для небольших западных стран, таких как Швеция, Норвегия, Швейцария, а также Новая Зеландия. Новая глобальная культура развивается по мере того, как два глобальных языка, английский и программный код, еще прочнее связывают мир посредством программного обеспечения и коммуникаций в режиме реального времени.

САМОСТОЯТЕЛЬНО ФУНКЦИОНИРУЮЩИЕ СЕТИ

Мы строим глобальное общество без глобального лидера. Глобальный порядок больше не является тем, что можно навязать или контролировать сверху вниз. Глобализация сама по себе — мировой порядок. Сила контроля сделала полный виток вокруг света в прошлом тысячелетии, начиная с поздней династии Сун, затем тюрко-монгольской империи, арабских халифатов, колониальных империй Европы и супердержавы в лице США. Но с тех пор как *Pax Americana*

заменила *Pax Britannica* — и США стали мировым полицейским и кредитором последней инстанции для последних двух поколений; *Pax Sinica* вряд ли последовательно вытеснит США. Шумиха последних десятилетий по поводу того, что Восток обгоняет Запад, Китай вытесняет США, а Тихий океан заменяет по значимости Атлантический, уступает место многополярному и мультицивилизационному миру, в котором континенты и регионы углубляют взаимную интеграцию, одновременно расширяя глобальные связи. Латиноамериканцы, африканцы, арабы, индийцы и азиаты хотят налаживать многообразные связи и торговать во всех направлениях, а не подчиняться американскому или китайскому диктату. Им выгоднее иметь дело с несколькими конкурирующими супердержавами, чем получать односторонние предписания от единственного центра силы. Все они убеждены (и совершенно правильно), что связанность, а не гегемония — путь к глобальной стабильности. Спрос и предложение будут определять формы взаимодействия регионов и держав. Если США предлагают военную помощь и технологии, Китай предоставляет инфраструктуру и экспортные рынки, Европа посылает гуманитарную помощь и консультантов по управлению, а корпоративные цепи поставок поддерживают связи между регионами, то у такой геополитики максимум шансов на успех.

Исторически модели мирового порядка основывались на сферах влияния, сегодня устойчивое глобальное общество должно базироваться на взаимодействии цивилизаций. Такую сбалансированную систему китайский ученый Чжан Вэйвэй описывает как симметричную, а не иерархическую, в которой поддержание стабильности требует самоограничения и взаимного доверия между странами. Именно эти преимущества обеспечили в XIX веке победу Священному союзу европейских стран после наполеоновских войн. Сейчас, как и два столетия назад, между сверхдержавами установилось некое взаимопонимание, и этим нужно воспользоваться, чтобы выработать модель дальнейшего сосуществования. США и Китай, по словам Генри Киссинджера, «...будут эволюционировать параллельно», но в глобальном контексте добьются в этом большего успеха, чем по отдельности. Однако на примеры из прошлого полностью полагаться не стоит. Ни Венский конгресс 1814 года, ни Версальский договор 1919 года, ни Лига Наций не являются лучшим

руководством на будущее, поскольку если бы это было так, то ни Первой, ни Второй мировых войн не было бы.

Чтобы история не повторялась, не нужно ждать событий, которые стимулируют появление новой парадигмы глобальной стратегической мысли. Скорее, нам нужна стратегия, чтобы нежелательных событий избежать. Если «ловушка Фукидида» — конфронтация между доминирующими и наращивающими влияние державами — подогревается опасной смесью страха и гордости, то устранение эмоций из этого уравнения имеет решающее значение для изменения характера конкуренции мировых сил. Регионализм и сотрудничество становятся важнейшими барьерами на пути эскалации напряженности. Развитие глобализации — единственное противоядие от логики конкурентов-супердержав, позволяющее заменить войны перетягиванием каната. Когда мир становится безопаснее для цепей поставок, он становится безопаснее и для всех его обитателей.

Нам нужен взаимосвязанный мир, а не геополитическая иерархия, поскольку мы не можем знать, какая участь ждет ту или иную страну или регион в ближайшие десять лет. США могут стать менее интервенционистскими по мере использования своих энергетических ресурсов для модернизации и инвестиций в своем полушарии. Европа может страдать от политического застоя и изолированности в результате проблем в экономике. Азию могут одолевать стратегические конкуренты, стремящиеся замедлить ее впечатляющий рост.

Америка будет оставаться сверхдержавой в течение десятилетий благодаря географическим размерам, численности населения, масштабам экономики и благословенно обильным природным ресурсам. Вектор развития страны приведет к выработке достаточного количества электроэнергии, что обусловит рост промышленного производства, который обеспечит увеличение объемов экспорта; все это будет способствовать финансовому оздоровлению за счет увеличения кредитования, модернизации инфраструктуры, инвестиций в транспортную отрасль и цифровую связь. Необходим также новый социальный контракт с акцентом на качестве образования и медицинского обслуживания. В этом будущем растет социальная мобильность, темпы внедрения инноваций, а ваши звонки с мобильного телефона не обрываются каждые пять минут.

Но существует и негативный сценарий, в котором прогресс наблюдается только в отдельных местах вроде Кремниевой долины, энергетический бум приносит пользу только отраслям, но не рядовым американцам. Вашингтон не инвестирует в государственную инфраструктуру и не перераспределяет корпоративные налоги, а малооплачиваемые иммигранты вливаются в низшие слои общества, обслуживающие стареющее население и один процент богатейших людей. США все больше напоминают совокупность отдельных индивидуумов, а не объединенную цивилизацию.

Безусловно, реальный сценарий будет сочетать элементы обоих вышеописанных сценариев: политика Вашингтона будет неоднозначной, налоговое бремя усилится из-за роста расходов на социальные выплаты; иммиграционные процессы будут нарастать по мере старения населения и его потребности в уходе; технологический прогресс достигнет невиданных высот; неравенство углубится, а децентрализация будет прогрессировать.

Одни и те же тенденции проявляются повсеместно. В условиях, когда волна децентрализации накрыла планету и государства сосредоточились на самосохранении, глобальная солидарность, скорее всего, сформируется на основе объединяющих цепей поставок, а не маловразумительных договоров между разделенными государствами. Национальные общества никогда не проникнутся взаимной эмпатией, необходимой для установления глобального мира, пока на наших картах и в версиях изложения событий не будет подчеркнута их взаимосвязь, невзирая на политические и географические границы. Даже часто упоминаемый идеал содружества наций Иммануила Канта не актуален в современном мире. Кант усматривал в юридически оформленной федерации республик способ достичь устойчивого мира, но в нынешнем сложном мире есть много форм существования обществ. Моральная философия Канта, где человек рассматривался как самоцель, в некоторой степени противоречила его политическим взглядам. Эмиль Дюркгейм хотя и находился под влиянием Канта, но лучше выразил идею о том, что сущность глобального общества — нечто большее, чем сумма его частей. Дюркгейм считал, что углубляющееся разделение труда приводит к функциональной взаимозависимости и, следовательно, к естественному социальному единству, в котором уникальность человека следует холить и лелеять.

«Динамическая плотность» Дюркгейма растет по мере того, как глобализация устанавливает больше контактов, основанных на теории сравнительных преимуществ. Таким образом, глобальное разделение труда приносит пользу всем за счет создания рабочих мест в бедных странах, снижения цен — в богатых и расширения возможностей выбора для всех. Наступила новая эра плюралистического взаимодействия.

Если, как сказал Эйнштейн, мы не можем решить проблему, повторяя действия, приведшие к ее возникновению, то решение проблем мира национальных государств требует умения мыслить, выйдя за его пределы. Поэтому критерий приверженности идеям связанности состоит не в лояльности институтам, сформировавшимся после Второй мировой войны, а в стремлении удовлетворить потребности населения планеты. Глобальное управление должно иметь такую регенеративную структуру, как интернет: распределенная координация действий при отсутствии центрального контроля и взаимность между растущим количеством пользователей сети. Некоторые считают энтропию и реконфигурацию более серьезным фактором риска для глобальной стабильности, чем многополярную конкуренцию, не понимая, что связанность означает сплоченность под маской хаоса. Именно она не дает миру «распасться на части» в тот момент, когда комментаторы кричат, что это уже происходит.

ПОСТРОЕНИЕ МИРА БЕЗ ГРАНИЦ

Даже конкурентная стратегия способствует стабилизации мирового порядка. Инвестируя в совместные с соседями объекты инфраструктуры, США, Европа и Китай углубляют региональную интеграцию и глобальную связанность и в итоге, возможно непреднамеренно, содействуют укреплению коллективной устойчивости. Потребность в нефти заставляла фашистскую Германию продвигаться на Ближний Восток, а японцев — в Малайю, у нас же сегодня изобилие, а не дефицит энергетических ресурсов — не столько «пик добычи нефти», сколько «избыток газа». Более десяти лет европейцы опасались, что Китай закроет доступ к своим природным ресурсам, подобно европейским империям XIX и XX века. Но оказалось, что огромные инвестиции Китая в рост добычи природных ресурсов в Латинской Америке и Африке привели к увеличению их предложения (порой даже избыточного, обусловившего падение цен на

некоторые товары, поскольку внутренний спрос Китая на них сократился) на мировом рынке. По мере строительства нового класса нефтеперерабатывающих заводов, производящих полный спектр продуктов переработки нефти, ее поставки становятся взаимозаменяемыми: в случае проблем с одним источником его можно быстро заменить другим. Благодаря новейшим открытиям и технологиям цену на энергоресурсы теперь определяют спрос и предложение, а не картели.

В долгосрочной перспективе конкуренция за подключенность *снижает* наш коллективный риск. Наличие широких возможностей поставок ресурсов уменьшает опасения правительств лишиться доступа к ценному сырью, а значит, и устраняет повод за них бороться. Больше нет предпосылок для «войн за ресурсы».

Стремление к стратегической связанности способствует согласованию спроса и предложения на имеющиеся в изобилии ресурсы в мировом масштабе. Вспомним о гонке за создание новых торговых путей и транзитных портов. Хотя с тактической точки зрения это игра с нулевой суммой, на самом деле открытие Арктики для круглогодичной навигации в совокупности со строительством трансъевразийской грузовой железнодорожной сети гарантирует, что внезапное закрытие Суэцкого канала из-за террористической атаки или регионального конфликта существенно не повлияет на функционирование мировой транспортной системы. То же справедливо для интернет-кабелей: сейчас за год происходит примерно двадцать обрывов, как в результате целенаправленных диверсий, так и непреднамеренных действий подводных лодок и случайного сброса корабельных якорей. Поэтому укладка новых кабелей гарантирует бесперебойность постоянно растущего трафика данных. Распределенная подключенность позволяет избежать любых сбоев.

При разумной инвестиционной политике девять миллиардов жителей планеты к 2050 году более равномерно расселятся по территории обоих полушарий и одновременно станут более мобильными и приспособленными к капризам природы. В ближайшие десятилетия многим странам, возможно, придется построить новые города в глубине континентов для переселения населения в случае затопления побережья в результате повышения уровня моря. Извержения вулканов и электромагнитные бури могут привести

к отмене полетов и появлению рейсов высокоскоростных судов на воздушной подушке через Атлантический и Индийский океаны. Безусловно, такие инвестиции окупятся не сразу, но будут поистине бесценны, когда придет время. Экономисты могли бы назвать это «избыточной мощностью», но в нашем непредсказуемом мире это всего лишь здравый смысл.

Планетарная цивилизация прибрежных мегаполисов должна быть заинтересована в непрерывности цепей поставок, а не в имперской гегемонии. Торговые города предпочитают береговую охрану и антитеррористические мероприятия иностранной оккупации и ядерному оружию. Они хотят сотрудничать со множеством партнеров, а не с одним всемогущим Левиафаном. Мир открытой многообразной культуры, как, например, в Занзибаре и Омане, Венеции и Сингапуре, будет более мирным, чем мир оруэлловских мегаимперий. И мы должны его построить — новый мир *Pax Urbanica*.

На каждой последующей карте будущего будет нанесено все больше связей и все меньше границ. И это естественная реакция на реалии нашего времени: при жизни последних двух поколений в мире не произошло ни одного глобального конфликта, а рост напряженности умело контролируется и смягчается за счет роста объемов торговли и инвестиций во всем мире. Мы прилагаем огромные усилия, чтобы оценить активность внутри государственных границ; настало время приложить усилия для оценки преимуществ взаимосвязей.

Сегодня нет ничего важнее перехода от мира национальных границ к миру потоков и преодолению барьеров. Нам нужен мир без границ, потому что мы не можем себе позволить разрушительный территориальный конфликт, поскольку достижение баланса между численностью населения и количеством ресурсов мобилизует невиданный человеческий и экономический потенциал. Увы, пока лишь немногие страны способны предложить своим гражданам достаточную социальную поддержку, а миллиардам человек еще только предстоит ощутить все преимущества глобализации. Границы не противоядие от риска и неопределенности, а вот рост количества связей — да. И если мы хотим воспользоваться преимуществами мира без границ, сначала мы должны его построить, ведь на кону стоит наша судьба!

РЕКОМЕНДОВАННЫЕ САЙТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

AJD GEOSPATIAL CONCEPTS

<http://gisconsultingservices.com/>

AJD Geospatial Concepts специализируется на сборе, анализе и картографировании географических данных для городского и регионального планирования; управления коммунальными службами, экологией, инфраструктурой и транспортом; делового и политического анализа, трехмерного топографического анализа и анализа паводков.

ARCGIS

<https://www.arcgis.com/features/>

ArcGIS — картографическая платформа, объединяющая как общедоступные, так и самостоятельно собранные данные для составления карт и панелей управления для организаций, чтобы анализировать сайты и маршруты, оптимизировать и прогнозировать трафик и другие модели.

АТЛАС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ

<https://atlas.media.mit.edu/atlas/>

«Атлас экономической сложности» измеряет количество стран, обладающих производственными знаниями, исходя из выпускаемых и обмениваемых ими продуктов. Это позволяет пользователям создавать визуальное представление о прогрессе страны и повышении экономической сложности, являющейся ключевым показателем потенциала экономического роста, качества управления, уровня образования и прочих факторов.

CAGE COMPARATOR

<http://www.ghemawat.com/cage>

Дистанционная система CAGE используется для оценки международных и межрегиональных моделей потоков товаров, капитала, информации и трудовых ресурсов. Это помогает пользователям понять роль различий с точки зрения географии, экономики, администрации и культуры.

УГЛЕРОДНАЯ КАРТА

<http://www.carbonmap.org/>

Углеродная карта совмещает тематические наборы данных с основными географическими слоями, чтобы в интерактивном режиме

анимировать, деформировать и затенять регионы в зависимости от их вклада или чувствительности к климатическим изменениям.

ЦЕНТР ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ ГАРВАРДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

<http://worldmap.harvard.edu>

Программное обеспечение WorldMap, разработанное и размещенное в интернете Центром географического анализа при Гарвардском университете, позволяет составлять пользовательские веб-карты, а также легко выбирать и загружать картографическую информацию из различных открытых источников для создания пользовательских карт.

CHRONOATLAS

<http://www.chronoatlas.com/MapView.aspx>

ChronoAtlas — бесплатная интерактивная историческая программа, позволяющая пользователям просматривать политические границы и границы городов в любой момент в истории по всему миру.

КАЛЬКУЛЯТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ МОРЯ В ПРИБРЕЖНЫХ РАЙОНАХ

<http://ngm.nationalgeographic.com/2013/09/rising-seas/if-ice-melted-map>

Интерактивная карта National Geographic корректирует береговые линии для всех континентов на основе различных сценариев повышения уровня моря до более чем 50 метров (при условии полного таяния ледникового покрова на обоих полюсах), изображая новые береговые линии и затопленные прибрежные районы.

ESRI

<http://storymaps.arcgis.com/en/>

Приложения «Карты историй» помогут вам создать тематические визуализированные истории, например, о том, как активная миграция в города породила мир мегаполисов.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ESRI

<http://mappingcenter.esri.com/index.cfm?fa=resources.cartoFavorites>

Картографический центр ESRI предоставляет доступ к различным ресурсам, регулярно используемым профессиональными составителями карт и картографами, что позволяет создавать карты с использованием ArcGIS.

FIRST MILE GEO

<https://www.firstmilegeo.com/>

First Mile Geo — программное обеспечение для бизнес-аналитики, позволяющее собирать, визуализировать и отслеживать данные, полученные онлайн или в автономном режиме через мобильные телефоны, СМС, исследования или опросы. Карты, панели информации, индексы и оповещения можно создавать на нескольких языках.

FLEETMON

http://www.fleetmon.com/live_tracking/fleetmon_explorer

FleetMon — открытая база данных судов и портов по всему миру, использующая систему AIS в режиме реального времени для позиционирования данных о местонахождении и перемещении около 500 тысяч судов, что позволяет анализировать торговые маршруты и движение морского транспорта.

FLIGHT RADAR

<http://www.flightradar24.com>

Flight Radar 24 — это служба отслеживания маршрутов самолетов, позволяющая в режиме реального времени собирать данные о местонахождении тысяч авиалайнеров по всему миру.

GAPMINDER

<http://www.gapminder.org/>

Gapminder — неприбыльная организация, способствующая устойчивому глобальному развитию и реализации целей, зафиксированных в Декларации тысячелетия ООН, путем широкого распространения и понимания статистических данных и прочей информации о социальном, экономическом и экологическом развитии на местном, государственном и глобальном уровнях.

GATEWAY HOUSE

http://www.gatewayhouse.in/corridor_maps/corridorMaps/index.html

Проект Gateway House по стратегическим коридорам Азии разрабатывает динамические карты инфраструктуры, энергетики, торговли и других связей в субрегионах Индийского океана, таких как Южная Азия, Центральная Азия, Западная Азия, Восточная Африка, Юго-Восточная и Восточная Азия.

GDELT

<http://www.gdeltproject.org/>

Проект GDELT — это глобальная база данных мировых новостей в интернете, печатных изданиях и радио на более чем ста языках, запущенная в 1979 году. Проект предусматривает идентификацию и кодирование людей, местоположений, тем, источников, эмоций, событий и предоставляет ежедневные обновления.

GEOFUSION

<http://www.geofusion.com/index.html>

GeoFusion интегрирует виртуальную реальность и методы трехмерной визуализации в свои движки GeoMatrix и GeoPlayer для создания визуализаций в реальном времени, используемых в таких отраслях, как авиация, оборона, исследование космоса, образование и развлечения.

GLOBAIA

<http://globaia.org>

Globaia, объединяя науку и искусство, разрабатывает и продвигает визуализации и анимации, чтобы повысить осведомленность общества о социальных и экологических проблемах.

АССОЦИАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДАННЫХ

<http://www.gsdi.org/SDILinks>

Ассоциация глобальной инфраструктуры пространственных данных содействует международному сотрудничеству, стимулирующему развитие глобальных, региональных и национальных инфраструктур пространственных данных.

ПЛАГИН GOOGLE EARTH

<https://www.google.com/earth/explore/products/plugin.html>

Программный модуль Google Earth — это бесплатная программа JavaScript API, которая позволяет пользователям встраивать ее в веб-страницы для просмотра географических данных на трехмерном глобусе, а также создавать сложные трехмерные картографические приложения.

МВФ. УПРАВЛЕНИЕ ТОРГОВОЙ СТАТИСТИКИ

<http://data.imf.org>

Управление торговой статистики МВФ представляет актуальные данные о товарном экспорте и импорте в разрезе по странам — основным торговым партнерам.

IMMERSION

<https://immersion.media.mit.edu/>

Программное обеспечение MIT's Immersion использует метаданные электронной почты для создания индивидуальной сетевой карты пользователя, отражающей его личные и профессиональные контакты.

БАЗЫ ДАННЫХ INSTAAR, УНИВЕРСИТЕТ КОЛОРАДО В БОУЛДЕРЕ

<http://instaar.colorado.edu/~jenkinsc/dbseabed/>

dbSEABED создает унифицированные подробные карты материалов, из которых состоит океанское дно, эффективно объединяя тысячи различных наборов данных.

MAP PROJECTIONS

<http://bl.ocks.org/mbostock/raw/3711652/>

Выпадающее меню на этом сайте позволяет прокручивать множество вариантов глобальных картографических проекций.

MAPS-OF-WAR

<http://www.mapsofwar.com/>

Проект Maps-of-War запущен, чтобы помочь людям понять общую картину истории, измеряемую столетиями. Здесь приведены анимированные видео об историческом развитии религии, демократии и ближневосточных империй.

MAPSTORY

www.MapStory.org

MapStory — платформа с очень дружелюбным интерфейсом, позволяющая любому пользователю создавать визуальные истории путем построения сюжетных слоев, которые можно растягивать в пространстве и времени и редактировать и расширять усилиями членов сообщества.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГОРОДА БУДУЩЕГО ОТ КОМПАНИИ MCKINSEY

<https://www.mckinsey.com/featured-insights/urbanization/global-cities-of-the-future-an-interactive-map>

Глобальные города будущего McKinsey — это интерактивная карта, позволяющая исследовать города и формирующиеся городские кластеры, которые приведут к резкому росту и демографическим изменениям в следующем поколении.

NASA GLOBAL CHANGE MASTER DIRECTORY

<http://gcmd.nasa.gov/>

Global Change Master Directory, разработанная NASA, содержит полный каталог всех баз данных о Земле и услуг, предлагаемых этой организацией.

НАЦИОНАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ГЕОПРОСТРАНСТВЕННОЙ РАЗВЕДКИ

<https://nga.maps.arcgis.com/home/>

Национальное агентство геопространственной разведки предоставляет открытый доступ к большим объемам спутниковых и других геоданных и изображений для поддержки научных исследований и операций по ликвидации последствий стихийных бедствий и кризисного менеджмента.

КАРТА КИБЕРАТАК КОМПАНИИ NORSE

<http://map.norsecorp.com/>

Компания NORSE занимается анализом киберугроз и предоставляет визуализацию глобальной кибервойны в режиме реального времени, основанную на данных, ежесекундно собираемых в интернете и Dark Web, а также схемы атак, атакующие силы и цели атак.

OPENSTREETMAP

<https://www.openstreetmap.org/>

OpenStreetMap — краудсорсинговая, поддерживаемая сообществом пользователей картографическая платформа, которая постоянно обновляет данные о транспортных сетях, местонахождении складских помещений и множество другого контента, сгенерированного и проверенного с помощью аэрофотосъемки, GPS-устройств и других инструментов.

PLANET LABS

<https://www.planet.com/>

Planet Labs использует сеть низкоорбитальных спутников для получения новейших снимков поверхности Земли и формирования цифровых изображений для использования в коммерческих и гуманитарных целях.

SOURCEMAP

<http://www.sourcemap.com/>

Sourcemap предлагает сквозную видимость цепей поставок — от сырья до конечных потребителей, — позволяя визуализировать

риски, подсчитывать затраты и планировать меры по обеспечению устойчивости.

VISUAL LITERACY

http://www.visual-literacy.org/periodic_table/periodic_table.html

Систематизированная таблица методов визуализации предлагает инструктивную инфографику, обобщающую десятки ключевых показателей и методов картографирования.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АНТРОПОЦЕН

<http://www.anthropocene.info>

Добро пожаловать в Антропоцен (Welcome to the Anthropocene) — это коллекция коротких видеоклипов о путешествиях во времени за последние 250 лет (после промышленной революции), отражающих влияние человека на планету.

WORLD BANK PUMA SPATIAL DATA SETS

<http://puma.worldbank.org/>

Платформа Всемирного банка PUMA, или платформа для городского управления и анализа, — это хранилище городских пространственных данных, а также картографический инструмент, позволяющий загружать базы данных для визуализации и анализа.

WORLDMAPPER

<http://www.worldmapper.org>

Worldmapper фильтрует количественные данные с помощью алгоритмов для создания уникальных картограмм, где территории перераспределяются в зависимости от предмета интереса: благосостояние, выбросы вредных веществ, доступ в интернет и другое.

WORLD MIGRATION

<http://www.pewglobal.org/2014/09/02/global-migrant-stocks/>

На интерактивной карте Исследовательского центра Pew отображены данные о миграции с учетом стран происхождения и назначения за 1990, 2000, 2010, 2013 и 2017 годы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Когда вы пишете книгу буквально обо всем, будет нелишне обратиться за помощью к людям, хорошо разбирающимся в своей области знаний. Я глубоко благодарен за время и силы, потраченные нижеперечисленными людьми и организациями на поддержку моих

исследований. С таким составом соавторов все неисправленные ошибки в книге остаются исключительно на моей совести.

Лекции и дискуссии в Школе государственной политики имени Ли Куан Ю Национального университета Сингапура стали важной проверкой моих идей, особенно беседы с деканами, преподавателями и исследователями, такими как Кишор Махбубани, Канти Баджпай, Цзин Хуан, Кеннет Пол Тан, Уилл Бейн, Хен Ю Куан, Дональд Лоу, Ора-Орн Пучарен, Рахул Сэгар, Джеффри Штраусман, Рубен Вонг и Ирвин Студин.

Сингапурский институт международных отношений стал центром оживленных и содержательных обсуждений. Хотелось бы поблагодарить его председателя Саймона Тея и исполнительного директора Николаса Фанга за лидерские качества и глубокие идеи, а также за возможность участвовать в мероприятиях проекта Future 5, в том числе в качестве ведущего.

Фонд «Новая Америка» стал моим домом вдали от дома с самого начала работы над трилогией в 2005 году. Я горжусь сотрудничеством с Вашингтонской группой ведущих стратегических аналитиков и признателен за ценные идеи и рекомендации Энн-Мари Слотер, Патрику Догерти, Барри Линну и Питу Сингеру.

Лондонская школа экономики (LSE) остается путеводной звездой инновационного образования в сфере геополитики. Я горжусь своей принадлежностью к ассоциации IDEAS в LSE, ныне ставшей частью расширившегося Института глобальных проблем, и с удовольствием вспоминаю о неспешных беседах с ведущими учеными и друзьями: Миком Коксом, Джорджем Лоусоном, Ивэром Нойманном, Дэнни Ква и Арни Вестадам.

Среди многочисленных исследователей, упомянутых мной в книге, хотелось бы выделить выдающуюся работу двух аспирантов Школы государственной политики имени Ли Куан Ю — Цайни Хун, проявившую редкую скромность и при этом удивительную сообразительность в процессе сбора и анализа данных; и Крис Хартли, чьи здоровые амбиции и креативность явно угадываются в прекрасных примечаниях, а также многочисленных печатных работах по экономической стратегии городов. От всего сердца благодарю за прекрасную исследовательскую работу, нередко проводившуюся в неурочное время для их часовых поясов, Омара аль Бараки, Петара

Койла, Ахмеда Эль-Хади, Фарзина Миршахи, Сорена Ниминена, Ванессу Квийрос, Дамини Рой, Малини Сен, Юлию Таранову, Эндрю Трабулси, Мариам Виссам, Шира Уоллнер, Инань Ван Ляо, Сонке Зиче.

Некоторые из наиболее выдающихся умов современности были моими интеллектуальными наставниками как во время работы над книгой, так и в целом в течение последних десяти и даже более лет. Возможно, не совсем корректно перечислять их всех в одном абзаце, но мое восхищение их блистательным умом и признательность за их дружбу безграничны. Это: Грэм Аллисон, Бенджамин Барбер, Эрик Бейнхокер, Дэниел Белл, Ян Бреммер, Энн Флорини, Том Фридман, Роберт Каплан, Пратап Мета, Панкай Мишра, Чарльз Пиртл, Карне Росс, Джон Рагги, Саския Сассен, Ричард Сеннет, Нассим Талеб и Скотт Малкомсон, редактировавший мои статьи в течение почти десяти лет и любезно согласившийся прочитать несколько глав этой книги.

Мои друзья не раз наблюдали ту тонкую грань, которая отделяла обычную дружескую беседу от напряженного спора, как правило, знаменуемую шелестом обложки моего блокнота. Помимо невинных жертв, случайно вовлеченных в наши баталии, я хотел бы отметить моих неизменных партнеров в продуктивных дискуссиях: Ози Аманата, Дэвида Андерсена, Скотта Энтони, Мэтта Армстронга, Алекса Бернарда, Нила Чодхури, Лауру Дил, Джона Фасмана, Говарда Френча, Джареда Гензера, Яна-Филиппа Герца, Джереми Гранта, Нисида Хаджари, Нильса Хартога, Себа Кемпфа, Гарага Хемку, Карана Хемку, Бернда Кольба, Марка Леонарда, Грега Линдсея, Шона Мартина, Энн Метлер, Чандрана Нэра, Мадху Нарасимхана, Прадипа Рамамурти, Абхиджнана Рея, Тома Сандерсона, Рану Саркара, Лютфи Сиддиджи, Дэвида Скиллинга, Ника Снайдера, Роберта Стила, Доржи Сана, Виджая Ватисварана, Кирка Вагара, Криса Вилсона, Арта Винтера, Яна Желенку и Тедди Жмрала. Особая благодарность моим компаньонам по горно-велосипедной команде Андресу Шевчуку из Сингапурского университета технологий и дизайна (сейчас работает в Высшей школе дизайна Гарвардского университета) и Брайану Мак-Аду из колледжа Йель — НУС — за идеи, заставлявшие меня останавливаться на горных тропах и писать.

Сценарии и комплексность исследования имеют критическое значение для этой книги, и я хочу поблагодарить ведущих экспертов

в данной области, поделившихся со мной своими знаниями: Мэта Берроуза, Джеффри Купера, Джейка Дунигана, Баннинга Гаррета, Ли Хоуэлл, Ун Е Кун, Хольгера Мея, Пола Саффо, Питера Шварца, Дэйва Сноудена и Криса Такера, попросившего меня помочь в подготовке монографии по географии человека Фонду геопространственной разведки США (USGIF) — совместно с Ли Шварцем и Робертом Томсом. Эксперты по глобализации риска Франсис Бушар, Линда Конрад, Том де Сваан, Тине Торсен, Кай Трумплер из компании Zurich Insurance поделились со мной результатами своих исследований.

На симпозиуме Q в Сиднейском университете мой друг Джеймс Дер Дариан снова пошатнул основы теории международных отношений, представив уникальное исследование о связи квантовой физики и мировой политики. Я очень признателен ему и другим участникам мероприятия, в частности Алисон Башфорд, Тому Бирстекеру, Джайрису Гроуву, Дункану Ивисону и Дэвиду Рейли.

Должен поблагодарить еще очень многих за уникальные знания различных аспектов нашего урбанизированного мира и развития процесса децентрализации: Микеле Акуто, Дэвида Адельмана, Криса Аркенберга, Сэма Эшера, Дениэла Брука, Мейраджа Фахима, Камрана Хана, Барбару Какс, Джейми Лернера, Эдди Малески, Ричи Пиипаринена, Фрэнсиса Писани, Лакшми Прейчери, Аарона Ренна, Пола Ромера, Санджива Саньяла, Артуро Сарухана, Томаса Севчика, Стивена Сима, Шанкера Сингхэма, Энтони Таунсенда и Милана Вайшнава. Искренняя благодарность Авнеру де-Шалиту из Еврейского университета Иерусалима и другим участникам семинара на тему «атмосфера городов» — Джереми Адельману, Жилю Кампаньоло, Катери Кармола и Сьюзан Кларк.

Спасибо нескольким десяткам чиновников, принимавших меня в «умных городах» и специальных экономических зонах Китая — от Эко-сити в Тяньцзине до Города знаний в Гуаньчжоу. Не меньшую благодарность выражаю менеджерам многих городских проектов на всех континентах, поделившимся со мной своими амбициозными планами. Ваши проекты пока не попали на карты, но, несомненно, там окажутся благодаря вашим неустанным усилиям. Спасибо Тони Рейнгарду и Линкольну Нг из Сингапурского порта за весьма познавательную экскурсию и содержательную беседу. На выставке

Smart City Expo 2014 в Барселоне я поблагодарил Уго Валенти, Альваро Николаса и Фолка Леча Моро. Было очень интересно узнать о внутренних механизмах функционирования Лондона и его глобальной стратегии развития из рассказов Марка Болата, Джайлса Френча, Аниты Нанди и Эндрю Нейлора. Большое спасибо Вики Цакланосу и Марии Дессипри из контейнерного терминала порта Пирея (Афины) за то, что поделились своим видением.

Мое участие в попечительском совете фонда «Новые города» (NCF) стало постоянным источником ценных идей относительно будущего городов. Я признателен Джону Россанту, Мэтью Лефевру и всей управленческой команде, а также моим коллегам из совета директоров Анил Менон, Дэниэлу Либскинду, Фахду Аль-Рашиду и многим компетентным ораторам и участникам саммитов NCF в Париже, Сан-Паулу, Далласе, Джакарте и форума Cityquest – КАЕС в Джидде.

Я опирался на опыт и знания многих экспертов из ведущих учреждений в области глобальных рынков и финансов, чтобы обосновать свои идеи и провести углубленный анализ современной экономики. Я хотел бы особо поблагодарить Ричарда Болдуина, Карсона Блока, Банти Бохру, Дага Кармайкла, Рави Чидамбарамы, Стива Дробни, Джерри Ильяса, Брукса Энтвистла, Криса Янга, Панкаджа Гемавата, Майка Грина, Виктора Хальберштадта, Чарльза Хасвелла, Саймона Хопкинса, Барри Джонсона, Эрика Джонса, Майка Клоудена, Паскаля Лами, Роберта Лоуренса, Адама Левинсона, Дэйва Линкольна, Антонио де Лоренцо, Тьерри Маллерета, Сару Меретт, Ильяна Михова, Брента Морганса, Тони Нэша, Криса Обероя, Адама Позена, Гэри Раджана, Миколаса Рамбуса, Дилипа Ратху, Разина Салли, Самира Шамси, Котаро Тамура, Арно Вентуру, Ричарда Ваддингтона и Эндрю Вона. Самая горячая благодарность Питеру Марберу за глубоко конструктивные, дельные советы и на удивление точные наблюдения и замечания, а также Нираджу Сету, чьи исчерпывающие знания о глобальных финансовых проблемах не помешали ему предлагать креативные решения и обсуждать их со мной.

Многие эксперты по технологиям и их масштабному влиянию, в том числе Скотт Борг, Тайлер Коуэн, Марк Гудмен, Джеймс Лоу, Дэниэл Расмус, Том Стэндидж, Питер Тил и Вивек Уодхва, высказали интересные прогрессивные идеи; своими мыслями также поделились

многочисленные новаторы и предприниматели в сфере информационных технологий. Благодарю Джеффа Джонаса, Дипанкара Сенгупту и Дональда Хансона из IBM; Энн Лавин, Джареда Коэна и Уилла Фицджеральда из Google; Шайлеша Рао, Алису Нокс и Питера Гринбергера из Twitter; Инглана Тана из Sequoia Capital; Джона Кима из Amasia; Тома Крэмптона из Ogilvy; Джеймса Чаня из Silicon Straits.

Сингапур невелик по размерам, зато велик по количеству идей и достижений. Слишком многих сингапурцев я хотел бы поблагодарить за ежедневное общение, на основе которого я описал многие ситуации и людей в этой книге. Хотелось бы особо подчеркнуть вклад топ-менеджеров Национального исследовательского фонда при администрации премьер-министра, а также Жаклин По и ее команды из Сингапурского управления по развитию ИКТ, Эндрю Тана из морской и портовой администрации, Ху Тен Чай и его команды из центра удобных для жизни городов, Филипа Ео и его коллег из Singbridge, Манохара Хиатани и Айвин Тан из Ascendas, Лим Сонг Гуань, Ло Вай Кон и других топ-менеджеров из GIC (в прошлом правление сингапурской инвестиционной компании), Петера Хо, Чань Хен Чи, Джорджа Ео, Бех Сван Гин, Винес Селлаканну, Аарона Маньяма, Ли Кор Фарн, Тан Ли-сан и организаторов мероприятий и дискуссий на Всемирном саммите городов, в Колледже государственной гражданской службы и Институте лидерства человеческого капитала. Я искренне признателен за насыщенное общение и вдумчивость многих сингапурцев, в том числе Ману Бхаскарана, Хо Сэн Чи, Викрама Ханну, Адама Рахмана, Манраджа Секхона, Тань Су Шаня и Судхира Вадакета.

В Швейцарии встречи на высоком уровне помогли мне понять суть ключевых национальных интересов. Я благодарен Андреасу Кирхшлигеру и Томасу Шмидхейни, а также Марку Диттли, Паскаль Инейчен, Урсу Шоттли, Тони Шоненбергу из фонда Stars.

В дополнение к десятку стран, которые я объехал в ходе написания предыдущих книг, в последние несколько лет я впервые посетил еще ряд стран: Нигерию, Мьянму, Северную Корею, Монголию, Эстонию, Финляндию и другие, в которых связанность проявляется весьма своеобразно. В Эстонии я хотел бы поблагодарить Марка Эрлиха, Таави Котка, Тарви Мартенса, Яана Приисалу, Сиима Сиккута и Линнара Виика за то, что сделали мой визит незабываемым; в Финляндии особая благодарность великому ученому-дипломату Альпо Руси, а также

Петри Хаккарайнену, Антти Каски и Тимо Раутаджоки. Гостеприимство Андреаса Хоффмана и его команды из программы *Pikene på Broen*, курирующей *Transborder Café*, сделало незабываемой мою поездку в Киркенес в Норвегии. Особая благодарность Его Королевскому Высочеству Хокону Мангусу и инвестиционному гуру Кнуту Кьяру из Осло.

За беседы о порядке и хаосе на Ближнем Востоке и в Африке особая признательность Лорен Арнольд, Нилу Чандария, Вималу Чандария, Нику Данфорту, Мартину Дэвису, Раджату Десаи, Катаюн Эгтедар, Зиаду Фаресу, Хассану Фаттаху, Лоуренсу Гру, Кивану Харрису, Язару Джаррару, Риаду Кахваджи, Теду Карасику, Пардису Махдави, Питеру Миддлбруку, Афшину Молави, Алексу Перри, Султану аль-Яссеми, Ноа Рафорду, Масуду Разаку, Кариму Саджадпуру, Нассеру Саиди, Исмаилу Сераджелдину, Тареку Шайя и Тарку Юсефу. Во время моей первой поездки в Иран на меня произвели огромное впечатление невероятная стойкость и гостеприимство Рузбеха Алиабади, Дэниэла Хазени-Рада, Рузбеха Пируза, Рамина Рабии, Рохоллаха Рахмани и Кируса Раззахи.

Авторы исследования компании McKinsey достойны похвалы за глубокое понимание ключевых проблем современности. Мне особенно приятно в этой связи поблагодарить Чинту Бхагат, Пенни Бурт, Диану Фаррелл, Эндрю Гранта, Рика Киркланда, Раджу Пиллаи, Фрезера Томпсона и Оливера Тонби за наши беседы за обедом, по Skype, на теннисном корте и даже во время прогулки в костюмах химзащиты на острове Джуронг.

Мировая геополитическая нестабильность требует тщательного анализа современных пограничных конфликтов, энергетических рынков, роли экономики и окружающей среды и других вопросов — именно эти темы мы обсуждали с Салимом Али, Алуфом Бенном, Линдой Батлер, Ранвиром Чауханом, Биллом Дерчем, Питером Игглстоном, Эспенем Бартом Эйде, Адамом Элликом, Китои Фитцджеральдой, Карлом Гантером, Беном Джудой, Срджаном Асаном Керимом, Канталой Лахири-Датт, Бернисом Ли, Джун Лин, Джеймсом Онгом, Картером Пейджем, Марко Папичем, Эшвином Паваном, Риком Понцио, Чин Цин Куек, Абхиджнаном Раем, Кевином Руддом, Рави Саджваном, Энриком Сала, Адамом Симински, Лоренсом Смитом,

Полом Смайком, Моной Сутхен, Хансом Вриенсом, Сергеем Яценко и Михаилом Зельдовичем.

Китай тоже требует постоянного обновления данных, и я признателен за беседы с экспертами в этой области: Бразом Баракухи, Хэ Фаном, Ваном Хунгву, Марком Харпером, Цзюнь Хэ, Бертом Хофманом, Бенджамином Хоффе, Эриком Ли, Леонардом Лиу, Пегги Лиу, Кевинном Лу, Робом Мак-Кормаком, Дауном Мак-Грегором, Сяоли Паном, Франческо Сиши и Деброй Тан.

Взаимосвязь инфраструктуры, цепей поставок и логистики стала основой моего исследования, поэтому идеи перечисленных ниже авторов можно найти на многих страницах книги. Это: Сара Агарвал, Видар Андерсен, Норм Андерсен, Суман Бери, Каран Бхатъя, Серджио Битар, Джейми де Бурбон де Парме, Хуан Чедиак, Ян Чипчейз, Мики ди Шеппер, Элейн Дезензки, Тьерри Драйанс, Каспер Эллербек, Джон Гатторна, Элисон Кеннеди, Томас Кнудсен, Мэри Кунтц, Джордж Кипрайос, Питер Лэйси, Аза Ларссон, Крис Логан, Николас де Луази, Патрик Лоу, Памела Мар, Билл Марин, Кэтлин Мэтьюс, Дженнифер Ньютон, Оливер Нидермайер, Андрес Пенья, Тони Профит, Джордан Шварц, Клара Шен, Бен Скиннер, Джим Снейб, Абель ван Ставерен, Ги Бун Тан и Алекс Вонг.

Работа над книгой упрочила мои связи со многими творческими и увлеченными членами картографического сообщества. Сотрудничество и длительное общение с Фрэнком Якобсом интенсифицировали мои размышления относительно дальнейшего развития событий. Рэй Дизон из MapStory предоставил ранние карты для изучения глобальных тенденций развития инфраструктуры, а Манджит Крипалани и Акшай Матур из Gateway House в Мумбаи дополнили мою коллекцию подробными экземплярами. При помощи Матиаса Холсманны из Gateway House эти разрозненные фрагменты были объединены в «Атлас связанности», разработанный в рамках проекта Development Seed. Джо Флэшер, Ян Шулер, Робин Толочко и множество увлеченно трудившихся сотрудников проекта заслужили огромную признательность за упорядочение и визуализацию колоссальной коллекции геоданных, которые теперь доступны всем желающим в любом уголке земного шара. Я в неоплатном долгу перед всеми ними, поскольку они создали нечто слишком динамичное для того, чтобы полностью быть описанным в рамках этой книги.

Мой картографический мозговой центр возглавляли Джефф Блоссом из Гарвардского центра географического анализа, Таня Букингэм и очень талантливые члены ее команды — Клэр Трейнор и Дилан Мориарти из Картографической лаборатории при университете штата Висконсин, а также Мона Хаммами из Королевского суда в Абу-Даби. Все они настоящие современные маги картографии.

Спасибо тем, кто анонимно делился идеями в ходе моих исследований и интервью, а также всем тем, кого я непредумышленно не упомянул. Ваши щедро потраченные на меня время и идеи стали бесценным вкладом в эту книгу: еще раз благодарю вас всех.

Пора вспомнить и о тех, кто был со мной с самого начала моих странствий. Уилл Мерфи, мой редактор в издательстве Penguin Random House, первым рассмотрел мою идею о написании первой книги десять лет назад. С тех пор он не раз виртуозно упорядочивал мои черновики. Я также благодарен команде менеджеров PRH за профессиональное отношение к книге: издателю Джине Сентрелло, ответственному редактору Сьюзан Камил, старшему вице-президенту и издателю Тому Перри, директору по субсидиарным авторским правам Дениз Кронин и директору по международным продажам Сайрусу Херади, а также всем их замечательным коллегам. Хотелось бы также поблагодарить помощника редактора Мику Касуга за ее темперамент и здравые идеи по поводу этой книги; Барбару Бачман и ее команду дизайнеров за разработку сложных наглядных материалов; Теда Аллена и его команду за внимательную правку и редактирование рукописи; а также моего неизменно серьезного специалиста по рекламе Грега Кьюби, всегда держащего руку на пульсе. Не могу выразить словами признательность моему агенту Дженнифер Джоэл из ICM за многолетнюю дружескую поддержку и консультации.

Независимо от того, насколько амбициозен проект, он может быть реализован только тогда, когда семья становится виртуальным мозговым центром. Мои родители Сушил и Мангула Ханна, а также родители моей жены Джавед и Зарине Малик делились со мной жизненным опытом, с готовностью обсуждая многие вопросы, имевшие отношение к книге. Как и мой брат Гаурав, который благодаря своей докторской степени по физике прекрасно разобрался во многих сложных вопросах. Моя жена Аиша специализируется на городских технологиях, и ее опыт тоже пригодился в работе над книгой. Наше

молодое поколение Зара и Зубин — команда «юных Ханна» — превратили мой труд в увлекательнейшее приключение с первой до последней страницы. Они уже составляют собственные карты!

БИБЛИОГРАФИЯ

Acemoglu, Daron, and James Robinson. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Crown Business, 2013.

Acuto, Michele. *Building Global Cities*. Oxford Programme for the Future of Cities, 2013.

Adler-Nissen, Rebecca. *Opting out of the European Union*. Cambridge University Press, 2015.

Aerts, C.J.H., et al. “Evaluating Flood Resilience Strategies for Coastal Megacities.” *Science*, May 22, 2014, 473–75.

Alesina, Alberto, and Byrony Reich. “Nation-Building.” National Bureau of Economic Research working paper 18839, Feb. 2013.

Alesina, Alberto, and Enrico Spolaore. *The Size of Nations*. MIT Press, 2003. Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Rev. ed. Verso, 2006.

Anderson, David M. *Leveraging: A Political, Economic, and Societal Framework*. Springer, 2014.

Anderson, James E., and Douglas Marcouiller. “Insecurity and the Pattern of Trade: An Empirical Investigation.” NBER working paper 7000, Aug, 2000.

Angel, Schlomo. *Planet of Cities*. Lincoln Institute of Land Policy, 2012.

Angel, Schlomo, Jason Parent, Daniel L. Civico, and Alejandro M. Blei. *Atlas of Urban Expansion*. Lincoln Institute of Land Policy, 2012.

Antholis, William. *Inside Out, India and China: Local Politics Go Global*. Brookings Institution Press, 2013.

Anthony, David W. *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton University Press, 2007.

Antweiler, Werner, Brian R. Copeland, and M. Scott Taylor. “Is Free Trade Good for the Environment?” *American Economic Review* 91, no. 4 (2001): 877–908.

Araya, Daniel, and Peter Marber. *Higher Education in the Global Age: Policy, Practice, and Promise in Emerging Societies*. Routledge, 2013.

Arrighi, Giovanni. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. Verso, 1994.

Arthur, W. Brian. *Complexity Economics: A Different Framework for Economic Thought*. Santa Fe Institute Working Paper, 2013-04-012.

Atkinson, Robert. *Understanding and Maximizing America's Evolutionary Economy*. ITIF, 2014.

Axelrod, Robert, and Michael D. Cohen. *Harnessing Complexity: Organizational Implications of a Scientific Frontier*. Basic Books, 2001.

Backaler, Joel. *China Goes West: The Coming Rise of Chinese Brands*. Palgrave Macmillan, 2014.

Bader, Christine. *The Evolution of a Corporate Idealist: When Girl Meets Oil*. Bibliomotion, 2014.

Baily, Martin Neil, and Douglas J. Elliott. "The Role of Finance in the Economy: Implications for Structural Reform of the Financial Sector." Brookings Institution, July 11, 2013.

Ball, Philip. *Why Society Is a Complex Matter: Meeting Twenty-First Century Challenges with a New Kind of Science*. Springer, 2012.

Banerjee, Abhijit, and Esther Dufflo. *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. PublicAffairs, 2012.

Barber, Benjamin R. *If Mayors Ruled the World: Dysfunctional Nations, Rising Cities*. Yale University Press, 2013.

Barford, Anna, Daniel Dorling, and Mark Newman, eds. *The Atlas of the Real World: Mapping the Way We Live*. Rev. ed. Thames & Hudson, 2010.

Barnett, Thomas P. M. *The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty First Century*. Berkley Trade, 2005.

Bar-Yam, Y. "Complexity Rising: From Human Beings to Human Civilization." In *Encyclopedia of Life Support Systems*. UNESCO, 2002.

Batchelor, Robert K. *London: The Selden Map and the Making of a Global City, 1549–1689*. University of Chicago Press, 2014.

Bauwens, Michel. *Political Economy of Peer Production*. Ctheory, 2005. <http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=499>.

Beiser, Vince. "The Deadly Global War for Sand." *Wired*, Apr. 2015.

Bell, Daniel A., and Avner de-Shalit. *The Spirit of Cities: Why the Identity of a City Matters in a Global Age*. Princeton University Press, 2013.

Bell, Daniel A., and Yingchuan Mo. "Harmony in the World 2013: The Ideal and the Reality." *Social Indicators Research*, Sept. 2013.

Ben-Atar, Doron S. *Trade Secrets: Intellectual Piracy and the Origins of American Industrial Power*. Yale University Press, 2004.

Benkler, Yochai. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. Yale University Press, 2007.

Benner, Chris, and Manuel Pastor. "Buddy, Can You Spare Some Time? Social Inclusion and Sustained Prosperity in America's Metropolitan Regions." Working Paper, MacArthur Foundation Network on Building Resilient Regions, May 31, 2013.

Bennett, Lance "Logic of Connective Action." *Information, Communication, and Society* 15, no. 5 (2012).

Berggruen, Nicolas, and Nathan Gardels. *Intelligent Governance for the 21st Century: A Middle Way Between West and East*. Polity, 2012.

Berman, Ilan. *Implosion: The End of Russia and What It Means for America*. Regnery, 2013.

Bezerra, Julio, et al. *The Mobile Revolution: How Mobile Technologies Drive a Trillion-Dollar Impact*. Boston Consulting Group, Jan. 2015.

Bhide, Amar. *The Venturesome Economy: How Innovation Sustains Prosperity in a More Connected World*. Princeton University Press, 2010.

Bilakovics, Steven. *Democracy Without Politics*. Harvard University Press, 2012.

Bilmes, Linda, and Joseph E. Stiglitz. *The Three Trillion Dollar War: The True Cost of the Iraq Conflict*. W. W. Norton, 2008.

Blum, Andrew. *Tubes: A Journey to the Center of the Internet*. Ecco, 2013.

Blyth, Mark. *Austerity: History of a Dangerous Idea*. Oxford University Press, 2013. Bobbitt, Philip. *The Shield of Achilles: War, Peace, and the Course of History*. Anchor, 2003.

Bodie, Zvi, Alex Kane, and Alan J. Marcus. *Investments and Portfolio Management*. McGraw-Hill/Irwin, 2011.

Bousquet, Antoine, and Simon Curtis. "Beyond Models and Metaphors: Complexity Theory, Systems Thinking, and International Relations." *Cambridge Review of International Affairs* 24, no. 1 (2011): 43–62.

Boschma, Ron, and Ron Martin. "The Aims and Scope of Evolutionary Economic Geography." Utrecht University (Jan. 2010).

Boyd, Danah. *It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens*. Yale University Press, 2014.

Braithwaite, John. *Regulatory Capitalism: How It Works, Ideas for Making It Work Better*. Edward Elgar, 2008.

Brands, Hal. *What Good Is Grand Strategy? Power and Purpose in American Statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush*. Cornell University Press, 2014.

Bratton, Benjamin. *The Stack: On Software and Sovereignty*. MIT Press, 2013.

Brautigam, Deborah. *The Dragon's Gift*. Oxford University Press, 2011.

Breiding, R. James. *Swiss Made: The Untold Story Behind Switzerland's Success*. Profile Books, 2013.

Bremmer, Ian. *Superpower: Three Choices for America*. Portfolio, 2015.

Brenner, Neil, ed. *Implosions/Explosions: Towards a Study of Planetary Urbanization*. Jovis, 2014.

Brenton, Paul, and Gözde Isik, eds. *De-fragmenting Africa: Deepening Regional Trade Integration in Goods and Services*. World Bank, 2012.

Brook, Daniel. *A History of Future Cities*. W. W. Norton, 2014.

Brooks, Rosa. "Failed States, or State as Failure." *University of Chicago Law Review* (Fall 2005).

Brotton, Jerry. *A History of the World in 12 Maps*. Viking, 2013.

Brown, Donald. *Human Universals*. McGraw-Hill Humanities, 1991.

Brynjolfsson, Erik, and Andrew McAfee. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. W. W. Norton, 2014.

Buckley, F. H. *The Once and Future King: The Rise of Crown Government in America*. Encounter Books, 2014.

Burrows, Matthew. *The Future Declassified: Megatrends That Will Undo the World Unless We Take Action*. Palgrave Macmillan Trade, 2014.

Busch, Gary K. *Free for All: The Post-Soviet Transition of Russia*. Virtualbookworm.com, 2010.

Buzan, Barry. *From International to World Society?* Cambridge University Press, 2004.

Buzan, Barry, and Little, Richard. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford University Press, 2000.

Callahan, William A. *Contingent States: Greater China and Transnational Relations*. Minnesota University Press, 2004.

Castells, Manuel. *The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development*. Wiley-Blackwell, 1992.

Castells, Manuel. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford University Press, 2001.

Castells, Manuel. *The Rise of the Network Society*. Blackwell, 1996.

Castells, Manuel, and Peter Hall. *Technopoles of the World: The Making of 21st Century Industrial Complexes*. Routledge, 1994.

Castells, Manuel, and Pekka Himanen, eds. *Reconceptualizing Development in the Global Information Age*. Oxford University Press, 2014.

Cha, Victor. *The Impossible State: North Korea, Past and Future*. Ecco, 2013.

Chandra, Kanchan. *Elections as Auctions*. www.india-seminar.com.

Chang, Ha-Joon. *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. Anthem Press, 2002.

Chase-Dunn, Christopher K., and Thomas D. Hall. *Rise and Demise*. Westview Press, 1997.

Chayes, Sarah. *Thieves of State: Why Corruption Threatens Global Security*. W. W. Norton, 2015.

Cheah, Pheng, and Bruce Robbins, eds. *Cosmopolitics: Thinking and Feeling Beyond the Nation*. Minnesota University Press, 1998.

Chellaney, Brahma. *Water, Peace, and War: Confronting the Global Water Crisis*. Rowman & Littlefield, 2013.

Chetty, Raj, Nathaniel Hendren, Patrick Kline, and Emmanuel Saez. "Where Is the Land of Opportunity? The Geography of Intergenerational Mobility in the United States." NBER Working Paper 19843, Jan. 2014.

Chief of Staff of the Army's Strategic Studies Group. "A Proposed Framework for Appreciating Megacities: A US Army Perspective." *Small Wars Journal* (April 2014).

Chinese Military Science Academy. *History of the War to Resist America and Aid Korea*. Military Science Academy, 2000.

Choate, Pat, and Susan Walter. *America in Ruins: The Decaying Infrastructure*. Duke University Press, 1983.

Choudhry, Sujit, and Nathan Hume. "Federalism, Secession, and Devolution: From Classical to Post-conflict Federalism." In *Research Handbook on Comparative Constitutional Law*. Edward Elgar, 2013.

Christian, David. *Maps of Time: An Introduction to Big History*. University of California Press, 2011.

Chung, J. H. *Changing Central-Local Relations in China: Reform and State Capacity*. Cambridge University Press, 1995.

Clad, James, Sean M. McDonald, and Bruce Vaughn, eds. *The Borderlands of Southeast Asia: Geopolitics, Terrorism, and Globalization*. National Defense University, 2011.

Clark, Christopher. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. Harper Perennial, 2014.

Clemens, Michael. "Economics and Emigration: Trillion-Dollar Bills on the Sidewalk?" *Journal of Economic Perspectives* 25, no. 3 (2011): 83–106.

Clunan, Anne, and Harold Trinkunas. *Ungoverned Spaces: Alternatives to State Authority in an Era of Softened Sovereignty*. Stanford Security Studies, 2010. Cohen, Isabelle, et al. *The Economic Impact and Financing of Infrastructure*

Spending. Thomas Jefferson Program in Public Policy, College of William and Mary, 2012.

Coker, Christopher. *Can War Be Eliminated?* Polity, 2014.

Coker, Christopher. *The Improbable War: China, the United States, and the Logic of Great Power Conflict*. Oxford University Press, 2015.

Coleman, Isobel, and Terra Lawson-Remer. *Pathways to Freedom: Political and Economic Lessons from Democratic Transitions*. Council on Foreign Relations Press, 2013.

Coll, Steve. *Private Empire: ExxonMobil and American Power*. Penguin Books, 2013.

Collier, Paul. *Exodus: How Migration Is Changing Our World*. Oxford University Press, 2013.

Comaroff, Joshua. "Built on Sand: Singapore and the New State of Risk." *Harvard Design Magazine*, no. 39 (2014).

Cooley, Alexander, and Hendrik Spruyt. *Contracting States: Sovereign Transfers in International Relations*. Princeton University Press, 2009.

Copeland, Dale C. *Economic Interdependence and War*. Princeton University Press, 2014.

Copeland, Dale C. "Economic Interdependence and War: A Theory of Trade Expectations." *International Security* 20, no. 4 (Spring 1996).

Copetas, A. Craig. *Metal Men*. HarperCollins, 1986.

The Costs of the Israeli-Palestinian Conflict. Rand, 2015.

Cottrill, Ken. "Transforming the Future of Supply Chains Through Disruptive Innovation." MIT Center for Transportation and Logistics, Working Paper, Spring 2011.

Craven, Paul, and Barry Wellman. "The Network City." *Sociological Inquiry* 43, no. 3–4 (July 1973).

Crowston, Kevin, and Myers, Michael D. "Information Technology and the Transformation of Industries: Three Research Perspectives." *Journal of Strategic Information Systems* 13, no. 1 (2004): 5–28.

Cunliffe, Barry. *Europe Between the Oceans*. Yale University Press, 2008.

Curtis, Simon. "Global Cities and the Transformation of the International System." *Review of International Studies* 37, no. 4 (2011): 1923–47.

Dalby, Simon. "Rethinking Geopolitics: Climate Security in the Anthropocene." *Global Policy* 5, no. 1 (Feb. 2014).

Davies, James, Rodrigo Lluberas, and Anthony Shorrocks. *Global Wealth Report 2012*. Credit Suisse, 2012.

Davies, Norman. *Vanished Kingdoms: The Rise and Fall of States and Nations*. Penguin Books, 2012.

Deaton, Angus. *The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality*. Princeton University Press, 2013.

De Backer, Koen, and Sebastien Miroudet. "Mapping Global Value Chains." *OECD Trade Policy Papers*, no. 159, OECD (2013).

de Blij, Harm J., and Peter O. Muller. *Geography: Realms, Regions, and Concepts*. Wiley, 2010.

De Landa, Manuel. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. Continuum Books, 2006.

Derluignan, Georgi M., and Scott L. Greer. *Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System*. Praeger, 2000.

Diamandis, Peter H. *Abundance: The Future Is Better Than You Think*. Free Press, 2012.

Dodds, Klaus. *Geopolitics of Antarctica: Views from the Southern Oceanic Rim*. Wiley, 1998.

Dodge, Martin, Rob Kitchin, and Chris Perkins, eds. *The Map Reader: Theories of Mapping Practice and Cartographic Representation*. Wiley, 2011.

Dodge, Martin, Rob Kitchin, and Chris Perkins, eds. *Rethinking Maps: New Frontiers in Cartographic Theory*. Routledge, 2011.

Drezner, Daniel W. *The System Worked: How the World Stopped Another Great Depression*. Oxford University Press, 2014.

Durkheim, Emile. *The Rules of the Sociological Method* (Translated by W. D. Halls). New York: Free Press, 1982 [1895]. Earth Security Group. *Earth Security Index 2014*.

Easterling, Keller. *Extrastatecraft: The Power of Infrastructure Space*. Verso, 2014.

Easterling, Keller. "Zone: The Spatial Software of Extrastatecraft." *Design Observer*, June 11, 2012.

Economist Intelligence Unit. *Hot Spots 2025: Benchmarking the Future Competitiveness of Cities*. 2013.

Ehrlich, Anne H., and Paul Ehrlich. *The Population Explosion*. Frederick Muller, 1990.

Ehrlich, Paul. *The Population Bomb*. Buccaneer Books, 1974.

Emmerson, Charles. *The Future History of the Arctic*. PublicAffairs, 2010.

Emmerson, Charles. *1913: In Search of the World Before the Great War*. PublicAffairs, 2014.

Enriquez, Juan. *The Untied States of America: Polarization, Fracturing, and Our Future*. Crown, 2005.

Escaith, Hubert. "International Supply Chains and Trade Elasticity in Times of Global Crisis." WTO Working Paper, Feb. 1, 2010.

European Union. *Erasmus Impact Study*. European Union, Sept. 2014.

Estevadeordal, Antoni, Juan Blyde, and Kati Suominen. "Are Global Value Chains Really Global? Policies to Accelerate Countries' Access to International Production Networks." Inter-American Development Bank, 2012.

Farole, Thomas, and Gokhan Akinci. *Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions*. World Bank, 2011.

Featherstone, Mike. *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*. Sage, 1990.

Feldman, Noah. *Cool War: The Future of Global Competition*. Random House, 2013.

Ferguson, Niall, and Moritz Schularick. *The End of Chimerica*. Harvard Business School, 2009.

Finnemore, Martha, and Judith Goldstein, eds. *Back to Basics: State Power in a Contemporary World*. Oxford University Press, 2013.

Fishman, Charles. *The Big Thirst: The Secret Life and Turbulent Future of Water*. Free Press, 2012.

Florida, Richard. *Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where You Live the Most Important Decision of Your Life*. Basic Books, 2008.

Floridi, Luciano. *The Philosophy of Information*. Oxford University Press, 2013. Ford, Kenneth W. *The Quantum World: Quantum Physics for Everyone*. Harvard University Press, 2005.

Forrester, Jay W. *World Dynamics*. Productivity Press, 1979.

Francis, Diane. *Merger of the Century: Why Canada and America Should Become One Country*. HarperCollins, 2013.

Frank, Malcolm, Paul Roehrig, and Ben Pring. *Code Halos: How the Digital Lives of People, Things, and Organizations Are Changing the Rules of Business*. Wiley, 2014.

Frankopan, Peter. *The Silk Roads: A New History of the World*. Bloomsbury, 2015.

Freedman, Lawrence. *Strategy: A History*. Oxford University Press, 2013.

Freeland, Chrystia. *Plutocrats: The Rise of the New Global Super-rich and the Fall of Everyone Else*. Penguin Books, 2013.

French, Howard W. *China's Second Continent: How a Million Migrants Are Building a New Empire in Africa*. Knopf, 2014.

Friedman, Thomas L. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. Farrar, Straus and Giroux, 2005.

Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. Free Press, 2006.

Fukuyama, Francis. *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*.

Farrar, Straus and Giroux, 2014. Fuligni, Bruno, and Isabelle Hanne. *Micronations*. Diaphane, 2013.

Galbraith, James K. *The End of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth*. Simon & Schuster, 2014.

Galbraith, James K. *Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just Before the Crisis*. Oxford University Press, 2012.

Garfield, Simon. *On the Map: A Mind-Expanding Exploration of the Way the World Looks*. Gotham, 2013.

Garreau, Joel. *Edge City: Life on the New Frontier*. Anchor, 1992.

Garreau, Joel. *The Nine Nations of North America*. Avon Books, 1982.

Gattorna, John. *Dynamic Supply Chains*. Financial Times, 2015.

Gayer, Laurent. *Karachi: Ordered Disorder and the Struggle for the City*. Oxford University Press, 2014.

George, Rose. *Ninety Percent of Everything: Inside Shipping, the Invisible Industry That Puts Clothes on Your Back, Gas in Your Car, and Food on Your Plate*. Metropolitan Books, 2013.

Ghemawat, Pankaj. *World 3.0: Global Prosperity and How to Achieve It*. Harvard Business Review Press, 2011.

Ghemawat, Pankaj, and Steven A. Altman. *DHL Global Connectedness Index 2014*. Deutsche Post DHL, 2014.

Gilens, Martin. *Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America*. Princeton University Press, 2014.

Gilman, Nils. "The Twin Insurgency." *American Interest*, July/Aug. 2014.

Girardet, Herbert. *Creating Regenerative Cities*. Routledge, 2015.

Glaeser, Edward. *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. Penguin Books, 2012.

Goldin, Ian, Geoffrey Cameron, and Meera Balarajan. *Exceptional People: How Migration Shaped Our World and Will Define Our Future*. Princeton University Press, 2012.

Goldin, Ian, and Mike Mariathan. *The Butterfly Defect: How Globalization Creates Systemic Risks, and What to Do About It*. Princeton University Press, 2014.

Goldsmith, Stephen, and Susan Crawford. *The Responsive City: Engaging Communities Through Data-Smart Governance*. Jossey-Bass, 2014.

Goldstein, Avery. *Rising to the Challenge: China's Grand Strategy and International Security*. Stanford University Press, 2005.

Golev, Artem, et al. "Rare Earths Supply Chains: Current Status, Constraints, and Opportunities." *Resources Policy* 41 (Sept. 2014: 52–59).

Gordon, John Steele. *An Empire of Wealth: The Epic History of American Economic Power*. Harper Perennial, 2005.

Gore, Al. *The Future: Six Drivers of Global Change*. Random House Trade Paperbacks, 2013.

Gray, Julia. "Life, Death, or Zombies? The Vitality of Regional Economic Organizations." UCLA, Sept. 2013.

Grewal, David Singh. *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*. Yale University Press, 2008.

Guest, Robert. *Borderless Economics*. Palgrave Macmillan, 2011.

Guo, Yvonne, and Jun Jie Woo. *Singapore and Switzerland: Secrets to Small State Success*. World Scientific, 2015.

Gupta, Anil K., Girijia Pande, and Haiyan Wang. *The Silk Road Rediscovered: How Indian and Chinese Companies Are Becoming Globally Stronger by Winning in Each Other's Markets*. Wiley, 2014.

Hall, Peter. *Cities in Civilization: Culture, Innovation, and Urban Order*. Weidenfeld & Nicolson, 1998.

Hardt, Michael, and Antonio Negri. *Empire*. Harvard University Press, 2000.

Hare, Forrest. "Borders in Cyberspace: Can Sovereignty Adapt to the Challenges of Cyber-Security?" George Mason University, 2011.

Harney, Alex. *The China Price: The True Cost of Chinese Competitive Advantage*. Penguin Books, 2009.

Hartley, Kris. *Can Government Think? Flexible Economic Opportunities and the Pursuit of Global Competitiveness*. Routledge, 2014.

Hausmann, Ricardo, Cesar A. Hidalgo, and Sebastian Bustos. *The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity*. MIT Press, 2014.

Hayes, Christopher. *Twilight of the Elites: America After Meritocracy*. Broadway Books, 2013.

Hayton, Bill. *The South China Sea: The Struggle for Power in Asia*. Yale University Press, 2014.

Hertie School of Governance, Governance Report 2013.

Hobden, Stephen, and John M. Hobson. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge University Press, 2002.

Holsi, Kalevi J. *Peace and War: Armed Conflict and International Order, 1648–1989*. Cambridge Studies in International Relations, 1991.

Hooker, R. D., Jr. *The Grand Strategy of the United States*. National Defense University Press, 2014.

Horn, D. B., and Mary Ransome. *English Historical Documents, 1714–1783*. Eyre and Spottiswoode, 1957.

Hudson, Valerie, and Andrea M. den Boer. *Bare Branches: The Security Implications of Asia's Surplus Male Population*. MIT Press, 2005.

Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster, 1996.

Ikenberry, G. John. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. Princeton University Press, 2000.

Inglehart, Ronald, and Hans-Dieter Klingemann. "Genes, Culture, Democracy, and Happiness." In *Culture and Subjective Well-Being*, edited by Ed Diener and Eunkook M. Suh. MIT Press, 2000.

Jackson, Patrick Thaddeus, and Daniel H. Nexon. "International Theory in a Postparadigmatic Era: From Substantive Wagers to Scientific Ontologies." *EJIR* 19, no. 3 (Sept. 2013).

Jacobs, Frank. *Strange Maps: An Atlas of Cartographic Curiosities*. Viking Studio, 2009.

Jacoby, David. *Guide to Supply Chain Management: How Getting It Right Boosts Corporate Performance*. Bloomberg Press, 2009.

James, William. *Essays in Radical Empiricism*. University of Nebraska Press, 1996.

James, William. *The Meaning of Truth*. Prometheus Books, 1997.

Jayakumar, Shashi, and Rahul Sagar, eds. *The Big Ideas of Lee Kuan Yew*. Straits Times Press, 2014.

Jennings, Ken. *Maphead: Charting the Wide, Weird World of Geography Wonks*. Scribner, 2012.

Jervis, Robert. *System Effects: Complexity in Political and Social Life*. Princeton University Press, 1999.

Johnson, Neil. *Simple Complexity: A Clear Guide to Complexity Theory*. Oneworld, 2010.

Kagan, Robert. *Dangerous Nation: America's Foreign Policy from Its Earliest Days to the Dawn of the Twentieth Century*. Vintage, 2007.

Kagan, Robert A. *Adversarial Legalism: The American Way of Law*. Harvard University Press, 2003.

Kahn, Matthew E. *Climatopolis: How Our Cities Will Thrive in the Hotter Future*. Basic Books, 2010.

Kaku, Michio. *Physics of the Future: How Science Will Shape Human Destiny and Our Daily Lives by the Year 2100*. Anchor, 2012.

Kanna, Ahmed. *Dubai, the City as Corporation*. University of Minnesota Press, 2011.

Kaplan, Robert D. *Asia's Cauldron: The South China Sea and the End of a Stable Pacific*. Random House, 2014.

Kaplan, Robert D. *Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power*. Random House Trade Paperbacks, 2011.

Kaplan, Robert D. *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. Random House Trade Paperbacks, 2013.

Kasarda, John D., and Greg Lindsay. *Aerotropolis: The Way We'll Live Next*. Farrar, Straus and Giroux, 2011.

Katz, Bruce, and Jennifer Bradley. *The Metropolitan Revolution: How Cities and Metros Are Fixing Our Broken Politics and Fragile Economy*. Brookings Institution Press, 2013.

Katzenstein, Peter J., ed. *Anglo-America and Its Discontents: Civilizational Identities Beyond West and East*. Routledge, 2012.

Kavalski, Emilian, ed. *World Politics at the Edge of Chaos: Reflections on Complexity and Global Life*. State University of New York Press, 2015.

Kelly, Kevin. *Out of Control: The New Biology of Machines, Social Systems, and the Economic World*. Basic Books, 1995.

Kennedy, Paul. *Grand Strategies in War and Peace*. Yale University Press, 1992.

Kennedy, Paul. *The Rise and Fall of the Great Powers*. Vintage, 1989.

Kenny, Charles. *Getting Better: Why Global Development Is Succeeding—and How We Can Improve the World Even More*. Basic Books, 2012.

Keohane, Robert O., and Joseph S. Nye. *Power and Interdependence*. Longman, 1977.

Keynes, John Maynard. *The Economic Consequences of the Peace*. Harcourt, Brace, and Howe, 1920.

Keynes, John Maynard. *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. CreateSpace, 2011.

Khan, Mushtaq H. "Beyond Good Governance: An Agenda for Developmental Governance." SOAS, University of London, 2012.

Khan, Mushtaq H., and K. S. Jomo. *Rents, Rent-Seeking, and Economic Development: Theory and Evidence in Asia*. Cambridge University Press, 2000.

Khanna, Parag. *How to Run the World: Charting a Course to the Next Renaissance*. Random House, 2011.

Khanna, Parag. *The Second World: How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century*. Random House Trade Paperbacks, 2009.

Khanna, Parag, and Ayesha Khanna. *Hybrid Reality: Thriving in the Emerging Human-Technology Civilization*. TED Conferences, 2012.

Kiechel, Walter, III. *The Lords of Strategy: The Secret Intellectual History of the New Corporate World*. Harvard Business Press, 2010.

Kilcullen, David. *Out of the Mountains: The Coming Age of the Urban Guerrilla*. Oxford University Press, 2013.

King, Anthony D. *Global Cities: Post-imperialism and the Internationalization of London*. Routledge, 1990.

Kirshner, Jonathan. *American Power After the Financial Crisis*. Cornell University Press, 2014.

Kissinger, Henry. *World Order*. Penguin Press, 2014.

Knox, Paul, ed. *Atlas of Cities*. Princeton University Press, 2014.

Kolbert, Elizabeth. *The Sixth Extinction: An Unnatural History*. Henry Holt, 2014. Koolhaas, R., O. Bauman, and M. Wigley, eds. "Last Chance." In *All Manakh*. Columbia University Press, 2007.

Kose, M. Ayhan, and Eswar Prasad. *Emerging Markets: Resilience and Growth Amid Global Turmoil*. Brookings Institution Press, 2010.

Krane, Jim. *City of Gold: Dubai and the Dream of Capitalism*. Atlantic Books, 2009.

Krane, Jim, and Steven Wright. *The Gulf Gas Crunch and Qatar: Meeting Regional Needs Versus Feeding Global Markets*. LSE IDEAS, London School of Economics and Political Science, 2014.

Krastev, Ivan. *In Mistrust We Trust: Can Democracy Survive When We Don't Trust Our Leaders?* TED Conferences, 2013.

Krugman, Paul. *Geography and Trade*. MIT Press, 1991.

Kuris, Gabriel. "Remaking a Neglected Megacity: A Civic Transformation in Lagos State, 1999–2012." Princeton Project on Innovations for Successful Societies, July 2014.

Kurlantzick, Joshua. *Democracy in Retreat: The Revolt of the Middle Class and the Worldwide Decline of Representative Government*. Yale University Press, 2014.

Lacy, Peter and Jakob Rutqvist. *Waste to Wealth: The Circular Economy Advantage*. New York: Palgrave Macmillan, 2015.

Lake, David. "Beyond Anarchy: The Importance of Security Institutions." *International Security* 26, no. 1 (Summer 2001).

Lambert, Douglas M., James R. Stock, and Lisa M. Ellram. *Fundamentals of Logistics*. McGraw-Hill, 1998.

Landes, David F. *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor*. W. W. Norton, 1999.

Landry, Pierre F. *Decentralized Authoritarianism in China: The Communist Party's Control of Local Elites in the Post-Mao Era*. Cambridge University Press, 2008.

Lane, David, et al., eds. *Complexity Perspectives in Innovation and Social Change*. Springer, 2009.

Laurent, Clint. *Tomorrow's World: A Look at the Demographic and Socioeconomic Structure of the World in 2032*. Wiley, 2013.

Lee, Ki-baik. *A New History of Korea*. Ilchokak, 1984.

Levinson, Marc. *The Box: How the Shipping Container Made the World Smaller and the World Economy Bigger*. Princeton University Press, 2008.

Levitsky, Steven, and Lucan A. Way. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes in the Post-Cold War Era*. Cambridge University Press, 2010.

Lewis, Michael. *Flash Boys*. W. W. Norton, 2014.

Lien Centre for Social Innovation. "Measuring Poverty in Singapore." *Social Space* (2013).

Lin, Justin Yifu. *Against the Consensus: Reflections on the Great Recession*. Cambridge University Press, 2013.

Lin, Justin Yifu. *New Structural Economics*. World Bank, 2011.

Lin, Justin Yifu. *The Quest for Prosperity: How Developing Economies Can Take Off*. Princeton University Press, 2012.

Longworth, Richard C. *Caught in the Middle: America's Heartland in the Age of Globalism*. Bloomsbury USA, 2009.

Lord, Carnes, and Andrew Erickson, eds. *Rebalancing U.S. Forces: Basing and Forward Presence in the Asia-Pacific*. Naval Institute Press, 2014.

Lovelock, James. *The Revenge of Gaia: Earth's Climate Crisis and the Fate of Humanity*. Basic Books, 2007.

Low, Donald, and Sudhir Thomas Vadaketh. *Hard Choices: Challenging the Singapore Consensus*. NUS Press, 2014.

Luttwak, Edward. *Strategy: The Logic of War and Peace*. Harvard University Press, 2002.

Lynn, Barry C. *End of the Line: The Rise and Coming Fall of the Global Competition*. Crown Business, 2006.

Macdonald, James. *When Globalization Fails: The Rise and Fall of Pax Americana*. Farrar, Straus and Giroux, 2015.

Mackinnon, Rebecca. *Consent of the Networked*. Basic Books, 2012.

Maddison, Angus. *The World Economy*. OECD, 2007.

Mahan, A. T. *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*. Dover Military History, 1987.

Mahan, A. T. *The Interest of America in Sea Power, Present and Future*. Tradition Classics, 2011.

Malik, Yogesh, Alex Niemeyer, and Brian Ruwadi. “Building the Supply Chain of the Future.” *McKinsey Quarterly*, Jan. 2011.

Mansel, Philip. *Constantinople*. Penguin, 1997.

Mansfield, Edward D., and Rachel Bronson. “Alliances, Preferential Trading Arrangements, and International Trade.” *American Political Science Review* 91, no. 1 (Mar. 1997).

Marber, Peter. *Brave New Math: Information, Globalization, and New Economic Thinking in the 21st Century*. World Policy Institute, 2014.

Martel, William C. *Grand Strategy in Theory and Practice*. Cambridge University Press, 2015.

Mayer-Schonberger, Viktor, and Kenneth Cukier. *Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think*. Eamon Dolan/Mariner Books, 2014.

Mays, Andrew, and Gart S. Shea. “East India Company and Bank of England Shareholders During the South Sea Bubble: Partitions, Components, and Connectivity in a Dynamic Trading Network.” University of St. Andrews, Centre for Dynamic Macroeconomic Analysis, 2011.

Mazzucato, Mariana. *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths*. Anthem Press, 2013.

McFate, Sean. *The Modern Mercenary: Private Armies and What They Mean for World Order*. Oxford University Press, 2015.

McGregor, Richard. *The Party: The Secret World of China’s Communist Rulers*. Harper Perennial, 2012.

McKinsey Global Institute. *Global Flows in a Digital Age*. 2014.

McNeill, J. R., and William H. McNeill. *The Human Web: A Bird's-Eye View of World History*. W. W. Norton, 2003.

McNeill, William H. *The Rise of the West: A History of the Human Community*. University of Chicago Press, 1992.

Meadows, Donella. *Thinking in Systems: A Primer*. Chelsea Green, 2008. Micklethwait, John, and Wooldridge, Adrian. *The Fourth Revolution: The Global Race to Reinvent the State*. Penguin Press, 2014.

Meadows, Donella. *A Future Perfect: The Challenge and Promise of Globalization*. Random House Trade Paperbacks, 2003.

Milanovic, Branko. *The Haves and Have-Nots: A Brief and Idiosyncratic History of Global Inequality*. Basic Books, 2012.

Milhaud, Edgard. "The Economic Reorganization of the World as a Condition of Political Peace." *Annals of Public and Cooperative Economics* 14, no. 3 (Oct. 1938): 561–66.

Mills, Greg. *Why Africa Is Poor: And What Africans Can Do About It*. Penguin Global, 2011.

Mills, Mark P. "The Cloud Begins with Coal: Big Data, Big Networks, Big Infrastructure, and Big Power." Digital Power Group, 2013.

Minter, Adam. *Junkyard Planet: Travels in the Billion-Dollar Trash Trade*. Bloomsbury Press, 2013.

Mirowski, Philip. *Dream Machines: Economics Becomes a Cyborg Science*. Cambridge University Press, 2002.

Mirowski, Philip. *Never Let a Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown*. Verso, 2014.

Mishra, Pankaj. *From the Ruins of Empire: The Revolt Against the West and the Remaking of Asia*. Picador, 2013.

Mitchell, Melanie. *Complexity: A Guided Tour*. Oxford University Press, 2011. Mitchell, William J. *City of Bits: Space, Place, and the Infobahn (on Architecture)*. MIT Press, 1996.

Modelski, George, and William R. Thompson. "The Long and Short of Global Politics in the Twenty-First Century: An Evolutionary Approach." *International Studies Review* 1, no. 2 (Summer 1999): 110–40.

Monmonier, Mark, and H. J. de Blij. *How to Lie with Maps*. University of Chicago Press, 1996.

Montgomery, Charles. *Happy City: Transforming Our Lives Through Urban Design*. Farrar, Straus and Giroux, 2013.

Moretti, Enrico. *The New Geography of Jobs*. Houghton Mifflin Harcourt, 2012.

Morris, Charles R. *Comeback: America's New Economic Boom*. PublicAffairs, 2013.

Morris, Ian. *War! What Is It Good For? Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots*. Farrar, Straus and Giroux, 2014.

Mufson, Steven. *Keystone XL: Down the Line*. TED Conferences, 2013.

Munoz, Mark. *Handbook on the Geopolitics of Business*. Edward Elgar, 2013. Murdock, Darryl G., Robert R. Tomes, and Christopher K. Tucker, eds. *Human Geography*. United States Geospatial Intelligence Foundation, 2014.

Murphy, Alexander B., and John O'Loughlin. "New Horizons for Regional Geography." *Eurasian Geography and Economics* 50, no. 3 (2009): 241–51.

Nahmias, Steven. *Production and Operations Analysis*. McGraw-Hill Higher Education, 2004.

Naim, Moises. *The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being in Charge Isn't What It Used to Be*. Basic Books, 2014.

Nasr, Vali. *Forces of Fortune: The Rise of the New Muslim Middle Class and What It Will Mean for Our World*. Free Press, 2009.

National Intelligence Council. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. National Intelligence Council, 2012.

Neal, Larry. *The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason*. Cambridge University Press, 1990.

Nisbett, Richard E. *The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently ... and Why*. Free Press, 2004. Nolan, Peter. *Is China Buying the World?* Polity, 2013. Norbu, Dawa. *China's Tibet Policy*. Routledge, 2001.

OECD. *Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains*. OECD, 2013.

OECD, WTO, UNCTAD. *Implications of Global Value Chains for Trade, Investment, Development, and Jobs*. OECD, 2013.

Ogilvy, James. *Many Dimensional Man*. HarperCollins, 1979.

Ohmae, Kenichi. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. Free Press, 1996.

Ohmae, Kenichi. *The Next Global Stage: Challenges and Opportunities in Our Borderless World*. Wharton School Publishing, 2005.

Olsthoorn, Xander, and Anna J. Wieczorek, eds. *Understanding Industrial Transformation: Views from Different Disciplines*. Springer, 2006.

O'Neill, Jim. *The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond*. Portfolio Hardcover, 2011.

Ooi, Kee Beng. *The Eurasian Core and Its Edges: Dialogues with Wang Gangwu on the History of the World*. Institute of Southeast Asian Studies, 2015.

Osno, Evan. *Age of Ambition: Chasing Fortune, Truth, and Faith in the New China*. Farrar, Straus and Giroux, 2014.

Ostrom, Elinor. "Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems." *American Economic Review* 100, no. 3 (2010): 641–72.

Ostrom, Elinor. "The Challenge of Self-Governance in Complex Contemporary Environments." *Journal of Speculative Philosophy* 24, no. 4 (2010): 316–32.

Oxford Martin Commission for Future Generations. *Now for the Long Term: The Report of the Oxford Martin Commission for Future Generations*. University of Oxford, 2013.

Padhukone, Neil. *Beyond South Asia: India's Strategic Evolution and the Reintegration of the Subcontinent*. Bloomsbury Academic, 2014.

Pal, Jeremy S., and Elfatih A. B. Eitahir. "Future Temperature in Southwest Asia Projected to Exceed a Threshold for Human Adaptability." *Nature Climate Change*, Oct. 26, 2015.

Parello-Plesner, Jonas, and Mathieu Duchatel. *China's Strong Arm: Protecting Citizens and Assets Abroad*. IISS Adelphi Books, 2015.

Pelosky, Jay. "Emerging Market Portfolio Globalization: The Next Big Thing." New America Foundation, World Economic Roundtable Policy Paper, July 17, 2014.

Pentland, Alex. *Social Physics: How Good Ideas Spread*. New York: Penguin, 2014.

Perez, Carlota. "A New Age of Technological Progress." Policy Network, Aug. 22, 2014.

Perez, Carlota. *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. Edward Elgar, 2003.

Pettis, Michael. *Avoiding the Fall: China's Economic Restructuring*. Carnegie Endowment for International Peace, 2013.

Phelps, Edmund. *Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change*. Princeton University Press, 2015.

Piiparinen, Richey, and Jim Russell. *From Balkanized Cleveland to Global Cleveland: A Theory of Change for Legacy Cities*. White Paper Funded by Ohio City Inc., 2013.

Piketty, Thomas. *Capital in the 21st Century*. Harvard University Press, 2014.

Pillsbury, Michael. *The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*.

Henry Holt, 2015. Pinker, Steven. *The Better Angels of Our Nature*. Viking, 2011.

Pisani, Elizabeth. *Indonesia, Etc.: Exploring the Improbable Nation*. W. W. Norton, 2014.

Polanyi, Karl. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Beacon Press, 2001.

Porter, Michael E. *Competitive Advantage of Nations*. Free Press, 1998.

“Public-Private Partnerships in Developing Countries: A Systematic Literature Review.” Ministry of Foreign Affairs of the Netherlands, Apr. 2013.

Rachman, Gideon. *Zero-Sum Future: American Power in an Age of Anxiety*. Simon & Schuster, 2012.

Raford, Noah, and Andrew Trabulsi, eds. *Warlords, Inc.: Black Markets, Broken States, and the Rise of the Warlord Entrepreneur*. North Atlantic Books, 2015.

Rawls, John. “The Law of Peoples.” *Critical Inquiry* 20, no. 1 (Autumn 1993).

Reardon, Thomas, Christopher B. Barrett, Julio A. Berdegue, and Johan F. M. Swinnen. “Agrifood Industry Transformation and Small Farmers in Developing Countries.” *World Development* 37, no. 11 (2009): 1717–27.

Rees, Martin. *Our Final Century?* William Heinemann, 2003. Reich, Robert. *Inequality for All*. Radius TWC, 2013.

Rein, Shaun. *End of Cheap China*. Wiley, 2014.

Rheingold, Howard. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. MIT Press, 2000.

Rickards, James. *The Death of Money: The Coming Collapse of the International Monetary System*. Penguin Books, 2014.

Rieffel, Alexis. *Restructuring Sovereign Debt: The Case for Ad Hoc Machinery*. Brookings Institution, 2003.

Riello, Giorgio. *Cotton: The Fabric That Made the Modern World*. Cambridge University Press, 2013.

Rifkin, Jeremy. *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism*. Palgrave Macmillan Trade, 2014.

Rivoli, Pietra. *The Travels of a T-Shirt in the Global Economy: An Economist Examines the Markets, Power, and Politics of World Trade*. Wiley, 2005.

Roberts, Paul. *The Impulse Society: America in the Age of Gratification*. Bloomsbury USA, 2014.

Rodin, Judith. *The Resilience Dividend: Being Strong in a World Where Things Go Wrong*. PublicAffairs, 2014.

Ronfeldt, David F. *Tribes, Institutions, Markets, Networks: A Framework About Societal Evolution*. Rand, 1996.

Ronis, Sheila R., ed. *Economic Security: Neglected Dimension of National Security?* National Defense University Press, 2011.

Ronis, Sheila R., ed. *Forging an American Grand Strategy: Securing a Path Through a Complex Future*. National Defense University Press, 2013.

Rosecrance, Richard N. *The Resurgence of the West: How a Transatlantic Union Can Prevent War and Restore the United States and Europe*. Yale University Press, 2013.

Rosecrance, Richard N. *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. Basic Books, 1986.

Rosecrance, Richard N., and Steven E. Miller, eds. *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict*. MIT Press, 2014.

Rosenau, James N. *Distant Proximities: Dynamics Beyond Globalization*. Princeton University Press, 2003.

Rosenau, James N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton University Press, 1990.

“The Round World and the Winning of the Peace.” *Foreign Affairs*. July 1943. Ruggie, John Gerard. *Just Business: Multinational Corporations and Human Rights*. W. W. Norton, 2013.

Rusk, David. *Cities Without Suburbs*. Woodrow Wilson Center Press, 1995. Rutherford, Alex, Dion Harmon, Justin Werfel, Alexander S. Gard-Murray, Shlomiya Bar-Yam, Andreas Gros, Ramon Xulvi-Brunet, Yaneer Bar-Yam. "Good Fences: The Importance of Setting Boundaries for Peaceful Coexistence." New England Complex Systems Institute, May 2014.

Ryan, Brent D. *Design After Decline: How America Rebuilds Shrinking Cities*. University of Pennsylvania Press, 2014.

Sagar, Rahul. *Secrets and Leaks: The Dilemma of State Secrecy*. Princeton University Press, 2013.

Saideman, Stephen M. *The Ties That Divide: Ethnic Politics, Foreign Policy, and International Conflict*. Columbia University Press, 2001.

Saideman, Stephen M., and R. William Ayres. *For Kin or Country: Xenophobia, Nationalism, and War*. Columbia University Press, 2015.

Sandel, Michael J. *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. Farrar, Straus and Giroux, 2013.

Sassen, Saskia. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton University Press, 2008.

Sassen, Saskia. "When the City Itself Becomes a Technology of War." *Theory, Culture, and Society* 27, no. 6 (2010): 33–50.

Schell, Orville, and John Delury. *Wealth and Power: China's Long March to the Twenty-First Century*. Random House, 2013.

Schelling, Thomas C. *Micromotives and Macrobehavior*. W. W. Norton, 2006.

Schmidt, Eric, and Jared Cohen. *The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations, and Business*. Knopf, 2013.

Schneier, Bruce. *Data and Goliath: The Hidden Battles to Collect Your Data and Control Your World*. W. W. Norton, 2015.

Schubert, Frank N., ed. *The Nation Builders: A Sesquicentennial History of the Corps of Topographical Engineers, 1838–1863*. U.S. Army Corps of Engineers Office of History, 1989.

Schweller, Randall L. *Maxwell's Demon and the Golden Apple: Global Discord in the New Millennium*. Johns Hopkins University Press, 2014.

Scott, James C. *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. Yale University Press, 2010.

Scott, James C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press, 1999.

Sehgal, Kabir. *Coined: The Rich Life of Money and How Its History Has Shaped Us*. Grand Central, 2015.

Sennett, Richard. *Together: The Rituals, Pleasures, and Politics of Cooperation*. Yale University Press, 2012.

Senor, Dan, and Saul Singer. *Start-Up Nation: The Story of Israel's Economic Miracle*. Twelve, 2011.

Seung Ho Park, Nan Zhou, and Gerardo R. Ungson. *Rough Diamonds: The Four Traits of Successful Breakout Firms in BRIC Countries*. Jossey-Bass, 2013.

Sharma, Ruchir. *Breakout Nations: In Pursuit of the Next Economic Miracles*. W. W. Norton, 2013.

Sharma, Vivek. "Give Corruption a Chance." *National Interest*, Nov. 2013.

Simpfendorfer, Ben. *The Rise of the New East: Business Strategies for Success in a World of Increasing Complexity*. Palgrave Macmillan, 2014.

Singer, Peter. *One World: The Ethics of Globalization*. Yale University Press, 2004. Singer, P. W., and Allan Friedman. *Cybersecurity and Cyberwar: What Everyone Needs to Know*. Oxford University Press, 2014.

Slaughter, Anne-Marie. *A New World Order*. Princeton University Press, 2005.

Smil, Vaclav. *Energy in Nature and Society: General Energetics of Complex Systems*. MIT Press, 2007.

Smil, Vaclav. *Making the Modern World: Materials and Dematerialization*. Wiley, 2013.

Smith, Laurence C. "New Trans-Arctic Shipping Routes Navigable by Midcentury." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 110, no. 13 (2013).

Smolan, Rick, and Jennifer Erwitte. *The Human Face of Big Data*. Against All Odds Productions, 2012.

Soll, Jacob. *The Reckoning: Financial Accountability and the Rise and Fall of Nations*. Basic Books, 2014.

Spence, A. Michael. *The Evolving Structure of the American Economy and the Employment Challenge*. Council on Foreign Relations, 2011.

Spence, A. Michael. *The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World*. Picador, 2012.

Spolaore, Enrico, and Romain Wacziarg. "How Deep Are the Roots of Economic Development?" *Journal of Economic Literature* 51, no. 2 (June

2013).

Spruyt, Hendrik. *The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change*. Princeton University Press, 1994.

Spufford, Peter. *Power and Profit: The Merchant in Medieval Europe*. Thames & Hudson, 2003.

Standage, Tom. *The Victorian Internet: The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's On-Line Pioneers*. Bloomsbury, 2009.

Standard Chartered Bank. *Global Supply Chains: New Directions*. Special Report, May 27, 2015.

Standard Chartered Bank. *Global Trade Unbundled*. Special Report, April 4, 2014.

Starosielski, Nicole. *The Undersea Network*. Duke University Press, 2015.

Stephenson, Neal. "Mother Earth, Mother Board." *Wired*, April 2012.

Stiglitz, Joseph E. *The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them*. W. W. Norton, 2015.

Studwell, Joe. *How Asia Works*. Grove Press, 2014.

Subramanian, Arvind, and Martin Kessler. *The Hyperglobalization of Trade and Its Future*. Peterson Institute for International Economics, 2013.

Sudjic, Deyan. *Hundred Mile City*. Mariner Books, 1993.

Sunstein, Cass R. *Infotopia: How Many Minds Produce Knowledge*. Oxford University Press, 2008.

Sunstein, Cass R. *Simpler: The Future of Government*. Simon & Schuster, 2013.

Taleb, Nassim Nicholas. *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. Random House Trade Paperbacks, 2014.

Taleb, Nassim Nicholas. *The Black Swan*. Random House, 2010.

Taniguchi, Eiichi, Tien Fang Fwa, and Russell G. Thompson. *Urban Transportation and Logistics: Health, Safety, and Security Concerns*. CRC Press, 2013.

Tansey, Oisín. "Internationalized Regimes: A Second Dimension of Regime Hybridity." *Democratization* 20, no. 7 (2013).

Taylor, Peter. *World City Network: A Global Urban Analysis*. Routledge, 2003.

Tellis, Ashley J., Bibek Debroy, and Reece Trevor, eds. *Getting India Back on Track: An Action Agenda for Reform*. Carnegie Endowment for International Peace, 2014.

Thiel, Peter. *Zero to One: Notes on Startups, or How to Build the Future*. Crown Business, 2014.

Thompson, Grahame. "The Limits to 'Globalization': Taking Economic Borders Seriously." Open University, UCSC, 2005.

Tilly, Charles. *Coercion, Capital, and European States*. Blackwell, 1990.

Timmer, Marcel P., Abdul Azeez Erumban, Bart Los, Robert Stehrer, and Gaaitzen J. de Vries. *Slicing Up Value Chains*. University of Groningen, 2013.

Tompkins, James A. *No Boundaries: Breaking Through to Supply Chain Excellence*. Tompkins Associates, 2003.

Townsend, Anthony. *Smart Cities: Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia*. W. W. Norton, 2013.

Toynbee, Arnold. *A Study of History: Abridgement of Volumes VII–X*. Oxford University Press, 1957.

Tsai, Shih-shan Henry. *The Eunuchs in the Ming Dynasty*. State University of New York Press, 1996.

Turchi, Peter. *Maps of the Imagination: The Writer as Cartographer*. Trinity University Press, 2007.

Turnbull, C. M. *A History of Modern Singapore, 1819–2005*. National University Press, 2009.

Turok, Neil. *The Universe Within: From Quantum to Cosmos*. House of Anansi Press, 2012.

Turzi, Mariano. "The Soybean Republic." *Yale Journal of International Affairs* (Spring/Summer 2011).

Umunna, C., ed. *Owning the Future*. London: Rowman & Littlefield International, 2014.

Vedral, Vlatko. "Living in a Quantum World." Special issue, *Scientific American*, June 2011.

Viguerie, Patrick, Sven Smit, and Mehrdad Baghai. *Granularity of Growth: McKinsey & Company Report*. John Wiley & Sons, 2008.

Vinogradov, Sergei, and Patricia Wouters. *Sino-Russian Transboundary Waters: A Legal Perspective on Cooperation*. Institute for Security and Development Policy, Dec. 2013.

Vitalari, Nicholas, and Haydn Shaughnessy. *The Elastic Enterprise: The New Manifesto for Business Revolution*. Olivet Press, 2012.

Waldrop, M. Mitchell. *Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos*. Simon & Schuster, 1993.

Wallace, Jeremy. "Cities, Redistribution, and Authoritarian Regime Survival." *Journal of Politics* 75, no. 3 (2013): 632–45.

Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. McGraw-Hill, 1979.

Wang, Chia-Chou. "Political Interest Distribution and Provincial Response Strategies: Central-Local Relations in China After the 17th National Congress of the CPC." *China: An International Journal* 11, no. 1 (2013): 21–39.

Wang, Jin. "The Economic Impact of Special Economic Zones: Evidence from Chinese Municipalities." *Journal of Development Economics* 101 (March 2013).

Watts, Barry D. *Clausewitzian Friction and Future War*. National Defense University, 1996.

Weber, Max. *Economy and Society*. Vol. 1. University of California Press, 1978.

Wedel, Janine. *Unaccountable: How Elite Power Brokers Corrupt Our Finances, Freedom, and Security*. Pegasus, 2014.

Wendt, Alexander. "Flatland: Quantum Mind and the International Hologram." In *New Systems Theories of World Politics*, edited by Mathias Albert, Lars-Erik Cederman, and Alexander Wendt. Palgrave Macmillan, 2010.

Wendt, Alexander. *Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge University Press, 2015.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Relations*. Cambridge University Press, 1999.

Westad, Odd Arne. *Restless Empire: China and the World Since 1750*. Basic Books, 2012.

Williams, Bernard. *Ethics and the Limits of Philosophy*. Routledge, 2011.

Wood, Gillen D'Arcy. *Tambora: The Eruption That Changed the World*. Princeton University Press, 2014.

World Bank. “Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions.” World Bank, 2011.

World Bank Group. *Global Economic Prospects: Having Fiscal Space and Using It*. World Bank, 2015.

World Economic Forum, Bain & Company, and World Bank. *Enabling Trade: Valuing Growth Opportunities*. World Economic Forum, 2013.

World Input-Output Database. http://www.wiod.org/new_site/-home.htm.

Writson, Walter B. *The Twilight of Sovereignty: How the Information Revolution Is Transforming Our World*. Scribner, 1992.

Zakaria, Fareed. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. W. W. Norton, 2007.

Zeihan, Peter. *The Accidental Superpower: The Next Generation of American Preeminence and the Coming Global Disorder*. Twelve, 2015.

Zetter, Kim. *Countdown to Zero Day: Stuxnet and the Launch of the World’s First Digital Weapon*. Penguin Random House, 2014.

Zhang Weiwei. *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. World Century, 2012.

Zheng, Y. *De Facto Federalism in China: Reforms and Dynamics of Central-Local Relations*. World Scientific, 2007.

Zheng, Y. “Institutional Economics and Central-Local Relations in China: Evolving Research.” *China: An International Journal* 3, no. 2 (2005): 240–69.

Zittrain, Jonathan. *The Future of the Internet — and How to Stop It*. Yale University Press, 2009.

Zogby, John, and Joan Snyder Kuhl. *First Globals: Understanding, Managing, and Unleashing the Potential of Our Millennial Generation*. John Zogby and Joan Snyder Kuhl, 2013.

Zuckerman, Ethan. *Digital Cosmopolitans: Why We Think the Internet Connects Us, Why It Doesn’t, and How to Rewire It*. W. W. Norton, 2014.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

The New Nodes: Special Economic Zones (SEZs) Mushroom Around the World. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory; centralamericadata.com; Economist; Embassy of the United Arab Emirates in London; International Labor Organization; Natural Earth; World Bank.

China Builds Supply Chain Complementarities Across the Globe. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. International Monetary Fund; Natural Earth.

International Trade and Investment Volumes Continue to Climb. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. United Nations Conference on Trade and Development.

FDI Flows and Stocks Rising Among All Regions. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. IMF Coordinated Direct Investment Survey.

Global Trade Linkages Reveal Rising Connectivity. Prepared by Professor Rahul C. Basole and Hyunwoo Park for Pankaj Ghemawat and Steven A. Altman, DHL Global Connectedness Index 2014. <http://www.dhl.com/gci>.

The Wealth of Continents. Created by Worldmapper. Glen Peters et al.; Global Carbon Project; World Bank.

More Than Half of Humanity Lives in Asia. Map from theCarbonMap.org, © Kiln.it. Glen Peters et al.; Global Carbon Project; World Bank.

World Poverty Centers on Africa and Asia. Map from theCarbonMap.org, © Kiln.it. Glen Peters et al.; Global Carbon Project; World Bank.

Greenhouse Gas Emissions Rising as Populations and Wealth Grow. Map from theCarbonMap.org, © Kiln.it. Glen Peters et al.; Global Carbon Project; World Bank.

Asia is the Epicenter of Potential Climate-Related Disasters. Map from theCarbonMap.org, © Kiln.it. Glen Peters et al.; Global Carbon Project; World Bank.

Inter-City Networks Flourish with the Rise of “Diplomacy.” Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. City Leadership Initiative; C40 Cities; University College London (UCL).

Europe Fragments as It Grows Together. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. Business Insider; European Free Alliance; Natural Earth; Wikipedia.

Megacities as the New Economic Geography. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. Brookings Institution; International Monetary Fund; Lagos Bureau of Statistics; Natural Earth; Oak Ridge National Library.

Africa's Remaining Fault Lines. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. Guardian; Natural Earth.

Singapore Expands its Economic Geography. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. Global Administrative Areas; Indosight.com; Iskandar Malaysia; Natural Earth; Noun Project; OpenStreetMap.

Eurasia's New Silk Roads. Map created by Jeff Blossom. Natural Earth; Theodora; Wikipedia; World Resources Institute.

Pax Arabia. Map created by Jeff Blossom. Desertec; DII; Natural Earth; Theodora; World Resources Institute.

Pax Aseana. Map created by Jeff Blossom. ASEAN Center for Energy; Asian Development Bank; Natural Earth; Theodora; World Resources Institute.

Pax Africana. Map created by Jeff Blossom. Africa Energy; African Development Bank; African Union; Natural Earth; Theodora; United Nations Economic Commission for Africa; World Resources Institute.

China: Empire of Megacities. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. Brookings Institution; Harvard World Map; Kashgar Prefecture Economic and Social Development Report 2011; Lhasa Economic and Social Development Report 2012; McKinsey & Company; Natural Earth.

Beyond the Fifty States: America's Next Map. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. Joel Kotkin; Forbes Magazine; Natural Earth; Regional Plan Association; U.S. Census Bureau; U.S. High Speed Rail Association.

From NAFTA to North American Union. Map created by Jeff Blossom. Canadian Association of Petroleum Producers; Hydro Quebec; Natural Earth; Schiller Institute; Theodora; U.S. Geological Survey; World Resources Institute.

The South American Union. Map created by Jeff Blossom. Business Insider; LatAm Renewables; Natural Earth; Theodora; Wikipedia; World Resources Institute.

Aspiring to Economic Complexity. Center for International Development at Harvard University (CC by-sa).

From Complexity to Growth. Center for International Development at Harvard University, Economic Complexity Index 2015 (CC by-sa).

Supply Chains are Becoming More Dispersed and Complex. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. Natural Earth; SourceMap; thegatewayonline.com.

Which Role Model for China? Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. *Foundations of the Portuguese Empire, 1415–1580*; Natural Earth; *The Penguin Historical Atlas of the British Empire*; *The Twentieth Century*, *The Oxford History of the British Empire Volume IV*; Wikipedia.

A Map of Minerals. Map created by Jeff Blossom. BP Statistical Review; CIA World Factbook; Mineral Map of the World; PRIO Diamond Resources; U.S. Geological Survey.

World Food Supplies. Map created by Jeff Blossom. USDA; FAOSTAT; CropMapper.

Does Russia Have Europe Over a Barrel? Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. Edison; European Energy Supply Security; Gazprom; International Energy Institute; Natural Earth; Norsk Oljemuseum; OpenStreetMap; Petroleum Economist; U.S. Energy Information Administration; White Stream.

The New Arctic Geography. Map created by Jeff Blossom. Arctic Council; Durham University; Grenatec; IBRU; IFT; Ministry of Foreign Affairs of Denmark; Natural Earth; *The New York Times*; Theodora.

The World: 4 Degrees Celsius Warmer. © 2009 Reed Business Information — UK. All rights reserved. Distributed by Tribune Content Agency.

One Mega-City, Many Systems. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. Government of the Hong Kong Special Administrative Region; Global Administrative Areas; Natural Earth; Noun Project; OpenStreetMap; timeout.com.

Global Data Flows Expanding and Accelerating. Created by TeleGeography and www.submarineablemap.com.

Global Migration: Origins and Destinations. Created by Mona Hammami. World Bank Migrants and Remittances Database; United Nations Population Division; Migration Policy Institute (MPI) Data Hub; International Labor Office; International Organization for Migration.

A World on the Move: Migrants Surge as the World Population Expands. Created by Mona Hammami. World Bank Migrants and Remittances Database; United Nations Population Division; Migration

Policy Institute (MPI) Data Hub; International Labor Office; International Organization for Migration.

Global Hubs Become Demographic Melting Pots. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. American Census Survey; Atlas of Cities; Canada Census Survey; Crown EMEA; Natural Earth; United Kingdom Census Survey; United Nations.

Protecting the Planet. Created by University of Wisconsin–Madison Cartography Laboratory. International Union for the Conservation of Nature; Natural Earth; Protected Planet.

ОБ АВТОРЕ

Параг Ханна — специалист по глобальным стратегиям, путешественник, автор бестселлеров, обозреватель CNN по глобальным проблемам и старший научный сотрудник Школы публичной политики имени Ли Куан Ю при Национальном университете Сингапура. Ханна — соавтор книги Hybrid Reality: Thriving in the Emerging Human-Technology Civilization («Гибридная реальность: процветание в условиях становления человеко-технологической цивилизации») и автор книг How to Run the World: Charting a Course to the Next Renaissance («Как управлять миром») и The Second World: Empires and Influence in the New Global Order («Второй мир»). Он работал исследователем в фонде «Новая Америка» и Институте Брукингса, консультантом Национального разведывательного совета США, был в Ираке и Афганистане как старший советник по геополитическим вопросам при штабе Сил специального назначения США. Окончил бакалаврат и магистратуру в Школе дипломатической службы Джорджтаунского университета и получил степень PhD в Лондонской школе экономики. Работал в многочисленных государственных и корпоративных органах управления, консультирует Американское географическое общество, попечитель фонда «Новые города» и член клуба молодых мировых лидеров Всемирного экономического форума.

paragkhanna.com

[Facebook.com/DrParagKhanna](https://www.facebook.com/DrParagKhanna)

[@paragkhanna](https://www.instagram.com/paragkhanna)

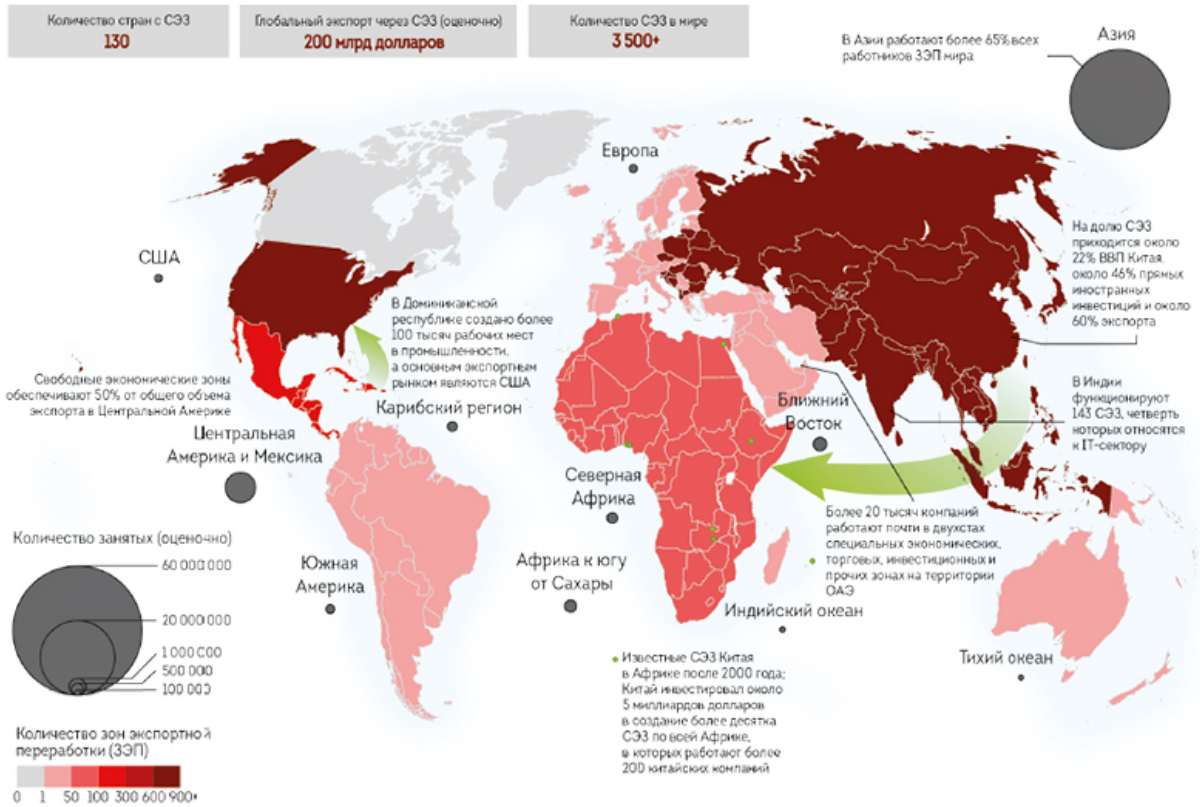
ВКЛЕЙКА

1. НОВЫЕ УЗЛЫ: СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ (СЭЗ), РАСТУЩИЕ ПО ВСЕМУ МИРУ КАК ГРИБЫ

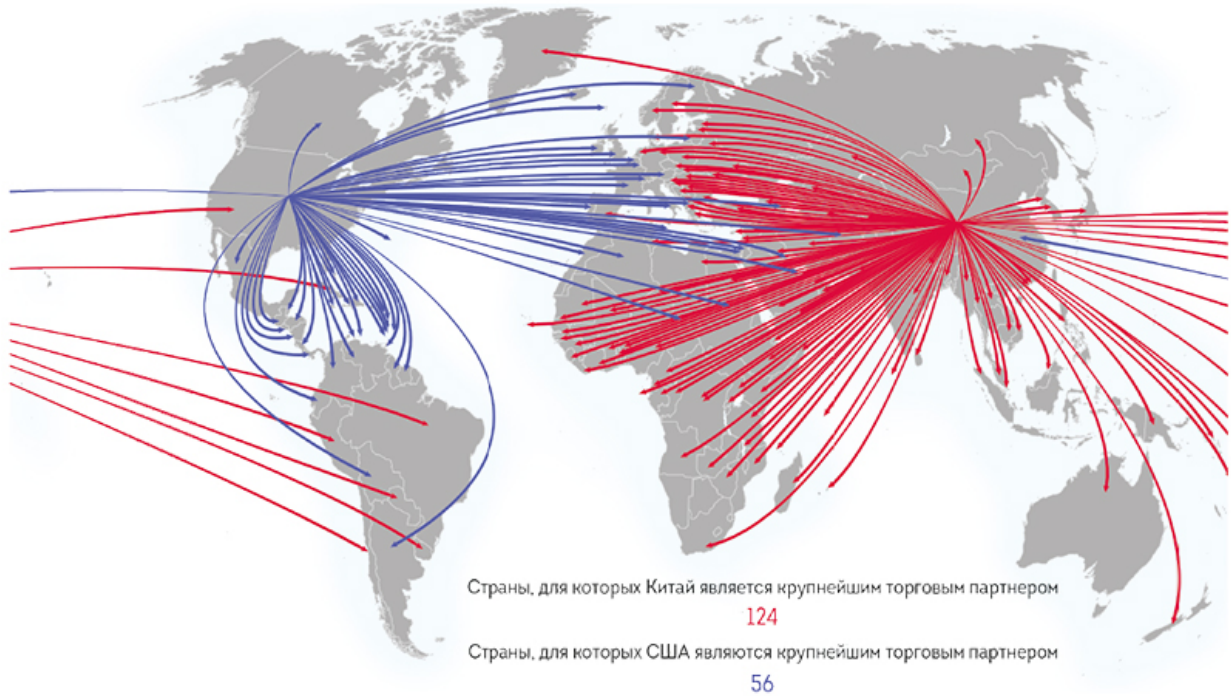
ПОСЛЕ

ДОЖДЯ

Почти четыре тысячи специальных экономических зон (СЭЗ), зон экспортной переработки (ЗЭП), зон свободной торговли (ЗСТ) и других промышленных узлов конкурируют за глобальные цепи поставок, стимулируя экспорт и помогая экономикам подниматься по цепочке ценностей

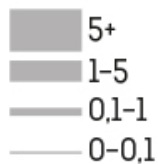
2. КИТАЙ СОЗДАЕТ ЦЕПИ ПОСТАВОК: ИХ ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Сегодня Китай — основной торговый партнер для вдвое большего числа стран, чем США

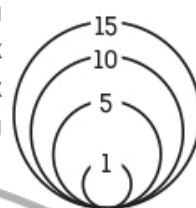
3. ОБЪЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ИНВЕСТИЦИЙ ПРОДОЛЖАЕТ РАСТИ

Валовые двусторонние прямые иностранные инвестиции в страну и из страны за 2013 год, трлн долл.

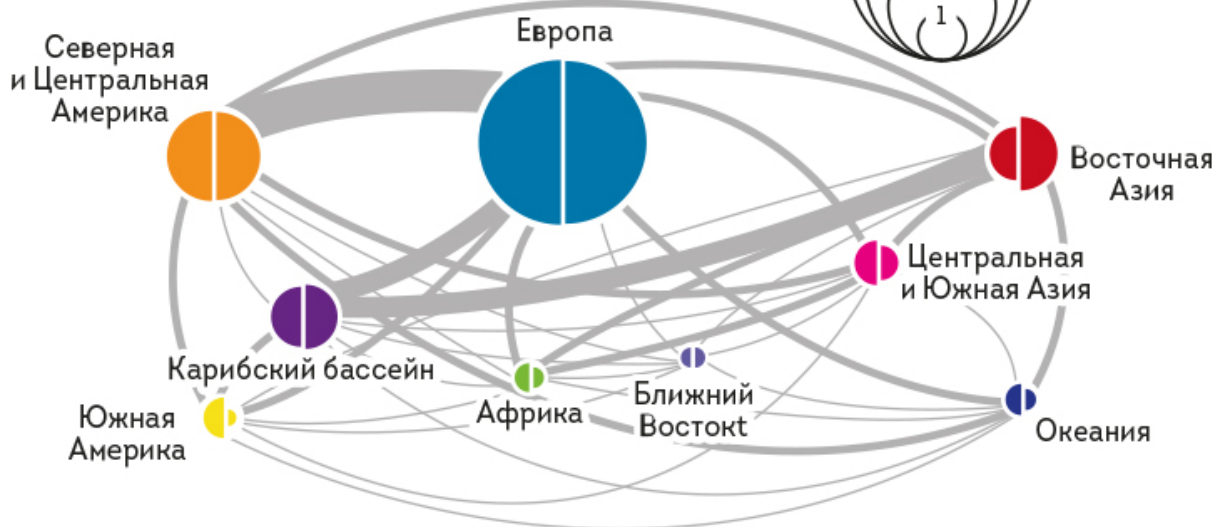

Накопленные прямые иностранные инвестиции в 2013 году, трлн долл.

Входящий поток прямых иностранных инвестиций

Исходящий поток прямых иностранных инвестиций

Торговля товарами и услугами продолжает расти в глобальном масштабе и, по некоторым оценкам, к 2020 году достигнет почти двух третей мирового ВВП. При этом общий объем иностранных инвестиций, по прогнозам, составит одну треть мирового ВВП

4. ПОТОКИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И РОСТ АКЦИОНЕРНОГО КАПИТАЛА ВО ВСЕХ РЕГИОНАХ

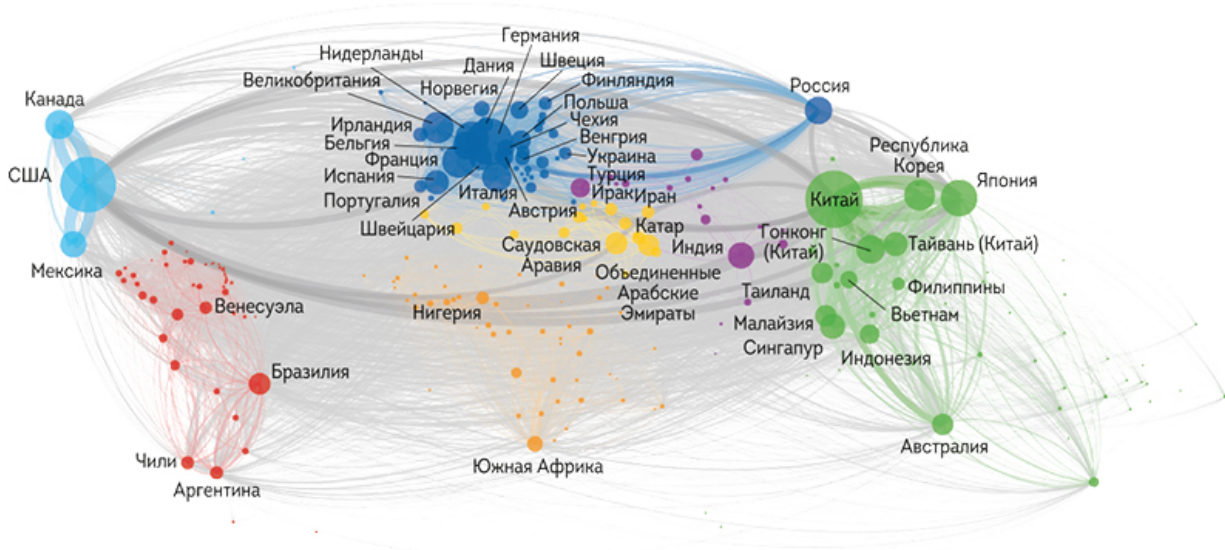

МИРА

В то время как США, Европа и Восточная Азия занимают ведущие позиции по объему прямых иностранных инвестиций, регионы с развивающимися рынками, такие как Южная Америка, Африка, Ближний Восток и Южная Азия, привлекают инвестиционные потоки во все возрастающих масштабах

5. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ О РАСТУЩЕЙ СВЯЗАННОСТИ

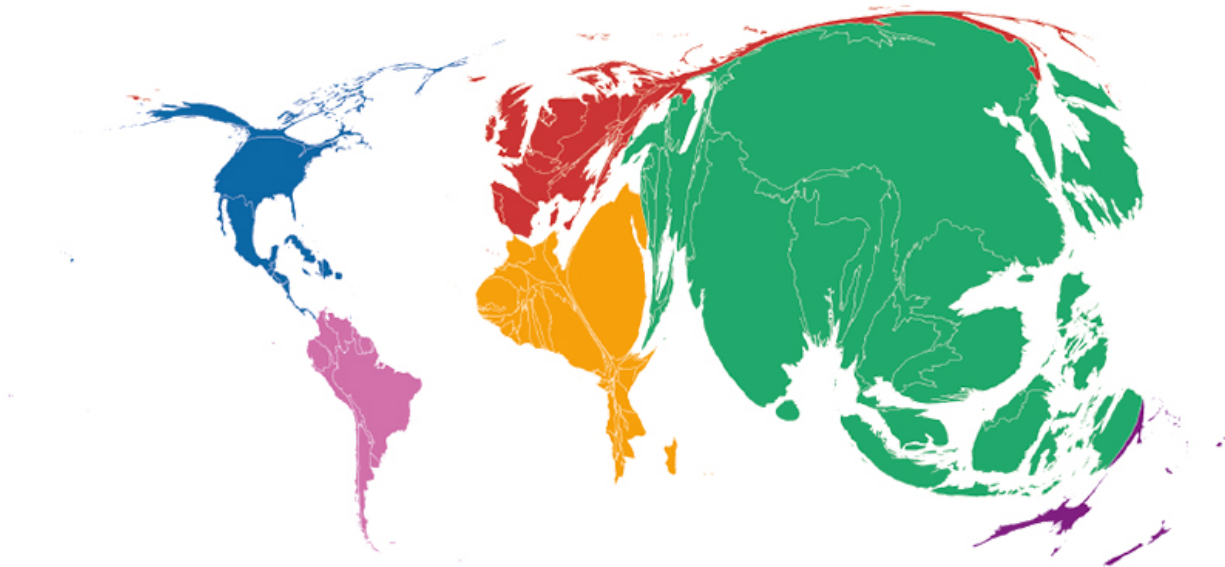
Согласно индексу глобальной интеграции DHL (2014 год), Европа остается самым связанным регионом мира; одновременно усиливается централизация торговых связей и цепей поставок Западной Азии. Поток товаров, капитала, людей и информации расширяется и охватывает самые отдаленные регионы и народы мира

6. УРОВЕНЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ КОНТИНЕНТОВ

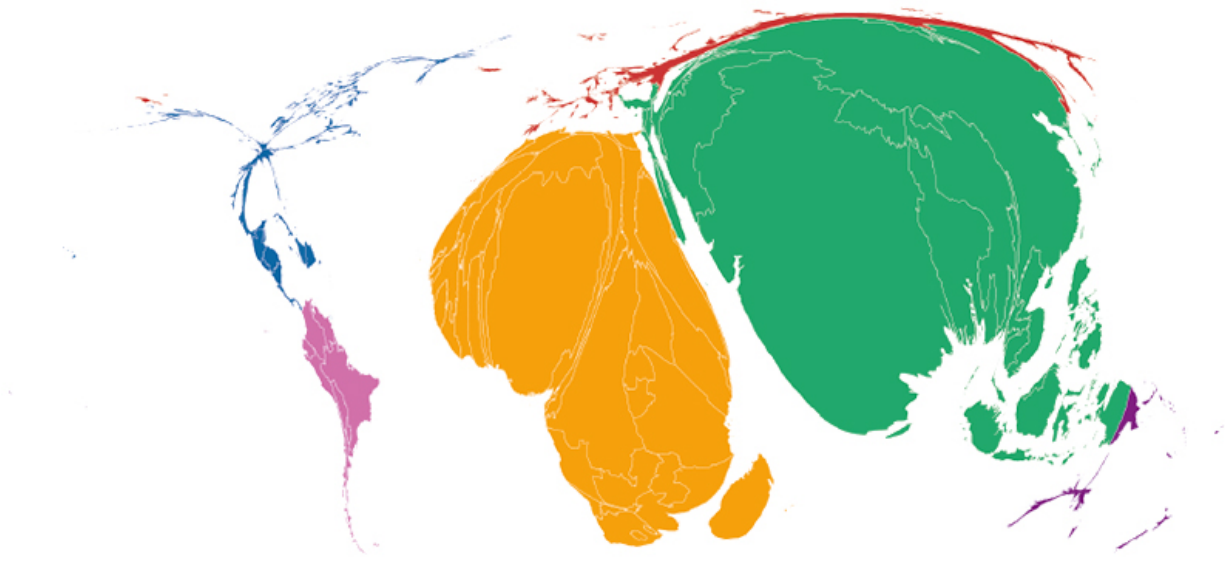
Распределение общего мирового богатства по континентам (2013 год)

7. БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ НАСЕЛЕНИЯ МИРА ПРОЖИВАЕТ В АЗИИ

Распределение населения по регионам мира (2013 год)

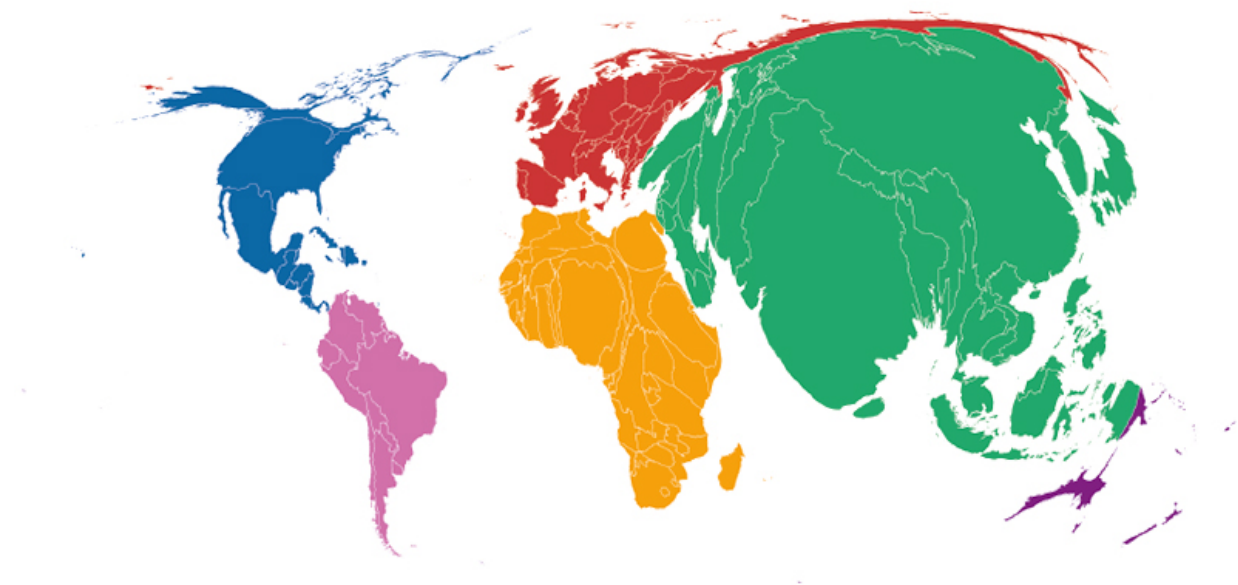
8. МИРОВЫЕ ЦЕНТРЫ БЕДНОСТИ В АЗИИ И АФРИКЕ

Удельный вес численности населения мира, живущего в бедности (2014 год)

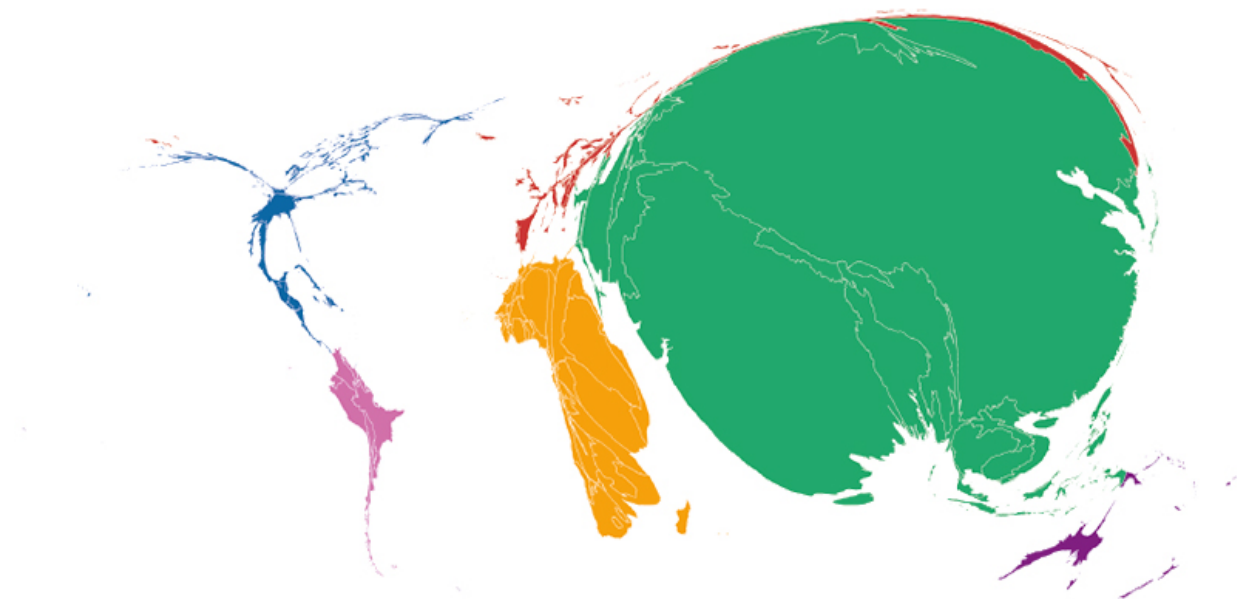
9. ВЫБРОСЫ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ В АТМОСФЕРУ РАСТУТ ПО МЕРЕ РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И

БЛАГОСОСТОЯНИЯ

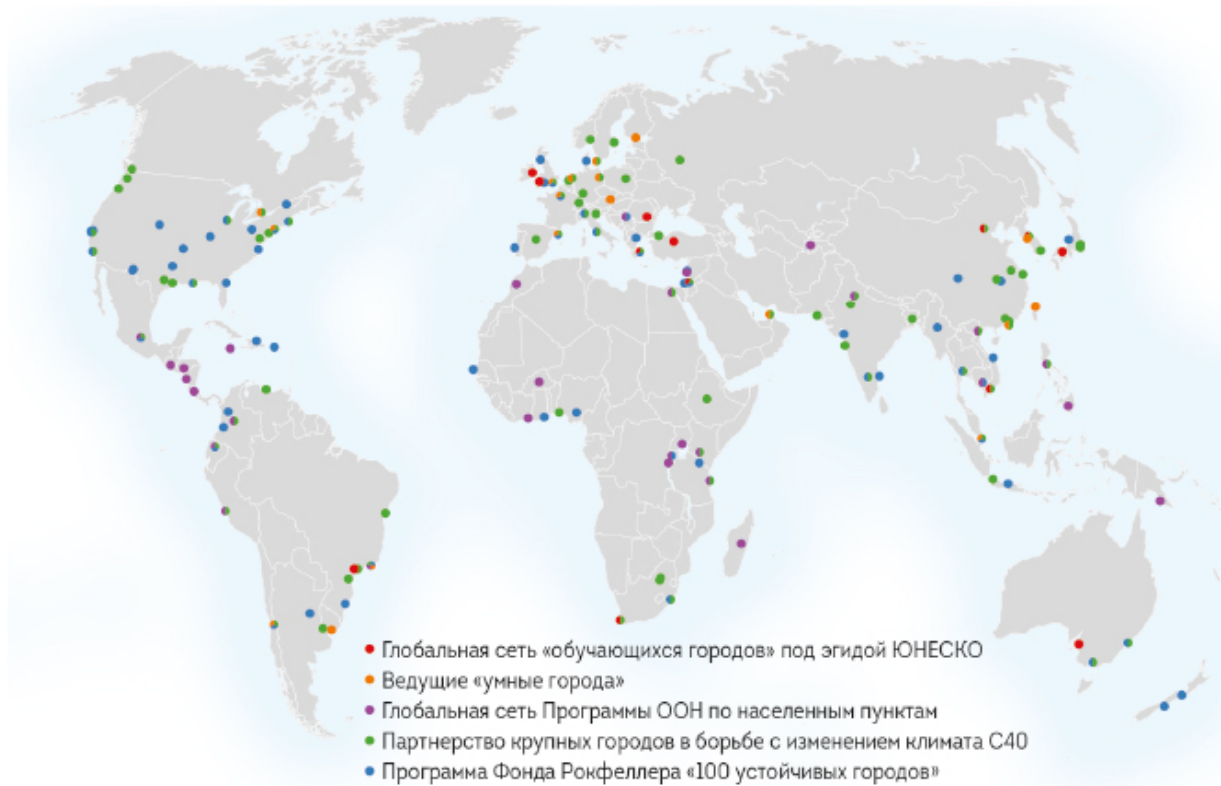
Общий объем выбросов парниковых газов от сжигания ископаемых видов топлива и производства цемента (2013 год)

10. АЗИЯ — ЭПИЦЕНТР ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ КЛИМАТИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ

Населению прежде всего угрожают наводнения, засухи и экстремальные температуры

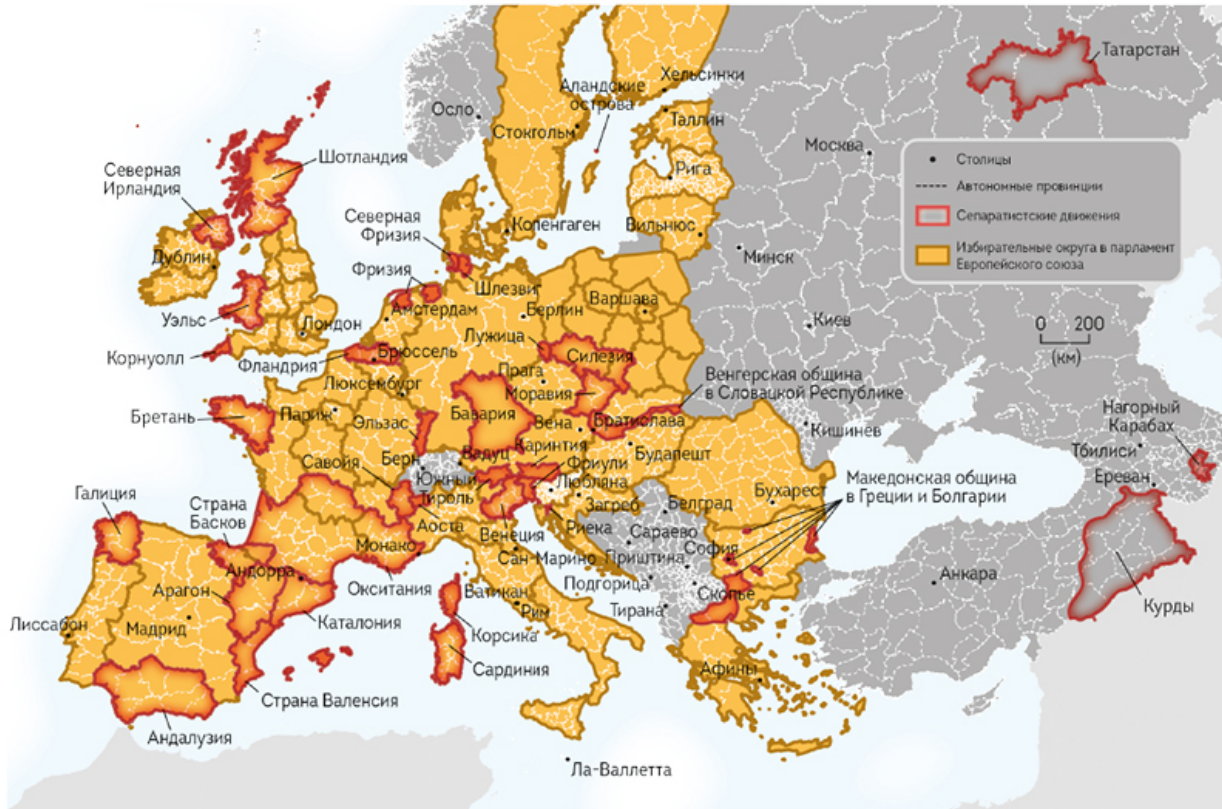
11. «ДИПЛОМАТИЯ ГОРОДОВ» УКРЕПЛЯЕТ МЕЖДУГОРОДНИЕ СВЯЗИ

Между городами формируются обучающие сети, обеспечивая обмен рекомендациями по сокращению выбросов парниковых газов, внедряя сенсорные технологии в окружающую среду, обеспечивая общественную безопасность и укрепляя устойчивость городов к стихийным бедствиям. Сегодня таких междугородних сетей больше, чем международных организаций

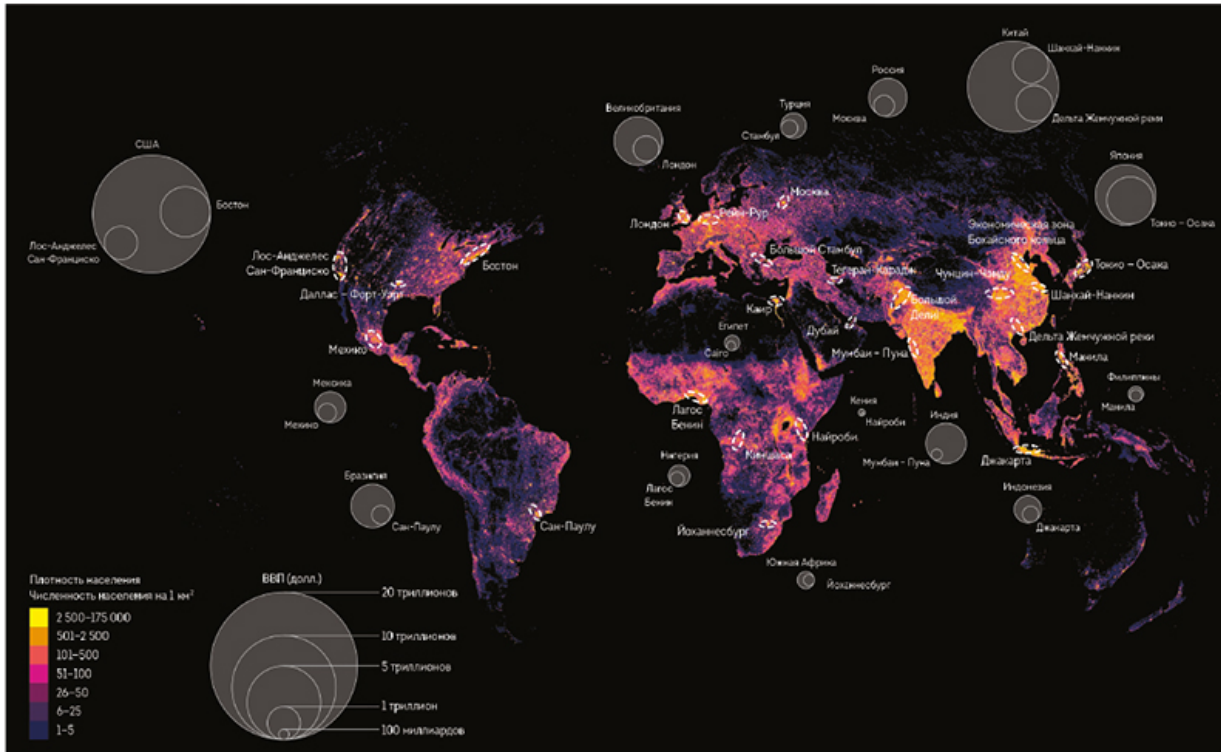
12. ЕВРОПА ФРАГМЕНТИРУЕТСЯ В ПРОЦЕССЕ СОВМЕСТНОГО РОСТА

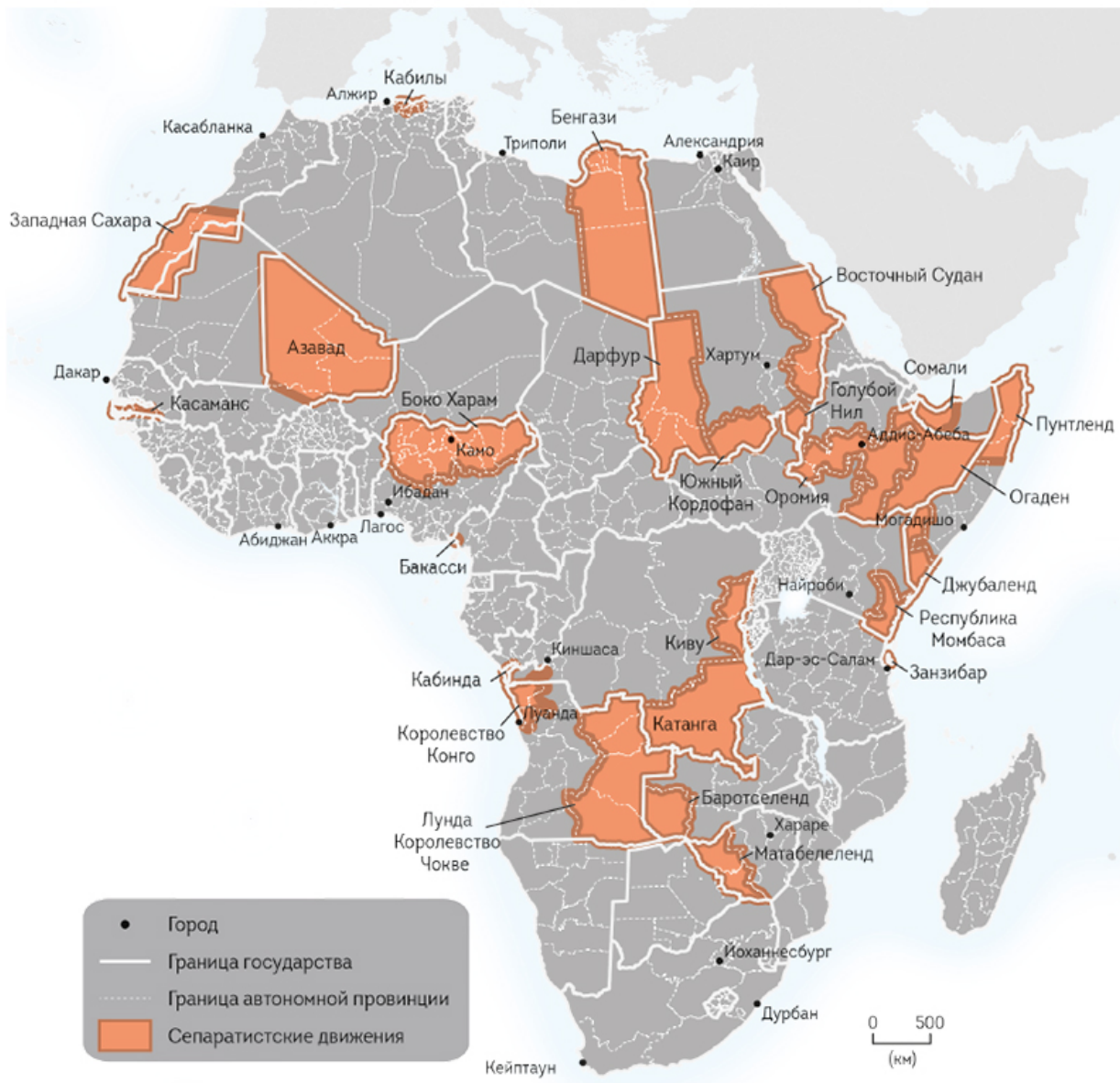
В Европе немало активных сепаратистских движений, и если они приведут к созданию новых государств, последние могут стать членами содружества в рамках Европейского союза

13. МЕГАГОРОДА КАК СУБЪЕКТЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

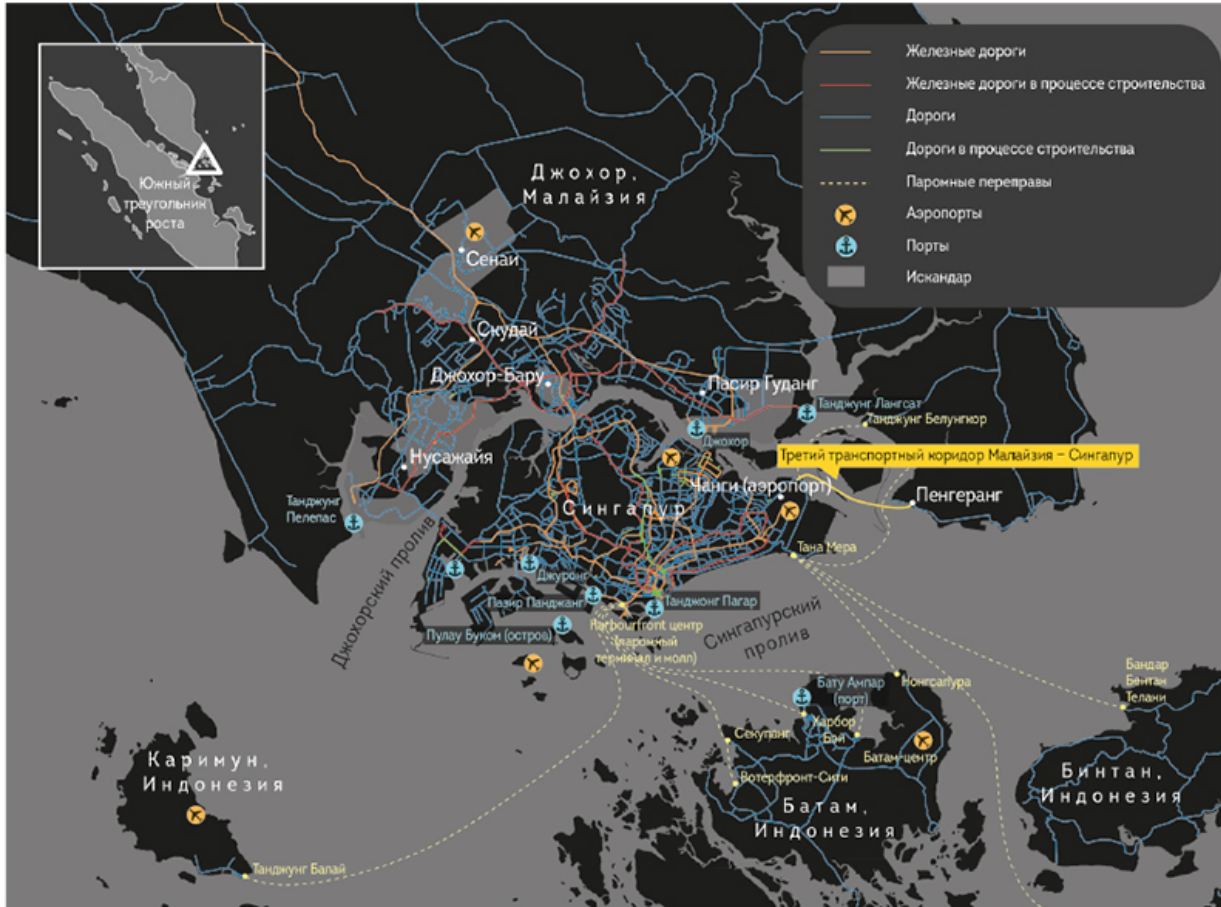
Удельный вес городских архипелагов в национальной экономике растет. Москва, Сан-Паулу, Лагос, Йоханнесбург — примеры растущих рынков, на которых один город доминирует в экономическом ландшафте

14. АФРИКА ОСТАЕТСЯ ЛИНИЕЙ РАЗЛОМА

На карте Африки по-прежнему отмечено множество сепаратистских движений, которые могут привести к созданию новых государств, а также большое количество фактически автономных провинций в составе африканских стран

15. СИНГАПУР РАСШИРЯЕТ СВОЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФИЮ

Сингапур не может расширить свою территорию, но его инвестиции в южную часть Малайзии и близлежащие острова Индонезии привели к формированию «треугольника роста» с развивающейся промышленностью и сельским хозяйством

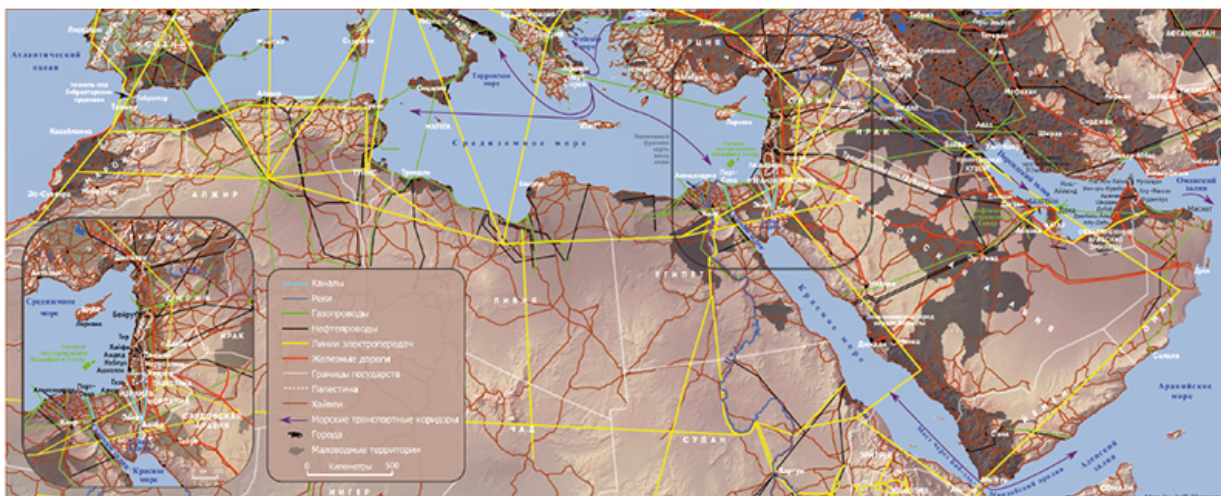

16. НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ ЕВРАЗИИ

Китай — ведущая сила в Азии, стремящаяся соединить крупнейшую в мире материковую территорию энергетической и транспортной инфраструктурой. Эти новые Железные шелковые пути могут оказаться более долговечными и преобразующими, чем Шелковые пути любой предыдущей эпохи

17. PAX ARABIA

Поскольку многие страны в этом регионе уже распались, арабский мир созрел для трансформации. Новая инфраструктура водоснабжения и электроэнергетики могла бы поспособствовать обмену ресурсами

между богатыми и бедными на них странами. А реконструированные транспортные коридоры превратили бы арабскую цивилизацию в совокупность городских агломераций, гораздо лучше связанных с Европой, Африкой и Центральной Азией. Связанность преобразовала бы и отношения арабских стран с Израилем, Турцией и Ираном

18.

PAХ

ASEANA

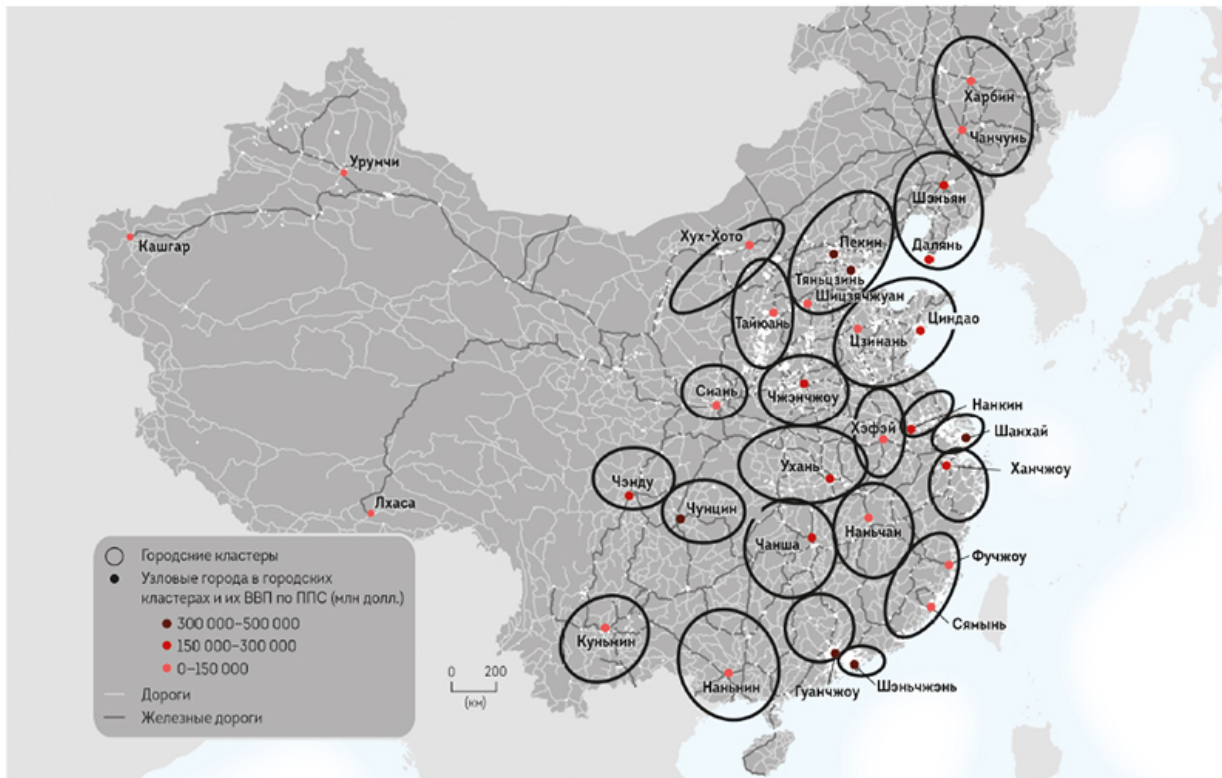
Юго-Восточная Азия лидирует среди постколониальных регионов по развитию функциональной интеграции при помощи транспортной и энергетической инфраструктуры, торговых соглашений и взаимодополняемости цепей поставок

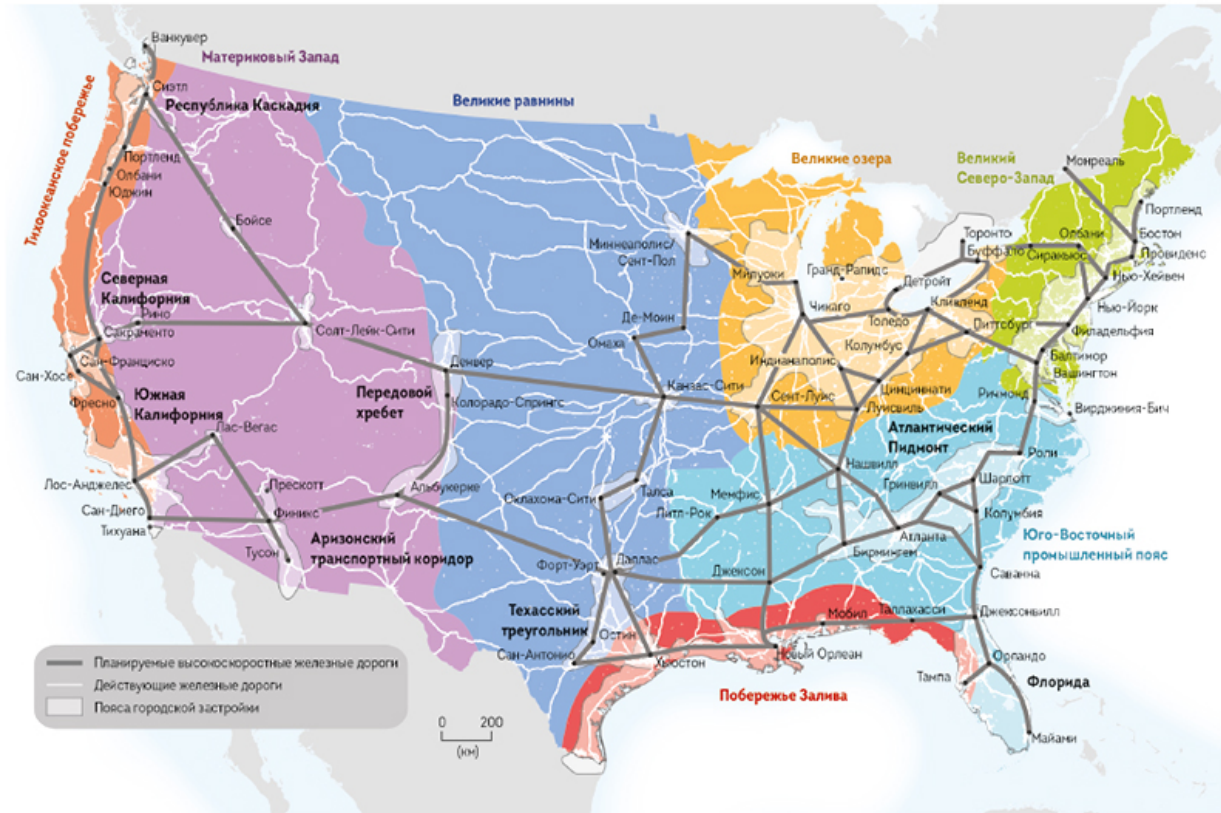
Африка до сих пор представляет собой скорее совокупность субрегионов, чем объединенный континент. Однако новые трансконтинентальные железные дороги и автомагистрали, плотины ГЭС и электрические сети, нефте- и газопроводы преобразуют ее произвольный постколониальный ландшафт, существенно повышая уровень связанности отдельных стран

20. КИТАЙ — ИМПЕРИЯ МЕГАПОЛИСОВ

Китай функционально реорганизуется вокруг двух десятков мегаполисов, которые интегрированы между собой благодаря густой сети внутренних дорог, в то время как высокоскоростное железнодорожное сообщение опоясывает и связывает всю страну

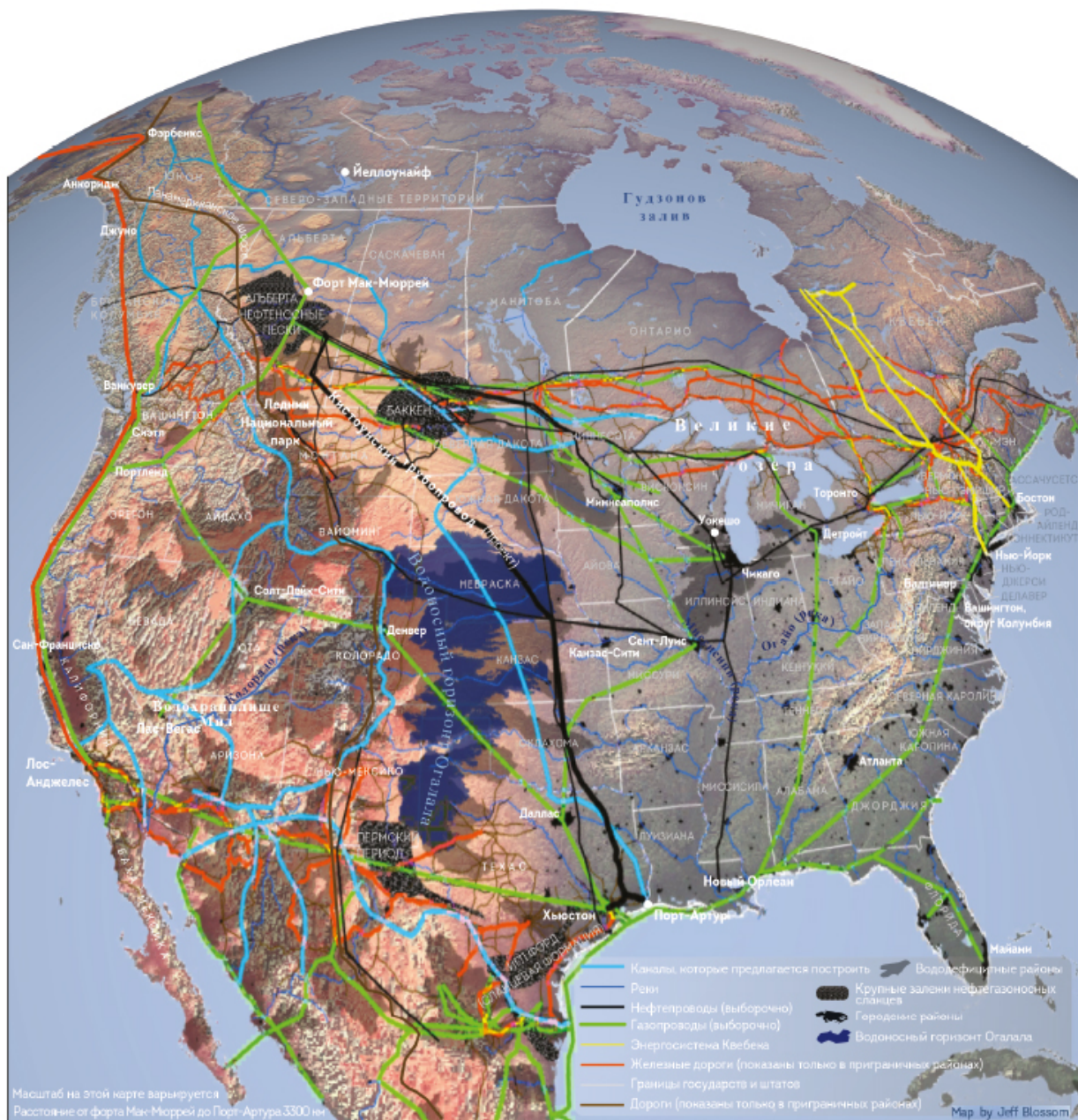
21. НЕ ТОЛЬКО ПЯТЬДЕСЯТ ШТАТОВ: НОВАЯ КАРТА США

Функциональные экономические регионы США имеют более широкую географию, чем следует из обычной карты с пятьюдесятью штатами, но при этом сосредоточены вокруг ключевых городов-узлов. Высокоскоростные железные дороги и интернет-кабели эффективно соединяют американские города, создавая «Соединенные Города-Штаты Америки»

22. ОТ НАФТА К СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКОМУ СОЮЗУ

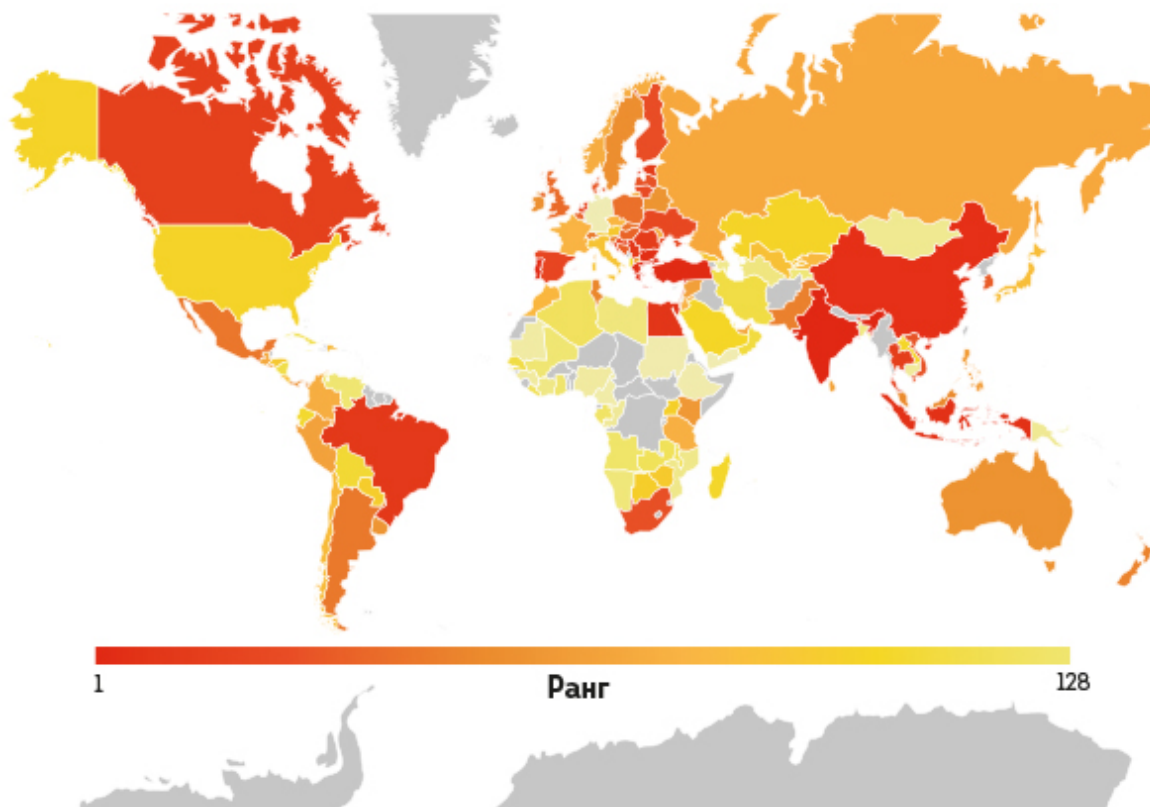
Канада, США и Мексика все сильнее интегрируются благодаря трансграничной инфраструктуре, совместному использованию ресурсов, торговле и инвестициям

Южная Америка почти полностью урбанизирована; большинство ее населения проживает на побережье Атлантического и Тихого океанов. Новые энергетические и транспортные связи позволяют странам континента более эффективно торговать через оба океана, особенно со странами Азии

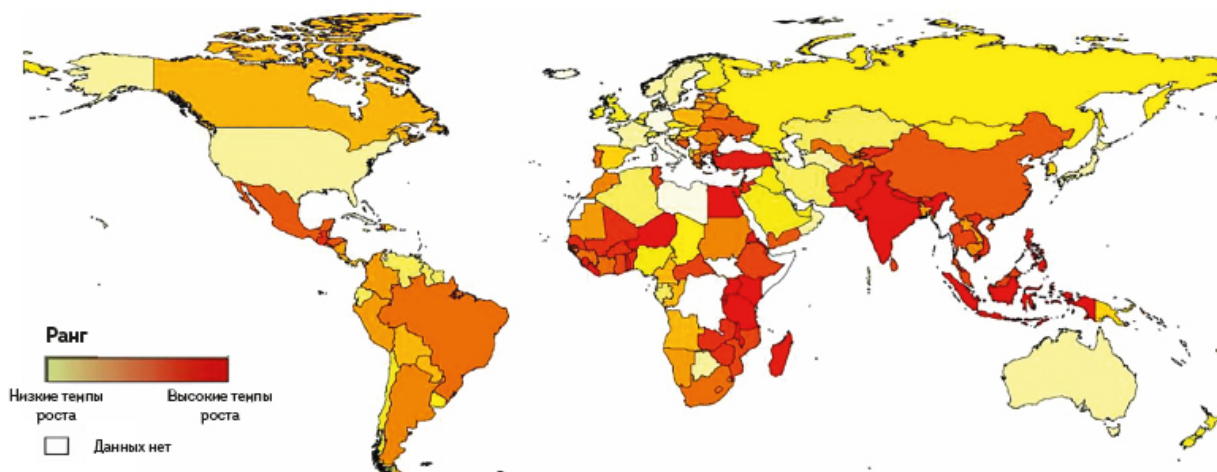

24. СТРЕМЛЕНИЕ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ

Индекс перспектив экономической сложности (2013 год) ранжирует страны в соответствии с развитием их производственного потенциала. Канада, Бразилия, Индия и Китай входят в число стран, которые могут извлечь максимальную выгоду из роста торговли с партнерами, чьи технологии и прочие ноу-хау способны повысить степень сложности их продуктов и экспортируемых товаров

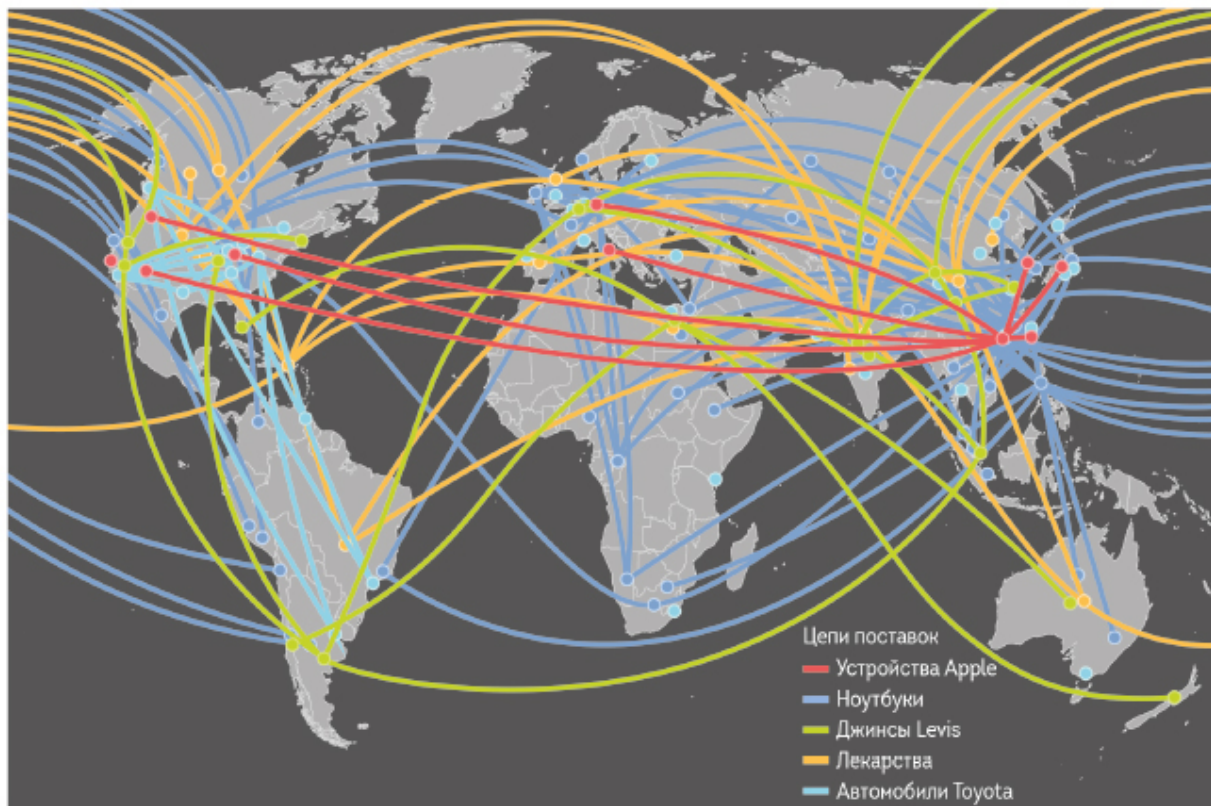
25. ОТ СЛОЖНОСТИ К РОСТУ

Прогноз наиболее вероятных темпов роста экономики стран до 2023 года, основанный на повышении их производственного потенциала, заложенного в их экспорт. Индия, Юго-Восточная Азия и Африка демонстрируют самые высокие темпы

26. ЦЕПИ ПОСТАВОК СТАНОВЯТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ РАЗВЕТВЛЕННЫМИ И СЛОЖНЫМИ

От электроники до текстильной и фармацевтической продукции цепи поставок становятся все разветвленнее под давлением местных рынков и растущих требований потребителей

27. КАКАЯ РОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ ПОДХОДИТ КИТАЮ?

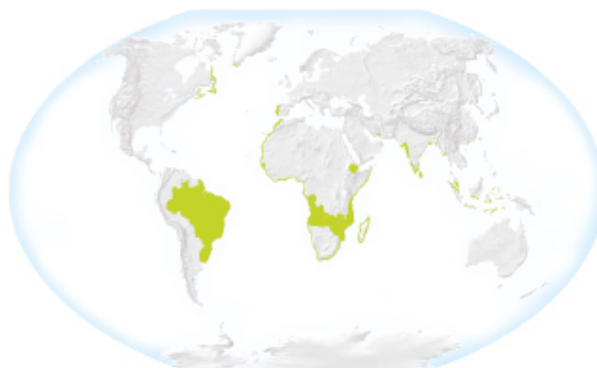
Британская колониальная империя

Голландская колониальная империя

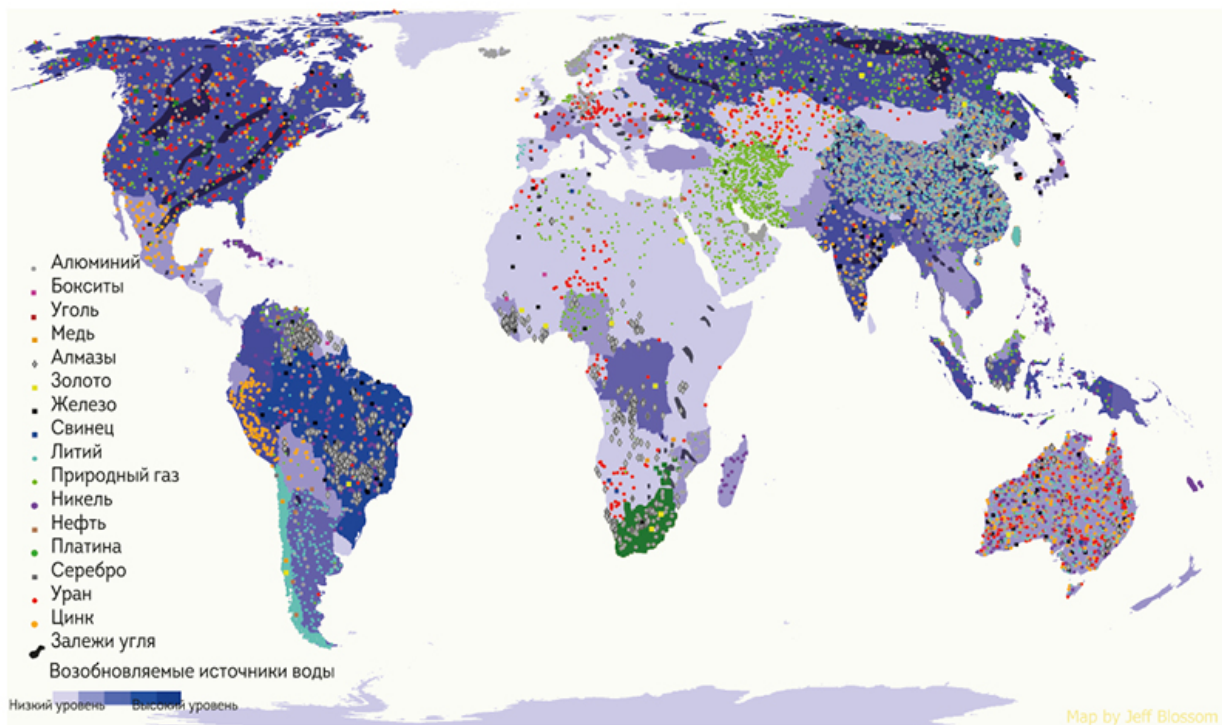
Испанская колониальная империя

Португальская колониальная империя

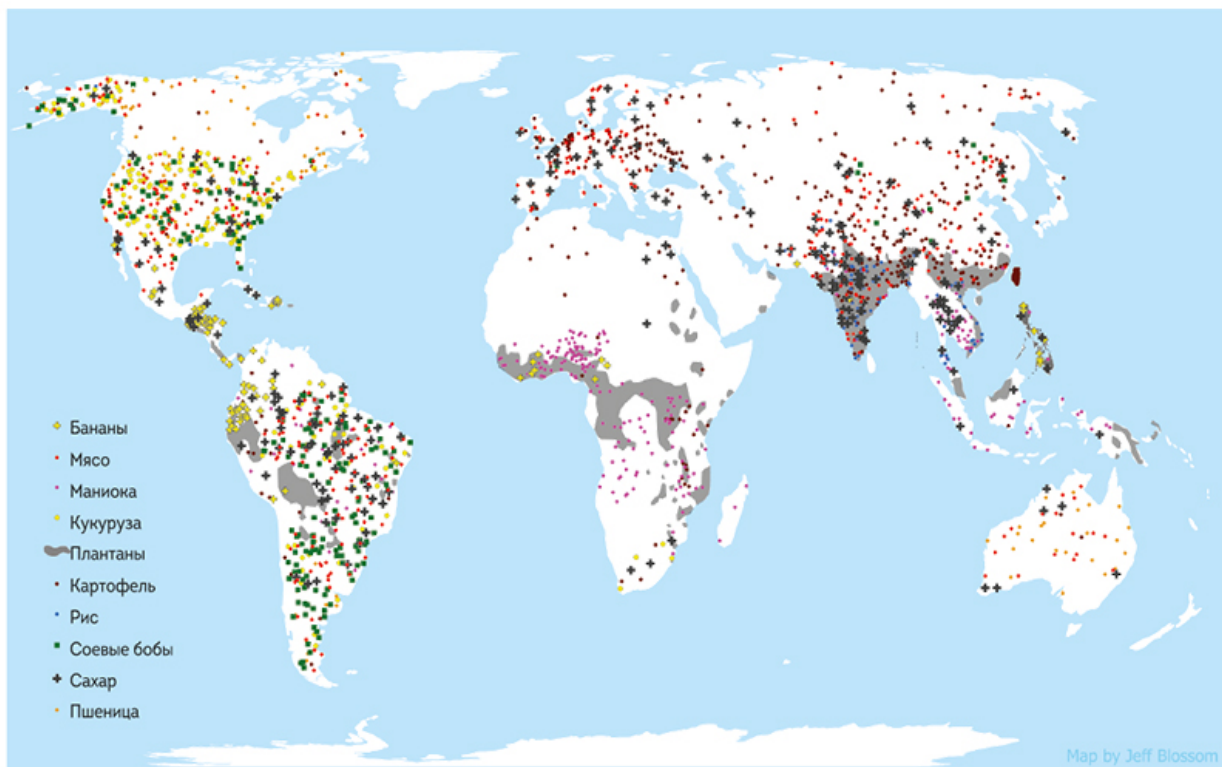
Среди великих империй Европы за последние пятьсот лет только Голландская империя состояла из анклавов, больше ориентированных на торговлю, а не на захват территорий

28. КАРТА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Размещение мировых углеводородных и минеральных ресурсов не совпадает с политическими границами. Инфраструктура, цепи поставок и рынки перемещают их от места залегания к месту потребления

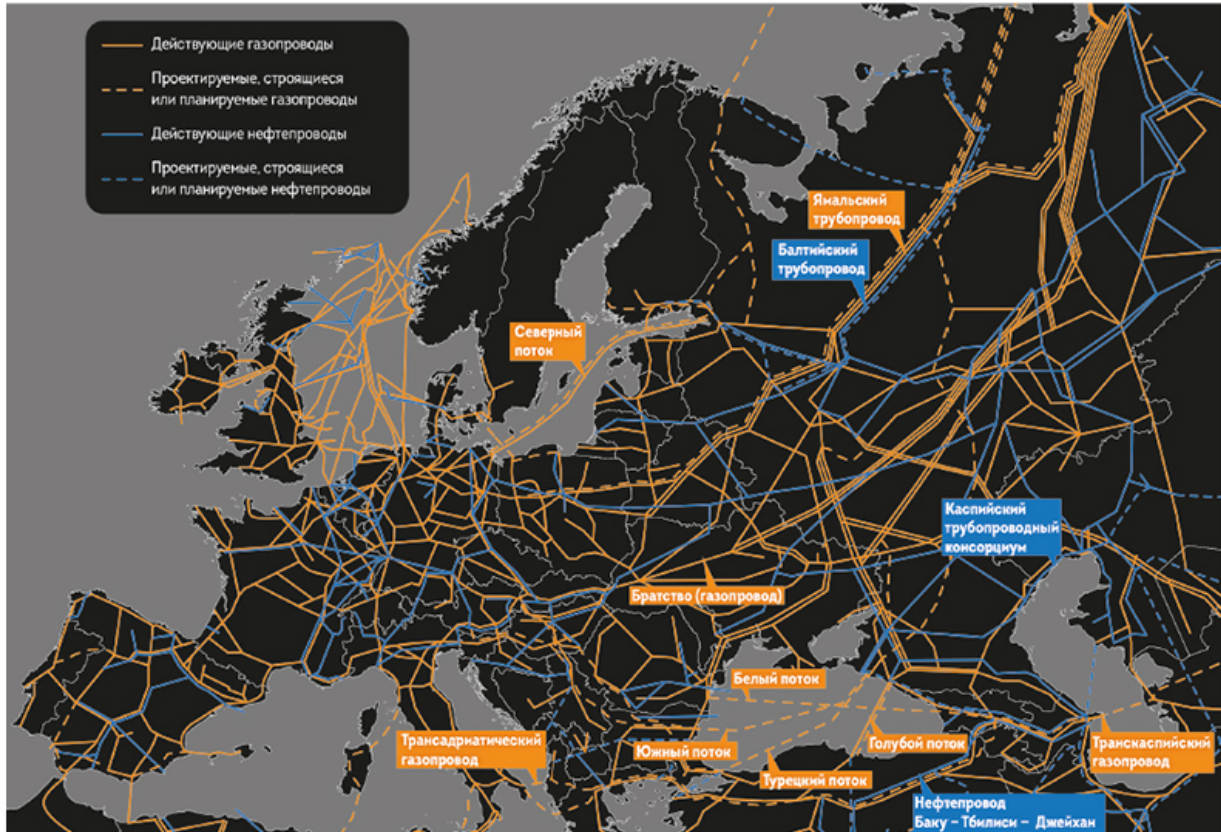
29. МИРОВЫЕ ЗАПАСЫ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Северная Америка, Южная Америка, Европа, Индия, Китай и Австралия располагают наибольшими сельскохозяйственными ресурсами. США, Австралия и ряд европейских стран — крупнейшие экспортеры продовольствия в мире

30. ЗАВИСИТ ЛИ ЕВРОПА ОТ ПОСТАВОК РОССИЙСКОЙ НЕФТИ?

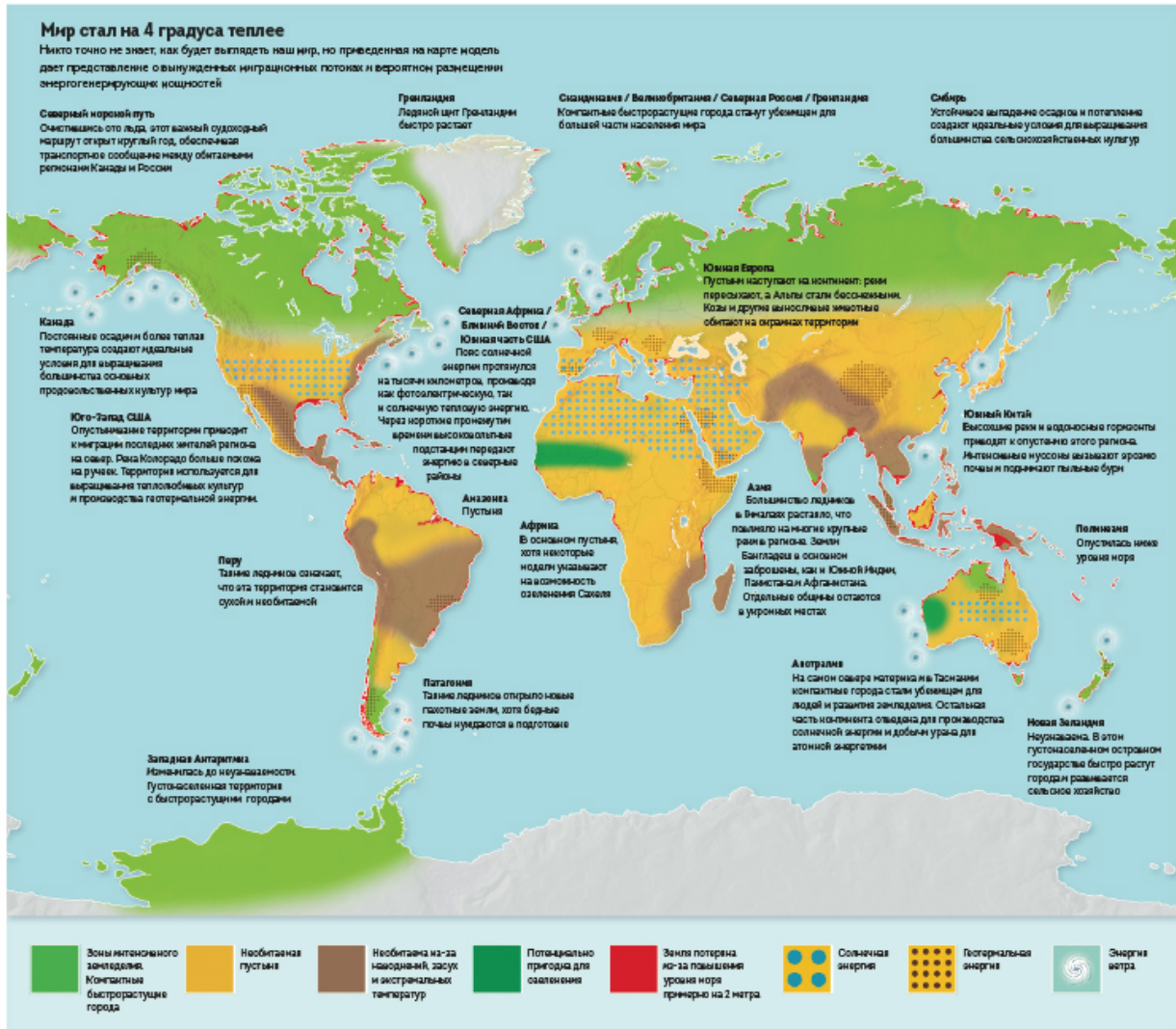
Новые нефте- и газопроводы с Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока уменьшают энергетическую зависимость Европы от России. В то же время новые российские трубопроводы в обход Украины уменьшают ее роль как страны-транзитера

По мере таяния льдов в Арктике спор за ее территорию и ресурсы все больше ожесточается. В то же время сочетание растущих среднегодовых температур, открытия новых ресурсов и создания транспортных коридоров приводит к росту численности населения, инвестициям в инфраструктуру и росту связанности территорий Крайнего Севера

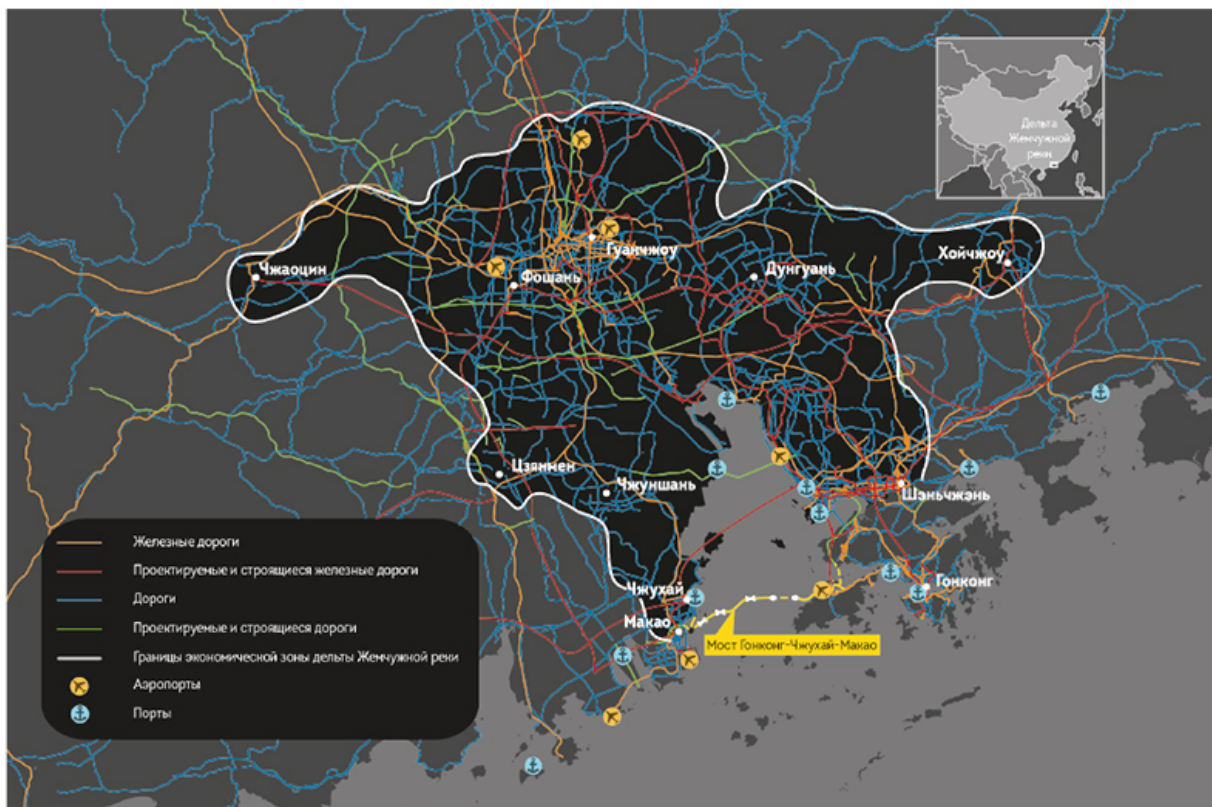

32. МИР СТАЛ НА 4 ГРАДУСА ТЕПЛЕЕ

Продолжающийся рост глобальных температур окажет сейсмическое воздействие на все регионы мира. Дождевые леса Амазонки станут пустыней. Ледники в Гималаях исчезнут, и большую часть территории двух самых густонаселенных стран мира — Китая и Индии — придется покинуть. Две крупнейшие страны мира по площади — Канада и Россия — станут единственными надежными поставщиками продовольствия, а возможно, и домом для миллиардов климатических беженцев

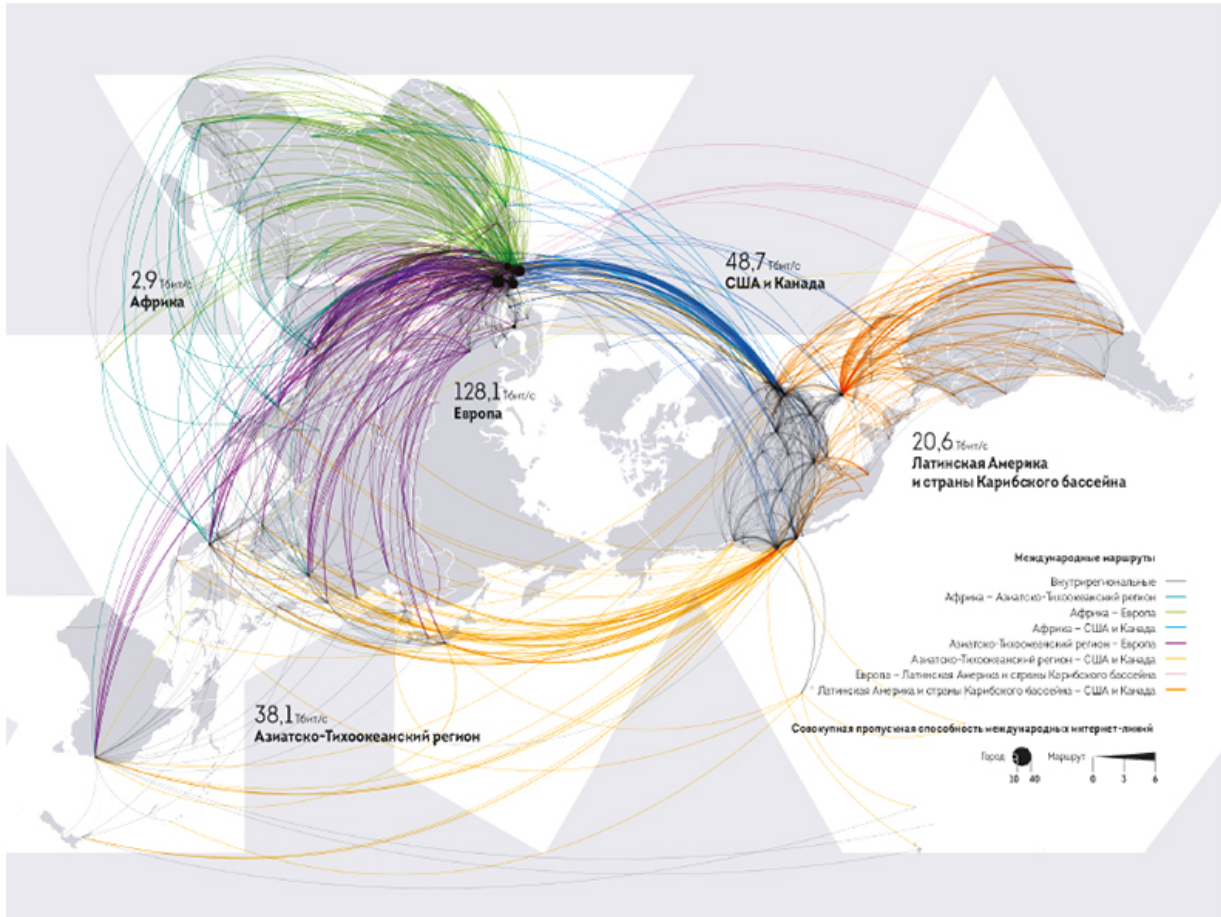
33. ОДИН МЕГАПОЛИС — МНОЖЕСТВО СИСТЕМ

Дельта Жемчужной реки фактически превратилась в один гигантский мегаполис, включающей десяток городов. К 2030 году его население достигнет 80 миллионов человек, а объем производства — 2 триллиона долларов

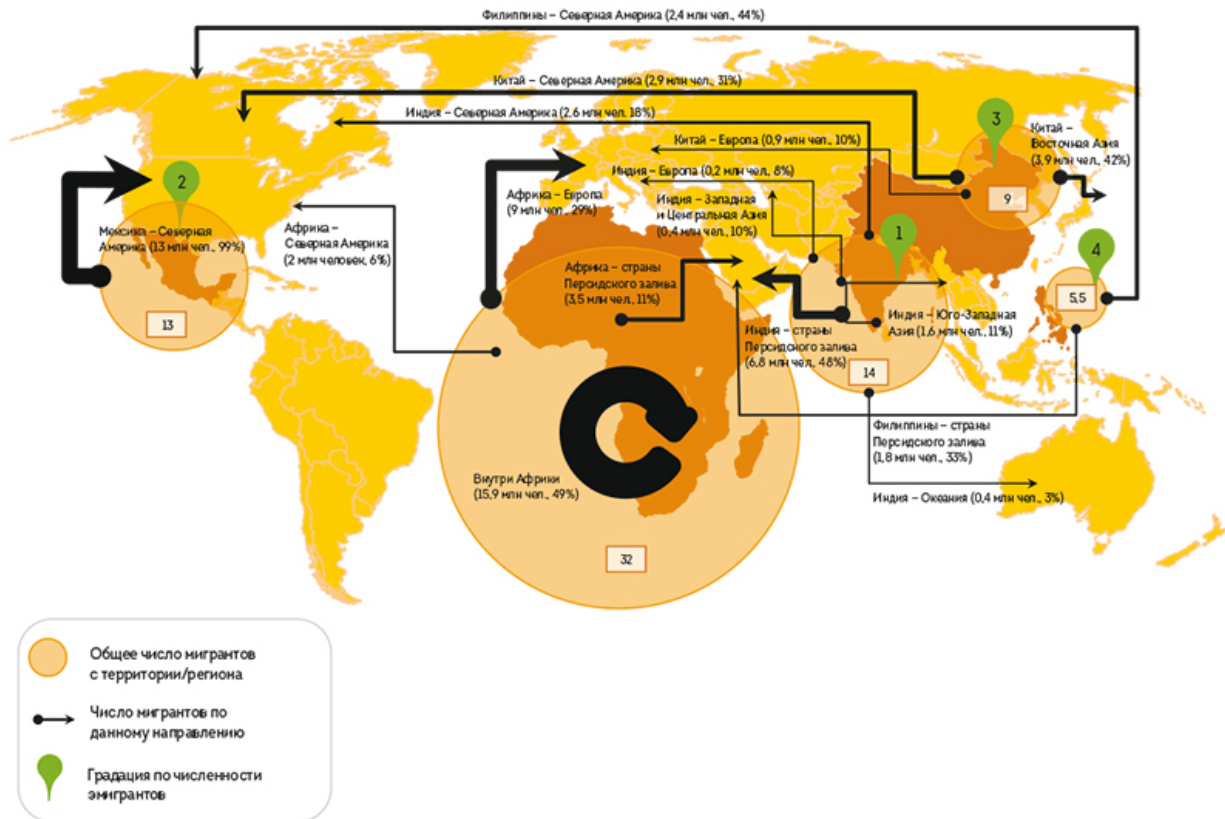
34. РАСШИРЕНИЕ И УСКОРЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПОТОКОВ ИНФОРМАЦИИ

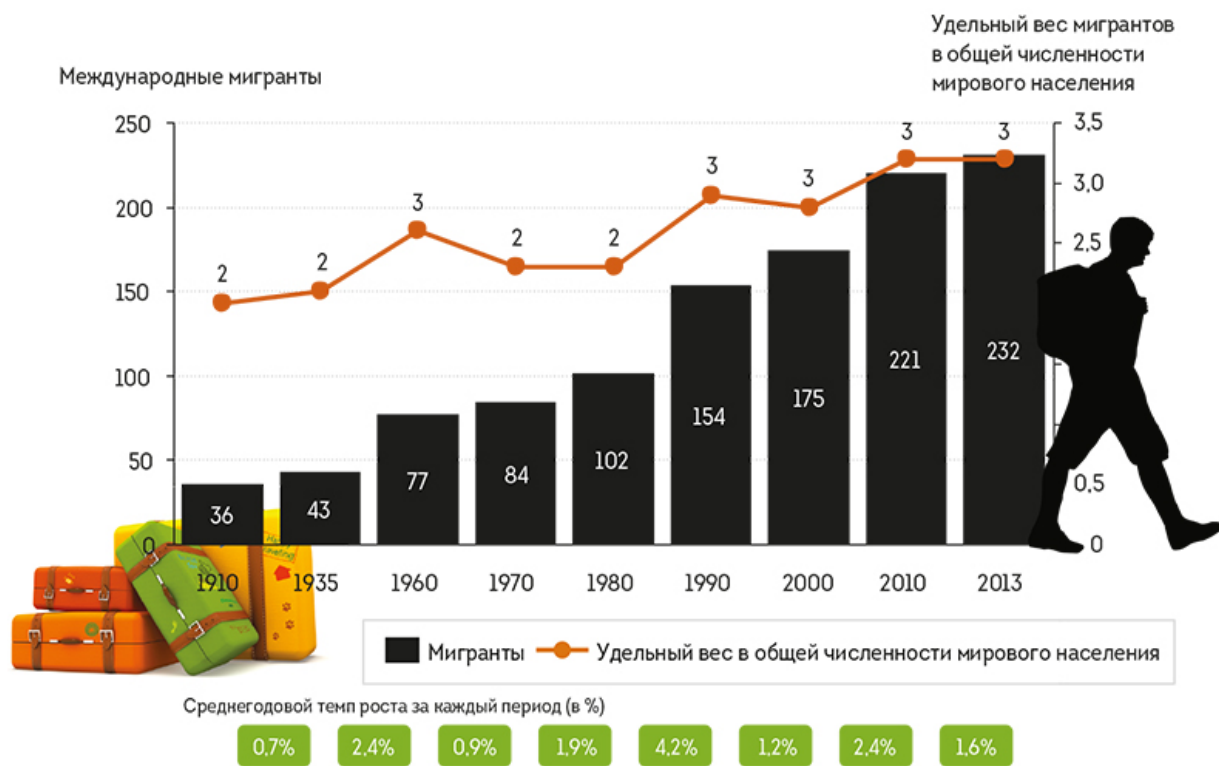
Число маршрутов передачи данных между крупными городами растет на всех континентах. Мощность компьютеров должна составлять терабиты в секунду. Европа в этом отношении существенно опередила остальной мир

35. ГЛОБАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ: ИСХОДНЫЕ ТОЧКИ И НАПРАВЛЕНИЯ

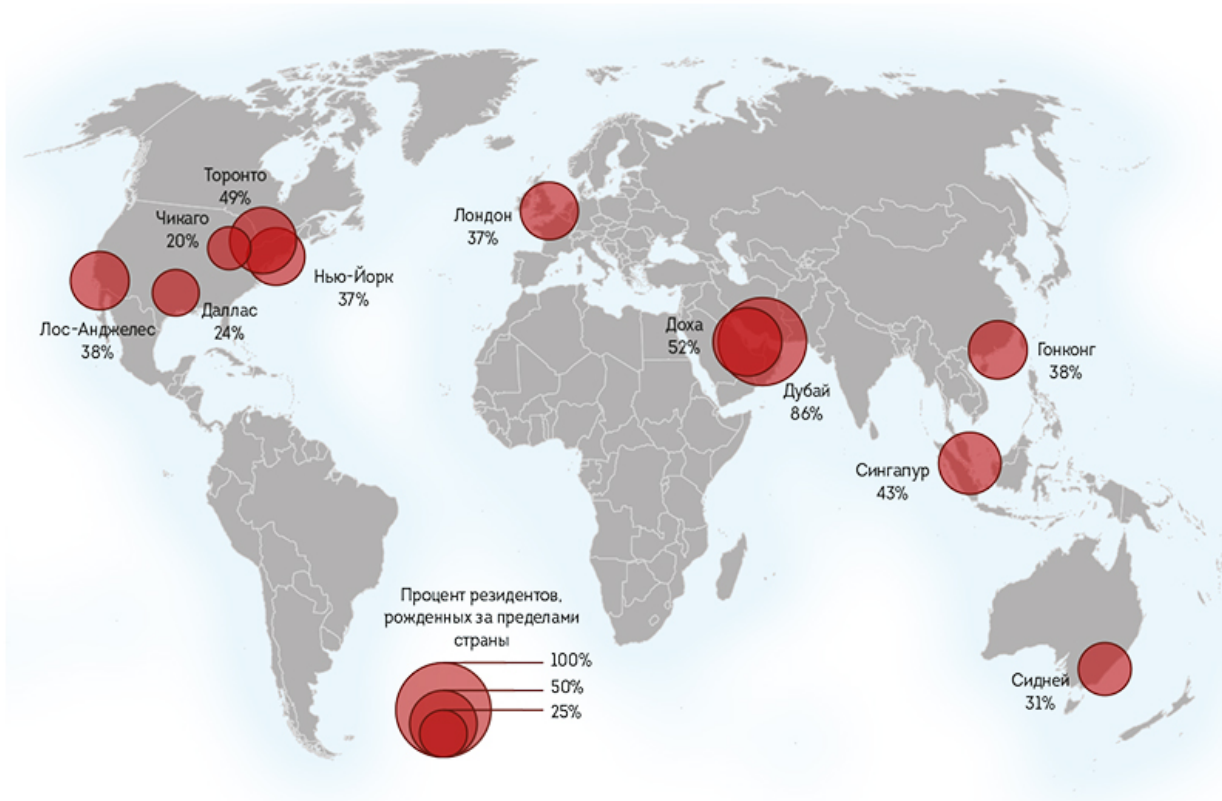
Африка, Индия, Мексика, Филиппины и Китай — крупнейшие поставщики мигрантов, пересекающих границы стран и континентов. Линии, соединяющие страны происхождения и назначения, указывают число мигрантов, проходящих по каждому коридору, и процент от общей численности мигрантов страны происхождения

36. МИР В ДВИЖЕНИИ: МИГРАЦИЯ УСИЛИВАЕТСЯ ПО МЕРЕ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ МИРА

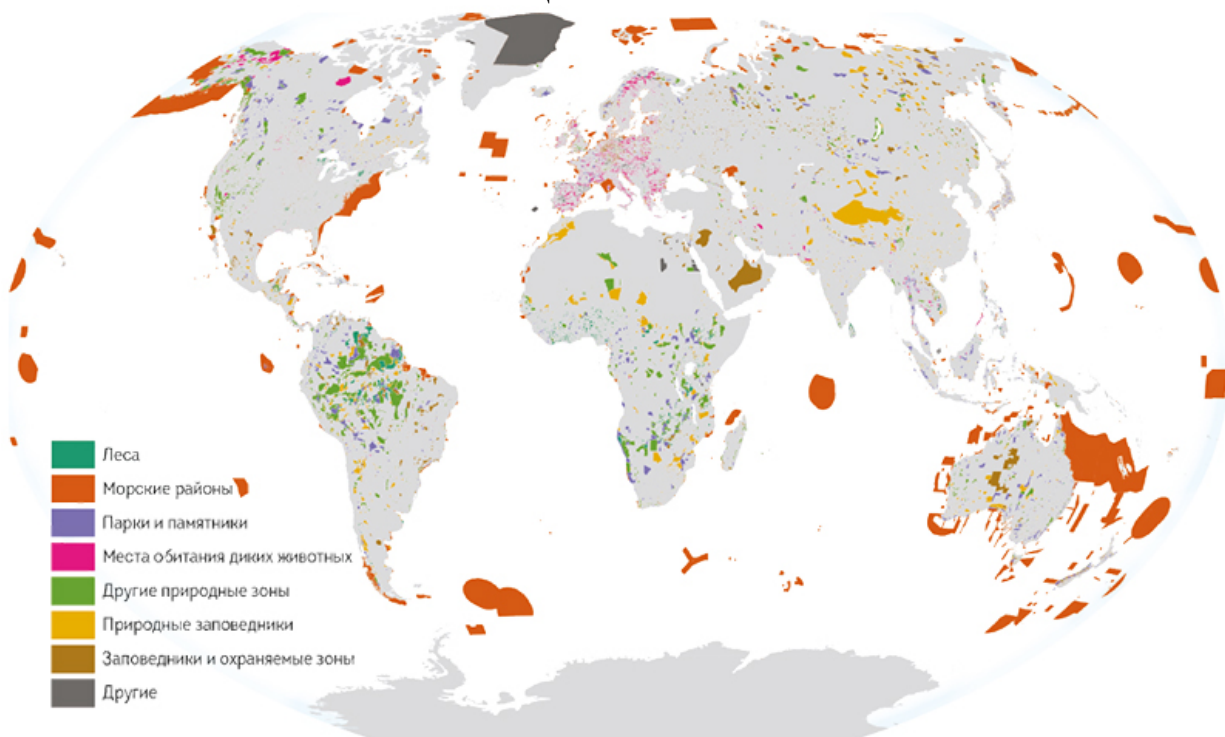

Хотя общее число людей, проживающих за пределами страны происхождения, продолжает расти, оно стабильно составляет незначительный процент от общей численности мирового населения

37. ГЛОБАЛЬНЫЕ УЗЛЫ СТАНОВЯТСЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПЛАВИЛЬНЫМИ КОТЛАМИ

По мере роста численности мигрантов в мире в связанных и открытых городах повышается процент иммигрантов. При этом что большую часть населения Дубая составляют выходцы из Южной Азии, удельный вес коренного населения города — самый маленький среди всех крупных городов

Правительства выделяют хрупкие экосистемы как защищенные зоны и в сотрудничестве с компаниями и общественными группами проводят их мониторинг и восстановление

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К КАРТАМ

[1] В книге «Столкновение цивилизаций» (The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order) Сэмюэл Хантингтон оставил открытым вопрос о том, принадлежит ли Латинская Америка к странам Запада или представляет собственную уникальную цивилизацию. (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. СПб : Мидгард, 2006.)

[2] Jerry Brotton, *History*, Introduction.

[3] Некоторые называли эту зарождающуюся науку социографией.

ГЛАВА 1

[1] Этого было достаточно для того, чтобы довести темпы роста индустриальных западных стран до двухпроцентного уровня в течение XIX века.

[2] См. Isabelle Cohen et al., The Economic Impact and Financing of Infrastructure Spending (Thomas Jefferson Program in Public Policy, College of William & Mary, 2012). В начале 1980-х годов экономист

из Оклахомы Пэт Чот, более известный как кандидат в вице-президенты в президентской гонке Росса Перро в 1996 году от Партии реформ, написал книгу *America in Ruins* («Америка в руинах»), в которой предупреждал об устаревании инфраструктуры в США.

[3] Всемирный банк предлагает примерную типологию основных объектов инфраструктуры, критически важных для развития: <http://data.worldbank.org/about/world-development-indicators-data/infrastructure>.

[4] Стокгольмский институт исследования проблем мира сообщает, что мировые расходы на оборону составляют 2,4 процента от мирового ВВП. Военные расходы в США снизились почти на 8 процентов, в то время как в Китае и России увеличились на 7,4 и 4,8 процента соответственно. Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, такие как Саудовская Аравия, тоже умеренно нарастили военные расходы. См. http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database/milex_database

[5] Прогнозы и оценка капитальных проектов и расходов на инфраструктуру компании PricewaterhouseCoopers и Oxford Economics. См. <http://www.pwc.com/gx/en/capital-projects-infrastructure/publications/cpi-outlook/assets/cpi-outlook-to-2025.pdf>. Оценки текущих ежегодных расходов на инфраструктурные проекты колеблются в пределах 2–3 триллионов долларов. По данным компании McKinsey, только для сохранения нынешних темпов роста ВВП придется ежегодно тратить 3,5 триллиона долларов на инфраструктуру. Консалтинговая компания Bain & Company в 2017 году оценивала объем этих расходов в 4 миллиарда долларов.

[6] Нидерландско-бельгийская граница проходит прямо по квартирам и общественным кафе городка Барле-Нассау — или Баарле-Хертог, в зависимости от того, по какую сторону этой невидимой линии вы находитесь. В любом случае это территория Шенгенской зоны Европейского союза. Из-за оговорки в Парижском договоре 1783 года 120 жителей поселка Angle Township в Миннесоте фактически оказались на канадской территории и пользовались одной телефонной будкой, совместно обслуживаемой американской и канадской таможней, чтобы сообщать о своих доходах и расходах.

[7] См. “More Neighbours Make More Fences,” *The Economist*, Sept. 15, 2015.

[8] “Why Walls Don’t Work,” *Project Syndicate*, Nov. 13, 2014.

[9] Vaclav Smil, *Making the Modern World: Materials and Dematerialization* (MIT Press, 2007), p. 157.

[10] Ron Boschma and Ron Martin, “The Aims and Scope of Evolutionary Economic Geography” (Utrecht University, Jan. 2010).

[11] Michio Kaku, *Physics of the Future: How Science Will Shape Human Destiny and Our Daily Lives by the Year 2100* (Anchor, 2012) (*Каку М. Физика будущего. М. : Альпина-нонфикшн, 2018*).

[12] В кратком, но авторитетном трактате *Empire* (Harvard University Press, 2000) американский ученый Майкл Хардт и итальянский диссидент Антонио Негри определяют глобализацию как неконтролируемый и всеохватывающий процесс, не имеющий определенной локализации.

[13] Сегодняшние комплексные глобальные цепи поставок, — включающие как государственные, так и коммерческие компании, — представляют собой то, что пионер в этой области исследований Джеймс Розенау назвал «сферами компетенции»: транстерриториальное, межюрисдикционное образование с низким уровнем институализации, со множеством частных и государственных операторов и органов управления, а также масштабной вовлеченностью широких слоев населения.

[14] Такой набор инструментов, как электронный обмен данными, позволяющий объединить данные поставщика, покупателя и статистику рынка для прогнозирования объема и колебаний спроса, а также сенсорная сеть мониторинга запасов, сокращение неоправданных расходов и повышение эффективности, первоначально разрабатывался как составляющая процесса оптимизации производственной деятельности под названием «Шесть сигма».

[15] Академия снабжения при консалтинговой компании Accenture приглашает менеджеров из компаний, входящих в рейтинг Fortune 1000, записаться на свои обучающие онлайн-курсы, основанные на реальных деловых ситуациях и ориентированные на достижение такой оптимизации.

[16] “Geography: Use It or Lose It,” remarks at the U.S. Department of State, May 25, 2010.

ГЛАВА 2

[1] John Maynard Keynes, *The Economic Consequences of the Peace*. (Harcourt, Brace and Howe, 1920), Chapter II.

[2] Peter Nolan, *Is China Buying the World?* (Polity, 2013).

[3] “Flow Dynamics,” *The Economist*, Sept. 19, 2015.

[4] Финансовые потоки (такие как глобальные банковские операции, иностранные инвестиции и портфельный капитал) увеличились с 470 миллиардов (4 процента от ВВП) в 1980 году до 12 триллионов долларов (21 процент в исчислении от гораздо большей суммы ВВП) в 2007-м. После финансового кризиса кризис банковской системы в еврозоне и более высокие требования к резервированию капитала сократили потоки капитала до менее 10 процентов от ВВП.

[5] Турецкая компания Аука Tekstil и шведская H&M — также крупные производители одежды и бренды, которые расширили свои операции в Эфиопии.

[6] См. DHL’s Global Connectedness Index 2014, <http://www.dhl.com/en/>.

[7] Мелкие бельгийские банки выступают в качестве кастодианов и хранят в казначейских облигациях США около 400 миллиардов долларов (почти 70 процентов ВВП), принадлежащих ведущим зарубежным инвесторам, таким как Китай.

[8] В 2013 году из общей стоимости трансграничных потоков 18 триллионов долларов приходилось на товары, 5 триллионов долларов на услуги и 4 триллиона долларов на финансовые активы.

[9] National Intelligence Council, *Global Trends 2030: Alternative Worlds* (National Intelligence Council, 2012).

[10] Manuel Castells, *The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development* (Blackwell Publishers, 1990).

[11] Michele Acuto and Steve Rayner, “City Networks: Breaking Gridlocks or Forging (New) Lock-ins?,” unpublished paper, 2015.

ГЛАВА 3

[1] Кроме того, согласно одному каталогу, существует по меньшей мере четыреста так называемых эксцентричных микронаций, стремящихся к созданию собственных государств хоть в диких степях Америки и Австралии, хоть на заброшенных нефтяных вышках, как княжество Силенд в Северном море.

[2] Alberto Alesina and Bryony Reich, “Nation-Building” (National Bureau of Economic Research working paper 18839, Feb. 2013).

[3] Alberto Alesina and Enrico Spolaore, “Conflict, Defense Spending, and the Number of Nations,” *European Economic Review* 50, no. 1 (2006).

[4] В 1992 году почти в трети стран мира происходили политические волнения, связанные с насилием. Хуже того, этнические войны, как правило, длятся в два, а то и в три раза дольше, чем межгосударственные или гражданские конфликты.

[5] Edward Luttwak, “Give War a Chance,” *Foreign Affairs*, July/Aug. 1999.

[6] Эти группы — коллективные члены Организации непредставленных наций и народов.

[7] Сардиния является одной из пяти автономных областей Италии наряду с Венецией, Сицилией, Трентино и Валле-д’Аоста.

ГЛАВА 4

[1] Antoni Esteveordal, Juan Blyde, and Kati Suominen, “Are Global Value Chains Really Global? Policies to Accelerate Countries’ Access to International Production Networks” (Inter-American Development Bank, 2012).

[2] Stelios Michalopoulos and Elias Papaioannou, “The Long-Run Effects of the Scramble for Africa” (NBER working paper 17620, Nov. 2011). Одним из примеров отношения европейских колонизаторов к африканским территориям как к фамильной собственности может служить факт дарения королевой Викторией горы Килиманджаро (на границе Танзании и Кении) своему племяннику кайзеру Пруссии Вильгельму II.

[3] Philip Mansel, *Constantinople* (Penguin, 1997).

[4] Antonia Guterres, quoted in “Global Refugee Figure Passes 50m for First Time Since Second World War,” *The Guardian*, June 20, 2014.

[5] Norimitsu Onishi, “As Syrian Refugees Develop Roots, Jordan Grows Wary,” *New York Times*, Oct. 5, 2013.

[6] Углубленное исследование семи потенциальных сценариев говорит о том, что создание двух государств наиболее эффективно с точки зрения затрат как для Израиля, так и для Палестины. См. *The Costs of the Israeli-Palestinian Conflict* (Rand, 2015).

[7] Jodi Rudoren, “In West Bank Settlements, Israeli Jobs Are Double-Edged Sword,” *New York Times*, Feb. 10, 2014.

[8] Stanley Reed and Clifford Krauss, “Israel’s Gas Offers Lifeline for Peace,” *New York Times*, Dec. 14, 2014.

ГЛАВА 5

[1] Richey Piiparinen and Jim Russell, *From Balkanized Cleveland to Global Cleveland: A Theory of Change for Legacy Cities* (White Paper funded by Ohio City Inc., 2013).

[2] Близлежащий округ Чжуншань также является примером жесткого разделения труда: компания Dachong производит мебель из красного дерева; Dongfeng — бытовую технику, Guzhen — осветительные приборы, Huangpu — продукты питания, Shaxi — повседневную одежду, Xiaolan — дверные замки, акустические системы и так далее.

[3] Китайский академик Чжэн Юнньюнь называет нынешний статус Китая «поведенческим федерализмом».

[4] Через такой механизм финансирования местных органов власти, как инвестиционные облигации, распространяемые как внутри страны, так и за рубежом, муниципалитеты Китая ежемесячно мобилизуют около миллиарда долларов на реализацию проектов развития.

[5] Lydia DePillis, “This Is What a Job in the U.S.’s New Manufacturing Industry Looks Like,” *Washington Post*, Mar. 9, 2014.

[6] <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=506922386075591>.

[7] Richard C. Longworth, *Caught in the Middle: America’s Heartland in the Age of Globalism* (Bloomsbury, 2009).

[8] В то же время Вашингтон использует федеральные гранты на строительство автодорог как средство шантажа, чтобы навязать введение не связанных с ними нормативных актов, таких как возраст для покупки алкоголя и взносы на Medicare. См. Richard A. Epstein and Mario Loyola, “The United State of America,” *Atlantic*, July 31, 2014.

[9] Chris Benner and Manuel Pastor, “Buddy, Can You Spare Some Time? Social Inclusion and Sustained Prosperity in America’s Metropolitan Regions/Working Paper,” MacArthur Foundation Network on Building Resilient Regions, May 31, 2013.

[10] Henry Zhang, “China to Build Cities and Economic Zones in Michigan and Idaho,” *Policy Mic*, May 20, 2012.

[11] Ben Tracy, “Lake Mead is Shrinking — and with it Las Vegas’ water supply,” *CBS News*, Jan. 30, 2014.

ГЛАВА 6

[1] В начале 2015 года торговый дом Itochu сделал самую крупную за всю историю Японии инвестицию в Китай, выкупив (вместе с таиландской компанией CP Group) десятипроцентный пакет акций одного из старейших и наиболее уважаемых китайских холдингов CITIC.

ГЛАВА 7

[1] Интервью с автором от 18 июля 2015 года.

[2] Enrico Moretti, *The New Geography of Jobs* (Houghton Mifflin Harcourt, 2012).

[3] Josh Tyrangiel, “Tim Cook’s Freshman Year: The Apple CEO Speaks,” *Bloomberg Businessweek*, Dec. 6, 2012.

[4] Тем не менее аддитивное производство и экономика совместного потребления в совокупности вызывают крупномасштабную реорганизацию внутри страны. Строительный сектор не является экспортным, но его можно еще больше автоматизировать, поскольку сейчас целые дома разрабатываются, печатаются и собираются на 3D-принтерах, вытесняя строительные компании и проектные организации по всей Америке и Европе.

[5] “Bits, Bytes, and Diplomacy,” *Foreign Affairs*, Sept./Oct. 1997.

[6] Allison Schrager, “The US Needs to Retire Daylight Savings and Just Have Two Time Zones—One Hour Apart,” *Quartz*, Nov. 1, 2013.

[7] Adams Nager, “Why Is America’s Manufacturing Job Loss Greater Than Other Industrialized Countries?,” *Industry Week*, Aug. 21, 2014.

[8] “How Big Companies Can Beat the Patent Chaos of India,” *Fortune*, June 17, 2013.

[9] Artem Golev et al., “Rare Earths Supply Chains: Current Status, Constraints, and Opportunities,” *Resources Policy* 41 (Sept. 2014): 52–59.

[10] Yogesh Malik, Alex Niemeyer, and Brian Ruwadi, “Building the Supply Chain of the Future,” *McKinsey Quarterly* (Jan. 2011).

[11] John Authers, “US Revival Warrants EM Strategy Rethink,” *Financial Times*, May 16, 2014.

[12] Barry C. Lynn, *End of the Line* (Doubleday, 2005).

ГЛАВА 8

[1] Arnold Toynbee, *A Study of History: Abridgment of Volumes VII–X*. (Oxford University Press, 1957), p. 124.

[2] Samuel P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (Simon & Schuster, 1996), p. 239.

[3] Mariano Turzi, “The Soybean Republic,” *Yale Journal of International Affairs* (Spring/Summer 2011).

ГЛАВА 9

[1] Keith Bradsher, “Hauling New Treasure Along the Silk Road,” *New York Times*, July 20, 2013.

[2] По состоянию на 2015 год в АБИИ насчитывалось 58 членов и еще около двух десятков претендентов в листе ожидания.

[3] “Why China Will Reclaim Siberia,” *The New York Times*, Jan. 13, 2015.

[4] “We must not buy Perrier... We must sell our water abroad,” *Water Politics*, Oct. 28, 2010.

[5] “The Round World and the Winning of the Peace,” *Foreign Affairs*, July 1943.

[6] См. Gi-Wook Shin, David Straub, and Joyce Lee, “Tailored Engagement: Toward an Effective Inter-Korean Relations Policy” (Shorenstein Asia-Pacific Research Center, Stanford University, Sept. 2014).

[7] Kristopher Rawls, quoted in, “Why China Wants North Korea’s Rare Earth Minerals,” CNBC.com, Feb. 21, 2014.

[8] Речь, произнесенная в парламенте Южной Африки 3 февраля 1960 года.

ГЛАВА 10

[1] Письма королю Карлосу V, цитируется по Frank Jacobs, “The First Google Maps War,” *The New York Times*, Feb. 28, 2012.

[2] A. M. Mahan, *The Interest of America in Sea Power, Present and Future* (Tredition Classics, 2011).

[3] Brian Spegele and Wayne Ma, “For China Boss, Deep-Water Rigs Are a ‘Strategic Weapon,’” *Wall Street Journal*, Aug. 29, 2012.

[4] Vince Beiser, “The Deadly Global War for Sand,” *Wired*, Apr. 2015.

[5] Joshua Comaroff, “Built on Sand: Singapore and the New State of Risk,” *Harvard Design Magazine*, no. 39 (2014).

[6] Цит. по С.М. Turnbull, *A History of Modern Singapore, 1819–2005* (National University Press, 2009), p. 38.

[7] Thalif Deen, “China: ‘Pakistan is our Israel,’” *Al Jazeera*, October 28, 2010.

[8] Katherine Burton, “John Paulson calls Puerto Rico Singapore of Caribbean,” *Bloomberg*, Apr. 25, 2014.

[9] Интервью с автором в Киркенесе (Норвегия) 24 октября 2014 года.

[10] Jeremy S. Pal and Elfatih A.B. Eitahir, “Future Temperature in Southwest Asia Projected to Exceed a Threshold for Human Adaptability,” *Nature Climate Change*, Oct. 26, 2015.

ГЛАВА 11

[1] McKinsey Global Institute, *Global Flows in a Digital Age*, 2014.

[2] Финансовые операции правящей семьи в Дубае дали повод для обвинений в непрозрачности. В частности, государственные инвестиционные фонды и национальные банки были крупнейшими акционерами и кредиторами девелоперских компаний, поэтому до кризиса иностранные инвесторы считали их государственными компаниями, обеспечиваемыми поддержкой богатого нефтью эмирата Абу-Даби. Но когда в 2009 году конгломерат Dubai World попросил об отсрочке выплаты процентов, иностранцы внезапно обнаружили, что вести переговоры следует с частными компаниями, причем там, где директорские посты занимали члены королевской фамилии или люди, имеющие тесные связи с судебной системой, предлагалось существенное улучшение условий сделки.

[3] R. Koolhaas, O. Bouman, and M. Wigley, eds., “Last Chance,” in *Al Manakh* (Columbia University Press, 2007), pp. 194–203.

[4] Conversation at the Global Art Forum, Dubai Art Festival, Mar. 22, 2012.

[5] Daniel Brook, *A History of Future Cities* (W. W. Norton, 2014).

[6] Речь на форуме Cityquest КАЕС 15 ноября 2013 года.

[7] Gabriel Kuris, “Remaking a Neglected Megacity: A Civic Transformation in Lagos State, 1999–2012” (Princeton Project on Innovations for Successful Societies, July 2014).

ГЛАВА 12

[1] National Intelligence Council, *Global Trends 2030 Alternative Worlds*, National Intelligence Council, 2012, p. 135.

[2] Всемирный банк выделяет 19 различных терминов для обозначения таких зон: «свободная торговая зона», «зона внешней торговли», «свободная промышленная зона», «свободная зона», «макиладорас», «свободная экспортная зона», «беспошлинная зона экспортной переработки», «специальная экономическая зона», «безналоговая зона», «зона стимулирования инвестиций», «свободная

экономическая зона», «свободная экспортная зона», «свободная зона экспортной переработки», «привилегированная экспортная зона», «промышленная зона экспортной переработки» и так далее. Некоторые источники приводят до 66 таких терминов.

[3] World Bank, “Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions” (World Bank, 2011).

[4] John D. Kasarda and Greg Lindsay, *Aerotropolis: The Way We’ll Live Next* (Farrar, Straus and Giroux, 2011).

[5] Rosa Brooks, “Failed States, or the State as Failure?,” *University of Chicago Law Review* (Fall 2005).

[6] Andrew Tangel, “Report Connects Jobs, Transportation Web,” *Wall Street Journal*, Jan. 2, 2015.

[7] Интервью с автором, 11 июля 2013 года.

[8] Эти гибридные режимы не похожи ни на международную систему управления странами, оккупированных после Второй мировой войны, как Германия или Япония, ни на «неформальные империи», через которые проявлялось влияние СССР на внешнюю и внутреннюю политику стран — членов Варшавского договора, или на более поздние постконфликтные административные власти, созданные на территории Боснии, Восточного Тимора и Ирака. Гибридные режимы больше заинтересованы в контроле производства, чем территории. Они предпочитают коммерческие рычаги, такие как договоры о защите прав инвесторов и операционном контроле СЭЗ. По мнению Ойсина Танси, гибридные режимы возникают в результате перманентного международного давления, оказываемого внешними игроками для навязывания своей политической повестки дня, ветирования неудобных и проталкивания удобных законов, обхода ограничительных мер и влияния на выборы политических лидеров. См. Oisín Tansey, “Internationalized Regimes: A Second Dimension of Regime Hybridity,” *Democratization* 20, no. 7 (2013).

ГЛАВА 13

[1] Иностранные фармацевтические компании также играют решающую роль в очистке китайских цепей поставок лекарств. Например, ведущая американская компания-дистрибьютор медикаментов Cardinal Health скупила в Китае множество небольших аптек и фармацевтических компаний, чтобы избежать стороннего

вмешательства и обеспечить надежную доставку лекарств от рака и других необходимых медикаментов.

[2] Организация Объединенных Наций — лидер в обсуждении таких вопросов, как «человеческая безопасность», ставящих во главу угла при рассмотрении конфликтов безопасность людей, а не государства, а также «устойчивая урбанизация», остающаяся наиболее убедительным ответом на быструю индустриализацию и потребление ресурсов. Но у ООН недостаточно полномочий для реализации этих концепций при отсутствии государственно-частных партнерств (ГЧП) по всей цепи поставок. Несмотря на наличие многих видов ГЧП, ни одно не обеспечивает разработки самореализующихся программ. Тем не менее углубленное исследование, проведенное голландским правительством по вопросам деятельности ГЧП на рынках развивающихся стран, показало, что, хотя их число растет, они не смогут добиться успеха без постоянной помощи общественных организаций, активной законодательной базы в области возмещения затрат и распределения услуг и выбора адекватных партнеров на основе совместимости и способности выполнять свои обязательства.

[3] “The Omnipresent Craft: Graft,” *Straits Times*, Feb. 12, 2014.

[4] Коррупция, политическая нестабильность и пограничные конфликты считаются факторами, в наибольшей степени ослабляющими конкурентоспособность. См. James E. Anderson and Douglas Marcouiller, “Insecurity and the Pattern of Trade: An Empirical Investigation” (NBER working paper 7000, Aug. 2000).

[5] Vivek Sharma, “Give Corruption a Chance,” *National Interest*, Nov. 2013.

[6] Joseph E. Stiglitz, “Inequality Is a Choice,” *The New York Times*, Oct. 13, 2013.

[7] Jeremy Wallace, “Cities, Redistribution, and Authoritarian Regime Survival,” *The Journal of Politics* 75, no. 3 (2013): 632–45. Австралийский эксперт по противоповстанческим действиям Дэвид Килкуллен подчеркивает, что по мере того как мир становится все более перенаселенным и концентрирующимся в прибрежных районах, военные все больше нуждаются в 3D-картах (с высоким разрешением) неформальных поселений.

[8] В последующих томах трилогии Хардта и Негри *Multitude* (Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи.

М. : Культурная революция, 2006) и Commonwealth («Содружество») продолжается интеллектуальная борьба с присвоением собственности в эпоху капитализма и поддерживается более прочное объединение рассредоточенных общин.

[9] По одной из оценок, к 2020 году около двух триллионов долларов средств пенсионных фондов развивающихся стран будут размещены на фондовых рынках других развивающихся стран. См. Jay Pelosky, “Emerging Market Portfolio Globalization: The Next Big Thing” (New America Foundation, World Economic Roundtable policy paper, July 17, 2014).

[10] Martin Neil Baily and Douglas J. Elliott, “The Role of Finance in the Economy: Implications for Structural Reform of the Financial Sector” (Brookings Institution, July 11, 2013).

ГЛАВА 14

[1] Julio Bezerra et al., *The Mobile Revolution: How Mobile Technologies Drive a Trillion-Dollar Impact* (Boston Consulting Group, Jan. 2015).

[2] Neal Stephenson, “Mother Earth, Mother Board,” *Wired*, Apr. 2012.

[3] Mark P. Mills, “The Cloud Begins with Coal: Big Data, Big Networks, Big Infrastructure, and Big Power” (Digital Power Group, 2013).

[4] Forrest Hare, “Borders in Cyberspace: Can Sovereignty Adapt to the Challenges of Cyber-Security?” (George Mason University, 2011).

[5] “The Peer to Peer Manifesto: The Emergence of P2P Civilization and Political Economy,” *Reality Sandwich*, 2008.

[6] Alex Pentland, *Social Physics: How Good Ideas Spread* (Penguin, 2014).

[7] Ricardo Hausmann, Cesar A. Hidalgo, and Sebastian Bustos, *The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity* (MIT Press, 2014).

[8] Carlota Perez, “A New Age of Technological Progress,” *Policy Network*, Aug. 22, 2014, p. 20.

[9] Интервью с автором от 10 октября 2014 года.

[10] Émile Durkheim, *The Rules of the Sociological Method*, trans. by W. D. Halls, *Free Press*, 1982 [1895], Chapter 5.

ГЛАВА 15

[1] European Union, *Erasmus Impact Study* (European Union, Sept. 2014).

- [2] Интервью с автором от 13 января 2014 года.
- [3] Benjamin R. Barber, *If Mayors Ruled the World: Dysfunctional Nations, Rising Cities* (Yale University Press, 2013).
- [4] Tommy Koh, “Seven Habits of a Singaporean,” *Straits Times*, Sept. 11, 2013.
- [5] Интервью газете *Planeta Sustevenal*, октябрь 2007 года.
- [6] Daniel A. Bell and Avner de-Shalit, *The Spirit of Cities: Why the Identity of a City Matters in a Global Age* (Princeton University Press, 2013).
- [7] “Poor but Sexy,” *The Economist*, Sept. 21, 2006.
- [8] Jeffrey Gettleman, “A Catch-22 in Kenya: Western Terrorism Alerts May Fuel Terrorism,” *The New York Times*, Feb. 23, 2015.
- [9] Clemens, “Economics and Emigration.”
- [10] Интервью с автором от 31 октября 2014 года.
- [11] Stephanie Ott, “EU Citizenship for Sale,” [CNN.com](http://www.cnn.com), Dec. 21, 2013.

ГЛАВА 16

[1] Сценарии противодействия прибрежным затоплениям для Нью-Йорка разработаны и находятся в стадии рассмотрения. См. Jeroen C. J. H. Aerts et al., “Evaluating Flood Resilience Strategies for Coastal Megacities,” *Science*, May 2, 2014, 473–75.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] “Our Big Bet for the Future,” 2015 Gates Annual Letter, available at: <http://www.gatesnotes.com/2015-annual-letter>.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

1. Амазия — рабочее название для будущего суперконтинента, который, по мнению ученых, может быть сформирован путем слияния Азии и Северной Америки. *Прим. ред.*

2. Ханна П. Второй мир. М. : Европа, 2010. *Прим. ред.*

3. Ханна П. Как управлять миром. СПб. : Астрель; Neoclassic, 2012. *Прим. ред.*

4. Местонахождение омфала, древнего культового объекта (*байтил* — камень-фетиш), считавшегося пупом земли. *Прим. ред.*

5. Mapitude, StatPlanet и iMapper — это программы для отображения культурной и экономической информации на картах. Проект Google’s Tango — платформа дополненной реальности, превращающая мобильные устройства в трехмерные картографические

инструменты, постоянно сканирующие ближайшее окружение и даже умеющие «видеть» сквозь стены. *Здесь и далее примечание автора, если не указано иное.*

6. Известный издатель географических атласов и производитель GPS-навигаторов. *Прим. ред.*

7. В конечном счете мы сможем отказаться от спутниковой навигации и геолокации в связи с появлением более дешевой и при этом очень точной техники квантового считывания, определяющей местоположение объекта путем измерения влияния магнитного поля Земли на атомы.

8. Если туннель под Беринговым проливом будет построен, то каждый сможет путешествовать из Южной Африки через Ближний Восток и Евразию, Северную Америку и Южную Америку до мыса Горн. Иногда его называют новым Евразийским сухопутным мостом.

9. Аналогично после двадцати лет непрерывных взрывных и буровых работ третий и самый сложный в техническом отношении трансальпийский Готардский туннель в Швейцарии был открыт в 2016 году, что существенно сократило время железнодорожных грузоперевозок между Германией и Италией, как и время движения поездов между Цюрихом и Миланом, а также позволило разгрузить дороги от большегрузных автомобилей и снизить объем углеродных выбросов.

10. В то время как в обеих Америках насчитывается около миллиарда человек, а в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке — около двух миллиардов, в Азиатско-Тихоокеанском регионе проживает 4 миллиарда человек, то есть большая часть населения Земли.

11. Россия построила проволочное ограждение вокруг Южной Осетии после войны с Грузией в 2008 году, а Индия на северо-восточной границе с Мьянмой соорудила 1600-километровый забор, чтобы перекрыть наркотрафик, воспрепятствовать торговле людьми и другой незаконной деятельности. Тунис строит забор на границе с Ливией, чтобы остановить поток мигрантов. То же делает Саудовская Аравия на границе с Йеменом.

12. Кроме того, Смил проводит важное различие между зачастую неизмеримыми ресурсами и резервами, которые представляют собой измеримый и возобновляемый объем ресурсов, перемещаемых по каналам поставок из одного места в другое.

13. Географ Харм де Ближ выделил двенадцать географических регионов со множеством субрегионов в каждом: Европа, Россия, Северная Америка, Центральная Америка, Южная Америка, Черная Африка, Северная Африка, Юго-Западная Азия, Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Австралазия, Тихоокеанские острова.

14. Более полное определение каналов продаж звучит следующим образом: совокупность организаций, людей, технологий, информации и ресурсов, участвующих в процессе перемещения продуктов и услуг от производителей к потребителям. «Глобальные цепи поставок» и «глобальная цепочка создания стоимости» часто используются как взаимозаменяемые, но второй термин иногда применяется для того, чтобы выделить процесс добавления стоимости, который не описывается в обычной терминологии теории спроса и предложения. Некоторые ученые предпочитают говорить о сетях создания стоимости, чтобы подчеркнуть широкий круг их участников и их взаимозависимый и взаимовыгодный характер.

15. В этой книге термины «мир цепей поставок», «мир спроса и предложения», «система спроса и предложения» используются как синонимы.

16. В большинстве источников дата окончания последнего ледникового периода указывается как 11 800 лет назад. *Прим. ред.*

17. Здесь и далее генеральный директор компании. *Прим. ред.*

18. В книге «Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса» (М. : КоЛибри, 2015) Нассим Талеб с помощью принципа выпуклости показывает, что эффект деградации (разрушения) уменьшается в среде мелких структурных единиц, в отличие от одной крупной организации, равной сумме меньших единиц.

19. *Дитон А.* Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. *Прим. ред.*

20. Полностью цитата Хэлфорда Маккиндера, английского географа и геополитика, основателя теории «Хартленда», звучит так: «Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли; тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым островом; тот, кто правит Мировым островом, владеет миром». Понятия «Мировой остров» (the World-Island, то есть Евразия и Африка) и «Срединная земля» (the Heartland — Хартленд, то есть центральная и северная часть Евразии) были введены Маккиндером в 1904 году. *Прим. ред.*

21. Твердые вещества, жидкости и газы испытывают гидравлическое сопротивление, перемещаясь в открытом и закрытом пространстве. В гидродинамике гидравлическое сопротивление принимает форму вязкости, что означает сопротивление материала изменению своей формы.

22. Действительно, норму ионизации воздуха (то есть количество отрицательно заряженных ионов, достаточных для дестабилизации молекулярной структуры воздуха), определяющую траекторию молнии, можно рассчитать только в рамках квантовой механики.

23. С 2000 года объем передаваемой финансовой информации через межбанковскую систему SWIFT стабильно растет более чем на 20 процентов ежегодно, главным образом за счет операций на рынках развивающихся стран.

24. Наукоемкие потоки представлены высокотехнологичными продуктами (например, полупроводниками, компьютерами, программным обеспечением), медицинскими препаратами, автомобилями, продукцией машиностроения и бизнес-услугами (ведение бухгалтерского учета, консультирование по правовым вопросам, инженерное обслуживание), а также иностранными инвестициями, способствующими передаче управленческого опыта и навыков, роялти, платежами за патенты, расходами на деловые поездки, доходами от международного телевидения.

25. В английском языке названия всех пяти категорий начинаются с буквы «с» — countries (страны), cities (города), commonwealths (содружества), communities (сообщества), companies (компании).
Прим. пер.

26. Мегалополис не нужно путать со словом «мегаполис», которым обычно называют любой город-миллионник. Мегалополис — это результат срастания нескольких агломераций, синоним — мегарегион.
Прим. ред.

27. В качестве примеров можно привести Чуанью, который включает Чунцин, Чэнду и еще тринадцать городов провинции Сычуань; мегаполис Столичный регион (также известный как Бохай Рим), включающий Пекин, Тяньцзинь и другие города провинции Хэбэй; дельта реки Янцзы, где расположены Шанхай, Нанкин, Ханчжоу, Сучжоу и другие, население которых составляет около 88 миллионов человек.

28. Многие эксперты рассматривают аэротрополисы как следующий этап развития городов. Слово «аэротрополис» придумал американский профессор Джон Казарда из Университета Северной Каролины, и оно обозначает город, построенный вокруг аэропорта.
Прим. ред.

29. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. СПб. : Мидгард, 2006. *Прим. ред.*

30. Экономический режим страны, предполагающий ее самообеспечение и минимальный торговый оборот с другими странами. По своей сути политика автаркии утопическая и сегодня практически невозможна из-за усиления глобализации. *Прим. ред.*

31. Исследования Института комплексных систем Новой Англии (NECSI) выявили, что поговорка «чем прочнее забор, тем лучше сосед» вполне себя оправдывает: четкие границы между лингвистическими и этническими группами приводят к большей стабильности, чем вынужденное сосуществование. Например, культурные общины в швейцарских кантонах исторически были отделены друг от друга реками, горами и озерами — за исключением кантона Юра, в котором к французским католикам пренебрежительно относились преобладающие по численности немецкие протестанты. Это приводило к периодическим поджогам и не слишком ожесточенным, но регулярным политическим волнениям вплоть до разделения кантона на две части в 1979 году. При этом развитая инфраструктура позволяет сотням тысяч швейцарцев ежедневно ездить в другой кантон на работу. По прогнозам, через несколько десятков лет внутренней гармонизации из более чем двух десятков швейцарских кантонов останется менее десяти.

32. К странам, в которых исторически происходит наибольшее количество террористических актов, относятся Индия, Пакистан, Палестина, Ирак, Нигерия, Йемен и Сомали.

33. Аналогичным образом удалось завершить еще одну гражданскую войну в регионе — на острове Бугенвиль в Папуа — Новой Гвинее. В 1970-х годах на Бугенвиле находился крупнейший в мире медный рудник, принадлежавший Rio Tinto Group и пришедший в запустение за два десятилетия гражданской войны. Лишь в начале XXI века мирные переговоры завершились прекращением огня и предоставлением острову более широкой автономии.

34. Самой спорной остается граница между Сербией и Косово, но недавно было предложено новое решение: Косово облагает налогами импорт, ранее провозившийся контрабандой через населенную сербами северную часть региона, но помещает эти налоговые поступления в специальный фонд развития для тех же сербских муниципалитетов, причем управление фондом поручается министрам финансов обоих регионов и представителю ЕС.

35. Поскольку этот трубопровод обошел территорию Армении, там нет связующей инфраструктуры, способной погасить продолжающийся территориальный конфликт с Азербайджаном.

36. Chunnel от Channel (канал) и tunnel (туннель).

37. Как показал политолог из Йельского университета Брюс Рассетт, больше всего конфликтов происходит в таких регионах, как Ближний Восток и Центральная Азия, где не развита региональная торговля и правят деспотические режимы.

38. Неоригинальное название ВСІМ (Бангладеш, Китай, Индия, Мьянма) представляет собой акроним, позволяющий избежать созвучия с названием межконтинентальной баллистической ракеты (ICBM).

39. Два вида внедряемых инноваций Toyota — упрощение и уменьшение количества комплектующих и ускорение сборки за счет внедрения системы «точно вовремя» — открыли новую эру бережливого управления в глобальных цепях поставок. Но после землетрясения на Тайване в 1999 году и цунами в Японии в 2011-м компании научились не сосредоточивать производство ключевых компонентов в одном месте, поскольку его утрата скажется на всей системе. Японские и тайваньские компании теперь стараются рассредоточить производственные мощности, чтобы в случае стихийных бедствий подключить запасные площади.

40. Китай мог оплатить долю Лаоса, но вместо этого выпустил заем, который должен быть погашен за счет предоставления концессий на добычу полезных ископаемых. Китай также внесет значительную лепту в финансирование и строительство высокоскоростной железнодорожной ветки в Индонезии.

41. Китай также обвиняли в поддержке повстанцев народности коканг, входивших в состав Объединенной армии государства Ва и действовавших вдоль их границы.

42. Южноафриканские порты чрезвычайно перегружены, поскольку 96 процентов товаров страны экспортируют по морю. По этой причине в 2010 году началось строительство глубоководного порта Нгкура на восточном мысе, что положило начало созданию зоны промышленного развития Коэга, куда для работы в модернизированных логистических кластерах было нанято более 25 тысяч сотрудников.

43. Четыре пятых всех гражданских войн после 1970 года происходили в странах, где медианный возраст населения ниже 25 лет, что в точности соответствует демографическому профилю стран арабского мира.

44. В 2015 году Тунис начал строить 120-километровый забор на ливийской границе.

45. Распад страны по национально-конфессиональному признаку в результате гражданской войны, как было в Ливане. *Прим. ред.*

46. Поскольку в Бахрейне суннитское меньшинство управляло шиитским большинством, эта страна единственная из богатых стран Персидского залива столкнулась с массовыми протестами времен «арабской весны» в 2011 году.

47. В 2015 году сообщалось, что более 75 процентов израильского нефтяного импорта идет из Курдистана.

48. Иран лоббирует строительство нового газопровода через Ирак и Сирию к побережью Средиземного моря для поставок газа на европейские рынки. Некоторые называют этот проект «исламским газопроводом» и считают конкурентом планируемому газопроводу «Набукко», который будет транспортировать газ из Азербайджана в Австрию.

49. Термин впервые использован Луисом Брандейсом, судьей Верховного суда США, и означает отмену ограничений и снижение стандартов государственного регулирования в результате межнациональной или межрегиональной конкуренции. *Прим. ред.*

50. Традиционно перед выборами штаты в США делятся на две части: «красные» — преимущественно сторонники Республиканской партии, а «синие» — Демократической. *Прим. ред.*

51. СЭЗ даны полномочия по выполнению многоцелевых функций — погрузки-выгрузки, хранения продуктов на складах и тому подобных, в то время как статус субзоны предоставляется отдельным компаниям.

52. С 2011 года отгрузка нефти из порта Корпуса-Кристи ежегодно удваивалась, достигнув 130 миллионов баррелей в 2013 году. Нефть вывозится на ряд нефтеперерабатывающих заводов, расположенных на побережье Персидского залива, и далее по всему миру.

53. Венчурный инвестор миллиардер Тим Дрейпер обратился с петицией о разделении Калифорнии на шесть штатов, чтобы, с одной стороны, увеличить представительство региона в Вашингтоне, а с другой — снизить нагрузку на Кремниевую долину.

54. Хиллари Клинтон называла это «гибким федерализмом», который усиливает и соединяет общины.

55. Имеются в виду беспорядки, начавшиеся в городе после того, как белокожий полицейский застрелил безоружного чернокожего парня.
Прим. ред.

56. Китайские инвестиции в размере примерно 22 миллиардов долларов в год до сих пор составляют около половины общей суммы инвестиций по программе EB-5. Как и китайцы, инвесторы из Мексики, Нигерии, Франции и Кореи вложили по миллиону долларов каждый в застройщика из Хьюстона, чтобы тот построил для них роскошный кондоминиум, строительство которого создаст около тысячи рабочих мест.

57. Хотя политика «одна семья — один ребенок» официально отменена в 2015 году, китайские семьи выстраивались в очередь и платили 120 тысяч долларов, чтобы суррогатные матери из Калифорнии выносили им ребенка.

58. Это почти вдвое превышает численность китайцев, участвующих в аналогичных программах Австралии, Британии и США вместе взятых.

59. Беженцы из Юго-Восточной Азии, приплывшие на лодках.
Прим. ред.

60. Город-аналог Форта Мак-Мюррей в Южном полушарии — Ринкон де Лос Саусес, расположенный неподалеку от гигантского сланцевого месторождения Вака Муэрта, принадлежащего Аргентине, тоже постепенно преобразуется в глобальный газовый узел с соответствующим ростом населения и потребления спиртных напитков.

61. В то время как заявка Китайской национальной шельфовой нефтяной корпорации (CNOOC) на приобретение компании Unocal в 2005 году была отклонена из-за поднявшегося шума по поводу угрозы

национальной безопасности, заявка этой же компании на приобретение пакета акций стоимостью 2,2 миллиарда долларов Chesapeake Energy в 2010 году не встретила никакого сопротивления, как и приобретение пакета акций в 15,1 миллиарда канадской компании Nexen.

62. Насчитывается 25 пар североамериканских городов, объем двусторонней торговли которых превышает 1 миллиард долларов. На торговлю между крупными американскими и канадскими/мексиканскими мегаполисами приходится 58 процентов от общего объема торговли между тремя странами, составляющего 885 миллиардов долларов. См. See Brookings's Metro Monitor 2013.

63. Гренландия уже привлекла внимание ведущих инвесторов из отдаленных стран, как специалистов по добыче минеральных ресурсов (Австралия), так и их основных потребителей (Китай), и начала выдавать лицензии на разведку нефти и газа на территории, расположенной между самим островом и Баффиновой Землей, принадлежащей Канаде. Европейские проектные компании исследовали возможность буксировки айсбергов от берегов Гренландии для удовлетворения потребностей Африки в пресной воде.

64. Эти континентальные супердержавы воюют за территории, зажатые между ними, судьбу которых я проследил в книге *The Second World: Empires and Influence in the New Global Order* («Второй мир: империи и влияние в новом глобальном миропорядке»).

65. Дискуссия на тему, может ли Китай сам присоединиться к Тихоокеанскому партнерству, если согласится придерживаться стандартов защиты интеллектуальной собственности и отмены преференций для государственных предприятий, продолжается. В то же время после отмены требований к подтверждению происхождения товара Китай может просто инвестировать в минимально необходимый объем продукции на территории члена Тихоокеанского партнерства и все равно иметь право на свободный от пошлин экспорт на территорию стран — членов соглашения, включая США.

66. Государственный визит Си Цзиньпина в Великобританию в 2015 году был назван основой для «глобального всестороннего стратегического партнерства», включая 50 миллиардов долларов в двусторонней торговой и инвестиционной деятельности.

67. Во время войны 1962 года Народно-освободительная армия Китая на короткое время оккупировала важный духовный центр,

монастырь Таванг.

68. Эта книга загружена как виджет, с разноцветными ячейками, появляющимися в начале каждой статьи о стране в «Википедии»; так визуализируется конкретная роль, которую та или иная страна играет в глобальном экономическом разделении труда.

69. Американские транснациональные компании создали 11 процентов новых рабочих мест от общего количества за период с 1990 года, а также 19 процентов рабочих мест в частном секторе и выплачивают 25 процентов от общей суммы зарплат в частном секторе. Транснациональные компании генерируют примерно половину экспорта США и приобретают 90 процентов промежуточных товаров, производимых в США. Сфера научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в США на три четверти принадлежит транснациональными компаниями. См. McKinsey Global Institute, *Growth and Competitiveness in the United States: The Role of Its Multinational Corporations* (June 2010).

70. Например, требования бразильского законодательства соблюдать правила происхождения товара мешали нефтяному гиганту Petrobras использовать наиболее прогрессивные технологии, а заодно подорвали репутацию не только компании, но и страны.

71. Даже колебания валютных курсов доллара, евро, юаня и иены взаимно погашают друг друга, стимулируя как экспорт, так и импорт и напоминая о том, что ведущие экономики мира взаимосвязаны так тесно, что им выгоднее регулировать валютный курс, чем пытаться конкурировать с его помощью.

72. Набирающая популярность практика совместного использования вещей и услуг, основанная на идее, что иногда потребителю выгоднее временный доступ к продукту, чем его покупка. Явление получило название *sharing economy* — экономика совместного потребления. *Прим. ред.*

73. Экспортные кредитные агентства (ЕСА) предоставляют компаниям дополнительные конкурентные преимущества за рубежом. ЕСА уже получают гораздо больше финансовых ресурсов, чем международные организации и программы помощи, и во времена повышенной волатильности и обострения конкуренции играют немалую роль в сглаживании циклических колебаний и поддержании компаний на плаву.

74. Китайские компании практикуют выкуп европейских компаний, обладающих ценной интеллектуальной собственностью, чтобы обойти антидемпинговые законы ВТО и отсутствие у экономики Китая статуса рыночной. В соответствии с протоколами ВТО признание китайской экономики рыночной планировалось на декабрь 2016 года.

75. Компании, имеющие общие цепи поставок и одних и тех же поставщиков комплектующих, охотнее делают совместные инвестиции, чтобы предотвратить сбой поставок. Конкурирующие между собой Exxon, Shell и BP сформировали Инновационный альянс разработчиков нефтеносных песков Канады (COSIA), чтобы сообща проводить исследования и использовать инновационные технологии в двух сотнях проектов по разработке методов более чистой добычи нефти.

76. Торговый дефицит США по статье промышленных товаров с 2010 года вырос более чем на 10 процентов.

77. Европа производит 90 процентов всей ветряной электроэнергии, а Китай — большую часть оставшихся 10 процентов.

78. Аналогично в сентябре 2015 года канцлер казначейства Великобритании Джордж Осборн стал первым британским министром, посетившим мятежную китайскую провинцию Синьцзян, населенную преимущественно мусульманами, где лоббировал от имени британских компаний заключение сделок по поставке продуктов в промышленные парки по маршруту нового евразийского Шелкового пути.

79. Coca-Cola лидирует и на рынке Ирана. Ее разливают выкупленное у ирландского подразделения компании совместное предприятие Khoshgozar.

80. Аналогично каждой европейской стране, которая инициирует бойкот, санкции или изъятие активов против Израиля в поддержку Палестины, некий хедж-фонд при строительной компании в Китае немедленно предлагает совместный инвестиционный проект.

81. Хотя Украина потеряла Крым, но продолжает контролировать поставки электроэнергии на полуостров. Серии атак украинцев на линии электропередач в ноябре 2015 года погрузили Крым в темноту.

82. «Северный поток» протянулся от Выборга на берегу Финского залива до Грейфсвальда в Германии, недалеко от границы с Польшей. Nord Stream AG — это российско-немецкое совместное предприятие, зарегистрированное в Швейцарии.

83. Еще это выражение известно как «Один пояс, один путь».

84. Термин «Минеголия» — искаженное название Монголии — подчеркивает зависимость страны от экспорта минеральных ресурсов (англ. Mine — шахта), основным покупателем которых является Китай.
Прим. ред.

85. «Оюу Толгой» — один из крупнейших медных и золотых рудников в мире, расположен всего в 80 километрах к северу от монголо-китайской границы в пустыне Гоби.

86. Крупные государства Азии — Китай, Южная Корея, Япония и Индия (как и американская компания Exxon) — также имеют доли в освоении «Роснефтью» богатых месторождений острова Сахалин. Через два десятилетия энергосети Восточной Азии будут не менее плотными, чем в Восточной Европе.

87. Кроме того, чем активнее Китай развивает внутреннюю энергосеть на основе собственных месторождений газа, тем меньше угля он будет сжигать, что делает данное соглашение экологически чистым.

88. Бывшие советские республики в Средней Азии получили бы большую выгоду от строительства ирригационных сооружений на их высохших и выжженных солнцем землях, таких как Аральское море на границе Казахстана и Узбекистана.

89. Интенсивная эксплуатация рек для нужд сельского хозяйства и промышленности иссушила по меньшей мере половину из 50 тысяч рек Китая, в то время как вторая половина подверглась загрязнению. Сегодня в Китае на душу населения приходится в пять раз меньше пресной воды, чем в среднем в мире.

90. Китай также приобретает большие пакеты акций российских заводов минеральных удобрений, например, УралКалия (крупнейший в мире производитель поташа), чтобы заставить их снизить цены. Начали появляться даже совместные сингапурско-российские предприятия, чтобы совместными усилиями расширять мощности по переработке сельскохозяйственных продуктов в России.

91. В качестве примера можно привести попавший в «черный список» иранский конгломерат Khatam al-Anbiya («Море пророчеств»), принадлежащий Корпусу стражей исламской революции, который контролирует нефтедобычу, автомагистрали и порты и имеет контракты с иранским правительством на сумму более 50 миллиардов долларов,

в том числе в отраслях нефтепереработки, нефтехимии и транспортировки газа с месторождения Южный Парс.

92. Выдвигалась даже идея превратить часть демилитаризованной зоны в парк, учитывая его уникальную флору, которая преобразилась за десятилетия минимального вмешательства человека.

93. Португалия, первая действительно глобальная колониальная империя, захватила свою первую колонию (мусульманский город Сеута в Северной Африке) в 1514 году и отдала последнюю колонию Макао Китаю в 1999-м.

94. Название столицы Порт-оф-Спейн напоминает о колониальном прошлом страны, хотя она несколько раз переходила из рук в руки в период между прибытием Христофора Колумба в 1498 году и обретением независимости от Британии в 1962-м.

95. Голландия также непродолжительное время удерживала некоторые части Бразилии, Южной Африки и Индии. В Индонезии голландцы построили все крупнейшие города страны, включая Джакарту и Бандунг, и более 75 тысяч километров дорог, связавших их с портами и прочими объектами.

96. НОАК называет это «стратегией капусты», когда строятся объекты инфраструктуры на спорных островах, затем окружаются рядами рыбацких лодок, судов береговой охраны и боевых кораблей. В итоге «остров оказывается в многослойной обертке, как кочан капусты». В США она известна как «стратегия или принцип салями».

97. Chevron и Total также активно разрабатывают газовые ресурсы в китайском бассейне Сычуань и на побережье Мьянмы отчасти из-за запрета правительств европейских стран на добычу сланцевого газа на своей территории.

98. В то же время растущий объем поставок сжиженного газа из США в сочетании с расширением Панамского канала сократит маршрут доставки СПГ из Луизианы в Азию наполовину.

99. Triple-E означает эффективность, экономичность и охрану окружающей среды. Контейнеровоз идет с невысокой скоростью, утилизирует отходящее тепло для генерации дополнительной энергии и выбрасывает в окружающую среду вдвое меньше углекислого газа в расчете на один контейнер, чем другие грузовые суда; 98 процентов стального корпуса весом 60 тысяч тонн поддаются повторной переработке, а 95 процентов его комплектующих имеют паспорт «от

потребителя к потребителю», позволяющий проследить их жизненный цикл.

100. Конкуренция за использование географического положения Бангладеш и ее доступ в Юго-Восточную Азию — одна из причин, по которым в 2015 году индийский премьер-министр Моди урегулировал многолетние пограничные споры с этой страной путем обмена земельными участками, что позволило Индии предпринять попытки перехватить контракт на строительство порта Сонадия у Китая.

101. В 2006 году Китай практически не импортировал мясо, а в 2018-м будет ввозить около 500 тысяч тонн.

102. Однако в 2015 году Россия и Китай провели первые совместные военно-морские учения в Северном Ледовитом океане.

103. Советская инфраструктура в Арктике настолько обветшала, что продовольствие из Африки иногда доставлялось на атомных подводных лодках с мешками картошки вместо торпед.

104. Дискуссионный клуб Баренц-региона на актуальные культурные и политические темы. *Прим. ред.*

105. Первая выемка семян из Всемирного семеновохранилища сделана в 2015 году из-за сочетания засухи и гражданской войны в Сирии.

106. Аналогично дубайская компания Buroj Property Development подписала контракт на строительство «туристического центра» недалеко от столицы Боснии Сараево на сумму около 4 миллиардов долларов.

107. В настоящее время натурализация иностранцев неарабского происхождения по-прежнему редкое исключение. Известно лишь несколько случаев предоставления вида на жительство после тридцати лет постоянного проживания в стране, да и то только мусульманам, имевшим влиятельных местных покровителей.

108. В КАЕС расположен первый в стране инновационный центр SiNova, а по соседству — Научно-технологический университет имени короля Абдаллы, созданный в сотрудничестве с ведущими западными университетами и специализирующийся в области генной инженерии и экологии — ключевых отраслей постнефтяной и стимулирующей занятость экономики Саудовской Аравии.

109. Ежедневно границу пересекают более трех миллионов человек и почти два миллиона транспортных средств.

110. Предприятия по обработке и сборке поступающих в Мексику из США комплектующих материалов, находящиеся в экспортно-производственных зонах со льготным режимом предпринимательства. Возникли в Мексике в 1960-х годах. Термин происходит от испанского слова «макила» — плата мельнику за помол зерна. *Прим. ред.*

111. В среднем в развивающихся странах, осуществляющих промежуточные этапы создания продукта, удельный вес промышленности в ВВП составляет 30 процентов; если же СЭЗ используются не только в рамках узкой специализации экономики, но и для ее диверсификации, то этот показатель существенно повышается.

112. Hukou — это система разрешений, регулирующих права китайцев на проживание в сельской местности.

113. Рост китайских городов ускорился благодаря дешевым корейским и японским скутерам, производство которых впоследствии было налажено в Китае, что расширило радиус поиска работы. Хотя сегодня Китай всячески старается популяризировать езду на велосипедах, другие города уже извлекли уроки и запрещают скутеры, облагают налогами автомобили, расширяют парк общественного транспорта и создают больше пешеходных зон.

114. США осознали важность инфраструктуры и сформировали межведомственную рабочую группу с участием представителей Совета национальной безопасности и корпорации «Вызовы тысячелетия». Ее цель — разработать механизмы предоставления специальных грантов на развитие инфраструктуры и одновременно контролировать их расходование аналогично частным инвесторам, участвуя в наблюдательных советах и анализируя отчеты перед предоставлением следующего транша. Такие структуры уже занимались онлайн-проектами генерирования возобновляемой энергии в Монголии и Индонезии и строительства дорог на Филиппинах, способных противостоять природным катаклизмам вроде тайфуна Хайян.

115. Термин применил профессор Гуннар Хайнзон в книге «Сыновья и мировое господство», доказывая, что избыток молодежи неизбежно ведет к насилию и разрушению империй. Сейчас в мире насчитывается 67 стран с демографическим приоритетом молодежи (молодежный пузырь). *Прим. ред.*

116. Мидлер П. Плохо сделано в Китае. СПб. : БХВ-Петербург, 2012. *Прим. ред.*

117. Цепи поставок способствуют росту того, что Майкл Портер из Гарварда называет «совместно разделяемой ценностью». Автор книги *Dynamic Supply Chains* Джон Гатторна считает, что саму концепцию цепей поставок следует переименовать в «ценностные сети», поскольку они приносят многочисленные преимущества, например адаптация базовых продуктов к уровню цен на местных рынках; строительство инфраструктуры, способствующей развитию малого бизнеса; обучение и подготовка местных работников. Проект Стэнфордской школы бизнеса «Инновации цепочек ценностей» включает формирование постоянно растущей библиотеки по проблемам социального, экологического и других позитивных последствий изменения в управлении цепей поставок.

118. Как говорит гуру в области управления репутацией Саймон Анхольт, компании сначала соглашаются участвовать в проектах по социальной ответственности бизнеса из циничных побуждений — для поддержания имиджа, — но со временем понимают, что делать добро — верный способ улучшить репутацию. Анхольт называет это «лазейкой для человеческой натуры».

119. Ashoka, новаторский некоммерческий фонд, запустил проект «Гибридная цепочка ценностей» для поддержки предприятий, предоставляющих медицинские услуги и жилье людям с ограниченными гражданскими правами и предлагающих им «полное экономическое гражданство».

120. Новые технологии в добывающей отрасли заставят больше стран оценить и использовать присутствие ИПДО, прежде чем станет слишком поздно. Например, в Rio Tinto работает 60 тысяч человек на шести континентах. Особенно в беднейших районах Индонезии и Папуа — Новой Гвинеи, а также районах проживания аборигенов в Австралии, услуги Rio Tinto являются объектом управления: природные ископаемые — это источник благосостояния. Tinto — стимул развития, но внедрение технологий сокращает потребность в человеческом труде. В настоящее время компания управляет огромным парком автономных поездов и грузовиков на шахтах Западной Австралии, эксплуатирует автоматические установки для бурения, обеспечивающие повышенную точность, и использует альтернативные источники энергии для

некоторых видов техники, чтобы сэкономить на импортном горючем для бурильных площадок. Как в случае с плавающей платформой Prelude компании Shell, потребность в сотрудничестве горнодобывающих компаний с местным сообществом может уменьшиться даже при работе на берегу.

121. Королевский строй во Франции, существовавший с конца XVI — начала XVII века. до революции 1789 года. *Прим. ред.*

122. Согласно отчету Pew Research Center, опубликованному в июле 2015 года, хотя количество бедных в мире сокращается, только 13 процентов мирового населения принадлежат к «среднему классу», то есть живут на 20–30 долларов в день.

123. В число ведущих международных организаций, инвестирующих в глобальные инфраструктурные проекты, входят Всемирный банк, G20, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Новый банк развития БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

124. Согласно исследованиям Федерального управления автомобильных дорог США, в первые сорок лет благодаря системе автомагистралей ежегодно удавалось экономить 38 миллиардов долларов за счет сокращения издержек на перевозки и роста производительности труда, что обеспечило суммарную экономию в 1 триллион долларов. Однако в настоящее время две трети бюджета США на перевозки расходуется не на инвестиции, а на эксплуатацию и обслуживание.

125. Каждый аэропорт, автомагистраль, железная дорога, энергосеть создают рабочие места в смежных отраслях, например: ремонтные работы и техническое обслуживание, продажа и аренда оборудования, розничная торговля и общественное питание, мониторинг энергоснабжения и коммунальных услуг, здравоохранение и образование. См. Strategic Infrastructure: Steps to Prepare and Accelerate Public-Private Partnerships (World Economic Forum, May 2013).

126. Данные об интернет-пользователях, долгое время хранившиеся в цифровых хранилищах, теперь предлагаются к продаже через такие сервисы, как рекламная платформа Atlas от Facebook. Они позволяют рекламодателям отслеживать цифровой след пользователей для размещения рекламы в соответствии с устройством.

127. В мире мобильных телефонов уже больше, чем людей, поскольку многие люди имеют несколько телефонных номеров.

128. Многие подводные интернет-кабели прокладывались вдоль тех же маршрутов, по которым британский флот прокладывал телеграфный кабель в конце XIX века. Телеграф был первой системой коммуникаций, отделенной от транспорта. Редактор по техническим вопросам журнала The Economist Том Стэндинг метко назвал телеграф «интернетом Викторианской эпохи».

129. С 2002 по 2012 год трансграничный интернет-трафик вырос в двадцать раз и ускоряется с каждым годом.

130. Действия Агентства национальной безопасности послужили толчком к развитию новых устройств и услуг для обеспечения зашифрованных коммуникаций, подобных используемым в интрасетях. Например, крупные IT-компании Кремниевой долины сотрудничают с сетевыми центрами обработки данных на основе платформы OpenStack, предоставляющими безопасные облачные сервисы. Швейцарские компании предлагают безопасное хранение баз данных в подземных бункерах; между Сан-Франциско и Лос-Анжелесом прокладываются частные оптоволоконные кабели. Компания Silent Circle предлагает целый спектр защищенного программного обеспечения, такого как операционные системы и приложения, а также закодированной телефонной связи под названием Blackphone. Развитие квантовых вычислений тоже обещает появление не поддающихся взлому кодов и даже ключей кибербезопасности, способных обнаружить прослушивание при помощи сенсоров, выявляющих субатомные гравитационные сигналы.

131. Как заявил The Economist в конце 2014 года, «гиперсвязанность — это новая культурная среда для всех типов человеческого поведения». The Hyperconnected Economy, октябрь 2014 года.

132. Основанный на работе Дюркгейма, анализ социальных сетей исследует взаимосвязи всех видов — коммерческие, политические, транзакционные, личные, — чтобы составить картину новых типов узлов, кластеров, связей и сообществ, возникающих благодаря подключенности.

133. Разработанное в Массачусетском технологическом институте программное обеспечение Immersion позволяет индивидуумам

отобразить свое положение в сети людей, а не на географической карте, в то время как такие компании, как Relationship Science, оценивают реальную ценность человека в сети реального мира на основе виртуальных связей.

134. Всего за три года, с 2011 по 2014-й, число зарубежных друзей в аккаунтах Facebook удвоилось. Более того, по мере роста интернета-пользователей ценность таких услуг, как межъязыковая коммуникация в режиме реального времени (через Google Translate or Microsoft/Skype), будет, согласно закону Меткалфа (полезность сети пропорциональна квадрату численности ее пользователей), только повышаться.

135. Компания, входящая в состав холдинга Alphabet, реализатор проекта по созданию инфраструктуры сети широкополосного доступа к интернету с помощью оптоволоконной связи. *Прим. ред.*

136. Фрилансеры — это самозанятые, независимые, работающие неполный день или по договору работники.

137. Австралия построила целые города из фильтрационных лагерей в Папуа — Новой Гвинее, чтобы полностью предотвратить попытки беженцев въехать в страну. В 2015 году Малайзия, Индонезия и Таиланд попросту оставили лодки с беженцами в Андаманском море на произвол судьбы, даже не пытаясь им чем-то помочь.

138. В 2011 году Кувейт запретил въезд в страну гражданам шести стран: Пакистана, Ирана, Сирии, Йемена, Ирака и Афганистана.

139. Денежные переводы мигрантов помогают их семьям на родине держаться на плаву и удерживают от желания уехать из страны.

140. В настоящее время Бюро таможенного и пограничного контроля США установило пункты контроля в аэропортах таких городов, как Торонто и Абу-Даби, избавляя пассажиров из этих городов от утомительного прохождения контроля в американских аэропортах.

141. К числу стран, объединенных в группу низкорасположенных прибрежных зон с наиболее уязвимыми территориями и населенными пунктами, относятся Египет, Нигерия, Таиланд, Бангладеш, Вьетнам, Нидерланды, Индия, Китай и США.

142. Реки также регулярно демонстрируют бессмысленность политических границ: например, когда Дунай и Меконг широко разливаются по территории всех сопредельных стран, перехлестывая

через дамбы и заливая берега. Ущерб от наводнения на Балканах в 2014 году напомнил многим боснийцам об убийственной югославской гражданской войне, до сих пор вынуждающей соседние страны совместно восстанавливать разрушенное.

143. Desertec, консорциум компаний ЖКХ, планирующий использовать солнечную энергию в Северной Африке для обеспечения арабских стран и Европы, одним из первых предпринял попытку передачи солнечной энергии на большие расстояния — через Средиземное море.

144. Коренные народы Канады выступают против строительства трубопровода Enbridge's Northern Gateway до Тихого океана, поскольку он нарушит их традиционные пути миграции с юга на север и обратно, а также модели коммуникации.

145. Фонд Рокфеллера создал консорциум под названием Global Resilience Partnership, который использует спутниковый мониторинг и большие данные для выявления нехватки природных ресурсов в уязвимых регионах — будь то мегаполисы или изолированные сельские общины — и разработки методов сбережения продовольствия для первых и стимулирования объемов производства для вторых. Благодаря применению технологии производства семян и больших данных о метеорологических явлениях (например, программа FieldScripts, разработанная Climate Corporation, недавно выкупленной компанией Monsanto) резко повысилась урожайность, что увеличило рост фермерских хозяйств с одновременной диверсификацией посевов.

146. Программа мониторинга приполярного биоразнообразия представляет собой объединение ученых, правительства, советов коренных народов и групп защитников природы, которые определили территории охраны биоразнообразия, служащие контрольными точками для оценки влияния человека на Арктический регион. В 2014 году президент Барак Обама учредил новый национальный заповедник «Тихоокеанские отдаленные острова», площадь которого вдвое больше Гренландии, где располагаются глубоководные коралловые рифы, которые США контролируют и защищают от незаконного промысла рыбы; в 2015 году Великобритания объявила территорию в Тихом океане вокруг острова Питкэрн, вдвое превышающую площадь самой Великобритании, охранной морской зоной.

147. *Кристакис Н., Фаулер Дж.* Связанные одной сетью. Как на нас влияют люди, которых мы никогда не видели. М. : Юнайтед Пресс, 2014. *Прим. ред.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог

Примечания к картам

ЧАСТЬ I

СВЯЗАННОСТЬ — ЭТО СУДЬБА

ГЛАВА 1. От границ к мостам

Путешествие вокруг света

Всеохватывающие мосты

Увидеть — значит поверить

ГЛАВА 2. Новые карты для нового мира

От глобализации к гиперглобализации

Мера вещей

Новая легенда карты

ЧАСТЬ II

НЕОТВРАТИМОСТЬ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

ГЛАВА 3. Великая децентрализация

Пусть племена победят

Отдаляться во имя сближения

От национальных государств к федерациям

ГЛАВА 4. От децентрализации к объединению

Геополитическая диалектика

Новый Великий колесный путь в Рах Indica

От сферы влияния до Рах ASEANA

От «борьбы за Африку» к Рах Africana

От соглашения Сайкса — Пико к Рах Arabia

ГЛАВА 5. «Явное предначертание» наших дней

Соединенные Штаты, или Трагедия общин

Децентрализация — взгляд изнутри

Тихоокеанские потоки

Нефть и вода через самую длинную границу в мире

Североамериканский союз

ЧАСТЬ III

КОНКУРЕНТНАЯ СВЯЗАННОСТЬ

ГЛАВА 6. Третья мировая война — или перетягивание каната?

Античные метафоры для эпохи постмодернизма

Был ли прав Оруэлл?

Затишье перед бурей?

Война другими средствами

ГЛАВА 7. Великая война цепей поставок

Торговля атомами и биткоинами

Горизонталь + вертикаль = диагональ

Генофонд и центры хранения данных о продовольствии

Вернуться домой для того, чтобы продавать дома

Продольный мир?

ГЛАВА 8. Инфраструктурные альянсы

Выбор правильной глобальной стратегии

Постидеологические альянсы

От санкций к связям

Опасайтесь мостов дружбы

Нефть гуще крови

ГЛАВА 9. Новый железный век

Железные шелковые пути в сердце цивилизации

Мечь хана Хубилая: русско-китайская борьба за Сибирь

Иран: восстановление Шелкового пути

Северная Корея: «Железный шелковый путь» в стране-изгое

Цепь поставок наносит ответный удар

ГЛАВА 10. «Классики» через океаны

Империя анклавов

«Мобильный суверенитет»

Суверены моря

Как избежать «Малаккской ловушки»

Морской Шелковый путь

Города Атлантики

Столица Арктики

ЧАСТЬ IV

ОТ НАЦИЙ К ХАБАМ

ГЛАВА 11. Постройте это, и они придут

Дубай — дом мира
Первый порт захода судна
ГЛАВА 12. Попасть на карту
Города из ниоткуда
От эксклавов к анклавам
Гигантские СЭЗ Китая
Генеральное планирование для мегаполисов
Строительство города как строительство страны
Переход к гибриднему управлению
ГЛАВА 13. Цепи поставок как спасение
Кто управляет цепями поставок?
Вне закона?
Двигаться или не двигаться?
Глобальное восстание бедняков
Потратите сейчас — получите потом
Финансовые цепи поставок
ЧАСТЬ V

К ГЛОБАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

ГЛАВА 14. Киберцивилизация и ее проблемы

Невидимая инфраструктура

Огороженные сады и колдобины на информационной
супермагистрале

Цифровая идентификация личности

Распространение блага подключенности

Глобальная цифровая рабочая сила

ГЛАВА 15. Великое смешение народов

Смешанная цивилизация

Глобальные паспорта

Граждане мира

Заработок на гражданстве

ГЛАВА 16. Природа сильнее нас

Уход из прибрежных районов?

Можно ли договориться с природой?

Местоположение, местоположение, местоположение...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. От связанности к устойчивости

Новый моральный ориентир

Самостоятельно функционирующие сети

Построение мира без границ

Рекомендованные сайты и инструменты для

картографирования

Благодарности

Библиография

Источники иллюстраций

Об авторе

Вклейка

Примечания